

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ СТРАН

ГЕНРИ В. МОРТОН

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО БИБЛЕЙСКИМ МЕСТАМ

Annotation

Иерусалим и места, по которым пролегал земной путь Иисуса Христа, безусловно, относятся к уникальным святыням христианского мира, почитание которых не ведает территориальных границ и национальных и языковых барьеров.

Известный лондонский журналист Генри В. Мортон прибыл в Святую Землю как турист в середине XX века, но маршрут его поездки по Палестине и соседним территориям значительно отличался от того, который доступен и широко распространен сегодня; поэтому ему удалось увидеть и описать многое из того, что волей обстоятельств упускают современные туристы. Свидетельства Мортонна тем более ценны, что в наши дни многие места, в которых он побывал, либо вообще закрыты для туристов, либо визит к ним сопряжен со значительными затруднениями. Ему довелось свободно бродить по Иерусалиму и участвовать в коптских религиозных церемониях, пересекать Ливийскую пустыню и воочию любоваться ливанскими кедрами, без помех добраться до затерянного в горах легендарного города-призрака Петры и спуститься в подземелья собора Святого Петра.

Путешествие Генри Мортонна по библейским местам, совершенное с Библией в руках, началось в Иерусалиме и завершилось в Риме. Тем самым Мортон как бы повторил путь, по которому христианство пришло в Европу, — и этим путем он приглашает проследовать читателей.

Приятного путешествия по библейским местам!

-
- [СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ](#)
 - [К. Королев. Святая земля: прошлое и настоящее](#)

- [ПО СТОПАМ ГОСПОДА](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [ПО БИБЛЕЙСКИМ МЕСТАМ](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Указатель библейских цитат](#)
 - [По стопам Господа](#)
 - [По библейским местам](#)
- [Карты](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
-

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ
Путешествие по библейским
местам

К. Королев. Святая земля: прошлое и настоящее

В каждой стране и в каждой местности земного шара есть свои святыни — места, наделенные сакральным статусом в глазах местных жителей. Число таких священных мест, если считать совокупно, очень и очень велико, и свой особый статус они хранят локально: за пределами конкретной территории их святость в лучшем случае признается культурным феноменом. Но есть и такие святыни, почитание которых распространено весьма широко, не ведает территориальных границ и национальных и языковых барьеров; эти святыни по определению немногочисленны, уникальны в своей почитаемости. Для современных «друидов» и кельтофилов вообще такой святыней, например, является Стоунхендж, для буддистов — дерево Бодхи, под которым достиг просветления Сиддхартха Гаутама, для мусульман — Мекка и Кааба, а для христианского мира — безусловно, Иерусалим и все те места, по которым пролегал земной путь Иисуса Христа.

На протяжении многих столетий в Палестину, тогда еще не разделенную территориальными притязаниями, политическим противостоянием и военными операциями, сотнями и тысячами стекались паломники, желавшие собственными глазами увидеть гроб Господень и Масличную гору, Гефсиманский сад и Голгофу, пройти по Виа Долороза, повторяя Крестный путь, и спуститься в пещеру в Вифлееме, взглянуть на Галилейское озеро (оно же — «море») и побывать в Кане Галилейской, где когда-то совершилось чудо претворения воды в вино. С началом массового туризма («гран-туры» европейских аристократов и т. д.) к

паломникам присоединились туристы, движимые тем же самым желанием. Многие из них по возвращении на родину публиковали свои путевые заметки и записки, среди которых встречались истинные жемчужины словесности — к каковым, несомненно, принадлежит и книга Генри Воллама Мортонна.

Известный лондонский журналист, прославившийся репортажами о раскопках гробницы Тутанхамона, Мортон много путешествовал по миру и из каждой поездки возвращался с материалами и наблюдениями, ложившимися в основу новой книги. Репортерская наблюдательность (по выражению современного биографа Мортонна, «он всегда был готов удивляться, а его интерес к происходящему вокруг никогда не ослабевал») вкупе с культурным багажом, полученным благодаря безупречному классическому образованию, отменным чувством стиля и отточенным слогом — вот те особенности произведений Мортонна, которые принесли им заслуженную популярность у читателей и сделали их автора признанным классиком *travel writing* — литературы о путешествиях.

В Святую Землю Мортон прибыл как турист, но маршрут его поездки по Палестине и соседним территориям значительно отличался от того, который доступен и широко распространен сегодня; поэтому ему удалось увидеть и описать многое из того, что волей обстоятельств упускают современные туристы. Вдобавок свидетельства Мортонна тем более ценны, что в наши дни многие места, в которых он побывал, либо вообще закрыты для туристов, либо визит к ним сопряжен со значительными затруднениями. Но Генри Мортонна принимали почти по-царски — будь то в Палестине или в Сирии, в Ливане или в Иордании, в Египте или в Риме, — и потому он имел возможность свободно бродить по Иерусалиму и участвовать в коптских религиозных церемониях, пересекать Ливийскую пустыню и воочию

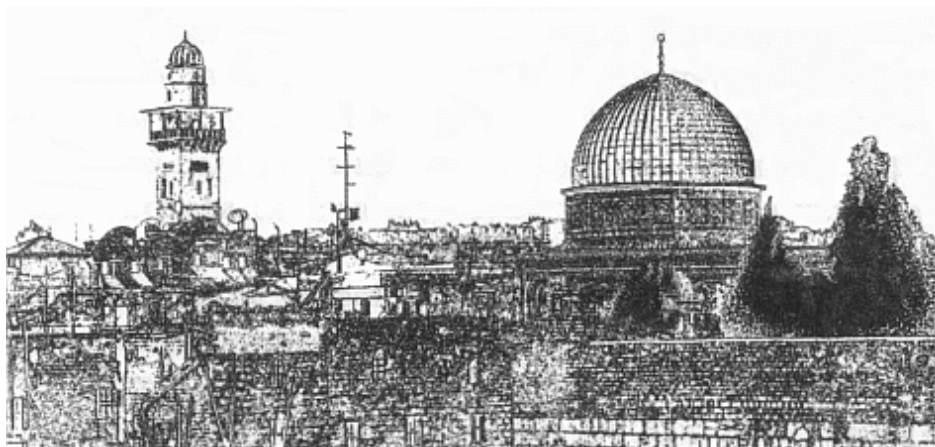
любоваться ливанскими кедрами, без помех добраться до затерянного в песках легендарного города-призрака Петры и спуститься в подземелья собора Святого Петра.

Путешествие Генри Мортонa по библейским местам, совершенное с Библией в руках (по замечанию биографа, «когда появляется возможность оживить знакомые с детства слова, ничто не сравнится с тем фактом, что читаешь библейский рассказ на том самом месте, где и произошли описываемые события, где ты сейчас стоишь — или, вероятнее всего, преклоняешь колени»), — это путешествие началось в Иерусалиме и завершилось в Риме. Тем самым Мортон как бы повторил путь, по которому христианство пришло в Европу, — и этим путем он приглашает проследовать читателей.

Приятного путешествия по библейским местам!

К. Королев

ПО СТОПАМ ГОСПОДА

Введение

История, которую я рассказываю в этой книге, очень проста. Она повествует о приключениях одного человека, пришедшего в Святую Землю, чтобы увидеть места, связанные с жизнью Христа, и узнать, могут ли историк и археолог пролить новый свет на мир, описанный в евангелиях.

Любознательные паломники проделывают этот путь с византийских времен до наших дней, а поскольку паломническая карта Святой Земли не меняется, путешествие остается тем же, что и в Средние века. Мысли, возникающие в сознании паломника при виде Елеонской горы или Гефсиманского сада, конечно же, обусловленные умственным климатом эпохи, в своей основе сохраняются теми же, что были прежде. И пока существуют Вифлеем, Иерусалим, Назарет и Галилейское море, история, рассказанная в этой книге, не устареет, какие бы территориальные или политические перемены ни произошли в пространстве «от Дана до Вирсавии»¹.

С тех пор, как я прибыл в Святую Землю, чтобы написать эту книгу, произошли значительные перемены; но они не потребовали поправок в тексте. Палестина, точнее говоря, часть ее, сегодня стала еврейской республикой Израиль, маленьким государством, строящим свою судьбу в опасном и полном угроз мире.

Было бы интересно дать краткий обзор перемен, происшедших в наше время в Палестине, особенно поразительных на фоне инерции предшествовавших веков. К началу XX в. Палестина и Сирия полностью находились под мусульманским правлением, установившимся в 634 году и прерывавшимся лишь на короткий период в 88 лет (1099-1187) в период

крестовых походов. Халифы и султаны на протяжении веков сменяли друг друга, кульминацией стало пятисотлетнее турецкое господство в регионе. Когда в 1914 году разразилась Первая мировая война, Палестина все еще была погружена в состояние живописной летаргии Османской империи.

В 1914 году союзники надеялись, что Турция сохранит нейтралитет: за это Британия, Франция и даже ее старый враг Россия гарантировали Турции полную сохранность владений. Это предложение сэра Уинстон Черчилль описал в своей книге «Мировой кризис» как «наиболее выгодное предложение, когда-либо в истории сделанное любому правительству». Несмотря на это, Турция присоединилась к Германии и ввязалась в войну, закончившуюся развалом уже умиравшей империи и упразднением султаната.

Британские силы вторглись в Палестину, корпус возглавлял фельдмаршал лорд Алленби, а тем временем столь романтичный персонаж, как Лоуренс Аравийский, организовывал арабское восстание на флангах. Турки были изгнаны из Палестины после битвы на равнине Армагеддон (Мегиддо), и в декабре 1917 года лорд Алленби пешком, во главе своего штаба, вошел в Старый город Иерусалима — первый христианский завоеватель со времен крестоносцев.

На смену военному командованию пришло 25-летнее британское управление по мандату Лиги наций. Когда я прибыл в Палестину, чтобы написать данную книгу, эта администрация действовала уже десять лет, и представленная на страницах Палестина с ее чередой британских верховных комиссаров, занимавших Дом правительства в Иерусалиме (невольно вызывая ассоциации с Понтием Пилатом), полицейскими, которых обучали британские специалисты, британскими войсками, британскими законодателями и строителями дорог, переживала важную эпоху в истории Святой

Земли. Страна пробуждалась от административного сна, длившегося столетиями, и нет сомнения, что еврейское государство Израиль больше обязано администраторам тех лет, чем, вероятно, само оно хочет признавать.

Период мандатного правления был жестоким и тягостным. Взяв на себя обязательства соблюдать декларацию Балфура, утверждавшую, что Великобритания «наблюдает за соблюдением интересов» национального дома для евреев в Палестине и в то же время охраняет территориальные права и национальные устремления арабов, Британия оказалась перед труднейшей дилеммой, не удовлетворяя ни одну из сторон и не находя пути избежать нарушения интересов либо евреев, либо арабов — при том, что американское мнение откровенно склонялось на сторону сионистов.

Происхождение декларации Балфура, согласно которой в Палестине были приняты сотни тысяч еврейских иммигрантов, заслуживает особого упоминания. Ллойд Джордж в «Военных мемуарах» (том 2) рассказывает, что когда он в 1916 году был министром военного снабжения, британские поставки кордита (бездымного пороха) оказались под угрозой из-за трудностей в доставке из США достаточного объема древесины, необходимой для производства древесного спирта, служившего в то время сырьем для производства кордита. Ему посоветовали обратиться за консультацией к блестящему, но тогда не слишком известному профессору химии из университета Манчестера доктору Хаиму Вейцману, который позднее стал первым президентом Израиля и умер в 1952 году.

Ллойд Джордж обрисовал доктору Вейцману проблему, и тот пообещал работать днем и ночью и найти новый способ получения древесного спирта. Несколько недель спустя он заявил: «Проблема решена». После исследования микрофлоры, живущей на кукурузе

и других злаках, а также находящейся в почве, он сумел выделить органическое вещество, способное трансформировать крахмал, получаемый из злаков, в смесь ацетона, бутана и спирта. Таким образом, снабжение британских войск кордитом было обеспечено.

«Единственное, о чем он [Вейцман] по-настоящему заботился, был сионизм, — писал Ллойд Джордж. — Он был убежден, что только в победе союзников заключается надежда его народа... Когда наши трудности были преодолены благодаря гению доктора Вейцмана, я сказал ему: „Вы оказали большую услугу государству, и я хотел бы просить премьер-министра представить вас Его Величеству для выражения нашей признательности“. Он ответил: „Для себя мне ничего не нужно“. — „Но неужели мы ничего не можем сделать, чтобы выразить признательность за вашу ценную помощь стране?“ — спросил я. Он отреагировал: „Да, я хотел бы, чтобы вы сделали кое-что для моего народа“. Затем он объяснил, что его главное устремление — это репатриация евреев в священную землю, которую они сделали столь знаменитой. В этом и состоит источник происхождения широко известной декларации по поводу создания национального дома для евреев в Палестине».

Доктор Вейцман оставался во главе еврейских дел в Палестине на протяжении всего трудного периода мандатного правления, а когда это время закончилось в полночь 14 мая 1948 года, он был избран первым президентом еврейского государства. На следующий день после провозглашения новой республики, арабские силы вторглись в Израиль со стороны Сирии и Ливана на севере, Ирака и Трансиордании — на востоке, Египта — на юге. Новое государство было окружено врагами-мусульманами, и впервые с римской эпохи еврейская армия сражалась в Палестине. Арабо-еврейская война затянулась на много месяцев, пока под покровительством ООН в январе 1949 года не было

заключено перемирие, основанное на четырех отдельных соглашениях о прекращении боевых действий с каждой из противных сторон, которые так и не выкристаллизовались в тот момент в настоящий мир.

Границы Израиля остаются такими, какие удалось установить по четырем соглашениям 1949 года. Во время войны иорданские арабы вторглись в Иерусалим, в котором находятся по сей день, и теперь эта территория официально включена в состав Хашимитского королевства. Это означает, что сам Иерусалим превратился в границу. Старый город принадлежит арабам, а Новый — евреям. В тот момент не было никаких контактов между частями Иерусалима за исключением проходов, находившихся под контролем представителей ООН, которые заняли старый Дом правительства. Столь же непоследовательное и нелогичное разделение наблюдается повсюду. Иерихон и Вифлеем принадлежат арабам, Мертвое море разделено между арабами и евреями, а египтяне оккупируют небольшую полосу прибрежной территории к югу от Газы. Таковы некоторые аномалии израильских границ на текущий момент, но слеп тот, кто скажет, что эта ситуация может быть стабильной^[1].

Соответствующие перемены произошли на северных территориях Сирии, которые до начала Второй мировой войны управлялись Францией по мандату Лиги Наций. После поражения Франции в 1940 году на этих территориях образовались два арабских государства: Сирия со столицей в Дамаске и — на узкой полосе вдоль моря, на сто двадцать миль к северу от Израиля, — Республика Ливан со столицей в Бейруте.

В ходе недавнего визита в Святую Землю я смог сравнить свободу передвижения, которой я наслаждался во время написания данной книги, с ограничениями, введенными теперь на иордано-израильской границе. Молодые люди принимают эту ситуацию как нечто само

собой разумеющееся; другие, и я в том числе, с ностальгией вспоминают легкость путешествий и дружескую атмосферу, существовавшую в той части мира, которая управлялась Британией и Францией. Это было самое лучшее время для посещения Святой Земли, и я надеюсь, на страницах книги вы ощутите, хотя бы отчасти, это настроение.

Я нашел Старый Иерусалим практически не изменившимся, сохранившимся ценой того, что арабы изгнали евреев, и в силу этого у Стены плача всегда пустынно. Также я не мог удержаться от улыбки, когда видел и слышал, что современные муэдзины, поднимаясь на минареты, чтобы призвать верующих к молитве, обязательно пользуются микрофонами и громкоговорителями! Именно таким незаметным образом элементы нового проникают в столь мощный оплот консерватизма.

Поскольку я путешествовал по обе стороны границы, я был поражен новыми церквями, появившимися теперь у всех святынь, благодаря деятельности францисканцев. Эта впечатляющая архитектурная программа находилась на начальной стадии реализации, когда я писал книгу: сейчас она уже почти завершена. Эти церкви являются творением одного человека, преданного своей цели, итальянского архитектора по имени Антонио Барлуцци, который скончался в 1960 году. Они замечательны своей оригинальностью и разнообразием облика, который едва ли можно связать с определенным архитектурным стилем или традицией, так как их источник — исключительно набожность их создателя. Все святые места Барлуцци являются попыткой выражения эмоционального отклика на евангельскую историю. Например, стоит сравнить величественный купол базилики в Гефсиманском саду с веселым рождественским напевом церкви на Поле пастушков в Вифлееме. Тот же контраст можно заметить между

церковью Встречи Марии и Елизаветы в Эйн-Кареме^[2] и базиликой на Фаворской горе; а также между этими двумя церквями, с одной стороны, и церковью Блаженных в Галилее — с другой.

Я уверен, что Барлуцци будет со временем признан гением, хотя, как ни странно, о его работах или о его жизни всееще написано крайне мало. А его история весьма примечательна. Он уже был практикующим архитектором, когда почувствовал призвание стать священником, но исповедник в Риме велел ему отправиться в Палестину и восстановить святилища. Занимаясь этим, он жил как францисканец, среди францисканцев и полностью следовал заповедям и установлениям этого ордена. Его не интересовали ни слава, ни богатство, и как только к нему попадали деньги, он их раздавал. Его единственной целью было осуществление акта благочестия — каковым и была постройка церквей: строительство новой базилики в Назарете, для которой он подготовил план. В 1958 году он узнал, что его чертежи отвергнуты властями. Ночью у него случился сердечный приступ, который привел к церебральной глухоте и обширной эмфиземе легких. Безднажно больной, бедный и старый (ему было уже 74 года), он нашел прибежище у францисканцев в Риме и получил келью в представительстве Святой Земли возле Латерана. Там я видел его за несколько недель до смерти, в 1960 году. Эта встреча оказалась для меня тяжким испытанием. Барлуцци был величественным стариком, высоким, сухощавым и седовласым, но болезни и страдания превратили его в умирающего святого с картин Эль Греко или Риверы. Память его сильно ослабела, он ослеп. Разговор был невозможен; единственное, что мне оставалось, — стоять в изножье его постели и, вспоминая красоту, которую он создал в Святой Земле, удивляться, почему жизнь столь благочестивого христианина должна заканчиваться

таким мученичеством. Вскоре после моего визита францисканец, который приводил меня к Барлуцци, написал мне о его смерти 14 декабря 1960 года.

Каждый, кто посещает Святую Землю, должен знать, где и с какой стороны границы находятся церкви Барлуцци. Вот его главные работы.

На арабских территориях: Латинская капелла Кальвария в храме Гроба Господня в Иерусалиме; Гефсиманская базилика на Елеонской горе; церковь Св. Лазаря в Вифании; часовня Пастухов в Вифлееме; церковь Доброго Пастыря в Иерихоне.

На территории Израиля: церковь Встречи Марии и Елизаветы в Эйн-Кареме; базилика на Фаворской горе; церковь Блаженных в Галилее.

Современный паломник наслаждается привилегией, естественно, недоступной мне во время написания этой книги. Это возможность увидеть свитки Мертвого моря, которые были обнаружены в горных пещерах в районе Мертвого моря в конце 1940-х годов, а теперь выставленные для обозрения в Палестинском археологическом музее в Старом Иерусалиме и в Еврейском университете Нового Иерусалима.

Г. В. М.

Апрель 1962 г.

Глава первая

Иерусалим: в Гефсиманском саду

Описывает путешествие в Святую Землю и впечатления от Иерусалима. Я посещаю Гроб Господень, Елеонскую гору и Гефсиманский сад.

1

Когда начинает заходить солнце, на Египет опускается тишина. Водные каналы, пересекающие поля, приобретают цвет крови, затем становятся ярко-желтыми, постепенно переходя к серебристому тону. Пальмы кажутся вырезанными из черной бумаги и приклеенными к раскаленному небу. Коричневые ястребы, весь день парившие над сахарным тростником и зреющей пшеницей, уже не видны, и одна за другой загораются над песчаными дюнами звезды, замирающие над четко очерченными контурами финиковых пальм.

Именно этот момент навечно остается в памяти как образ Египта, тот момент, когда день уже закончился, а ночь еще не расправила крылья, странное межвременье, в величественном молчании которого сама земля словно слушает послание небес. Умирает яростный день, песок теряет накопленный жар, и предметы занимают все меньше места, лишаясь теней.

В такой тишине я ступил на борт лодки на Суэцком канале. С весел стекала красная вода, но не успели мы еще пересечь узкую полосу, отделявшую от нас Эль-Кантару, как вода стала серебристой, а на морской глади засияло отражение луны. Маленькая станция среди песчаных дюн была тихой и пустынной. Лунный свет отливал на рельсах, тянувшихся к северу через

Синайскую пустыню в Палестину, а вокруг царил зеленоватый сумрак и покой, поднимавшийся вверх, к самым звездам. Кантара по-арабски означает «мост». Задолго до той поры, когда появились первые письменные свидетельства, это место служило перекрестком дорог между Египтом и Палестиной, это была узкая песчаная полоса, по которой караваны могли, не замочив ног, преодолеть расстояние между озерами Мензале и Тимса. Иосиф прошел этим путем, когда его уводили в Египет. По этой дороге Святое Семейство бежало от гнева Ирода.

Минуты превращались в часы, пока я ждал поезд до Иерусалима. Но мне нравилось это ожидание, позволявшее вслушиваться в ночные звуки, отдаленный лай собак в пустыне, резкие и грубые крики верблюдов, устроившихся в лунном свете на станционном дворе, подогнув колени и опустившись на них всем телом. Семь дней в море были забыты. Казалось, каким-то магическим образом я перенесся прямоком из холодного английского января в этот странный зеленый свет на краю пустыни. Было так чудесно стоять в Эль-Кантаре и ждать поезда в Иудею, и я подумал, что когда утрачу эту способность удивляться, надо будет прекратить странствия по миру.

Появившийся поезд долго медлил на станции, словно набираясь храбрости, чтобы отправиться в путь ночью через пески. Затем он покинул Эль-Кантару и двинулся вперед в лунном свете.

2

Солнце еще не взошло. Поезд отстукивал ритм по ровной долине, смутно напоминавшей мне заболоченные равнины Линкольншира. Я чувствовал усталость, глаза и одежда были засыпаны песком, попадавшим сквозь

щели внутрь вагонов, пока мы ночью пересекали пустыню. В некотором отдалении слева можно было различить силуэты песчаных дюн, а за ними мрачноватую, стальную полосу Средиземного моря.

Путешествие на поезде сквозь неизвестную страну в предрассветном сумраке напоминало ночной кошмар. Хотелось остановиться, чтобы осознать реальность полупонятных объектов за окном, убедиться, что передо мной камень, а не человек и наоборот; но поезд неумолимо увлекал дальше, словно во сне, и я оставался инертным, заинтригованным, но не удовлетворенным.

Земля иссушенного цвета выглядела зловещей и мертвой. В ней не было ничего от «прекрасного Востока». Редкие арабы, стоявшие в стороне от дороги, с головами, обмотанными белой тканью, могли показаться выжившими жертвами катастрофы. Они безразлично смотрели на проходящий поезд, сжимая в руках веревки, которыми удерживали грязных и явно недовольных верблюдов, вечно хранивших на лицах то менторское выражение, которое напоминает путешественнику о ворчливой викторианской тетушке. Но встречались и неожиданно волнующие моменты. Когда мы ехали по высокой набережной, словно поднявшись к небу, я заметил группу нагруженных верблюдов, медленно бредущих в предутреннем свете. И в это короткое мгновение, прежде чем поезд прошел дальше, я понял, что ощутил самый дух этого древнего пути: ведь железная дорога в Иерусалим, проложенная войсками Алленби, повторяла вековой маршрут. Она следовала старинному караванному пути из Египта и в Египет, и именно по этой дороге Иосиф был уведен в рабство. Именно по ней первый еврейский финансист Соломон посылал сандаловое дерево и специи на рынки Мемфиса. Эта дорога вела ко всем известным странам того мира: в Дамаск на севере, в пустынный город Петра на востоке, в Египет на юге.

На той же набережной я увидел нескольких арабов, кутавшихся от холода. Сначала я заметил осла, на спине которого сидела женщина с ребенком, а следом шагал мужчина. И тут я снова вспомнил, что именно этой дорогой Иосиф и Мария с Младенцем бежали в Египет.

Мы подъехали к станции, и я с волнением прочитал название «Газа». Мы двинулись дальше, и я увидел на востоке какие-то перемены в обстановке. Белый ослепительный свет разливался по небу. Мне показалось, что нечто приближается к нам с огромной скоростью, словно там была могучая армия, состоявшая из колесниц и всадников. Световые мечи рассекали пространство снизу вверх, поддевая облака и превращая их в розовые и золотые знамена. Затем в воздухе появилось оранжевое свечение, солнце во всеоружии поднималось в небо; оно было теплым, и мертвая земля внезапно ярко и даже яростно ожила. Ослы, стоявшие на каменистых полях, вытягивали шеи и обнажали зубы, приветствуя наступление нового дня, петухи взгромоздились на крыши глинобитных домов, чтобы прокричать свои утренние возгласы, босоногие женщины с коричневыми лицами склонялись над маленькими очагами, дети, обнаженные животы которых блестели на солнце, стояли в тени оливковых деревьев, а из деревень, сгрудившихся вокруг кривых грушевых стволов, пастухи выгоняли стада на пастбища.

В нескольких милях слева засверкали в солнечных лучах песчаные дюны, а в их просветах — голубая линия моря. Я встал и вытянул шею, но ничего не смог разглядеть, хотя знал, что где-то в этих дюнах лежит то, что осталось от Аскалона. «Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона»². «Там раздаются звуки торговли, позвякивание шекелей, которое слышится в самом имени города», — утверждал Джордж Адам Смит, и нет сомнения, что улицы Аскалона были темными

базарами, на которых самый тихий шепот мгновенно разносился повсюду.

И по мере того как я смотрел на ныне бесплодные пески Аскалона, где сегодня уже не звучит ничей шепот, кроме шелеста ветра, дующего со стороны моря, печаль этого края отчасти передавалась мне — печаль земли, которая некогда значила слишком много и которой не дано забыть то, что случилось давным-давно.

Мы остановились в Лидде, где в 303 году, после мученической смерти, был похоронен святой Георгий, определивший судьбы Англии, Португалии и Арагона. А затем половина состава отправилась в Яффу, а другая некоторое время двигалась к югу, потом повернула на восток и принялась карабкаться на горы Иудеи.

Поезд поднимается так медленно, что арабские мальчишки бегут рядом с ним с букетами красных анемонов в руках, предлагая их пассажирам. Горы выжженные и коричневые. Дороги кажутся белыми лентами, вьющимися по холмам. Верблюды, абсурдно большие, мрачно, с очевидной неохотой, тянут крошечные плуги по чахлым полям. Семьи, которые могли бы путешествовать из Второзакония в Книги Царств, бредут вслед за нагруженными поклажей ослами; тут и там живописный патриарх, напоминающий обликом Авраама, склоняется на посох, чтобы взглянуть на проходящий мимо ежедневный поезд.

Пока поезд карабкается все выше, петляя между холмов в направлении горной столицы — Иерусалима, начинаешь ощущать в воздухе нечто суровое и даже жестокое. То же чувство возникает в Испании, когда поезд пересекает Сьерра-Гвадаррама в сторону другой горной столицы — Мадрида. Но Иудея намного суровее любого места в Европе. Это обнаженная, свирепая страна, как хищник, припавшая к залитой солнцем земле, насыщенная дикой жизненной силой, с течением

веков приобретшая мрачность и внешнюю бесстрастность.

Суровость пересохших канав, жестокость бесплодных вершин холмов, страсть растрескавшейся почвы, в которой стремительно прячутся и вновь выныривают ящерицы, мертвенная выжженность безводных долин сосредоточены на этом участке и видны с любой точки. И имя этому материальному воплощению — Иерусалим.

Утомленный поезд остановился на отдых. Я ступил на платформу, над которой красовалась вывеска «Иерусалим» на трех языках: английском, арабском и еврейском. Статья 23 британского мандата на Палестину гласит, что «английский, арабский и еврейский будут официальными языками Палестины. Любое заявление или надпись на арабском на печатях или монетах в Палестине должны повторяться на еврейском, и любое заявление или надпись на еврейском должны повторяться на арабском».

Как только выходишь со станции, сразу замечаешь, что дорожные знаки, объявления, указатели и прочее написаны на трех языках, и осознаешь, что история причудливым образом повторяется. В имперских архивах Древнего Рима, должно быть, хранился указ, аналогичный статье 23 нашего палестинского мандата. Во времена Христа тремя официальными языками были латинский, греческий и еврейский. И когда попадаешь в Иерусалим, повсюду наблюдая торжество трехъязычия, невольно на ум приходят слова святого Иоанна:

«Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: „Иисус Назорей, Царь Иудейский“. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски»³.

Я прибыл в отель неподалеку от Яффских ворот, там араб, одетый как опереточный турок, подхватил мои сумки. Зарегистрировал меня армянин. Горничная-немка отперла дверь моего номера.

Это оказалась красивая комната с письменным столом и хорошим освещением над кроватью, маленький балкон выходил на узкую улицу и стену монастырской школы. Через окна я мог наблюдать за тем, как монахини ходят по просторной, скудно обставленной спальне, где стояли лишь два ряда кроватей.

Я сразу вышел, чтобы пройти к церкви Гроба Господня. Я неделями изучал план Иерусалима, и мне было интересно, смогу ли я найти дорогу сквозь хитросплетение переулков Старого города. Ступив на Яффскую дорогу, я оказался в окружении энергичных, жарко шепчущих мужчин в европейских костюмах и красных фесках, обычно служивших знаком турецкого гражданства.

«Вы идти со мной к Гробу Господню! — шептали они. — Я показать вам все!»

В их настойчивых приглашениях мне почудилось откровенное кощунство, так что я решительно отмахнулся от них и пошел сам. Они следовали за мной, словно тени в кошмарном сне, нашептывая свое, и кто-то даже попытался схватить меня за рукав. Пришлось недвусмысленно продемонстрировать им свое недовольство, чтобы они наконец скрылись из вида. Я был весьма расстроен тем, что настоящий Иерусалим, полный ослов, верблюдов, мужчин, продающих апельсины, сильно отличался от ясного плана, который я выучил наизусть! Я пришел к Яффским воротам и увидел огромный размах городских стен, уходивших к югу. Затем я вступил в Старый город. Справа находилась

огромная квадратная башня, известная как Башня Давида, которая на самом деле представляет собой единственный остаток великой башни Ирода, называемой Фазаель. Я смотрел на нее с тем чувством, которое вызывает любая реликвия времен Христа, будь наблюдатель ревностным христианином или не менее ревностным историком. Крупные желтоватые камни в основании башни существовали в Иерусалиме времен Распятия. Вероятно, Его глаза останавливались на ней.

Вокруг башни и возле ворот собралась необычайная толпа, показавшаяся мне, только что прибывшему с Запада, совершенным воплощением микрокосма Востока, и я смотрел на нее с восторгом ребенка, увидевшего рождественское представление.

Я мог различить крестьян из окрестных деревень — феллахов, прирожденных фермеров и землепашцев, которые представляли собой странную смесь хитрости, простоты и насилия. Я вспомнил историю, которую мне кто-то рассказывал о палестинском феллахе. Создавая мир, Господь послал своего ангела с даром ума, чтобы дать каждому человеку его долю. Жалоб ни у кого не было. Затем он послал другого ангела с даром удачи. И все было недовольны. Затем последовала норма глупости, и ангел, нагруженный тяжким бременем, неожиданно встретил феллаха, которому уже была дана его доля ума и удачи.

«О ангел! — спросил феллах, — что ты принес на этот раз?»

«О феллах, это глупость!» — ответил ангел.

«О ангел! — закричал феллах в приступе жадности, — дай мне побольше, потому что я бедный человек и у меня большая семья».

И ангел дал ему часть глупости мира.

Это недобрая история, но я думаю, что ее не могли сочинить о ком-то менее подходящем. Я уверен, что в

бремени, принесенном ангелом, была немалая доля простоватости.

Затем, помимо феллахов, я разглядел в толпе араба-бедуина. Хотя он был одет в лохмотья, держался он истинным царем земли. Он презирал феллахов и их лопаты. Бедуин — человек свободный, помнящий своих предков, он обладает стадами, а свой шатер называет «домом из волос». В нем по сей день живет Авраам.

Там были еще и городские арабы, которые носят европейские костюмы и фески. Были армяне, монахи-францисканцы, а также белые доминиканцы. Были греческие священники с окладистыми бородами, как у ассирийских царей, которые шагали сквозь толпу в порыжевших рясах и высоких, округлых черных головных уборах. Самыми странными казались старые евреи с длинными спутанными бородами и локонами-пейсами на висках. Эти ашкенази носили бархатные кафтаны и огромные широкие шляпы, отороченные мехом, они двигались внутри толпы, но не принадлежали ей, ни с кем не говорили, производили впечатление людей застенчивых, непроницаемых, замкнувшихся в мистических глубинах своей духовной истории. Там были и евреи-сефарды, тоже ортодоксальные, но в широкополых фетровых шляпах, многие из них светлокожие, в очках, с жидковатыми светлыми бородами.

Восток обладает особым даром сочетать интенсивную страсть и не менее интенсивную расслабленность. Арабы сидели с сонным видом под навесами кафе, потягивая дым из кальяна; другие, достигая пика возбуждения, яростно торговались по поводу фиников, салата, за несколько минут затрачивая страсти больше, чем западный человек расходует за месяц.

Я нырнул на улицу Давида, которая ведет в глубь, к храму Гроба Господня. Это типичный проулок старого

Иерусалима, в котором никогда не сможет появиться автотранспорт. Улица опускается за счет нескольких рядов ступеней, а по обеим сторонам тянутся лавки. Она столь узкая и так забита разного рода людьми всех возрастов и размеров, что зачастую приходится беспомощно стоять, упершись лицом в мешок проса, а на ваше плечо ложится ослиная морда. Делать нечего, остается терпеливо ждать в надежде, что те, кто задерживает поток, сдвинутся с места. Улица Давида темна и прохладна. Время от времени солнечные лучи, проскальзывая в глубокую щель проулка, падают на ослепительную груды апельсинов, дынь, огурцов и артишоков, или на менее аппетитно выглядящую рыбу, или, что гораздо приятнее взгляду, на округлого торговца в рубахе без ворота, развалившегося за баррикадой сирийских шелков и то и дело подносящего к губам усыпанную кольцами коричневую руку с сигаретой.

Несмотря на все мои карты и планы, я вынужден был признаться самому себе, что безнадежно потерялся в этом пестром хаосе, но все же я решительно шел вперед, понимая: стоит хоть на мгновение задуматься, как на меня набросится очередная свора сопровождающих. Однако чувствовал я себя не лучшим образом, потому что, оставив позади толпу, внезапно оказался в лабиринте темных узких переулков, ограниченных обветшавшими стенами, которые прерывались лишь черными входами в подвалы или сырыми крошечными двориками, куда шмыгали из-под ног перепуганные диковатые кошки. Мне вдруг пришла в голову мысль, что человек, не знающий арабского и забредший в эти кварталы, заслуживает удара ножом в спину. Мне показалось настоящим чудом, когда я вышел на перекресток, где постукивали копытами ослы, нагруженные мешками муки с ближайшей мельницы. Я

взглянул вверх и прочитал на синей табличке, прибитой к стене: «Виа Долороза».

«Если я пойду вдоль этой улицы, — подумал я, — она неизбежно приведет меня к Кальварию, находящемуся внутри храма Гроба Господня».

И не успел я об этом подумать, как устыдился собственной мысли. Я наткнулся на Крестный путь и размышляю о нем, как о самой обычной улице. Мне стало не по себе. Я понял, что это типичный ход мыслей для человека, впервые оказавшегося в Иерусалиме. Сознание, приученное к восприятию Божественного Христа западных церквей, в Иерусалиме наталкивается на воспоминания об Иисусе-человеке, Иисусе, который ел и спал, уставал, изгонял торгующих из Храма, который испил чашу смерти на Голгофе. Дома мы думаем о Иисусе на небесах, сидящем одесную Отца, но в Иерусалиме думаешь о том, как Он ходил по белесым пыльным дорогам, и сознание постоянно то отвергает, то принимает определенные части традиции, ассоциирующейся с Его человеческим путем. Как Бог, Он пребывает повсюду, но в Иерусалиме века благочестия соперничают за то, на каком камне на этой дороге остались следы Его стопы. Для меня было настоящим шоком, когда я понял: Виа Долороза — это реальная дорога, по ней ходят мужчины, женщины, животные.

Не знаю наверняка, действительно ли Иисус нес крест по Виа Долороза, думаю, никто этого не знает. Маршрут зависит от расположения судебного зала Пилата и неизвестного нам местонахождения ворот Гинаф. Но мне не кажется, что так уж важно, истинная ли это дорога или воспоминание об истинной дороге. Что на самом деле важно, так это тот факт, что мужчины и женщины, которые ходят по этой дороге, встречают здесь видение Христа.

Виа Долороза привела к воротам в стене. С другой стороны оказался просторный двор, залитый утренним

солнцем. Там было тихо и спокойно по сравнению с переполненными улицами. В дальнем конце двора вздымался прекрасный фасад храма Гроба Господня, который сегодня выглядит почти таким же, как в те дни, когда город покинули крестоносцы. С одной стороны двора тянется каменная скамья. Я на мгновение опустился на нее, чтобы понаблюдать за входящими и выходящими из церкви людьми.

В центре двора находилась небольшая палатка, увешанная четками и яркими картинками, представлявшими сцены из жизни Христа. Копт в голубом одеянии закупил множество таких изображений и бережно раздал их членам своей семьи: женщине в черном, двум маленьким, очень смуглым мальчикам, девочке и малышу лет трех, который с изумлением рассматривал картинки, а потом бросил их на мостовую.

Странные люди заходили в сумрак церкви и выходили из него во двор, на ослепительный свет. Там было много монахов в белых облачениях и шляпах от солнца цвета хаки. Там были женщины-арабки. Там были компании туристов с круизных пароходов, которых подгоняли фамильярные гиды; несколько старых пастухов в овчинных куртках, украшенных яркими заплатами, почтительно сняли шлепанцы, оставили во дворе перед входом в храм и дальше пошли босиком. Это было довольно странно. Евреи входили в Храм Соломона босыми, мусульмане снимают обувь перед входом в мечеть, а здесь тот же обычай демонстрировали христиане.

На мостовой, прямо перед входом в храм Гроба Господня, находилось надгробие англичанина, Филиппа д'Обиньи, одного из *nobiles homines* — «благородных людей», упомянутых в Великой хартии вольностей 1215 года; он был членом совета при короле Иоанне Безземельном. Впоследствии д'Обиньи стал наставником короля Генриха III и губернатором островов Ла-Манша.

Насколько я помню, на Джерси есть судебный акт, подписанный им, с тем же самым фамильным гербом — четыре мушкета, — что и на надгробии во дворе храма Гроба Господня. Кажется, этот английский рыцарь прибыл в Святую Землю в свите отлученного императора Фридриха II в 1229 году и видел то, что стало, должно быть, одним из самых замечательных событий в истории Иерусалима. Фридрих II занял город без единого выстрела, торжественно проследовал к Гробу Господню, у алтаря принял корону и возложил ее себе на голову, заявив: «Я сказал, что приду; и вот я здесь».

Д'Обиньи умер в Иерусалиме в 1236 году, и его могила сохранилась благодаря счастливому стечению обстоятельств, так как долгие годы место отдыха мусульманских стражей ворот было установлено как раз на этом надгробном камне.

Я подумал, что могила д'Обиньи и двое молодых британских полицейских в синей форме, стоявших в нескольких ярдах от меня, представляют собой красноречивое свидетельство странностей в судьбе Иерусалима.

Как я заметил, внутри церкви, налево от входа, стояла деревянная скамья, накрытая коврами и подушками. На ней располагался спокойный, аристократического вида человек с ухоженной бородой, в тюрбане и длинном черном одеянии. Это был один из мусульманских хранителей врат, семье которого миссия хранить ключи и запирасть храм Гроба Господня была доверена Саладином.

Гробница Иисуса Христа — это маленькое помещение, шесть с половиной футов длиной и шесть футов шириной, отделанное мрамором. Одновременно там могут находиться два, от силы три человека. Справа находится потрескавшаяся плита белого мрамора, три фута высотой, покрывающая скалу, на которую положили Его после распятия.

С мраморного потолка этой крошечной комнаты свисают лампы, принадлежащие в различной пропорции греческой, латинской, армянской и коптской церквям. Представители римско-католической церкви в Палестине известны под именем «латинян». В изголовье мраморной плиты стоял невозмутимый греческий монах с мягкой, окладистой черной бородой. На нем была черная ряса и высокий черный головной убор без полей, длинные волосы собраны сзади в круглый узелок. В руке он держал пучок свечей, и как только входил очередной паломник, монах подавал ему свечу, которую зажигали от других, уже горевших в склепе.

Я видел, как очередной паломник встал на колени перед плитой, так что я остановился и ждал в маленьком и темном пространстве снаружи.

Ожидание затянулось, и я нетерпеливо заглянул внутрь, склонившись к низкому входу, и увидел, что человек внутри — старый согбенный крестьянин в поношенной одежде, на ногах у него были громоздкие войлочные башмаки. Это был болгарин с корабля паломников, подобного тем, что раньше собирали русские; вероятно, он всю жизнь копил деньги для этого путешествия.

Он стоял на коленях перед мраморной плитой и снова и снова целовал ее, по лицу, изборожденному глубокими морщинами, текли слезы, капавшие на каменный пол. Большие грубые руки с поломанными ногтями, почерневшие от работы, нежно касались мрамора, поглаживали его; затем он сложил ладони в молитвенном жесте и перекрестился.

Он молился вслух, дрожащим от волнения голосом, но я не понимал слов. Потом он вынул из кармана пачку грязных бумажек и длинную ленту, осторожно потер ими по плите Гроба Господня, а затем снова спрятал в карман.

Я подумал, что, возможно, внутри найдется место и для меня, наклонился и вошел в склеп. Греческий монах, коленопреклоненный крестьянин и я, — втроем мы заполнили все пространство. И все было бы хорошо, если бы старик продолжал молиться, но, вероятно потревоженный моим вторжением, он встал, продолжая плакать, и что-то прошептал мне. Теперь наши тела почти соприкасались, и, взглянув ему в глаза, я понял, что вижу совершенно счастливого человека.

Это была мечта всей его жизни. Я никогда прежде не видел такого абсолютного счастья. Никогда мне не доводилось стать свидетелем столь полного умиротворения и удовлетворения, ясно написанного на человеческом лице. Я бы многое дал за возможность поговорить с ним, но мы стояли перед местом захоронения Христа, он что-то шептал, а я не понимал ни слова и только кивал в ответ.

Затем он обернулся к греческому монаху и заговорил с ним. Но и монах не понимал его, он тоже лишь кивал головой. Старик разволновался. Он заговорил чуть громче, а потом, бросив быстрый взгляд на мраморную плиту, поклонился, указал на свой лоб и на лампы, висевшие над Гробом Господним. Тогда монах понял его. Коротко кивнув, он опустил пониже одну из висевших на цепи лампад, достал кусочек ткани, слегка обмакнул его в лампадное масло и затем начертал знак креста на лице крестьянина.

Старик снова опустился на колени и развернулся к плите, не желая покидать это место, переполненный верой и благочестием, его большие, натруженные руки любовно касались мрамора, который он гладил нежно, как волосы ребенка. А потом он вышел из этого освещенного свечами и лампадами пространства в сумрак Капеллы Ангела.

Некоторое время я сидел на каменной скамье, лицом к низкому входу в крипту Гроба Господня. Я пообещал себе приходить сюда каждый день, пока я буду в Иерусалиме. Вокруг была молчаливая, тихо вздыхающая толпа, коленапреклоненная, в состоянии, близком к трансу, толпа, на цыпочках перемещавшаяся из одной тени в другую или сидевшая в сумраке церкви, перебирая зерна четок. Матильда Серао очень точно описала эту толпу в книге «В стране Иисуса»:

Молчаливая, похожая на скопление теней толпа никогда не смотрит ни вправо, ни влево, погрузившись в глубокую и искреннюю молитву, в состояние медитации, в печальные воспоминания, она, кажется, забыла обо всем ином, помимо сильнейшего желания вознести молитву в Святая Святых к великому Утешителю о прощении всех страждущих. В полумраке внутренней капеллы мысли молящегося обретают особую остроту, давая чувство того, что они услышаны и приняты на таком высоком уровне, что сама личность молящегося растворяется, а материальные объекты представляются призрачными и нереальными.

В это внутреннее помещение, где покоилось обернутое в покров тело нашего Господа, и где Богоматерь и святые жены омыли Его тело слезами и отерли своими волосами, свет проникает сквозь отверстия в крыше, равномерно освещая все, что находится в капелле, так что собравшиеся там благочестивые люди видны совершенно отчетливо, и можно даже определить национальность каждого паломника, когда он проходит сквозь низкий дверной проем, чтобы пасть ниц перед священной гробницей...

Легко узнать русского паломника — нищего и смиренного — по необычной манере креститься: широкой и медленной; а сверх того, по силе, с которой он совершает глубокий, земной поклон. Одежда у него поношенная, заштопанные штаны полиняли; голова со светлыми кудрявыми волосами склонена, взор затуманен слезами, тихо стекающими по щекам и капающими на пол. Руки его, сжимающие старую меховую шапку, дрожат. Легко узнать и мальтийского священника — смуглого, с густыми бровями, усталым взглядом, в рваной одежде, подолгу простирающегося ниц перед святыней. Он собирал подаяние, чтобы добраться сюда со своего острова, путешествовал третьим классом, ежедневно проводил службу в каждом городе или деревне на всем долгом пути. Можно узнать бедную польскую женщину с глазами, сияющими от счастья, она в течение трех месяцев шла пешком до самой Сирии, жила милостыней, подаваемой в монастырях и убежищах для паломников, подаянием случайных встречных, она целовала им руки, чтобы выразить благодарность, не владея никаким языком, кроме родного. Несмотря на болезни и усталость, она полна жизни, она горит желанием увидеть Гроб Господень, дотронуться до него; и когда наконец ей это удастся, она так переполнена радостью, что теряет сознание. Нетрудно узнать и нищего греческого крестьянина по обожженным солнцем рукам, которыми он так долго работал на земле, что они усвоили ее цвет. Как дрожат эти натруженные руки, когда он касается белого камня, о котором он грезил и которого достиг с таким трудом! И все эти верующие, христиане разных наций

пришли из далеких земель, исполненные экзальтированной, неколебимой веры, и каждый принес свой особый тип поклонения, характерный для его земли, души, народа и темперамента. Когда они приближаются к Гробу Господню, у каждого из них встречаешь одно и то же выражение избыточных, чрезмерных чувств. Кажется, любой из них считает, что, совершив молитву перед могилой Христа, он может мирно умереть в своем удаленном от Святой Земли доме, потому что желание всей его жизни осуществилось. Он достиг пика своего земного существования...

Сегодня здесь нет русских паломников, Матильда Серао писала свою книгу уже давно. Но чувства и настроения толпы не изменились. Это толпа, вызывающая нежность. Это толпа, воодушевленная верой, подобная новорожденному младенцу в своей чистоте. Когда я смотрел на безмолвное, похожее на скопление теней движение собирающихся и выходящих из святилища людей, я обнаружил одну фигуру, неподвижную в молении. Это был старый болгарский крестьянин, который заговорил со мной внутри часовни Гроба Господня. Он стоял на коленях перед низким входом, уронив руки вдоль тела, голова чуть склонена набок, по глубоким морщинам лица текли слезы. Я подумал, что он выглядит состарившимся святым, какого мог бы написать Джованни Беллини. И мне показалось, что это простое, кающееся существо, коленопреклоненное в полосе неяркого света, падающего из часовни, служит символом не только болезненного вопроса, обращенного к сердцу человечества, но и ответа на этот вопрос.

Переулки Иерусалима полосаты как шкура тигра. Вы постоянно переходите из полосы света в узкую зону тени. Некоторые базары крытые. Они пребывают в таинственном полумраке, солнце струится сквозь трещины и прорехи в кровле, словно вода, просачивающаяся через дырявые меха. Но большинство рынков открыты навстречу небу, на них падает тень минарета, купола или башни, отбрасывая темное пятно на мостовую и стены.

О стенах можно написать целую книгу. Есть стены Андалусии, на юге Испании, которые выстроены, словно барьеры против любовников. Есть стены Тосканы, которые воздвигнуты, чтобы сдерживать убийц; а есть стены Англии, например, во дворце Хэмптон-Корт, которые, кажется, предназначены для того, чтобы скрывать удовольствия избранных от взгляда простых людей. Но стены Старого города в Иерусалиме не похожи на те стены, какие я видел раньше. В них есть скрытность, рожденная страхом и чувством неопределенности. Они высоки и покрыты плесенью, они буквально тонут во времени. Двери в них как будто построены для карликов, и если вы звоните в колокольчик или бьете заржавевшим железным молотком, почти наверняка приподнимется решетка и в отверстии появится старческий глаз, он пристально осмотрит вас прежде, чем отпереть засов.

Века подозрительности и преследований, в течение которых христиане, войска которых были разгромлены и рассеяны, вырабатывали в себе такие женственные качества, как хитрость и дипломатичность, вселили инстинктивный страх в стены Иерусалима, поскольку любой, кто звонил в колокольчик или стучал в дверь, мог оказаться осквернителем алтарей. Все прекрасное тщательно пряталось за этими стенами. На самом деле они кажутся намеренно уродливыми, словно их цель — обмануть грабителя, и, взглянув на них, невольно

вспомнишь о монахинях, уродовавших лица и отрезавших себе носы, чтобы защитить свою невинность, когда варвары вторглись в пределы осколков Римской империи.

Порой, когда открывается боковая дверь, за ней видишь окрашенную стену мощеного дворика, окаймленного вазами и обрубками римских колонн. В центре может расти лимонное дерево, а под ним сидит старый монах, читающий книгу. Затем двери закрываются; и в следующее мгновение уже сомневаешься: была ли мимолетная мирная картина по ту сторону стены реальной, или это лишь иллюзия пораженного солнцем разума.

Когда бредешь по узким переулкам Иерусалима, сознание подавлено смешением веков и эпох. Есть особая торжественность в воспоминании обо всех Иерусалимах, лежащих под ногами. Евангельский Иерусалим коренился в древних костях. А Иерусалим, выросший и исчезнувший со времен Христа, — римский город Адриана, раннехристианский город Константина, Иерусалим халифа Омара, Иерусалим крестоносцев, Иерусалим Саладина, Иерусалим Сулеймана и многие турецкие Иерусалимы — они здесь, один над другим накопились слои почвы, насыщенные реликвиями столь густо, что это вызывает ужас. Идти по Иерусалиму — все равно, что идти сквозь саму историю. Под ногами путника и вокруг, во все стороны, лежат кости прошлого.

Шагая по Старому городу, я начинал понимать те чувства, которые испытывает заключенный. Все эти темные проулки, высокие, глухие стены, лабиринт строений, возведенных во славу Господа, тесно сжаты в единую массу высокой городской стеной. Крепостная стена Иерусалима, его охрана и защита в периоды военных потрясений, все еще оказывает мощное влияние на разум, подсознательно ее присутствие

ощущаешь в течение всего дня. Вы либо находитесь внутри стены, сознавая ее стесняющие объятия, либо за ее пределами, оглядываясь назад и размышляя о том, как она стискивает город коричневатым камнем, словно пытаюсь оградить его от современного мира.

Узкая улица, огражденная слепой стеной, пересеченная чередующимися полосами света и тени, привела меня к древним воротам Св. Стефана. В обрамлении изящной сарацинской каменной арки передо мной предстала миниатюрная, но прекрасная картина мира за стеной. Я вздохнул с облегчением, почувствовав впереди открытое пространство и избыток воздуха, увидев широкое небо и панораму залитых солнцем гор. И подъем, который вел на Елеонскую гору.

Всю жизнь я рисовал в воображении Елеонскую гору, составляя картину из иллюстраций в книгах и полотен в художественных галереях; но мой образ сильно отличался от реальности. Я всегда думал, что Елеонская гора очень высока, возможно, она похожа на холм Кентиш-Хоп посреди торфяников Дербишира, на ней должны расти стройные кипарисы, опоясанные рощами и небольшими садами с колодцами и фонтанами. Но настоящая Елеонская гора оказалась безлесой возвышенностью, плавно поднимающейся над выжженной долиной Кедрон; скалистой горой, в течение дня накалявшейся безжалостным солнцем. Тут и там среди камней виднелись извилистые белесые дороги, кое-где можно было разглядеть небольшие вспаханные участки, террасой расположенные на склоне и укрепленные высокими известняковыми стенами. На этих полях было совсем немного приземистых оливковых деревьев.

Во всех других отношениях Елеонская гора представлялась лысой и негостеприимной, однако, в отличие от Иерусалима и окрестных гор, она была мирной и изящной; это единственное место, где сегодня,

как и во времена нашего Господа, можно просто сидеть под деревом, забыв о напряженном ритме городской жизни.

Далеко внизу, там, где дорога на Иерихон дает ответвление направо, которое проходит через гребень Елеонской горы, я заметил небольшую группу деревьев, огражденную стеной. Я смотрел, чувствуя, как меня переполняют эмоции. Ведь это был Гефсиманский сад.

Пройдя сквозь ворота Св. Стефана, я увидел, что вся восточная стена Иерусалима нависает над скалистым ущельем. Крутой склон под стеной усыпан тысячами мусульманских могил; напротив, на склоне Елеонской горы находятся еврейские захоронения. Их белые надгробия сияют на солнце, как кости. И иудеи, и мусульмане верят, что Страшный Суд состоится в засушливой долине Кедрон, между Иерусалимом и Елеонской горой. Глядя на все эти могилы, а затем и на мрачную городскую стену, я подумал, что Иерусалим, столь суровый с виду, столько бескомпромиссный, подобен великану, поглотившему тысячи мертвецов и хранящему их кости на крепостных валах, ожидая, когда они иссохнут и побелеют от солнца.

Дорога вела в долину Кедрон. Она была пыльной, по сторонам тянулись рубцы низких каменных стен. Дорога напрямик пересекала долину и спускалась к Иерихону и Мертвому морю. Но боковое ответвление шло к Елеонской горе в сторону Виффагии и Вифании. Именно этот путь я и выбрал, а солнце немилосердно палило с небес, от жара воздух над скалами колебался, как белое пламя.

5

Я взглянул назад, из глубины долины Кедрон, но сумел разглядеть лишь темную стену Иерусалима,

возвышавшуюся на скалистой платформе. По мере того как я поднимался на Елеонскую гору, сначала над стеной появился минарет, потом купол, еще один. Со склона возле вершины горы уже весь город открывался передо мной, слегка наклоненный в направлении Елеонской горы, словно гигантская рельефная карта, медленно сползающая в пропасть долины.

Прежде всего меня поразило сам факт, что Иерусалим был вообще построен. Менее подходящее место для прославленного города трудно придумать. Его окружают засушливые горы, словно длинные коричневые волны, вздымающиеся к небу, а внизу, в долине, есть лишь один источник воды — Пруд Богоматери. Сегодня, как и во времена Ветхого Завета, вода поступает в Иерусалим из Соломонова пруда возле Хеврона. Также воду выкачивают из Эйн-Фара — это традиционные «тихие воды» 22-го псалма. Сегодня, как и в древности, каждая капля дождя, упавшая на этот высокий горный хребет, сохраняется в глубоких скальных цистернах. Есть некое блестящее презрение в отношении ситуации в Иерусалиме или, вероятно, точнее было бы сказать, что ни один народ, не верящий в особое попечение о нем Господа, не пренебрег бы необходимостью строить город с учетом законов благоразумия.

Но затем я подумал, что никогда еще не видел столь сурового и фанатично выглядящего города. Твердость скалы, тлеющий внутри нее огонь, который как будто поддерживает кипение котлов земли, застывающее в граде Иерусалиме. Мне показалось, что это совершенное выражение жестокости и суровости Иудейской возвышенности. Высотный город, вознесенный над ущельями, стоящий посреди осколков былых времен, казалось, мог служить не местом проживания мужчин, женщин и детей, но приютом таких беспощадных чувств, как гордость, высокомерие и ненависть. А после того как я долго сидел на горе и смотрел вниз, на

Иерусалим, я сказал себе: «Нет сомнения, что это и есть место, которое распяло Иисуса Христа». И словно эхо моих мыслей, явился страшный ответ: «И, вероятно, оно сделало бы это снова».

Чем дальше я смотрел на Иерусалим, тем больше убеждался в том, что мое первое впечатление было ничуть не преувеличенным, не чрезмерным. Если Иерусалим и не был рожден из вулканической лавы, по крайней мере, он был рожден огнем человеческого разума. Великолепные и ужасные дела творились за его стенами. Современный мир появился в его тени. Странно, что величайшему событию в истории человечества суждено было свершиться на этом пустынном плато; но, вероятно, еще более странно, что Иерусалим по-прежнему сохраняет историческую атмосферу нетерпимости. Мне казалось, что я слышал Голос в пульсации жара, и Голос этот говорил:

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»⁴

Эти слова звучали у меня в голове, как эхо жары, дрожавшей над Елеонской горой. Я вновь прислушался, но больше не было ни звука — лишь скрип плуга по сухой земле и цоканье копыт мула по каменистой дороге.

Поднявшись на самую вершину горы, я оказался на округлой, куполообразной площадке перед часовней Вознесения, которая теперь принадлежит мусульманам. На мощеном камнями участке вокруг вершины пожилой низкорослый гид в темных очках, костюме европейского кроя и алой феске демонстрировал Иерусалим толпе английских туристов, указывая то туда, то сюда сложенным зонтиком. Я обратил внимание, что он рассказывал об Иисусе Христе так, словно был

миссионером, излагающим основы христианской веры компании слабоумных язычников Патагонии.

— Запомните, пожалуйста, — говорил он, — что наш Господь вознесся на небеса.

Двое или трое туристов, очевидно, утомленные его изложением Писания, отвернулись, а пожилой мужчина, похожий на карикатурного полковника со страниц «Панча», прочистил горло, подчеркивая возмущение, как будто показывая всем видом, что говорить вслух о подобном как-то неловко.

— Ну, что же, — продолжил гид, энергично ткнув в воздух зонтиком, — место Вознесения находится прямо здесь, возле маленького круглого строения, в которое мы теперь можем войти. Запомните, пожалуйста, что именно здесь наш Господь попрощался со своими учениками.

Группа дружно кивала. А гид продолжал высоким голосом:

— И Он сказал: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века»⁵.

На несколько секунд воцарилась тишина. Полагаю, все эти люди, посетившие Иерусалим в ходе тура из Каира или Афин, как и сам я, испытали неловкость, вызванную этими прекрасными, светоносными словами, обращенными к иному миру.

«И се, Я с вами во все дни до скончания века».

Даже высокий голос низкорослого гида с его странным акцентом не мог разрушить силу этих слов. Мне казалось, что нечто возвышенное и прекрасное снизошло на всех нас и исчезло. А затем «полковник» еще раз прочистил горло и спросил жену, не помнит ли она, где его солнечные очки.

Когда они ушли, я остался один на вершине, развернулся спиной к Иерусалиму и, взглянув на восток,

увидел то, что никогда не забуду.

Елеонская гора немного выше Иерусалима, она закрывает город от пустынных земель, тянувшихся вниз, к Мертвому морю.

Иерусалим расположен на высоте 2500 футов над уровнем моря; Мертвое море — 1290 футов ниже уровня моря. Итак, на расстоянии свыше двадцати пяти миль уровень земли падает почти на 4000 футов в сторону жаркого, тропического мира долины Иордана. И если на холмах Иерусалима ночью бывает довольно морозно, в двадцати пяти милях оттуда, в Иерихоне, жарко и душно, так как долина Иордана представляет собой природный феномен: разлом в земной поверхности, который круглый год дышит яростным жаром.

С вершины Елеонской горы открывался вид на эту тропическую лощину, напоминавшую фотографию лунной поверхности. Я смотрел вниз на этот стерильно-безжизненный мир — мир коричневатых округлых холмов, тесно сгрудившихся, лишенных растительности, стремительно спадавших к горячей впадине, а в отдалении виднелась узкая голубая полоска, намекавшая на существование вод Мертвого моря. Еще дальше, за этой синевой, поднимался барьер коричневых холмов, оттененных фиолетовыми тенями. Это были Моавские горы.

Этот пейзаж был хорошо знаком Иисусу, и он совсем не изменился с тех пор, как на нем останавливался Его взгляд. Он видел его, когда шел через холмы из Вифании и Виффагии, и нет сомнения, что Он обернулся, как оборачивается каждый путник, чтобы еще раз бросить взор на эту величественную и отстраненную землю, прежде чем пересечь хребет, за которым тот скроется, а перед глазами предстанет Иерусалим.

Как могло случиться, что Иерусалим стал Священным Городом — на фоне этих ужасающих мест рождения пророков, раскинувшихся совсем рядом?

«Золотой век» Израиля прошел в пустыне, когда Бог взял свой народ за руку и вывел в Землю Обетованную. Дыхание этой чистой, безжизненной пустыни чувствуется в обвинениях Илии, да и в обвинениях всех святых мужей, что пытались увести Израиль от чуждых культов и роскоши назад, к древней суровой простоте. И, глядя на молчаливые, мертвые холмы, я задумался: нравилось ли Иисусу ночевать в Вифании, ведь после осуждения торгующих в Храме Он пересек Елеонскую гору и бросил взгляд на вечерний покой «пустынного места», навсегда посвященного Господу.

Я спустился с Елеонской горы. Полуденное солнце горело над Иерусалимом. Я видел город, теснившийся внутри стены, и современный Иерусалим, раскинувшийся вокруг нее отдельными скоплениями зданий из белого камня. Цвет Старого Иерусалима напоминает львиную шкуру. Тут и темные, рыжеватокоричневые тени, и желтые пятна, и бледно-золотые отливы. Наверное, такое же впечатление он производил во времена Ирода Антипы, когда на него смотрел Иисус: город, свернувшийся, как лев, в лучах солнца — настороженный, мстительный и готовый убивать.

6

Я зашел в одну из лавок древностей возле Яффских ворот. Не знаю, почему люди покупают все эти омертвевшие куски бронзы, монеты, осколки сверкающего стекла, костяные заколки, старые зеркала и прочие причудливые останки, выброшенные на помойку столетия назад, если, конечно, покупатель не чувствует, что они обладают или будут обладать для него особой силой ассоциаций. Я собирал подобные безделушки с тех пор, как был школьником — мне нравилось рассматривать их и думать: «Когда эта вещь

была новой, Клеопатра еще не встретила с Антонием, до битвы при Акции оставалось еще много времени» или: «Когда эта зеленая проволока была брошкой, святой Павел только отправлялся в свое первое миссионерское путешествие». Пожалуй, это самая безобидная в мире форма умозрительных построений. Однако порой мне слышится смех давно умерших, ведь что может быть нелепее для тени римской матроны, чем рукоятка ее старой сковороды, водруженная на подушку черного бархата?

Торговец имел в лавке отличный подбор римского стекла, бронзовых сосудов и кинжалов, также он выставил на обозрение великолепные бронзовые лопатки для благовоний, найденные, как он заверил меня, в мусорных отвалах римского города в пустыне. Я купил у него пару лопаток для благовоний и, порывшись в ящике с обломками, обнаружил римскую плитку с рельефной круглой печатью и литерами *LEG.X.F.* Чуть выше печати сохранился грубый рисунок галеры, а под литерами — изображение зверя, похожего не то на свинью, не то на кабана. Я не мог поверить собственным глазам.

— Вы знаете, что это? — спросил я у продавца.

— Да, — ответил он, — это плитка с печатью Десятого легиона. Их часто находят в Иерусалиме. Можете приобрести ее за пять шиллингов.

Я отдал ему мелочь и вышел из лавки более удовлетворенный покупкой дешевой плитки, чем дорогих лопаток для благовоний, ведь у меня в кармане лежала реликвия того самого легиона, который, разрушив в 70 году н. э. Иерусалим по приказу императора Тита, исполнил пророчество Христа о том, что от Храма не останется камня на камне.

Я отнес плитку в ванную комнату гостиничного номера и отмыл ее с помощью губки. Темная земля глубоко въелась в трещины и неохотно уступала воде и

чистке, но постепенно литеры *LEG.X.F.* стали немного светлее, отчетливее проступил и знак легиона, состоящий из галеры и кабана. Однако я должен признать, что человек, незнакомый с этими символами, едва ли смог бы их распознать. Десятый легион, изготовивший эту плитку примерно через сорок лет после распятия, был известен под названием *Fretensis*, то есть легион из *fretum Siciliense* — Сицилийского пролива, а литера представляла собой сокращение слова *Fretensis*. Высушивая плитку между ладонями, я мечтал с помощью внезапного сеанса ясновидения разглядеть сквозь века тот мир, из которого пришел этот фрагмент...

Ученые, пытавшиеся установить дату распятия, считали, что Иисус умер либо в 29-м, либо в 30 году н. э. Следовательно, если мы примем эти даты, то придем к выводу, что пророчество Господа о разрушении Иерусалима, произнесенное на Страстной неделе, приходится, самое позднее, на весну 30 года н. э., когда, покидая двор Храма, Он, к удивлению своих учеников, сказал: «Здесь не останется камня на камне; все будет разрушено»⁶. Такое заявление, должно быть, поразило евреев, для которых Храм и его ритуалы были самой сутью национального существования. Храм был самим Яхве, а в силу этого — несокрушимым и бессмертным.

Направляясь по дороге через виадук, который вел к Елеонской горе, они обдумывали слова Христа и, не находя возможности удовлетворить свое любопытство или скрыть замешательство, приходили к Нему, один за другим, «поодиночке», чтобы спросить о значении Его видения. Тогда Иисус самыми простыми словами описал падение Иерусалима и предупредил учеников о необходимости бежать в горы, когда придет время бедствий.

Прошло сорок лет: сорок лет, за которые пророчество о «войнах и слухах о войнах», «лживых

пророках» и «мятежах» было исполнено до последнего слова, и вся земля была объята огнем ненависти и отчаяния, пламенем бунта. Отзвуки этого века анархии слышны в «Деяниях апостолов». Когда у Павла возникли разногласия с римскими властями, апостола приняли за одного из многочисленных самозванных мессий, типичных для века ложных надежд, среди которых пролегали беспокойные пути еврейской нации, которая шла к крушению.

Этот отрезок в сорок лет представляется нам чередой кровавых эпизодов: римские наместники приказывали солдатам зачищать улицы, зилоты и фанатики перебили римский гарнизон, убийцы то и дело брались за ножи, даже во дворе Храма, а греческие города мечами преграждали путь любому еврею, пытавшемуся войти в их ворота. Итак, приблизились «дни возмездия», предсказанные Иисусом. Всеобщее восстание разразилось, когда зилоты, изгнав римский гарнизон из Иерусалима и разбив легион, взяли организацию национального возмущения против Рима. Нерону советовали преподать хороший урок неуправляемой и фанатичной нации, побуждали к действиям. Была собрана огромная армия; и в 66 году н. э. разразилась Иудейская война.

Довольно странно, что в это время Британия оказывается связанной со страной Иисуса. Император Веспасиан, сын сборщика налогов Сабина, был солдатом, отличившимся при вторжении в Британию под управлением Клавдия в 43 году н. э. — через тринадцать лет после распятия Иисуса. Он командовал Вторым легионом, известным как Августа, и энергично сражался на западе, покорив остров Уайт и сумев провести римские войска от Солента до Экса. Так что люди, которым суждено было исполнить пророчество Христа о том, что Иерусалим будет повергнут язычниками, обучались ведению войны в Британии. Именно

Веспасиану и его 28-летнему сыну Титу Нерон в 66 году н. э. поручил командование римскими войсками в Палестине.

Странно думать о целой череде ассоциаций. В это время римляне в Британии спрямляли старинные кельтские дороги и закладывали основание Уотлинг-стрит и Фосс-уэй. Лондон, оправлявшийся после восстания Боудикки, заново отстраивался, превращался в маленький римский порт на болотистых берегах Темзы, с домами, крытыми красной черепицей, а на севере карта Британии являлась миру из тумана древности. Эборак, то есть современный Йорк, и Дева, то есть Честер, отзывались на звук *буцины* — сигнального горна — и мерный топот легионов. А на другом краю света два человека, помогавшие в насаждении новой цивилизации на Западе, должны были выполнить другую задачу: сокрушить ветхозаветную цивилизацию и в определенном смысле открыть миру врата к новому.

Веспасиан обрушился на Палестину с одной из наиболее хорошо подготовленных римских армий, которая когда-либо вступала в бой. Первую кампанию он провел в Галилее, где его встретило озеро и оживленные города — примерно такие же, какими видел их Христос на сорок лет ранее. Но Веспасиан окрасил голубые воды озера в красный цвет кровью евреев. Холмы, на которых Иисус проповедовал благую весть — евангелие любви и сострадания, теперь наполнились эхом от криков мучимых и убиваемых. Иосиф, историк, из трудов которого мы получаем сведения об этой эпохе, был арестован и закован в цепи. Шесть тысяч самых крепких молодых еврейских мужчин были отправлены рабами в Коринф, где Нерон распорядился начать строительство Коринфского канала.

И пока Веспасиан «учил» евреев, произошло событие, которое потрясло римский мир. Однажды ночью полноватый мужчина лет тридцати умчался из

Рима верхом, на рассвете прибыл на виллу, выстроенную в удаленном месте между Нументанской и Саларийской дорогами. Там он ждал, в ужасе, не выпуская из рук два прихваченных с собою кинжала; а потом, услышав цокот копыт, он вспорол себе грудь и приказал рабу Эпафродиту отнести нож домой. По всему миру разнеслась весть, что император Нерон мертв.

В последовавшей за этим гражданской войне Веспасиан, сокрушив войска трех временных императоров, облачился наконец в багряницу. Он был провозглашен императором в Кесарии, на побережье Палестины. Предоставив осуществление последнего акта Иудейской войны — разрушение Иерусалима — своему сыну Титу, Веспасиан вернулся в Рим.

Титу исполнилось 30 лет в 70 году н. э., когда он появился под стенами Иерусалима с могучей армией, включавшей в себя Пятый, Десятый, Двенадцатый и Пятнадцатый легионы, а также конницу и вспомогательные войска — всего от 60 000 до 80 000 человек. Город столкнулся со всеми ужасами осады, а к тому же его раздирала борьба фракций, поскольку так и не завершилась одна из самых ужасных гражданских войн в истории. Фанатики, крайние националисты и даже обыкновенные бандиты управляли отдельными кварталами Иерусалима и вели войну против всех остальных прямо на улицах, заливая их кровью. Тит разместил Десятый легион Фретензис на Елеонской горе, откуда открывался вид на Иерусалим, — и город был тем же, что и сорок лет назад, во времена Христа. Великолепный Храм Ирода был полностью достроен, больших перемен за последние годы не произошло, хотя различные здания и особенно северный пригород пострадали в ходе восстания и осады.

Сорок лет — не такой уж долгий срок. В Иерусалиме жили люди 52 лет, которые 12-летними мальчиками могли стать очевидцами Распятия. Вероятно, в

пасхальных толпах, заполнивших окровавленные улицы, — ведь был апрель — были пожилые крестьяне, которые помнили, как детьми они встречали Человека, благословлявшего их и говорившего: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное»⁷.

И в самом Иерусалиме могли быть еще старики лет 60–70, которые помнили указание Христа: когда придет время возмездия, не следует заботиться о хозяйстве, и человек, который был в полях, не должен возвращаться домой, чтобы взять одежду, но всем следует бежать и укрыться под защитой холмов. Именно так и поступили первые христиане. Они тайно скрылись из обреченного города и нашли путь в Пеллу, к югу от Галилейского озера — место, которое теперь называется Хербет-эль-Фахил.

Тит разместил основные силы на севере и северо-западе, оставив Десятый легион Фретензис наблюдать за неприступной восточной стеной, обращенной к Елеонской горе. Звук таранов, ударявших в ворота, раздавался днем и ночью. Проявления почти маниакальной храбрости можно было наблюдать ежедневно: евреи шли на явную смерть, поджигая стенобитные машины, сжимая руками раскаленный металл, пока он не уничтожал их плоть. В начале мая Тит взял пригороды Нового города и приказал историку Иосифу склонить своих соплеменников к сдаче. Ответом было открытое неповиновение. Тогда Тит выстроил вдоль стен Иерусалима вспомогательную стену, поручив каждому легиону определенный участок, и в плотно окруженном городе воцарился голод, причинявший обитателям Иерусалима огромные страдания. Поскольку горожанам уже не хватало сил сбрасывать тысячи трупов через стену в долину, они стали складывать мертвецов в подвалы и пустые комнаты больших домов. Каждый день распинали по пять сотен дезертиров и

пленников, пока холмы вокруг не оцетинились жутким лесом крестов, который неуклонно рос и распространялся.

Жалкие банды дезертиров выбирались из города, чтобы доползти до первой линии врага. Видевший их Иосиф говорит, что они «опухали от голода, и тела их раздувались, как при водянке». Но за стенами их ждала ужасная смерть. Среди головорезов и местных бандитов, слонявшихся, как шакалы, вдоль линии римских войск, распространились слухи, что дезертиры, прежде чем покинуть город, глотали золото. За одну ночь они вспороли животы двум тысячам несчастных беглецов. Услышав об этом, Тит пришел в ярость и издал приказ: каждый солдат, которого уличат во вспарывании тела дезертира с целью найти золото, будет немедленно казнен. Но даже это не могло остановить подобную практику.

За время осады местность вокруг Иерусалима сильно изменилась. Римляне вырубали все деревья, чтобы соорудить осадные машины, приставные лестницы и прочее. Когда Тит впервые вступил на Елеонскую гору, он увидел ухоженный, культивированный холм с виноградниками, оливковыми рощами и фиговыми деревьями, которые знал и любил Иисус. Но уже в начальные месяцы осады Иосиф, прекрасно знакомый с окрестностями Иерусалима в прежние дни, писал:

Никто из иноземцев, раньше видевших Иудею и прекраснейшие предместья города, не может удержаться от стенаний и горестного плача о том, как все изменилось; потому что война уничтожила всю красоту; никто из тех, кто знал это место прежде и внезапно увидел его теперь, не смог бы узнать его; и даже если бы он оказался в самом городе, он все равно продолжал бы его искать.

В самом городе с особой жестокостью пытали всех, кто выглядел упитанным и гладким, чтобы выведать секреты их кладовых. Родители вырывали еду из ртов собственных детей. Марфу, дочь богача Никдимона бен Гуриона, чье приданое составляло миллион золотых денариев, видели при попытке собрать зерна из навозной кучи, лежавшей на улице.

Иосиф рассказывает:

Теперь число тех, кто страдает от голода, стало поистине огромным, и переносимые ими лишения неописуемы; потому что если где-то появлялась хотя бы тень еды, немедленно начиналась жестокая схватка, и ближайшие друзья превращались в противников, отбирая друг у друга самые жалкие средства к существованию. Никто не мог поверить, что у умирающих не было еды, грабители ждали момента, когда они будут испускать дух, чтобы никто не успел проглотить остатки еды перед смертью: мало того, грабители в поисках добычи ковыляли по всему городу, запинаясь от слабости, словно бешеные псы, и вламывались в двери, как пьяные; в полном расстройстве ума они порой вторгались в одни и те же дома по нескольку раз за один день. Более того, их голод был настолько непереносимым, что вынуждал их жевать все, что угодно, и подбирать то, что и самые грязные животные не стали бы есть; они не отказывались ни от ремней, ни от башмаков, ни от кожи, покрывавшей щиты, — ее отдирали и глодали; даже клочки старого сена становились для некоторых едой, а другие собирали волокна и продавали малейшие их количества за четыре аттические драхмы. Но почему я описываю те безоглядные бесстыдства, на которые толкал

людей голод, заставляя поедать несъедобное? Но все же я собираюсь рассказать обо всем, чего прежде не знала история — ни у греков, ни у варваров. Ужасно говорить об этом, и в этом невозможно поверить. Я бы охотно отказался от описания наших бедствий, от представления дурного последующим поколениям, но уже в этом веке у меня есть бесчисленные свидетели; и, кроме того, моя страна имела бы мало оснований благодарить меня за сокрытие бедствий, которые она перенесла за это время.

Была одна женщина, которая жила за Иорданом, и звали ее Мария; ее отцом был Елеазар из деревни Вифезуб, что возле Дома Иссопа. Она была известна большой семьей и богатством и бежала в Иерусалим со всеми домочадцами и так оказалась вместе с ними в осаде. Все имущество этой женщины уже было захвачено, кроме того, что она принесла с собой из Переи в город. Среди прочего у нее была еда, которую ей удалось сохранить, но ее отбирали алчные стражники, каждый день приходившие за этим к ней в дом. Это привело бедную женщину в крайнее возбуждение, частыми упреками и проклятиями, которые она обрушивала на головы алчных злодеев, она вызвала их гнев; но никто из них — ни от возмущения, вызванного ее обвинениями, ни из сострадания к ее состоянию, — не намеревался лишить ее жизни; и если и находила немного еды, голод терзал ее кишки, проникая до мозга костей, а страсть ее пылала превыше самого голода: она не спрашивала уже совета ни у кого, кроме своей страсти и нужды, в которую она впала. Тогда она предприняла совершенно противоестественное действие, схватив сына,

который был еще грудным младенцем, она сказала: «О, несчастный ребенок! Для кого я буду беречь тебя в этой войне, посреди голода и мятежей? Что касается римлян, если они сохранят нам жизнь, то превратят нас в рабов. Этот голод тоже уничтожит нас еще до того, как на нас ляжет бремя рабства. А все эти мятежники и воры еще ужаснее двух других бедствий. Пойдем дальше; будь мне едой, будь яростью против этих мятежных негодяев, будь обвинением миру, который ныне желает лишь одного: преизбытка несчастий для нас, евреев».

Сказав все это, она зарезала сына и зажарила его, съела половину, а остальное спрятала. В это время грабители пришли к ней и, почувствовав ужасный запах трапезы, они стали угрожать, что немедленно перережут ей горло, если она не покажет им, что за пищу только что приготовила. Она ответила, что «приберегла для них отличную часть» и с этими словами открыла то, что осталось от ее сына. Вследствие чего их охватил ужас, и ум их был потрясен, они стояли, пораженные увиденным, а она говорила им: «Это мой собственный сын, и та половина, которая потреблена, была съедена мною. Берите, примите эту пищу; потому что я ела ее сама. Вы ведь не будете прикидываться более нежными, чем женщина, или более сострадательными, чем мать: но если вы окажетесь настолько щепетильными и испытаете отвращение к моей жертве, то раз уж я съела одну половину, то вторую тоже приберегу для себя». После чего мужчины бежали прочь, содрогаясь, ничто прежде их так не пугало, как то, что они теперь увидели, и они с трудом, но оставили мясо матери... Итак, те, кто был доведен голодом до

такого отчаяния, страстно желали смерти, а те, кто уже умер, почитались счастливыми, потому что они не прожили достаточно долго, чтобы услышать о таких бедствиях или увидеть их.

А тем временем осада продолжалась. Тараны и баллисты работали днем и ночью. Глашатаи призывали голодающий город сдаваться, но в ответ слышали насмешки и оскорбления. На римской стороне были устроены крупные зернохранилища и склады продовольствия на виду у защитников стен — с тем, чтобы по возможности больше мучить евреев видом изобилия. Эта уловка тоже провалилась. Чтобы продемонстрировать жителям города неизбежность их судьбы, Тит приказал провести полный парад римских войск перед стенами Иерусалима. Осадные машины были на время отставлены в сторону, а сверкающие на солнце нагрудные пластины, шлемы и прочие атрибуты парадного убранства извлечены из чехлов, так что вся армия продефилировала в виду Иерусалима под звуки труб. Парад продолжался четыре дня. Стены города потемнели от собравшихся на них людей. Но зрелище, хотя и породило страх в самом сердце Иерусалима, не достигло цели; и война возобновилась.

В начале июля замок Антония, расположенный неподалеку от зала, в котором Пилат осудил на смерть Христа, был захвачен римлянами. Этот замок возвышался над северной стеной Храма. Тит желал лично участвовать в первой атаке на Храм, но командиры убедили его смотреть на штурм с одной из высоких башен Антонии под тем предлогом, что с такого высокого места он лучше сумеет выбрать храбрейших, которые будут награждены повышением в чине. Почти месяц продолжалась ужасная битва за Храм, евреи свято верили, что в последний момент явится сам Яхве, чтобы освободить Его древнее святилище, а Тит

многократно призывал их к капитуляции, обвиняя самих евреев в кощунстве. Он хотел сохранить Храм, считая его одним из чудес света.

Тит и его солдаты с более высокой точки наблюдали за тем, как стрелы падали во двор, из которого сорока годами ранее Иисус изгонял торговцев и менял. Римляне смотрели, как огонь распространялся по колоннадам, как сражения шли даже у самых стен Святая Святых. Они были последними, кто видел Храм Ирода таким, каким его знал Христос. В начале августа удачная операция позволила римлянам войти в Святая Святых. Солдат, одержимый, по словам Иосифа Флавия, «некоей божественной яростью», схватил горящий факел и, взобравшись на плечи товарища, метнул пылающее орудие в золотое окно. И над святилищем Господа взметнулось пламя.

Иосиф рассказывает:

Затем цезарь, и взывая громким голосом к сражающимся солдатам, и подавая им сигнал взмахом правой руки, приказал потушить огонь. Но они не слышали, что он сказал, хотя он говорил громко, но их уши были заполнены другими шумами; не обратили они внимание и на сигнал, поданный его рукою, поскольку многие были увлечены битвой, а другие одержимы страстью... И поскольку цезарь не способен был ограничить энтузиазм и ярость солдат, и огонь распространялся все дальше и дальше, он пошел в святые места Храма вместе со своими командирами и увидел все то, что внутри, и нашел, что это превосходит все описания иностранцев, и не уступает тому, чем мы сами похвальноемся, и во что верим. Поскольку пламя еще не добралось до внутренних помещений, но по-прежнему поглощало пространство вокруг

святого дома, Тит, предположив на основании фактов, что само здание еще может быть спасено, поспешил и приложил усилия, чтобы убедить солдат тушить огонь, и отдал приказ центуриону Либералию и одному из сопровождавших его копьеносцев бить сопротивляющихся солдат палками и заставить их подчиниться: однако их страсти были слишком сильны по сравнению с почтением, которое они питали к цезарю, и слишком сильны были и страх перед его запретом, и их ненависть к евреям, и неистовое желание сражаться с ними.

Более того, надежда на добычу побуждала многих идти дальше, они считали, что все помещения внутри забиты деньгами, а все предметы там сделаны из золота. Кроме того, один из тех, кто пришел туда, помешал цезарю, когда тот спешил сдержать солдат, и поджег петли ворот в темноте; в результате пламя немедленно вырвалось из святого дома, как только оттуда вышли командиры, а с ними и цезарь, и больше никто не запрещал тем, кто был там, поджигать все вокруг. Итак, весь святой дом был полностью уничтожен огнем без одобрения цезаря.

Но даже после того, как половина Иерусалима оказалась в руках Тита, а Храм превратился в дымящиеся руины, зилоты отказывались сдаваться. Они отступили в Верхний город и продолжили борьбу. Тит снова убеждал их сдаться. Стоя на мосту над Тиропейской долиной, — по этому мосту ступал Иисус, а руины его были обнаружены несколько лет назад, — в 80 футах над землей, Тит упоминал в своем обращении к осажденным и имя Британии:

Молитесь, разве есть большее препятствие, чем стена океана, которой окружены британцы? — восклицал он. — И все же они склоняются перед римским оружием... О, несчастные! На что вы полагаетесь? Разве ваши люди не мертвы? Разве не разрушен ваш святой дом? Разве ваш город не в моей власти? Разве сами ваши жизни не в моих руках? Неужели вы все еще думаете, что умереть значит проявить бесстрашие? Если вы сложите оружие, если предстанете передо мной, я дарую вам жизнь; и я буду поступать, как добрый глава семьи.

Но разбитые уже евреи пытались вести с ним переговоры столь абсурдным образом, что даже Тит потерял терпение и, гневно отвернувшись, приказал армии сжечь и разграбить город.

Вновь к стенам подтянули тараны. Вновь строились насыпи для штурма. Вновь баллисты метали камни, а луки сыпали зажженными стрелами на отважных защитников. В конце концов римляне хлынули через стены и устроили настоящую резню. Они бегали по городу в поисках добычи, но, врываясь в дома, отступали в ужасе, потому что каждое строение было заполнено разлагающимися трупами.

Так Иерусалим после осады, продолжавшейся почти шесть месяцев, оказался поверженным в прах. Пророчество, произнесенное Иисусом в Храме за сорок лет до того, исполнилось. «Ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей. И падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников»⁸.

Тит устроил парад, чтобы поздравить армию и раздать награды. Он стоял на помосте, окруженный своими приближенными, пока зачитывали список

почестей и новых назначений. Он распределял золотые венцы, украшения, копья и инсигнии. Затем, приказав сровнять с землей стены и строения, он разрешил оставить участок западной стены и три башни дворца Ирода, после чего свернул лагерь, увел с собой большое количество пленных, увез золотой стол из святилища, семисвечник и священные сосуды из Храма.

Легион, который остался в качестве оккупационных войск посреди дымящихся развалин — это как раз был Десятый легион Фретензис. Его лагерь был теперь единственным признаком жизни в коричневых холмах, когда-то бывших Иерусалимом. Все, что знал Христос, все места, с которыми Его ученики и первые христиане ассоциировали Его Страсти, суд и Распятие, были полностью разрушены, за исключением, конечно, возвышенности, известной под именем Голгофа. Десятому легиону были приданы вспомогательные подразделения, о которых известно, что они были «иноземного происхождения, собранные отчасти в дальних землях Запада». Я задумался: не будет ли слишком экстравагантно вообразить, что среди тех, кто стал свидетелем разрушения Иерусалима, кто бродил среди руин и рылся в них в поисках сокровищ, спрятанных в подвалах и фундаментах домов, кто посещал обломки зала, где проходил суд Пилата, кто стоял, не понимая того, над могильной насыпью Кальвария, — что среди них были и уроженцы моей страны? Со временем — никто не знает точно, когда, — группа евреев вернулась в Иерусалим из Пеллы. Это были христиане, которые повиновались последнему распоряжению Учителя спастись, когда приблизится период опасностей. Они возвратились и выбрали епископом Симеона. Можно представить, как они со слезами в глазах смотрели на раскинувшиеся повсюду развалины. Старейшие среди этих людей могли помнить Христа, могли даже видеть Его на кресте. Должно быть,

они бродили среди руин в поисках священных знаков и говорили: «Вот здесь Он сказал то» или «Вон там Он исцелил слепца». Несомненно, в развалинах Иерусалима они искали и нашли дом Марии, матери Марка, в котором, как считается, Иисус провел Тайную Вечерю. Их разум был полон священных воспоминаний, они заново отстроили этот дом и избрали его местом богослужения.

В течение шестидесяти лет среди холмов не было ничего, кроме лагеря Десятого легиона, известного как Фретензис, хижин торговцев и прочих людей, следовавших повсюду за легионом. Должно быть, там появились и мастерские по изготовлению кирпичей и черепицы, в которых работали солдаты; они обжигали плоские плитки с печатью *LEG.X.F.*, а также делали значки с символами галеры и кабана.

Из всех реликвий, которые можно купить в Иерусалиме, безусловно, ни одна не могла быть более красноречивой, чем та плитка, которую я приобрел за пять шиллингов. Сделавшие ее руки помогли повергнуть Иерусалим в прах. По какой-то странной причуде судьбы эта вещь уцелела там, где разрушилось и исчезло столь многое, она осталась, чтобы возбуждать любопытство и воодушевлять воображение.

7

Если вы приезжаете в Иерусалим и обнаруживаете, что все гостиницы заполнены туристическими группами, прибывшими через порт Хайфа, не сомневайтесь, что кто-нибудь предложит вам помощь в поиске места в приюте для паломников.

Чувство страха и паники поражает европейских путешественников, незнакомых с давней традицией и испытывающих дискомфорт где-либо, кроме гостиницы.

Слово «приют» само по себе вызывает содрогание и звучит непривычно. Возникают ассоциации с сенбернарами, сиротами, матрацами на полу. Но как мало оснований для подобных опасений! Надо позвонить в колокольчик у небольших боковых ворот посреди высокой стены где-то в Старом городе, и на звонок откликнется монах, почти машинально отступающий в сторону, чтобы пропустить гостя, ведь подобное происходит в Иерусалиме на протяжении свыше тысячи лет.

Монах проводит гостя в скромную комнату с распятием над кроватью, умывальником и комодом. Удовлетворенно оглядевшись в небольшом помещении, путник, если он человек разумный, понимает, что теперь видит Иерусалим под правильным углом.

С тех пор как Карл Великий в VIII веке основал приют с библиотекой и виноградником — позднее его смыло волной исламского завоевания, — Иерусалим специализировался на создании странноприимных домов. Приют рыцарей-госпитальеров предоставлял убежище для паломников в эпоху крестовых походов: он служил также больницей в современном смысле слова, поскольку в те времена многие пилигримы прибывали к святым местам оборванными, ранеными и ограбленными. Разные церкви создавали приюты, зачастую с большими трудностями и в опасных ситуациях, чтобы принимать христиан в Святом Городе.

В наши дни существует Каза Нуова — приют, который содержат добрые и очаровательные братья-францисканцы, приют Богоматери Французской, приют отцов Успения, Германский католический приют, Австрийский приют, Русский приют, Англиканский приют при соборе Св. Георгия. Есть приюты маронитов, греческой православной и армянской церквей, Американский колониальный дом (на самом деле это тоже приют), а также большой, новый и предельно

американский приют Христианского союза молодежи — благочестивый дар миллионера.

Последняя страна, построившая приют в Иерусалиме, — Шотландия. Это красивое белое здание возвышается на участке, с которого открывается вид на старую городскую стену и гору Сион.

Шотландский приют включает также единственную пресвитерианскую шотландскую церковь в Иерусалиме — храм Св. Андрея. И церковь, и сам приют являются военным памятником, «дополнением» к монументу, выражающему национальную силу и печаль, — Шотландской национальной военной капелле в Эдинбургском замке.

Идея постройки шотландской церкви и приюта для гостей и паломников из Шотландии в Святой Земле принадлежала старейшине пресвитерианской церкви в Эдинбурге. Его искренне поддержал судья Джеймс Гарри Скотт, президент Апелляционного суда в Иерусалиме, который указал, что все христианские нации, за исключением Шотландии, представлены в Иерусалиме церковью или приютом для паломников.

Что может быть лучше, адекватнее в качестве мемориала шотландцам, «которые погибли в безводных пустынях, на боевых полях Газы, среди Иудейских гор, на душных равнинах Иерихона и в долине Иордана... на дважды святой земле», чем церковь, в которой могут молиться шотландские странники, и приют, готовый приветствовать шотландских путешественников и студентов? Идея была одобрена Генеральной ассамблеей, и здания построены в камне в 1927 году.

Как-то утром я шел по пыльной дороге из Яффских ворот, чтобы взглянуть на Шотландский приют. Место было выбрано по-настоящему гениально, потому что здание сияет белизной уже издалека. В его облике нет ничего шотландского, это удачное соединение восточной и западной архитектуры.

Я позвонил в колокольчик и оказался в круглом зале современного дизайна, но по-домашнему уютном. Вскоре я услышал приятный голос с акцентом типичного горца, мне рассказали о приюте. С момента открытия в нем останавливалось более тысячи мужчин и женщин из Шотландии: туристов, студентов, миссионеров.

По-моему, это одно из самых приятных и комфортных мест в Иерусалиме. В спальнях горячая и холодная проточная вода, прикроватные лампы, так что перед сном можно почитать. Для студентов есть хорошая богословская библиотека, кроме того: столовая (уверен, что на завтрак там подают пресные лепешки) и просторная гостиная или комната отдыха, высокие окна которой выходят в мощеный двор, из них открывается прекрасный вид на стены Старого города.

Одной из достопримечательностей Шотландского приюта является мертвец возле центральной двери! Когда строилось здание, рабочие наткнулись на необычное погребение, вырубленное в скале, со скелетом раннехристианских времен внутри. Его сфотографировали и почтительно перенесли под одно из окон первого этажа.

Однако церковь Св. Андрея — незабываемая часть комплекса зданий. Это настоящий урок простоты и чистоты линий и цвета. Белокаменные стены, изящный изгиб арок, мягкость бледных тонов, совершенное отсутствие украшений оказываются великолепным средством исцеления после темных, усложненных старых церквей Иерусалима. Прийти оттуда к красоте и покою церкви Св. Андрея — словно от шума и смятения уличного базара перейти к тишине березового леса, что растет вокруг озера Ментит.

У шотландцев особый талант к внезапным эффектам, вызывающим у зрителя слезы, таким трюком отлично владел сэр Джеймс Барри — и когда этот трюк делается с определенной целью на сцене, он может порой

разъярить. Однако снова и снова, вдохновленный искренней печалью и воплощенный в национальной святыне в Эдинбурге, этот прием трогает ваше сердце. Так получилось с церковью в Иерусалиме.

Престол стоит на ионийском мраморе с зелеными прожилками; как мне сказали: «Священник, подавая причастие, словно все время находится в Шотландии». А на латунной табличке, утопленной в полу, написано:

«В память благочестивого пожелания короля Роберта Брюса о том, чтобы его сердце было захоронено в Иерусалиме. Дар граждан Данфермлайна и Мелроуза в ознаменование 6-го столетия с момента его смерти».

Не могу сказать, насколько этот текст поражает в печатном виде, но я прочитал его в чистой и простой маленькой церкви, вдали от Шотландии, и подумал, что это один из самых красивых памятников, которые я когда-либо видел. Я задумался о предсмертном приказе короля Дугласу вынуть сердце из его тела после смерти и понести его в бой против врагов Христа.

Я вспомнил историю смерти Дугласа в Испании, когда он шел на бой с маврами с сердцем короля в серебряной шкатулке, висевшей у него на шее. И еще я вспомнил разрушенные арки аббатства Мелроуз, под которыми, как считается, было похоронено сердце Брюса.

Если бы шотландцы, построившие эту церковь, могли послать сердце Брюса в Иерусалим, я уверен, они бы это сделали, и оно бы лежало теперь на маленьком холме под горой Сион. Но они сделали нечто почти столь же замечательное. Они вспомнили последнее желание короля.

Скамьи в церкви были подарены шотландскими властями, шотландскими масонскими ложами по всему миру и приходом Малл из Галлоуэя, посвященного Джону Гроутсу (Иоанну Грошовому). Все имена вырезаны на задней стороне скамей. Я прочитал строки:

«Максвеллтаун, Метлик, Линтон (Тевинотдейл), Линлитгоу» и так далее, будто вся Шотландия каким-то образом собралась в этом маленьком строении в Иерусалиме.

И я всегда буду помнить зеленоватый ионийский мрамор и связанные с ним ассоциации. Возникает ощущение, что блестящие обещания были сдержаны. Как будто вокруг престола церкви Св. Андрея звучат трубы армии дона Альфонсо, слабое эхо боевого призыва, раздавшегося и давно затихшего в Испании.

8

В один из дней ко мне обратился молодой сионист и вручил мне целую стопку пропагандистской литературы. В качестве расплаты я заставил его проводить меня до Стены плача, что он сделал с явной неохотой, потому что политически ориентированные молодые сионисты имеют мало общего с ортодоксальными евреями, которые причитают и молятся с новым рвением по пятницам об утраченной славе Израиля.

Мы искали дорогу к Стене плача в лабиринте узких, извилистых улочек Старого города. Внезапно, свернув за угол, мы оказались перед огромным, рыжеватокоричневым участком стены, из трещин которой торчали пучки травы и дикие каперсы. Стена была примерно 50 ярдов длиной и около 60 футов высотой, нижняя часть сложена из гигантских коричневатых блоков камня — примерно по 16 футов длиной и 13 футов шириной. Считается, что это единственный фрагмент стены Храма, который солдаты Тита не разрушили после осады.

С точки зрения идеологии, евреи, которые молятся там, оплакивают минувший блеск Израиля. Это может показаться довольно странным тем, кто знает, что в

Палестине существует организация Еврейский национальный дом, спонсируемая Великобританией, благодаря которой сюда эмигрируют тысячи евреев со всего мира. Но еврей, который молится у Стены плача, — это не современный еврей-сионист; на самом деле он оплакивает материальную основу современного сионизма. Это старомодный, ортодоксальный иудей, чья жизнь целиком и полностью связана с религией.

Обычай молитвы-плача, оплакивания — один из наиболее часто упоминающихся в Ветхом Завете.

«Об этом буду я плакать и рыдать, буду ходить, как ограбленный и обнаженный, выть, как шакалы, и плакать, как страусы»⁹, — восклицал пророк Михей.

«Осызаем, как слепые, стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые. Все мы ревом, как медведи, и стонем, как голуби...»¹⁰, — говорит Исаяя.

Обычай молитвы перед стеной Храма Ирода восходит к далеким временам. После разрушения Иерусалима Адриан под страхом смерти запретил евреям даже приближаться к городу. Однако при Константине им позволили раз в год проводить церемонию оплакивания на месте Храма. В XII веке внешняя стена — та, что сейчас называется Стеной плача, — была предоставлена евреям как место молитвы.

Примерно 50 человек — мужчин и женщин — стояли перед стеной, у некоторых в руках были книги, и все они тихо бормотали, раскачиваясь вперед-назад, как всегда делают иудеи в момент молитвы. За углом находилась будка, в которой сидел британский полицейский, призванный предотвращать возможные беспорядки, потому что Стена плача — одно из самых опасных мест в Иерусалиме.

— Здесь может произойти все, что угодно, — сказал полицейский. — Еврей может вступить в ссору с арабом,

или араб может оскорбить еврея, и прежде чем вы поймете, что случилось, начнется бунт. У меня есть телефон, а на соседней улице находится полицейский участок. Извините... Мадам, вы не можете пользоваться здесь камерой.

— Но почему? — спросила англичанка.

— Это запрещено. Им это не нравится.

Мне понравилось, как этот полицейский следил за порядком в самом уязвимом месте Иерусалима — потому что сама стена является собственностью мусульман, а с другой стороны от нее возвышаются Купол Скалы и мечеть аль-Акса, занимающая территорию Храма. Ужасный бунт и резня 1929 года начались именно у этой стены с протеста мусульман против каких-то циновок и тента из ткани, установленного евреями, которые отказались убрать все это по требованию британских властей.

В результате полицейский, дождавшись момента молчания среди молитв, убрал предметы, ставшие предметом спора, но по неистовству, которое вызвали его действия, вдруг понял, что выбрал самый неподходящий — то есть наиболее священный — момент оплакивания. Евреи пожаловались в Лигу Наций. Спор затянулся на долгие месяцы и постепенно перерос в фанатичную ярость, которая возрастала, и в итоге многие арабы и евреи лишились жизни.

К Стене плача приходят разные типы евреев. Я видел польского еврея в бархатном кафтане и шапке, отороченной мехом, молодого еврея с длинными, песочного цвета волосами и пейсами, темноволосых восточных евреев, йеменитов из Аравии, которые внешне походили на арабов, испанских евреев и — здесь и там — современных евреев в европейского кроя костюмах и шляпах.

Короткие молитвы на обрывках бумаги торчали из трещин в стене. Одна девушка горько плакала,

раскачиваясь у самой стены, возможно, она молилась об исцелении от болезни, ведь евреи верят, что Яхве никогда не покидал этих камней и не оставлял их Своим состраданием. Молитвы евреев со всего мира сосредоточены здесь, потому что Стена плача обладает привилегией особой святости.

Множество «плакальщиков» объединено постоянными молитвами. Вот одна из них, ее перевел для меня молодой сионист:

Лидер: Во имя дворца, что лежит в заупустении.

Ответ: Мы сидим в молчании и сокрушаемся.

Лидер: Во имя Храма, который разрушен.

Ответ: Мы сидим в молчании и сокрушаемся.

Лидер: Во имя стен, которые повержены.

Ответ: Мы сидим в молчании и сокрушаемся.

Лидер: Во имя нашего величия, которое утрачено.

Ответ: Мы сидим в молчании и сокрушаемся.

Я полагаю, что этот плач сохраняется ортодоксальными евреями с тех пор, как Тит разрушил Храм Ирода и рассеял народ по четырем сторонам света.

— Как отвратительно, — услышал я шепот англичанки, которая некоторое время внимательно разглядывала происходящее у Стены плача. — Какой смысл плакать о пролитом молоке?

И она удалилась в недоумении и негодовании.

Только женщина и именно англичанка, подумал я, могла назвать разрушение Храма и рассеяние евреев «пролитым молоком»! Но я понимал, что она имела в виду.

Еврей так остро чувствует святость территории Храма по ту сторону Стены плача, что никогда не войдет туда.

Молодой сионист смущенно, словно признаваясь в незначительном, мелком предрассудке, пояснил:

— Существует мнение, что Ковчег Завета, возможно, захоронен где-то под полом мечети, или что посетитель может по незнанию пройти прямо над Святой Святых, попирая ее ногами. Когда несколько лет назад мечеть посещал один из Ротшильдов, его возили на специальном кресле, чтобы он случайно не осквернил святое место.

Я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на толпу раскачивающихся вперед-назад евреев, склоненных перед гигантским обломком стены, и подумал, что никогда прежде не видел ничего более решительного и вместе с тем более прискорбного. Это производило гораздо более сильное впечатление, чем стопка сионистской литературы, которую мне вручили. Мне казалось, я вижу цепь раскачивающихся бородатых фигур, уходящую в римские времена, молящихся, плачущих, всовывающих свои маленькие послания в щели между камнями, ломающих ногти, умоляющих Яхве вновь с любовью и состраданием посмотреть на то место, где когда-то, словно заснеженная гора, возвышался Его Храм.

Упорство странноватых, жалких на первый взгляд старых евреев, собирающихся вокруг Иерусалима, духовно все еще живущих в ветхозаветных временах, выстраивающих свое существование в соответствии с запутанными правилами и предписаниями, которые даже Тит и его легионы не смогли уничтожить, вызывает уважение и благоговейный трепет. Они по-прежнему ждут и молятся о приходе Мессии, они верят, что однажды Яхве простит их грехи и снимет с их согбенных спин бремя подавления и преследований, которое они несут веками.

А в десяти минутах ходьбы от Стены плача находится Еврейское агентство, занимающееся

обустройством евреев на этой земле. Там полно политиканов и машинисток. Они готовы говорить с вами на английском, немецком или русском. Они никогда не упоминают Моисея, но могут пространно, оживленно и с искренним энтузиазмом говорить об электричестве. Нет в мире более причудливого контраста, чем Стена плача и Еврейское агентство, — и то, и другое предельно иудейские явления, и то, и другое озарены желанием возродить еврейское государство; но в одном случае — с Божьей помощью, а во втором — посредством тракторов и моторов.

— Стена плача, без сомнения, весьма интересное зрелище, — заметил молодой сионист, когда мы шли от нее прочь.

9

Солнце еще не взошло. Погонщики вели по улицам Иерусалима сонных ослов. Верблюды длинными, медленными вереницами покидали деревни, окруженные зеленью насаждений. Худые смуглые руки уже разворачивали и разглаживали под аркой Дамасских ворот и на каменных выступах узлы с тряпьем.

На крутых улочках Старого города торговцы фруктами устанавливали переносные прилавки с пестрыми плодами, продавцы одежды хлопотали с тюками, булочники выпекали маленькие сахарные печенья; а торговцы рыбой раскладывали странные, бесформенные трупы, которые будут проданы и съедены в этой горной столице: гигантскую щуку, пойманную в Тигре или Евфрате, дня четыре путешествовавшую в россыпях льда, камбалу из Египта и Яффы, рыбу *мушт* — известную также как рыба святого Петра, который ловил ее в Галилейском озере.

Я спускался по ступенчатым улицам, полным приятной утренней свежести, с обеих сторон высились древние, мрачные стены; я прошел под аркой крестоносцев, теперь встроенной в стену мечети, миновал выложенный голубой плиткой фонтан, относящийся ко временам Саладина. Внезапно темная улочка засияла золотистым светом, и, взглянув вверх, я увидел, что взошло солнце. Я уже чувствовал разливающееся в воздухе тепло, ведь солнце Палестины взлетает в небо, как огненный шар, и с первых секунд греет кожу.

С ближайшего минарета донесся призыв на молитву. Свернув за угол, я увидел муэдзина, стоявшего на маленьком балконе, залитом первыми лучами солнца; это был слепой старик, громко кричавший: «Аллах акбар, Аллах акбар, Аллах акбар; ашаду ля илаха илла-ллах, ашаду Мухаммад-ар-расулуллах... айя-а, алас-сала...» («Аллах велик; признай, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад Пророк Его... Приди на молитву!»).

Произнося этот призыв, он не складывал руки у рта рупором, как обычно рисуют муэдзина художники, а прижимал их за ушами, развернув ладонями вперед и пальцами вверх.

Я шагал по неровным камням мостовой и, проходя сквозь ворота Св. Стефана, увидел впереди слепящую белизной песчаную дорогу и Елеонскую гору, над которой стояло солнце.

В гористой стране нет ничего древнее дороги. Города возникают и исчезают, самые прекрасные здания могут обратиться в прах, но скромная дорога, бегущая между скал, существует вечно. В Иерусалиме вам могут показать разного рода примечательные места, и каждое из них можно поставить под сомнение, — например, то самое место, где прокричал петух, когда святой Петр отрекся от Господа, — и все же мы почтительно и благоговейно взираем на них, обращаясь мыслью к тому,

что их породило, испытывая легкое неудовольствие от того, как из них извлекают прибыль. Однако на Елеонской горе вы *знаете*, что эти простые каменистые пути, петляющие между скал, — те самые, по которым должен был ступить Он, и что они отмечены истинными следами Его стоп в большей мере, чем любой камень золоченого святилища.

Дорога спускается от ворот Св. Стефана в долину Кедрон, поворачивает направо, ведет к каменистой местности. Когда я взглянул вверх, стены Иерусалима с их зубчатыми проходами для стражников доминировали над окрестностями — золотые в лучах утреннего солнца. Со дна долины дорога поднимается на пологий склон Елеонской горы, а чуть в стороне, справа, видны огражденные стеной кипарисы. Это Гефсиманский сад.

Небольшим этим садом управляют братья-францисканцы, ко всему относящиеся с восхищением, почтением и тактом; они построили поблизости церковь, но ничего не изменили в самом саду, лишь разбили клумбы с цветами среди древних олив.

В краю, где шаги Христа, реальные или воображаемые, можно проследить по огромным церквям, возведенным над камнями и пещерами, над легендарными местами, этот маленький, тихий сад у Елеонской горы остается незабываемым воспоминанием. Время совсем его не изменило. На холме напротив один город сменял другой, но сад, расположенный так близко, что вечером тень иерусалимских стен падает на него, сегодня все тот же, каким он был во времена Иисуса. Здесь была такая же стена и, вероятно, масличный пресс, к которому жители приносили для переработки собранные оливки. В саду выделяются восемь древних оливковых деревьев невероятного обхвата. Они больше похожи на камни, чем на деревья. Из, казалось бы, мертвой древесины тянутся вверх новые побеги, и старые стволы, толщиной

напоминающие дубы, поддерживаются грудями камней и крепкими деревянными жердями. Эти оливы все еще приносят плоды, из которых монахи отжимают масло.

Старый монах, работающий в саду, открыл для меня ворота и вернулся к корзине для прополки и граблям. Это был француз, прошедший много лет в Святой Земле, и когда я заговорил с ним, он распрямился, оставив на время изгородь из розмарина, вежливо ожидая возможности вернуться к своей работе; его загорелые и огрубевшие руки садовника были скрещены на коричневой рясе, пальцы сцеплены.

Он указал мне на скалу, отмечавшую участок, где спали Петр, Иаков и Иоанн, а неподалеку — колонну в стене, считающуюся по традиции указанием на место, где Иуда предал Иисуса поцелуем.

— Правда ли, — спросил я, — как верят многие, что это действительно те самые деревья, которые росли здесь во времена нашего Господа?

— Может быть, — ответил он. — Их возраст точно неизвестен, но они очень древние. Я расскажу вам о них кое-что интересное. С них никогда не платили налог, установленный с момента мусульманского завоевания на все новопосаженные деревья. Это означает, что они уже много веков назад были старыми. Это, сын мой, исторический факт, но я не могу сказать, давали ли они тень нашему Господу; что до меня, — старик мягко улыбнулся и склонился к корзине и граблям, — я верю в это.

Единственный звук, раздающийся в Гефсиманском саду, — шарканье граблей францисканца по острым осколкам кремня и гудение пчел в цветах, а еще порой тот жаркий цокот, который всегда напоминает мне о ярком солнце Палестины, — стрекотание кузнечиков.

И, стоя в тени оливок, я смотрел вверх и сквозь завесу листьев видел величественную желтую стену Иерусалима на склоне напротив, и Золотые ворота —

место триумфального входа в город. Из этого тихого сада, заполненного прохладными полосами тени, стена казалась жестокой и ужасной.

Мне пришла мысль, что нет большего контраста, чем гордая, твердая, желтая стена и этот маленький сад с деревьями, в котором ящерицы выскакивают из норок между камнями и смотрят неподвижно на солнце, подняв змеиные головки, прислушиваясь и вглядываясь в окружающее пространство; здесь каждый лист и каждый цветок обретают особую красоту в сравнении с бесплодной сухостью и жесткостью жары за пределами сада.

«Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там»¹¹.

Я заканчиваю главу, написанную святым Матфеем, и закрываю книгу. Монах закончил прополку ряда. Он наклонился, чтобы вытряхнуть из сандалии камешек, и вновь вернулся к работе. А над нами, как колонны крипты, виселись суровые дуплистые стволы восьми олив, которые не умрут.

Выпуская меня из сада, францисканец протянул мне полоску бумаги, которую я положил в карман, когда шел назад, по раскаленной дороге в Иерусалим. Я вспомнил об этом, проходя в ворота Св. Стефана, и достал полоску, внутри которой были запрессованы копьевидный лист оливы и голубой цветок из Гефсиманского сада.

Глава вторая

Иерусалим: Голгофа и подземелья

Как Голгофа была найдена Константином под языческим храмом, как на этом месте вырос храм Гроба Господня и как эта церковь сегодня разделена между различными христианскими общинами. Я посещаю подземные каменоломни, которые обеспечивали камнем Храм Соломона, прохожу по Еврейскому кварталу в субботнее утро, а вечером брожу по туннелю, который Езекия прорезал в скале, когда ассирийцы угрожали наброситься на город, «как волки на овчарню».

1

Когда Иисус прощается с Галилеей и направляет стопы в Иерусалим, в евангельском повествовании нарастает напряжение. Галилейская идиллия закончена. Никогда больше мы не услышим, как плещутся волны о берег озера, не увидим толпу, расположившуюся на траве, или маленькие рыбацкие лодки, возвращающиеся домой на закате. Иерусалим, холодный, вознесенный на высоту холма, пугающий своим формализмом и самодовольством, высокомерием и превосходящей мыслимые границы слепотой, словно грозная туча, лежал на пути Христа.

С поразительным лаконизмом евангелия изображают атмосферу города, в которой уже раздавались первые раскаты грома, предвещавшие надвигающуюся грозу. Иерусалим тянет щупальца, чтобы поймать. Его. Христа подстерегают шпионы, пытающиеся заманить Его в

ловушку раввинистических споров. Он сбивает их с толку холодной, ледяной логикой и продолжает путь по жаркой долине Иордана к высоким коричневато-охристо-коричневым горам, навстречу буре. Никогда прежде в столь малом количестве слов не удавалось выразить картину насилия, скопищ народа, множества разгоряченных лиц, обвиняющих перстов, лгущих врагов вокруг, картину города, одержимого фанатичной ненавистью. Классическая литература не дает примеров столь красочного описания евангельских событий, предшествующих Распятию, и когда мы перечитываем страницы евангелий, мы ощущаем присутствующее, но никогда напрямую не названное напряжение, нервную атмосферу Иерусалима.

Совершенно невероятно, но та же атмосфера характерна и для современного Иерусалима. Город много раз разрушали, но каждый раз он вставал из мертвых тем же самым нервным, напряженным Иерусалимом. Плотность воздуха здесь странная, неосязаемая, но настолько реальная, что испытываешь облегчение, выбравшись за стены города, даже если дошел всего лишь до Елеонской горы. Но стоит вернуться и пройти под сводами тех или иных старых ворот, как вновь попадаешь под влияние этой странной силы.

В прежние дни электрическое напряжение в воздухе Иерусалима сгущалось вокруг Храма и всего, что в жизни иудаизма называется строгим соблюдением культа Храма; сегодня центром напряжения стал тот факт, что Святой Город является таковым для трех религий, и в его стенах эти три религии постоянно пребывают на грани конфликта. Христианин, который, естественно, рассматривает Иерусалим исключительно как место Распятия и Воскресения, склонен забывать, что для иудея это по-прежнему город Яхве, а для мусульманина — самая великая святыня к востоку от

Мекки. Гумно Орны Иевусеянина, ставшее алтарем всеожжания даров в Храме Соломона, сегодня служит святилищем мусульман, и с этого камня, согласно исламскому преданию, Пророк отправился на небеса на спине крылатого коня ал-Бурака.

Именно поэтому нетрудно представить себе, почему Иерусалим переполнен насилием, царящим в умах, превышающим насильственные действия, типичные для всех современных городов. Неразумно евреям входить в святилище Гроба Господня, а великая мечеть зачастую закрыта для христиан. В воздухе чувствуется атмосфера духовных барьеров и границ. В Иерусалиме ничто не имеет такого значения, как религия. Хотя это один из самых многоязычных городов на земле, здесь нет национальностей. Человек редко называет себя швейцарцем, немцем, армянином, персом, коптом или греком: он либо христианин, либо мусульманин, либо иудей. Три религии играют в Иерусалиме ту роль, которая в других городах отводится национальностям.

Вероятно, нет оснований удивляться тому, что эти три конфликтующих между собой представления о вечности со временем неизбежно приведут к общему несогласию. Христианин, мусульманин и иудей живут в разных годах. Для нас наступил 1934 год от Рождества Христова. Однако евреи считают годы от сотворения мира, для них теперь 5694 год. Мусульманское летосчисление ведется от рождения Мухаммада, для них сейчас 1352 год. Но есть еще и четвертая система счета времени, принятая греками и русскими, которые придерживаются юлианского календаря, введенного Юлием Цезарем в 46 году до н. э. и исправленного папой Григорием XIII в 1582 году.

Затем, в Иерусалиме каждую неделю три святых дня. Мусульмане почитают пятницу, евреи священным днем считают субботу, а христиане — воскресенье. Несколько странный, но восхитительный оттенок придают

Иерусалиму абиссинские христиане^[3], празднующие Рождество каждый месяц; но, к счастью, это довольно частное предприятие, и оно не ведет к закрытию банков. В таком хаосе священных праздников жизнь банковского клерка в Иерусалиме должна быть едва ли не райской, потому что на Пасху мистер Барклай практически полностью прекращает операции. Священные дни следуют один за другим почти неделю, и мистер Барклай почтительно закрывает ставни банка на еврейский Пейсах, затем на мусульманский праздник Неби Муса и на христианскую Пасху.

Так Иерусалим в повседневной жизни выражает всю сложность великих перекрестков культур. Три основных религиозных потока встречаются здесь и приходят в очевидное смешение, прежде чем распространиться во все концы света.

2

Послеполуденное солнце заливало светом двор перед Гробом Господним, когда я во второй раз посетил это загадочное скопление церковных строений.

Во-первых, трудно понять его запутанную топографию. Прежде всего, это круглая церковь с Кувуклием — надгробием Христа — в центре. Вокруг нее — просторная галерея для крестных шествий с целой серией часовен. На некотором расстоянии и на 14 футов выше остального пространства церкви находится часовня, возведенная над священной горой Голгофой. С ней связана еще одна церковь, а позади — еще одна часовня, известная как часовня Св. Елены, от которой ступени ведут вниз, к скальной купели, где мать императора Константина обнаружила Крест. Но две основные достопримечательности, на которых выстроен комплекс храма Гроба Господня, — это гора Голгофа,

или Кальварий, и могила святого Иосифа Аримафейского — «на месте, где Он был распят».

Церковь производит общее впечатление сумрака и заброшенности. Есть такие темные проходы, что мне приходилось зажигать спички, чтобы найти путь. А степень разрушения камня, дерева и металла повсюду просто фантастическая. Я видел картины, гниющие на холстах, даже холсты, по-прежнему остающиеся на рамах, но полностью выцветшие: последние фрагменты краски отслоились, но еще не осыпались с основы. В камне, в мраморе были заметны повсеместные трещины и сколы. Я подумал: как странно, что предельные формы поклонения могут вызывать тот же эффект, что и предельное небрежение. Храм Гроба Господня оставляет впечатление запущенности и разрухи по очень простой причине: перемещение или замена картины, починка камня и даже ремонт окна в глазах общин обретают такую огромную важность, что возникают бесконечные проволочки, споры, дело откладывается.

Невероятная путаница колонн и проходов, подземных пещер и полуподземных туннелей, — все это накопилось за шестнадцать столетий войн и пожаров! Это исключительная неразбериха, в которой никто не может разобраться за один-два визита. Это настоящий лабиринт переходов и часовен, окружающих три основных святилища.

Я поднимался и спускался по лестницам, ведомый лишь неверным светом мерцающих свечей, исследовал темные галереи и угольно-черные коридоры. Один раз я вынужден был остановиться, наткнувшись на коленопреклоненных францисканцев, которые шли крестным путем, отблески их свечей падали на благоговейные бородатые лица, словно сошедшие со стен дома Эль Греко в Толедо. Первое впечатление от храма — череда пещер с сокровищами. Это совсем не

похоже на украшенные римско-католические церкви Италии или Испании. Богатство и пышность здесь явно восточные. Словно наследие Малой Азии, России или Греции, накопленное столетиями, а теперь явившееся взгляду в свете свечей на перегруженных алтарях. Здесь соседствуют искусство и вульгарность. Бесценный потир, дар императора, стоит рядом с чем-то мишурным и дешевым, будто снятым с рождественской елки. Сотни икон отсвечивают старым золотом, на котором видны потеки воска, скрывающие части прямых, строгих фигур святых и правителей в византийском стиле.

Греческие монахи раскачивают кадила, блестящие в свете свечей, и голубоватые облачка дыма поднимаются от курильниц с благовониями, висящими перед иконами и их золочеными окладами. Коленопреклоненные верующие на мраморном полу время от времени простираются ниц перед чередой экзотических ювелирных изделий. Только в часовне францисканцев царит простота, которая обычно ассоциируется с современной западной церковью. Здесь просто и прохладно. В Святой Земле поражает видимое различие между западной и восточной церквями. Те, кто считает, что римская церковь отличается блеском и роскошью облачений и ритуалов, в Иерусалиме могут обнаружить, что католики кажутся умеренными и неброскими «протестантами» — в коричневых рясах, перевязанных веревками, в то время как греки и армяне предстают в алых и золотых облачениях, с крестами из хрусталя и драгоценных камней, в облаках воскуряемых благовоний.

Поднявшись по темной лестнице, я внезапно сам опустился на колени, на мраморный пол, вместе с безмолвной толпой, все держали в руках зажженные свечи. Тот, кто стоял рядом со мной, горестно вздохнул от полноты сердца. Я скосил глаза и увидел черное нубийское лицо, яркие белки глаз, сверкавшие в свете

свечей, но так и не смог понять — мужчина это или женщина, так как фигура была скрыта избыточными складками одежды.

Мы стояли на коленях перед алтарем, дрожащим в желтоватом свете и сверкавшем от обилия золотых лампад и икон. Две колонны отделяли эту часовню от соседней, в которой молились францисканцы, поразившие меня набожностью и ясной простотой лиц. Мы образовали две конгрегации, вместе молившиеся и смотревшие в одну сторону, но остававшиеся в разных часовнях.

Это была гора Распятия: Кальварий, самое священное место на земле. Я огляделся вокруг в надежде обнаружить какие-то приметы прежних событий, но все они были стерты навеки под удушающим покровом благочестия. Я стоял на коленях перед часовней Воздвижения Креста; соседняя часовня была посвящена Поклонению Кресту.

Когда толпа поредела, я приблизился к алтарю. Там находился греческий священник, приводивший в порядок свечи: гасивший одни и зажигавший другие. Он сделал мне жест рукой, приглашая подойти ближе, и указал на серебряный диск, по краю которого скопились свечные натеки, а под ним я увидел отверстие в камне: он прошептал, что именно там был водружен Крест Господа. В часовню с молитвами и причитаниями вступили паломники, желавшие прикоснуться к скале дрожащими пальцами; и я пошел прочь, размышляя, что это место нам следует знать лишь в своих сердцах.

Я последовал вниз по лестнице за группой паломников и оказался в церкви Святого Креста, которую также называют церковью Св. Елены. Следующий лестничный пролет вел вниз — в грот, где святая Елена в IV веке, как считается, нашла истинный

Крест. Это часовня Обретения Святого Креста, и его форма вырезана в черной шероховатой скале.

Как и все паломники, я был увлечен общим движением к мраморному святилищу в центре круглой церкви. Я долго сидел перед ним, задумавшись о том, как мало оно для Гроба Иисуса. Святилище было выстроено греками в 1810 году, после пожара в храме Гроба Господня, так что эта часть не восходит непосредственно к древним временам.

И пока я сидел там, прошли три службы трех разных конфессий, каждая на таком расстоянии от остальных, что присутствующие могли слышать друг друга. Францисканцы служили в своей часовне, греки — по соседству, так что возникло ощущение двоящегося, долгого и не слишком музыкального звука. Сразу за Гробом Господним — там, где находится алтарь коптской церкви, — чуть позже раздалось непривычное на слух хрипловатое пение. Звучание трех служб, проходивших на латинском, греческом и древнем языке Египта, сливалось вокруг гроба Христа.

Для обычного западного человека труднее всего принять разделение собственности на Гроб Господень — и некоторым так и не удается это сделать. Святилища внутри храма разделены между шестью церквями: восточной православной, армянской, коптской, сирийской, абиссинской и западной.

Западная церковь представлена католиками, которые со времен крестовых походов доверили попечение о святых местах францисканцам. Глава миссии францисканцев в Святой Земле носит имя отца-хранителя (*кустос*).

Разделенное право собственности стало оформляться после того, как Саладин разгромил в 1187 году христианское государство Иерусалима. Крестоносцы были представителями западного христианства и претендовали на владение святыми

местами Палестины; в течение 88 лет христианского правления, опиравшегося на мечи крестоносцев, западная церковь контролировала Гроб Господень. Однако после мусульманского завоевания восточные церкви получили возможность вступить во владение на условии уплаты ренты неверным; так они приняли наследие, захваченное крестоносцами силой меча.

Меняющиеся судьбы различных конфессий в отношении храма Гроба Господня могли бы составить содержание большой и увлекательной книги. Каждый дюйм святого пространства выгравирован на карте традиций. Граница между владениями францисканцев и греков столь же реальна, как граница между Австрией и Италией, а места, выделенные коптам, сирийцам и армянам, утвердились в итоге многовековых повседневных служб.

Гробница нашего Господа и ротонда, внутри которой она находится, являются общей собственностью всех церквей. У них есть определенные права на проведение процессий, служение литургии по установленным датам и поводам. Галерея крестоносцев, которая ведет от ротонды, принадлежит грекам, в то время как соседнее святилище с северной стороны — это часовня Явления Иисуса Богоматери, за которую отвечают францисканцы. Копты, как я уже говорил, имеют собственную маленькую часовню, пристроенную непосредственно к ротонде. Сирийцы владеют угольно-черной часовней, лишенной каких бы то ни было украшений, в стороне от центральной ротонды, в нее ведет низкая каменная дверь, напоминающая вход в узилище. Церковь Св. Елены и часовня Ризположения принадлежат армянам. Голгофа разделена между католиками и греками; часовня Воздвижения Креста — греческая, а соседняя часовня Поклонения Кресту, как и алтарь Стабат Матер — место, где Благословенная Дева

приняла в свои руки безжизненное тело Иисуса, — католические.

Можно перейти к бесконечной череде других часовен и святых мест, но я назвал лишь самые важные и священные. Абиссинская церковь, которая в XVI в. владела ценной территорией внутри храма, была постепенно оттеснена, и сегодня представляет собой колонию темнокожих монахов, обитающих возле часовни Св. Елены, где они выстроили несколько хижин.

Другие конфессии в ходе исторического развития вынуждены были отказаться от права собственности на святые места в пределах храма Гроба Господня: так, грузинская церковь вынуждена была уйти оттуда в 1644 году, поскольку в результате национальных бедствий не смогла платить чрезмерно высокую ренту турецкому правительству.

Когда люди с пренебрежением относятся к конфликтам и ссорам, вспыхивающим между различными христианскими общинами за право обладания частью храма Гроба Господня, они забывают — или попросту не знают — об исключительной тонкости и сложности этой ситуации. Подобные ссоры выглядят недостойными и непростительными, но такова человеческая природа, и понять причины конфликтов довольно легко.

Как я уже сказал, каждый дюйм территории четко обозначен, границы установлены, хотя и остаются невидимыми для глаз — но не для традиционного взгляда, который видит их с предельной ясностью. Однако некоторые участки содержат святилища, являющиеся общей собственностью, и разные конфессии имеют право по особым случаям возжигать там лампы. Для того чтобы сделать это, их представителям необходимо вторгаться в пределы, принадлежащие другим общинам. Это и есть самый опасный момент. Когда копты, например, имеют право

провести процессию через территорию греческой или армянской церкви или наоборот, человеческая слабость порой проявляется слишком сильно, и ее не удастся сдержать!

Прежний епископ Гор как-то раз показывал Иерусалим одному из моих друзей, который спросил его: что бы сказал Иисус обо всех этих сектантских спорах вокруг Его гроба. И епископ ответил: «Я верю, Он сказал бы, со своей чудесной улыбкой: „У моих детей должны быть игрушки. Разве не все дети спорят о своих игрушках?“».

3

Нет на земле строения, которое имело бы более причудливую историю, чем храм Гроба Господня.

После взятия Иерусалима в 70 году н. э. первые христиане, те, кто бежал в Пеллу, вернулись к руинам своих домов. Они составляли связующее звено с Иисусом Христом. Старейшие из них видели Его, возможно, даже говорили с Ним; а младшие, должно быть, знали место Кальвария, дом, где проходила Тайная Вечеря, Гефсиманский сад и все другие места, отмеченные в земной жизни нашего Господа. Любой из них, кому было больше 50 лет, мог иметь яркие воспоминания о Суде и Распятии.

Я помню, как весной 1919 года проходил по руинам Ипра и других городов по соседству с ним, буквально стертых с лица земли. Передо мной открылось печальное зрелище: крестьяне возвращались, чтобы взглянуть на те места, где прежде стояли их дома, они убирали с дороги мешавшие им кирпичи и камни, раскапывали входы в подвалы и там обустроивали жилища, сооружая крыши из ржавых листов железа или любого другого материала, способного защитить их от

дождя. Упорство, с которым люди возвращаются к своим разрушенным домам после войн и землетрясений, доказывает, что желание обрести связь с прежней жизнью — один из наиболее мощных инстинктов человека.

Христиане из Пеллы, должно быть, бродили по насыпям и руинам Иерусалима точно так же, как крестьяне Ипра и Камбре, но им искать путь сквозь упадок помогало нечто большее, потому что Тит сознательно оставил такие приметы местности, как укрепления Ирода, мощные башни, в то время как в Ипре было разрушено все. Наверное, первым христианам было проще отыскать свои прежние дома, чем жителям Камбре. Кроме того, Иерусалим стоит на твердой скальной породе, и Тит не использовал взрывчатку для уничтожения зданий. А потому, несомненно, они начали строительство на местах, вдвойне священных для них, на местах, связанных с Учителем, а не только с их собственной, домашней историей. Мы не знаем, как они относились к Кальварию. На самом деле есть основания предполагать, что они испытывали гораздо большее почтение к дому, где проходила Тайная Вечеря — дому Марии, матери Марка, дому, в котором Иисус появился после Распятия, в котором произошло чудо Пятидесятницы и в котором, согласно традиции, Благословенная Дева провела остаток жизни. Вскоре на месте этого дома появилась церковь, которая известна как Кенакул; это слово является производным от латинского *кена* — «столовая»^[4]. Безусловно, для тех христиан, через сорок лет после Распятия, было естественнее почитать место, связанное с последней проповедью Христа, Его явлением после Вознесения и Сошествием Святого Духа, а не трагическую гору Голгофу. Но, несмотря на то, что они, насколько нам известно, не построили церковь над могилой Христа, мы можем совершенно определенно сказать, что само это

место было всем известно. Восточный склад ума никогда не забывает места, ассоциируемые со священными событиями.

В течение почти шестидесяти лет Иерусалим оставался не более чем лагерем Десятого легиона Фретензис. Вокруг этого лагеря появилось небольшое количество хижин купцов и маркитантов, а среди руин, несомненно, высилось несколько домов, хозяева которых были изгнаны или погибли; на горе Сион появилось со временем маленькое поселение христиан, сгрудившееся вокруг Кенакула. Вероятно, это было все население города, потому что прежние жители либо были убиты при взятии Иерусалима Титом, либо высланы в изгнание.

В этот момент два человека, имена которых опять же связаны с Британией, оказали влияние на судьбу Иерусалима. Первым из них был император Адриан. Он совершил несколько официальных поездок по территории империи. В ходе одной из них, в 122 году н. э., он посетил Британию и приказал построить гигантскую стену от Тайна до Солуэя, которая до сих пор носит его имя — Адрианов вал. В ходе другой, восемь лет спустя, он прибыл в Палестину. Как сказал, кажется, Ренан, вид руин всегда пробуждал в Адриане желание строить. Точно известно, что величественное зрелище Иерусалима, расположенного на заброшенных холмах, затронуло его воображение. Он распорядился очистить территорию для возведения нового города на месте прежнего — совершенно римского города, вплоть до малейших деталей; и название этого города было Элия Капитолина, включающее собственное имя императора — Элий, а также имя бога — Юпитера Капитолийского.

Новости об этом решении разожгли пламя религиозного рвения. Целое поколение евреев, забывшее Тита, успело вырасти за период с 70 по 130 год н. э.; и огонь восстания вновь охватил Иудею.

Адриан вынужден был послать в Британию за своим лучшим командующим, Юлием Севером, развязавшим безжалостную войну, в которой, по словам Диона Кассия, 580 000 человек погибли в результате осад и взятия едва ли не 600 городов и поселков. К концу этой войны еврейской проблемы больше не существовало. Руководитель восстания был разорван на куски раскаленными щипцами. В горах вокруг Иерусалима эхом разнеслись мирные звуки молотов камнетесов.

Элия Капитолина, как теперь назывался Иерусалим, стала почтенным городом с белыми колоннадами, форумом и храмами, окруженным стеной, воздвигнутой более или менее в контурах старых иудейских укреплений. Она была посвящена Юпитеру Капитолийскому в честь *винцентинналий* Адриана в 136 году н. э., на двадцатую годовщину его правления. Среди строений этого нового римского города был храм Венеры. Он был сооружен на небольшой возвышенности, ранее находившейся за линией городских стен Ирода. Это была Голгофа, или Кальварий. Часто высказывали предположение, что Адриан построил этот храм, потому что христиане почитали это место святым, и поскольку он хотел избавиться от всех иудейских или, как он считал, полуиудейских ритуалов, то в результате воздвиг храм Венеры, чтобы осквернить память Христа. Павлин Ноланский в IV в. писал императору Северу, что Адриан, «воображая, будто мог истребить христианскую веру, оскорбив это место, освятил образ Юпитера на месте Страстей».

Метод строительства языческого храма на месте Кальвария сам по себе интересен. Сначала возвели двадцатифутовую стену вокруг горы и заполнили внутреннее пространство галькой и бетоном. Таким образом удалось повысить уровень местности примерно на триста футов в длину и на шестьдесят в ширину, образовав подиум или платформу для строительства

храма; этот этап похож на процесс сооружения храма Кастора на римском Форуме или великого храма Рома Этерна и Венус Феликс (Вечного Рима и Счастливой Венеры) на Виа Сакра. На платформе, закрывшей Кальварий, посадили рощу, а непосредственно над Гробом Господним установили статую Юпитера, а над Кальварием — мраморную статую Венеры и маленький храм.

Если Адриан надеялся навсегда уничтожить самую память о Кальварии и Гробе Господнем, то его действия имели обратный эффект. Он сохранил святые места в том виде, в каком они существовали ранее, для будущих поколений. Свидетельств, что это было именно решение Адриана, предостаточно, в особенности учитывая, что он осуществил подобную профанацию и в отношении грота Рождества в Вифлееме, над которым разбили рощу и выстроили храм Адониса.

Теперь место Кальвария и могила Иисуса на двести лет были скрыты под насыпной платформой языческого храма. Но они не были забыты. За прошедшее время христианство утвердилось по всему миру. Константин Великий провозгласил его официальной религией Римской империи. Среди церковных деятелей, собравшихся на собор в Никее в 325 году, был и епископ Иерусалимский Макарий — человек, добродетели которого были таковы, что святой Афанасий причислял его к рангу апостольских мужей. Многие верят, что Макарий в беседе с императором Константином, председательствовавшим на соборе, упомянул о чудовищном святотатстве, созданном самим фактом существования адрианова храма Венеры, и Константин, тронутый красноречием Макария, предоставил ему полномочия снести храм и открыть Гроб Господень. Единственным автором, являвшимся современником этих событий, был Евсевий, который, кажется, мальчиком присутствовал при раскрытии Святого Гроба.

Его рассказ сохранился в чрезвычайно льстивом «Житии Константина». Однако остается историческим фактом, что под руководством Макария примерно в 336 году римский храм Венеры был снесен, галька удалена, а под ней, в скале, было открыто то, что современники сочли Гробом Иисуса Христа. Позднее писатели связали это открытие с паломничеством святой Елены, матери Константина, которая в ходе всех этих работ обнаружила Крест в глубокой скальной полости возле Кальвария.

Как только открыли Гроб Господень, Константин приказал построить молитвенный дом вокруг «священной пещеры». Как он написал Макарию, «сей дом должен быть достоин самого чудесного места в мире». Для этого были присланы римские инженеры, которые срезали часть скалы вокруг Гроба Господня, так что гробница оказалась возвышением посреди ровной площадки. Затем эта часть скалы была включена в парадную ротонду с внешним диаметром более 109 футов. Немного дальше, к востоку от ротонды, находился двор под открытым небом, окруженный прекрасными портиками. Там возвышалась скала Кальвария, которой инженеры придали форму куба, примерно 18 на 15 футов. Это была платформа, к которой можно было подняться по лестнице, отделанной роскошной мозаикой и огражденной серебряной балюстрадой. На вершине установили большой крест из драгоценных материалов. За атриумом Кальвария располагалась великолепная базилика, названная Мартирион. Это было строгое классическое здание с четырьмя нефами, разделенными мраморными колоннами, и криптой, созданной из скальной полости и посвященной Обретению Святого Креста. Таким был первый храм Гроба Господня.

С 336 года и до наших дней место это уже никогда не забывали. Бывали в бурной истории Иерусалима

времена, когда храм горел, однажды его даже разрушили, и он лежал в руинах несколько лет. Но из праха поднялся новый храм. Когда в 1099 году крестоносцы заняли Иерусалим, они сочли, что церковь недостаточно пышна и красива, и перестроили ее; современная структура и общий облик современного храма Гроба Господня в основном соответствуют их творению.

Конечно, многие не верят, что Гроб Христа лежал под храмом Венеры, а потому отрицают аутентичность храма Гроба Господня. Их аргументы основаны на убеждении, что данное место (сегодня оно находится точно в центре огражденного стеной города) было также расположено внутри стен Ирода. Среди немногого, что мы знаем о Голгофе, это то, что гора была за границей стен. Время от времени выдвигались альтернативы, но теперь все они давно забыты, за исключением гордоновского Кальвария у Дамасских ворот.

Не могу избавиться от ощущения, что шестнадцать веков твердой традиции более надежны, чем любые теории, какими бы правдоподобными они ни казались. Когда епископ Макарий в 336 году раскрыл Гроб Христа, он не хуже нас знал, что Иисус был распят за границей иерусалимских стен. Более того, он находился в лучшей позиции, чем мы, чтобы судить, где шла линия этих стен. Зачем бы он выбирал столь спорное место, если оно было неверным?

В этом кратком обзоре я показал, что очевидцы Распятия вернулись в Иерусалим через сорок лет после смерти Христа, а их потомки оставались там, начиная со времени вскоре после осады и взятия города в 70 году н. э. вплоть до открытия Гроба Господня в 336 году. Отрицать достоверность места Гроба Господня — значит признавать, что христиане, помнившие Распятие, не

искали Голгофу среди развалин Иерусалима, не разговаривали об этом событии со своими детьми, не указывали на место другим христианам, не знакомым с географией истории Христа. Если задуматься о личных драмах, связанных с Голгофой, о том, как Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иоанна, шли с миром в утро Воскресения, как они бежали назад, чтобы поведать ученикам, что Господь восстал из мертвых, как Петр и «ученики, которых возлюбил Иисус», с бьющимися сердцами спешили лично убедиться в истинности случившегося, то понимаешь: невозможно для тех, кто лично соприкоснулся с таким чудом, не запечатлеть в памяти место действия, не передать известие об этом потомкам.

Гораздо легче поверить в то, что стена Ирода делала неожиданный поворот, чем в то, что люди, для которых сохранение традиций стало второй натурой, забыли, где находилось место столь исключительной важности для них и для всех, кто пришел следом.

4

Среди бесчисленных загадок Иерусалима можно обратить внимание и на крышу храма Гроба Господня. О внутреннем устройстве церковного комплекса написаны сотни книг, но, насколько я знаю, ничего не сказано о его внешнем облике, который не менее интересен.

Я мог бы никогда не узнать об этом, если бы не страдал дурной и даже опасной привычкой карабкаться на все таинственные и мрачные на вид лестницы старых зданий. Такую лестницу можно отыскать с тыльной стороны церкви, в узком проулке, который ведет на улицу Давида.

Я поднялся по ступеням, и передо мной открылся потрясающий вид на Иерусалим и Елеонскую гору с

крыши храма Гроба Господня. Затем в нескольких ярдах я заметил верблюда, горделиво возлежащего прямо на кровле часовни Богоявления!

Если вы поднимитесь на крышу собора в Винчестере или на крышу Вестминстерского аббатства и вдруг увидите верблюда или хотя бы корову, вы явно начнете беспокоиться, но вид верблюда на крыше храма Гроба Господня не кажется столь ошеломляющим, он словно составляет часть фантастического обличия Иерусалима. На самом деле животное привели туда с грузом камней для починки кровли.

Вероятно, только на крыше этой церкви ясно понимаешь, что она выстроена на разных уровнях той скалы, которая образует наверху Голгофы, потому что все время приходится то спускаться по узкой железной лестнице на тридцать ступеней, то подниматься по другой — на десять или двадцать ступеней, чтобы освоить странную территорию, окружающую лабиринт куполов и крестов из железа и меди.

С одной стороны крыши я заметил веревку с сохнувшим бельем, в том числе там была пара носков, которые могли принадлежать только кому-то из коптских монахов. Поблизости находилось маленькое, низкое строение с окошками, дверью и жестяной трубой от печи. Проходя мимо, я разглядел внутри смуглого отшельника, занятого, впрочем, не молитвой, а стиркой. И эта картина — отшельник, стирающий одежду, — показалась мне удивительнее, чем верблюд на крыше.

Поднявшись на крышу часовни Св. Елены, я открыл для себя один из наиболее необычных видов Иерусалима — монастырь черных инок.

Некоторые монахи сидели на жарком солнце. Кто-то сидел на корточках. Вокруг виднелись их хижины, грубые и примитивные сооружения с обмазанными глиной кровлями. Все это напомнило мне африканскую деревню в изгнании. На крыше возле «монастыря»

высилась крошечная часовня — в нее могли войти лишь священники и служки, а братья и прихожане, желающие посетить абиссинскую службу, вынуждены сидеть на ступенях перед часовней.

Абиссинцы — самая странная, но во многих отношениях самая интересная община из всех, что поклоняются Христу в Святой Земле. Высокомерным людям, снисходительно улыбающимся по поводу причудливых особенностей этой церкви, следовало бы знать, что абиссинцы были обращены в христианство Фрументием в 330 году.

Это благочестивые люди, которые твердо держатся непривычных для нас верований. Они ведут родословие царской семьи от союза Соломона и царицы Савской, они убеждены, что Ковчег Завета спрятан где-то на территории их страны, а когда корабль прибыл в Африку, Яхве оставил Израиль, а избранным народом стали абиссинцы.

В Средние века черные монахи управляли значительными частями храма Гроба Господня, включая часовню Поругания, но, как я уже говорил, им не хватило сил, чтобы удержать эти позиции, и их вытеснили на крышу. Сегодня там живут около 20 монахов, которыми управляет темнокожий настоятель.

Я пытался заговорить с несколькими иноками, но не нашел никого, знавшего европейские языки. Они были вежливы и приветливы. Один старик провел меня в маленькую часовню и с улыбкой и поклоном пригласил войти. Я перебрался через несколько свернутых в рулон ковров и, когда мои глаза привыкли к сумраку помещения, понял, что присутствую на абиссинской литургии.

Крошечный погребок на крыше — если уместно использовать именно этот термин — был заполнен чернокожими монахами, опиравшимися на длинные, изогнутые посохи и монотонно выводившими

песнопения в причудливой, варварской, не тонированной манере. Темная часовня была слабо освещена свечами. Ведовские шарики окрашенной травы свисали с потолка. Грубо нарисованное изображение святого Иеронима верхом на льве украшало одну стену, а алтарь был отделен от основного помещения ярко окрашенной и позолоченной преградой, а также алой занавесью.

Во время пауз между песнопениями эта завеса приподнималась, открывая священника и служек у алтаря, перед ящиком в форме ковчега, в котором находился потир. Они молились в густом облаке курящихся благовоний. Клубы выползали из алтарной части ядовитыми облаками.

Священники были облачены в ярко-красные, синие и зеленые одеяния из шелка и парчи. В какой-то момент литургии, когда завеса была опущена, сквозь щель я заметил, как священники меняли облачение, надевая еще более роскошные, а тот, что вел службу, водрузил на голову нечто среднее между короной и митрой.

Когда пение набрало силу, вошел монах, простерся ниц, а потом встал и раскрыл зеленый зонт с золотой бахромой по краю. Затем из алтаря вышел священник с гостией в руках; зонт — абиссинский символ королевской власти — с трудом подняли на специальное место над священником и потиром. То, что в церкви обычного размера было бы процессией, здесь напоминало странное вращательное движение, черные монахи — и я вместе с ними — передвигались по кругу, уступая место священнику, проводившему литургию. Затем зеленый зонт закрыли и вынесли из часовни, потом раскрыли его на открытом, залитом солнцем пространстве снаружи, гостию пронесли вокруг всей крыши часовни Св. Елены.

Сквозь дверной проем я смотрел, как они идут, три-четыре абиссинских монаха простерлись лицом вниз на

слепящем солнце, когда мимо них проносили зеленый зонт.

Впоследствии, разговаривая об этих монахах со специалистом, изучавшим литургическую историю европейских конфессий, я услышал, что их службы включают в себя обычаи и символы, восходящие к древнейшим, дохристианским временам. Однако в целом ритуал напоминал службу египетской, то есть коптской, церкви. О нем известно не слишком много, и данная христианская община является беднейшим и наиболее малочисленным представительством у Гроба Господня, причем держится особняком.

Чернокожего настоятеля называли Абуна — это сирийское слово, означающее «наш отец». Так же называли нашего Господа, говорившего по-арамейски. Святой Марк сообщает нам, что Христос молился перед арестом в Гефсиманском саду, используя слово «Авва» — «Отец».

У абиссинцев сохранились непривычные для нас ритуалы: смесь иудейских и христианских обычаев, они считают священными днями и субботу, и воскресенье. Как я уже говорил, они каждый месяц празднуют Рождество — исключая март, и это единственные христиане, объявившие святым Понтия Пилата.

Полагаю, те, кто займется абиссинским богословием, могут оказаться в поразительном музее ересей и странных верований, следов иудаизма и язычества. Язык литургии у абиссинцев — геэз, классический и давно уже мертвый язык Эфиопии.

Есть нечто трогательное и величественное в этих простых и благочестивых людях, вытесненных из церкви, но поселившихся на ее крыше, бережно и упорно хранящих аромат святости, которые за века изоляции среди исламского мира не утратили христианской веры. И я верю, что когда наш Господь сойдет на землю, он непременно посетит крышу часовни

Св. Елены, где преданные ему люди ведут бедную и простую жизнь прямо под звездами.

5

Примерно 85 лет назад человек по имени Барклай шел вокруг стен Иерусалима с собакой и ружьем. Когда он приблизился к Дамасским воротам, то обнаружил, что собака исчезла. Он свистнул, но животное не появилось. Пройдя назад, он увидел, как собака выползает из-под городской стены, где, вероятно, что-то нашла. Пес стоял на месте и лаял, подзывая хозяина взглянуть на находку. Когда Барклай подошел, он заметил, что кусты и вековые отвалы мусора скрывали вход в пещеру, уходившую под стены и дальше под город.

В Иерусалиме подобное открытие воспламеняет воображение и возбуждает самые невероятные слухи. Арабы по сей день верят, что в одной из таких пещер ожидают счастливого золотого и серебряного сокровища Соломона, Ковчег Завета и храмовые жертвенные сосуды. Но мечту о такой находке лелеют не только арабы. Я слышал от нескольких человек, вполне заслуживающих доверия и уважения, что Ковчег Завета, по их мнению, спрятан где-то в таинственных и никому не известных подземельях в районе Храма.

Так что Барклай поступил разумно, никому не сообщив о находке, и на следующий день вернулся к пещере с поисковой партией, расширил тесный вход, в который забралась его собака, и наконец попал внутрь.

Фонари, принесенные искателями сокровищ, освещали странную и пугающую картину. Это была снежно-белая пещера, настолько просторная, что ее дальняя часть терялась во мраке. Одного взгляда на каменные стены хватило, чтобы понять: это искусственное подземелье. Света фонарей не хватало,

чтобы разглядеть всю пещеру. Это было начало гигантских поисковых работ, протянувшихся в глубь под улицами Старого города.

Вскоре они поняли, что наткнулись на каменоломни Соломона — Иосиф Флавий называл их «Царскими копиями», — которые обеспечивали камнем строительство Храма Соломона за девять столетий до Рождества Христова.

Думаю, эти каменоломни представляют собой одну из наиболее любопытных достопримечательностей Иерусалима. Обычный турист пренебрегает ими, но каждый, кто считает себя масоном, посещая Иерусалим, отлично осведомлен о них. Масоны со всех краев света проводят здесь ночные собрания, чтобы их никто не видел и не мог побеспокоить, потому что они придерживаются убеждения, что строители Храма были первыми масонами («каменщиками»).

Когда я посещал каменоломни, старик-араб, сидевший у входа, подал мне ручной фонарь и предупредил, что я должен соблюдать осторожность, чтобы не свалиться в одну из опасных пропастей, ведь копи Соломона — не место для близоруких и тех, кто нетвердо стоит на ногах.

Другой араб, работавший в пятне света, проникавшем внутрь пещеры, занимался изготовлением пресс-папье и молоточков, какими пользуются председатели заседаний, чтобы привлечь внимание аудитории. Эти предметы, украшенные треугольниками и рисунком циркуля, охотно раскупаются туристами-масонами, распространяясь по всему миру. Камни из копей также экспортируются, чтобы лечь в основание масонских строений.

Я вошел в темноту, фонарь в моей руке покачивался в такт шагам, а тропа вела под уклон, в глубину гигантской пещеры, напоминавшей подземный собор. Из этого помещения в разные стороны расходились

широкие и высокие проходы. Я брел вдоль глубоких расщелин, время от времени поднимая фонарь, чтобы всмотреться во тьму; я замечал участки скальной породы, вырубленные так, что открывались глубокие участки каменоломни, отдаленные пещеры и проходы.

Подсчитано, что в древние времена из этих каменоломен извлекли объем породы, достаточный, чтобы выстроить Иерусалим в его современном размере дважды. Это своеобразный, необычайно чистый белый камень, мягкий в работе, но быстро твердеющий под воздействием воздуха. Арабы называют копи «хлопковыми пещерами» из-за их белого цвета. Однако, поднимая фонарь повыше, чтобы разглядеть низкие участки сводов, я увидел черные пятна. В одном месте я оказался достаточно близко, чтобы понять: это летучие мыши, висящие под потолком в ожидании ночи.

С обеих сторон я замечал следы работ. Со страхом и удивлением я ступал по тропе самого времени, осознавая, что те, кто осуществлял эти работы, умерли около трех тысяч лет назад. И все же следы труда финикийских каменотесов, нанесенные в те дни, когда Соломон был царем Иерусалима, так же ясно различимы, как те признаки работ, которые можно сегодня обнаружить, скажем, в каменоломнях Портленда.

Рабочие вырезали в стенах ниши для ламп. Все вокруг казалось поразительно новым, современным, так что у меня появилось неприятное ощущение, что я попал в каменоломни в обеденное время и в любой момент услышу шаги возвращающихся каменотесов Соломона, пинающих мелкие камешки по дороге к участку работ.

Я поставил фонарь на вытесанную в скале полку и в его свете прочитал замечательное описание строительства Храма, сохранившееся во Второй книге Паралипоменон, в главе второй, а также в Третьей книге Царств, в главе пятой.

Полагаю, современный архитектор, получив столь скудный набор слов, не сумел бы создать для нас точную и яркую картину планов, чертежей, заданий для рабочих, расчетов оплаты труда, строительных работ и деталей обстановки величественного здания, как это описано в указанных главах Библии.

В темных глубинах копей Соломона, в одежде, осыпанной белой пылью окружающих камней, я с поразительной реальностью увидел здание Храма. В Палестине редко случается, чтобы некие библейски стихи, до сих пор не имевшие смысла, внезапно раскрывали свое значение, тем более с такой удивительной точностью. Я понял истинный смысл стиха, который, должно быть, ставит в тупик многих читателей. Стих семь, шестая глава Третьей книги Царств, описание строительства Дома Божьего:

«Когда строился Храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в Храме при строении его».

Я всегда думал, что эти слова означают — камни для Храма добывались так далеко, что звук работ не доносился до Иерусалима. А что еще это могло бы значить? Но почему автор книги Царств решил подчеркнуть тот очевидный факт, что с далекой каменоломни не доносится шум до горы Мории? Совершенно ясно, что суть этого стиха в том, что камень, из которого Соломон строил Храм, доставлялся непосредственно из-под самого Храма, *но никто не слышал звука каменотесных работ!*

В этих копиях можно увидеть, как камень вырубали из скальной породы, как он переходил для обработки блока каменотесами, которые придавали ему точную форму и выравнивали стороны, — пол в пещерах порой на несколько футов в глубину засыпан тоннами осколков, —

и как готовые блоки отправляли на свет дня, чтобы они заняли свое место в здании.

Действительно, как бы ни прислушивались люди, находившиеся на улицах города, они не смогли бы различить звук молотов.

Конечно, существует множество историй о таинственных подземных проходах, которые связывали каменоломни с самим Храмом. Широко распространилось убеждение, что священники поспешно прятали сокровища Храма в этих катакомбах, пока Тит разрушал Иерусалим и сносил Храм до основания. Не знаю, почему охотники за кладами до сих пор верят в возможность отыскать драгоценные предметы, ведь совершенно ясно: многие из них были пронесены по улицам Рима во время триумфа Тита. Однако несколько лет назад один честный кладоискатель попытался найти секретный проход — и ему это удалось! Для того чтобы достичь этого прохода, придется сперва склониться в три погребения, а потом проползти несколько ярдов по узкому туннелю фута в три высотой, и только после этого вы окажетесь в другом скальном коридоре. В этот момент вы достигнете крайней точки копей и будете двигаться под Иерусалимом в направлении Храмовой горы. Внезапно вы снова наткнетесь на основание укрепленной древней стены. Для чего был нужен этот проход, кто и когда выстроил его, неизвестно.

Я покинул каменоломни и вышел на слепящий полуденный свет с чувством, что вчера и сегодня в этих гигантских пещерах неразличимы, так что может показаться: работники Хирама, царя Тирского, просто устроили себе короткий перерыв.

Когда в пятницу вечером в Иерусалиме зашло солнце, тишина опустилась на еврейские кварталы. Начинался шаббат.

Квартал маленьких домиков, затерявшийся в лабиринте узких улиц, чисто вымыт. Сквозь арочные проемы видны тесные беленые дворики. Горшки и сковороды начищены. Зажжены субботние лампы. А по улицам Старого города идут самые странные и живописные фигуры современного мира: патриархи в бархатных кафтанах и круглых, отороченных мехом шапках; бледные молодые евреи с длинными соломенными волосами и фанатично сверкающими глазами, две пряди-пейса ниспадают у них с висков, обрамляя щеки; маленькие мальчики в костюмчиках, которые надевают по случаю шаббата, идут за руку с шаркающими, согбенными шейлоками — старыми и добрыми.

Это старомодные, ортодоксальные иудеи, которые живут в соответствии с законом Моисея, молятся и проливают слезы у Стены плача об утраченной славе Израиля, чья жизнь строго ограничена мелочными предписаниями древнего закона.

Их поселения в Иерусалиме появились недавно. Крестоносцы уничтожили всех евреев до последнего человека, когда захватили город. Только после арабского завоевания и начала преследования евреев в средневековой Европе маленькие группы стали перебираться назад, в Иерусалим.

Это странное сообщество сегодня включает в себя несколько любопытных сект. Есть здесь евреи-сефарды, ведущие свое происхождение из Испании, Марокко и Алжира, которые они покинули в 1492 году. Они говорят на ладино — ломаном кастильском. Есть и ашкеназы из Центральной и Восточной Европы. Есть живописные бухарские евреи из Персии, Самарканда, которые говорят на персидском варианте идиш.

Необычную группу представляют йеменские евреи, прибывшие в прошлом столетии из диких районов Аравии и претендующие на происхождение от колена Гада; они говорят и на иврите, и на арабском. Еще здесь есть каариты, находящиеся под проклятием, и хасиды, танцующие в синагогах, словно дервиши. Есть и еврей-фанатики с пейсами, в отороченных мехом шапках, известные под именем Агуддат Исраэль^[5]. Они говорят на идиш и отказываются применять иврит, поскольку верят, что использование его в обыденной жизни является кощунством. Они проводят время, изучая священные книги. Когда в пятницу вечером начинается шаббат, они тщательно следят за тем, чтобы все еврейские лавки и магазины были закрыты. Если какая-то остается открытой, они пикетируют вход, препятствуя торговле.

Однажды ранним субботним утром молодой еврей провел меня по синагогам Старого города. Это было исключительно интересно. Мы словно погрузились в Ветхий Завет. Узкие улицы, лабиринт строений, а среди них множество синагог, которые зачастую представляют собой всего лишь маленькие комнатки с несколькими книжными полками или шкафами, кафедрой и столом для чтения Торы, или Пятикнижия, записанной на пергамене и хранящейся в свитках.

Престарелые евреи в очках на кончиках носов раскачиваются вперед-назад, нараспев читая молитвы; маленькие мальчики и юноши находятся в постоянном покачивании, монотонно повторяя священные слова.

В синагоге марокканских евреев конгрегация сидела на полу на манер мавров, а женщины были скрыты, словно жены в гареме, за высоким резным экраном.

Почти во всех синагогах я видел то, что могло служить иллюстрацией к фрагменту из Евангелия от Луки: история Иисуса, который в двенадцать лет вступил в спор с раввинами в Храме. Мальчики в

субботних костюмах, с наброшенными на плечи молитвенными ковриками, сидели рядом с отцами или дедушками и тщательно изучали Закон, повторяя слова монотонными голосами и раскачиваясь вперед-назад, как старшие.

В одной плохо освещенной синагоге я задумался о евреях-ашкеназах, у которых только что закончилась утренняя служба. Мальчик лет двенадцати стоял перед тремя бородатыми старейшинами, разговаривая с ними оживленно и не по летам зрело. Время от времени они выражали ему одобрение, улыбаясь и похлопывая его по плечу; но иногда они сердились, все трое качая бородами в несогласии, и хмурились, неодобрительно глядя на подростка через очки. Но мальчик настаивал на своем, почтительно ожидая, пока его выслушают; затем, когда опрос закончился, он слегка поклонился старцам и пошел прочь.

Я подумал: вероятно, именно такую картину наблюдали Иосиф и Мария, когда искали Иисуса, и «нашли Его в Храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их»¹².

Мы подошли к двери в высокой стене. Сквозь маленькую решетку на нас взглянула женщина, но отказалась открыть нам дверь. Мой спутник, молодой еврей, уговаривал ее впустить нас, но она оставалась непреклонной. Эта тщательно охраняемая синагога принадлежала некогда многочисленной общине кааритов. У этой части евреев весьма любопытная история.

В 1762 году турецкое правительство запросило у евреев громадную сумму денег, а чтобы переговоры оставались в тайне, главный раввин назначил встречу в синагоге кааритов. Спускаясь, главный раввин почувствовал себя плохо и упал. Некоторые его последователи, подозревая черную магию, решили войти внутрь и обнаружили экземпляры трудов рабби

Моисея Бен-Маймуна, которые каариты захоронили, чтобы выразить свое презрение, наступая на них. Главный раввин пришел в ужас, он повсюду провозгласил проклятие на святотатственных кааритов. Проклятие состояло в том, что им никогда не удастся собрать в одном месте десять взрослых мужчин (миньян) — число, необходимое для публичного богослужения.

Мой спутник объяснил: они все еще живут под проклятием; примерно сто лет назад среди кааритов была большая радость, поскольку несколько семей переселились в Иерусалим из Крыма. Они думали, что наконец смогут молиться вместе. Но эмигранты принесли с собой чуму. Некоторые умирали прямо на улицах Иерусалима, другие — в своих домах. Сегодня у них осталось пять или шесть мужчин, так что проклятие главного раввина все еще лежит на них, и им так и не удастся собрать вместе миньян...

Пока он рассказывал мне все это, решетка в двери мягко сдвинулась в сторону, и на нас уставился старческий — очень темный и очень печальный — глаз. Затем решетка так же мягко закрылась. Молодой еврей вновь постучал в дверь. Но ответа не было.

7

Я уверен, что туннель Езекии никогда не станет популярным местом посещения туристами, прибывающими в Палестину. Там сыро, грязно и опасно, причем обследовать его приходится ночью, чтобы не замутить воду в Источнике Богоматери, в которой женщины Силоама днем стирают одежду.

Я был решительно настроен на то, чтобы исследовать этот туннель, но не мог найти в Иерусалиме никого, способного показать его мне или согласного

отправиться туда вместе со мной. Один человек предложил проводить меня до силоамского конца туннеля, а потом пойти к Источнику Богоматери и подождать, пока там всплывет мое тело; но мне совсем не понравилась идея путешествовать по туннелю в одиночестве.

Случайно я познакомился с другим человеком, хорошо знавшим многие достопримечательности Иерусалима, и он взялся сопровождать меня.

Итак, однажды ночью, перед самым восходом луны, мы спустились через Сионские ворота и двинулись по темным, таинственным путям, что протянулись за границей городских стен Иерусалима, постепенно дошли до долины Енном, то есть до Ге Енном, или Геенны, — иначе говоря, спустились в ад. Именно в этой долине совершались отвратительные жертвы Ваалу и где-то здесь возжигали костры Молоху, в которые бросали детей.

Мы оказались посреди каменистой местности, покрытой тусклыми, белесоватыми надгробными плитами, расположенными на обоих склонах; это были могилы иудеев и мусульман, которые рассчитывали первыми встать по звуку труб Воскресения. Немногочисленные огни на холме обозначали место нахождения жалкой деревушки под названием Силоам. Где-то во тьме, справа от нас, было Поле крови, которое первосвященники купили на серебро Иуды.

Нам приходилось идти вперед очень осторожно, освещая электрическими фонарями каменистую дорогу. За нами шел араб с запасными фонарями и сапогами.

Пока мы спускались, порой сбиваясь с пути, а камни осыпались из-под наших ног, скатываясь в глубину долины, я подумал: как поразительно, что сегодня, когда большая часть старого Иерусалима давно исчезла с лица земли, туннель Езекии, одна из древнейших реликвий, все еще существует, несмотря на то, что он

связан с событиями, на семь сотен лет предшествовавшими рождению Христа.

Езекия был царем в Иерусалиме, когда ассирийцы набросились на его народ, «как волки на овчарню». Если попытаться представить себе тот ужас, который охватил жителей Иерусалима, когда все пребывали в страхе услышать удары ассирийских таранов в стены, следует перечитать грозные инвективы Исаяи. Он жил в годы этого тревожного правления, и его писания укоряют Иерусалим в грехах, обещают, что гнев Божий обрушится на Его врагов.

Царь Езекия, столкнувшись с угрозой осады, был обеспокоен тем фактом, что единственный источник воды среди бесплодных холмов — сегодня его называют Источником Богоматери — расположен вне стен старого города Давида.

Иерусалим не смог бы долго продержаться, если бы снабжение водой оказалось в руках ассирийцев. А потому, прорыв длинный подземный туннель, царь привел воду в город. Затем он решил запечатать сам источник и спрятать его от надвигающейся армии Сеннахериба (или Сеннахерима), чтобы ассирийцы не смогли отрезать Иерусалим от воды. Эти работы должны были проводиться в страшной спешке, о них трижды упоминается в Библии: во Второй книге Паралипоменон, в Четвертой книге Царств и в книге пророка Исаяи. Книга Паралипоменон рассказывает:

Когда Езекия увидел, что пришел Сеннахерим с намерением воевать против Иерусалима, тогда решил с князьями своими и с военными людьми своими засыпать источники воды, которые вне города; и те помогли ему. И собралось множество народа, и засыпали все источники и поток, протекавший по стране,

говоря: да не найдут цари ассирийские, пришедши сюда, много воды¹³.

Историческую точность этих стихов не могли оценить, пока несколько лет назад два мальчика, игравших в долине, не обнаружили вход в туннель и не забрались туда.

Мы спустились в туннель и в свете фонаря, который держал сопровождавший нас араб, надели болотные сапоги. Туннель представлял собой черную дыру в склоне холма, из которой вытекал ручей примерно два фута глубиной. Внутри раздавалось странное эхо, словно кто-то шептался в темноте.

— Там никого нет, — пояснил мой проводник. — Ни один араб не пойдет в туннель ночью. Мы слышим сейчас эхо, которое доносится от мечети на вершине холма.

Мы направили в туннель лучи электрических фонарей, осветив поток коричневатой воды и сырые стены. Проход был примерно футов 14 в высоту и лишь два фута шириной, однако высота свода сильно колебалась. Следы заступов, которыми работали во времена Езекии, ясно и четко виднелись на стенах туннеля.

Первые три сотни футов пройти было просто, но затем туннель сделался более низким, и нам пришлось идти согнувшись; кроме того, порой нога попадала в рытвину, и то я, то мой спутник падали на колени. Общая длина туннеля составляет около четверти мили, так что у меня была масса времени, чтобы пожалеть о своем решении исследовать эту систему водоснабжения и признать здравый смысл тех, кто наотрез отказался идти со мной!

Вот уж и вправду необычайный жизненный опыт: медленное плюханье по воде, в темном туннеле, за построением которого наблюдал пророк Исайя, в

туннеле, прорытом за семь столетий до рождества Христова под сенью холма, на котором возвышался Соломонов Храм!

Стало понятно, что туннель строили две группы землекопов, двигавшихся навстречу друг другу. Они трудились в невероятной спешке, не уделяя внимание единообразию работ. Основным фактором было время, и единственное, что имело для них значение, — необходимость доставить воду внутрь иерусалимских стен, чем быстрее, тем лучше.

Мне было интересно подмечать то тут, то там признаки того, как одна или другая группа работников теряла направление. На протяжении одного-двух футов туннель шел в неверную сторону, а потом, вероятно, землекопы останавливались, прислушивались к ударам заступов другой группы — той, что шла к ним навстречу, — и корректировали движение туннеля. В центре мы оказались в точке, где встретились две группы.

Загадка туннеля Езекии, которую никому пока не удалось разрешить, состоит в том, почему в тот момент, когда каждое мгновение было столь драгоценным, рабочие прорыли извилистый туннель длиной 1749 футов, в то время как прямая линия между конечными его точками всего лишь 1098 футов? Почему они прошли ненужный 651 фут скальной породы?

Сначала наиболее распространенным объяснением считалось то, что они хотели обогнуть скальные могилы Давида и Соломона. Эта теория воспламенила воображение археологов и кладоискателей и привела к тому, что несколько человек усердно рыли окружающую территорию в поисках легендарных захоронений; но им не удалось ничего найти.

Мы шли к выходу, и своды туннеля постепенно поднимались, а вода становилась все чище. Я знал, что мы приближаемся к Источнику Богоматери. Внезапно мы

услышали журчание воды и, пройдя через широкий скальный водоем, глубина которого местами доходила нам до пояса, вышли на чистый воздух, пронизанный лунным светом. Мы находились у основания каменной лестницы, которая спускается к Источнику Богородицы. Здесь мы сняли болотные сапоги и надели обычные башмаки.

Мы вышли в долину Кедрон. Я взглянул вверх и высоко над нами, слева, увидел стены Иерусалима и луну над ними. Пустынная долина, переполненная могилами, привела нас к Елеонской горе и небольшому, огражденному Гефсиманскому саду: лунный свет струился между кипарисами и ложился на его тихие тропы.

Глава третья

Елеон и Мертвое море

Я наблюдаю за восходом солнца с Елеонской горы. Я посещаю Купол Скалы, где когда-то находился алтарь всесожжения даров, вижу призрак Храма Ирода в великой мечети. Я отправляюсь в Вифанию, Иерихон, посещаю приют Доброго самаритянина, гуляю по берегу Мертвого моря, вижу место крещения Иисуса на берегах Иордана и поднимаюсь на гору Искушения.

1

Я встал до рассвета и отправился на Елеонскую гору. Она была серой и холодной, там никого не было. Еще виднелись одна-две звезды, ясное небо ждало появления солнца.

На ячменном поле возвышался крупный валун. Я сел на него и прислушался к хору петушиных криков, звучащих перед восходом вокруг Иерусалима. Петухов Силоама сменили петухи Сиона. Издалека «кукареку» звучало слабее, словно птицы в районе горы Скопус отвечали горловым приветствием собратьям, обитающим в долине Иоасафата.

«Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня», — сказал Иисус Петру¹⁴. Это замечание и его трогательное продолжение, должно быть, известны благодаря признанию самого Петра. Однако для одной из школ библейской критики характерно проведение долгого и весьма любопытного диспута по поводу этой фразы.

Существуют критики, которые, основываясь на слове «белый» и используя весь арсенал своей учености, попытаются непременно доказать, что библейский писатель на самом деле хотел сказать «черный». Умудрились даже высказать предположение, что когда Иисус говорил о крике петуха, он имел в виду не обычный сельский звук, но определенный сигнал времени — *gallicinium*^[6] — который использовали римские стражники на бастионах крепости Антония. Не могу вообразить, что обычный читатель Евангелия согласится с подобной теорией. Действительно, мидраши и Мишна^[7] рассказывают, что пока стоял Храм, разведение домашней птицы в Иерусалиме было запрещено, поскольку куры скребли землю и распространяли нечистоту. Следовательно, рассуждают некоторые критики, когда Иисус говорил о крике петуха, Он не мог говорить о петухе. Я думаю, гораздо проще поверить, что закон не так уж строго соблюдался, и, несмотря на указания священников, на рассвете вокруг Иерусалима раздавались крики петухов, как это происходит и по сей день. Также весьма любопытно: если во времена Христа не было петушиных криков в Иерусалиме, почему Иисус счел нужным сказать: «Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»¹⁵

Я абсолютно уверен, что звук, который я слышал в серых сумерках перед рассветом, был тем же самым, что услышал Петр; и, «выйдя вон, горько заплакал»¹⁶.

Пока я сидел на камне и размышлял обо всем этом, свет начал разливаться по небу. Солнце вставало над Иерусалимом из-за Елеонской горы. Я развернулся спиной к городу и посмотрел вверх, на вершину горы, из-за которой, пульсируя и медленно разворачиваясь, поднимался веер света. Огонь заполнял небо, меняя цвет встречающихся на его пути облаков на розовый и

золотой, но высокий хребет горы, почти черный на фоне утреннего сияния, все еще скрывал от взгляда само солнце. Стрижи с криками носились в воздухе. Шум, который поднимали они над Елеонской горой, навеял воспоминания о летних вечерах дома, в Англии. Полагаю, эти птицы мигрируют в Европу из Африки и в начале года заполняют небо Палестины высокими, пронзительными криками. Сотни стрижей, как стрелы, мчались туда-сюда, внезапно ныряя в глубину долины Кедрон и снова поднимаясь ввысь, к светлым стенам Иерусалима.

Наконец над вершиной Елеонской горы появилось солнце, и, оглянувшись в сторону Иерусалима, я увидел, как оно золотит верхушки самых высоких зданий, в то время как стена еще оставалась в тени. Несколько секунд — и поток света распространился по всему городу, заливая стену и долину Кедрон. Он достиг каменистых склонов соседней долины, и я почувствовал, как солнечное тепло прикасается к моему лицу и рукам.

Как часто Иисус и ученики должны были наблюдать за этим великолепным зрелищем с Елеонской горы! Нет сомнения: они видели, как первые солнечные лучи озаряют городские укрепления. Нет сомнения, что они видели из Гефсиманского сада бело-золотую громаду Храма. Нет сомнения, что они видели, как священник каждое утро поднимается на башню, чтобы обернуться к востоку и возвестить городу прежде, чем будет совершено первое жертвоприношение: «Солнце сияет вовеки!». Они, должно быть, слышали в прозрачном предутреннем воздухе и другой ежедневный возглас священников — «Освещено ли небо до Хеврона?» и ответ того, кто поднимался на башню: «Оно освещено до Хеврона!». Затем, еще до того, как солнце согрело оливы, раздавался звук серебряных труб, возвещающих о совершении первой дневной жертвы на алтаре

всесожжения. Вверх по склонам Елеонской горы поднимался аромат благовоний...

Я спустился в долину, миновал могилу Авессалома, потом взобрался по узкой белой дороге, что вела мимо курганов и руин Сиона к городским стенам. А с минарета, где-то в вышине, раздавался крик муэдзина, возносившего первую утреннюю молитву.

2

Купол Скалы, который по ошибке называют мечетью Омара, является одним из самых поразительных мест, которые я когда-либо видел. Поразительным, потому что эта сияющая святыня ислама представляет собой отражение Храма Ирода. Не могу понять, как случилось, что сотни книг и путеводителей по Иерусалиму пренебрегают тем, что кажется мне столь важным в отношении этого места. Когда вы посещаете Купол Скалы, вы совершаете визит к призраку Храма, во дворах которого произносил проповеди Иисус, из ворот которого Он изгнал торгующих.

Когда Тит разрушил Храм Ирода, огромное пространство осталось заброшенным, что, вероятно, вызывало недоумение римлян. Они не нашли ему разумного применения, и когда в 635 году регион заняли мусульмане, там были отвалы мусора. Из-за раздоров между мусульманами на время стало невозможным паломничество в Мекку, и возникла надежда, что район старого иудейского Храма может стать серьезной альтернативой паломничеству. Это объясняет появление колоссального двора вокруг маленького святилища, внутри которого находится скальный алтарь всеожжения. Скала Ас-Сахра должна была соперничать с Каабой, а окружающее пространство было рассчитано на такие же толпы паломников, которые посещают

Мекку. Однако этого не случилось, и Иерусалим вынужден был смириться со вторым местом среди святынь ислама.

В те дни, когда Иерусалим контролировали турки, было весьма трудно попасть в мечеть, но сегодня достаточно приобрести за четыре шиллинга билет, чтобы посетить святыню с 7:30 до 11:30 утра.

Я прошел по улицам Старого города и прошел сквозь Бабал-Силсиле — одни из семи ворот в стене, окружающей Храмовую гору. В отличие от заполненных людьми шумных улиц, которые я только что оставил за спиной, здесь царили простор и тишина. Храмовая гора (Мария) напоминает гигантский парк, вымощенный камнем, посреди перенаселенного города. Первое впечатление: акры каменных плит, окаймленных травой, поднимаются, уровень за уровнем, к тенистым колоннадам. В центре открытого пространства находится сам Купол Скалы, возведенный вокруг камня, который, как считают, находился в основании иудейского алтаря всесожжения даров. В дальнем конце, с южной стороны площадки, расположена мечеть аль-Акса.

Прежде чем войти в одно из зданий, я присел и попытался составить общее представление о месте, но, несмотря на все попытки сосредоточиться на современном мусульманском святилище, постоянно уносился мыслями к древнему иудейскому Храму, на месте которого оно появилось. Сходство было ошеломляющим. Например, шейхи мечети, которые следят за лампами и вытирают пыль, запирают двери и выполняют все другие службы, живут под сенью колоннады мечети, как жили до них служители Соломонова Храма. Подобно иудейским служителям, мусульманские имеют точно отмеренное время исполнения обязанностей, по окончании которого возвращаются домой и ждут, когда наступит их очередь

в следующий раз. Именно так было принято в иудейском Храме. От святого Луки мы узнаем, как Захарии, престарелому отцу Иоанна Крестителя, было видение в Храме, «однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников»¹⁷. В данном случае речь идет о службе продолжительностью в одну неделю, от шаббата до шаббата. «А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой»¹⁸.

Меньше чем в десяти ярдах от меня, в тени одной из галерей, старик разговаривал с парой мальчиков. Это был наставник. Он учил, обсуждал аспекты мусульманского богослужения и верований в том самом месте, где Иисус беседовал со старейшинами во дворе Храма Ирода. Обернувшись к северу, я увидел, что перспектива перекрыта высокой стеной и зданием, известным как Турецкие бараки: их использовали турки вплоть до периода британской оккупации. Они стоят на месте крепости Антония — римской цитадели, которая располагалась напротив Храма Ирода, именно туда привели Иисуса на суд Понтия Пилата. Призрак Антония, нахмурившись, взирает на призрак Храма Ирода, как это бывало на самом деле во времена Христа. В городе, в котором все реликвии римской эпохи захоронены на глубине в тридцать, сорок, пятьдесят футов, под слоем осколков разных времен, Купол Скалы кажется единственным местом, где они являются на дневной свет. Прошлое гораздо легче реконструировать в этом мусульманском святилище, чем в христианской церкви Гроба Господня. Легче вообразить, как Иисус проповедовал на открытой площадке, подобной той, что мы видим в районе Храма, и как потом он выходил через ворота в стене, направляясь на Елеонскую гору, за черту города. Почему Храмовая гора меньше отвлекает от представления о временах Христа, чем другие места в Иерусалиме, вполне ясно: это единственное, что дошло

до нас практически без серьезных функциональных изменений. Во времена Христа здесь находилось главное святилище и комплекс связанных с ним зданий, окружавших просторный мощеный двор; и это описание соответствует нынешнему положению вещей.

Я поднялся по лестнице на восточную стену и посмотрел на долину Кедрон и Елеонскую гору. Неподалеку я заметил наглухо заложенные Золотые ворота, находящиеся, как считается, на месте ворот, через которые Иисус торжественно вошел в Иерусалим. Среди небольших купольных зданий, сгруппированных вокруг цитадели, есть и то, которое известно под названием Трон Соломона. История — каждый дюйм территории мечети связан с какой-либо легендой — гласит, что на этом месте Соломон был найден мертвым. Он не хотел, чтобы демоны, над которыми он имел власть при жизни, узнали, где он умер: так что, осознав, что умирает, Соломон взобрался на трон и сидел там, словно все еще был жив, а в руке его оставался посох. Арабы утверждают: демоны думали, что Соломон жив, пока черви не поползли по посоху, а мертвое тело не рухнуло на пол.

Существует и другая легенда, или, скорее, верование, связанное со стройной аркадой в северо-западной части двора. Мусульмане говорят, что когда в долине Кедрон настанет Судный день, души должны будут пройти по мосту, тонкому как конский волос, который протянется с вершины горы до аркады во дворе мечети. С одной стороны — Иисус, с другой — Мухаммад будут судить души, успешно преодолевшие мост, и взвешивать их на весах в одной из арок.

Святая Святых иудейского Храма доминировала над общим уровнем окружающих дворов, точно так же современное купольное святилище Скалы расположено на 12 футов выше платформы, и войти в него можно, поднявшись по каменной лестнице. Когда я приблизился

к входу, три-четыре маленьких мальчика бросились мне под ноги, пытаясь снять с меня башмаки. Я всегда протестовал против такого настойчивого внимания, характерного для арабов, пока не понял, что это совершенно неизбежная часть местной жизни. Всем рано или поздно приходится с этим смириться. Так было и перед входом в Купол Скалы. Пожилой мужчина в коричневом одеянии подошел ко мне с двумя огромными шлепанцам, их подошва была стерта почти до основания, особенно в районе пятки. Он помог мне надеть шлепанцы поверх башмаков, и так — шаркая ногами — я вошел в Купол Скалы.

Это святилище, несомненно, является самым исключительным зданием в Иерусалиме, в любой книге, посвященной городу, вы найдете его восторженные описания. Внутри восьмиугольного помещения царит полумрак, купол опирается на величественные колонны из порфира, брекчии и других многоцветных камней, — все они добывались мусульманами из развалин римского Иерусалима. Многие колонны сохранили византийские капители, а некоторые все еще несут на себе знак креста.

Английский гид показывал небольшой группе посетителей святилище, обращая их внимание на красоту окон, объясняя приглушенным голосом, что каждый день, посещая это место, он находит все новые прекрасные детали витражей. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что он говорит правду. По-своему они совершенны. Однако я с детства страдал глубокой антипатией ко всем формам и видам математики. Я никогда не блистал в этой области, часто попадая в неприятные ситуации. И сегодня я по-прежнему мало понимаю в этой сфере знания. Арабское искусство напоминает мне математику. Это все равно, что алгеброй поверять музыкальную гармонию, или, если хотите, выстраивать сложные математические

пропорции. Я испытываю знакомое неприятное чувство, когда сталкиваюсь с образцами арабского искусства, чувство, которое сродни реакции на предложение немедленно произвести сложный математический расчет. Подозреваю, что лишь истинный специалист в области математики способен воздать должное утонченности декора Купола Скалы.

В центре этой одухотворенной таблицы умножения, окруженной арками и витражами, а также мозаиками с рисунком «павлиньего глаза», находится нечто настолько примитивное, настолько простое и неприкрашенное, что у вас перехватывает дыхание. За причудливым кованым экраном высится кусок природной скалы. Черный, отполированный сверху, он не соответствует окружающему пространству: словно тонну угля высыпали посреди гостиной, прямо на пол. Вся эта сладкая красота выстроена вокруг массивной горы Мории. И чем больше думаешь об этом, тем более невероятным кажется этот контраст, под конец он становится просто пугающим. Словно заостренная вершина горы пробилла фундамент дома и ворвалась в жилую комнату. В этом есть нечто жуткое и противоестественное. На кусок скалы падают красные и синие блики света, проникающего в помещение сквозь витражные окна, и это делает дикий камень еще более мощным и зловещим. Начинает мерещиться, что в любой момент скала проснется и сотрясет основание здания, сбрасывая его с себя, как заснувший гигант мог бы рывком освободиться от засыпавших его тело листьев.

Эта скала была частью гумна Орны Иевусеянина. Возможно, вы помните, как Давид, соблазненный сатаной, ввел в Израиле то, что кочевники ненавидели больше всего: перепись населения. И как сердце Давида «вздрогнуло» после того, как он исчислил народ, и как он поведал о печали своей Господу и признался, что

действовал неразумно. Однако Господь наказал его, наслав величайший мор на его людей:

И простер Ангел руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии, и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангел же Господень был тогда у гумна Орны Иевусеянина¹⁹.

Давид в знак благодарности за прекращение эпидемии решил выстроить алтарь в честь Господа на скале, где стоял ангел. Он поднялся от небольшого города, существовавшего в те времена, — сегодня это территория холма к югу от Силоама — на необитаемую гору, нависавшую над его поселением: там стояло лишь гумно, на котором Орна Иевусеянин молотил зерно; Давид купил эту постройку за 50 шекелей серебра.

И камень, который теперь загадочно поблескивает в пятнах света, окруженный пестрыми узорами и арабесками, являлся частью пола, на который ступил Давид за тысячу лет до Рождества Христова, чтобы восславить Господа и воздать Ему честь. С этого момента гора Мория была избрана судьбой как место будущего Храма, являющегося сердцем иудейского культа, объединяющим евреев, в каких бы далеких землях они ни оказались, даже теперь, когда сам Храм обратился в прах на ветру. То, что означала скиния для народа древнего Израиля, кочевавшего в пустыне, тем стал Соломонов Храм для иудеев на протяжении всей их трудной и трагической истории с момента превращения в городское население. Когда Соломон занял трон отца, он послал за Хирамом, царем Тирским, а также собрал архитекторов и каменщиков:

И послал Хирам, царь Тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя на место отца его; ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь... И послал Хирам к Соломону сказать: я выслушал то, зачем ты посылал ко мне, и исполню все желание твое о деревьях кедровых и деревьях кипарисовых. Рабы мои свезут их с Ливана к морю, и я плотами доставлю их морем к месту, которое ты назначишь мне, и там сложу их, и ты возьмешь. Но и ты исполни мое желание, чтобы доставлять хлеб для моего дома. И давал Хирам Соломону деревья кедровые и деревья кипарисовые, вполне по его желанию²⁰.

Работы по строительству Соломонова Храма начались в 966 году до н. э.; освящен Храм через семь с половиной лет после закладки первого камня. В послании Соломона Хираму, царю Тирскому, ясно виден характер израильтян — народа, недавно покинувшего пустыню, воинов, только что покоривших новые земли и перешедших к оседлому образу жизни, не сведущих в искусствах и ремеслах. «Ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить деревья так, как сидоняне!»²¹ Подобное признание мог бы сегодня повторить один из вождей бедуинских племен, договариваясь о проведении работ с подрядчиком из Иерусалима.

Итак, вокруг этой скалы Соломон возвел свой Храм. Потрясающий образ, цепь воспоминаний и ассоциаций, связанных с этим местом, затемняют тот факт, что первоначальное строение было всего сотню футов в длину и около тридцати в ширину. Вероятно, это была лишь царская часовня, а рядом хранилище оружия, небольшой двор, простой дворец правителя и гарем. Но израильтяне прежде не видели таких сооружений, им не

с чем было сравнивать. По мере роста и развития государства Израиль Храм становился более величественным и крупным. Он был сожжен во время нашествия Навуходоносора в 586 году до н. э., а 50 лет спустя возведен заново теми, кто не мог удержаться от слез, вспоминая оригинал. И хотя величие и значение нового строения было не меньшим, чем у Храма, построенного самим Соломоном, все же некоторые отличия не могла исправить никакая архитектура. Потому что теперь в Храме не было Ковчега Завета с херувимами. Никто не знает, что с ним случилось. Исчез ли он безвозвратно во время войны с Навуходоносором? Это одна из загадок истории. Недостаёт пяти вещей Храма Зоровавеля: Ковчег, священный огонь, скиния (шехина), дух пророчества, а также урим и туммим.

Ирод Великий, отец Ирода Антипы, при котором был распят Христос, вынашивал амбициозные планы восстановления Храма во всем его архитектурном блеске. Он был великим строителем, и сияющий белоснежный мрамор и известняк, из которого возвели новое здание, видимое из всех концов Иерусалима, заставило старый Храм Зоровавеля казаться ветхим и незаметным. Ирод добился своего, действуя изоощренно и настойчиво. Он обещал, что не тронет ни одного камня старого Храма, пока не будет готов возвести новый, а чтобы священное место не осквернили не имеющие посвящения, отобрал тысячу священников и обучил их мастерству каменщиков и плотников. Работы начались зимой 20 года до н. э. Святая Святых была перестроена за 18 месяцев, но строительство вокруг нее комплекса храмовых зданий и цитадели заняло восемь лет. Работы велись и после смерти Ирода, на протяжении почти всего периода правления Антипы.

Каждый раз, посещая Иерусалим, Иисус должен был встречать работников, трудившихся над очередной частью гигантского святилища. В Евангелии есть одно

указание на это. Святой Иоанн рассказывает, что в один из дней пасхального визита Господа в Иерусалим евреи спросили у Него: «Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня возведешь его? А Он говорил о храме тела Своего»²².

Это любопытное указание на обновление Храма относится примерно к 27 или 28 году н. э. Храм Ирода оставался незавершенным еще 34 года после распятия Христа. А через восемь лет после окончания работ он исчез в огне.

Вот немногие из тех мыслей, что переполняли меня во время визита в мусульманское святилище Купол Скалы. Но представление об иной эпохе и иной вере невольно врываются здесь в пределы воображения. Охранник с величайшим почтением показывает золотую шкатулку, в которой хранятся два волоска из бороды Пророка Мухаммада. Он рассказывает, что с этой черной скалы Пророк вознесся на небеса на спине крылатого коня ал-Бурака (имя означает «молния»). А еще добавляет, что из-под скалы порой раздается ужасный звук: там режут все воды потопа.

С одной стороны от скалы лестница ведет вниз, в пещеру. С этого места возможно проследить путь канала, прорезанного в каменной породе: здесь стекала кровь жертвенных животных, приносимых на иудейский алтарь всесожжений; поток этот уходил вниз, к долине Кедрон. В той же пещере находится плита, которая издает глухой звон при ударе. Каких только причудливых историй не рассказывают о ней. Никто не знает, что лежит под нею, и я полагаю, ни за какую взятку власти не позволят провести исследование. Невозможно не предаваться фантазиям о тайнах,

скрывающихся под поверхностью района Храма, о том, какие чудеса могли бы открыться миру в результате раскопок. Но это всего лишь провокационная и бесплодная идея. Известно, что там существуют гигантские скальные цистерны, остатки бань, в которых священники совершали ритуальные омовения во времена Ирода: тот, кто осквернил себя, должен был прийти в это потаенное место, омыть тело и незаметно покинуть Храм. Но что еще кроется в глубине?

Многие считают, что если бы эту территорию можно было изучить, удалось бы найти нечто поразительное, возможно, даже Ковчег Завета или храмовые сосуды, которые не отвезли в Рим и не пронесли в триумфе Тита. Но мусульмане твердо отказывают в разрешении на раскопки, и район Храма остается одним из самых мучительных искушений и самых загадочных мест в мире.

3

Я вышел на ослепительный свет, избавился от шлепанцев и пошел на юг, по широкой мостовой в сторону мечети аль-Акса. По дороге я заметил несколько мусульман, моющих руки в фонтане, который, как и храмовый источник времен Соломона, питается водами ручья, находившегося в 24 милях от этого места, между холмами Вифлеема и Хеврона.

Аль-Акса похожа обликом на христианскую церковь, потому что арабы при ее возведении использовали строительные материалы из разрушенной церкви крестоносцев Св. Марии Новой. Это огромное здание в римском стиле, его нефы разделены часто поставленными византийскими колоннами. Пол покрыт коврами, престарелый шейх медленно передвигается

внутри, заботливо сметая пыль с одной стороны на другую.

Откуда-то вынырнул проводник, повел меня к камню в центральном нефе, на котором была видна полустертая надпись. Он объяснил, что под плитой лежит один из убийц Томаса Бекета.

Затем мы спустились по каменной лестнице возле мечети аль-Акса и оказались в помещении, перекрытом чередой сводов, опирающихся на массивные, квадратные в плане колонны. 88 таких колонн, расположенных в 15 рядов, поддерживали тяжелую кровлю; судя по их основаниям, это подземелье, должно быть, служило криптой, в которой и по сей день виднелись осколки древности. Это знаменитые конюшни Соломона.

Библия сообщает: у Соломона «было тысяча четыреста колесниц и двенадцать тысяч всадников; и разместил он их по колесничным городам и при царе в Иерусалиме»²³.

И хотя эти сводчатые помещения, занимающие часть храмовой территории и сохранившиеся до наших дней, явно представляют собой памятник римской эпохи, вероятно, времени правления Юстиниана, а также несут на себе следы арабской реконструкции, я знаю, что археологи сходятся во мнении: они расположены в точности там, где ранее находились конюшни Соломона. Иосиф Флавий ясно показывает, что кони и колесницы покидали дворец с этой стороны, спускаясь напрямик в долину Кедрон. Отсюда изгнали царицу Гофолию, дочь Ахава и Иезавели, осужденную на смерть, чтобы не запятнать ее кровью само святилище. «И дали ей место, и она прошла чрез вход конский к дому царскому, и умерщвлена там»²⁴.

Сегодня сводчатое строение выглядит примерно так же, как и во времена, когда крестоносцы вступали в Иерусалим. Как и Соломон до них, они использовали

подземелье под конюшни. Небольшие отверстия на колоннах отмечают места, где крестоносцы привязывали своих боевых коней.

На пути в мечеть я увидел старика-священника, окруженного учениками. Они сидели в тени и жадно слушали слова наставника. Он учил их основам ислама на том месте, где величайший из Учителей в истории сидел посреди тщетной красоты и роскоши Храма Ирода.

4

Как-то утром я решил «прогуляться до Иерихона», как говорят в Иерусалиме. Они упоминают об Иерихоне, как лондонец о Брайтоне. «Ты еще не прогулялся до Иерихона?» — это один из первых вопросов, обращенных к иностранцу, а на любом вечернем приеме непременно кто-нибудь предлагает «прогуляться», чтобы искупаться в Мертвом море в сиянии лунного света.

Загадочная пустота к востоку от Елеонской горы, переходящая в совершенную дикость там, где полоска ярко-голубой воды попадает в тень розовато-лиловых гор, имеет мощное влияние на образ мыслей жителей Иерусалима. Как маяк на возвышенности, город все время обращен к Мертвому морю, на которое взирает с почтением и страхом: никогда не знаешь, кто может явиться из диких краев, словно корабль из океанских далей, призывая Иерусалим вернуться к Господу.

Для еврейского богослова Иерихон и долина Иордана служили знаменем, а для современного геолога это явная аномалия. Нет во всем свете большего контраста горному граду Иерусалиму, расположенному на высоте 2300 футов над уровнем моря, чем долина Иордана, протянувшаяся всего в 23 милях от него: эта жаркая расщелина пролегает на 1300 футов ниже уровня моря. Это климатическая причуда, не менее фантастическая,

чем полоса бразильских джунглей, внезапно появившаяся у подножия нашей горы Бен-Невис.

Когда я сказал одному из друзей, что намерен «прогуляться» на денек к Мертвому морю, он заметил:

— Ну, что же, постарайся вернуться до наступления темноты.

— А что? — поинтересовался я.

— Ты можешь встретить Абу Джильду...

— Кто такой Абу Джильда?

— Это разбойник, который застрелил нескольких полицейских. За его голову назначена цена 250 английских фунтов, и у него есть привычка возводить стену из камней поперек иерихонской дороги, останавливать машины и грабить пассажиров, а если будешь сопротивляться, он тебя убьет. Однажды он остановил 14 машин кряду, ограбил всех, кто там был, угрожая отрезать женщине палец, поскольку кольцо слишком плотно сидело на руке, и она не могла его снять, а потом скрылся в холмах — как раз к тому времени, когда об этом узнали полицейские. Так что не забывай мой совет и возвращайся до наступления темноты...

Пока друг давал мне этот совет, я невольно вспомнил притчу о добром самаритянине: «некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался к разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым»²⁵.

— Ты думаешь, что человек из евангельской притчи попался в руки кому-то вроде Абу Джильды? — поинтересовался я.

— В этом нет никакого сомнения, — ответил мой друг. — Дорога из Иерусалима в Иерихон на протяжении всей истории была знаменита ограблениями путников. Ты сам увидишь, это разбойничья страна. Есть мнение, что в притче о добром самаритянине Иисус использовал вполне реальный случай. Он рассказал о собственном

путешествии по дороге из Иерихона в Вифанию на Елеонской горе, что подтверждает обоснованность этой теории. На полпути в Иерихон ты увидишь старый караван-сарай в стороне от дороги — на самом деле это единственное здание, помимо полицейского поста, которое можно встретить после Вифании. Считается, что этот караван-сарай — та самая гостиница, о которой упоминает Иисус в притче. Наверняка это так и есть, потому что скальные цистерны по соседству доказывают: гостиница стоит на этом месте еще с библейских времен. Тебе следует остановиться и зайти внутрь... Но не забывай, что вернуться надо до наступления темноты!

Я отправился в десять утра. Миновал Дамасские ворота и двинулся по дороге, что шла через долину Кедрон. Она сворачивала налево, после этого Иерусалим скрывался из виду. Я был целиком и полностью сосредоточен на дороге и опасных поворотах.

Примерно в трех милях от Иерусалима передо мной открылась чудесная панорама побережья Мертвого моря. Я видел белую дорогу, петлявшую между диких скал, постепенно спускавшуюся в призрачный, необитаемый мир. Я остановил машину и вышел.

Мне казалось, я никогда раньше не видел ничего, столь ясно напоминающего самое примитивное представление об аде. Такого рода место ранний итальянский художник населил бы косматыми демонами с рогами и раздвоенными хвостами. Склоны холмов были усеяны миллионами известняковых обломков, но сама их поверхность оставалась голой и безжизненной, выдавая явно вулканическую природу гор. Некоторые холмы имели четкие очертания молодого вулкана, увенчанного конусовидной «шапкой», другие были изогнуты под странным углом, скручены и деформированы, словно их пожирал огонь: порода напоминала клинкерные кирпичи, из которых складывают печи.

Пока я смотрел на пугающую панораму Мертвого моря, ко мне приблизился полноватый улыбчивый араб, в руках он держал несколько пращей. Он подобрал гальку и, раскрутив пращу над головой, внезапно метнул камень в небо. Мы оба наблюдали за тем, как тот приземлился в долине, в доброй миле от нас. После этого араб указал на пращу, на меня и жестами показал, что предлагает купить ее. Как ни странно, но я действительно приобрел у него одну пращу! Ну, никогда не знаешь, как складываются обстоятельства. Обычно я так активно сопротивляюсь подобным уличным торговцам — вроде унылого вида восточных людей, что пытаются продать ковер в Каннах или Монте-Карло, но после покупки пращи на иерихонской дороге я признаю, что не обладаю абсолютным иммунитетом против этой напасти. По окончании сделки араб махнул рукой и произнес: «Вифания», я взглянул в направлении его жеста и заметил арабскую деревушку на склоне холма, полускрытую слева, за очередным поворотом.

Там была всего лишь горстка домов, по виду напоминавших руины, а также руины, похожие на дома. Как почти все арабские поселения, деревня выглядела так, словно в ней только что закончилась бомбардировка. На вершине холма виднелись останки массивной стены, как мне показалось, времен крестоносцев. Ее развалины поднимались в небо как гигантский старый зуб.

Араб, который оказался жителем Вифании, молча провел меня по узкой тропинке между случайными нагромождениями валунов. Мы подошли к дверце в стене, он повернул ключ в замке, оставил внутри пращи и отыскал огарок свечи, который зажег и подал мне, указывая вниз, в темноту, а затем пояснил по-английски: «Могила Лазаря».

Строение оказалось христианской церковью, причем когда-то оно было одной из величайших и древнейших

святынь Палестины, потом его захватили мусульмане и превратили в мечеть, и в таком виде здание все еще высится над могилой. Вход в подземный грот в течение многих веков был запрещен для христиан, а старинный проход заблокирован. В XVII веке отец-настоятель миссии францисканцев в Святой Земле Анджело из Мессины сумел с помощью крупной взятки добиться открытия нового входа.

Мы спустились ступеней на двадцать в темную и душную пещеру. Огня свечи едва хватало, чтобы осветить крошечное преддверие и развалившийся христианский алтарь. Двумя ступенями ниже находилась маленькая погребальная камера, которая по традиции считается местом, где Христос воскресил Лазаря из мертвых. Любопытно, что современное арабское название Вифании — ал-Азарей, то есть производное от имени Лазарь, или Елеазар. Я вернулся на солнечный свет, избавился от проводника и, поднявшись в гору, присел в тени одной из многочисленных олив, растущих на склоне.

Нет ни малейших сомнений, что это и есть Вифания, хотя дом Марфы и Марии, как и дом Симона прокаженного, которые с радостью покажет вам местный проводник всего за несколько монет, вряд ли можно назвать аутентичными. Однако это скопление старых каменных строений, теперь населенных мусульманскими семьями, занимает то место, которое Иисусу было известно как Вифания — «дом фиников». Все, что можно сказать наверняка, так это, что где-то на холме стоял прежде дом Марфы и Марии, где жил и их брат Лазарь.

Полагаю, описание этих персонажей — Марфы и Марии — является одним из шедевров литературы. Здесь ни убавить, ни прибавить ни одного слова, картина предстает полной и завершенной, словно мы

увидели ее через проем кухонной двери. Святому Луке хватило меньше сотни слов:

...здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой. У нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее²⁶.

Сидя на холме над Вифанией, я без труда мог представить эту сцену в воображении: дом, в котором пахнет готовящейся едой, потому что приближается праздник Кущей, накануне которого все и происходило, а это было хлопотливое время для еврейских женщин; обязательно требовалось устроить беседку или навес из зеленых листьев, центр проведения праздника, — именно там, во дворе, под сенью свежих ветвей, и сидел Иисус, а Мария расположилась у Его ног. Оба видели и слышали, как Марфа хлопотала над горшками и сковородами, а она могла видеть Иисуса и Марию, таких отстраненных и спокойных — в то время как сама она была столь занята. Как очевидна ее досада, ведь она обратила свои упреки не только к сестре, но и к Иисусу! «Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить?» — она не смогла ограничиться обращением к сестре. В ее интонации слышен гнев. Если бы пара не была видна из кухни, вероятно, она бы не так сердилась. Она не заметила бы, как спокойна и безмятежна ее сестра, такая умная и сосредоточенная. Но Иисус и Мария сидели во дворе, в беседке,

сплетенной из свежих ветвей, вокруг них царил мир и покой, а тень, падавшая на них, давала отдохновение, столь отличное от хлопот Марфы, так что у нее, естественно, возникла жалость к себе и ощущение несправедливости. Когда Марфа стоит перед Иисусом, мы видим столь узнаваемый образ, бессмертный и интернациональный. На каждом языке, который только звучит под солнцем, в любом веке, Марфа с негодованием вступает в спор, восклицая: «Вы сидите тут и ничего не делаете, тогда как я руки стерла в работе!»

И ответ, который она получает от сидящих в беседке, достаточно резок, чтобы вызвать у нее слезы: Иисус обращается к ней, дважды повторяя имя, и тем усиливая смысл сказанного. «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее». Какая здесь сила мысли! Мы можем интерпретировать эти слова так: «Марфа, Марфа, ты занимаешься изготовлением множества блюд, а достаточно одного-единственного. Мария избрала наилучшую трапезу, которую никто у нее не отнимет».

А как поразительно дополняет эту картину апостол Иоанн, вводя в описание персонажей маленькие детали! Когда Иисус приходит из Иерихона, чтобы воскресить Лазаря, именно энергичная и практичная Марфа, «услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома»²⁷. Это очень точная и жизненная характеристика. Мистическая Мария по-прежнему оплакивает брата, а практичная Марфа утерла слезы. Она обращается к Иисусу в типичной для нее грубоватой манере: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Но затем, раскрывая глубины своей души, она продолжает: «Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог». И так глубока была вера Марфы, что Иисус нашел для нее слова утешения и надежды,

которые слышит каждый человек — будь то мужчина или женщина, — когда стоит перед отверстой могилой:

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет».

И тут появляется еще одна портретная зарисовка. Иисус приказывает послать за Марией. Марфа «тайно» зовет сестру, сказав: «Учитель здесь и зовет тебя». В отличие от Марфы, в глазах которой не было слез, Мария в рыданиях упала к ногам Иисуса.

У этих женщин не просто противоположный темперамент, который наблюдатель может часто подмечать в окружающей жизни, важно, что Иисус, тонко и глубоко понимая их характеры, любит и принимает обеих и не считает, что одна лучше другой.

Последняя сцена, в которой женщины из Вифании играют существенную роль — момент перед Распятием. На сей раз Мария, благодаря своей чувствительности, видит то, что не замечают даже ученики Иисуса; и снова Иоанн рисует картину, которую просто обязан был видеть собственными глазами, что бы ни говорили ученые комментаторы:

«Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила... Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира»²⁸.

И вновь как ярко обрисованы характеры двух женщин: хлопочущая над угощением Марфа и Мария, далекая от прозаических, мирских вещей, увлеченная лишь духовным.

И как ясно вообразаем мы постную физиономию Иуды: «Для чего бы не продать это миро за триста денариев и не раздать нищим?» — спрашивает он.

Доктор Эдершейм утверждает, что римский фунт нарда, который использовала Мария, на современные деньги стоил бы девять британских фунтов. Это подчеркивает скардность Иуды, протестующего, как

нам объясняет рассказчик, «не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали».

Тогда Иисус, подводя итог прекрасной истории о Марфе и Марии, поверх склоненной головы преклоняющейся перед ним женщины произносит одну из самых замечательных фраз, известных в мировой литературе:

«Оставьте ее, она сберегла это на день погребения Моего».

5

Я поднялся со склона холма над Вифанией и вернулся на дорогу.

Жара становилась невыносимой, а дикость окружающего пейзажа, казалось, проникала в душу. Воздух был горячим и неподвижным. Бурые скалы окаймляли солнце, как стенки раскаленной печи. Вокруг практически не осталось зелени. Черные козы щипали редкие пучки сухой травы, выроставшей в расщелинах среди скал. Свернув за очередной поворот, я едва не врезался в целое стадо коз. Они разбредались по скалам, прыгали, хлопая длинными ушами, оборачивались на меня, словно сердитые бородатые старики.

В одном месте я заметил пастуха, с трудом карабкавшегося на гору, он гнал овец, все время разговаривая с ними, а на плече нес маленького барашка, придерживая его за все четыре ноги — в точности как на изображениях Доброго Пастыря.

Теперь дорога с одной стороны была ограничена отвесной скалой, а с другой — глубокой впадиной. Причем нигде прямой участок не растягивался надолго.

Наконец показался первый признак жизни — широко известный Источник Апостолов, из которого какой-то старик набирал воду в большой кувшин. Справа от меня узкая пешеходная тропа уводила в горы, в сторону Иерусалима. Это был древнейший короткий путь до Вифании — по нему Иисус и Его ученики отправились на Пасху и Тайную Вечерю.

Нетрудно понять, почему дорога от Иерусалима до Иерихона всегда была полна разбойников. Ее серпантин вьется вокруг утесов, за которыми удобно прятаться бандитам. На пути есть сотни мест, где прямой участок на концах ограничен двумя крутыми поворотами, а по бокам огражден валунами или скальными выступами, за которыми легко могут притаиться два-три вооруженных человека. После ограбления ничего не стоит ускользнуть по диким расщелинам, что ведут к тысячам пещер, которые могут послужить отличным укрытием на время, пока поисковая партия пытается безуспешно поймать преступников.

После долгого движения под уклон дорога начала подниматься. На верхней точке перевала стоял приют Доброго самаритянина, который арабы называют Хан Атрур. Как только я притормозил, появился мужчина, который вел на поводу трех нагруженных ослов — он привязал их в тени здания.

Строение представляло собой обычный турецкий караван-сарай, способный предоставить кров на ночь людям и животным, такие заведения располагаются в пределах недолгого перехода от города. Фундамент гостиницы и древние скальные цистерны уровнем ниже, в которых хранится вода, являлись очевидным свидетельством того, что аналогичный приют для путников находился на том же самом месте с римских времен, а возможно, и ранее. Нет сомнения, что именно в этой гостинице остановился Господь, когда рассказывал притчу о добром самаритянине, потому что

на дороге между Иерусалимом и Иерихоном никакой другой гостиницы никогда не было.

Здание караван-сарая — вытянутый в длину одноэтажный дом, выстроенный в неизвестную эпоху, в него ведет высокий арочный проем двери, расположенный в центре. Просторный двор окружен высокой стеной, которая охватывает все ровное пространство с тыльной стороны гостиницы. В центре двора — колодец, воду из которого достают ведром, привязанным к концу длинной веревки.

Двор являл картину полнейшего запустения. Гостиница подверглась бомбардировке во время войны и так и не была полностью восстановлена. Во дворе красовались воронки и разбитые камни. В углу, ограниченный поврежденной изгородью, виднелся старый мозаичный пол, который доказывал, что в древности на этом месте находилась церковь. Мозаика, в основном черно-белая, была повреждена, части плиток не хватало, причем каждый любопытный путник мог насунуть еще пару фрагментов себе в карман в качестве сувенира.

Сидя во дворе на валуне, я наблюдал за тем, как арабский мальчик набирает воду. Он сливал ее из ведра в канистры из-под бензина, которые мужчина грузил на осла. Высокая полная женщина, которую я заметил в холле гостиницы, давала указания девочке, вероятно, той полагалось производить приятное впечатление на посетителей, так как сразу после окончания инструкций девочка, шлепая босыми ногами, подбежала ко мне, протягивая два огромных апельсина из Яффы. Я дал ей монету и взял один из апельсинов. Пара арабских слов благодарности, которые я успел выучить, привели девочку в совершенную панику — она подобрала грязные юбки и мгновенно скрылась из виду.

Сидя в тени стены я перечитал притчу о добром самаритянине. Она широко разошлась по всему миру, но

я не уверен в том, многие ли действительно понимают, почему Иисус ее рассказал. Он попрощался с Галилеей и шел в Иерусалим, где его ждало распятие. Обычно он посещал синагоги, проповедовал, а затем вступал в беседу-дискуссию. Вероятно, так было и в Иерихоне, и после Его проповеди местный законник, желавший показать свою ученость, попытался спровоцировать Иисуса, сказав: «Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»²⁹ Вопросающий, безусловно, владел диалектикой, его делом жизни было толкование иудейского Закона. Очевидно, что его вопрос был ловушкой, и Иисус видел это, потому что ответил вопросом на вопрос: «В законе что написано? Как читаешь?», что означало в данном случае: «Ты — законник. Ты изучал эти предметы. Так представь нам свое квалифицированное суждение».

И тот ответил, процитировав Второзаконие и книгу Левит, и Иисус прекрасно знал, как тот мог ответить: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя».

Иисус ответил ему, используя парафраз другой цитаты из книги Левит: «Правильно ты отвечал; так и поступай, и будешь жить».

Но законник, раздосадованный тем, что его так легко превзошли, думал, что у него еще есть шанс выиграть в битве умов, а потому спросил: «А кто мой ближний?» Это должно было стать новым аргументом в дискуссии. Ближний для иудея, согласно раввинистическому закону, — только соплеменник израильтянин. Законник предчувствовал, что Иисус выйдет за рамки этого строгого ограничения и тем самым откроет путь для обвинения в ереси. Но Иисус видел эту ловушку так же ясно, как и предыдущую, а потому ответил притчей. Он сказал:

«Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался к разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился. И, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе».

Можно вообразить, как беспокойно ерзал на своем месте законник, выслушивая эту историю. Он сам попался в ловушку, в которую хотел заманить Иисуса! Его принудили признать, что представитель отверженной расы, а таковыми были для евреев самаритяне, с которыми иудею полагалось не иметь никаких дел, оказался «ближним». И перед законником был поставлен жесткий и недвусмысленный вопрос: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?»

В ответе законника чувствуется неудовольствие. Он не может даже произнести это неприятное слово «самаритянин». Оно застревает в горле. Вместо этого он говорит: «оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же».

Этот блестящий образец диалектики, заключенный в форму притчи, выглядит невероятно простым, но столько столетий остается на плаву, как лист, несомый сильным течением!

Покинув приют Доброго самаритянина, я погрузился в мир огня. Тени не было нигде. Солнце слепило глаза, раскаленный воздух дрожал над выжженной землей. Примерно через полчаса я переместился из зоны умеренного климата в настоящие тропики.

Выбрав удобное место, я остановил машину и снял пиджак, в котором уже задыхался. Я заглянул в пропасть у дороги: далеко внизу, вырезанный в скале песочного цвета виднелся монастырь, который, словно ласточкино гнездо, примостился на отвесном склоне. Утесы вокруг монастыря были усеяны пещерами, где все еще жили отшельники, умерщвлявшие плоть, как это было и во времена Фиваиды.

Я проследовал дальше по ослепительно белой дороге. Через некоторое время я заметил дорожный столб с табличкой, гласившей «Уровень моря»; а дорога продолжала идти под уклон, и жара становилось все более свирепой. В белоснежной пыли мелькнула ящерица, оставляя след волочившегося хвоста. Движение вдаль, на гребне горы привлекло внимание: это была группа верблюдов, странных, доисторического вида существ того же песочного цвета, что и окружающие скалы; и взрослые животные, и детеныши поедали колючие кусты, невзирая на жутковатые шипы. Свернув на очередном повороте, я увидел внизу долину Иордана и среди деревьев — Иерихон, а справа сверкающие голубые воды Мертвого моря и Моавские горы, исполосованные и изрезанные резкими тенями, вздымающиеся прямо у самого края восточного побережья.

Некоторые авторы описывают эту горячую впадину, разрывающую земную кору, как самое ужасное место в мире, а другие находят здесь странную красоту. Полагаю, это вопрос вкуса и темперамента, а может, состояния здоровья. Если вы чувствуете себя не слишком хорошо, легко вообразить, что долина Иордана

с ее невыносимым жаром и плотным воздухом, а также Иерихон, полный бурной растительности, рептилий и насекомых, оказываются для гостя настоящим кошмаром. Как ни парадоксально, здесь царит та же мертвенная стерильность, которую встречаешь обычно лишь у вершин высочайших гор. Как путешественник, проходящий в одиночестве сквозь зеленую зону высокой горы, порой испытывает холодок ужаса, чувствуя, что вступает в мастерскую Господа Бога, так и в этом невероятном котловане ощущаешь, что идешь там, где ни одному человеку ходить не полагается. Вокруг громоздятся скальные насыпи, скалы изгибаются в агонии доисторических конвульсий, они совсем не похожи на мирные, привычные каменные глыбы, из которых люди строят свои жилища: это грубые, голые скалы, испачканные пятнами желтоватого ила и покрытые слоем соли.

Равнина, на которую я смотрел, в районе Иерихона достигает ширины 14 миль. С одной стороны от нее вздымаются жутковатые горы Иудеи, а в 14 милях от них, напротив, высятся Моавские горы. Долина Иордана представляет собой котлован между двумя горными хребтами: испещренное пятнами дикое пространство охристых холмов, плавающих от зноя под испепеляющим солнцем, протянувшееся вокруг Мертвого моря и местами отмеченное белыми и грязновато-серыми участками. В центре извиливается зеленая полоса. Она образована зарослями тамариска, ивы и различных кустов, окаймляющих двухсотмильные изгибы Иордана от Галилейского озера, которое по прямой находится всего лишь в 65 милях отсюда. Этот странный, мертвенный мир песочных скал, в древних катаклизмах приобретших причудливые, неестественные очертания и подвергшихся выветриванию, находится ниже уровня моря, примерно

на той же глубине, что и многие британские угольные шахты.

Джордж Адам Смит в своей великой книге «Историческая география Святой Земли» пишет следующее:

Вероятно, лишь на поверхности иной планеты можно найти некое подобие долины Иордана: там просто ничего нет. Ни один другой участок суши не опустился на глубину 300 футов ниже уровня моря. Здесь мы находим рифтовую впадину длиной более 160 миль, от двух до пятнадцати миль шириной, которая на берегу Мертвого моря достигает точки 1292 фута ниже уровня моря, в то время как дно последнего расположено еще на 1300 футов глубже. В этой расщелине протекает Иордан — река длиной около сотни миль; здесь находятся и два огромных озера, одно длиной 12 миль, другое — 52 мили; здесь огромные участки возделываемых земель, особенно вокруг Генисарета, Вифшана и Иерихона, регионов когда-то густо населенных — например, побережье Галилейского озера; здесь расположены места знаменитых городов — Тиверии, Иерихона и «Городов Равнины». Разве не будет правдой сказать, что на земле нет ничего похожего на эту глубочайшую, колоссальную по размерам впадину?

Иерихон утопал в зелени, это оазис посреди мертвой пустыни. С высоты дороги он казался гораздо ближе к Мертвому морю, чем на самом деле, но мне еще предстояло вскоре узнать, что в странном воздухе долины Иордана нет ничего более неверного и обманчивого, чем представление о расстоянии.

На улице, состоящей из глинобитных арабских домов и банановых рощ, составляющей современный Иерихон, я заметил единственного старика-араба, который спал в тени стены. Стадо черных коз стояло в раскаленной пыли, а несколько верблюдов лежали на самом солнцепеке, оттопырив нижние губы с таким выражением, словно помнили сотое имя Господа. Арабы утверждают, что у Бога сто имен, но человеку известно лишь девяносто девять. Верблюд знает сотое имя и потому всегда полон такого подчеркнутого превосходства.

Я сказал, что на улице не было никого кроме спящего старика-араба, коз и верблюдов; но я ошибался. В одно мгновение — оно навсегда останется у меня в памяти, — английский пойнтер, представитель той спортивной породы, которой славится Англия, выскочил из-за угла глинобитного дома и замер, глядя прямо на меня с отрешенным высокомерием английской собаки, попавшей на Восток. Встретить пойнтера в Иерихоне было для меня не менее странным, чем обнаружить в Оксфорде благополучно созревающие грозди бананов, свисающие через стену чьего-то сада. На долю секунды я даже подумал, что слишком жаркое солнце сыграло со мной злую шутку, повлияв на зрение и восприятие.

Животное, как и любой англичанин в иностранном окружении (в особенности если речь идет о почтенной леди средних лет откуда-нибудь из Танбридж-Уэллз), выглядело исключительно «по-английски», я невольно вспомнил поля Кента после сбора урожая, низкое небо под Бэддлсмиром — теперь уже серебристо-серое, каким оно бывает по утрам в октябре. Среди огромных тропических листьев, в иерихонскую жару этот пойнтер удивил меня не меньше, чем невероятное появление

томика «Жизни Джона Мильтона» Эпперли в украшенной нише великой мечети аль-Акса, где надлежит быть Корану.

В следующее мгновение собака скрылась за домом и снова вернулась, на этот раз в компании, которая разъясняла происходящее: за пойнтером следовал англичанин в бриджах, гольфах и твидовом пиджаке.

— Доброе утро, — вежливо обратился он ко мне. — Ищете что-нибудь?

— Да, — кивнул я. — Как вы думаете, не могли бы мы пропустить по стаканчику в местном отеле?

— Попробуем. Жарко, не правда ли? Я был на иорданских болотах, искал перепелов. В это время они слетаются сюда тысячами.

Я испытывал странное чувство, пока мы брели между лежащих верблюдов, будто на самом деле наш путь пролегает по улицам Кингз-Линн. Наконец мы достигли отеля, в котором подавали относительно охлажденные напитки. Я не мог прийти к выводу, кто мой случайный знакомый. Он явно не походил на бизнесмена, приехавшего сюда по делам. Возможно, это был офицер в штатском, но батальон, расквартированный в Иерусалиме, состоял из шотландцев, а передо мной был определенно англичанин. Я пришел к заключению, что он уроженец Норфолка или Саффолка.

— Вы здесь живете? — поинтересовался я.

— Я здесь с 1921 года. Прибыл с отрядом прямиком из Ирландии, чтобы вступить в полицию. Я и сейчас служу в полиции. Это хорошая страна — по крайней мере, мне подходит. Здесь можно вдоволь пострелять.

— На иерихонской дороге?

— О нет! — он улыбнулся. — Здесь довольно спокойно. Во времена турецкого правления и днем нельзя было проехать без вооруженного сопровождения. На некоторых дорогах, правда, такое сопровождение, необходимо и сегодня.

Он кивнул в сторону гор за Иорданом, усеянных лиловыми полосами тени.

— Я имел в виду забаву, спортивное развлечение. Я провел практически всю жизнь среди приятелей, в местах, подобных долине Иордана, изучал дикую природу и... стрелял. Недавно в нескольких милях от Иерихона мы подстрелили волка. Я даже не знал, что они еще тут остались. Здоровенный был зверь.

Из кармана твидового пиджака он вынул записную книжку, в которой оказалось нечто вроде карты — такие используют в некоторых играх. Он достал карандаш и отметил направление миграции перепелов, а потом пояснил:

— Перепел всегда летит ночью, Средиземное море покрывает за один перелет, выбирая самую узкую часть. Птицы прилетают сюда смертельно усталыми, настолько истощенными, что арабы собирают их огромными полотнами, вроде сачков. Они попадаются тысячами. Думаю, именно перепела и были манной, о которой упоминается в Ветхом Завете.

— Насколько мне известно, манна — это биологические отложения, что-то вроде слюны кукушки.

— Вы интересуетесь подобными вещами? Тогда вам стоит пойти и взглянуть на руины старого Иерихона. Полагаю, они весьма примечательны.

Я посмотрел на часы.

— Мне пора идти.

— Прежде чем пойдете, не могли бы вы отметить на моей карте традиционное место крещения? Я хочу попытаться отыскать его.

Он протянул мне записную книжку с картой, и я сделал отметку.

— Я тоже должен идти, — он смотрел поверх иерихонской дороги. — Глава британской администрации совершает прогулку, и мне надо

показать ему, где находятся перепела. Это можно считать моей обязанностью.

Он вышел в сопровождении поинтера. Снаружи к нему присоединился араб, который нес ружья и сумки, и вместе они двинулись по дороге, залитой солнцем. Несколько минут спустя я уже был на пути к руинам старого Иерихона. По иерихонской дороге скользил «даймлер» с британским флагом на капоте. Он притормозил, но прошло несколько секунд, прежде чем открылись дверцы. На дорогу выскочили два секретаря и адъютант. Следом за ними появился и сам глава администрации Его Величества в Палестине. В нем не было ничего примечательного, привлекала внимание лишь особая осанка и учтивость помощников, их подчеркнутое желание заранее угадать его намерения и действия, которое могло подсказать стороннему наблюдателю, что перед ним преемник власти Понтия Пилата. Так и было. Декларация лорда Балфура, в которой Великобритания давала торжественное обещание, выраженное весьма своеобразной фразой «построить национальный дом для евреев», впервые после римской оккупации делала еврейское присутствие в Палестине политическим фактором. Римляне изгнали евреев отсюда; британцы их возвращают. Уже становится ясно, что часть евреев выражает открытое недовольство политикой Великобритании, как и зилоты в свое время интриговали и поднимали восстания против Рима. Интересная историческая параллель. Однако...

Преемник Понтия Пилата шагал по раскаленной солнцем дороге среди пестрящих пятнами гор долины Иордана, а рядом с ним шел мой случайный знакомый, заядлый спортсмен и охотник, который, очевидно, рассказывал о миграции перепелов. А перед ними, словно зримый символ Англии, бежал черно-белый поинтер.

Я нашел ветхозаветный Иерихон в двух милях от современного города. Он находится на ровном плато, а позади высится гора Джебел-Каранталь, на которой искали убежища шпионы Иисуса Навина. Сегодня там нет ничего, кроме высокой насыпи из земли и камней, спекшихся на солнце, в которой концом трости можно выковыривать иногда фрагменты древней керамики. Эта насыпь поднимается в высоту на двадцать или тридцать футов, и с ее вершины можно увидеть руины домов, и — там и тут — узкие линии извилистых улочек. Вероятно, город был очень маленьким, он занимал территорию примерно в десять акров и был окружен кольцом стен, возможно, около двадцати шести футов высотой и семь толщиной, сложенных из глиняных кирпичей на каменном фундаменте.

Когда Моисей смотрел с высот горы Небо, вдали от Мертвого моря, на Землю Обетованную, он должен был видеть огражденный стенами город посреди гигантской пальмовой рощи и многочисленных садов. Для изголодавшихся израильтян эта картина несомненно была символом роскоши и богатства. Иерихон называли «ключом» и «караульным постом» Иудеи, однако Джордж Адам Смит предпочитает называть его кладовой. Это был первый город на пути вторгшихся в долину израильских племен, после того как под предводительством Иисуса Навина они перебрались через Иордан и совершили знаменитый маневр с трубами из бараньих рогов и Ковчегом Завета.

Раскопки, недавно проведенные профессором Гарштангом на месте древнего Иерихона, кажется, подтверждают два любопытных факта: что библейские расчеты относительно даты Исхода точнее, чем прикидки современных египтологов, и что стены

Иерихона в действительности пали. Считается, что они были разрушены землетрясением или каким-то схожим бедствием, которое обрушилось на город с поразительной силой. Бродя среди руин, я оказался возле участка стены, которая носила очевидные следы такой катастрофы.

После разрушения Иерихона Иисусом Навином город, судя по всему, оставался в развалинах в течение нескольких столетий. Со временем на этом месте вырос новый город, он также утопал в зелени, питаемой источниками, сбегавшими с гор в долину Иордана; здесь росли финики, бальзамические растения, зерновые культуры и фрукты. Экзотическому характеру Иерихона отлично соответствует и тот факт, что город некоторое время принадлежал Клеопатре. Антоний, которому достался восток Римской империи, старался угодить ей такими дарами, как Греция, Кипр, Финикия, части Сицилии и Крита. Затем ее амбиции распространились дальше; она решила устранить Ирода Великого и стать царицей Иудеи. Полагаю, интриги, окружавшие встречу столь великих заговорщиков и манипуляторов, как Ирод и Клеопатра, а также сама эта примечательная встреча должны были представлять одну из наиболее совершенных человеческих комедий той эпохи. Невозможно удержаться от восхищения способностью Антония отвлечь внимание Клеопатры от Иудеи, направив его на бальзамические сады Иерихона. Стоит задуматься, как же ему удалось этого добиться?

Однако подарок, безусловно, порадовал Клеопатру, потому что Иерихон был крупнейшим местом производства парфюмерного сырья, сладко пахнущих масел, ароматических веществ. Она прибыла в Иерихон примерно в 35 году до н. э., чтобы посетить свои новые плантации. Иосиф Флавий рассказывает, что она даже предприняла попытку покушаться на то, что иронически можно назвать добродетелью Ирода, и тот, опасаясь

влияния Клеопатры на меньших князей, собрал совет с целью обсудить варианты ее убийства — может быть, они планировали сделать это на переполненной разбойниками дороге между Иерусалимом и Иерихоном. Однако Клеопатра покинула Иудею, захватив с собой иерихонские бальзамические растения, которые приказала посадить в Гелиополисе.

Насколько богат был Иерихон в те времена, можно судить по тому, что Клеопатра сдала свои бальзамические рощи Ироду в аренду за годовую плату в двести талантов. Иосиф Флавий не говорит, выплачивалась рента золотыми или серебряными талантами, но даже при самом низком уровне оценки египетская царица могла выжимать из Ирода около 48 000 фунтов стерлингов в год по современному курсу.

Вскоре после заключения с Клеопатрой соглашения об аренде Иерихона Ирод принял решение построить город, который бы стоил тех денег, которые приходилось платить за эту землю. Он выбрал место на некотором расстоянии от древнего Иерихона, разрушенного Иисусом Навином, и в двух милях к югу от современного города. Это поселение Ирода, насколько я могу судить, находится чуть выше по склону, и оттуда видно Мертвое море. Этот Иерихон со временем превратился в великолепный романизированный город. В нем стоял зимний дворец Ирода. Там были амфитеатр и ипподром. Прекрасные сады, примыкавшие к дворцу Ирода, вероятно, отчасти напоминали известные нам сады Альгамбры. Именно в этом очаровательном городе, даже в самые холодные дни прогретом теплым бризом, снедаемый болезнью Ирод умер — с разбитым сердцем и полный угрызений совести.

Иерихон, выстроенный Иродом Великим, и есть тот город, о котором идет речь в евангелиях. Во время ежегодного празднования Пасхи евреи Галилеи совершали паломничество к Храму в Иерусалиме;

обычно они путешествовали через долину Иордана и Иерихон, приближаясь к Иерусалиму горной дорогой, чтобы избежать обычных опасностей, поджидавших странствующих по ненавистной иудеям Самарии. Именно в Иерихоне эти паломники соединялись с теми евреями, которые шли от Переи (за Иорданом), и объединенные толпы направлялись отсюда в Иерусалим.

Вот почему мы встречаем Иисуса и его учеников в Иерихоне непосредственно перед Страстной неделей. Лука предоставляет любопытное отражение коммерческой важности Иерихона. Разве Закхей, маленький человек, который вскарабкался на ветви сикоморы, чтобы увидеть проходящего мимо Иисуса, не был старшим откупщиком, то есть сборщиком налогов из Иерихона? Мы не знаем, был ли он начальником таможенной службы всей долины или отвечал только за принадлежавшие Ироду бальзамические рощи, но этот жизненный, очень правдоподобный и забавный случай напоминает нам о днях, когда Иерихон был городом богатым и процветающим.

Сегодня можно встать — как я и сделал — на неровную бурую насыпь и с помощью воображения попытаться воссоздать образ города, который увидел Христос, когда пришел в него перед тем, как идти в Иерусалим.

9

Я опустил руку в воды Мертвого моря и подержал мокрые пальцы на солнце. За несколько секунд на руке образовалась ровная белая корка соли, горьковатая на вкус.

Мертвое море в солнечные дни выглядит поразительно красивым. Средневековые паломники распространяли известия о его мрачном облике, что

совершенно не соответствует действительности и отражает, вероятно, не само Мертвое море, а образ мысли доблестных путешественников. История о том, что ни одна птица не пролетает над ним, потому что испарения моря ядовиты, тоже ложная. Здесь мало птиц, потому что в море нет рыбы. Лишь немногие иорданские рыбы, способные адаптироваться к чересчур соленой воде, вскоре остаются в виде мумифицированных останков на берегах. Но Мертвое море — ярко-голубое, сверкающее в лучах солнца ничуть не хуже, чем Лох-Ломонд или Килларни в ясные дни.

Волны набегают на усыпанный галькой пляж мелкими, маслянистыми рядами. На берегу нет раковин, нет вообще никаких признаков жизни, здесь не растут водоросли, воды Мертвого моря действительно бесплодны и мертвы. Причина того, что Мертвое море представляет собой огромный химический котел, — отсутствие оттока. Эта гигантская яма в земной поверхности, в которую впадает Иордан и его притоки, ежедневно приносящие около семи миллионов тонн воды, смешанной с сернистыми и азотистыми компонентами. Невозможность оттока воды и чудовищная жара долины Иордана приводят к сильному испарению, а в итоге в этом замкнутом море остается огромное количество солей и других химических веществ. На дне моря бьют горячие источники, о которых известно крайне мало. Обыкновенная морская вода содержит от четырех до шести процентов солей в растворе; вода Мертвого моря — в пять раз больше. В ней невозможно утонуть, пока держишь голову на поверхности, здесь не удастся нырять. Когда Тит в 70 году н. э. прибыл в долину Иордана, он приказал сковать вместе семь рабов и бросить их в Мертвое море. Но, вероятно, они догадались поднять лица вверх, так как все остались живы.

Любые ужасы, рассказанные о Мертвом море, касаются обычно его берегов: высыхающие химические компоненты, странный ил, серая корка соли, запах серы, причудливых очертаний горы вокруг, — все это производит впечатление, что вы оказались на дне гигантского тигля. Эти горы совсем не похожи на привычные возвышенности: скорее, они кажутся фантастическими обломками охлажденного металла. Когда бродишь по безлюдным берегам, невольно вспоминаешь о судьбе Содома и Гоморры, которые в этом месте воспринимаются не как трагическая аллегория, а как абсолютная, ужасающая реальность. Словно Страшный Суд над грехами людей уже однажды свершился здесь, расплавив и искривив порочные берега Мертвого моря.

Когда-то существовала легенда, что руины обоих городов лежат в глубине соленых вод, но археологи обычно ищут их на побережье. Чаще всего — к югу, в мрачном районе, расположенном среди соляных копей, разрабатывавшихся арабами в течение столетий, в странном месте, где скрученные белые столбы соли во времена Иосифа Флавия считались останками окаменевшей жены Лота.

«И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь...»³⁰

Слова книги Бытие обретают ужасающее значение, когда находишься у Мертвого моря. Огонь поразил эту землю, нагромоздил эти горы, смешанные и скрученные в мучительном движении, разорвавшие ровную земную поверхность; и даже сегодня запах серы не развеялся в этих краях.

Однако здесь, на северной оконечности Мертвого моря, чувствуется дуновение жизни — хотя бы в присутствии безобразных на вид солеварниц, добывающих из воды разнообразные химикаты. Мне говорили, что на дне Мертвого моря лежат несметные

богатства. Мне не раз называли результаты подсчетов, но, по правде говоря, я с трудом запоминаю цифры свыше миллиона. В настоящее время из воды Мертвого моря добывают хлорид магния, углекислый калий (поташ), хлорид кальция, бромистые соединения, обыкновенную пищевую соль. Некоторые из этих продуктов поставляют в разные страны мира.

Неподалеку от этих предприятий есть первые признаки того, что Мертвое море может превратиться в оздоровительный курорт. Пока это лишь скромный пляж и купальни, кафе с танцевальной площадкой и огромным репродуктором. Но эти нововведения затрагивают столь малую часть пространства, что их вторжение остается практически незаметным.

10

Я пошел по дороге, которая вела прямо через горы и холмы к месту крещения Христа. По сути, это даже нельзя было назвать дорогой: скорее, разбитая колея, что терялась в зарослях колючего кустарника и вновь появлялась, изрытая ямами и колдобинами, немилосердно петляя среди хилого зеленого пояса, повторяя течение реки Иордан.

Никто не знает в точности, где было место крещения, собственно, мы не знаем и что такое «Вифавар при Иордане», указанный как примета святым Иоанном Богословом. Но то место, которое я отыскал наконец среди тамариска и ив, в течение столетий почитается благочестивыми паломниками. В старые дни, еще до войны, когда Россия была еще «Святой Русью», тысячи паломников прибывали оттуда, чтобы окунуться в Иордан — в белых рубахах, которые служили им символом плащаницы. Сегодня паломников здесь совсем мало. Обычай окунуться в воду в этом месте или

поблизости от него восходит к весьма отдаленным временам. Он известен по описанию пилигрима из Бордо, посетившего Святую Землю в римскую эпоху — около 333 года, а как-то вечером в 1172 году Теодорих видел, как в этом месте в реку зашли 60 000 паломников.

Я не был готов к встрече со столь странным завершением тропы. На берегу реки стоит странноватое кафе или дом для отдыха путников, приподнятый над землей на столбах. Крыша сплетена из иорданского тростника, причем немедленно возникает ощущение, что все приспособлено к неожиданному наводнению — словно узкая и вяло текущая река в любое мгновение может выйти из берегов и вынудить малочисленных обитателей перебраться в лодки. Под этим хрупким укрытием стоят несколько самодельных столов и стульев грубой работы. Курицы, цыплята, индейки и козы беспечно бродят между ними. Чучело журавля и чучело фламинго, оба весьма потрепанные и явно не новые, мрачно свисают с кровли. Есть даже своего рода прилавок или барная стойка, над ней висит лицензия, в которой указано, что все это причудливое сооружение из шестов и камыша является собственностью мистера Н. Стоматиона. Единственный человек, которого я нашел в «кафе», — возможно, это был сам мистер Стоматион, — сидел спиной к Иордану, уныло стругая перочинным ножом длинную палку. На нем была рубашка с длинными рукавами и выдавший виды китель цвета хаки, наброшенный на плечи. На меня он не обратил ни малейшего внимания, хотя я обходил его заведение в непосредственной близости от столов. Вероятно, Иордан постоянно стремился лишить мистера Стоматиона его собственности. Жилой дом и крупная печь стояли на столбах высотой в двенадцать футов. Даже куры, индейки и козы вынуждены были время от времени

переселяться на возвышенный участок — о чем свидетельствовали пристройки к дому.

Иордан, протекавший в нескольких ярдах от этого ветхого, доисторического типа поселения, удивил меня. Мне показалось, что я стою на берегу какой-то английской реки, может, Эйвона в районе Уорикширских высот, неподалеку от водяной мельницы. Не могу объяснить, чем было вызвано это ощущение, потому что берега Иордана весьма экзотичны, там растут южные деревья и кустарники вроде тамариска и тонкого, непривычного для европейца тростника, похожего на бамбук. Думаю, все дело в скоплении ив, роняющих ветви и листья в поток — в точности, как аналогичные деревья на Эйвоне, на лугах под Стратфордом-на-Эйвоне в марте. Наблюдая, как воды Иордана касаются ивовых ветвей и уносят отдельные листья вниз по течению, я испытал снова восторг, знакомый мне с юности — то бесконечное счастье, которое переживаешь, сидя на старой, позеленевшей от времени стене у Тринити-колледжа. Есть нечто медлительное, мягкое и камерное в том, как Иордан огибает изгиб берега возле места крещения, нечто, я бы сказал, домашнее — то, что навеяло воспоминания о благочестивых образах на стенах Венеции и Флоренции, где Вифлеем и Назарет представлены как подобию родных для художников итальянских городов. Мне показалось, что в этом должен таиться какой-то урок, но извлечь его смог бы лишь лучший моралист, чем я: человек путешествует в Святую Землю, к Иордану, и находит этот небольшой водный поток удивительно похожим на реку его родины, что протекает по соседству с садом.

Я подумал: насколько точным было посетившее меня видение и насколько оно противоречит тому, как воспринимает молочно-голубые и песчаные водовороты этой реки обычный турист? Ведь Иордан течет в каждой

части христианского мира. В каждой капле святой воды, которой совершается крещение.

На обратном пути я заметил безлюдное место у реки, на котором, среди деревьев, стояла новая церковь. Это было единственное здание посреди дикого пейзажа. Пока я рассматривал ее, из боковой двери вышел чернокожий монах и остановился, увидев меня; и я вспомнил, что кто-то говорил мне: эфиопы посвятили эту церковь у реки святому Иоанну Крестителю. До постройки церкви монахи жили в причудливых хибарах, прикрепленных к деревьям, вероятно, в таких же тростниковых хижинах, что и мистер Стоматион.

Я подошел поближе и жестами объяснил монаху, что хотел бы осмотреть церковь. Он обрадовался, белоснежные зубы засверкали на черном лице. Показывая дорогу, он открыл замок на двери и провел меня в замечательно украшенную церковь; высокий алтарь был скрыт за створками врат, как это принято в абиссинской церкви, по периметру оставлен широкий проход для церемониальных процессий, составляющих важнейшую — и весьма живописную — часть мистического обряда. Затем он провел меня в ризницу и с огромной гордостью показал великолепные облачения, сверкавшие красным, синим и пурпурным; некоторые были обшиты по краю блестками и золотой тесьмой. Мы не обменялись ни словом, но активно жестикулировали, улыбались, кивали и кланялись. Когда я вышел наружу, мне очень захотелось подарить что-нибудь этой церкви, я знал, что абиссинская церковь крайне бедна. Так что я вынул несколько серебряных монет, но в глазах монаха мелькнуло такое страдание и он так мягко, но решительно оттолкнул мою руку, энергично мотнув головой из стороны в сторону. В этот момент его глаза были как у большого кроткого животного.

Есть что-то особенно трогательное в том, как эти африканцы поклоняются Христу — с примитивным и даже, на мой взгляд, немного еретическим рвением. Никогда в жизни я не встречал людей более мягкого и кроткого нрава.

11

Я вернулся в Иерихон, когда послеполуденное солнце начинало клониться к закату. Я торопился, чтобы выбраться на горную дорогу до темноты, но не мог упустить возможность подняться на гору Искушения, расположенную за Иерихоном.

Подъем долгий, но легкий, с каждым шагом долина Иордана выглядит все более пугающей в своей жаркой, выбеленной наготе. Когда я добрался до вершины горы, то все еще находился на двести футов ниже уровня моря.

На полпути вверх расположен буквально врезанный в скалу монастырь, в котором десять греческих монахов ведут бедную и суровую жизнь, соблюдая обряды православия. Сегодня лишь немногие паломники приходят помолиться к маленькому гроту, где постился Иисус.

Один старик, знавший два-три слова по-английски, провел меня в часовню, где были развешаны запыленные, потемневшие или, напротив, яркие иконы; свечи не горели, вокруг царил атмосфера запустения.

Монах указал на пещеру под алтарем и торжественным, приглушенным голосом сообщил, что именно здесь спал Иисус перед тем, как его искушал дьявол. Затем сопровождающий тихо прошел дальше, вероятно, в какое-то другое запыленное святилище. В воздухе чувствовался запах тления, старики-монахи, ковылявшие в черных, длинных одеяниях, произвели на

меня довольно гнетущее впечатление. Но все же само место оказалось невероятным, даже фантастическим. Монастырь, вырезанный в скальной породе, отчасти был построен прямо над жутковатыми расщелинами, отчасти уходил в глубь горы, так что своды и стены представляли собой сплошной камень. Я задумался: а что происходит, когда умирает один из монахов? Наверное, они вырезают могилу в скале и оставляют тело там — как тело Моисея в горе Небо.

Было нечто трогательное в их почти детской радости, вызванной моим посещением. Старый монах, который провел меня в часовню, вернулся и показал комнату, балкон которой высился над отвесной кручей не менее тысячи футов глубиной. Небольшое деревянное сооружение шаталось подо мною так сильно, что я поспешил шагнуть назад, в комнату. Это было странное, маленькое помещение, обставленное в соответствии со смутными воспоминаниями о традициях далекой страны. В центре стоял столик, покрытый зеленой скатертью, а по стенам — стулья с мягкими сиденьями, набитыми конским волосом. На стенах были только изображения царя и царицы России, греческого короля Тино и, неожиданно, цветные литографии британского короля Георга и королевы Мэри.

Старый монах сидел, скрестив руки на груди, и вежливо улыбался мне, пытаясь что-то объяснить на ломаном английском:

— Ах! — он скорее вздохнул, чем произнес это восклицание, кивнув на литографию царя. — Бедная, бедная Россия!

Он пояснил, что в прежние времена горная тропа была черной от фигур паломников из Святой Руси. Но теперь... Он широко развел руками в жесте отчаяния. В этот момент появился молодой монах — единственный молодой из всех, кого я видел в монастыре, — он принес поднос с крошечными чашечками кофе, маленькие

тарелочки с джемом и белый ликер, на вкус напоминающий абсент. Я выпил кофе и ликер, съел предложенный джем, время от времени церемонно кланяясь старому монаху и в ответ встречая улыбки и поклоны. Молодой монах, юноша в очках и с темными бакенбардами, выглядевший немного напуганным, так и стоял с подносом в руках и кланялся каждый раз, как я ставил на стол чашку или бокал.

В старые времена существовал обычай торжественно принимать любого путника, если он мог быть странствующим христианином, и эта прекрасная учтивость все еще сохраняется в отдаленных краях. Мы утратили эту привычку, а вместе с ней и нечто красивое и изысканное ушло из нашей жизни. Когда старик-монах проводил меня к главным воротам монастыря и поднял засов, прощаясь, он добавил к обычным словам благословение на греческом, и в этот момент в его глазах я увидел древнее и столь редкое теперь выражение любопытства. Я был странником, который уходил прочь, в неизвестность, в тайну. Я обернулся и помахал ему на прощание, а потом пошел вниз по каменистой тропе.

Я никогда не забуду закат, опускавшийся на Моавские горы, которые становились постепенно лиловато-розовыми, а расщелины и пространство между пиками погружалось в синеву. Округлые коричневатые холмы уходили на север, напоминая карту лунной поверхности, а посреди этого дикого пейзажа я заметил зеленую нить, отмечающую русло реки, чьи воды текут во всех частях христианского мира.

Над горным перевалом уже нависала тень, когда я отправился в Иерусалим. К тому моменту, как я миновал Вифанию, солнце зашло. В Иерусалиме зажигали лампы.

В качестве весьма необычного комментария по поводу малых размеров Палестины, хотелось бы отметить, что Иисус в своих миссионерских путешествиях никогда не удалялся от Иерусалима более чем на 130 миль. Это расстояние он преодолел, когда отправился к границам Тира и Сидона. Малые размеры страны очевидны: заснеженный пик Хермон на севере и песчаная пустыня на юге, Средиземное море на западе и высокий горный хребет за Иорданом составляют естественные ее пределы.

Когда Библия говорит, что Моисею с вершины горы Небо была показана вся Земля Обетованная, это буквальная истина. С этой точки, расположенной на четыре тысячи футов выше Мертвого моря, он мог увидеть очертания всей страны. А есть и другие горы, с вершины которых открывается потрясающая панорама.

Жизнь Христа, которая для человечества значит больше любой другой отдельной жизни, прошла в поразительно малом пространстве, а вера, сотворившая современный мир, родилась в стране, размерами не превышающей Уэльс, а вскормлена была в Галилее, которая намного меньше Девоншира.

По словам «Деяний апостолов», Иисус обошел страну, творя добро. Но когда мы исследуем все подробности Его путешествий, о которых говорится в евангелиях, мы осознаем, — вероятно, с удивлением, — что Он посетил всего восемнадцать городов и селений. Очевидно, что за тридцать с небольшим лет Его земного существования Христос должен был изучить столь малую страну, как Палестина, из конца в конец. За исключением бегства в Египет, о котором рассказывает только Матфей, и спора со старейшинами в Храме, о котором повествует только Лука, все события жизни

Христа, представленные в евангелиях, занимают лишь краткий период — по расчетам ученых, от восемнадцати месяцев до трех с половиной лет. Это годы крещения, пастырства в Галилее и Распятия. Как Иисус провел большую часть своей жизни, остается загадкой. В евангелиях об этом нет ни слова. Некоторые исследователи считают это самой притягательной проблемой в истории, другие полагают, что эта таинственность преднамеренная.

Но для путешественника, который, как и я, желает посетить все места, связанные с земным существованием Иисуса Христа, фрагментарность евангельского повествования представляет изрядную трудность. Невозможно выстроить маршрут, основываясь на хронологической последовательности событий. Единственно доступное решение — избрать за отправной пункт Вифлеем, затем Назарет как место, где Иисус провел детство (как говорит Лука, там «младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости»³¹), потом побережье Галилейского озера как центральный участок всех путешествий, а затем Иерусалим, где можно воссоздать в воображении красочную и хорошо документированную историю Распятия.

Именно так я и собирался поступить. Этот путь привел меня во многие места, не упоминающиеся в евангелиях в качестве пунктов, которые посещал Иисус. Но кто может сомневаться: если бы у нас было полное описание Его странствий вдоль и поперек страны, мы бы узнали еще о тысячах пройденных Им троп, ныне нам неведомых.

Глава четвертая Вифлеем и Газа

По пути в Вифлеем я обнаруживаю реликвию Понтия Пилата. Я посещаю Вифлеем, вхожу в грот Рождества, встречаю потомков крестоносцев, путешествую в Хеврон и Беэр-Шеву, где посещаю заседание племенного суда. Я останавливаюсь на ночлег в Газе, осматриваю песчаные развалины Аскалона, наблюдаю за купанием верблюдов в море, в соответствии с древним ритуалом пиршества Иова.

1

Дорога была похожа на любую другую в Палестине. Над ней — раскаленный небесный свод. Стрекотание цикад в оливковых рощах задавало постоянный ритм, созвучный жаре.

Дорога была белой от известняковой пыли, эта мучнистая пыль поднимается в воздух облаками из-под копыт ослов; но мягкие стопы верблюдов, безмолвно, словно тени, проходящих своим путем, ее почти не тревожат. С обеих сторон видны белые каменные стены, а за ними тянутся каменистые террасы, засаженные оливами, которые кажутся белыми силуэтами на фоне темного неба. Маленькие коричневые ящерицы с лягушачьими головами мелькают в расщелинах между камнями. Они выбирают на поверхность, чтобы погреться на солнце, замирая неподвижно, будто превращаясь в часть камня, только горло быстро-быстро пульсирует. Иногда мне удается пройти всего в ярде от них, возникает ощущение, что я могу даже прикоснуться

к их спинам оливковой веточкой, но они исчезают в пыли мгновенно, со скоростью вспышки.

Жар создавал нервное напряжение, охватывавшее весь этот мир. Любой звук кроме стрекота цикад казался вторжением, а их пронзительный треск сливался с самой жарой. Мальчик-пастух на холме издал сигнал в рожок — рваную, неровную мелодию без начала и конца, восходящую, а потом нисходящую последовательность почти случайных нот, отдаленно напоминающую шум водопада. А белая дорога под солнцем вела дальше.

Как я уже сказал, дорога была похожа на любую другую в Палестине. Но одно отличало ее от всех остальных дорог мира. Это была дорога в Вифлеем.

Шагая по ней, я начинал понимать, что путешествие по Палестине отличается от путешествий по другим частям света, потому что Палестина существует в нашем воображении задолго до того, как мы отправляемся в путь. С детских лет она формируется в нашем сознании, словно волшебная страна, так что порой трудно сказать, где граница между ними. Реальная Палестина всегда вступает в конфликт с Палестиной воображаемой, причем конфликт настолько жесткий, что многие не могут отказаться от воображаемой страны, не испытывая чувства тяжелой утраты. Вот почему некоторые люди возвращаются из Святой Земли в глубоком разочаровании. Они не способны — или не имеют желания — соотнести реальность и идеал.

Любой честный отчет о путешествии по Палестине должен включать в себя описание этого конфликта. Каждый день вы слышите, как путешественники рассказывают о каком-либо визите: «Не мог себе даже представить, что это так выглядит» или «Я всегда думал об этом совершенно иначе».

И по дороге в Вифлеем я невольно вспоминал засыпанное снегом место, где пастухи в теплых одеждах ухаживают за скотом, а высоко над ними

сквозь мороз светят звезды. Там было маленькое укрытие со стойлами для животных, и изо рта у них шел густой пар. На соломе, возле яслей невозмутимо сидит Мать, и вокруг головы ее золотое сияние, а на руках — Младенец. Звезды сияют холодно, а в морозном воздухе разносится отдаленный звон колоколов.

Я прекрасно знал, что эта картина окаймлена позолотой. Это мое личное, внутреннее видение Вифлеема, сопровождавшее меня всю жизнь, возникшее из рождественских открыток, которые я получал в детстве, из картинок, которые очаровали меня прежде, чем я научился читать, из всего того, что формировало мою набожность и трепет перед далекой, холодной страной, в которой произошла история Рождества. Каждый христианский народ переводил историю Христа в систему собственных образов, и помещал Младенца в собственные ясли. Великие средневековые художники, да и каждый человек по-своему, вносили национальный колорит и повседневные детали жизни собственной страны и своего времени в эту сцену. И мы, прибывающие в Палестину из Европы, попадаем не в волшебный край наших детских грез, а в пространство суровых скал и утесов реальной земли.

Я шагал вперед, несмотря на удушающую жару, чтобы с сожалением распрощаться с глубоко личным видением святого места; и раскаленная белая дорога в Вифлеем дрожала, словно пламя, над известняковыми стенами, пульсировала как дыхание печи среди сероватых олив, сияла сквозь зелень широко раскинувшихся фиговых листьев.

Я шел туда, где лишь несколько деревьев отбрасывали тень на пыльную дорогу. И под этими деревьями находился старый колодец с каменным бассейном по соседству, из которого пастухи и погонщики верблюдов могли взять воду для своих животных.

Колодец, как и многое другое в этой земле, известен под разными именами. Одни называют его Источником или Колодцем Марии, так как связывают его со старым рассказом о Святом Семействе, преодолевшем расстояние в пять с половиной миль между Вифлеемом и Иерусалимом и остановившемся здесь, чтобы отдохнуть и испить воды. Другие называют его Колодец Звезды. Легенда гласит, что волхвы на пути в Вифлеем потеряли звезду и подошли к колодцу, чтобы утолить жажду, — а звезда сияла в воде.

Я прошел мимо Колодца Звезды. Слева внезапно разверзлась жуткая пропасть. Часть почвы съехала вниз в жаркую впадину, вид открывался, как с самолета: коричневая и синяя пестрота карты Мертвого моря и Моавских гор. Впереди лежал Вифлеем с его стройными кипарисами, поднимающимися над плоскими кровлями, белыми зданиями, сверкающими среди олив, террасами, ниспадающими в ту же жаркую впадину. В стороне от дороги, лицом к Моавским горам, стояло каменное «кресло». Над ним не было тени, и камень раскалился. Когда я опустился на него, в расщелину прыснула ящерица. На камне были вырезаны слова: «Возлюби Господа всем сердцем и всей душой, и ближнего своего, как самого себя». Ниже этого поучения Христа осталась другая надпись, гласившая, что сидение это устроено в память художника Уильяма Холмана Ханта и его жены Эдит.

Картина Холмана Ханта «Свет мира» в XIX веке была, пожалуй, самым знаменитым произведением религиозной живописи. Она, должно быть, знакома всем. Холман Хант написал ее в возрасте 27 лет, когда, разочарованный тем, что его картины плохо продавались, он пытался бросить занятия искусством и заняться земледелием в американских колониях. Но это произведение изменило его жизнь. Оно принесло художнику признание и дало возможность осуществить

давнюю мечту: жить в Палестине и писать библейские сюжеты в стране, где родился Христос. Среди наиболее знаменитых работ Холмана Ханта, созданных в Палестине, вероятно, лучшей является «Козел отпущения» — трогательное изображение несчастного, изможденного существа, бредущего в мрачном одиночестве по соляным горам Мертвого моря, так как на его голову возложены все грехи человечества.

Я где-то читал, что любимым пейзажем Холмана Ханта был вид, открывающийся с дороги в Вифлеем; полагаю, это каменное сидение и отмечает его излюбленное место. Нет сомнения, что жаркая, грозная перспектива долины Иордана с этого ракурса и навела художника на мысль о картине «Козел отпущения».

Вид пестрой долины и бесплодных, безводных Моавских гор делает жаркую дорогу чуть более прохладной. Там внизу, подумал я, Мертвое море должно быть очень теплым. Ладони стягивает жгучая корка, а вода засыхает в растрескавшихся глиняных канавках, проходящих между банановыми плантациями.

Легко понять, почему мистики так часто уходили в эти ужасные горы, чтобы обрести истину. Столь полное безразличие к потребностям человека обещает Божественное откровение; нежелание утолить жажду тела говорит о страстной тяге утолить жажду духовную.

Я двинулся дальше, мимо белой купольной гробницы Рахили, которую почитают и христиане, и иудеи, и мусульмане, а там, где дорога разветвляется, уходя в сторону, на Хеврон, заглянул за каменную стену и увидел то, что археологи в Иерусалиме советовали мне ни в коем случае не пропустить: единственную сохранившуюся реликвию Понтия Пилата, руины акведука, который ведет от Бассейна Соломона к Храмовой горе. Это произведение инженерного искусства вовлекло Пилата в финансовый скандал.

Пилат был назначен прокуратором Иудеи в 26 году н. э. и занимал этот пост в течение десяти лет. Обычай ставить губернаторов на столь долгий срок был введен Тиберием, который с горьким цинизмом говорил, что обогатившийся губернатор лучше для страны, чем новый и жадный. О карьере Пилата в Палестине известно гораздо более того, что сказано в евангелиях. Иосиф Флавий и Филон приводят длинные и обстоятельные, но различающиеся между собой списки его дел.

Он демонстрировал активную антипатию к евреям и недоуменное презрение к их религиозным табу. Он считал их опасными маньяками и зачинщиками всевозможных бунтов. Он испытывал прямое и грубоватое отвращение солдата к политическим интригам, которыми был окружен, а также ненависть «человека мира» к узколобому фанатизму, с которым сталкивался на каждом шагу. Он быстро терял терпение и часто отдавал своим войскам приказ атаковать евреев; но, внимательно читая историю той эпохи, задаешься естественным вопросом: а что еще он мог поделать? Римская толерантность зачастую воспринималась как слабость.

Первые шаги не принесли ему популярности среди иудеев. Римляне всегда проявляли подчеркнутое уважение к религиозным верованиям покоренных народов, а потому войскам не разрешалось проходить маршем через Иерусалим с поднятыми штандартами, на которых красовался лик императора. Их сворачивали и убирали с глаз населения из почтения к закону Моисея, накладывающему запрет на идолов. Однако Пилат, вводя в Иерусалим свои части, прошел по городу ночью, и на дворце вывесили изображения орла и образы императора.

Когда проснувшиеся поутру евреи увидели это, город пришел в волнение. Депутации граждан собрались вокруг дворца и оставались там пять дней,

они просили убрать установленные Пилатом образы. Прокуратор ответил угрозой: если парламентарии не разойдутся, они будут перебиты. На шестой день его вынудили принять представителей города, которые кричали, что скорее добровольно пойдут на смерть, чем станут терпеть попрание их священных законов. Пилату пришлось отступить, орлы и имперские образы были сняты.

Другой, гораздо более серьезный конфликт разразился в связи с акведуком, остатки которого все еще находятся у вифлеемской дороги. Чтобы доставить воду из Бассейна Соломона к Храму (хотя его враги утверждали, что на самом деле вода требовалась для военных целей на случай массового восстания), Пилат использовал часть гигантских денежных запасов, известных как корбан, хранившихся в храмовой сокровищнице. Посягательство на эти средства вызвало яростный протест. Буря разразилась, когда Пилат прибыл в Иерусалим из своей основной резиденции в Кесарии, вероятно, во время ежегодного визита на иудейскую Пасху, когда необходимо было вводить в город дополнительные войска на случай беспорядков. На этот раз Пилат распорядился часть солдат переодеть иудейскими паломниками и внедрить их в толпу. По сигналу эти люди атаковали евреев и устроили сильное замешательство. Этот эпизод, относящийся к пасхальному периоду, находит отражение в Евангелии от Луки, который упоминает о «галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их»³². Если это предположение справедливо, оно открывает перед нами замечательную возможность. Галилеяне, которых убили по приказу Пилата, были подданными не его, а Ирода Антипы. Когда же Пилат передал Иисуса — галилеянина — в руки Ирода, мы читаем у святого Луки: «И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою; ибо прежде были во вражде друг с другом»³³.

Если можно предположить, что Пилат отослал Иисуса в качестве предложения о мире с правителем Галилеи, в обмен на галилеян, погибших при прежнем конфликте, тогда странная мысль приходит в голову в связи со строительством акведука — точнее, в связи с причиной изначальной вражды между Пилатом и Иродом, — значит, все это было дополнительным фактором, приведшим к распятию Христа...

Я взобрался на стену и осмотрел необычную реликвию. Лишь немногие знают, что она существует, и если никто о ней не позаботится, сохранившиеся водопроводные трубы (собственно говоря, обломки камней) могут быть унесены отсюда и использованы в качестве строительного материала. Кстати, крышка Колодца волхвов на иерусалимской дороге сделана именно из такого камня.

Акведук идет вдоль стены и теряется из виду за домом. Он сложен из огромных каменных блоков, внутри которых просверлена широкая дыра, каждый камень точно подгонялся к предыдущему, образуя надежный канал для воды.

Если теория, которую я только что изложил, обоснованна, эта череда камней представляет собой одну из наиболее странных и важнейших реликвий в мире. В любом случае хотя бы несколько камней из акведука должны быть выставлены в великолепном новом музее Иерусалима.

Я пошел дальше в сторону Вифлеема, размышляя о Пилате и негативном ореоле вокруг его имени. Суд над Иисусом дает нам полный портрет римлянина: высокомерный, грубый, достаточно слабый, чтобы поддаваться на шантаж, но, в отличие от евреев, обладающий чувством справедливости. Он попытался спасти Иисуса. Он пытался снова и снова, с нарастающим чувством раздражения и безнадежности. Евреи, прекрасно понимая слабые стороны человеческой

натуры — дар, никогда их не покидавший, — внезапно прекратили нападки на Иисуса и сосредоточили натиск на самом Пилате. Раздались крики: «Если ты отпустишь этого человека, ты не друг кесарю!». Это был уже прямой шантаж. И он решил судьбу Иисуса.

Установки Пилата после этих криков изменились. У него были серьезные основания вообразить, как представительное посольство посещает Рим за его спиной и организует заговор. Эти послы будут говорить: «Наместник Иудеи освободил человека, который называл себя царем. Он не друг кесаря».

Пилат во всем зависел от Тиберия. Одно слово императора — и он потеряет всю власть, возможно, его ждет даже ссылка и бесчестье. Пилат знал и евреи знали, что нет дела легче, чем отравить разум авторитарного правителя клеветой и наветом.

Итак, Пилат, слишком слабый и слишком мирской, чтобы не поддаться на голоса шантажистов, снова проиграл в борьбе с евреями. В качестве последнего жеста неодобрения он приказал принести воду и умыл руки.

Он удержался на своем посту еще шесть лет: пока не сделал и в самом деле серьезную судебную ошибку, предоставив тайным врагам возможность потребовать его отставки. В Самарии появился какой-то самозванец, он собрал самаритян на горе Гаризим, обещая открыть им место, где спрятаны священные сосуды, якобы захороненные Моисеем. Вооруженная толпа собралась у деревни Тирабата. Пилат, всегда готовый к подавлению вооруженного восстания, переоценил серьезность ситуации и послал войска на разгон собравшихся, в результате дело закончилось большой резней. Самаритяне обратились с жалобой к Вителлию, легату Сирии и непосредственному начальнику Пилата, который нашел в случившемся ошибку и вину Пилата и отослал его в Рим для ответа на предъявленные

обвинения. Пока Пилат добирался до Рима, умер Тиберий, и судебное дело было забыто, так как новое правление начиналось со смуты. И Пилат исчез из истории, чтобы остаться в легенде. Последняя гласит, что вскоре он попал в немилость Калигулы и вынужден был совершить самоубийство. Но никаких исторических подтверждений этот рассказ не имеет.

В апокрифических деяниях Пилата и в евангелии от Петра, написанных столетия спустя после смерти Пилата, прокуратор предстает в более выигрышном свете и получает Божественное прощение.

Однако легенда утверждает, что Пилат, как и Иуда, подвергался преследованию демонов раскаяния и отчаяния. Говорится, что его тело бросили Тибр, но злые духи были слишком напуганы таким соседством и постарались унести его подальше, так что оно попало во Вьенн на юге Франции и было сброшено в Рону. Но и там произошло отторжение тела.

Тогда тело вновь совершило дальнейшее путешествие и было перенесено в Лозанну в Швейцарии, где его зарыли в глубокой впадине, окруженной горами. Другая история рассказывает, что труп Пилата был унесен к темному озеру на горе, с тех пор получившей имя Пилатус^[8], и те, кто проезжает мимо этого заброшенного места ночью, испытывают ужас при виде белой фигуры, которая выходит из озера и совершает движение, повторяющее «умывание рук».

2

Группа белых домов на горе напоминала стайку монахинь. Они стояли на самой обочине дороги и смотрели вниз, в жерло жары. Там, где заканчивались полосы террас и начиналась голая скала, последние оливы, казалось, в отчаянии пытались вскарабкаться

повыше, на каменистую террасу, подальше от раскаленных, безжизненных утесов. Белые дома наблюдали за ними разинутыми ртами распахнутых дверей и широко открытыми глазами окон. А с синего неба палило немилосердное солнце.

Над плоскими белыми крышами высились колокольни монастырей и приютов. В такую жару почему-то непременно звонит хотя бы один колокол. Если не у отцов-сезезианцев, то у сестер обители Св. Винсента де Поля. Внизу, у дороги, которая вела к белому городу на горе, красовался указатель, самым нелепым образом возвращавший путника к местной реальности: «Граница муниципального округа Вифлеем. Сбавить скорость».

Приближаясь к Вифлеему, путешественник, воспитанный на образах святого Луки и Боттичелли, замирает в изумлении перед этим указателем, потому что ему прежде не случалось соотносить представление о Вифлееме с идеей муниципальной границы. Сперва ему кажется почти святотатством сам факт, что в Вифлееме могут быть мэр и муниципалитет.

Затем, когда он обращается от ощущений к мыслям, приходит в голову, что мэр Вифлеема — замечательный символ. Это знак почти ужасающей непрерывности человеческой жизни. Предшественники мэра на посту могут возводить свое чиновное «родословие» ко временам Христа и к ветхозаветной эпохе, погружаясь постепенно в туманное, легендарное прошлое. Вифлеем представляет собой типичный пример неизменности подобных палестинских городов. Одна волна завоеваний сменялась другой, стирая все вокруг, но города практически не менялись. Вифлеем знавал и евреев, и римлян, и арабов, и крестоносцев, и сарацин, и турок. И все они ставили на границах города свои собственные дорожные указатели. Сегодня здесь, у подножия горы,

красуется надпись на английском языке, призывающая «сбавить скорость».

Пока поднимаешься на гору, к Вифлеему, испытывая единственное желание побыть в одиночестве, молодые арабы в европейских костюмах, красных шапочках-шешиях, венчающих сияющие энтузиазмом лица, приветствуют путника и настойчиво зазывают в диковинные лавки, протянувшиеся вдоль дороги. Здесь предлагают туристам религиозные сувениры из перламутра, оливкового дерева и черного камня с берегов Мертвого моря. Если не удастся сбыть подобный товар, продавцы стараются увлечь проходящих мимо гостей города традиционными свадебными платьями вифлеемских женщин. Если задать вопрос, что же турист может потом делать с подобным приобретением, они в ответ будут улыбаться и протягивать экзотические одеяния:

— У вас нет жены? О, молодой английской леди сильно понравится! Очень красиво... Посмотрите, сэр...

Но в конечном счете они будут вполне довольны тем, что вы купили открытку.

Британская страсть к законности, составляющая одну из наиболее сложных проблем для арабов в их отношениях с новыми «хозяевами», отпечаталась на древнем лице Вифлеема в виде недавно выстроенного здания полицейского участка.

Мне цитировали следующее высказывание одного из арабов: «Законность! В старые дни, при турках, мы платили судье и заранее знали результат, а теперь платим намного больше адвокату и не знаем, чем закончится дело. И это вы называете законностью!».

Но полицейский участок напоминает новый экслибрис на старой книге. Это знак последнего владельца. Столь явная новизна подчеркивает иллюзорность самой природы собственности. В нескольких шагах от участка начинается узкая главная

улица Вифлеема, которая идет то вверх, то вниз между тесно стоящими белыми домами. Даже на Родосе, Мальте или Кипре, где крестоносцы надолго задержались в бастионах и за стенами укреплений, едва ли можно найти столь явные приметы эпохи крестовых походов, как на узкой главной улице Вифлеема. Здесь крестоносцы все еще живы! Они смотрят на вас голубыми европейскими глазами. И хотя они называют себя арабами-христианами, лица у них фламандские и французские, возможно, английские. В тени белых стен сидят старухи, которые поднимают навстречу прохожим морщинистые лики, словно сошедшие с картин Мемлинга.

Одежда вифлеемских женщин совершенно уникальна, она тоже является напоминанием о крестовых походах. Замужние носят высокий головной убор, покрытый ниспадающей вуалью, заколотой под подбородком и откинутой через плечи на спину. Считается, что это образчик европейской моды, которая, с одной стороны, привела к появлению шутовского колпака с прикрепленной вуалью, а с другой — известна как украшение принцесс из волшебных сказок. Была ли эта мода перенесена в Палестину европейскими дамами во времена крестовых походов или сформирована ими на Востоке, — как версия серебряного рогатого колпака, лишь недавно вышедшего из употребления в Сирии, — а потом попала в Европу, сказать не могу. Но те, кто специально изучал этот вопрос, равно как и историю потомков крестоносцев в Вифлееме, сходятся на том, что и уборы, и лица являются реликтами Латинского королевства Иерусалима.

А почему бы и нет? Вифлеем — исключительно христианский город. Около столетия назад, в качестве наказания за восстание, мусульмане были изгнаны из города по приказу Ибрагима-паши, память о котором держится в Вифлееме крепче, чем воспоминания о судьбе

Джеффрисе в Уилтшире. Правда, в последнее время мусульмане понемногу возвращаются, но пока их здесь совсем немного.

На протяжении веков христианская община, потомки крестоносцев, если хотите, проживала в Вифлееме, держась особняком, вступая в браки внутри своего круга и сохраняя, благодаря этому, европейский тип внешности. Женщины весьма застенчивы. Они решительно избегают туристов и их фотокамер. Они просто бегут от камеры, как от дьявола.

Сам город маленький и не тронут внешними влияниями. Вдоль главной улицы тянутся ряды лавок и мастерских. Входы в них окаймлены открытыми арками, а сама улица настолько узкая, что сапожник может сидеть у себя и беседовать через улицу с соседом-бакалейщиком, не повышая голоса.

На меня Вифлеем произвел впечатление мира и гостеприимства. В Иерусалиме чувствуется напряжение конфессионального конфликта, Вифлеем выглядит тихим и даже счастливым. После изгнания мусульман в нем почти не слышно громких голосов. В Вифлееме остался один муэдзин, зато много колоколов.

Мне несколько раз приходила мысль, что будь белые дома окружены деревьями, а по стенам вилась бугенвиллия, я бы вообразил, что нахожусь в одном из городков Андалузии. Но полного сходства, конечно, нет. Жаркое высокогорье Иудеи видно с любой улицы.

Как-то я читал историю, кажется, Г. Уэллса, о человеке, который нашел в самой обычной стене дверь в сад Гесперид. Я невольно вспомнил об этом в Вифлееме, остановившись перед дверью в массивной стене. Она была настолько низкой, что даже карлику пришлось бы склонить голову, чтобы пройти в нее. За ней находилась церковь Рождества. В Вифлееме говорят, что все двери церкви, кроме этой единственной, давно заложены, а

она сделана такой низкой, чтобы «неверные» не могли въехать внутрь на коне и зарубить молящихся.

Но стоило мне склонить голову и пройти внутрь, как, распрямившись, я вдруг оказался — в Риме! Причем в Риме Константина Великого или, вероятно, следует сказать — Новом Риме. Это был величайший сюрприз для меня в Палестине. Я ожидал найти обычную, традиционно украшенную церковь с темным закопченным алтарем, запутанными лестницами и проходами многократно реконструированного здания, но внезапно оказался в холодной, аскетичной римской базилике. Массивные коринфские колонны из тускло-красного камня поддерживают крышу и делят церковь на нефы. Я находился в церкви, построенной Константином Великим в знак его обращения в христианство. Безусловно, одним из чудес Палестины можно назвать то, что эта церковь пережила множество опасностей, обративших другие здания в прах. И вот она, самая ранняя христианская церковь, действующая поныне, в более или менее изначальном виде. На стенах сохранились даже фрагменты неярко мерцающих золотых мозаик.

Я посмотрел на крышу. Меня интересовало, остались ли там хотя бы частицы английских дубов, которыми Эдуард IV реконструировал кровлю церкви Рождества. С этой целью он приказал срубить дубы и отослал в Святую Землю тонны свинца, и все эти материалы были доставлены в Яффу на судах Венецианской республики. Францисканцы приняли этот благочестивый дар и перевезли его в Вифлеем. Насколько я понимаю, свинец был переплавлен турками в XVII веке на пули, которые использовались в войне с той самой республикой, которая доставила металл в Палестину; но, наверное, где-то над римскими нефами сохранился хотя бы один фрагмент дуба из лесов Англии XV века.

Церковь возведена над пещерой, которая была признана местом рождения Иисуса Христа за два столетия до того, как Рим стал христианским государством. Грот считался христианами священным уже во времена Адриана. Чтобы осквернить святилище, как это было сделано с Голгофой, император приказал построить над ним храм Адониса. Константин снес этот храм и выстроил церковь, существующую по сей день. В ней есть нечто трогательно-старательное, словно Римская империя еще не вполне понимала новую веру, а делала всего лишь первую, неловкую попытку почитания. Некоторые специалисты считают, что колонны церкви попали сюда из храма Юпитера.

В церкви шла служба. Сначала я подумал, что на хорах монахини, но оказалось, это обычные вифлеемские женщины в характерных головных уборах. Под высоким алтарем — пещера, по традиции считающаяся местом рождения Христа. В нее ведут два лестничных пролета, расположенных по бокам от хоров. По пути вниз я вынужден был прижаться к стене, так как навстречу поднимались два греческих монаха, черноглазых и чернобородых, окутанных ароматом благовоний.

Пятидесяти трех серебряных лампад едва хватает для освещения подземной камеры. Пещера невелика, всего четырнадцать ярдов в длину и четыре в ширину. Стены покрыты драпировками, пропахшими старыми благовониями. Если чуть отодвинуть эти драпировки, вы увидите шероховатые, темные стены пещеры. Украшения из золота и серебра тускло мерцают в неярком свете лампад.

Я думал, что нахожусь в пещере один, пока не заметил движение в сумраке, это был полицейский, который всегда находится на дежурстве, чтобы предотвращать конфликты между священниками греческой православной и армянской церковей. Церковь

Рождества, как и Храм Гроба Господня, является коллективной собственностью разных конфессий. Она в равной мере принадлежит католикам, православным и армянам-монофизитам.

Все они так ревностно отстаивают свои права, что порой даже подмести пол бывает опасно, а на некоторых колоннах видно по три гвоздя: на один вешают свой образ католики, на другой — греки, а на третий, «нейтральный» — представители любой другой конфессии.

На полу я увидел изображение звезды, а вокруг нее — латинскую надпись: «Здесь Иисус Христос родился от Девы Марии». Столетие назад удаление этой звезды стало поводом раздора между Францией и Россией, который привел к Крымской войне.

Подобные факты могут показаться чудовищными; но, увы, мы живем в несовершенном мире. А потому необходимо, приходя в Церковь Рождества или Храм Гроба Господня, попытаться простить слабости человеческой природы и обратиться мимо них к истине и красоте, которую они лишь затемняют.

Стоя в темной, одуряюще пахнущей пещере, боюсь, я забыл все те умные ученые факты, которые написаны о Рождестве немецкими профессорами; мне почудилось, что я слышу голоса, поющие по-английски под морозным небом:

О, придите, все верные,
Радостные и торжествующие,
О, придите вы,
О, придите вы в Вифлеем.

Как отличается эта сумрачная маленькая пещера под церковью от яслей нашего воображения! Ребенком я представлял себе типичный английский хлев с

деревянными, точнее, дубовыми, кормушками для скота, полными сена, — на него опустились на колени волхвы, чтобы поклониться «новорожденному Младенцу». Из глубин своей памяти я услышал явственно песню, напоминавшую о заснеженной рождественской ночи:

Пока пастухи присматривали ночью за стадами,
Сидя на земле,
Ангел Господень сошел свыше,
В сиянии славы.

Раздалось ритмичное поскрипывание деревянных ступеней. В пещеру медленно вступил греческий священник с длинной черной бородой, кудрявой, как у ассирийского царя, в руках у него было раскачивающееся кадило. Дым сжигаемых благовоний клубами выходил наружу и повисал в свете свечей и лампад. Священник окурил алтарь и звезду. Затем самым будничным образом опустился на колени, а потом удалился в освещенное пространство церкви над пещерой.

Под церковью существует целый клубок подземных проходов. В одном из них, темной скальной камере, святой Иероним провел серию жарких споров; там же он переводил Вульгату.

Побродив, я все же нашел обратный путь в пещеру, заполненную густыми облаками благовоний. В гроте собралось множество детей, молча стоявших парами на ступенях лестницы. Потом они двинулись вперед, по очереди преклоняя колени и целуя камень возле звезды. Их маленькие лица в тусклом свете были очень серьезными. Некоторые плотно закрывали глаза и шептали молитву.

Как только они прошли, я услышал вновь позванивание кадила; и в сумраке грота Рождества

опять появился греческий священник, похожий на ассирийского царя.

3

В Вифлееме есть целый ряд зданий, возведенных над пещерами в известняковых скалах. Эти пещеры в точности такие же, как священный грот под высоким алтарем Церкви Рождества, и, вероятно, они древние. Никто из видевших эти строения не сомневается, что Иисус был рожден в одной из пещер, а не в традиционном для Европы хлеву.

Полагаю, идея, что Христос родился в хлеву, была основана на слове «ясли» в Евангелии от Луки. Для западного ума это слово ассоциируется с хлевом или загонем для скота, скорее всего, с отдельно стоящим сооружением, в котором держат домашних животных. Но у Луки нет подобных характеристик.

Примитивные строения в Вифлееме дали мне совершенно новую идею, объясняющую сцену Рождества. Все они представляют собою однокамерные здания, возведенные над пещерами. Я не знаю, являются эти пещеры естественными или искусственными: они расположены на одном уровне с улицей, но единственная комната находится выше; помещения связаны каменной лестницей ступеней на 15-20. До сего дня пещеры используют как хлев или конюшню, причем животные входят в помещение на уровне улицы. Во многих строениях есть каменные кормушки или ясли, вырезанные в скальной породе, и железные кольца, к которым можно привязывать животных на ночь.

Семья занимает верхнюю комнату, отделенную толстым каменным полом от пещеры, где спят животные.

Итак, если Иосиф и Мария посетили «гостиницу» в Вифлееме, но там не было свободных мест, для них не нашлось бы пристанища и в хлеву, потому что «гостиница» или караван-сарай во времена Христа представляла собой всего лишь открытое пространство, окруженное высокой стеной, и колоннаду, под арками которой находились помещения для путешественников. Животных не ставили в хлев в европейском смысле слова, а просто собирали посреди двора. Греческое слово «каталима», использованное Лукой, и переведенное как «гостиница», скорее всего означало «помещение для путников».

Следовательно, мы должны представить себе, что Рождество произошло в одном из старых домов-пещер Вифлеема. Гостевая, то есть верхняя, комната, которую по иудейскому обычаю предлагали путешественникам евреям, была, очевидно, занята, а потому хозяин предложил Святому Семейству убежище на ночь в нижней, пещерной комнате.

В этом контексте интересно вспомнить раннюю церковную традицию, согласно которой Иисус родился не в хлеву и не в гостинице, а в пещере. Юстин Мученик, родившийся около 100 года н. э., воспроизводит ту же традицию, утверждая, что для Иосифа не нашлось места ни в одном доме Вифлеема, но поблизости он отыскал пещеру. Судя по всему, еще до времени Юстина пещера под Церковью Рождества почиталась как место рождения Христа. Вполне обоснованным будет вывод, что пещера под церковью раньше находилась на уровне улицы и составляла нижний этаж жилого дома.

Матфей, описывая рождение Иисуса, говорит (о волхвах):

«И, войдя в *дом*, увидели Младенца с Мариєю, матерью Его, и, пав, поклонились Ему»³⁴.

Одно из строений, которое я посетил, могло оставаться неизменным со времен Христа. Мужчина

ухаживал за животными: двумя взрослыми ослами и осленком, которые были привязаны к стене скальной пещеры. В комнате наверху женщина просеивала мелкую крупу — кажется, просо, — сквозь сито. Время от времени она переговаривалась с мужем, который хлопотал внизу.

Жилая комната, как и большинство подобных помещений на Востоке, не имела мебели. В углу лежали свернутые в рулон матрасы, прикрытые от постороннего взгляда.

Я подумал, что ближайший аналог места, в котором родился Христос, вероятно, — дома острова Коннемара. Я помню, как проснулся однажды в маленькой белой хижине, напоминающей формой вифлеемский дом, с той только разницей, что там был всего один этаж. Жилая комната отделялась от хлева шестами и холщовыми драпировками. Шум, который издавали животные, постоянно доносился до нас, пока мы сидели вокруг выложенного дерном очага. И я, естественно, не мог отрешиться от мысли, что Рождество произошло в такой же жалкой обстановке.

4

Мой друг, который прожил большую часть жизни в Иерусалиме и прекрасно говорит по-арабски, встретил меня в Вифлееме, и вместе мы обследовали боковые улочки и дворы города. Когда мы рассматривали римскую мельницу в темной каменной крипте, во двор по каменной лестнице вышла девушка и заговорила с нами. Мой друг внезапно превратился в натурального араба, стал размахивать руками, активно жестикулировать, покачивая головой из стороны в сторону.

Девушка рассмеялась, и он тоже.

— О чем вы говорите? — поинтересовался я.

— Я попросил ее провести нас в дом, — пояснил он. — Она пошла спросить разрешения у отца.

Через некоторое время она появилась на балконе и свесилась через перила. Это была самая очаровательная девушка из всех, виденных мною в Палестине. Думаю, ей было лет восемнадцать. Мне было радостно обнаружить, что в Палестине все еще существуют женщины, заслуживающие восхвалений Соломона.

— Она говорит, что мы должны подождать, пока не уйдет сапожник, — перевел слова девушки мой друг. — Потому что он самый большой сплетник, и через пять минут весь Вифлеем будет знать, что в доме принимали иностранцев. Но потом нас пригласят зайти.

Итак, мы некоторое время слонялись во дворе, делая вид, что интересуемся старыми камнями, пока не увидели, что сапожник спускается по лестнице с парой старых башмаков в руках. После этого мы поднялись в дом.

В центре находилась комната или холл, по сторонам были еще две комнаты. Мебель, как обычно, отсутствовала. Семья явно была очень бедной. Эти люди работали в поле. Отец — старый седобородый араб в коричневой галабе — и мать сидели на матрасе, застеленном одеялом.

Девушка привела с собой старшую сестру и удивительно красивого мальчика с золотистыми волосами. Все мы сели на пол, и мой друг заговорил с хозяевами дома так, словно многие годы был с ними знаком. Время от времени вся компания разражалась взрывами смеха.

Потом он сказал, обращаясь ко мне:

— Я собираюсь показать тебе, что вифлеемские женщины носят под покрывалом. Я попросил старшую дочь, она вдова, надеть свадебное платье.

Не могу сказать, как ему удалось этого добиться: прямой и неприкрытой лестью или какими-то особыми манерам. Но самое удивительное, что старшая из дочерей, слегка зардевшись, исчезла в боковой комнате, чтобы надеть свой свадебный наряд.

— Послушай, как тебе удастся приходиться в незнакомый дом и обращаться к людям с подобными просьбами? — не удержался я.

— О, арабы — необычайно милые люди, ими легко манипулировать, если знаешь, как им угодить.

Младшая сестра, которая, на мой взгляд, могла бы послужить прекрасной моделью для Руфи, развлекала гостя беседой, пока наконец в комнате не появилась старшая в обильно расшитом свадебном платье, с цепью — ее называют *знек*, — а также в высоком головном уборе с приколотой к нему белой вуалью, струящейся вниз. Она с готовностью сняла вуаль, продемонстрировав мне небольшую башенку, к которой крепился покров, — это была маленькая красная феска, поддерживаемая высоко над головой на двух шнурах, завязанных под подбородком. Вокруг фески был нашит ряд монет. Цепь-знек свисала с головного убора, и на ней было десять монет и центральная подвеска.

— Эти монеты являются символом приданого невесты, — объяснил мой друг. — Возможно, они иллюстрируют притчу Господа о потерянной драхме. Помнишь: «Или какая женщина, имея десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет...»³⁵ и так далее? Теперь понимаешь, почему она так старается найти одну из десяти монет?

— Я всегда считал, что это признание осмотнительности женщин.

— Так думает большинство людей. Но тут кроется нечто большее. В иудейские времена десять драхм или десять сребреников, пришивались на головной убор

замужней женщины, и потерять одну монету означало поставить под сомнение осмотрительность и аккуратность жены, а также ее почтение к мужу. Такое происшествие могло повергнуть ее в совершенный ужас, это все равно что современной женщине потерять обручальное кольцо. Вот почему женщина в притче зажигает свечу и метет дом с таким усердием...

Семья была слишком бедна, чтобы предложить нам обычный кофе, но эти люди буквально очаровали нас своими манерами и природной красотой. Старик рассуждал о видах на урожай, о царившей вокруг бедности. Его жена, очевидно, уставшая после целого дня полевых работ, время от времени включалась в беседу, не вставая со своего матраца.

— Я могу предложить тебе объяснение еще одной притчи, — добавил мой друг. — Ты видишь перед собой эту постель на полу. Когда арабская семья молода, отец, мать и все дети расстилают большой матрац и спят на нем все вместе, в один ряд. Помнишь притчу о докучливом друге? Иисус рассказывает о человеке, который стучится в дверь дома, хозяева которого уже легли спать, и просит дать ему займы три хлеба. Хозяин отвечает, что не может ничего предложить, так как «двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе»³⁶. Видишь сам, как и этот палестинский феллах, человек из притчи не может встать с постели, не разбудив всю семью.

Мы попрощались с хозяевами дома и спустились по лестнице во двор. Обе сестры вышли на балкон, и младшая, та, что походила на Руфь, и старшая, в головном уборе времен крестоносцев; их смех доносился до нас, пока мы шли по узкой улочке, мимо ослов, груженных поклажей.

В Иерусалиме я нанял машину, за рулем которой сидел молчаливый армянин. Он знал все уголки страны и, как мне сказали, отлично подходил для многодневной поездки.

Он заехал за мной утром, и мы покинули Вифлеем сразу после восхода — в то время, когда пастухи выгоняют стада на пастбища.

Дорога на Хеврон проходит к югу от Вифлеема, теряясь среди диких коричневых скал. Несколько миль пути — и вы оказываетесь в долине, где высокие, квадратные по форме здания, словно старинные замки, громоздятся вдоль дороги.

Это одна из многочисленных гостиниц или караван-сараев, возведенных столетия назад на пустынных дорогах Палестины с целью защитить путешественников от нападения бедуинов.

Эта гостиница, Калат эль-Бурак (Замок бассейнов), была выстроена здесь, чтобы торговцы виноградом и другие на пути из Хеврона на рынки Иерусалима успевали добраться в нее до заката и в безопасности провести ночь, а с рассветом тронуться дальше, к Иерусалиму, чтобы поспеть к открытию торговли. А возвращаясь домой, они также могли спокойно переночевать в этом заведении, под защитой стен.

Прямо за гостиницей находятся знаменитые Бассейны Соломона. Я прошел к ним, по дороге заметив группу девушек, словно сошедших со страниц Ветхого Завета: они набирали воду из ручья поблизости от постоянного двора. К сожалению, в наши дни канистра для бензина заменила изящные глиняные сосуды, которые арабские женщины прежних эпох носили на головах.

Бассейны Соломона — это три обширных водных резервуара посреди долины, в которой изобилие и плодородие составляет замечательный контраст с

безжизненными склонами, поднимающимися вокруг. Несомненно, Соломон думал об этом месте, когда пел:

«Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревья»³⁷.

Именно в эти места он приходил на рассвете, облаченный в белые одежды, в сопровождении охранников на колесницах.

Бассейны все еще используются, и одним из первых мероприятий британской администрации после введения в Палестине мандата по итогам войны была очистка старых резервуаров — один из них служил местом разведения рассады помидоров — и приведение их в надлежащее состояние.

Меня заинтересовал подземный источник, называемый Эйн-Салих. Над ним возведена каменная кладка, но можно спуститься по лестнице, состоящей из 26 ступеней, и очутиться в прохладной тьме — в том месте, где воды нескольких ручьев выходят из скалы. В этом древнем крытом колодце понимаешь, почему Соломон в превосходной любовной песне сравнивает возлюбленную с запечатанным источником. Вероятно, он имел в виду именно этот подземный ключ, когда говорил:

«Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник.

Рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами,

Нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами;

Садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана»³⁸.

Запертый сад, или запечатанный источник, — все это меры против загрязнения или кражи драгоценной влаги, служившей совершенным образом чистоты.

Затем дорога на протяжении двенадцати или четырнадцати миль идет по дикой местности, среди гор и бурых пересохших русл рек (арабы их называют *вади*). Тут и там в сторону ведут ущелья, а дорога все поднимается в суровую и безжизненную часть страны. Пастухи перегоняют стада через дорогу. Черные козы щиплют траву, пучками прорастающую в трещинах скал.

Внезапно дорога изгибается и идет под уклон, в сторону плодородной долины, где буйная зелень искусственных насаждений полосами чередуется с мертвенной, голой скалой; долины, чьи склоны до самых вершин покрыты ступенями террас, на которых выращивают виноград, оливы и фиги. А на дне впадины лежит Хеврон — один из старейших городов мира, маленький, серый, построенный из камня, с белыми куполами, сияющими на солнце.

Хеврон вошел в историю во времена Авраама, который желал достойно похоронить свою жену Сарру, а потому купил, после изрядной торговли, пещеру Макпела. Она стала семейным склепом, в котором впоследствии нашел покой сам Авраам, а также Исаак, Ревекка, Лия и, наконец, Иаков, тело которого принесли из Египта.

Пещера существует по сей день, а над ней возвышается мечеть, которую мусульмане почитают как одну из главных святынь. Стены мечети имеют те же мощные пропорции, что и Стена плача в Иерусалиме, и, как и она, не менее пятисот лет служат евреям местом горестного плача и стенаний.

До Первой мировой войны христианам строго запрещалось входить в мечеть, и даже несколько лет назад нужно было получать письменное разрешение, заверенное великим муфтием, чтобы войти в нее.

Однако теперь ворота открывают, хотя и без особой охоты, за пять шиллингов.

За воротами находится открытый двор и здание церковного типа, в котором два прохода ведут в пещеру Макпела. В мечети над ней установлены шесть высоких кенотафов, которые якобы стоят в точности над могилами патриархов. Те, что отмечают захоронения Авраама, Исаака и Иакова, покрыты зеленой с золотом тканью; надгробия Сарры, Ревекки и Лии — темно-красной. Перед входом в священную пещеру сидят два писца, и за шиллинг любой из них напишет вашу молитву и бросит ее вниз, предполагается, что прямо на могилы патриархов.

Полагаю, никто не входил в эту пещеру со времен крестоносцев и, соответственно, не имел возможности увидеть потрясающую картину праха ветхозаветных вождей, лежащих во мраке. Крестоносцы омыли кости патриархов в вине, почтительно вернув их на место, а затем запечатали гробницу тяжелыми железными скобами, которые остаются нетронутыми по сей день.

Отделавшись от компании самых назойливых проводников, которых я только встречал в Палестине, я поспешил самостоятельно отправиться на осмотр Хеврона. Мрачная улица, темная и местами перекрытая арками, несомненно, когда-то становившаяся сценой для тайных убийств, уходила в глубь жилого квартала. Внезапно открылись внушительные двери, и я успел заметить внутри запущенные каменные ступени. В воздухе постоянно чувствовались разнообразные запахи: одни мягкие и слабые, другие — резкие, как соло на корнете.

Когда мне показалось, что я окончательно заблудился, а нищий, все время тащившийся вслед за мной, стал вызывать все больше подозрений, из-за угла появился самый настойчивый из проводников, от которого, как я думал, мне удалось с достоинством и

решительностью избавиться за некоторое время до этого. Он коснулся пальцами лба, потом груди и сказал: «Нахарик саид», что означало — «Да будет благословен ваш день».

Для меня это было уже чересчур, так что я махнул рукой и согласился принять его помощь. Заключая с ним соглашение, я убедился, что он знает по-английски от силы несколько слов. Самым излюбленным у него было слово «шиллинг».

Однако мы сумели благополучно объясниться жестами и выражением лица, а также активными покачиваниями головой.

Хеврон чрезвычайно деловой город, причем в нем господствуют те же виды деятельности, которые, должно быть, существовали тут еще во времена Давида. Мы вышли в широкую арочную галерею, где трое мужчин сидели на корточках перед печью. На них были фригийские колпаки, а физиономии их напоминали портреты финикийцев с какого-нибудь древнего рельефа на надгробии. В печи плавилось стекло. Низкорослые мастера опускали в горячую массу длинные стержни и двумя-тремя быстрыми движениями наматывали несколько разноцветных стеклянных слоев, создавая бусину — такие носят в Палестине для отвода дурного глаза.

Эти стекольных дел мастера выдували также яркие красные, синие и зеленые бутылки и разнообразные стеклянные чаши. Место, в котором подобные работы производились веками, напоминало крипту старой церкви. Работники не проявляли ни малейшего интереса к продаже своих изделий и, удостоив меня лишь беглым взглядом, продолжили свое дело, совершая ритмичные, уверенные движения и производя на свет все новые синеватые бусины-амулеты.

В другом сумрачном подвале мы увидели слепого, прядущего козью шерсть. Хеврон — один из главных

центров по выделке кож, а состриженная шерсть прядется, а затем из нее ткут грубую ткань, похожую на дерюгу. Все прядильщики и большинство ткачей слепы.

В третьем помещении располагался гончар со своим колесом. Пока сырой, недоделанный горшок стремительно кружился, волшебные руки мастера формировали его, вытягивали горлышко, уплощали или приподнимали бока. Помощник ждал, пока мастер сформирует очередной сосуд, а затем добавлял его к изрядному уже количеству произведений, приготовленных для обжига.

Затем мы вышли на торговую улицу, где изделия громоздились на импровизированных прилавках, а перед каждым торговцем виселась небольшая кучка продуктов, в основном торговали пищей. Хеврон считается одним из крупнейших районов производства фруктов. Здесь хорошее водоснабжение и богатые почвы. Любопытно, что самый лучший виноград растет именно под Хевроном, но попал он сюда из местечка Эйн-Эскали — современное арабское название долины Есхол, из которой разведчики Моисея вернулись с роскошными гроздьями винограда на шестах.

«И пришли к долине Есхол, и срезали там виноградную ветвь с одной кистью ягод, и понесли ее на шесте двое; взяли также гранатовых яблоков и смокв»³⁹.

Все это можно было бы сказать о Хевроне и сегодня.

— Ну, что же, прощай, — сказал я настырному проводнику.

— Ехать Лондон? — поинтересовался он.

— Да, я там живу. А что ты знаешь о Лондоне?

— Я знать все. Я ученый. Учиться в школе. Лондон большой, большой, большой, — потом на лице его появилось благоговение, и он восхищенно добавил: — и много дождя.

Для нас это может звучать как шутка, но для палестинца, чей урожай так часто сгорает и полностью погибает на немилосердном солнце, чьи виноградники вянут без дождя, чьи резервуары часто пустеют и пересыхают, а скот умирает от жажды, дождь никогда не кажется шуткой; это всегда благословение.

Когда я отъезжал от Хеврона, я представил себе учителя, который пытается изъяснить чудеса Лондона целому классу арабских мальчишек, вбивая в их головы потрясающий факт, что где-то на свете существует райский город, в котором всегда «много дождя».

6

Миля следовала за милей, но я не видел вокруг ничего, кроме жесткой темной земли и слепящего, выжигающего ее солнца. По сторонам дороги тянулись низкие гряды гор, жаркие, коричневые, конической формы «тели», под которыми захоронены города, знававшие Авраама. Мальчики в куртках из овчины гнали коз по бесплодной земле, а моя машина мчалась мимо по дороге, созданной для передвижения верблюдов.

Тут и там пустынное пространство нарушалось черными шатрами из козьих шкур, в которых жили бедуины, а также группами лошадей на привязи, верблюдиц и их длинноногих детенышей и порой небольшими стадами овец, не поднимающих головы от выжженной земли в поисках случайного пучка травы.

Это дикая страна, где обитают разрозненные племена, в ней изредка встречаются драгоценные колодцы, стада и фамильные кланы, о жизни которых мы можем судить по книге Бытие. Совершенно поразительное ощущение — оказаться на тропе, не менявшейся существенным образом со времен Авраама.

Шейхи вроде Авраама с женами, похожими на Сарру, и сыновьями, напоминающими об Исааке, по-прежнему кочуют от колодца к колодцу по этой раскаленной, негостеприимной стране. Такие сыновья, как Исав, ревнуют к братьям, схожим с Иаковом, и порой даже повторяют угрозу, звучащую в книге Бытие: «И я убью Иакова, брата моего»⁴⁰.

Тем временем дорога привела к небольшому оазису Беэр-Шева (ветхозаветной Вирсавии).

В Беэр-Шеве нет ничего, кроме нескольких отдельно стоящих деревьев, мечети, маленьких хижин, колодцев, знакомых еще Аврааму, правительственного здания и напоминания о войне — кладбища погибших британцев, а среди скромной группы деревьев красуется бюст лорда Алленби.

Бедуин, явившийся в Беэр-Шеву в поисках племенной справедливости или с целью купить что-то в кредит, под будущий урожай, восхищается лордом Алленби, как любым другим воином; но бюст вызывает ненависть.

Здесь говорят: «В этом месте не стало удачи, с тех пор как в Бир эс Шебе поставили идола...» Потому что живущие в пустыне бедуины относятся к Аллаху во многом так же, как и евреи к ветхозаветному Яхве, и все шейхи твердо и буквально верят в закон: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли»⁴¹.

И стоит сгореть урожаю в поле или наступить засухе, стоит внезапно умереть ягненку или болезни обрушиться на коз и верблюдов, стоит смерти посетить черные шатры бедуинов, смуглые жители пустыни, гордо, как короли, шествующие по пескам в районе Беэр-Шевы, подозрительно косятся на бюст лорда Алленби.

Я подошел к зданию суда в Беэр-Шеве с рекомендательным письмом к одному из наиболее романтических персонажей Палестины, Ариффу эль Ариффу, губернатору региона Беэр-Шевы — территория его по площади равна Уэльсу. Во время войны Арифф сражался с турками против нас, а потом попал в плен к русским; оттуда бежал в Китай, где в результате целой серии увлекательных приключений вступил в контакт с британцами и вскоре уже начал издавать газету в Иерусалиме. Он делал, говорил и писал все мыслимое, чтобы добиться ареста британскими властями. Снова бежал из заключения и пешком прошел через пустыню до Иерихона, перебрался за Иордан и обосновался в Моавских горах. Его прятали бедуинские племена, с которыми он установил дружеские отношения.

Он стал таким арабским «Красавцем принцем Чарли», и ни одно самое усердное расследование не сумело выяснить, где именно он скрывается. Он просто исчез. Сэр Герберт Сэмюел, впоследствии занявший пост главы британской администрации в Палестине, предпринял поездку в пустыню с небольшим отрядом добровольцев. Шейхи пустыни были откровенно дружелюбны, а когда он прибыл в Эс-Сальт, среди диких гор за Иорданом, прошел слух, что приближается Арифф эль Арифф.

Некоторые официальные представители желали обыскать всю окрестную территорию, чтобы арестовать его, но недолгие размышления подсказали, что это не приведет ни к чему, кроме лишних проблем. Горстка солдат окажется беспомощной против тысяч вооруженных арабов. Однако местные шейхи подали главе британской администрации прошение. Они выстроили свои войска в линию и обратились с просьбой о помиловании Ариффа. К их сердечной радости, это прошение было удовлетворено, и в мгновение ока Арифф — который все это время прятался в толпе среди

бедуинов, — был поднят на плечи арабских друзей и доставлен к трибуне для заключения мира с представителями короля Великобритании.

С этого момента Ариф эль Ариф стал одним из наиболее ценных и уважаемых членов британской администрации в Палестине. Управление пустынными племенами района Беэр-Шевы явилось его триумфом, ведь никто не мог справиться с этими свободолюбивыми и отвергающими чужую власть людьми, которые признавали лишь тех, кому доверяли и кем восхищались.

Его наиболее замечательным достижением было проведение переписи населения среди бедуинов. Впервые в истории эти племена пустыни были исчислены, ведь, как и израильтяне давних эпох, они испытывали сильнейшее предубеждение против переписи. Они возражали: «Аллах знает число, так зачем людям считать?» То же самое отношение было распространено в древнем Израиле, где мор, обрушившийся на евреев, объясняли попыткой Давида пересчитать свой народ.

Но Арифу удалось перебороть вековые предрассудки, и хотя он не претендовал на идеальную точность подсчета, впервые количество бедуинов было примерно оценено. Те, кто знаком с бедуинами и их предубеждениями, поймут, насколько это поразительное достижение.

Здание суда было довольно большим каменным строением, возведенным на открытом песчаном участке. На ступенях сидело много свирепого вида бедуинов из пустыни. Седобородые шейхи с кривыми турецкими саблями на боку прогуливались перед входом, производя впечатление исполненных собственного достоинства ассасинов.

Когда я входил, навстречу, рука об руку, выходили два бедуина, которые вели очень эмоциональный разговор. Мне объяснили, что сегодня проходит

еженедельное заседание племенного суда, и эти двое были тяжущимися сторонами только что завершеного процесса. Несмотря на то, что несколько мгновений назад они были свирепыми врагами, в единый миг они превратились в друзей, как только справедливость была восстановлена, и теперь вместе отправились выпить по чашечке кофе.

Вестибюль, лестница и верхние комнаты были битком забиты бедуинами, раскачивающимися на пятках в ожидании, пока их дело будет представлено судьям.

Ариф, одетый как шейх бедуинов, принял меня в комнате с закрытыми ставнями. На стене висела карта «его» пустыни. Он говорил со мной на хорошем английском, которому научился за время заключения.

— Я бы хотел узнать, как вам удалось пересчитать бедуинов? — спросил я.

— Это было совсем непросто! — улыбнулся Ариф. — Как только стало известно о моих намерениях, пять тысяч собрались и перекочевали на Синай. Скрывались целыми племенами. Ушло восемь месяцев на то, чтобы убедить их. Я поехал к ним, спал и ел с ними. Но в конце концов решающую роль сыграло вот что: если правительство будет знать количество бедуинов, станет ясно, что в районе Беэр-Шевы нет места сионистам.

Пока мы беседовали, живописный старый шейх зашел к Арифу, на его одеянии красовался великолепный меч в ножнах из слоновой кости. Он вступил в серьезный, явно официальный разговор с губернатором.

Потом Ариф сказал мне:

— Извините, мне придется пройти на заседание суда. Возможно, вас заинтересует перспектива посидеть рядом со мной? Этот суд заметно отличается от любого другого в мире. Мы проводим заседания раз в неделю, чтобы разрешать споры и конфликты, вспыхивающие в пустыне. Мы не можем применять здесь британские

законы, потому что в пустыне другие проблемы, чем у европейцев. Этот суд основан на традиционном праве, законе патриархов, до постройки этого здания подобные споры разбирались шейхами в шатрах. Идемте! Я переведу вам кое-что, и вы сами увидите, как мы здесь ведем дела.

Мы прошли в одну из комнат верхнего этажа, в которой одновременно разговаривали между собой человек сорок бедуинов. Они сидели пятью основными группами за столами. Жаркий, слепящий свет пустыни отгораживали зеленые деревянные жалюзи. С одной стороны стояла скамья для магистрата, именно к ней и провел меня губернатор. Мы сели рядом, и перед нами разыгралась весьма примечательная сцена.

Группа на полу, прямо напротив нас, представляла главных инициаторов процесса этой недели. Снаружи, в холле перед комнатой, на лестнице, на нижнем этаже, на крыльце снаружи и живописно расположившись вокруг своих привязанных верблюдов и лошадей, находились защитники и обвинители: потому что бедуины ничто так не любят, как судебные процессы. Закон для них — вопрос не столько справедливости, сколько мести.

Каждую неделю из, казалось бы, пустынной и необитаемой местности съезжаются целые орды свирепых воинов, которые на это время превращаются в тяжущиеся стороны. Они приходят в сопровождении лучших друзей, вступают в словесную перепалку и приписывают друг другу самые низкие мотивы, но как только спор разрешен, все уезжают вместе, вполне дружелюбно.

Закон, которым руководствуются в этом суде, старше многих книг Ветхого Завета: это старинное племенное право, которое можно было встретить в действии в пустынных странах еще до того, как сыновья Израиля оказались в Египте.

В комнате находилось 15 судей. Все это были шейхи различных местных племен, люди весьма почтенного возраста, огромные турецкие мечи в ножнах слоновой кости, очевидно, служили им своего рода опознавательным знаком. Каждое дело рассматривали три шейха. Один судья выбирался истцами, другой — защищающейся стороной, а третий представлял правительство Великобритании. Обсуждение сразу пяти дел в одном помещении было обычной практикой данного суда, таким образом, удавалось разобрать до 80 дел за одно дневное заседание. Однако мог встретиться и трудный случай, на разрешение которого до полного удовлетворения сторон уходили годы.

Принципиальная разница между законом пустыни и законом, известным нам, заключается в том, что племя, а не отдельный человек, несет ответственность за преступление. Причина этого совершенно ясна. В пустынях Синая и Иордании преступник почти всегда может скрыться. Если вы хотите наказать конкретного человека, вам придется мобилизовать целую армию и годами прочесывать пустыню, чтобы поймать его и заставить отвечать за содеянное! Так что преступник создает большие проблемы — а преступление среди бедуинов позором не считается, — прежде всего для племени и затем для своей семьи.

Наиболее распространенными прецедентами для суда являются: похищение скота, кровавые разборки между кланами и убийства, нарушения этикета пустыни и споры по поводу земель, денег и пр. Женщины редко обращаются в племенной суд, и преступления против них обычно не рассматриваются. Штраф за домогательство и насилие в отношении бедуинской женщины составляет половину штрафа за убийство, около 20 ездовых верблюдов, но если преступление было совершено ночью, штраф составляет всего десять верблюдов.

Губернатор пояснил мне, что днем девушка может находиться в одиночестве, если пойдет за водой или будет работать в пустыне, а ночью она сама виновата, если покинула безопасный семейный шатер.

Дела, которые рассматривались в суде в день моего визита, весьма различались между собой. Один мужчина подал иск на приятеля, за то, что тот взял займы — не украл — овцу. Это касалось общего правила поведения в пустыне: если к тебе в шатер пришел путник, а твои овцы пасутся очень далеко, чтобы выполнить древнейший и фундаментальный закон гостеприимства, ты можешь заимствовать овцу соседа и зарезать ее для гостя.

Гость имеет право оставаться в шатре бедуина три дня, и ему не задут никаких вопросов. В течение этого времени его жизнь священна, и тот, у кого взяли овцу, не имеет права требовать возврата собственности. Но как только гость уехал, человек, взявший чужую овцу, обязан, согласно этикету пустыни, прийти в шатер соседа и сказать: «Вот овца, которую я возвращаю тебе взамен той, что я взял».

Если он этого не сделает сразу, у него есть 14 дней для компенсации. Если он и за это время не отдаст животное, ему придется возвращать четырех овец за одну.

Другое дело тоже касалось вопросов этикета. Человек вошел без разрешения в чужой шатер и смотрел на жену соседа. Это рассматривается как серьезное оскорбление, так что дело вызвало всеобщее возбуждение. Даже судьи явно сердились.

Третье дело касалось кровной вражды. Такие случаи существуют по всей пустыне, и едва ли не каждая семья имеет кого-то из родственников в бегах или под действием временного изгнания. Если кровная вражда выходит из-под контроля, она распространяется со скоростью эпидемии и заканчивается тем, что в нее

вовлечено уже целое племя, причем все непрерывно вступают в схватки или крадут друг у друга верблюдов.

Хорошая, «здоровая» кровная вражда в пустыне отчасти напоминает крикет или футбол в европейской стране. Убийство одного бедуина другим наказуемо и эту «игру» можно остановить без матча-реванша штрафом в виде определенного количества верблюдов, которое отдает племя убийцы потерпевшей стороне. Убийцу казнят только в том случае, если он убил чужака и, естественно, если его удалось поймать — что случается чрезвычайно редко.

Как правило, убийца скрывается в каком-нибудь другом племени и просто никогда не возвращается к своим. Иногда член семьи убитого оставляет дом, жену, все, что имеет, и посвящает жизнь выслеживанию врага. Зачастую тело убийцы с ножевыми ранами находят в каком-нибудь отдаленном *вади*, а несколько месяцев спустя преследователь благополучно возвращается домой, измученный, но довольный. И никто не задает ему лишних вопросов.

Око за око и зуб за зуб.

Внезапно споры вокруг столиков были прерваны яростным старым бедуином с худым, изможденным лицом и жидкой бородой, который вскочил и гневно закричал на судью. Губернатор ударил по скамье деревянным судейским молотком, но старик подался вперед всем телом, на губах у него выступила пена.

Выяснилось, что старик обвинял молодого бедуина из своего племени в краже 400 фунтов стерлингов, которые, по словам старика, он хранил в горшке. Обвиняемый утверждал, что у старика сроду и четырех фунтов не было, а не то что четырехсот. Именно в ответ на это старик и разразился гневными криками.

— Он требует суда огнем, — сказал Ариф эль Ариф. — Не думаю, что в данном случае мы можем допустить это.

— Вы же не имеете в виду, что разрешаете суд огнем?

— Это самая почитаемая форма установления истины. Все в пустыне признают суд огнем, — ответил он. — Те, кто умеет проводить эту процедуру, называются *мобишаа*, а само испытание — *бишаа*. Есть только два таких человека во всей Аравии, один на Синае, а другой в Хиджазе. Мы приглашаем человека с Синая.

Суть заключается в следующем. Сначала *мобишаа* требует признания. Если признания нет, он берет огонь и накаляет железо до белизны, пока не посыплются белые искры. Затем он получает свою плату. Это 10 фунтов стерлингов. Каждая сторона выплачивает ему по 5 фунтов, а в конце процедуры он возвращает половину суммы невиновному.

Обвиняемый выходит вперед, ему дают воды прополоскать рот, а затем он должен лизнуть раскаленное докрасна железо три раза. В конце испытания *мобишаа* проверяет язык и высказывает свое суждение. Это совершенно исключительная мера — вы подумаете, что я романтизирую ситуацию, — но я видел тех, кто прошел испытание без малейших повреждений.

— Но это ведь не имеет ничего общего с виновностью или невиновностью!

— Напротив, я верю в обоснованность решения. Виновный человек так напуган, что его рот быстро пересыхает, а потому ожоги получаются очень сильные. А у невиновного слюна продолжает выделяться, и он не имеет таких ран на языке после испытания, у него остается лишь покраснение. В любом случае, вердикт *мобишаа* никогда не ставится под сомнение. Это решение самого Аллаха...

Мы вышли на улицу и присели в тени. К нам присоединились два-три шейха, они стояли в выразительных позах, держа ладони на рукоятках мечей.

Праотец Авраам, приказавший выкопать колодец в Беэр-Шеве, в нескольких ярдах от того места, где мы сидели, вероятно, был человек того же типа, что и эти вожди пустынных племен, с тем же пронизывающим и прямым взглядом, с теми же представлениями о жизни и стилем поведения.

Пока мы говорили, из здания суда вышли два бедуина. Они прошли по залитой солнцем площадке к деревьям, находящимся сбоку от постройки. Там к забору были привязаны конь и верблюд, который спокойно лежал на горячем песке. Один сел на верблюда, другой на коня. Они, очевидно, были друзьями. И вдруг я узнал двух яростных противников, которых только что видел в суде: один был тем, кто обвинял второго в том, что тот вошел в его шатер без разрешения и смотрел на его жену.

Они оба мирно тронулись в путь, беседуя в самой что ни на есть дружеской манере, и вскоре скрылись за колючей изгородью.

— Гейм и сет, — заметил я.

Губернатор переспросил, что я имею в виду.

— Кто-то выиграл, — объяснил я. — Но в следующий раз будет новая игра.

Мой комментарий перевели шейхам, которые невозмутимо и согласно кивнули, не снимая ладоней с резных рукояток мечей.

7

Машина пересекала пустыню от Беэр-Шевы с остановкой на ночь в лагере археологической экспедиции сэра Флиндерса Петри, разбитого в окрестностях Газы. Ветеран-археолог с его всегдашней мудростью выбрал холм поблизости от песчаных дюн и

моря, в котором оказались руины целого ряда городов, которые были старыми уже во времена Авраама.

Его открытия поражают каждого, кто считает, что 1000 год до н. э. — это весьма древняя эпоха. Профессор Петри на холме под Газой отыскал уникальные свидетельства прошлого. Каждый раз, когда он погружается в доисторические глубины, перед нашим взором предстают мужчины, целые армии, боевые корабли, женщины, вдевающие в уши золотые серьги. На месте, где высился этот холм, не одна цивилизация достигла расцвета и пришла в упадок к тому моменту, когда сюда бежали из Египта сыны Израиля.

Мы поднялись на холм и осмотрели руины трех дворцов, построенных один поверх другого. Первый возвели в 3100 году до н. э., второй — в 2500 году до н. э., а третий — с конским скелетом в фундаменте, означавшим принесение жертвы для закладки нового здания, — в 2200 году до н. э. Что поразило меня даже больше, чем ванные комнаты, обустроенные в 3100 году до н. э., и великолепно сохранившиеся глиняные порталы, сквозь которые мог проходить Авраам, так это кельтские серьги из ирландского золота, в точности воспроизводящие доисторический орнамент золотых изделий из Дублинского музея.

Как они попали в Газу? Чья странствующая по миру галера доставила их к этим берегам еще до рождения Саула или Давида?

Утром я уже был на пути в Аскалон (Ашкелон). До него оставалось 14–15 миль дороги по плоской, зеленой местности. Я видел привычных шагающих верблюдов, соединенных в цепочку веревками, и вездесущих, перегруженных поклажей ослов. Зеленые поля, засеянные овсом и ячменем, радовали глаз после голых, мертвенных пейзажей южной пустыни. Возле Эль Меджделя я встретил настоящий рай культивированных

насаждений, а приглядевшись, обнаружил даже поля лука.

Лук рос под Аскалоном на протяжении тысячелетий. Римляне высоко ценили его и называли «аскалоний», откуда произошло французское слово «эшалот» и английское «шалот». Но я понятия не имел, что этот исторический сорт все еще произрастает здесь.

Свернув с основной дороги в сторону побережья, я увидел многочисленных арабов в парадных одеждах. Все пути были заполнены ими, причем вся толпа направлялась к берегу моря.

Там были целые семьи на верблюдах и ослах, женщины в ярко-голубых и красных платьях. До того момента я еще не видел в Палестине столько красивых девушек одновременно, их портило только одно: почему-то подавляющее большинство страдало косоглазием. Добравшись до небольшого холма, доминировавшего на равнине, я убедился, что на мили вокруг местное население буквально тысячами шло на побережье, к Аскалону. В Палестине такое количество путешествующих на верблюдах женщин и детей — весьма необычное зрелище, ведь животных обычно берегут для тяжелой работы. Но тут верблюды тоже исчислялись тысячами, и на каждом устроилось по несколько смуглых ребятишек. Зрелище было живописным, ведь феллахи в редкие праздничные дни позволяют себе самые яркие одеяния, радостно танцуют и поют и вообще ведут себя так, словно в жизни не знавали ни забот, ни трудов. Только верблюды сохраняют невозмутимое высокомерие. Большинство животных побрито, а кожа их умащена маслом и грязью. Такие парикмахерские манипуляции с верблюдами совершают перед наступлением особо жаркого сезона.

Первой мыслью было, что в какой-то деревне наступил день праздника, но по мере приближения к Аскалону я отказался от этого соображения. Население

целого района устремилось по узким дорогам к песчаным дюнам.

Это праздник Неби Эюб, узнал я наконец, задав вопрос не менее чем тридцати арабам, никто из которых не знал ни слова по-английски.

Мне сказали, что Эюб — древний пророк, который исцелился от язв, окунувшись в море, а потому раз в год, в честь его праздника, все отправляются на побережье, чтобы войти в воды. Наконец, я понял, что Эюб — не кто иной, как Иов.

Город, некогда бывший Аскалоном, потерян в песчаных дюнах. Средиземноморские волны белой пеной разбиваются на протяжении многих миль плотного песчаного берега. Тут и там из дюн выглядывают обломки массивных старинных стен, сложенных из черного камня руками англичан, потому что в 1191 году работы здесь проводили по указанию Ричарда Львиное Сердце, только что захватившего Аскалон.

Существуют и другие напоминания о прошлом Аскалона. Земля вокруг обильно усеяна осколками римской керамики, кусочками разбитого зеленого стекла. Среди дюн, возле водяного колеса, которое вращает верблюд, совершающий медленный и бесконечный круг, можно найти обломки статуй, извлеченных из развалин Аскалона, построенного еще Иродом. Какие сокровища лежат среди этих золотистых гор, никто точно сказать не возьмется.

Я выбрал узкую тропинку среди дюн и вышел на взморье. Передо мной открылся один из самых поразительных видов, который только можно найти на всем протяженном побережье Средиземного моря.

Сотни верблюдов совершали ежегодное омовение. На песчаных дюнах сидели толпы женщин и детей, собравшиеся сюда из множества деревень всего района: мужчины и мальчики постарше занимались серьезным делом купания верблюдов. Конечно, на этих людях не

было купальных костюмов, и мокрые смуглые тела блестели в лучах солнца.

Они заталкивали в волны группу из пяти-шести упирающихся верблюдов. Некоторые животные сопротивлялись довольно активно. Кое-какие даже брыкались. Несколько верблюдов вырвались из упряжи и бежали назад, к дюнам, где сидели женщины, а за ними неслись по песку сердитые мальчики.

С другой стороны, многие животные безропотно опускались на колени и даже демонстрировали удовольствие. Но потом наотрез отказывались вставать и выходить из воды! Вывести их на берег было не легче, чем затащить в море. Они сидели у самой кромки волн, высоко подняв головы, и глядели в морскую даль.

Когда животные оказывались в воде, обнаженные мужчины ножами начинали сдирать с них присохшую грязь, сформировавшую толстую корку. Это была приятная картина, потому что верблюд, как и осел, в обычной жизни получает не так уж много внимания.

Впоследствии я узнал, что праздник Неби Эюб — единственный случай, когда арабы устраивают смешанное купание. Вечером, говорили мне, тысячи мужчин и женщин входят в море. Женщины образуют небольшие группы в стороне от мужчин и входят в воду тоже обнаженными. Мужчины купаются на расстоянии от них.

Праздник Неби Эюб является церемонией очищения, происхождение которой теряется в глубине веков.

Я ехал по плодородной долине, усеянной арабскими деревнями, огражденными колючими изгородями. Мне показалось, что местное население могло служить иллюстрацией к Ветхому Завету. Одна из наиболее любопытных вещей в Палестине — в некоторых районах, особенно на юге, на линии от Иерусалима до Яффы, феллахи являются прямыми потомками хананеев. В

чертах лиц и обычаях видны приметы древнего происхождения. На протяжении тысячелетий завоеватели прокатывались волнами по этой земле, так и не уничтожив ханаанский народ.

Я сделал небольшой круг, чтобы взглянуть на симпатичное поселение Эйн-Карем, которое лежит недалеко от Иерусалима, среди коричневых гор, покрытых виноградниками и оливковыми рощами. Неби Самвил — место, по традиции считающееся захоронением Самуила, — венчает соседний хребет, одну из высочайших гор Иудеи. Средневековым паломникам она была известна как Гора Радости, потому что с ее высоты открывался путнику первый взгляд на Священный Город.

Древняя традиция называет Эйн-Карем местом рождения Иоанна Предтечи, и францисканцы с готовностью показывают гостям грот рождения пророка, сегодня расположенный внутри церкви.

Карабкаясь по пологому склону к русской церкви, в стороне я заметил садовника за работой. Его земля снабжалась водой по серии узких каналов, прорезанных в почве и в ключевых точках перекрывающихся подобием маленьких плотин. Когда он хотел оросить часть сада, то просто разгребал ногой земляную насыпь в нужной точке, и вода устремлялась по канавке. Мне вспомнилось описание Второзакония: как в Египте, «где ты, посеяв семя твое, *поливал ее при помощи ног твоих*, как масличный сад»⁴².

Бедность русской церкви сегодня достигла наибольшего предела во всей Святой Земле. В Эйн-Кареме остается община русских монахинь, которые живут на пособие в десять шиллингов в месяц. Их дневной рацион состоит из чая и черного хлеба. Это благочестивые женщины, чьи несчастья, кажется, сделали пламя их веры еще более ярким и горячим. В отличие от пыльных и темных обитателей, населенных

монахами-мужчинами, их церковь сияет безупречной чистотой. Бедные, полуголодные женщины вкладывают в уход за храмом искреннюю любовь и нежность. Бледное лицо настоятельницы под темным покрывалом и высоким, круглым головным убором, принятым в русской церкви, напоминает лик Мадонны, а когда старая женщина, судя по всему, из крестьян, встала на колени, чтобы поцеловать ее руку, ангельская улыбка и мягкость, с которой она помогла старухе подняться на ноги, оставила в моей душе воспоминание, которое я никогда не забуду...

Я добрался до Иерусалима, когда на город уже опускался закат. Наутро, ровно в 5 часов, зазвонил колокол в монастыре напротив. Я встал, оделся и вновь занялся ужасным ритуалом сбора вещей в дорогу, потому что меня ждал долгий день. Через несколько часов я уже ехал по главной дороге, ведущей на север.

Глава пятая

От Самарии к Хайфе

Я путешествую по Самарии и вижу колодец Иакова, встречаю последних самаритян. Ненадолго останавливаюсь в Назарете и наблюдаю за работой деревенского плотника, потом отправляюсь в Хайфу, где вижу гору Кармель, осматриваю замок крестоносцев и стою на руинах Кесарии.

1

Когда-то я думал, что фраза «от Дана до Вирсавии» подразумевает предельное расстояние. Мне казалось: не могут две точки в пространстве находиться друг от друга дальше, чем эти места. На самом деле, путешествуя на хорошей машине, можно позавтракать на холме, скрывающем развалины Дана на границе с Ливаном, а поужинать у колодца Авраама на пустынной равнине на юге, под Беэр-Шевой.

Расстояния здесь удивительно малы. Иерусалим находится всего в 75 милях от Назарета и в 100 милях от Тиверии и Галилейского озера. Как я уже говорил, Вифлеем расположен в 5 милях от Иерусалима, и туда можно дойти пешком, а Иерихон — в 20 милях от столицы.

Меня постоянно поражали небольшие размеры Палестины, вероятно, потому, что Библия буквально пронизана ощущением величия и простора. Когда я читал, как Иисус возвращается в Назарет и идет к Капернауму, у меня возникало ощущение, что Он совершает продолжительное путешествие; между тем

Он проходит всего 25 миль. Странствия патриархов воспринимаются как далекие переходы, в то время как в реальности их можно уложить в границы двух-трех английских графств. Когда Давид стоял на вершине горы под Иерусалимом, он мог охватить взглядом всю страну своих врагов-филистимлян, раскинувшуюся на двадцать миль к западу. Все династические драмы и межплеменные стычки, описанные в Ветхом Завете, совершались в границах региона, не превышающего по размерам Северошотландское нагорье.

Правда, в старые времена иллюзия расстояний сохранялась за счет того, что путешествовать по горам было трудно. Путеводители прошлых десятилетий, напечатанные до войны, когда по Палестине перемещались в основном на лошадях, отводят пять-шесть дней на маршрут, который сегодня в комфортабельном автомобиле и по новым дорогам можно преодолеть в течение одного дня.

Безусловно, появление автомобиля совершило в Палестине транспортную революцию. К несчастью, оно привело к исчезновению живописных караванов верблюдов и положило конец существованию романтических пустынных караван-сараев и постоянных дворов, которые постепенно приходят в запустение. Всего несколько лет назад скорость передвижения по Палестине равнялась темпу нагруженных тюками верблюдов, способных пройти 20-25 миль в день. Товары, которые доставлялись на верблюдах из Багдада в Дамаск, а оттуда в Иерусалим, теперь транспортируются мощными грузовиками, которые шоферы-арабы ведут на предельной скорости, так как не знают страха смерти.

Дорога из Иерусалима в Назарет идет под уклон с гор, на вершине которых покоится Иерусалим, она

спускается в спящую, выжженную солнцем долину, где каждый холм несет следы древних террас.

Во времена Христа склоны этих иудейских холмов, должно быть, покрывали фиги, оливы и виноградники. Остатки старинных земледельческих работ легко заметить в виде полос, обвивающих холмы, как трава на английских лугах выдает присутствие в прошлом пахотной борозды.

То вверх, то вниз, резкие повороты направо-налево, дорога извивается между желтых холмов, устремляясь в страну колена Вениаминова. Там, где дорога резко забирает вправо, я разглядел древний тракт, ведущий к узкой равнине, а другой пересекает его и уводит в противоположном направлении. Первый тракт — след пути, по которому ночью вели апостола Павла в Кесарию, а второй — старая римская дорога на Дамаск.

Каждая небольшая возвышенность, словно гребень, несет на себе деревню, имя которой известно миллионам людей, потому что это все ветхозаветные поселения. Они представляют собой скопления глинобитных домишек, вытянувшихся в линию на вершинах холмов. Девушки с сосудами для воды на плечах идут от одного ячменного поля к другому, а в стороне от дороги стоят мальчики, которые, как юный Давид, набирают в холщовые сумки камни для пращи. До сих пор мне не приходилось испытывать жалость к Голиафу! Но при всей своей силе и большом росте, он, должно быть, имел не больше шансов против Давида с пращой, чем воин с копьем против человека, вооруженного винтовкой. Праща в умелых руках может быть смертельным оружием.

Надо побывать в Палестине, чтобы понять, до каких мелочей точна Библия. Сегодня вошло в моду говорить, что Ветхий Завет — это собрание еврейских басен, и я уверен: некоторые молодые люди воображают, что такие персонажи, как Давид или Саул, никогда не

существовали. Но они не просто существовали, по сей день живы те, кто выглядит точно так же. Вы можете встретить их на дороге. Библия остается самым точным путеводителем, рассказывающим о жизни современной Палестины. Позвольте привести один пример.

Я остановился в убогой деревушке. Не знаю, как она называется. Вокруг было несколько полей, колодец, покрытая засохшей глиной дорога, которая вела мимо домов с плоскими крышами в сторону маленькой мечети. На открытой площадке возле деревни сидела группа женщин, рядом с ними на огне стоял черный горшок, а топливом служили сухие ветви колючего кустарника, растущего по всей Палестине. Ветки потрескивали и шипели, и я осознал выразительную силу строки Екклезиаста: «Смех глупых то же, что треск тернового хвоста под котлом»⁴³.

Для меня одна из самых фантастических вещей в Палестине — это люди; так очевидно сходство арабов с древними ханаанеями!

На полях вокруг деревень мужчины, сами того не ведая, иллюстрируют Библию. Один направляет плуг, который тащат бык и верблюд. Это исключительно нечестно по отношению к животному меньшего роста. Деревянное ярмо постоянно сползает с шеи верблюда на загривок быка, так что он принимает на себя больше половины веса, а грубая упряжь жестоко натирает шеи обоих.

Разве не напоминает это слова апостола Павла из Второго Послания коринфянам: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными; ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?»⁴⁴

Видел я и другого пахаря. Он вел нервного, трудного в управлении быка. Животное не привыкло к ярму. Оно наклоняло голову и пыталось пятиться. Пахарь держал в руке заостренную палку, которой время от времени

соскребал с лемеха налипшую землю. Каждый раз, когда бык упирался или дергался в сторону, крестьянин колот его палкой, и я знал, что передо мной некое подобие сцены, которую не раз должен был наблюдать Иисус, проходя по дорогам Палестины. Иисус восклицает: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?... Трудно тебе идти против рожна»⁴⁵.

Я оказался возле деревни Эль-Бире, где, как говорят, Иосиф и Мария потеряли Иисуса, возвращаясь с праздника из Иерусалима в Назарет. Они вернулись и нашли Его во дворе Храма беседующим с учителями. Этот случай, который описывает только Лука, часто ставился под сомнение критиками. Некоторые авторы сочли невозможным, чтобы родители могли потерять сына за время «дневного пути». Однако существует очень простое объяснение. «Дневной путь» на Востоке обычно равен дистанции, которую можно преодолеть медленным шагом за семь часов. Но в первый день караван, как правило, проходит более короткий участок, потому что большой коллектив почти всегда задерживается с отправлением. На главных дорогах, ведущих от Иерусалима, сохранились развалины караван-сараяв, и все они находятся в нескольких милях от города, отмечая длину короткого первого «дневного пути». В Эль-Бире тоже есть такие руины. Здесь должен был остановиться на отдых и ночлег караван, направлявшийся в Назарет, а на следующий день все выходили в путь как можно раньше.

Разве сложно представить себе, что в общей суматохе и суете, связанной с отправлением каравана, Иосиф и Мария не нашли сына? Ему было 12 лет, вероятно, Он зачастую шел вместе с другими мальчиками-ровесниками. Вполне естественно, что родители, выходя с караваном из Иерусалима, решили, что сын находится с ними.

Я уверен, что Иисус не был единственным мальчиком, который остался в Иерусалиме во время лихорадочных сборов после праздника и торопливого формирования каравана.

Дорога нырнула в зеленую долину, а потом вскарабкалась на безжизненный холм. Там стояла деревушка Синджил — ее имя хранит память о крестоносце Раймонде де Сен-Жиле, графе Тулузском.

Я тронулся дальше и оказался наконец в Самарии, где поля, на мой взгляд, были зеленее, а горы казались не такими суровыми. В стороне от дороги я заметил группу деревьев, окружавших колодец Иакова, где Иисус встретил самаритянку.

2

Все путешествующие по Палестине с гнетущим постоянством повторяют справедливое утверждение, что история этой страны «писана водой». Дороги, деревни и даже города исчезали с карты, но источники, бьющие из скал, остаются безусловным и неизменным фактором в жизни страны и истинными указателями для историков.

Сегодня, как и в библейские времена, колодец является поводом для остановки в пути и местом встречи всех местных девиц и матрон по утрам и вечерам. Задача носить воду в кувшинах или, увы, в канистрах из-под бензина (прогресс не остановить!) — чисто женская обязанность. Мужчины действительно носят воду от колодца или другого источника, но только если продают ее или доставляют заказчикам; они используют не кувшины, а бурдюки из козьих шкур, которые взваливают на спину. Араба встретишь с кувшином воды не чаще, чем среднего европейца с детской коляской на пригородном шоссе. Мужчины

иногда выходят из дома с коляской, и арабы иногда нарушают неписаное правило и носят воду в кувшинах. Но сам я ни разу этого не видел, а наблюдал я за ними довольно долго.

Редкость такого события заставляет задуматься о распоряжении Христа, данном перед Тайной Вечерей: два ученика должны пойти в Иерусалим, где «встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним. И куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?»⁴⁶

Пока я не побывал в Палестине, я размышлял об очевидной неясности такого указания. Я думал: конечно, ученики могли встретить много подобных людей. Как они поняли, за кем следовать? Теперь я осознал, что Иисус дал им поразительно точные указания, так что они не могли ошибиться: ведь зрелище *мужчины* с кувшином воды на плече должно было казаться настолько необычным, что пропустить его никто бы не смог.

В сельской местности вокруг колодцев собираются группы женщин, официально их называют арабскими, но на самом деле они ханаанейки по крови, потомки дровосеков и носильщицы воды, веками исполняющие эту обязанность. Колодец Иакова в Сихаре, должно быть, самый известный в стране, хотя в Ветхом Завете нет прямого подтверждения тому, что Иаков построил его «близ участка земли», данного им сыну Иосифу. Но и евреи, и самаритяне были согласны с истинностью этой традиции.

Сегодня колодец огорожен стеной, а над ним стоит небольшая греческая церковь. Вокруг лежат колонны других церквей, стоявших на этом месте ранее. Когда-то крестоносцы построили храм таким образом, что колодец оказался непосредственно под алтарной частью. Пока греческий священник ходил за ключом, я

отдыхал в тени фигового дерева, в мирном саду и смотрел на каменные уступы горы Гаризим, высившейся напротив, а на вершине горы сумел разглядеть нечто, напоминающее руины башни; это все, что осталось от самаритянского храма, выстроенного в соперничестве с Иерусалимом.

Священник провел меня по лестнице вниз, в крипту церкви. Он объяснил, что колодец имеет около 70 футов глубины и в нем все еще бывает вода — в определенные периоды года. Потом поднял оплывающую свечу над впадиной, и жир с нее капал вниз, застывая серыми пятнами на камне.

Большинство специалистов сходятся на том, что именно у этого колодца Иисус встретил самаритянку. Выйдя на солнечный свет, я присел в саду под фиговым деревом и перечитал четвертую главу Евангелия от Иоанна. Наверное, евангелист сам был свидетелем этого исключительного эпизода. В рассказе есть некоторые мелкие детали — особенно заметные, если прочитать его на месте события, — которые показывают: так не мог написать человек, никогда не бывавший у этого колодца.

Долгая дорога по горам Иудеи утомила Учителя, который решил отдохнуть у колодца. Уже не раз высказывалось мнение, что Иоанн считал время не по еврейской, а по римской гражданской системе, от полуночи до полуночи. Значит, было около шести часов вечера. Иисус отдыхал, перед Ним открывалась панорама горы Гаризим, а чуть в стороне находилась деревня Сихарь, которая теперь зовется Эйн-Аскар. По тропе от деревни шла за водой женщина с кувшином на голове.

Критики, оспаривающие достоверность Евангелия от Иоанна, задаются вопросом: зачем женщина прошла весь путь до колодца Иакова, если существовал другой источник воды — колодец возле деревни Сихарь?

Вероятно, ответ заключается в том, что ей нужна была дождевая вода, а не жесткая известняковая, которую можно найти в Эйн-Аскаре по сей день. По-гречески слово, которое она использовала для описания колодца Иакова, значит «цистерна» или «яма» — именно это колодец собою и представляет, собирая мягкую дождевую воду. Могла быть и другая причина. У женщины было пять мужей, а теперь она жила в грехе с новым мужчиной. Она, несомненно, являлась объектом сплетен и пересудов в деревне. Вероятно, это объясняет, почему она выбрала более длинный путь, чтобы взять воду из колодца, избегая гнева и презрения добропорядочных женщин. Любой из этих аргументов кажется мне более правдоподобным, чем утверждение, что автор никогда не бывал у колодца Иакова.

«Иисус говорит ей: дай Мне пить... Женщина самарянская говорит Ему: как ты, будучи иудеем, просишь пить у меня, самарянки? Ибо иудеи с самарянами не сообщаются»⁴⁷.

Иисус мягко, шаг за шагом, вовлекает ее в духовную беседу, сравнивая воду из колодца с живительной водой веры.

«Господин! Дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать», — говорит женщина.

Некоторые комментаторы находят в ее словах иронию; и это, на их взгляд, объясняет, почему Иисус, словно современный психоаналитик, прорывающийся сквозь оболочку подавленного воспоминания или ломающий сопротивление пациента, внезапно предлагает:

«Пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе;

это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! Вижу, что Ты пророк».

И у колодца Иакова в Сихаре Иисус впервые сообщает человеку, этой грешнице из отверженного народа, божественный секрет, называя Себя Мессией. Возвращаются ученики, они удивлены, что он «разговаривал с женщиною».

Дэвид Смит в книге «Дни Его воплощения» писал:

Еврею не разрешалось приветствовать женщину, он не мог разговаривать с женщиной на улице, даже если это была его собственная жена, дочь или сестра. В утренней молитве мужчины благодарили Господа, «который не сотворил меня язычником, рабом или женщиной». Была особо суровая группа фарисеев, именовавших себя «кровооточащими фарисеями», поскольку они ходили с закрытыми глазами, чтобы не увидеть женщину, а, кроме того, бились лбом о стены, расшибая их в кровь. Считалось нечистым произнести слова Закона, обращаясь к женщине: лучше их сжечь.

Даже сегодня в Иерусалиме женщинам не разрешается молиться в синагогах вместе с мужчинами. Существуют особые смежные комнаты, в которых могут собираться женщины, или они проходят потайной лестницей, отделенной от основного помещения ширмой, на галерею. Мы склонны принимать как нечто само собой разумеющееся ту выдающуюся роль, которую играют женщины в евангельской истории. Эти женщины равны мужчинам во всех отношениях, они так же способны на духовное развитие, — и библейский типаж явился глубочайшим переворотом в образе мыслей, мы даже не способны в полной мере его оценить. Это был переворот для самаритянки, с которой Иисус говорит о

Своей миссии, для Марфы, которой он признается в Своей божественности, для Марии Магдалины, которой сообщает о Своей победе.

Читая Евангелие от Иоанна у колодца Иакова, понимаешь, как естественно возникал разговор в этой обстановке, он просто не мог сложиться иначе. Вода, гора, дорога на Сихарь, на которой вскоре появятся самаритяне, привлеченные новостью, которую женщина разнесла по деревне, — все это описано живо и ярко. Иисус обращается к ученикам:

«Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве».

Критики написали не одну ученую диссертацию, чтобы доказать: поля перед урожаем не могли побелеть, было еще слишком раннее время года. А другие предоставляют всевозможные аргументы, вписывая этот эпизод в евангельскую хронологию. Но, сидя у колодца Иакова, я увидел большую группу арабов, которые шли по дороге в направлении, в котором смотрел Иисус, и я обратил внимание, как сияли в солнечном свете их белые одежды.

Конечно же, Иисус говорил не о земной, а о небесной жатве, и при этом, полагаю, Он указывал на дорогу, по которой шли самаритяне в белых одеждах, желая услышать Его слова.

3

На дорогах Палестины и в горах — везде можно встретить доброго пастыря. Он шествует во главе стада, зачастую несет на плечах ягненка или овцу, повредившую ногу.

Его кожа загорела почти до черноты, поскольку лицо все время открыто солнцу. Он носит на голове развевающееся покрывало бедуина, *кеффию*,

удерживаемое на голове двумя (крученными черными шнурами, известными как *агаал*. Под рубахой он зачастую носит куртку из овчины, мехом к телу. Это один из типичных персонажей, бредущих по дорогам Палестины точно так же, как шли они и во времена земной жизни нашего Господа.

Одна из самых примечательных черт — взаимопонимание, которое царит между пастырем и его стадом. Он никогда не подгоняет животных, как это делают наши пастухи. Он всегда идет впереди, ведет овец за собой через дороги и горы к новому пастбищу: и по пути он разговаривает с подопечными высоким, звонким голосом, используя странный язык, не похожий ни на какие другие звуки, которые мне доводилось слышать прежде. Впервые я услышал этот овечий и козий язык в горах под Иерихоном. В долину спускалось стадо коз, пастух прошел некоторое расстояние, обернулся и увидел, что животные отстали, столпившись вокруг случайно найденного аппетитного куста. Пастух повысил голос, разговаривая с козами так, как, должно быть, делал это Пан в горах Греции. Это было необъяснимо, потому что в языке его не было ничего человеческого. Несуществующие слова выстраивались по непонятным законам. Но в ответ раздалось блеяние, которое волной покатило по стаду, и два-три животных подняли головы, глядя на пастуха. Однако они не подчинились.

Тогда пастух выкрикнул одно слово, а затем издал нечто среднее между смехом и ржанием. Коза с колокольчиком на шее мгновенно прекратила жевать и, покинув стадо, затрусила вниз по склону, пересекла долину и начала подниматься на противоположную гору. Вместе с этим животным пастух двинулся дальше, и вскоре они скрылись за гребнем. Прошло совсем немного времени, и среди коз распространилась паника. Они забыли о еде. Они оглядывались в поисках пастуха.

Но его нигде не было видно. Они, очевидно, поняли, что и вожака с колокольчиком на шее тоже нет среди них. Издалека донесся странный призыв пастуха, напоминающий смех, и стоило ему прозвучать, как все стадо разом бросилось сначала вниз, а потом вверх по склону.

Любопытно, как повели бы себя с палестинскими животными английские пастушеские псы? Ведь наши принципы управления отарой или стадом неизвестны ни арабским пастухам, ни их подопечным. Здесь все осуществляется с помощью звуков, и овцы безропотно следуют за пастырем, словно собаки. А собак арабы используют не для того, чтобы загонять скот, а только чтобы охранять его от воров и диких зверей.

Однажды ранним утром неподалеку от Вифлеема я видел исключительную картину. Два пастуха, очевидно, провели ночь в пещере, вместе с животными. Все овцы перемешались, а пришло время пастухам двигаться в разном направлении. Один из них встал на некотором расстоянии от овец и начал выкликать своих. Одна за другой овцы побежали к нему, и вскоре вокруг человека собралось все его стадо.

Еще интереснее отметить, что Иисус, должно быть, не раз видел нечто подобное и описал эту сцену так:

«И он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же голосом не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса. Сию притчу сказал им Иисус... Я есмь пастырь добрый; и знаю моих, и мои знают Меня»⁴⁸.

С чувством глубокого удовлетворения осознаешь, сколь многое в евангелиях, почитаемое простыми фигурами речи, является буквальным и непосредственным описанием вещей и обычаев, характерных для того времени, когда Иисус и ученики ходили по дорогам Палестины. Заурядные бытовые

картины так часто упоминаются в речи Иисуса, что многие из Его высказываний и притч действительно основываются на происходящем вокруг. Ныне, перечитывая евангелия, я всегда представляю Его указующим на поле цветов, когда Иисус говорит: «Задумайтесь о лилиях полевых», а приведенная выше притча из Евангелия от Иоанна является зарисовкой из жизни пастухов.

Одна из причин такой странной близости и взаимопонимания между пастухом и овцами в Святой Земле заключается в том, что здесь овец обычно лишь стригут и доят, а потому они живут вместе, как единое стадо, в течение продолжительного времени. И пастух проводит с ними всю жизнь. Он с ними с момента рождения, днем и ночью, и когда приводит овец в пещеру на ночлег, сам он остается с ними.

Во времена Иисуса овец в Палестине было еще больше, чем в наши дни. Храмовые жертвоприношения требовали значительного количества животных. Когда Соломон освящал Храм, он принес в жертву 120 000 овец. Немыслимые стада должны были сходиться к алтарю со всех концов страны по дорогам Палестины. Пастухи из Вифлеема в момент рождения Христа, без сомнения, охраняли храмовые стада, предназначенные для жертвоприношения, с вершины, известной как Мигдаль Эдер — «сторожевой башни стад».

Тип животных мало изменился со времен Моисея. Это особые овцы, курдючные, в других местах я таких не видел. Главной отличительной их чертой является широкий толстый хвост или, точнее, огузок, жировой мешок. Он разрастается до огромных размеров и, как мне говорили, его иногда привязывают к спине овцы. Геродот первым заметил, что пастухи иногда изготавливают маленькие тележки, чтобы перевозить огромные хвосты овец! Такого способа я не видел, и

никто из жителей Палестины, которых я расспрашивал, об этом не слышал.

Вес таких хвостов, вероятно, велик. Я читал, что иногда он достигает 20 фунтов, при том что сама овца может весить около 60 фунтов. Овечий жир напоминает нечто среднее между маслом и внутренним салом, и бедуины считают его исключительным деликатесом. И в этом, как и во многом другом, они воспроизводят традиции Ветхого Завета. Потому что овечьи хвосты с жиром упоминаются в Библии. В книге Исход сказано, что «И возьми от овна тук и курдюк»⁴⁹, а в книге Левит говорится, что во время богослужения священник должен взять «весь курдюк... по самую хребтовую кость»⁵⁰. Яхве сам называл овечий жир главным лакомством.

Есть два любопытных упоминания об овцах — точнее, о баранах и агнцах — в Псалтири:

«Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы»⁵¹.

«Глас Господа сокрушает кедры; Господь сокрушает кедры ливанские. И заставляет их скакать, подобно тельцу; Ливан и Сирион — подобно молодому единорогу»⁵².

Думаю, никто не воспринимает эти слова буквально, то есть не воображает, что названные животные и вправду скачут, а если и так, то разве что от восторга — может быть, ягнята резвятся весной, но взрослые бараны ведут себя так крайне редко. Я задумался: а не учили ли израильтяне свои стада скакать или танцевать? Если так, строки приобретают новый смысл. Я спрашиваю себя об этом, потому что наткнулся на странное упоминание о танцующих овцах в рассказе миссионера Стивена Шульца, посетившего Палестину в 1745 году.

Он повествует о том, как его развлекали в лагере бедуинов на равнине Изреель и как женщины хором возносили импровизированные хвалы — так поступают

они и сейчас. Тем временем, в качестве особого жеста уважения к гостям, местные пастухи прогнали перед ними свои стада.

Шульц пишет:

Помимо криков радости, доносившихся из женского шатра, через мужской шатер провели овец. Сделано это было следующим образом: пастух шел впереди и играл на дудке или свирели, а овцы следовали за ним. Когда пастух менял тон на своем инструменте, повышая его или понижая, замедляя или ускоряя темп, овцы выполняли соответствующие движения с точностью французских танцоров, исполняющих менуэт. Как только один пастух прошел таким образом, за ним последовал другой — со своим стадом; и так далее, один за другим, особое внимание привлекали прыжки ягнят и козлов. Не у всех пастухов были свирели, но у некоторых были иные музыкальные инструменты.

Танец овец, козлов и ягнят закончился, и вошли верблюды. Однако они протанцевали не в шатре, а вокруг. И пока продолжались прыжки животных, все еще были слышны пронзительные крики женщин.

Этот поразительный обычай, возможно, восходящий к ветхозаветным временам, полностью исчез среди бедуинов или еще сохраняется в отдаленных краях пустыни? Никто не имеет такой власти над своими стадами, как арабские пастухи, покорность овец пастырю безгранична, так что можно вообразить, что вместе они способны продемонстрировать и этот трюк.

Ни одно животное, упомянутое в Библии, не сравнится по обилию символических значений с овцой. Я убежден, что она названа там не менее пятисот раз. И

вам не удастся далеко проехать по дорогам Палестины, не увидев фигуру с посохом в руке, символизирующую любовь и сострадание Иисуса Христа.

4

Я путешествовал по суровому горному району в сторону прекрасной долины Сихем, где расположен древний город Наблус — та самая узкая долина Сихем между горными хребтами из книги Бытие.

Оживленные улицы Наблуса напоминают темные туннели, заполненные верблюдами, ослиами, людьми, и все это — типичный образчик бурной жизни Востока. Население города составляют фанатично настроенные мусульмане, и в одном недавно изданном путеводителе рассказывается, что без проводника здесь ходить опасно. Я так не нахожу. Признаю, мое появление не послужило сигналом к всеобщей радости, более того: некоторые смотрели на меня так, словно мечтали пырнуть ножом, но это всего лишь привычное для них выражение лица.

Когда разобьешь лед, оказывается, что люди здесь вполне добродушные. Например, я зашел в здание, которое, как мне показалось, было старой церковью времен крестоносцев, и внезапно оказался на арабской мыловаренной фабрике. Меня встретили очень приветливо, стали показывать, как делают мыло, а на прощание настойчиво вручили несколько кусков, так что мне пришлось таскать с собой дополнительный груз, а позже я обнаружил, что этот диковинный продукт совершенно не дает пену.

Но именно в Наблусе я нашел самую странную и самую древнюю секту в мире — самаритян. На протяжении 2500 лет они сумели сохранить чистоту крови. Они претендуют на роль единственных истинных

представителей рода Сыновей Израиля и ненавидят современных евреев так же яростно, как и во времена Христа.

Жалкие остатки этой некогда могущественной народности насчитывают 150 человек. Это не идет ни в какое сравнение с 20 000 мусульман, среди которых они живут.

Самаритяне держатся особняком. Ими управляет первосвященник, чей предшественник многие столетия назад считался главным конкурентом первосвященнику Храма в Иерусалиме. Они посещают свою синагогу, соблюдая древние и весьма необычные правила и ритуалы. Из всего Ветхого Завета они признают лишь Пятикнижие Моисея, а своим наиболее ценным сокровищем называют древний список этой книги на пергамене, написанный, согласно преданию, Аароном, братом Моисея.

Каждый год самаритяне приносят баранов в жертву на вершине священной горы Гаризим. Этот праздник совершается в точности согласно описанию Пасхи, какой она была в ветхозаветные времена. Вся община оставляет дома и разбивает лагерь на вершине горы. Накануне Пасхи, когда наступает полнолуние, первосвященник читает молитвы, а его помощники перерезают горло жертвенным агнцам — неприятная для современного человека, но восхитительная в своей исторической достоверности церемония, последний реликт ритуалов древнего Израиля.

Вход в шатер забрызган кровью. Мясо жертвенных животных жарят и съедают: самаритяне должны заглатывать его крупными кусками, изображая спешку, в которой израильтяне бежали из Египта.

Любопытно, что благодаря евангельской притче за термином «самаритянин» устойчиво закрепился эпитет «добрый», и мы в повседневной жизни пользуемся определением «добрый самаритянин», подразумевая

человека благородного и готового к самопожертвованию. В то время как для евреев, живших во времена Христа, не было людей более жестоких и отвратительных, чем самаритяне. Эти два народа ненавидели друг друга, и современные самаритяне сохранили отвращение по отношению к иудеям, так что это, можно сказать, древнейшая в мире ненависть.

Антипатия родилась в эпоху еврейских царств. Когда умер Соломон, разразилась гражданская война, которая привела к расколу нации: десять колен образовали северное царство Израиль со столицей в Самарии; а колена Иуды и Вениамина создали южное царство со столицей в Иерусалиме. Ассирийцы разгромили государство Израиль и в 721 году до н. э. депортировали десять колен; вавилоняне разорили Иерусалим в 586 году до н. э. и угнали в плен два других колена. Примерно через пятьдесят лет после этого часть потомков колен Иуды и Вениамина вернулись в Иерусалим (и с этого времени появилось слово «евреи») и занялись восстановлением Храма. Они обнаружили, что за годы вавилонского пленения ассирийские колонисты вступали в брак с представителями северных колен и таким образом унаследовали Самарию. Евреи решительно отказались от дружбы и общения с этим смешанным народом; именно тогда и началась древняя вражда.

Я нашел человека, говорящего по-английски, и мы с ним отправились в дом первосвященника. Это маленькая, недавно построенная каменная вилла — старый квартал самаритян был сильно разрушен землетрясением, и секта заново отстроила для себя дома на окраине Наблуса.

Нас пригласили в верхние комнаты, где не было ничего, кроме значительного количества матрацев, свернутых и сложенных на полку, а также нескольких стульев. Первосвященник оказался высоким, худым

горбоносим мужчиной с угольно-черной бородой, словно сошедшим с барельефов дворца Ашшурбанипала. Широким вежливым жестом он пригласил нас садиться, а затем опустился на стул напротив, положил руки на колени и заявил, что наступили тяжелые времена для самаритян. Теперь богатые американцы не проезжают через Наблус. Очень жаль, потому что нужно строить новую синагогу.

Он говорил об Америке, как мог бы рассуждать о ней Фрэнсис Дрейк — как о стране безграничного богатства, он выражал решимость выучить английский язык, чтобы поехать и взять часть этих несметных сокровищ.

С трудом переведя разговор на менее материальные темы, я выяснил, что мой собеседник убежден: его 150 самаритян — единственные на земле люди, что-то понимающие про Бога. Такая глубина убеждения производила впечатление.

Он затронул тему восстановления разрушенных зданий и перестроек в Палестине, как я думал, связанных с землетрясением, но потом я с изумлением понял, что он говорит о восстановлении Храма Соломона Зоровавелем за пять столетий до Рождества Христова.

В комнату вошел бледный юноша-самаритянин, обликом напоминающий скаковую лошадь, он внес поднос с крошечными чашечками турецкого кофе, равнодушно и неспешно предложил их всем присутствующим по очереди, а потом сел в углу, пристально глядя на нас большими трогательными глазами с выражением неискоренимой усталости.

Однако первосвященник непостижимым образом сочетал черты изысканного аристократа и дельца. Ему нужна была синагога, а еще школа. Он отхлебнул кофе и стал рассказывать, что намерен посетить Лондон, чтобы собрать деньги для самаритян. Я ответил, как можно тактичнее, что у Англии довольно много контактов с искателями средств, а также есть весьма насущные

собственные нужды. Но он был уверен в себе, рассматривал свою поредевшую паству как соль земли. Полагаю он бы мог явиться прямоком в Букингемский дворец и потребовать у короля помощи в строительстве новой школы.

Мы вернулись на улицы старого города, чтобы взглянуть на синагогу. Самаритяне так давно сосуществуют с арабами, что стерлись все признаки национальных различий — с точки зрения арабов. Но, я думаю, самаритяне воспринимают арабов, появившихся здесь лишь в 638 году н. э., как чужаков и захватчиков.

Мы прошли по древним улицам, которые едва ли изменились со времен Саладина. Я видел водоноса с мешком из козьей шкуры: он наполнял мешок водой из источника, каменная чаша которого явно была когда-то саркофагом крестоносца. Мы свернули с палящего солнца в темный узкий туннель, где сидели по-турецки мужчины, изготавливавшие циновки или башмаки, где курили кальян, точили плужные лемехи и выпекали сладкие печенья, а сквозь толпу с громким криком брели подгоняемые палками ослы и шагали верблюды с колокольчиками на длинных шеях — отчужденные и высокомерные.

Самаритянская синагога находилась в бедном районе города; это маленькое и темное каменное здание с возвышением, застеленным циновками. Мы уселись на них в ожидании, когда нам покажут знаменитую рукопись Пятикнижия. Она написана древним самаритянским письмом на тончайшем старинном пергамене. Мне пояснили, что рукопись изготовил сам Аарон, а в качестве материала использовались шкуры жертвенных агнцев, зарезанных на Пасху. Однако я полагаю, ученые дали бы более позднюю датировку рукописи; впрочем, в любом случае это весьма древний и замечательный список Пятикнижия.

Его хранят в серебряной шкатулке. Рукопись представляет собой свиток с двумя ручками на противоположных концах, на которые его можно наматывать. Пергамен настолько старый и хрупкий, что по нему во многих местах пошли трещины, он потемнел почти до коричневого тона, и не везде можно разобрать буквы.

То, как небрежно самаритяне обращались со своим сокровищем, ужаснуло меня. Мне позволили взять драгоценный свиток, а затем его вернули в серебряную шкатулку цилиндрической формы.

Самаритяне, толпившиеся перед дверью синагоги, в основном показались мне людьми с явными чертами вырождения. Они действительно являются очень близкими кровными родственниками. Мне сказали, что мужчины числом превосходят женщин. Если чья-либо жена оказывается бесплодной, он может взять вторую супругу. Сохраняется у них и весьма дикий на наш взгляд закон, согласно которому после смерти мужа, его ближайший родственник, но не брат, обязан взять в жены вдову.

Вероятно, это единственный на Востоке народ, который предпочитает рождение девочки появлению сына, что связано с преобладанием мужского населения.

Среди самаритян на протяжении двадцати двух столетий передается из уст в уста любопытная история. Они утверждают: когда Александр Великий предоставил некоторые привилегии иудеям, самаритяне, в надежде получить подобные милости, встретили его на границе Самарии и обратились к нему с мольбой о благоволении. Но, судя по всему, они чем-то разгневали Александра, — чем именно, предание умалчивает. Итак, Александр приказал, чтобы — несмотря на строжайший запрет Моисея ставить идолов, — его статуи были воздвигнуты по всей Самарии. И несчастные самаритяне вынуждены были согласиться.

Несколько лет спустя Александр вновь проезжал через их страну и решил посмотреть на статуи, но ни одной не обнаружил. В ярости он прибыл в Сихем и вызвал первосвященника.

— Как случилось, — спросил Александр, — что самаритяне пренебрегают моими приказами? Разве я не повелел воздвигнуть мои статуи по всей Самарии? Почему вы этого не сделали?

— Но, господин мой, — взмолился первосвященник самаритян, — все выполнено в точном соответствии с твоим приказом.

— Покажите мне эти статуи! — рявкнул Александр.

Первосвященник во весь голос воскликнул:

— Александр!

И со всех сторон к нему кинулись маленькие мальчики одного возраста.

— Мы не решились нанести урон твоей славе, мой господин, — объяснил первосвященник, — изготавливая в твою честь образы из мертвого камня. Мы создали живые образы.

Выяснилось, что сразу после приказания Александра установить статуи в его честь самаритяне по всей стране назвали новорожденных мальчиков Александрями. Не знаю, имеет эта история исторические основания или нет. Но это предание в том стиле, который так нравился Иосифу Флавию, хотя в его трудах данная легенда и не рассказана. Я слышал ее от человека, который много лет изучал историю и фольклор самаритян.

5

В книге сэра Гарри Льюка «Церемонии в святилищах» можно найти следующее описание самаритянского жертвоприношения на горе Гаризим:

К заходу накануне Пасхи завершены все приготовления к жертвоприношению. В стороне от лагеря находится маленькая продолговатая площадка, обнесенная низкой каменной стеной, — это молитвенное место; рядом прорыта канава, которая начинается у алтаря из грубо обтесанного камня; возле него в медных котлах кипит вода. В нескольких ярдах расположена круглая яма или печь, вырытая на возвышенном участке, глубина ее примерно шесть футов, она выложена камнями; здесь будут жарить овцу, которую зарежут на алтаре, так что печь должна быть к нужному времени раскалена, поэтому в ней заранее разводят костер и в течение многих часов жгут ветки кустарника. Животные, каждое из которых является «агнцем безупречным, первогодком мужского пола», до того свободно бродившие по лагерю, теперь собраны в стадо молодыми пастухами и приведены к алтарю, где верующие приступают к первому акту молебна, включающего в себя «жертвенные молитвы». Все одеты по этому случаю в белые льняные одежды, лица собравшихся обращены к Святой Святым самаритянского храма, первосвященник занимает место во главе конгрегации. Следует отметить, что каждый мужчина перед молитвой производит обязательный ритуал омовения, сходный с мусульманским, каждый стоит на коленях на отдельном молитвенном коврике, и в определенные моменты богослужения все prostираются ниц, касаясь лбом земли — в точности так же, как это делают мусульмане. Эта практика и ряд самаритянских литургических формул, аналоги которым можно найти в Коране, позволяет заключить, что

самаритяне оказали существенное влияние на церемонии и формы богослужения ислама.

Когда солнце склоняется за горизонтом, первосвященник оборачивается к конгрегации и приступает к чтению главы 12 книги Исход, причем все рассчитано по времени так, чтобы слова «тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского»⁵³ были произнесены в момент исчезновения солнца. На слове «заколет» каждый из трех помощников, которые уже стоят наготове с агнцами, перерезает горло барашка одним быстрым движением (нож должен лишь раз прикоснуться к агнцу, чтобы жертва не издала ни звука), затем быстро перепрыгивает к следующему животному с той же целью. Для гостя, непривычного к такому зрелищу, предсмертные конвульсии барашков едва ли станут приятным впечатлением, но для собравшихся на церемонию самаритян перерезание очередного горла является сигналом к взрыву радости, люди кричат, поют и хлопают в ладони. Молодой священник собирает часть пасхальной крови в специальную емкость, перемешивает веткой дикого тимьяна и обмазывает ею входы во все шатры, в соответствии с указанием книги Исход, в то время как дети окунают пальцы в кровь и наносят по несколько капель себе на лица. Затем кипящая вода выливается на туши барашков, чтобы легче было удалить шерсть; шкура остается нетронутой, дабы защитить мясо в печи. Как только животные очищены от шерсти, они проходят тщательный ритуальный осмотр, и все туши, которые сочтут небезупречными, будут отброшены. Такое случается редко, но при мне одно животное

было забраковано. Животное, которое успевает издать звук в момент убийства, также отвергается. Настает время для самого жертвоприношения Всемогущему, «и обе почки и тук, который на них, который на стегнах, и сальник, который на печени, с почками он отделит это. И сожжет их священник на жертвеннике; это пища огня — приятное благоухание Господу»⁵⁴, — все это собирается и помещается на алтарь, под которым заново разводят огонь, и так сжигают жертвоприношения до полного их уничтожения.

Тем временем туши готовят для погружения в печь. Из задней части вытягивают определенное сухожилие, в соответствии с указаниями книги Исход (потому что самаритяне утверждают, что знают, какого именно сухожилия коснулся ангел в ране на бедре Иакова), на мясо высыпают соль, согласно книге Левит. Правая передняя нога барашка и часть головы отделяются от туши, их жарят отдельно как долю священников, потому что «грудь принадлежит Аарону и сынам его, и правое плечо, как возношение, из мирных жертв ваших отдавайте священнику»⁵⁵. Затем туши насаживают на вертела и опускают в печь, к этому времени покрытую землей. При этом верующие громко кричат: «Нет Бога кроме Единого» — фраза, которая послужила прообразом для мусульманского канонического *ла иллаха илла 'ллах* («нет Бога кроме Аллаха»).

После этого вновь молятся и читают фрагменты священных текстов, что продолжается все время приготовления мяса, и в ходе этой церемонии первосвященник поднимает над головами собравшихся свиток

Пятикнижия. Когда барашки зажарились, печь открывают, мясо распределяют между всеми присутствующими и едят «с пресным хлебом и с горькими травами»⁵⁶, причем особо следят за тем, чтобы ни одна кость не была сломана; и старейший в мире ритуал, суть самого бытия самаритян как народа, подходит к завершению.

6

По мере того как дорога проносится через широкую зеленую равнину Изреель и взбирается на горы, на которых высится Назарет, приезжий может думать лишь о детстве Иисуса. Каждая скала, каждый холм здесь имеют особое значение, ведь они не изменились с тех пор, и Он должен был знать эти самые скалы и эти самые холмы. Оглядываясь назад, видишь простирающуюся до неба равнину, а в стороне, на западе — отроги Кармеля, одной из самых важных точек во всем маршруте.

Когда на вершине холма дорога выравнивается и устремляется к снежно-белым домам Назарета, к тысячам кипарисов, формой напоминающих острие копья, к террасам, на которых растут фиги и оливы, вы видите перед собой город именно таким, каким его себе воображали. Даже Вифлеем не так радуется глаз. Но проезжающая машина привлекает толпы местных детей, жадно протягивающих руки и пронзительно требующих «бакшиш». А стоит выйти на улицу, вы немедленно почувствуете себя настоящей жертвой преследования.

Маленькие, но чрезвычайно настырные дети окружают вас плотной стеной, невероятно высокими, визгливыми голосами выкрикивают: «Бакшиш!», за ними надвигаются сомнительные личности, пытающиеся навязать вам открытки и проникновенно

нашептывающие: «Изображение источника Богоматери, очень дешево», а среди тех, кто набрасывается на чужестранца и тянет его за рукава и полы одежды, особенно выделяются старухи с кружевами, намотанными на картонки, и табличками, которые гласят: «Дорогой друг! Не будешь ли так добр взять это для своего магазина или для того, кто захочет приобрести ручную работу, спасибо за услугу. Не забывай обо мне!»

Возможно, несколько инфантильно приходить в ярость от того, что впечатление от Назарета испорчено ордой шумных ребятишек, и от того, что прибытие в один из немногих городов мира, который должен вызывать душевный трепет, омрачено уличными торговцами, оскверняющими святость этого места, и от того, что назойливые самозваные проводники предлагают отвести вас «к дому, где жил Иисус», как их египетские собратья убеждают вас, что отлично покажут все виды Каира. Но я так не думаю. Существуют на свете места, которые должны оставаться серьезными, тихими и исполненными покоя.

Однако это не вина бедных детей и уличных торговцев. Если они ведут себя скверно, то ответственность за это несут, скорее, толпы туристов, нахлынувших на Назарет, как заполняют они Стратфорд-на-Эйвоне, при этом проявляя примерно один склад ума.

Очень жаль, что некоторые священные места в Палестине не находятся на вершинах неприступных гор, чтобы до них можно было добраться лишь по опасной горной тропе, верхом на мулах.

В Назарете вам покажут множество святых объектов, но, вероятно, единственное из них является по-настоящему достоверным — это источник Богоматери. В Назарете никогда не было других источников водоснабжения. Ручей берет начало в горе и сбегает вниз, к общественному бассейну, из которого

целый день женщины наполняют канистры из-под бензина. Греки построили над тем местом, где начинается источник, церковь, и когда спускаетесь в сумрак святилища, вы слышите журчание воды внутри скалы. Вероятно, именно из этого источника брала воду Дева Мария.

Проходя по узким улочкам города, я наткнулся на целую улицу деловито трудившихся плотников; они орудовали рубанком и долотом. Эти люди, работающие прямо на улице, в арочных проемах стены, в основном арабы-христиане, и наиболее типичный их продукт — деревянная колыбель-качалка, распространенная по всей Галилее. Эти колыбели всегда окрашивают в синий цвет, так как считается, что он отгоняет злых духов.

Стоя посреди гор деревянной стружки, насыпанной вокруг мастерских Назарета, невольно задаешься давним вопросом: «А Иисус работал в плотницкой Иосифа?» Евангелист Марк называет Его «плотником», но Матфей — «сыном плотника». Часто предпринимались попытки на основе анализа образов и сравнений, используемых Иисусом, проверить, работал ли Он плотником на протяжении тех долгих лет жизни, о которых мы ничего не знаем. Но все эти рассуждения слишком шатки для всех, кроме профессиональных комментаторов библейского текста.

Вспомним такие слова у Фомы: «Расколешь кусок дерева и там найдешь Меня» и у Луки: «Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» — а еще метафору соринки и бревна в глазу. Конечно, к этому мы могли бы добавить и притчу о доме, выстроенном на песке.

Мне было любопытно обнаружить среди плотников нынешнего Назарета два рода мастеров: одни — современные, делают мебель, готовят строительные материалы, другие — старомодные.

Если Иисус перенял ремесло Иосифа, нам следует представлять Его как одного из старомодных плотников Назарета, которых можно еще найти сегодня. Приемы труда не изменились.

Их заказчики — крестьяне и работники из окрестных сел. Они заключают контракт на год на осуществление мелких работ и починку инвентаря, всех инструментов, которыми пользуются в деревне. Платят за работу зерном, в объеме, который может перевезти один бык. В конце года сельский плотник обходит всех клиентов и собирает плату ячменем, пшеницей, кунжутом или маслинами.

В прежние времена этим плотникам приходилось выполнять гораздо больше работы. Они делали также двери и оконные рамы из карликовых дубов Башаана, арабы называют эту породу дерева *сииндиан*. Но эта отрасль деятельности ныне монополизирована современными ремесленниками, которые изготавливают более дешевые предметы из австралийской древесины.

Я забрел в одну хибарку, где очень старый человек сидел на полу на корточках среди груды ароматно пахнущих кусочков древесины и стружек, работая ручным сверлом. Вокруг него лежали разнообразные фрагменты и готовые образцы ярма, плуга и других сельскохозяйственных орудий. Это был самый настоящий палестинский плотник старого закала — персонаж, который не изменился за прошедшие сотни лет с момента появления здесь израильтян.

Пока я исследовал улицу плотников, на ум мне пришло весьма существенное замечание Юстина Мученика, который писал, что Иисус «будучи среди людей, работал плотником, изготавливая плуги и упряжь, обучая таким образом праведности и деятельности».

Существует древняя любопытная легенда о том, как император Юлиан Отступник пытался сокрушить христианство и вернуть языческих богов, и вот однажды

он спросил у христианина: «Что теперь делает Плотник?». И христианин ответил: «Он делает гроб». Суть истории была в том, что Юлиан вскоре умер.

Судя по всему, среди первых христиан были те, кто верил, что Иисус практиковал занятия ремеслом, а другие благочестиво полагали, что такая скромная работа принижает Его достоинство, а потому отрицали этот факт. Однако вряд ли стоит сомневаться, что плотник Иосиф в точности походил на современных сельских плотников Галилеи, чьи навыки служат целой деревне и чья плата за труд поступает в период сбора урожая.

7

Я прибыл в Хайфу когда уже стемнело. Я видел огни порта и маслянистую неподвижную воду, высокие тени кораблей и линию гор, перекрывающую часть звездного неба. Отель показался мне случайно занесенным в дальние края осколком Англии: удобные кресла, старый дуб, десятки иллюстрированных журналов, заполненных отвратительными фотографиями, сделанными на традиционном ежегодном балу охотников. Я прямоком отправился в постель, лишь на мгновение задержавшись на балконе в своем номере. Я слышал звук средиземноморских волн, набегающих на песчаный пляж неподалеку, я видел свет, доходящий через море с вершины горы Кармель...

А потом раздался звук охотничьего рожка, призывающего к пробуждению! Полусонный, я лихорадочно перебрал в памяти все образы, ассоциирующиеся у меня с подобным подъемом. Но рожок затих, и в утренней тишине завизжала волынка. Я встал с кровати и вышел на балкон. Солнце уже взошло, море сияло голубизной, а половина горы Кармель была

скрыта, словно вуалью, белоснежным туманом. Напротив моего отеля находилась парадная площадка, окруженная хижинами, крытыми жестью. Из коричневой, спекшейся на жаре почвы торчали два флагштока. В самом центре этого обширного открытого участка медленно вышагивал волынщик, наигрывавший «Эй, Джонни Коуп». Он шел по хорошо утоптанной земле, белая шотландская сумка мехом наружу ритмично подпрыгивала на темно-зеленом тартановом килте Сифорта, развевались на ветру ленточки, а волынка уютно устроилась подмышкой.

О, это было зрелище, тем более поразительное, что оно происходило столь далеко от дома.

Два араба, которые вели косматого мула, остановились в восхищении возле проволочного ограждения и засмотрелись, а из хижин уже доносились знакомые мне звуки: просыпались солдаты, громко топая и спотыкаясь. Голубые волны набегали на песок. В утреннем свете гора Кармель, на вершине которой пророк Илия получил огонь с небес, показалась вдруг похожей на Эдинбургский замок.

Когда я спустился к завтраку, в холле стоял майор батальона сифортских горцев. Он сказал мне, что этот, второй по счету, батальон только что прибыл из Индии. Затем, с типично шотландской прямоотой, развернулся ко мне и зацепил верхнюю пуговицу моего пиджака маленьким ребристым стеклом.

— Я знаю, кто вы, — заявил он, — потому что видел ваше имя в регистрационной книге отеля. И я не побоюсь связаться с вами.

И, глядя прямо и жестко ярко-голубыми глазами, добавил:

— Вы уверены, что дом Энни Лоури^[9] выглядит именно так, как вы описали его в своей последней книге о Шотландии?

— Думаю, да.

— Ну, а я в этом не уверен. Энни Лоури была среди моих предков, и я отлично знаю ее дом. У меня на квартире есть несколько снимков. Не хотите ли взглянуть на них вечером?

Появился ординарец, и потомок Энни Лоури вышел вместе с ним на пыльную дорогу, что вела к спекшейся и утрамбованной парадной площадке.

Слуга-бербер в столовой, вероятно, решил, что меня очень забавляют яйца-пашот.

8

В тех немногочисленных случаях, когда я не чувствовал себя полумертвым после целого дня путешествий, я читал перед сном, лежа в постели, три хроники крестоносцев — Ришара Девиза, Жоффруа де Винсофа и Жана де Жуанвиля, сенешаля Шампани. Их повествование заставляло меня еще глубже задуматься, к какой категории следует относить крестовые походы: религия, коммерция или колонизация? Похоже, они с начала до конца представляли собой хаос самых разнообразных переплетенных мотивов.

Однако эти три автора зажгли во мне желание посетить руины великого замка крестоносцев Атлит или, как его называли в старые времена, Каструм Перегринорум (Замок Паломников), который находится в 14 милях к югу от Хайфы.

В отеле выразили сомнение в том, что мне удастся туда добраться, потому что дорога по большей части непроезжая после дождя, но обещали позвонить в полицию и узнать, какова ситуация. В полиции заверили, что дорога высохла, так что я двинулся в путь.

Нам предстояло проехать вокруг горы Кармель. Прибой с пеной обрушивался на золотистый песок на протяжении миль побережья, дорога шла по ровной

зеленой местности, переходившей далее в равнину Шарон. Милях в трех от Хайфы я заметил великолепный караван верблюдов, примерно из двадцати животных, медленно ступавших по самому краю волн. Порой белая пена омывала их ноги, и все вместе производило впечатление странного видения иного мира. Этой дорогой шли караваны и во времена Соломона. Такой караван уносил в Египет юного Иосифа. Римские легионы, маршем из Антиохии в Кесарию, прошли этим путем и, без сомнения, как и верблюды, наслаждались белой пеной, омывавшей их обнаженные ноги. Крестоносцы с развевающимися знаменами ехали вдоль этих желтых песков, и многие столетия паломники брели здесь, вдоль моря, к Гробу Господню, опираясь на посохи с эмблемой-ракушкой, с обожженными солнцем лицами, устремляясь к граду Божьему.

Дорога сильно испортилась. Появились огромные ямы, в которые могла провалиться целая лошадь. Тут и там раздраженные путешественники, понимая, что эти провалы не преодолеть, сворачивали с основной колеи и ехали по полю молодой пшеницы, так что постепенно образовались две дороги — старая и новая, тянувшиеся бок о бок, иногда сливающиеся в одну, а на трудных участках разделяющиеся.

Когда я поднялся на хребет Кармель, глубоко врезающийся в равнину, пространство расширилось: передо мной раскинулась прекрасная зеленая территория, засеянная весенними культурами. Земля местами была усыпана изумительными дикими цветами. Я много раз встречался с людьми, хорошо знающими Палестину, и все они в один голос восхищались ее весенними цветами, но, по правде говоря, не могу сказать, что они явно превосходят цветение английского весеннего леса. Вспомните о наших колокольчиках, как голубой туман стелющихся среди травы, о ярких наперстянках, бледно-желтых примулах, фиалках,

медуницах, о болотных касатиках, о скромных, но очаровательных лютиках, о замечательных, хотя и не любимых многими одуванчиках. Меня не смогут убедить в том, что дикие цветы Палестины прекраснее наших; но признаю: они поразительно красивы.

Тут и там я проезжал через поля кроваво-красных и алых анемонов, которые в Библии названы «лилиями долины», огромные участки дороги были заполнены сладким ароматом белых нарциссов, известных под именем «роза Шарона» или «нарцисс Саронский». Переводчики Библии были смущены словом *абацеллет*, которое они передали как «роза». Но современные ученые утверждают, что его следовало переводить как «нарцисс».

Я нарцисс Саронский, лилия долин [57](#).

Так пел Соломон, согласно традиционной версии. Но доктор Джеймс Мофетт настаивает на более точном, хотя и менее музыкальном переводе библейского текста:

Я всего лишь полевой цветок, я простой ландыш.

Странно, но в прежнем переводе вы ощущали аромат цветов, а в новом их можно засушить между страницами книги или, что еще хуже, положить в музей под стекло.

Может быть, слова «Я всего лишь полевой цветок, я простой ландыш» и являются точным переводом, но фраза «Я нарцисс Саронский, лилия долин» обладает красотой авторского поэтического текста.

На дороге я встречал лишь диковатого вида мужчин, которые вели стада черных с подпалинами коз, нескольких арабов на ослах, и один раз — машину, в

которой сидел городской араб в сопровождении трех жен. Он занимал переднее сиденье, рядом с водителем, а женщины сгрудились на заднем, закутанные до самых глаз, они качнулись все вместе, когда машина резко свернула, чтобы обогнуть ухаб, и в этот момент показались мне похожими на трех черных коз. От основной дороги в сторону сворачивала другая — она вела к пескам и к разрушенному замку Атлит.

Великая крепость лежала среди скал на берегу, словно боевой корабль, выброшенный на рифы и разбитый приливом. Ничто не давало мне столь ясного представления о многонациональном характере крестовых походов, как этот колоссальный останец города, потому что абсурдно называть его замком. Общая территория, включая торговые предместья, окружавшие цитадель, должно быть, составляла не менее пятидесяти акров. Это был один из базовых лагерей европейцев при завоевании Палестины, и даже в запустении он выглядел величественным, тем паче что был и последним оплотом крестоносцев в этих землях.

В самой середине руин примостилась арабская деревушка, ее жители карабкаются по развалинам готического замка, чтобы первыми показать путнику славу и величие этого места. Они ведут под своды, напоминающие пещеру, в гигантские часовни и оружейные палаты; указывают на бастионы, на глазах разрушающиеся, которые когда-то возводили навеки.

В 1218 году здесь был главный центр рыцарей-тамплиеров, который в течение семидесяти лет оставался оплотом христианского владычества на Востоке. Померкнувшая слава великих христианских орденов печально и наглядно представлена этими руинами, но, обследуя их, я вспомнил, что в Святой Земле есть еще одно место, где ордена крестоносцев сохранили свое исконное предназначение — ухаживать за больными и ранеными. Это офтальмологическая

больница ордена Св. Иоанна Иерусалимского, чей приорат в Кларкенвелле, кстати, является одной из достопримечательностей Лондона. Восстановление Великого приората Англии около столетия назад и его впечатляющая деятельность по уходу за больными во время мира и войны придают новый смысл избитому слову «романтика».

Крест ордена парит над Иерусалимом, над больницей, полное название которой звучит как голос труб крестоносцев: «Офтальмологическая больница Великого Приората Британского королевства священного ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского». Внутри современного белого здания нет политики: мусульмане, христиане и иудеи получают одинаковую помощь и уход, а во главе учреждения стоит один из ведущих хирургов-офтальмологов мира. Некоторое представление о размахе работы ордена Св. Иоанна в Палестине можно получить по тому факту, что ежегодно клинику посещают 80 000 человек, и за год здесь проводится более 3000 операций.

Я полагаю, что руины великого замка крестоносцев, подобного Атлиту, вероятно, являются наилучшей обстановкой для того, чтобы воздать должное великому религиозному ордену, по-прежнему хранящему изначальную чистоту побуждений.

Я направился дальше на юг, чтобы воочию увидеть меланхоличное запустение Кесарии. Во времена земной жизни Иисуса здесь находился порт, по размерам не меньший, чем Пирей. Его пристань, строения и прекрасные улицы прославились по всему миру. Ирод, который начал строительство города в 25 году до н. э., потратил двенадцать лет на его завершение, для этого он пригласил лучших архитекторов своей эпохи, самых образованных инженеров, так что Кесария занимала среди городов древней Палестины то же место, которое

сегодня в мире принадлежит Нью-Йорку. Все улицы вели к гавани и пересекались под прямым углом широкими проспектами. Это действительно была модель идеального города, заимствованная впоследствии американцами! Обнаружены даже остатки подземных дорог, соединявших различные районы города. Здесь были великолепные театры и ипподром, а фасадом к морю располагался мраморный храм, построенный Иродом в честь его покровителя, римского императора.

Можно вообразить, как охотно римляне приняли власть над этим блестящим морским портом, как доволен был Пилат, который предпочитал жить здесь, в замечательном дворце Ирода, а не в древнем и диком Иерусалиме. Именно из Кесарии Пилат прибыл на Пасху, во время которой был осужден и распят Иисус; именно в Кесарии многократно бывал апостол Павел, в том числе один раз — под стражей, доставившей его из Иерусалима; именно в Кесарии легионы провозгласили императором Веспасиана.

А сегодня здесь ничего нет. Море набегает на пустынный пляж. На некотором расстоянии от береговой линии высится скала — возможно, один из реликтов знаменитого порта, отмечающий место дворца, где жил Пилат, прекрасного форума, большого ипподрома и цирка, которые теперь превратились в череду сельскохозяйственных угодий^[10].

Глава шестая

Галилейское озеро

Я еду к Галилейскому озеру, останавливаюсь в Тиверии. Я брожу по горе, на которой когда-то стоял дворец Ирода Антипы, а потом отправляюсь на рыбалку с галилеянами.

1

«Галилея» — одно из самых прекрасных слов, которые мне доводилось слышать. Даже если бы удалось отстраниться от воспоминаний о пастырстве Иисуса, это название все равно звучало бы красиво, мелодично, как шелест воды, плещущей о берег. Это слово настолько же мягкое, насколько твердым является название «Иудея»; «Галилея» звучит нежно, а «Иудея» — сурово. Нет необходимости посещать Святую Землю, чтобы осознать скалистую сухость «Иудеи» или расслышать звучание воды, падающей с весел, в имени «Галилея».

Слово «Галилея» означает «кольцо», или «местность», или «язычники». Еврейское понятие *галил* значит «круг», вообще все округлое. Этот регион никогда не был полностью населен евреями, даже в самые древние времена. Десять городов Галилеи были дарованы Соломоном Хираму, царю Тирскому, как плата за строительство Храма, вторжение языческих народов продолжалось и в последующие эпохи. Когда Иисус отправился жить в Галилею, западный берег озера был окружен кольцом городов и рыбацких деревень, в которых сильно чувствовался не-еврейский элемент. Чистокровные, ортодоксальные евреи Иерусалима

свысока смотрели на галилеян, подсмеивались над их диалектом, над тем, как они произносят гортанные звуки. Те, кто стоял во дворе первосвященника после ареста Иисуса, сразу опознали апостола Петра как последователя Христа. «Ты — галилеянин, — сказали они, — и наречие твое сходно»⁵⁸. Забавные ошибки в грамматике и нелепые ляпсусы в произношении постоянно приводились верховными правителями Иудеи как доказательство тупости и неотесанности жителей Галилеи.

Однако можно предположить, что, освободившись от раввинистической жесткости Иудеи, Галилея обрела возможность приближения к идеалу ярко выраженного национализма. И если жители Иудеи были скованы строгими формальными рамками, галилеяне постепенно проявляли склонность к рассуждениям и независимости мнений. Не случайно Иисус отправился сеять семена нового учения на восприимчивые берега Галилеи...

И теперь, когда мне пришло время отправиться на берега Галилейского (Тивериадского) озера, я почувствовал нарастающее волнение. Не будет ли эта страна обесценена соперничеством в области благочестия так же, как другие части Палестины? Осталось ли там какое-то напоминание о Христе? Я не знал. Я понимал только, что Галилея должна стать для меня настоящим приключением в Святой Земле. Теснее, чем любое иное место на земле, она связана с Иисусом Христом, и как только произносят прекрасное слово, сразу встает перед глазами Его образ — не того Христа, о котором проповедовал апостол Павел, а того Иисуса наших сердец, который созывает малых детей и сажает их на колени, кто учит евангелию любви и сочувствия, обращенному к униженным, «простецам» и занятым тяжелым трудом.

Какой-то инстинкт подсказал мне, что нужно остановиться на горе по дороге к Назарету. Я взглянул назад, на юг, и передо мной развернулась панорама страны, хранящей столько воспоминаний о бедствиях и победах народа.

Я смотрел на равнину Изреель, раскинувшуюся, как гладкое зеленое море, вплоть до отдаленных гор Самарии. Тени облаков плыли по ней, словно призраки древних армий, пересекавших некогда эти просторы. Там, внизу, состоялось не менее двадцати крупных сражений. Эта плоская земля знала гром колесниц Египта, Ассирии и Вавилона. Где-то на равнине Барак разбил ханаанеев. С ее зеленых полей Гидеон повел мидианитян к Иордану. В горах за моей спиной Саул шел ночью, чтобы получить совет Аэндорской волшебницы, а днем увидел свои армии поверженными, а сыновей убитыми. Там, внизу, мертвое тело царя Озии волокли торжествующие египтяне, а потом его доставили в переполненный горем Иерусалим.

Темно-бурые горы на юге, горы Самарии, помнят грозные обвинения Илии. Они слышали пламенные слова и видели пророческий огонь в его глазах. На горизонте виднелся холм, на котором простирался виноградник Набота, и холм, на котором приняла смерть Иезавель. Направо разрезал небо длинный, плавных очертаний хребет Кармил, который видел жрецов Ваала и огонь, обрушившийся на них с небес по слову Илии, желавшего их сокрушить.

Я смотрел еще некоторое время на эту часть гигантской карты ветхозаветной истории, а потом двинулся к Назарету; и дорога повела меня на вершину очередной горы. Там я снова остановился, уже не по

инстинкту, а от изумления; потому что далее, к северу, передо мной лежал новый мир — Галилея.

Я не знаю названия этой горы, но всегда думаю о ней как о горе двух Заветов. К югу раскинулся Ветхий Завет; к северу — Галилея и Новый Завет. Глядя на север, на эту открывшуюся перед взглядом страну, я невольно подумал, что эта гора воплощает собой титульную страницу, которую книгоиздатели помещают в Библии между пророческими книгами и историей жизни Христа. И, хотя не исключено, что Иисус не посещал все места, которые теперь называют священными, Он, несомненно, еще в детстве стоял на этой горе. Он должен был знать все призраки своего народа, толпившиеся на юге, и с нежностью и любовью смотреть на спокойную и прекрасную страну на севере и дорогу, что сбегала с горы к озеру.

Легко вообразить, как Он поднимается на эту гору, когда солнце клонится к морю, и спускается, поспешая в Назарет до наступления сумерек. На равнину Изреель надвигается ночь, и горы Самарии уже покрыла тень. Но последнее, что исчезает от взора на равнине внизу, — белая полоса дороги, проходящей от Самарии, через дикие края Иудеи, до самого конца, до врат Иерусалима.

Спускаясь в Галилею, я понимал, что уже немало узнал о евангелиях такого, что невозможно понять иным образом, не посетив эту землю. Назарет стоит на границе между севером и югом. Чтобы въехать в Галилею, необходимо развернуться спиной к сцене, на которой разыгралась ветхозаветная история, и что-то в самой природе страны придает этому ощущение принципиального жеста: невозможно попасть в Галилею, не осознав, что говоришь «прощай» Иудее. И пока не пересечешь гору двух Заветов, разум не может полностью освободиться от могучего гипноза Иерусалима.

Удалившись в Галилею, Иисус совершил символический акт. Он развернулся спиной к миру Ветхого Завета, и с этого момента начинается история Нового Завета.

Любой человек неизбежно почувствует разницу между этими двумя мирами. В Новом Завете нас словно переносят из темного и свирепого Востока в светлый и легкий, почти европейский мир. На самом деле здесь уже чувствуется Рим. Суть ветхозаветного мира олицетворяет непоколебимый, исключительный Иерусалим; центр новозаветного — многонациональная Галилея, страна, которую во времена Христа пересекали две военные дороги с севера и древний караванный путь с востока, страна, в которой встречный странник мог оказаться посланником, скачущим в Кесарию с известием о смерти императора, или сборщиком податей, возвращающимся из Дамаска, или греческим зодчим на пути к месту строительства нового театра в Джераше в Десятиградье.

Этот деловой, оживленный перекресток международных путей был тем самым местом, где Иисус начал проповедовать свое учение. Он — единственный из всех пророков — добровольно ушел из Израиля, отделив Себя от теологической крепости Иудеи. И дороги, которые Он выбирал, не были дорогами священников, раввинов, потому что это были дороги всего мира. И на пути, ведущем с горы от Назарета к Галилейскому озеру, ощущаешь первую надежду, которую дарует христианство.

3

Дорога спускалась к зеленой долине, ограниченной со всех сторон холмами. Темные силуэты ястребов, наблюдающих за происходящим на земле, парили в

воздухе. Время от времени одна из птиц камнем падала с неба и так же стремительно взмывала вверх. Нагромождение скал, среди которых росли терновые кусты, тянулось вдоль дороги, образуя склоны холмов вплоть до самой долины; а в глубине впадины протекал небольшой ручей. После высыхающих от жажды высокогорий Иудеи, где сохраняют в резервуарах-цистернах каждую каплю дождя, журчание бегущей воды казалось удивительной экстравагантной роскошью. Синие ирисы в изобилии росли на влажных участках.

Слева я увидел беспорядочно выстроенный темный город на холме, вершину которого венчал замок крестоносцев, лежащий в руинах, но все равно доминирующий над местностью. Это был Сефор, который Ирод Антипа сделал столицей тетрархии как раз во времена Христа. Вечно по-рабски заискивая перед высшей властью, Ирод назвал город Диокесарией, то есть «Божественной Цезареей», в честь Августа, а несколькими годами позже он назвал свою новую столицу Тиверией в честь преемника Августа. Невольно задумаешься: неужели римские цезари действительно были падки на такое архитектурное раболепство?

На полпути вниз с горы находится жалкая деревушка под названием Райне, которая так и не оправилась после землетрясения 1927 года. Дома там все еще лежат в руинах, стены обрушились. Если возникает желание увидеть библейский город, каким он был после нашествия войск Саула или Давида, стоит взглянуть на деревню Райне.

У подножия горы расположена другая обедневшая арабская деревня. Голые скалы чередуются с разбросанными на расстоянии друг от друга пшеничными полями; а дальше лежит широкая зеленая равнина, которую средневековые пилигримы считали местом, где Иисус в субботу собирал колосья пшеницы.

Эта деревушка называется Кефр Кенна, искаженное евангельское Кана (Кана Галилейская), в которой Христос на свадебном пиру превратил воду в вино.

В Кенне есть две церкви, одна — простая греческая, а другая — францисканская, представляющая археологический интерес. В первой толстый греческий священник с готовностью показывает две каменные урны, по его словам, это и есть сосуды, в которых на празднике совершилось чудо преобразования воды. Полагаю, одна емкость — это крестильная купель XVIII века, а другая, насколько я могу судить, не старше XVI века. Если выразить сомнение по поводу этих реликвий, священник лишь пожмет плечами. Самое лучшее, что можно о нем сказать, — что он, вероятно, сам верит в это предание.

С другой стороны, францисканская церковь весьма интересна. Она построена на месте древней церкви, которая стояла здесь в 726 году н. э., и традиция гласит, что именно здесь и происходил брачный пир. Францисканцы, обладающие острым взглядом и чутьем на настоящие реликвии, предположили, что руины старой церкви лежат ниже уровня почвы, и в 1641 году начали переговоры о приобретении данного участка. Двести пятьдесят лет спустя они получили наконец разрешение возвести здесь часовню! Терпение — одна из безусловных добродетелей францисканцев в Святой Земле.

Один из братьев провел меня под хорами в темную крипту, в которой сохранилась старинная цистерна, а также еврейский кувшин, действительно невероятно старинный: в этом маленьком музее представлен целый ряд объектов римской эпохи, найденных при раскопках, включая византийские мозаики и монеты Константина Великого. Нет сомнения, что францисканцам удалось найти византийскую церковь, стоящую на месте проведения брачного пира.

Дорога сворачивает, огибая Кенну, и ныряет в просвет между холмами. Странная, седловидная гора вздымается слева. Она известна как Рога Хаттина: в ее тени Саладин разбил крестоносцев и подвел черту под восьмидесятивосьмилетним существованием Латинского королевства Иерусалима.

Внезапно в тысяче футов внизу видишь ярко-голубую ленту. Это первое впечатление о Галилейском озере. Как со дна горного ущелья можно, подняв голову, увидеть голубую полосу неба, так и здесь, глядя вниз, замечаешь далекую голубую полосу воды, обладающей небесной синевой. Первый взгляд на Галилейское озеро — одно из самых священных воспоминаний о Палестине.

С этого места дорога непрерывно идет под уклон. Воздух становится более жарким. Сразу вспоминаешь о жаре долины Иордана. Продолжая спуск в горячую впадину, в конце пути — в семистах футах ниже уровня моря — оказываешься в тени пальм, среди зелени, возле голубого озера и белых крыш Тиверии.

4

Маленький отель в Тиверии стоит рядом с озером. Из своей комнаты я мог смотреть вдаль, над плоскими крышами домов и сквозь ветви эвкалиптов, на полосу голубой воды, окаймленную горами, такими же голыми и того же лилово-розового цвета, как Моавские горы в Иерихоне. В номере было душно и жарко, но, в отличие от сухой, безветренной жары Мертвого моря, здесь дует легкий, смягчающий погоду бриз с озера — недостаточно сильный, чтобы шевелить кроны пальм, но способный волновать листья эвкалиптов.

Я выяснил, что, прибывая в палестинский отель, следует подняться по правой лестнице до самого верха. Там всегда есть плоская крыша, с которой открывается

отличный вид на город — где бы вы ни находились. Я вышел на широкую, как теннисный корт, площадку, столь ослепительно-белую, что пришлось сразу же надеть темные очки. А затем взглянул на Тиверию.

Я увидел сотни белых домов с плоскими крышами, сбегających вниз по плавному склону холма и образующих художественный беспорядок на берегу озера. Небольшие белые купола чередовались с прямоугольным единообразием жилых домов. Тут и там высились минареты, подобные по форме грузинским перечницам, они издали видны над куполами и плоскими кровлями. Одна темная и узкая главная улица пересекала множество переулков, и эта единственная улица была переполнена мужчинами и женщинами, детьми, осликами и верблюдами. За городом виднелись высокие зеленые горы, на склонах которых белело несколько домиков.

Передо мной лежало Галилейское озеро, легкий ветерок гнал по нему рябь. Цвет воды менялся, пятна темно-синего и голубого чередовались с бледно-зеленым. Я задумался: с каким другим озером можно сравнить это, и понял, что все попытки напрасны. Император Тит собирался назвать озеро Невшатель в Швейцарии Галилеей, потому что оно напоминало ему Галилейское, но, должно быть, потом передумал. Озеро имеет сердцевидную форму, самая узкая часть — на юге. Озеро тринадцати миль в длину, а в самой широкой части достигает семи миль. Лох-Ломонд в Шотландии на одиннадцать миль длиннее, чем Галилейское озеро, но ни в одном месте не достигает такой ширины. Луг-Нид в Северной Ирландии на пять миль длиннее, на четыре мили шире. Со всех сторон озеро окружено горами. На западном берегу горы покрыты зеленью; на восточном берегу — отвесные темные скалы, часть которых образует естественный барьер к востоку от Иордана и спускается к югу, параллельно реке, достигает Мертвого

моря и идет дальше, до залива Акаба. Когда я посмотрел на север, передо мной открылся вид, который поражает каждого, кто бывал в Галилее: величественный горный хребет, покрытый снегом. Он стоит на севере как щит. Снег в ущельях этих гор не тает даже в разгар лета. Там находится гора Хермон, гора Преображения.

Почему невозможно сравнивать Галилейское озеро с любым из европейских озер? Прежде всего из-за субтропического климата. Это маленькое внутреннее море, оставшееся в начале тропической впадины, отделяющей Палестину от Аравии. Оно расположено на семьсот футов ниже уровня моря, как и второй водоем, связанный с той же трещиной в земной коре, — Мертвое море, отделенное многими милями и оставшееся далеко на юге, оно лежит на другой широте, чем большая часть Палестины. Поднимающиеся вокруг горы в средней части имеют зону умеренного климата, а у их подножия растут бананы, пальмы, бамбук и сахарный тростник. Вода Галилейского озера пресная, а не соленая и горькая, как в Мертвом море.

Второе, что впечатляет в Галилейском озере, — его пустынность. За исключением белого города Тиверии, там нет поселений. С помощью бинокля можно осмотреть западный берег к северу, темная группа эвкалиптов указывает место прежней Вифсаиды, а затем маленькое белое здание и еще одна группа деревьев обозначают место, где, как считается, стоял Капернаум. Возле берега можно заметить груды камней — это мертвые остовы старинных городов. Глядя на лилово-розовые горы напротив, вы понимаете, какие они дикие, прорезанные темными безводными расщелинами, словно ножевыми ранами. На них кое-где видны почти черные пятна, иногда рядом с берегом, но чаще — выше по склонам. Это шатры бедуинов из козьих шкур. Там начинается пустынная страна, которая простирается вплоть до французских владений в Сирии. Там почти нет

дорог. Деревни с глинобитными домиками громоздятся на вершинах гор, и путник, который является туда, не зная языка, должен брать с собой вооруженный эскорт.

Но Галилейское озеро даже в запустении дышит удивительным миром и красотой, превосходящими все, что есть в Палестине. Со времен Христа, проживавшего в Капернауме, пейзаж изменился в деталях, но общие контуры долины остались прежними. Это те же горы, на которые смотрел Иисус, так же меняются свет и тени с золота на пурпур на высотах, и легкий бриз рождает белые буруны на поверхности озера, а голубая вода чередуется с молочно-зелеными тонами в месте на севере, где рождается Иордан; ничто из этого не изменилось за века. Все это виды, знакомые Иисусу, любимые Им, когда Он жил в Галилее.

Я вышел на улицы Тиверии. Это грязный, запущенный городок, который, как нищий, скорчился на берегу озера. Это город лохмотьев, темных глаз и темных подвалов, маленьких лавок и узких улочек. Руины великолепной стены крестоносцев из черного базальта, в бастионах которой в ужасающей нищете живет множество семей, возвышаются у самой кромки воды.

Руины времен Ирода лежат чуть дальше, к югу от современного города. Лишь немногие стены из бутового камня напоминают о строениях Ирода, входивших в комплекс летнего дворца на горе. Часть трехмильной стены можно проследить довольно уверенно, но значительные участки осыпались в озеро. Склон позади покрыт жалкими развалинами. Выше видны остатки насыпей, обломки колонн и старинных зданий, отмечающие структуру дворца Антипы. С этой горы я собрал несколько фрагментов римской керамики и маленькие кусочки радужного стекла.

Одна реликвия римской эпохи все еще существует. С горы у озера стекает поток горячей минеральной воды. Этот источник, как говорят, содержит воду, подобную Карлсбадской, он упоминается у Плиния и в древние времена очень ценился. Нет сомнения, что Веспасиан и Тит принимали здесь ванны, когда вели войну в Галилее. И вода эта по-прежнему исцеляет раны человечества. Я посетил большую баню, куда собираются пациенты из Сирии, Палестины и Трансиордании.

Во времена Иисуса эти бани привлекали больных со всех концов страны. Невозможно не подивиться количеству страждущих, которых исцелил на берегу озера Иисус. Они приходили к Нему не только поодиночке, но и целыми компаниями. Капернаум всего в десяти милях по берегу от горячих бань Тиверии. Вероятно, существование этого «спа-курорта» было притягательным для сотен увечных, а потому столь многие обращались за помощью к Иисусу в Капернауме.

На закате я прошел к озеру. Жилые дома и другие строения подходят прямо к кромке воды, но есть небольшое открытое пространство, где расположена деревянная пристань, от которой вечером отваливают немногочисленные рыбацкие лодки. Примитивный причал, видимо, является прямым потомком роскошной пристани, принимавшей во времена Ирода большие баржи, пересекавшие голубые воды озера. В пыли сидели несколько арабов. Три лодочника готовили снасти для ночной рыбалки.

Солнце тонуло за Тиверией, и только последние отсветы окрашивали горы на востоке. В этом ярком свете видно было каждую долину, каждое ущелье. Прозрачность воздуха создавала иллюзию, что дальний берег всего в миле от пристани. Озеро стало листом синего стекла, ни дуновения не тревожило листья деревьев. Волны стали более широкими и плоскими, в прозрачной воде скользили рыбы. Зимородки летали,

как стрелы, в вечернем воздухе. Постепенно золотые тона заката сменились коричневыми. Долина наполнилась синими тенями, и странноватый розовато-лиловый цвет на мгновение замерцал, а потом перешел в фиолетовый и темно-синий. Дальние горы отбрасывали свет исчезающего солнца в течение еще некоторого времени. На востоке держались розоватые блики, в то время как на западе свет уже померк. Воцарилась полная тишина. Свет играл на рыбьей чешуе, заставлял сиять голубиные крылья в полете, и единственными звуками были крики стрижей. Далеко на севере гора Хермон высилась снежным пиком. Казалось, вся природа прислушивалась к шепоту заката; и в глубокой тишине зажглась над Галилейским озером первая звезда.

5

Встав необычайно рано, в четыре утра, когда мир был еще безмолвным и прохладным, я вышел на крышу отеля, чтобы увидеть восход солнца над Галилейским озером.

На этот раз Тиверия была окутана покровом тишины и сероватым туманом. Араб, выступив из дорожной пыли, в которой провел всю ночь, словно призрак, явился в утренней неподвижности.

В небе все еще горела звезда. За чередой плосковерхих домов лежало Галилейское озеро — холодное и серое, как старое зеркало, на рассвете еще не тревожимое ветром. На противоположном берегу дикие горы вздымались над водой, словно крадущиеся звери. За ними по небу уже разливалось нежное розовое сияние, с каждой секундой оно становилось все сильнее, ширилось и распространялось, погасив последнюю звезду и отбрасывая, прежде чем взошло солнце, тончайшие тени на пальмы и дома.

Люди и животные знали, что наступает новый день. Крики петухов сливались в единый хор, эхом отзываясь от горы к горе. Арабы с покрытыми головами, так и спавшие полностью одетыми, вели верблюдов и ослов к воде. Воробьи возбужденно чирикали, а стрижи с резкими криками пронзали воздух.

Внезапно из-за Геггесских гор вынырнуло солнце — и все мгновенно переменялось! Стало тепло. Озеро обрело яркий голубой цвет. Я мог уже различить снег на вершине горы Хермон на севере. Колокола греческого монастыря звонили густым, глубоким тоном. До меня доносились запахи еды. А потом на минарете мечети появился муэдзин и стал призывать верующих к молитве. В Тиверии начинался новый день.

Ранним утром я бродил по горе, где когда-то дворец Ирода Антипы сиял во всем величии мрамора и золота. Потом я взглянул на Галилейское озеро, голубое в лучах утреннего солнца. Одинокий белый парус клонился под ветром, скользя к северу, где было больше рыбы — туда, где текли воды молочно-зеленого Иордана. В другой стороне озера неподвижная голубая вода застыла в жарком свечении, а линия берега изгибалась к северу, туда, где лежали остатки Магдалы, Вифсаиды и Капернаума. Мир, словно благословение, парил над Галилейским озером: пир тишины, одиночества и воспоминаний.

На горе мои мысли все время возвращались к жестоким, несчастным людям, царям дома Ирода, правившим Палестиной во времена Христа. В евангелиях их имена то и дело встречаются — Ирод Великий, его сын Антипа, Филипп Тетрарх. Но все они — лишь случайные фигуры в трагедии. Евангелия написаны как мемуары. Они были созданы через двадцать, возможно, через сорок лет после смерти Иисуса, чтобы напомнить новому поколению о Его деяниях на земле. Те, для кого

они были написаны, знали историю своего времени. Они знали о трагедии дома Ирода. Им достаточно было услышать фразу о том, что, когда царь Ирод узнал, как его обманули волхвы с Востока, он «весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его»⁵⁹, хотя этому приказу нет разумного объяснения. Современники прекрасно знали, что это решение соответствовало всей жизни Ирода, совпадая с доброй сотней других указаний и поступков того жестокого времени. И снова, когда Иисус предстал перед Пилатом и был отослан им к Ироду Антипе, нам сообщают, что Ирод, «увидев Иисуса, очень обрадовался; ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо»⁶⁰. Как же отличается этот Ирод от своего яростного отца! Ирод, избивавший младенцев в Вифлееме по сиюминутной прихоти, никогда бы не повел себя таким образом.

И хотя основные персонажи в евангелиях обрисованы всего несколькими штрихами, история прослеживается благодаря намеченным тонким линиям, возникающим то тут, то там. Если возникает желание разобраться в этой истории, необходимо пойти дальше и дополнить евангелия текстами Иосифа Флавия, искать сведения у таких историков, как Тит Ливий, Тацит, Плутарх, Диодор Сицилийский и Страбон, выявлять аллюзии, с помощью которых можно заполнить пробелы в истории, рассказанной евангелистами. Ошибки и недостойные деяния Ирода Великого, скандалы в жизни его сына, добрые качества Филиппа Тетрарха, который объезжал свои владения, исполняя обязанности праведного судьи, — все это обычные слухи времен Христа. Правители и простые люди в древние эпохи были гораздо ближе друг к другу, чем в наши дни. Между ними не существовало классовой разницы. Разговоры при дворе были слухами в тавернах. Каждый

раб мог стать инициатором скандалов. Можно быть уверенным, что Иисус, остановившийся, чтобы поговорить с бедняком на берегу Галилейского озера, услышал много «секретов» из дворца на горе. Я сидел там, где когда-то красовался великолепный дворец Антипы, и пытался восстановить в воображении образ Ирода и его сыновей...

Осенью 31 года до н. э. несколько легких лигурийских боевых кораблей на шестнадцать столетий предвосхитили разгром испанской Армады. Они ворвались в пространство между тяжелыми судами, обошли их и заставили бежать. Эти корабли не смогли спастись и сгорели на воде. Это была битва при Акции. Антоний и Клеопатра совершили самоубийство, а Октавиан — принявший имя Августа Цезаря — стал повелителем мира.

Среди тех, кто с ужасом наблюдал за тем, как распределялась власть, был Ирод, царь Иудеи, друг погибшего Антония. Ироду было 35 лет, он был красивым, храбрым, образованным, настоящим «человеком мира», гением выживания — а может, просто обладал удачей игрока. Он выдал Помпея Юлию Цезарю, а когда того убили, поддержал Брута. Когда пал Брут, он благополучно перешел на сторону Антония. В каждом случае он брал судьбу в собственные руки и шел на риск, как это бывает, когда бросают кости; и каждый раз побеждал. Но битва при Акции стала величайшим испытанием в его жизни. Он снова решился на смелый шаг. Он отправился к Августу, чтобы принять смерть — или вернуться с величием. Сначала он отдал тайный приказ, на случай если не вернется, о своей красавице-жене Мариамне, которая не должна была снова выйти замуж, — ее надлежало убить. Затем он отправился на Родос, где после победы находился Август.

Прежде чем войти в зал приемов, Ирод снял царский венец, смело подошел к Августу и приветствовал его как равный равного. Он не вел себя, как восточный владыка перед завоевателем, держался храбро и с достоинством. Бывают моменты, когда правда оказывается настолько неожиданной, что побеждает любые преграды. И это был тот случай. Ирод не извинялся за дружбу с павшим Антонием. Он спокойно говорил об этом, подчеркивал свою верность, заявил, что многократно умолял Антония избавиться от Клеопатры, но того уже ничто не могло спасти. Он сам обрек себя на поражение. Ирод смотрел прямо в глаза Августу. Да, он верно служил Антонию, но и Августу обещал служить так же верно, если тот примет его как союзника и друга римского народа. Август смотрел в смелые, решительные глаза Ирода, а потом велел ему надеть венец. Так Ирод снова выиграл. После триумфального успеха у Августа он вернулся еще более богатым и влиятельным правителем.

Теперь Ирод жил двойной жизнью: одна была блестящей, публичной, другая темной и тайной, это был ночной кошмар ревности, страха и интриг, от которых невозможно было избавиться, не пустив в ход чашу с ядом или кинжал. В его палатах поселились тени убитых родственников. На публике он оставался просвещенным западным правителем; в частной жизни превратился в восточного деспота.

Мариамна холодно выслушала новости о его успехе. Она знала о приказе убить ее в случае провала. Ирод полагал, что она могла узнать об этом лишь от предателя, который нарушил тайну и выдал его слова. Человека, которому было поручено ее убийство, казнили. Мариамна оказалась в тюрьме. Ее враги нашептывали Ироду дурные вести. Они утверждали, что она составляет заговор с целью его убийства. Он не мог в это поверить. Но негодяи и на дыбе подтверждали свои слова. Ирод, разрываясь между любовью и ревностью,

поверил обвинителям, и Мариамну казнили. Как только она умерла, он впал в отчаяние и рыдал как безумный. На протяжении всей дальнейшей жизни его преследовал призрак Мариамны.

Прошло 35 лет, Ирод умирал. Его длинное и сложное правление заканчивалось. Ненавидимый и презираемый всем Иерусалимом, обожаемый в Риме, этот человек, наполовину еврей, наполовину язычник, приближался к могиле, снедаемый болезнью, угрызениями совести и страхом. Новый белый Храм высился на вершине горы Мория как заснеженный пик Хермон. Размеры его царства превосходили территории государств Саула и Давида. Но народ молился о смерти царя. Его безумные видения были населены призраками: там была Мариамна, ее два любимых сына — оба убитые, и другие родственники, его плоть и кровь, пораженные исподтишка кинжалами, удушенные шнурами, отравленные.

Ироду твердили, перемещая его раздутое водянкой тело от горячих ключей Мертвого моря в теплые сады Иерихона, что в Вифлееме родился новый царь. Но не могло быть никакого другого царя, кроме Ирода! Разве не он убил двух прекрасных сыновей, мальчиков Мариамны, потому что кто-то сказал, что они должны стать царями прежде времени? Пусть умрут все младенцы мужского пола в Вифлееме! Пусть их перебьют всех, до одного! И хотя Ирод умирал, не могло быть другого царя, кроме Ирода.

А к нему снова приходили и нашептывали, что его сын и наследник Антипатр, находившийся в Риме, готовит заговор с целью убийства отца. На сей раз Ироду говорили правду. Молодой человек был вызван домой и заключен в темницу; и семидесятилетний царь совсем слег, мучимый болезнью и властолюбием. Иосиф Флавий рассказывает: «Это расстройство охватило все

его тело и привело к отказу органов, проявлявшемуся во многих симптомах...»

Наступило время, когда Ирод прекратил бесконечно переписывать свое завещание. Пришла смерть. Но в последнем, внезапном приступе деятельности он потребовал принести яблоко и нож, чтобы очистить кожуру. И вонзил этот нож себе в грудь. Приближенные бросились к нему, чтобы остановить руку правителя. Волнение во дворце услышал и сын Антипатр, который, думая, что отец умер, попытался подкупить тюремщика, чтобы выбраться на свободу. Но тот побежал к умирающему царю и все рассказал ему. «Убить!» — последовал немедленный приказ. Так совершилось последнее убийство Ирода. А пять дней спустя умер и он сам.

Таким был царь, в годы правления которого родился Иисус Христос. История назвала его Иродом Великим; таким он и был. Жестоким чудовищем и одновременно — неплохим государственным деятелем. Его страх и ревность загубили трех сыновей, которым было предназначено наследовать ему, но, при десяти женах, родственников у него хватало. В итоге он разделил царство между тремя сыновьями.

Архелай, старший сын от самаритянки по имени Малтраса, унаследовал царства Иудея, Самария и Идумея.

Антипа, Ирод Суда и Распятия, младший сын от той же матери, унаследовал Галилею и Перею.

Филипп, сын красавицы Клеопатры из Иерусалима, унаследовал самую малую долю, тетрархию Батанию, Трахонит и владение Зенодор, пустынные районы северо-востока Галилеи и район к югу от Дамаска, населенные в основном греческими и сирийскими поселенцами.

Последние двое были единственными коренными правителями Палестины в годы жизни Иисуса, и оба они упомянуты в евангелиях. Первого, Архелая, низложили еще до того, как Иисус повзрослел. Он потерпел неудачу не только у народа Иудеи, но и у своих родственников. В результате разгорелся жестокий семейный спор по поводу завещания Ирода. Некоторые утверждали, что старик сошел с ума или попал под чужое влияние, когда подписывал последнюю волю; а другая сторона настаивала на том, что он был в здравом уме. Так или иначе, против Архелая выступили почти все иудеи, и дело передали в Рим на решение Августа.

Архелай отправился в Рим, то же сделал и Антипа, а также делегация иудеев, которая жаждала убрать и того, и другого претендента и установить правление первосвященника под римским владычеством.

Август выслушал все стороны и лишил Архелая царского титула, отослав его назад в качестве этнарха Иудеи и пообещав сделать царем позже, если он того заслужит. Судя по всему, это произошло в первые годы жизни Христа, потому что у евангелиста Матфея мы читаем: когда Иосиф услышал, «что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоился туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские. И, придя, поселился в городе, называемом Назарет»⁶¹.

Впервые разделение царства между сыновьями Ирода оказало влияние на жизнь нашего Господа. Иосиф не мог чувствовать себя в полной безопасности в Назарете в годы предшествующего правления, потому что это была одна страна; но после разделения жить в Назарете означало находиться в другой стране, в Галилее Антипы. Позднее Иисус не раз пересекал границы между этими малыми государствами, каждый раз, когда шел из Галилеи в Иерусалим, когда отправлялся на финикийскую территорию вокруг Тира и

Сидона, когда путешествовал в Кесарию Филиппову, к снегам Хермона. Кесария Филиппова была столицей доброго и справедливого правителя Филиппа Тетрарха.

Полагаю, не все признают, что Иисус мог подразумевать один из династических конфликтов в Своем поучении. В притче об ожидании хозяина дома можем ли мы видеть в «некоем знатном человеке», который «отправился в чужую страну, чтобы получить себе царство»⁶², и в действиях слуг во время его отсутствия отражение посольства Архелая в Рим?

Однако никчемный Архелай, унаследовавший все пороки отца, но не силу его личности, довел дела в Иудее до состояния полной анархии. Он еще более ухудшил положение, отчаянно влюбившись в дважды овдовевшую греческую красавицу, первым мужем которой был его брат по отцу Александр. Ради нее он прогнал жену и заключил один из типичных для династии Ирода незаконных браков, всегда ужасавших евреев. За девять лет Архелай исчерпал терпение своего народа и своей семьи. Однажды поздним вечером, когда он сидел за пиршественным столом, прибыл гонец с письмом. Это был вызов в Рим. Архелай вновь предстал перед цезарем, но не смог внятно ответить за длинный ряд проступков и злоупотреблений, а потому был сослан в Вьенн, в Галлию, после чего венец и скипетр Иуды Маккавея навсегда покинули Иудею.

Римляне вступили на территорию страны и навели порядок. Они включили Иудею, Самарию и Идумею в состав римской провинции Сирия. Они установили нечто вроде внутреннего управления, признав синедрион законодательным органом, но власть над ним передав в руки представителя цезаря — прокуратора Иудеи, штаб-квартира которого находилась в прибрежном городе Кесария. Так, с устранением Архелая и прибытием римлян, сформировалась администрация, знакомая нам

по истории о суде над Христом и распятии. В этот момент Иисусу было девять лет, Он жил в Назарете.

Ирод Антипа украдкой наблюдал за крахом брата с территории соседней тетрархии Галилея, без сомнения, размышляя, что сам бы не проявил подобной глупости. Но Немезида, богиня возмездия, злоумышляла против дома Ирода и подстрекала в наследниках безумие страсти и потакание собственным слабостям; пришло и время Антипы.

Он не был таким жестоким и безрассудным, как его брат, отличался слабостью и хитростью. Дар дипломатии, позволивший его отцу поладить с Антонием и Клеопатрой, а потом войти в доверие к Августу, обводя вокруг пальца всех противников, в сыне выродился в изворотливость. Иисус однажды дал ему определение «эта лисица»⁶³.

Его общественные достижения были слабой тенью успехов отца, но все же Антипа много и деятельно строил. Он обновил мощную крепость Макер, стоявшую на голых скалах в Моавских горах, доминирующих над Мертвым морем; среди прочих городов основал процветающую Тиверию, названную так в честь преемника Августа, императора Тиберию. Однако когда рыли котлованы для фундаментов Тиверии, наткнулись на остатки древнего кладбища. Согласно закону Моисея, такое место считается нечистым и неподходящим для человеческого жилья. Ни один ортодоксальный еврей не может войти или выйти оттуда, избежав семидневного ритуала очищения. Дабы обезопасить будущее население, Ироду пришлось подкупать рабов, нищих и прочие отбросы общества, чтобы те согласились поселиться там. Но раввины возненавидели этот город.

За пределами величественного дворца, обращенного фасадом к Галилейскому озеру, разрастался почти исключительно языческий город — как по виду, так и по сути. Но нечистота его, с точки зрения левитов, никуда

не исчезала; возможно, именно поэтому нет ни одного свидетельства, что Иисус посещал это место, хотя маршрут Его пастырского путешествия пролегал совсем рядом и Он должен был ежедневно видеть Тиверию из Капернаума или с озера.

Впрочем, крушение власти Антипы произошло не из-за общественной, а из-за личной жизни. Во время визита в Рим он остановился в доме сводного брата Ирода Филиппа — не Филиппа Тетрарха, а другого сына Ирода Великого, который был лишен чудовищных амбиций родственников и вел частную жизнь богатого горожанина.

Филипп, следуя традициям инцеста, принятым в его семье, женился на Иродиаде, внучке Ирода Великого. Следовательно, Антипа, как сын Ирода Великого, состоял с ней в той же степени родства, что и Филипп, ее муж. Иродиада была женщиной исключительной красоты и сильного характера. У нее росла дочь Саломея.

Антипа и Иродиада решили, что созданы друг для друга. Иродиада была честолюбивой женщиной, в венах которой текла жаркая кровь Маккавеев, но ей приходилось вести безопасную, скучную жизнь богатой римской матроны. Подобное существование было для нее недостаточно опасным. В Ироде Антипе она увидела возможность неограниченных переживаний и впечатлений. Он мог дать ей власть. Кровь диких и необузданных предков заставила ее предать мужа и вступить в сговор с тетрархом Галилеи и Переи. Но она не забыла как следует продумать условия сделки! Если он даст клятву развестись с женой, дочерью Арета, царя Петры, она выйдет за него замуж. Ирод обещал, и они покинули Рим вместе, захватив с собой Саломею.

Маленькая грязная драма страсти и честолюбия становится с этого момента весьма интересной, поскольку вплетается в евангельскую историю. Иоанн

Креститель выступил с гневным осуждением этого союза и сказал в лицо Ироду, что брак не может считаться законным, поскольку он взял жену брата; пророк говорил, что недостойный правитель увидит письмена на стенах, его проклинаящие. Тот ничего не увидел, а Иродиада не простила Иоанна Крестителя. Оскорбление надолго осталось в ее памяти, и она дождалась момента для отмщения, когда на холодных горных высотах в крепости Макер, использовав дочь, потребовала голову Крестителя на блюде.

История Иродиады и Антипы привела к довольно странным последствиям. Кошмаром семьи Ирода был расточительный Агриппа, брат Иродиады, который безнадежно погряз в долгах, скитаясь от одного заимодавца к другому. Когда его сестра уехала с Антипой, он, как любой расточительный и не слишком щепетильный родственник, почуял возможность помощи или даже покровительства со стороны Антипы. Тот действительно дал Агриппе ежегодный доход и должность губернатора нового города Тиверия. Но однажды ночью, выпив слишком много, Антипа высказал своему легкомысленному шурина все, что он о нем думает, и Агриппа уехал, чтобы плести интриги в другом месте. Как и многие другие личности такого склада, Агриппа был весьма привлекательным мужчиной, и жена Киприда его обожала.

Он прибыл в Рим, который прекрасно знал, поскольку получал там образование во времена Августа. С удачей, свойственной настоящим авантюристам, он завоевал расположение Калигулы, и они стали неразлучны. Когда Тиберий умер и императором стал Калигула, Агриппу осыпали милостями и почестями, даровали ему не только территории, оставшиеся вакантными после смерти Филиппа Тетрарха, но и право носить венец и зваться царем. Итак, Антипа и Иродиада, с немалой, наверное, горечью, увидели вечного бродягу и

неудачника, по-прежнему должного крупные суммы, царем, явившимся в Палестину! Вместо того чтобы разделить успех брата, Иродиада испытала жгучий приступ зависти. Почему этот человек и его жена ходят в венцах, в то время как она и ее муж — нет? Почему Агриппа называется царем, а ее муж — просто тетрархом Иродом?

Ее гнев, зависть и настойчивость были так велики, что Антипа дал уговорить себя и поехал в Рим к императору с жалобой на несправедливость. Однако Агриппа, увидев возможность посчитаться с сестрой и ее мужем, унизившим его, послал гонца к своему другу Калигуле с известием, что Антипа тайком собрал в Галилее значительную армию — едва ли не 70 000 человек. Когда Антипа и Иродиада прибыли на Апеннины, император потребовал ответа на обвинение и, сочтя сказанное ими неубедительным, решил отобрать у них все владения в пользу Агриппы. Так высокие амбиции Иродиады привели к крушению Антипы.

Местом ссылки для него Калигула выбрал Лион в Галлии. Однако император избавил от этой участи Иродиаду, потому что она была сестрой его друга. Он предложил ей не только свободу, но любые дары, которые она попросит. Иродиада, исполненная родовой гордости Маккавеев, презрительно отказалась принять милость. Проявив истинное величие, которое заставляет смягчить суждения о ее характере, несмотря на все прежние грехи, она решила остаться рядом с мужем. И вместе женщина, которая погубила Предтечу, и мужчина, во власти которого было спасти Иисуса Христа, ушли во мрак истории.

А унаследовал все их владения Агриппа. Он оказался хорошим царем. И народ любил его.

Когда бродишь по горам, среди которых кипели такие страсти, поражаешься тому, что здесь не осталось никаких следов от покоев, где Ирод продумывал свои хитроумные ходы, а Иродиада мечтала о венце, кроме кусков разбитых колонн, наполовину погружившихся в землю, да одной-двух пещер, где прячутся шакалы. Трудно поверить, что в столь мирном и прекрасном месте, у голубых вод Галилеи, завидовали, ненавидели, мучились честолюбивыми амбициями и ревностью так сильно, что это изуродовало и загубило не одну жизнь. Как странно воображать, что, пока ароматические лампы горели перед Иродом и Иродиадой во дворце на горе, Учитель стоял на берегу того же Галилейского озера и говорил:

«Извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяние, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло извнутри исходит и оскверняет человека»⁶⁴.

И еще Учитель говорил:

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»⁶⁵

Я невольно задумался: не обратился ли Его взгляд в тот миг к белому дворцу на горе над Тиверией?

6

Утром я прошел вниз, к небольшой пристани, и договорился о дневной рыбалке на Галилейском озере.

Лодка была крупной и неуклюжей, ею управляли четверо рыбаков, которые гребли по очереди веслами толстыми, как оглобли. На дне лодки лежал парус, который можно было быстро поставить, если поднимется ветерок. Под обжигающим солнцем мы вышли на простор тихого голубого озера.

Около шестидесяти человек ныне кормятся от даров Галилейского озера, следуя ремеслу святого Петра. Это арабы, по большей части мусульмане. На озере применяют рыболовные сети трех типов: ручная сеть, или *шабаке*; бредень, или *йарф*; и невод, или *м'баттен*. Первые две наиболее популярны. Ручная сеть используется повсеместно, а бредень в основном в устье Иордана, на северной оконечности озера.

Пока двое сидели на веслах, другие два рыбака готовили сети. Они были круглой формы, мелкаячеистые, на внешней стороне утяжеленные десятками мелких свинцовых грузил. Их швыряли в воду как можно дальше, постепенно подтягивая к себе, очевидно, те же приемы рыбной ловли здесь применяли и в евангельские времена. Ведь первые ученики, призванные Христом, «забрасывали сети».

Младший из рыбаков довольно хорошо говорил по-английски, от него я узнал, что рыболовство на Галилейском озере не слишком прибыльно.

— Мы трудимся всю ночь, чтобы наловить рыбы, — объяснил он. — Но утром нам дают за улов лишь несколько монет. А торговец получает много, очень много монет...

Я мысленно перенесся на север, от залитых солнцем вод Галилеи к холодному Северному морю и сардинному флоту Корнуолла, где мне уже доводилось слышать похожие жалобы на посредника; это вечная песня всех рыбаков.

Не было ни ветерка. Небо оставалось безмятежно голубым. Но Абдул, молодой рыбак, втянул носом воздух и, глядя на юг, сказал, что надвигается шторм. Это всегда было и остается одной из странностей Галилейского озера. Внезапные шторма стремительно обрушиваются на это низко расположенное зеркало вод, яростно сминая его поверхность и поднимая волны, которые часто переворачивают гребные лодки. Причина

возникновения этих штормов — ветры с запада, проходящие над горами и образующие ниспадающие с вершин завихрения, которые крепнут в сотнях ущелий и узких долин, направленных в сторону глубокой впадины, на дне которой находится озеро. В один момент вода гладкая, как стекло, а в следующее мгновение озеро бушует, и люди вынуждены бороться за жизнь. Недавно утонули три рыбака, сказал Абдул, их тела так и не нашли.

Именно такой шторм красочно описан в Евангелии:

«И вот сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! Спаси нас; погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, малoverные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина»⁶⁶.

Как прекрасно было тем жарким утром! Далекие берега, ни звука, кроме поскрипывания могучих весел в уключинах, плеска воды и тихой арабской песни, которую мурлыкал себе под нос один из рыбаков.

Мы прошли к противоположному берегу, откуда горы Гергеса казались пугающими и негостеприимными. Наверное, так же они выглядели во времена Христа: иссушенные, выжженные скалы, расколотые тысячами расщелин, отметками давно пересохших потоков, местами виднелись глубокие темные пещеры, куда никто не решился бы войти без оружия.

Как правдоподобно рисуют евангелия эту местность! Даже в наши дни, два тысячелетия спустя, край Гергесских гор остается местом, где в любой момент ожидаешь появления опасного безумца.

Именно с одной из жутких скальных круч бросились в озеро гадаринские свиньи. Вам никогда не приходилось задумываться, почему свиньи, животные для иудеев нечистые, паслись неподалеку от

Галилейского озера? Скрытые горами, поблизости находятся развалины греческих городов, которые во времена Иисуса процветали, это были города говорящего по-гречески Десятиградья. И там не существовало предубеждения против свинины.

Мы спрыгнули на берег и взобрались повыше, на раскаленные скалы. Рядом находились три или четыре бедуинских шатра. Бедуины очень бедны, а эти выглядели изголодавшимися. Все племя уставилось на нас с бескомпромиссной настойчивостью животных.

Несколько минут пешком — и мы удалились от их лагеря, оказавшись в маленькой долине, в которой росло несколько полос ячменя. Там мы встретили бедуина, присевшего к земле: он поедал траву.

— Он голоден, — пояснил Абдул. — Ему совсем нечего есть.

— Но в озере полно рыбы, — заметил я. — Почему они не ловят ее?

Этот вопрос озадачил Абдула. Он пожал плечами и сказал:

— Бедуины не ловят рыбу.

Вид крайней человеческой нищеты произвел на меня гнетущее впечатление, и я попытался сделать то, что привычно для любого европейца, — дал бедуину шиллинг. Однако, чтобы купить что-либо, ему придется пересечь озеро или пройти по гористому берегу добрых тридцать миль до Тиверии!

Несчастный Навуходоносор! Он рассматривал монету на ладони и благодарил меня; затем, со свойственной пустынным жителям вежливостью, склонился к земле, сорвал несколько длинных и широких стеблей травы и вложил мне в руку. Это было все, что он мог предложить.

Мы вернулись в лодку и взяли курс на предполагаемые развалины Капернаума. Этот город, как все прибрежные поселения, хорошо знакомые Иисусу,

давно исчезли с карты. Однако многие археологи верят, что это место отмечено насыпью руин черного базальта на восточном берегу озера; недавно здесь была найдена прекрасная синагога, которую попытались, насколько возможно, восстановить.

Там росла роща эвкалиптов, сквозь которую синагога казалась похожей на маленький римский храм. Многие считают, что это остатки той самой синагоги, в которой проповедовал Иисус, но лично я полагаю, правильно будет сказать, что здание построено намного позже, вероятно, во втором веке.

В десяти минутах на лодке от Капернаума находится небольшая бухта, которая как будто является местом древней Вифсаиды, а дальше видно скопление бедных арабских домишек, которое носит имя Медждель — предполагаемое производное от названия Магдала, города Марии Магдалины.

Мы причалили к берегу в пустынной бухте. Один из рыбаков подвязал длинную рубаху у пояса и вошел в воду с ручной сетью, которую перекинул через левую руку. Он некоторое время стоял в ожидании, наблюдая за движением в воде. Затем ловким и уверенным броском метнул сеть. Она пролетела по воздуху и опустилась в воду, словно юбка балерины, которая опускается на пол во время низкого приседания. Десятки маленьких свинцовых грузил потащили сеть на глубину; она должна была захватить всю попадающуюся на пути рыбу.

Но бросок за броском сеть возвращалась пустой. Рыбак за работой выглядел по-настоящему красиво. Каждый раз аккуратно сложенная сеть разворачивалась колоколом в воздухе и точно входила в воду, так что грузила одновременно прикасались к поверхности озера, образуя правильный круг брызг.

Пока рыбак ждал момента для очередного броска, Абдул крикнул с берега, что надо переместиться влево;

совет оказался полезным, и рыбак отступил к берегу, потянув сеть за собой и нащупывая дно босыми ступнями. Затем он вытащил сеть на поверхность, и мы увидели, как в ней бьется рыба. Меня особо заинтересовала эта сцена, потому что, сам того не зная, рыбак воспроизводил евангельский эпизод.

Иисус явился семи ученикам после Воскресения. Он стоил на рассвете на берегу озера и сказал им:

«Дети! Есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы». Там оказалось рыб «сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть»⁶⁷.

Написать так не мог человек, не знакомый с рыбаками и рыбацкими приемами Галилейского озера. Часто случалось, что рыбак с ручной сетью должен полагаться на совет напарника на берегу, который подсказывает, левее или правее забрасывать сеть, потому что в прозрачной глубине с расстояния виден косяк рыбы, незаметный для того, кто стоит в воде.

Вновь и вновь галилейские рыбаки забрасывают сеть, но она возвращается пустой; а потом внезапный бросок приносит огромный улов, и тяжело даже вытянуть сеть на берег, и все боятся, что она вот-вот порвется, как точно подметил евангелист Иоанн.

Описывая чудо на Тивериадском озере, он подчеркивает главную деталь: «и при таком множестве не прорвалась сеть». Кто, кроме рыбака или человека, близко знакомого с их трудом, догадался бы подчеркнуть это?

Рыбу, которую поймали на моих глазах, арабы называют *мушт*, это характерная рыба Галилейского озера. Она плоская, около шести дюймов в длину, с огромной головой и похожим на гребешок спинным плавником, который торчит вверх. Ее еще называют

рыбой святого Петра, так как легенда гласит, что изо рта этой рыбы апостол Петр извлек монету для уплаты подати.

Я сидел рядом с грудой этих странных рыб и вспоминал случай, описанный апостолом Матфеем. Иисус и Петр вместе пришли в Капернаум после Преображения на склонах горы Хермон. Один из сборщиков подати на Храм подошел к ним, требуя в уплату полшекеля, наложенного на каждого взрослого мужчину-иудея; эти деньги уходили на жертвоприношения и другие требы в Храме в Иерусалиме. Иисус и Петр, очевидно, не имели денег, и тогда Иисус сказал Петру:

«Пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя»⁶⁸.

Из чистого любопытства я открыл рот одного *мушта* и положил внутрь монетку в десять пиастров. Она того же размера, что английская монета в два шиллинга. Монета вошла легко, так как по пропорциям рот этой рыбы вполне подходит. Самец *мушта* носит икру в своем огромном рту, и, когда из нее выводятся мальки, отцовский рот служит им безопасной детской, где можно спрятаться в случае опасности. Когда мальки подрастают, рот отца оказывается настолько растянут, что непонятно, как ему самому удастся питаться.

Но вернемся к рыбакам. Только когда рыба уснула, один из них развел огонь из собранного хвороста. Другой сделал ножом три надреза на спине рыбы и жарил ее на костре. Абдул побежал к лодке и вернулся с двумя-тремя «хлебами» — плоскими арабскими лепешками, тонкими, как блины, и очень ломкими.

Одну из рыб извлекли из огня, положили на лепешку и протянули мне. Я разрывал ее пальцами — оказалось, это очень вкусно.

И вновь рыбаки воссоздали один из эпизодов, описанных в Евангелии от Иоанна. Именно так — как веками ели рыбаки после ловли, — Христос, восстав из мертвых, приказал семи ученикам приготовить чудесный улов.

Он стоял на берегу, в предрассветном сумраке. Сперва они не узнали Его. Но когда Он приказал им забросить сеть, они повиновались, думая, что это кто-то из знакомых рыбаков заметил внезапный косяк *мушта*. Но когда они оказались ближе, Иоанн прошептал: «Это Господь».

«Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, — ибо он был наг, — и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, — ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, — таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали»⁶⁹.

В Палестине я видел многое, не изменившееся с библейских дней, но нигде больше не встречал современных людей, неосознанно разыгрывавших священные главы евангелий. Галилейские рыбаки могут быть арабами и мусульманами, но их обычаи, приемы работы, орудия труда — те же, что существовали во времена Петра, Андрея и Филиппа.

Я беседовал с молодым офицером ВВС, который приехал в увольнительную из Ирака. Он рассказал мне, что под британским флагом служит теперь батальон ассирийских рекрутов, говорящих на арамейском — языке, на котором разговаривал Иисус. Когда я спросил его, как они произносят по-арамейски слова, сказанные

Господом на кресте, он записал их для меня: «Алхахи, алхахи лама суакхтни».

— Вот последний стих Первого послания к коринфянам, — сказал он, — в нашей Библии оно заканчивается так: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа»⁷⁰. Я всегда задавался вопросом, что означает «анафема маран-афа». Конечно же, должно все кончатся словом «анафема». Но «маран-афа» — это арамейская фраза, которую мне объяснили в батальоне в Багдаде. *Мар* — Господь, *ан* — наш, *афа* — он приходит; так что вместе это значит «Наш Господь приходит». В Новом Завете есть еще много арамейских слов, которые сегодня используют в своей речи ассирийцы.

Было написано много книг, чтобы доказать, что Иисус говорил на греческом, другие ученые пытались аргументировать мнение, что Его языком был древнееврейский. Однако современные специалисты сходятся на том, что, вне сомнения, языком, которым Он пользовался в обыденной речи, в разговорах с учениками и с жителями Палестины, был арамейский. Язык этот получил название от Арама, пятого сына Сима, на нем говорили в Северной Сирии и в Месопотамии в самые древние времена. Древнееврейский был языком Ветхого Завета и оставался разговорным до 586 года до н. э., когда жителей Иудеи угнали в плен. Когда же два колена вернулись из Вавилона после пятидесяти лет изгнания, они обнаружили, что северный язык распространился далеко на юг. Пришедшие освоили этот новый для себя язык, но включили в него много еврейских слов. Книги Ездры и Даниила написаны в значительной степени на смеси этих языков. Во времена нашего Господа, судя по всему, арамейский стал общеупотребительным по всей стране. Многие полагают, что древнееврейский уже тогда превратился в мертвый язык. Его изучали раввины. Вообще

древнееврейский при жизни Христа понимали так мало, что Писание переводили на арамейский, чтобы читать на службе в синагоге.

Новый Завет содержит целый ряд арамейских слов и выражений. Возглас Иисуса на кресте, конечно, известен всем. Когда Иисус воскресил дочь Иаира, Он произнес «талифакуми», что переводится тут же: «девица, тебе говорю, встань»⁷¹. Доктор Джеймс Моффет в новом переводе Писания передает эту фразу как «девочка, я говорю тебе встать». Слово «куми» по сей день сплошь и рядом употребляется арабами в значении «вставай». Во время последнего бдения в Гефсиманском саду Иисус молился так: «Авва Отче! Все возможно Тебе»⁷². В данном случае перевод арамейского слова «авва» дается параллельно и сразу. Все мы прекрасно знаем арамейское слово «мамона», которое встречается в Новом Завете четыре раза и означало просто «богатство». Другие арамейские слова в Новом Завете: *гаввафа* (название места, где Пилат проводит суд), *рака* (глупец, пустой человек) и *Голгофа* (название места, на котором был распят Иисус). Слово «Голгофа» — греческая транслитерация арамейского «гулгулта». Евреи произносили его как «гулголет». Это означает «место черепа». Латинский эквивалент — «кальвария», от которого происходит знакомое христианам «Кальварий».

Когда раввины учили в школах или когда они собирались под колоннадой первого двора Храма в Иерусалиме, они говорили на литературном еврейском. Несомненно, Иисус был знаком с этим языком. Когда Он беседовал с учеными в Храме, вероятно, Он тоже говорил на еврейском, но позже, объясняя Свое отсутствие родителям, произнес бессмертное: «Или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»⁷³ на арамейском.

Греческий и латинский были в ту эпоху двумя распространенными языками. Латинский — ненавистным официальным, речью чиновников, римских солдат и вызывающих раздражение сборщиков податей. Евреи никогда не говорили на нем, и самый звук латинской речи символизировал для них римское рабство. С другой стороны, греческий занимал особое место в их жизни.

Сегодня Палестина окружена руинами греческих городов. Во времена Христа они представляли собой оживленные сообщества. Начиная с эпохи Александра Македонского греческий язык прокладывал себе путь, преодолевая протест ортодоксальных евреев и опираясь на поддержку образованных, по-новому мыслящих и либерально настроенных, восприимчивых к эллинистическому влиянию, которое в какой-то момент угрожало ортодоксии. Конечно, за пределами Палестины существовали огромные еврейские поселения, как в Александрии, и там греческий стал общепринятым разговорным языком. Появился перевод Ветхого Завета на греческий, и книга стала доступна образованному миру еще за триста лет до рождения Христа. Евреи вне Палестины вынуждены были говорить по-гречески, чтобы выжить. В самой Палестине одна из точек зрения была ясно выражена в Талмуде: «Тот, кто обучает своего сына греческому, да будет проклят, как тот, кто держит свиней»; но космополиты, такие как Ирод и его придворные, выражали свой протест, не только изучая греческий язык, но и проявляя интерес к греческому искусству и философии.

Говорил ли Иисус по-гречески? Это мнение часто оспаривают. Апостол Марк повествует о некоей сирофиникийской женщине, которая пришла к Христу: «А женщина та была язычница, родом сирофиникиянка; и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери»⁷⁴.

Можно возразить, что разговор шел на арамейском. И снова подобное сомнение возникает в связи с тем, что

Иисус и Пилат говорили по-гречески. Или мы можем обоснованно предположить, что у Пилата был переводчик? Сорок лет спустя, когда Тит хотел добиться капитуляции Иерусалима, он использовал в качестве переводчика историка Иосифа Флавия и посылал его к стенам громким голосом зачитывать по-арамейски римские условия защитникам города.

Интересно, что иврит, который не использовался в качестве разговорного языка в Палестине со времен древнего Израильского царства и все эти века имел сугубо ограниченную сферу бытия, сегодня слышен по всей Палестине в поселениях сионистов. Возрождение литургического языка для повседневного употребления — весьма примечательный жест, для меня более поразительный, чем все материалистические достижения тех же сионистов. Услышать, как два еврея из Румынии говорят на древнееврейском, так же удивительно, как если бы современные итальянцы принялись сплетничать на латыни. Я недостаточно разбираюсь в этом предмете, что-бы судить, насколько язык Ветхого Завета гибок и применим к современному миру; но могу отметить тот факт, что сионисты, которых я слышал, говорят на нем очень бегло.

8

На берегах Галилеи сегодня имеется всего пара мест, где можно остановиться. Наверное, путников могут принять отцы Святой Земли в маленьком монастыре, где есть приют для паломников, в Тель-Аме, расположенном возле руин Капернаума. Есть еще итальянский странноприимный дом на горе неподалеку. Но самое красивое место на побережье — я заметил его с рыбацкой лодки — затененная деревьями и украшенная цветами Табга. Свисающие массы

бугенвиллии, цветущие кусты, эвкалипты и пальмы у самой кромки воды, а в центре этого рая — маленькая вилла, принадлежащая Германскому католическому комитету Палестины. Там отец Тэппер принимает гостей Галилеи.

Я решил заглянуть к нему на несколько дней.

Глава седьмая

Капернаум и Вифсаида

Я посещаю сад у Галилейского озера, нахожу разрушенную церковь Хлебов и Рыб, пытаюсь реконструировать жизнь на берегу озера такой, какой ее знал Иисус, осматриваю остатки Капернаума и место запустения там, где когда-то была Вифсаида.

1

Существует такое состояние духа, для которого, насколько я знаю, нет специального названия. Это не счастье, которое представляет собой активное приятие вещей, но это и не удовлетворенность, которая безмятежна и может быть названа вечерним покоем, остающимся от счастья. Единственные слова, которые я могу подобрать, так истерты, обесценены и затасканы, что они заставляют лишь улыбнуться. Одно из них — «благополучие», а другое, наш давний друг, — «любовь».

Надеюсь, каждый может вспомнить в своем детстве то состояние духа, длившееся не секунды, а дни и недели. Иногда усилием воображения нам удается вернуться в прошлое, в те сияющие моменты жизни, когда ум еще не потускнел от греха и не страшился вечности, и мы жили, как бабочки, искали и находили повсюду лишь сладость.

В те дни земля и цветы пахли слаще, солнце светило ярче; дождь, снег и туман казались волшебством, и мы неосознанно чувствовали себя частью окружавшей нас видимой красоты. Для большинства из нас жизнь —

постепенное удаление от этого волшебства. Но среди миллионов испытаний и трудностей жизни, которые ожесточают нас и делают наше видение горше, возможно вновь и вновь ловить секунды этого раннего мира; они настолько мимолетны, что порой сомневаешься: а были ли они в реальности или это лишь случайные воспоминания какого-то иного бытия.

Когда я проснулся в Табге в первое утро и взглянул на Галилейское озеро, я ощутил невыразимый покой и такую отрешенность от мира, что мог вообразить себя Адамом, в изумлении взирающим на Эдемский сад. Моя комната находилась в тропических джунглях. Огромные, сладко пахнущие цветы, имен которых я не знаю, взбирались на железный балкон и переплетались вокруг окон. И хотя солнце только вставало, вокруг них уже жужжали пчелы; а внизу синее озеро спокойно сияло в рассветных лучах. Оно было таким спокойным, таким безмолвным, таким прекрасным.

Я вспомнил свое прибытие накануне вечером. Отец Тэппер, крупный выходец из рейнских земель, с квадратной бородой, в белом солнцезащитном шлеме и типичном для священника черном облачении и пиджаке из шерсти альпаки, широко шагая, вышел навстречу, и под ногами его громко хрустела белая озерная галька. Над его головой склонялись цветущие ветки гибискуса; за спиной мерцал и светился невероятный сад.

— А, вот и вы, мой друг! — воскликнул он, опуская мне на плечо свою гигантскую руку; я посмотрел в его голубые глаза, на свежие щеки, похожие на спелые яблоки, на квадратную, темную бороду и широкие плечи и подумал, что крестоносцы, должно быть, выглядели именно как отец Тэппер. — Давайте поговорим.

Мы прошли в комнату с закрытыми ставнями, спасавшими от жары, где окна и двери казались голубыми от противомоскитной сетки. Когда отец Тэппер раскурил трубку, я заметил, какие у него

большие и темные, как у садовника, руки. Сад, в котором стоит странноприимный дом Табга, — единственный возделанный и прекрасный участок по берегам Галилейского озера. Из Тиверии он смотрится маленьким темным пятном на краю озера, но когда вы приезжаете сюда, пальмы, эвкалипты, стены пурпурной бугенвиллии, лимонные и апельсиновые деревья, гвоздики, герани, персидская сирень, настурции и гибискусы образуют отдельный маленький мир, святилище, тем более драгоценное, что расположено оно среди безжизненных голых скал, среди дикой и суровой природы. Этот сад, переполненный цветами, музыкальным лепетом воды, — единственное место на берегах Галилеи, в котором можно грезить о давно минувшей славе, коснувшейся в древние времена западного берега. Наверное, озеро, которое знал Иисус, отчасти напоминало Табгу.

Отец Тэппер и его предшественники, как добрые жители рейнских земель, попытались на берегах Галилейского озера создать уединенный и строгий замок, своеобразную копию того, что стоит в горах между Сент-Гоаром и Манхеймом. Но озеро Галилеи сказало «нет!». И цветы охватили своим изобилием стены, взбираясь на них упрямыми волнами, словно штурмовые отряды, так что в замке осталось только одно свободное место — под цветущими ветвями, падающими на зубчатое завершение стен этого игрушечного строения.

Мы проговорили почти до заката. Мы беседовали об Иисусе, Вифсаиде, за которую многие принимают Табгу, Капернауме, Магдале, где родилась Мария Магдалина, о Петре, Андрее и Филиппе; а еще о таможне, для которой когда-то Матфей собирал налоги на проезжей дороге возле озера. Отец Тэппер докурил трубку. Он чуть придвинул ко мне свой стул. Над квадратной бородой сияли голубые глаза немецкого мальчика лет десяти,

расширенные от воодушевления, когда он описывал свои садовые работы и те странные вещи, которые при этом можно найти в почве по берегам Галилейского моря. Они с помощником-бедуином как-то раз не успели еще взяться за лопаты, как вдруг — о чудо! — увидели, что в бурой земле сверкает голубое, а потом и золотое, и еще что-то зеленое.

Они отбросили лопаты в сторону и стали разгребать землю вокруг находки голыми руками, чтобы ничего не повредить, ведь им удалось обнаружить мозаичный пол маленькой римской церкви Хлебов и Рыб. Она была утеряна с того времени, когда Этерия Аквитанская приезжала молиться в Галилею в 386 году, а теперь на солнце вновь засверкали яркие краски этого памятника. В другой раз во время земляных работ им удалось найти камень, на котором, согласно легенде, наш Господь благословил хлеба и рыбу. Камень использовался как алтарь, а потом веками лежал под слоем почвы, по-прежнему покоясь на четырех небольших римских колонках...

— Я отведу вас туда, — пообещал отец Тэппер. — Вы должны это увидеть. Все там покрыто песком и землей, чтобы солнце не повредило старинные предметы, но я надеюсь когда-нибудь возвести крышу над этим местом и обезопасить его на будущее.

И вот я стою в утренней тишине, глядя вниз, на сад. Солнце, вставая из-за Гергесских гор, медленно карабкалось в безоблачное небо, и сад представлял сплетение солнечных пятен и теней, его постепенно заполняли голоса раннего утра, какие-то писки, шорохи, хлопанье крыльев, воркование голубей, а из источника, скрытого от взора цветами, с журчанием текла вода.

Мне казалось, исчезли прожитые годы и я вновь стал мальчиком, который проснулся первым в доме и с восхищением смотрит на прекрасный мир. Я чувствовал

себя органической частью мироздания, а оно было частью меня самого. Синий зимородок, балансируя на самой верхушке ели, прилетел сказать мне «доброе утро», а крошечная черная ящерка на тропинке, заметив мое движение, замерла и подняла голову, разделяя гармонию мира и царящее в нем братство. Та же радость жизни заставляла меня когда-то мчаться через луга навстречу восходу, вела на окраину лесов, где играли кролики, на берег ручьев, в которых прыгала в воде форель, а теперь это чувство заставило меня увидеть совершенное утро, подержать в руках его красоту. Я набросил на плечи полотенце и вышел в сад, на тропу, прорезанную в скале, уходящей в озеро. Тропа вела к югу, в густой эвкалиптовый лес, вплавленный в широкую пустынную равнину Генисарета.

Вокруг не было ни души. На краю леса поток свежей воды вытекал из бассейна, нависающего над скальным обрывом. Бассейн был тихим и глубоким. Я прилег на ствол и наблюдал, как ныряют два зимородка. Они кругами летали над бассейном, потом внезапно начинали часто-часто бить крыльями, одновременно направляя длинные клювы к воде, превращаясь в необычные стрелы. А затем камнем падали в водоем. На мгновение коснувшись воды, они вновь поднимались; и на долю секунды я видел серебристый блеск рыбы в их клювах. Камни вокруг бассейна были усыпаны водяными черепахами. Они напоминали пирожки из грязи, которые лепят дети, некоторые были темными от влаги, другие светлыми, просохшими на солнце. Когда я шевельнулся, они мягко заскользили со скальной полки в водоем.

Возле озера я заметил узкий валун в форме полумесяца. Я скинул одежду и ступил в Галилейское озеро. Вода была очень холодной, но это доставило мне удовольствие. Каменистое дно было жестким, но это не имело значения. Я шел и шел по мелководью. Солнце согревало мое тело, но ниже колен ноги казались

погруженными в лед. Вскоре я достиг глубины, на которой можно было плавать. На мгновение я замешкался, но потом упрекнул себя в трусости и окунулся. Вода уже не была такой холодной, и я поплыл в сторону Гергесских гор, которые вставали над озером, укутанные утренними тенями, и лишь на выступах были озарены солнцем. Потом я медленно поплыл назад. С левой стороны я видел, как изгибается берег в направлении Тиверии. Я мог даже разглядеть скопление белых коробок, обозначавших город. Передо мной открывалась бурая равнина Генисарета и темная полоса эвкалиптов. Сладостное, ласкающее прикосновение воды, ее прекрасная голубизна этим зачарованным утром приводили меня в состояние экстаза. Я услышал над головой хлопанье крыльев, перевернулся на спину и увидел стаю белых голубей из Табги, круживших в воздухе. И вдруг заметил в небе едва различимую серебристую луну, тающую в синеве.

Я побежал назад, в Табгу. На завтрак был мед.

2

Я отправился с отцом Тэппером, чтобы взглянуть на руины церкви Хлебов и Рыб. Они находились всего в пяти минутах ходьбы от приюта.

Никто не знает, когда была выстроена эта церковь. Возможно, ее возвели в конце римской эпохи, а потом перестроили. Все, что от нее теперь осталось, — мозаичный пол и основания немногих колонн. Старый бедуин, охраняющий драгоценную реликвию, взял метлу и смел покрывающий находку слой земли, и с каждым взмахом на солнечный свет являлся чудесный фрагмент общей картины. Пол был выложен небольшими мозаичными композициями, изысканными по цвету, в них доминировали синие и зеленые тона. Кем бы ни был

художник, он знал и любил птиц Галилейского озера и сумел передать это самым выразительным образом с помощью цветных камней. Пол разделен на квадраты, примерно равные по размеру обычному ковру, и каждый квадрат украшен декоративным изображением птиц и зверей, выполненных так любовно и даже с чувством юмора, что легко вообразить, как создатель этих образов прятался в зарослях тростника, с потаенной улыбкой наблюдая за смешными движениями уток и журавлей, за уверенным щебетанием мелких пташек, мельтешивших в камышовых зарослях.

Мне особенно понравился портрет самодовольного гуся, пытающегося сорвать цветок лотоса. И другая одухотворенная картина: сражение между цаплей и змеей. Еще там была толстая перепелка. Я восхищался поразительным мастерством, которое проявил художник в передаче тех неуловимых и для многих совершенно неподатливых мгновений реальности, той секунды, когда водоплавающие птицы отрываются от глади озера и один-два раза делают своеобразные взмахи крыльями, как человек, который зевает и потягивается, чтобы взбодриться от сна. Это всего лишь мгновение, которое тут же исчезает. Но мастер, века назад наблюдавший за птицами на Галилейском озере, сумел запечатлеть эти мимолетные сцены, используя крошечные многоцветные камни, и среди его побед можно отметить птицу, похожую на журавля: кажется, вот-вот она взмахнет крыльями и вытянет шею, грудь выпятилась, хвост задран вверх, а одно крыло чуть выше другого.

Единственное четвероногое животное, представленное среди этих картин великого, но неизвестного художника, — смешное существо вроде кролика. Вокруг шеи у него повязана красная ленточка. Мне приятно думать, что это был домашний любимец самого мастера, потому что человек, с такой точностью и юмором наблюдавший за природой, должен был

любить животных. Мне также хотелось верить, что он поместил своего питомца на картину в твердой надежде, что это порадует Господа.

Центральная тема мозаики — корзина с хлебами, а по сторонам ее изображены рыбы.

Есть нечто завораживающее в этом мозаичном полу, полагаю, дело в том, что в отличие от большинства древних реликвий, вроде разбитой колонны или цоколя, это произведение явилось из могилы целостным, донося до нас свою главную идею через времена и языковые барьеры. Если бы внезапно мы услышали голос из-под земли, произносящий: «Я думаю, дикая утка на озере выглядит довольно забавно, не правда ли? Вы обращали внимание, как они переворачиваются хвостом вверх? А наблюдали за их выражением в момент, когда они выныривают на поверхность? А эти толстые перепелки и такие худые аисты, какие они славные!» — если бы раздался такой голос, обращенный к нам и тщательно выговаривающий слова, мы бы все равно не смогли бы острее ощутить присутствие художника.

Чудо умножения хлебов, когда Иисус накормил пять тысяч собравшихся у озера, конечно, произошло не на этом месте, но маленькая церковь, должно быть, служила памятником этому событию.

Стоя на берегу Галилейского озера, так легко воочию увидеть, как все происходило. Только что Иисусу принесли новости, что Ирод Антипа казнил Иоанна Крестителя, чтобы удовлетворить ущемленное тщеславие Иродиады. Господу советовали или, вероятно, Он сам счел разумным уйти из владений Антипы. Для этого требовалось всего лишь пересечь озеро, так как пустынные горы на восточном берегу уже относились к тетрархии Филиппа. Соответственно, рассказывает евангелист Матфей, «Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один»⁷⁵. Иначе

говоря, Он пересек озеро, остановившись на пустынном восточном берегу.

Но когда маленькая лодка преодолела шесть или семь пядей водной глади, огромное множество людей, прибывших со своими больными родственниками за исцелением, пошли за ним «из городов пешком». Зная форму Галилейского озера, можно живо представить себе эту картину. Очевидно, собрались целые толпы — как обычно, в Капернауме, но, обнаружив, что Учитель ушел, они проследили по воде Его путь и с радостью увидели, что Он всего лишь перебрался на противоположный берег, вероятно, в небольшой рыбацкий порт Вифсаида Юлия в месте впадения Иордана. Это означало: если не терять времени и поспешить вокруг северного берега озера, перебраться вброд через мелкий Иордан, можно попасть в Вифсаиду Юлию вслед за Иисусом. Таким образом, мы можем более или менее точно указать место совершения чуда умножения хлебов для пяти тысяч человек — на склоне темных гор, почти напротив Капернаума, потому что если бы Иисус направился южнее, вниз по озеру, множество собравшихся не смогло бы пешком последовать за Ним, а скорее всего, и не рискнули бы делать этого.

Когда Иисус пересек воды, Он почти сразу увидел толпу из пяти тысяч человек, приближавшуюся вокруг северной оконечности озера, и, должно быть, понял, что если у Него и имелись другие планы — молиться в пустыне в одиночестве или сокрушаться о смерти Предтечи, — их придется оставить, чтобы служить людям. Он вышел на берег к тому времени, когда люди уже подошли; мы читаем: «Иисус, выйдя, увидел множество народа; и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря»⁷⁶.

С приближением заката, видя скорое наступление ночи, ученики обеспокоились множеством собравшихся

голодных людей посреди пустынной местности. Они советовали Иисусу отпустить людей, отослать их домой.

Но Иисус ответил: «Вы дайте им есть».

Ученики вернулись и сообщили, что им удалось найти лишь пять хлебов и две рыбы. Евангелист Иоанн, который дает наиболее примечательное и подробное описание этого чуда, рассказывает, что хлеба и рыбы принадлежали мальчику. Вот точные слова: «Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?»¹⁷

Комментаторы высказывали предположение, что этот мальчик — один из разносчиков хлеба, какие и сегодня встречаются в арабских поселениях, иногда они продают и полоски вяленой рыбы в дополнение к хлебу.

«Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежащим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало».

В рассказе Иоанна об этом чуде есть одна исключительно любопытная деталь. Описывая рыбу, которую тогда ели, он использует греческое слово *опсарион*, которое наши переводчики интерпретируют как «маленькая рыба» или «рыбка». Евангелист Иоанн единственный, кто использовал именно это слово, но его точное значение не «рыбка», а «пряная рыба», то есть своего рода деликатес. В Галилее во времена Христа действительно была распространена маринованная пряная рыба небольших размеров, о ней в данном случае и говорится.

Это поразительный пример яркого местного колорита, который не раз проявляется в четвертом Евангелии, потому что человек, не знакомый с жизнью и речью Галилеи, не смог бы употребить этот термин.

Как мне кажется, мы вновь видим, что евангелист Иоанн демонстрирует галилейское происхождение, как

в рассказе о явлении Иисуса ученикам на рассвете, когда они рыбачили недалеко от берега. Кто, кроме рыбака, побеспокоился бы о состоянии сети в столь важный миг? Учитель был распят, а теперь стоит в предрассветном сумраке, обращаясь к ним с берега, а Иоанн отмечает, что, когда потащили сеть с рыбой, она даже не порвалась.

Человек другой профессии просто не обратил бы на это внимания, и уж, конечно, не пришло бы в голову ученому, работающему в тиши кабинета, подмечать такую деталь. Но галилейский рыбак, которому доводилось вытягивать тяжелый улов, всегда беспокоится о своей сети, потому что дно озера усыпано острыми камнями в двадцати-тридцати футах от места, где начинается песок. Какой крик поднимают современные рыбаки, когда надо тащить тяжелую сеть из глубокой воды в сторону полосы острых камней! С какой заботой они забегают с берега на глубину до бедер, чтобы приподнять ценный груз над камнями!

Раскрывая подобные детали и используя слова наподобие *опсарион*, Иоанн доказывает свое происхождение. Так и сегодня по специальным словечкам вроде «копчушка» мы распознаем в писателе шотландца.

Я постарался не слишком утомлять читателя учеными схоластическими баталиями, которые ведутся вокруг текстов евангелий, но хотел бы высказать предположение: возможно, очень просто сидеть в кабинете и рассуждать о Матфее, Марке и Луке, но никто не сможет вразумительно написать про Иоанна, пока не проведет какое-то время в Галилее.

Я проснулся на рассвете. Перистые розовые облака стояли высоко над Гергесскими горами, и веер света отражался в воде, картина была настолько прекрасной, что я набросил халат и поспешил через сад с фотокамерой. При удаче я мог бы поймать редкий кадр очаровательного восхода над Галилеей, прежде чем он закончится. И фотографию можно будет включить в книгу.

Если взглянуть на нее через увеличительное стекло, в середине темного пятна на озере можно рассмотреть гребную лодку. Я не заметил ее в тот момент. Однако пока я сидел на камне у озера, наблюдая за облаками, тающими в лучах солнца, лодка приблизилась, и я задумался о том, что она делает на воде в столь ранний час. Это не была одна из больших рыбацких лодок, она больше походила на маленькое суденышко отца Тэппера. Внезапно я услышал со стороны озера характерный звук. Это было стрекотание пишущей машинки.

Надо признать, что нигде стук пишущей машинки не был столь неожиданным, как здесь, во время рассвета над Галилейским озером. Лодка была еще далеко, и я не мог различить, кто в ней сидит; и тут она свернула в сторону, к Магдале. А фоном раздавалось *тап-тап-тап* пишущей машинки.

Я вернулся по каменным ступеням в сад и сквозь арку, густо увитую гибискусом, увидел отца Тэппера по дороге в маленькую часовню, где он собирался провести службу.

Одеваясь, я продолжал размышлять, кто же печатал на машинке. Это казалось загадочным. Не мог же я ошибиться? На мгновение я подумал, что солнце сыграло со мной злую шутку. Многие страдают в Палестине от солнечного удара. Я даже представил некое таинственное сверхъестественное существо,

печатающее на машинке. Такая картина заставляла кровь застывать в жилах.

Я намеревался спросить за завтраком у отца Тэппера, не брал ли кто-нибудь из гостей его лодку; но настоятель не пришел, а рыжебородый священник миссии утверждал, что лодка все время оставалась на месте. Этот отец был ученым-археологом и вполне трезвомыслящим человеком, так что его уверенность навела меня на самые мрачные мысли. Может, лодка, как и пишущая машинка, была всего лишь причудливым плодом воображения?

Позднее тем же утром, когда я писал на балконе, который огибал мою комнату, я снова услышал этот звук. Машинка! Она стучала громко и очень быстро. Я свесился через перила. Прямо подо мной за столиком, вынесенным с веранды, сидел высокий мужчина средних лет. На нем был серый твидовый костюм, и, несмотря на кошмарную жару, он не позволил себе ни малейших уступок: жесткий белый воротничок, пиджак застегнут на все пуговицы. Его пальцы летали над клавишами, он был полностью погружен в работу. Я задумался о том, кто это. Возможно, один из почтенных старших корреспондентов, представляющих на месте «Таймс», хотя я еще не видел никого в здравом уме, кто встал бы на рассвете, чтобы сесть за пишущую машинку в саду, полном мух. Или он автор романов — ведь беллетристы порой совершают весьма странные поступки. Как известно, на них может внезапно снизойти вдохновение. Но он совсем не походил на автора романов. Если бы все происходило в Шотландии, я бы сказал, что он коммивояжер, который старается справиться с неотложной утренней почтой. Но мы были на Галилейском озере.

На мгновение он замер в поисках слова и тут увидел мое удивленное лицо.

— Надеюсь, я не потревожил вас, — произнес он, — но если так, я...

— Напротив, вы дали мне повод для раздумий.

Он застенчиво улыбнулся.

— Могу я поинтересоваться, вы пишете книгу? — спросил я.

— О нет, — энергично ответил он с коротким смешком. — Ничего подобного. Я пишу жене.

Говорят, во время путешествий учишься ничему не удивляться, но этот человек вправду изумил меня.

— Вы пишете жене, когда еще солнце толком не взошло?

— А, вы видели меня?

— Нет, только слышал, если быть совсем точным.

— Да, это часть того же письма, — кивнул он.

— Если это не слишком сильно отвлечет вас, я хотел бы спуститься и поговорить.

Он приветливо улыбнулся, и я сбежал по ступенькам и подошел к нему. Как я уже говорил, это был высокий и худой мужчина с белыми усами, он носил очки. На столике лежала толстая рукопись, не меньше пяти тысяч слов. Он заметил мой изумленный взгляд.

— Это мое следующее письмо, — пояснил он. — Я планирую отправить его, как только вернусь в Иерусалим.

И еще говорят, что эпистолярный век закончился!

— Понимаете, я из Австралии, — продолжал он. — Всю жизнь я мечтал отправиться в путешествие. Всю жизнь! И жена отпустила меня в кругосветное путешествие. Я должен отсутствовать почти год. Так что, я думаю, меньшее, что я могу сделать для нее, это писать каждый день. Но мне нравится ей писать, особенно если удалось что-то сделать, если вы меня понимаете, чтобы она чувствовала, что находится рядом со мной. Например, я написал ей письмо на вершине Великой пирамиды, когда был в Египте. Другое я

напечатал для нее на верхнем ярусе падающей башни в Пизе. Это делает письма более живыми и реальными.

Он взял одну из страниц рукописи:

— Этим утром я начал так: «Пишу тебе с лодки посреди Галилейского озера, сейчас около пяти утра. Солнце только встает, и мы медленно идем на веслах вдоль...» Уловили, в чем суть?

Первоначальное изумление растворилось в теплом, дружеском чувстве к этому мужчине. Его обезоруживающая улыбка и огромный энтузиазм были притягательны и необычны для человека его возраста.

— Здесь жарко, — сказал он. — Может быть, вы зайдете ко мне в комнату, и мы поболтаем? Я люблю беседовать с людьми. Это дает больше материала для писем.

Он провел меня под увитой гибискусом аркой рядом с маленькой часовней. Отец Тэппер разместил своего гостя в сводчатом помещении на первом этаже, которое здесь называли «музеем». Бритвенный прибор постояльца стоял среди объектов, найденных при раскопках старинной церкви Хлебов и Рыб. Чемодан покоился на обломках двух римских колонн, причем он не был распакован, вероятно, из-за того, что комнату заполняла римская и греческая керамика вкупе со стеклом, монетами, ручками амфор, фрагментами византийских мозаик.

— Совершенно уникально! — улыбнулся он.

— Скажите мне, вы не разочарованы путешествием? — поинтересовался я. — Мир оказался таким удивительным, как вы ожидали?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — серьезно кивнул он. — Нет, я не разочарован. Я думаю, наш мир удивителен.

И он снова взглянул на меня с очаровательной, застенчивой улыбкой.

— Думаю, вы очень необычный человек, — признал я. — В зрелом возрасте вы сохранили огонь юности. Похоже, вам удалось избежать бремени зрелости.

— Ну, я полагаю, все дело в отношении к жизни... Но я приобрел замечательный опыт. Вас это не утомило? Правда? Это чудесно! Я присутствовал на аудиенции папы. Там, конечно, было много других людей! Не подумайте, что его святейшество принимал меня лично, ничего подобного. Я преклонил колена, и у меня в руке была целая горсть четок, и он, проходя, благословил их, и хотя я протестант и даже преподаю в воскресной школе, когда он прошел, я сказал: «Благослови вас Господь!», вот так! И знаете почему я так сказал? Чтобы написать жене, что обменялся парой слов с папой.

Глаза его светились искренним счастьем и торжеством.

— Я взял за правило купаться в каждом знаменитом озере или реке. Я плавал в Темзе, Сене, Москве-реке, Тибре, в реке Абана под Дамаском, в Мертвом море и в Галилейском озере. Меня едва не арестовали в Риме за купание в Тибре. Там очень сильное течение, но я только зашел и вышел — этого времени едва хватило, чтобы наполнить водой бутылку.

— Какую бутылку?

— Ну, понимаете, я хочу привезти с собой в Австралию маленькие бутылочки с водой знаменитых рек и озер. Там, дома, это понравится. Они все здесь, у меня в чемодане. Немного напоминает набор аптекаря, не так ли? И еще эти камни. Знаете, откуда они? С того места, где Давид поразил Голиафа.

Мы продолжили разговор жарким полднем — точнее, говорил почти исключительно он, а я сидел и слушал, удивляясь его жажде жизни. Ему все представлялось великолепным и восхитительным.

— Я всегда готов к приключениям, — заметил он с искренним энтузиазмом, создававшим ощущение

уникальности.

Так ли? Этот человек действительно объехал полсвета, следуя всем знаменитым дорогам; он шел сквозь джунгли собственного энтузиазма. Я восхищался им, потому что он был искренне влюблен в мир. В нем не было и тени цинизма.

— Есть одна услуга, за которую я был бы вам чрезвычайно благодарен, — произнес он. — Я был бы счастлив, если бы вы сфотографировали меня купающимся в Галилейском озере.

— С удовольствием.

— Тогда, пожалуйста, я поищу купальный костюм. Вот он и вот моя камера!

Он вышел на слепящее солнце, широко шагая, с обнаженной головой, но твидовый костюм был по-прежнему застегнут на все пуговицы. Он разделся за заслоном эвкалиптов, и когда он погрузился в озеро со счастливым лицом десятилетнего мальчишки, я зашел в воду и сделал снимок.

— Спасибо! — сказал он. — Этому будут так рады дома! Вы уверены, что перемотали пленку?

4

Меня всегда удивляет, когда люди выражают недоумение, почему ничего не осталось от римской Галилеи. Вероятно, они никогда не видели автомобиль через полчаса после падения с утеса возле отдаленной арабской деревушки. А я видел. Того, что от него осталось, не хватило бы на изготовление будильника! Есть нечто дикое и безудержное в этой жажде добычи, нечто примитивное в способности к разрушению, в том, к счастью, не слишком распространенном представлении, которое не раз приходится наблюдать в истории этой страны.

Во времена Иисуса Галилейское озеро было одним из наиболее активных деловых центров страны, а западный берег был окружен кольцом городов и селений. Губернатор провинции жил во дворце на горе над Тиверией. А само озеро было полно кораблей.

Часто думают, что Иисус проповедовал свое учение простым сельским жителям в отдаленном районе Палестины, куда не проникали сведения о далеком внешнем мире, и потому ничто не могло потревожить бессмертное течение Его мысли. На самом деле пастырская миссия осуществлялась в наиболее космополитичном регионе страны, а также на территории, где пересекались и расходились дальше древние торговые пути из Тира и Сидона на западе, старые караванные маршруты из Дамаска на северо-востоке, а также основная имперская дорога. Галилея располагалась в точке пересечения основных дорог древнего мира, на полпути между Дамаском и египетской границей, с одной стороны, и между Антиохией и Иерусалимом — с другой.

Кроме того, это был богатый сельскохозяйственный и промышленный регион. Горы вокруг озера, теперь столь пустынные, были покрыты пальмами, маслинами, фигами и виноградниками. Фрукты с Галилейского моря славились еще с библейских времен. На озере развивались многие ремесла, в частности постройка лодок, крашение пряжи и тканей (в Магдале), гончарное дело и засолка рыбы. Большое предприятие по засолке находилось в Тарихее, к югу от озера, где рыбу солили и паковали на вывоз.

В Иерусалиме всегда действовал крупный рынок соленой рыбы. В ветхозаветные времена рыботорговля, кажется, находилась в руках жителей Тира и египтян. «Рыбные врата» древнего Иерусалима, за которыми и находился соответствующий рынок, стояли неподалеку от северных ворот — естественного въезда для тех, кто

шел из Тира. Однако представляется несомненным, что примерно за пятьдесят лет до Христа грекам удалось сломать монополию, учредив предприятие по засолке рыбы на Галилейском озере. Плиний сообщает, что в его дни местом соления рыбы была Тарихея, и присваивает это имя всему озеру, так что, следует думать, первоначально промысел принадлежал именно грекам. Должно быть, вскоре дело приняло грандиозный размах, ведь мы знаем, что целые бочки соленой рыбы доставлялись во все концы средиземноморского мира, а каждую весну громадные партии направлялись в Иерусалим к Пасхе, когда множество людей приходило к Храму. Брат-францисканец в Иерусалиме рассказал мне любопытную легенду о галилейском рыбном промысле. Тогда я не придавал ей большого значения, решив, что это всего лишь одна из сотен наивных теорий, которые приходится выслушивать и тут же забывать путешественнику.

На одной из боковых улочек Иерусалима есть маленький темный сарай (теперь, я полагаю, это арабская кофейня), в котором сохранились камни и арки, бывшие некогда частью христианской церкви. Согласно францисканской традиции, эта церковь была возведена на месте дома, принадлежащего Зеведею, отцу евангелиста Иоанна. Францисканец сообщил, что это была семья богатого рыботорговца из Галилеи, которая держала «филиал» в Иерусалиме для снабжения, в том числе и семьи Каиафы, первосвященника. Следовательно, это объясняет загадочные, на первый взгляд, ссылки Евангелия от Иоанна на тот факт, что сам Иоанн (он называет себя анонимно «тот другой ученик») имел доступ в дом первосвященника после ареста Иисуса, *потому что его знал привратник.*

Когда осознаешь, что ученики вроде Иоанна принадлежали, без сомнения, к процветающим торговым семьям, имевшим дела в столице, этот

рассказ, сохранившийся во францисканской устной традиции, не кажется слишком экстравагантным. Как иначе объяснить, что сын Зеведея, житель Галилеи, был известен привратнику дома важного человека в Иерусалиме? Конечно, они могли быть родственниками, но гораздо более убедительное объяснение гласит, что Иоанна знали как уважаемого местного торговца. Если у его отца была рыбная лавка в Иерусалиме, вполне естественно предположить, что Иоанна знали именно как человека, время от времени доставлявшего рыбу. Но если Иоанн таким образом работал в Иерусалиме, это помогает понять две наиболее любопытных черты его Евангелия: детальное топографическое знание как родной Галилеи, так и Иерусалима.

Я уже упоминал о детальном знакомстве евангелиста с обычаями рыбаков на озере. Но он и в Иерусалиме чувствует себя как дома. Он знает, что Кедрон — поток, который можно пересечь вброд только в засушливый сезон. Он единственный из всех евангелистов упоминает название «гаввафа» для описания площадки в претории, где проходит суд. Только он сообщает, что народ, приветствовавший Христа как Мессию, взял ветви *пальм*, что росли на Елеонской горе. В этих живых штрихах и заключены свидетельства того, что Иоанн был уроженцем Галилеи, близко знакомым с Иерусалимом.

При попытке реконструировать деловую жизнь Галилейского озера, какой ее видел Иисус, мы не должны забывать, что горы, сегодня нагие и безжизненные, тогда были покрыты деревьями. Сложная система акведуков, развалины которых можно найти тут и там (в частности, в скалах позади странноприимного дома в Табге), переносила потоки пресной воды туда, где она требовалась. Климат был, вероятно, менее жарким, чем в наши дни. Возможно, лесистые склоны притягивали более обильные дожди,

что смягчало жару. Можно вообразить это прекрасное голубое озеро окруженным бастионом темных гор на востоке, а со стороны западного берега — почти непрерывным кольцом городков и поселений, лежащих на зеленых склонах, покрытых лесами, ухоженными садами, наполненными мелодиями бегущей воды. Эту картину дополняют доки и причалы Тарихеи, длинный ряд навесов, стук молотков бондарей, пакующих рыбу в бочки, шум корабельных работ — скорее всего, они шли в Капернауме, — дым и запах красильных мастерских Магдалы, многочисленных гончарных. На горе за правительственным городом Тиверией высился величественный дворец Ирода, греческие скульптуры которого сияли на солнце, а потому были видны издали; крепкие городские стены тянулись до самого озера, ограждая улицы, виллы, театры и амфитеатр, где греки, римляне и саддукеи аплодировали странствующим трупам Антиохии или смотрели бои гладиаторов, имена которых гремели по всему Десятиградью.

Побережье озера, каким знал его Иисус, должно было входить в число самых деловых и космополитичных районов Палестины. В городах говорили на греческом, латыни и арамейском. Население было погружено в решение насущных, повседневных дел и, безусловно, составляло часть богатого, многообразного мира, балансирующего между Востоком и Западом, мира евангелий и раннехристианской церкви.

Когда Иисус ходил по дорогам Галилеи, Он встречал на пути длинные караваны, шедшие на юг вброд через Иордан; видел, как солнце сверкало на копьях римских манипул и когорт; сталкивался с компаниями финикийских купцов, путешествующих по Галилее; замечал носилки и колесницы великих мира сего, трупы странствующих артистов, жонглеров и

гладиаторов, приглашенных в веселые греческие города Десятиградья.

Тень этого мира падает на страницы Нового Завета. Бродя по дорогам Галилеи, Иисус шел по современному миру с его обменными пунктами, сборщиками податей, рынками и несчастными богачами. Если мы будем думать о Нем вне обстановки Галилейского озера, то не сможем представить себе, как Он удалялся от этого мира, проповедуя новым верующим, простым душам: мы должны понять, что Он добровольно жил среди людей многих наций, на одном из напряженных перекрестков Римской империи.

5

Утром я взял лодку и двинулся на веслах мимо маленьких пустынных бухточек на север от Табги. День был прекрасный, никогда еще вода озера не казалась мне такой голубой. Голые скалы вздымались из воды, изящными кривыми очертаниями вырисовываясь на фоне неба. Повсюду лежали груды черного базальта — на склонах и у самой кромки воды, — а поскольку эта вулканическая порода здесь широко распространена, даже ящерицы приобрели тот же цвет, имитируя окружающую среду. В глубине одной бухты я заметил белый храм, спрятавшийся за кустами и стволами эвкалиптов. Я мог рассмотреть четыре колонны, поддерживающие разбитый архитрав, мощный двор, сквозь камни которого обильно прорастала трава, проем двери, ведущий в никуда, и обычный хаос обломков колонны и рухнувших плит. Большинство ученых сходятся на том, что это — скудные останки Капернаума.

Я привязал лодку и, миновав сад, разбитый братьями-францисканцами, которые жили неподалеку,

побродил среди обрушившихся камней. Храм — это руины синагоги Капернаума. Некоторые эксперты утверждают, что синагога — то самое здание, в котором проповедовал Иисус и где Он творил чудеса; другие говорят, что это другое здание, построенное на месте прежнего гораздо позже. Но имеет ли это большое значение? Именно здесь прожил Иисус Христос два-три наиболее важных года мировой истории. Где-то среди груд черного базальта находится место, где стоял дом Петра, в котором остановился Господь; где-то на берегу бухты то место, где Он увидел «Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков»⁷⁸. А чуть дальше по берегу расположено то место, где Иаков и Иоанн, сыновья Зеведеевы, оставили отца в лодке с наемными слугами, чтобы следовать за Учителем. Вероятно, на этом самом месте, оставленном теперь всеми, кроме маленьких черных ящериц, мелькающих между камней, Иисус изгонял нечистого духа и исцелял сухорукого. Если не из этой бухты, так из другой, похожей на нее, вышел Иисус в маленькой лодке и говорил со множеством людей, собравшихся на берегу.

Белые руины в эвкалиптовой роще, на мой взгляд, — одно из самых трогательных свидетельств пастырской миссии Иисуса, сохранившихся в Святой Земле. Братья-францисканцы, с любовью и почтением оберегающие здесь каждый камень, оставили белые руины, обращенные к озеру, нетронутыми, чтобы каждый мог присесть и ощутить, что вот на этом месте стоял Иисус, смотрел на голубые воды и темные горы «пустынной страны» напротив, а к югу видел поверхность озера со знойным маревом, создающим иллюзию моря.

Должно быть, синагога эта была одной из самых красивых в Галилее, и то, как часто она упоминается в евангельской истории, дает основание предполагать,

что она считалась наиболее важной на этой стороне озера. Вероятно, кочевое происхождение евреев объясняет тот факт, что они не создали собственной архитектуры. Даже главное строение — Храм в Иерусалиме — есть модификация сперва финикийской, а потом греческой архитектуры. По этой причине многие ученые предполагают, что синагога была построена во времена Христа «добрым сотником» Капернаума. Помните, как евангелист Лука рассказывает о заболевшем слуге сотника и о том, как старейшины пришли к Иисусу, объясняя, что сотник заслуживает помощи, ведь он «любит народ наш и построил нам синагогу»?⁷⁹

Существует общепринятое мнение, что сотник из Капернаума был римлянином. Но почему римлянам понадобилось размещать войска на территории, которой управлял Ирод Антипа? Гораздо вероятнее, что это был солдат-язычник из армии самого Антипы, части которой были расквартированы в Тиверии, маленьком городке на берегу озера. Был он римлянином или нет, его характеризуют как богатого и влиятельного человека. Боюсь, мы часто приписываем сотникам (центурионам) тот блеск, которым они не обладали. В действительности сотник — офицер средней руки, командовавший сотней солдат, практически всегда выходец из их рядов. Легион состоял из шестидесяти центурий (сотен), и хотя они составляли костяк римской армии, сотники ни в коей мере не являлись людьми богатыми; лишь *примус пилус* — главный центурион — был высшим офицером в полном смысле этого слова. Ювенал в одной из сатир говорит, что центурионы часто становились объектом насмешек (как в наши дни любят посмеиваться над полицейскими) из-за мясистых икр и подкованных гвоздями сандалий, из-за общей туповатости и кряжистости фигуры. Меня удивляет, что многие блестящие ученые не задаются вопросом, как

человек такого ранга сумел построить дорогое здание наподобие синагоги Капернаума. Осмелюсь робко предположить, что он в действительности просто предоставил комнату для собраний своим еврейским друзьям из сочувствия и интереса к их вере; такие скромные синагоги, занимающие одну комнату, существуют и в современном Иерусалиме.

Сидя на развалинах здания и глядя на голубое озеро, невольно пытаешься представить себе, каким предстал Иисус перед современниками. Традиционный образ христианского искусства — Иисус с непокрытой головой — не может быть верным. Вероятно, самый адекватный портрет Христа нарисовал доктор Степфер в книге «Палестина во времена Христа»:

На Нем не было ни тонкого белья, ни богатых облачений тех, кто жил в царских домах, не было у Него и длинных развевающихся одежд, какие были приняты среди книжников и фарисеев. На голове, должно быть, Он носил тюрбан, национальный головной убор, используемый как богатыми, так и бедными. Художники совершают ошибку, когда представляют Христа с непокрытой головой. Как мы уже сказали, тогда все ходили в головных уборах. Возможно, Его тюрбан был белым и завязывался шнурком под подбородком, а сбоку ниспадал на плечи и тунику. Под тюрбаном волосы оставались длинными, а борода была нестриженной. Хитон состоял из цельного куска ткани; он, впрочем, кое-что стоил (Ин 19:23) и, возможно, был подарен Ему одной из женщин, которые ухаживали за Ним. Поверх хитона Он носил свободный, ниспадающий до земли *плащ-талиф*. Эта накидка не была белой, потому что нам сообщают, что она побелела в момент

Преображения. Она не была красной, поскольку такие носили только военные. Возможно, она была синей, так как это был самый распространенный цвет, или в белую и коричневую полоску. В любом случае, известно, что по всем четырем сторонам накидка была окаймлена синей или белой бахромой — она называлась *сиккиф*. На ногах Он носил сандалии, об этом мы узнаем от Иоанна Крестителя; а во время путешествий, переходя с места на место, Иисус, без сомнения, наматывал по бедрам пояс и брал в руку посох...

Я сел на весла и двинулся назад, в сторону Табги. Я ступил на берег в том месте, где, судя по всему, заканчивался Капернаум. Там лежат несколько камней в форме сердца, называемые *Менса Кристи* — Алтарь Христов; с большой степенью вероятности можно сказать, что они входили в ограждение причала древнего города.

Морской офицер, которому я показал фотографии *Менса Кристи*, сказал мне, что они очень похожи на такие же фрагменты причалов в портах Малой Азии. Каждый камень имел в центре выемку-потертость, указал мой приятель, она образуется от трения абордажных крюков или якорей рыбацких судов. Полагаю, у меня есть основания утверждать, что это место, хотя и знакомое ранним пилигримам, с веками было потеряно.

Если эти камни и вправду были частью древнего причала Капернаума, это одна из интереснейших реликвий Палестины. Не тот ли это причал, на котором сидел евангелист Матфей, собирая подати? До приезда в Палестину я воображал, что Матфей располагался в здании таможни на северной оконечности озера, видимо, представлявшей своего рода границу между

владениями Ирода Антипы и Филиппа, тетрарха Галонитиса. Но, читая евангелия на месте, невозможно удержаться от мысли, что Матфей находился не на дороге, а непосредственно на берегу озера. «И вышел Иисус опять к морю; и весь народ пошел к Нему, и Он учил их. Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним»⁸⁰. Из слов евангелиста Марка совершенно ясно, что пункт сбора податей находился у озера. Если так, он предназначался для сбора пошлин на привозимые по воде товары и начисления процента с улова рыбы, пойманной местными рыбаками. Единственное место для подобной заставы могло быть на причале.

Очевидно, Матфей был всего лишь одним из многих столь ненавидимых мытарей — сборщиков податей, служивших в окрестностях Галилейского озера. Это место, должно быть, просто кишело ими: приграничный район, куда стекались товары караванными маршрутами из соседней тетрархии Филиппа, с противоположного берега озера, считавшегося греческой территорией, и все они облагались таможенными сборами. Доход Ирода с его тетрархии составлял 200 талантов (около 42 240 фунтов стерлингов), и мы можем не сомневаться, что мытари выжимали все до последней монеты.

Матфей, о котором часто говорят как о римском служащем, в действительности им не был. Он был местным таможенником на службе Ирода Антипы. Талмуд упоминает два рода мытарей: общих сборщиков податей (*габбай*) и служащих таможни (*мокес*, или *мокса*); и тех и других от всей души ненавидели и презирали все евреи во времена Христа, как в XIX веке в Ирландии ненавидели представителей землевладельцев. В Иудее сборщик податей считался ставленником притесняющей народ чужой

администрации, в Галилее он был агентом не менее алчного правителя.

Легко вообразить, что Матфей, если пост его находился на причале Капернаума, имел множество случаев видеть, как приезжает и уезжает Иисус. Вот мнение доктора Эдершейма, который нарисовал прекрасную картинку в книге «Жизнь и времена Иисуса Мессии»:

«Насколько мы можем судить, еще задолго до знаменательного дня, который навсегда определил его жизнь, Матфей в сердце своем уже стал учеником Иисуса. Только он не осмеливался, не мог, не надеялся на личное признание — и еще меньше на возможность стать учеником. Но когда этот день настал, и Иисус остановил на нем взгляд, полный любви, взгляд, проникавший в самую глубину его души, и сделал его истинным ловцом человеков, не понадобилось и мгновения на раздумья или сомнения. Стоило Ему произнести „Следуй за Мной“, прошлое было поглощено небесным блаженством настоящего. Он не сказал ни слова, ибо его душа пребывала в безмолвном изумлении от неожиданной любви и милости; и он встал, оставил таможню и последовал за Ним».

Самая священная и поразительная ассоциация, которую вызывают эти странные сердцевидные камни, — серый рассвет на озере, когда Иисус явился семи ученикам после Воскресения. Они не узнали Его, увидели лишь одинокую фигуру, стоящую на берегу, и услышали голос, обращенный к ним. Если эти камни — те самые, о которых говорит предание, значит, именно на них воскресший Христос развел огонь и положил на него рыбу и хлеб. И когда серые предрассветные сумерки перешли в сияние утра, произошло одно из самых трогательных событий евангельской истории: апостол Петр был прощен за отступничество и услышал

то же самое приглашение, что и в первый день ученичества: «Следуй за Мной».

И с этих камней маленькая группа последователей услышала слова, которые выражают самую суть их пастырской службы:

«Паси овец Моих!»⁸¹

6

На протяжении всего марта журавли летят на север через Галилейское озеро. Они мигрируют из Центральной Африки и путешествуют через Палестину до России. «И аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь, а народ Мой не знает определения Господня»⁸², — говорил Иеремия.

Я всегда буду думать о перелете журавлей как об одной из характерных примет Галилеи. Они летят на огромной высоте, и их можно не заметить, пока солнце, сияющее на белых перьях, не превращает птиц в видение снегопада на фоне голубизны. Они движутся медленно, делают круги в воздухе, это гигантское скопление тысяч птиц, которые порой замирают на месте и начинают вращаться вокруг одной точки, словно размышляют, не спуститься ли им. Но через полчаса, если взглянуть на небо, вы обнаружите, что они уже скрылись за горой Хермон.

Повсюду вокруг Табги встречаешь черно-белых зимородков, как правило, парами. Они парят над Галилейским морем, как ястребы, и резко пикируют в воду, практически всегда выуживая оттуда маленькую рыбку. Эти черно-белые зимородки, такие простенькие по сравнению с переливающимися сине-зелеными собратьями, обитающими у английских водоемов, напомнили мне одну любопытную легенду, связанную с

этим видом птиц. История гласит, что все они были изначально серыми или белыми, а яркий окрас получили, когда, покинув Ноев ковчег, полетели прямо на свет заката. Я не готов ответить на вопрос, как зимородкам Галилеи удалось пережить потоп!

Есть в этом районе и другие виды птиц, напоминающие наших сверкающих зимородков, но это щурки.

Самый домашний звук в Галилее — чириканье воробьев. Их тут огромная колония, обитающая в эвкалиптовом лесу Табги, и каждый вечер они пронзительно щебечут, пока не наступает закат, и лишь тогда унимаются и засыпают.

Эвкалиптовая роща — самое необычное место на Галилейском озере. Под высокими деревьями всегда прохладно, а почва мягкая, и под ногами похрустывает мертвая листва — почти как в родном лесу.

В самую отчаянную жару я мог сидеть там часами, наблюдая за зимородками и водяными черепахами. Эти черепахи очень робкие, но молодые и неопытные порой лежат на краю водоема, вместо того чтобы занимать камни посередине источника. Их очень легко поймать, и в таком случае удастся заметить змеевидную головку, мгновенно ныряющую под панцирь, из-под которого сверкает острый взгляд крошечных черных глазок. Под водой плавают они с удивительной скоростью, их маршрут можно проследить по тупым носам, высовывающимся на поверхность с абсолютной регулярностью, так как им необходим воздух. Я рад, что арабы не обнаружили никакой коммерческой пользы в их панцирях, иначе черепах здесь уже давно бы не было. И хотя они путешествуют по всему периметру Галилейского озера, теплый, прогретый солнцем скальный бассейн явно оказался их излюбленным местом обитания.

Арабы рассказывают о черепахах довольно примечательную историю. Говорят, однажды какая-то женщина хлопотала у плиты, выпекая хлеб, а другая женщина проходила мимо и попросила дать ей кусок. Отказать в куске хлеба здесь считается чудовищным поступком, и тем не менее хозяйка заявила, что ей нечем поделиться. Тогда госпожа Фатима, ибо это была именно она, наложила проклятие на ту, что пекла хлеб, пообещав, что она всю жизнь будет таскать печь на себе. Несчастливая женщина стала черепахой, и арабы, вытаскивая черепах из воды, показывают темно-коричневые отметины на панцире, утверждая, что это следы нагара на печи.

Иногда вечерами арабская лодка скользила вблизи берега, и лодочник Абдул, который никак не мог опомниться от размеров первых чаевых, которые я ему дал, прыгал в воду и шлепал к берегу. Он очень любил английские сигареты и, затягиваясь, далеко запрокидывал голову.

Как-то я спросил его, рассказывают ли арабы в Галилее истории об Иисусе.

— О да, — ответил он. — Иса исцелил дочь царя Гергесы, у которой были демоны под ногтями.

Я понятия не имел, что означают «демоны под ногтями», и никто не смог мне этого объяснить.

Арабы знают, что Иисус ходил по воде озера, они почитают дерево, растущее на вершине горы и отмечающее место, где, по преданию, было совершено одно из чудес. Его называют Деревом Благословения, и местные жители верят, что если сжечь одну ветку с этого дерева, можно исцелиться от любых болезней.

Многие из историй Абдула для меня не имели смысла, а может, его английский был недостаточно хорош или мой разум затуманился из-за бесконечной жары. Мне нравилось слушать его мягкий, монотонный голос, смотреть на голубую воду озера, на черепах,

греющихся на камнях в лучах солнца, следить за медленным полетом журавлей, летящих к северу.

7

Однажды утром рыбаки отвезли меня на гребной лодке к устью Иордана, где, выйдя на берег вместе с Абдулом, я прошел к руинам Эль-Телль, которую некоторые ученые мужи определяют как Вифсаиду Юлию.

Мы шли мимо зерновых полей, перепрыгивали через овражки и ирригационные каналы. Внезапно, свернув в сторону, мы наткнулись на огромного водяного буйвола, прекрасно проводившего время в Иордане. Он фыркнул и ускакал прочь, подняв фейерверк грязевых брызг.

— Когда Аллах создавал корову, — тут же начал Абдул, — мимо проходил Рогатый...

Арабы невероятно суеверны и смертельно боятся называть неприятные вещи их собственными именами; в частности, дьявола они называют Рогатым.

— ...проходил Рогатый. И когда он увидел корову, которую делал Господь, он громко и долго смеялся. Он сказал, что никогда не видел такого смешного животного. Тогда Бог предложил ему сделать другое, получше. И дьявол сделал водяного буйвола...

По противоположному берегу Иордана, находившемуся ярдах в двадцати, брел араб, который, завидев нас, громко крикнул что-то по-арабски.

— Тот парень просит сигаретку, — перевел Абдул.

— Но мы же не можем бросить сигарету через реку.

— О нет, мы просто оставим ее на камне, а он перейдет вброд и возьмет.

Я достал сигарету и положил на камень.

«Тот парень» рассыпался в тысяче благодарностей.

Когда мы добрались до развалин Эль-Телль, оказалось, там не на что смотреть, кроме обычной груды черного базальта. Нас мгновенно окружила дюжина бедуинских детишек, которые встали кольцом и уставились на меня так, словно я призрак.

Внезапно мы услышали необычайное, дикое пение из расположенной ниже долины. Это была монотонная песня, слова и мелодия бесконечно повторялись. Абдул объяснил, что это бедуинская свадьба. Примерно тридцать всадников вылетели галопом из-за холма и начали бешено гарцевать, образовав кольцо.

— Тот господин впереди, — указал Абдул, — он жениться на даме там, и он с друзьями ехать ее забрать.

«Там» означало соседнюю стоянку. Пока мы смотрели на них, от группы отделился один всадник и внезапно помчался к нам, пустив лошадь легким галопом вверх по каменистому склону. Он вступил в долгие и явно сердитые переговоры с Абдулом. Очевидно, предметом обсуждения был я.

Оказалось, что, явившись в Эль-Телль, я пересек границу между Палестиной и Французской Сирией. Теперь я находился на французской территории и — без паспорта. Я еврей? Нет! Значит, я шпион? Нет! Дикий всадник, который, как выяснилось, был чем-то вроде полицейского начальника, завершил переговоры заявлением, что если я в течение четырех часов не покину территорию, он меня арестует.

Смотреть было не на что, так что мы удалились тотчас. На обратном пути мы увидели, что араб на другом берегу Иордана курит сигарету.

Среди всех мест, которые я видел, Галилейское озеро — единственное, где сохранился дух Христа.

Здесь нет соперничающих сект, нет спорных святынь; только озерная вода плещет на черные камни, неспешно растут зерновые, созревают фрукты, сверкают на солнце зимородки и щурки, днем светит солнце, а ночью луна.

Время оказалось не властно над озерным краем, где родилось христианство. Он еще прекраснее, чем рисовало воображение. Здесь нет рукотворных храмов, нет столкновения вероисповеданий, ревности и ненависти.

В ночной тишине маленькие рыбацкие лодки скользят под звездами, как это было в те времена, когда Голос воззвал с берега: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков»⁸³.

Глава восьмая

Сидон, Ливан и Баальбек

Я исследую руины Кесарии Филипповой, отправляюсь в Сидон, посещаю гору, на которой когда-то стояла Эстер Стэнхоуп, выступаю в защиту святого Георгия, взбираюсь на бастионы величайшего замка крестоносцев в Сирии, путешествую по Ливану в направлении Баальбека и Дамаска, останавливаюсь у могилы Саладина и путешествую на юг, чтобы сдержать обещание.

1

Несмотря на то, что было всего лишь начало марта, урожай пшеницы уже созрел на Генисаретской равнине.

Однако бананы отца Тэппера разочаровали меня. Они прятались в густых, спутанных зарослях, словно крошечные слоновьи бивни, и даже самые усердные поиски не дали мне шанса найти хоть один съедобный плод.

День ото дня я чувствовал, как нарастает жара. Случайные экземпляры устаревших английских газет, оставленных гостями приюта, сообщали странные в такой обстановке новости о снежных заносах в Шотландии, а на последних страницах были напечатаны фотографии с изображением катания на санях в Дербишире. В столь жаркие, золотые от солнца дни на Галилейском море трудно поверить в подобное.

В евангелиях нет ни слова о жаре, если не считать общую атмосферу южной страны, где вся жизнь проходит на открытом воздухе. Думаю, единственный

ключ — упоминание, что святой Петр был наг и «опоясался одеждою» на рассвете после Распятия, когда ученикам явился Иисус⁸⁴. Только в субтропическом климате люди могут расхаживать обнаженными в апреле.

Когда наступило время моего отъезда из Табги, я понял, что сожалею об этом и не хочу покидать это место. Я готов был воспользоваться любым предлогом, чтобы задержаться. Но пришло утро, когда, сто раз повторяя, что я непременно сюда вернусь, я все же распрощался с отцом Тэппером и поехал прочь, мимо черных шатров бедуинов и руин церкви Хлебов и Рыб. Дорога уводила меня в горы, высившиеся у подножия Хермона. Я направлялся в Кесарию Филиппову.

По мере того как машина поднималась в гору, воздух становился прохладнее. Я почувствовал прилив энергии, ощущал свежий ветерок. Горы сияли многоцветием. Словно некий гигант широкими, размашистыми мазками раскрасил их в ярко-красный, синий, белый тона. Светящиеся на солнце нарциссы саронские — «розы Шарона» — милю за милей покрывали склоны. Другие участки заросли дикими анемонами — «полевой лилией», а еще на глаза попадались лиловато-розовый лен, лютики, ирисы, зарази́ха и огуречник.

Все они внезапно расцветали в горах Галилеи, как молитвенное песнопение, и увядали так же быстро, как распустились. Приближался день, когда все они засохнут и опадут от зноя, и с того момента край станет коричневатобурый, ручьи будут усыхать, пока не иссякнут, и на землю обрушится засуха.

Дорога на Кесарию Филиппову ассоциируется с кризисом в отношениях двенадцати апостолов. Вдоль этой дороги, сразу после пересечения границы Галилеи, вел их Иисус, пытаясь приготовить учеников к восприятию Его смерти и Воскресения. Увлекательно воображать, как шел здесь бессмертный путник,

пересекая залитые солнцем горы, время от времени останавливаясь, чтобы оглянуться на место сотворения множества чудес, ведь с каждого ярда этой дороги открывается прекрасный вид — словно с высоты птичьего полета — на отдаленный озерный край.

Это было летом, за год до Распятия. Тень Креста уже легла на пути Христа. Среди всех воспоминаний о Нем, какие доступны человеку, читающему евангелия, то, которое касается событий во время путешествия «в страны Кесарии Филипповой»⁸⁵, пожалуй, наиболее торжественное.

Справа от дороги, если ехать к северу, особняком стоит небольшой спящий вулкан. Его склоны покрыты потеками застывшей лавы. Это очень удобная точка обзора для каждого, кто хочет взглянуть с высоты на Галилейское озеро и попрощаться с этим замечательным местом. Я взобрался на вулкан, и на мгновение мне показалось, что Иисус тоже стоял здесь летним днем, глядя назад, на Галилею. Далекое озеро лежало в глубине долины, голубое, неподвижное в безветренной жаре, окруженное высокими горами; каждая тропа, каждое дерево отчетливо просматривались в кристально чистом воздухе. Я мог разглядеть не только озеро, от края до края, но и, далеко к югу, Иордан, уходящий в суровое, пустынное ущелье.

И прошлое, и будущее открывалось перед Иисусом в тот день, когда Он вел своих учеников к горе Хермон. Конечно, Он просто обязан был оглянуться. Только что фарисеи и саддукеи, оставив на время взаимную вражду, пришли к Нему, требуя знамения, — Иоанн Златоуст предполагает: «Они просили Его остановить движение солнца, или удержать в небе луну, или обрушить на землю гром, или совершить нечто подобное». И Он вздохнул глубоко и сказал: «Для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение»⁸⁶.

Воображение рисует картину того, как стоял Иисус на этих горах и печально глядел вниз, на страну Своего Пастырского пути, на череду маленьких городов, где люди, глухие к вещам духовным, шумели и ликовали лишь по поводу чудес и знамений. Когда же Он развернулся спиной к озеру, запорошенный снегом хребет Хермона, как стена, встал перед ним; и тогда Он обернулся к двенадцати ученикам, которые шли с Ним, и спросил:

«За кого почитают Меня люди?»

И они ответили, что некоторые, как Ирод Антипа, верят, что Он — оживший Иоанн Креститель, другие думают, что Он — Илия или один из древних пророков.

«А вы за кого почитаете Меня?» — спросил Иисус.

Ответил Петр: «Ты Христос»⁸⁷.

И тогда Иисус сказал ему: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».

Городом, к которому приближались Иисус и его ученики, была большая языческая Кесария Филиппова, расцветшая красой мраморных колонн и многочисленных источников, протекавших среди густых лесов на низких склонах Хермона. Во всей Палестине и Сирии нет места прекраснее для города. В горах за поселением был темный грот, из которого начинал свой бег ручей, становившийся далее одним из главных истоков Иордана, вода его сверкала на солнце и была видна издалека, даже из самого города на равнине. Греки называли это место Паней, так как подобные гроты всегда посвящались богу Пану. Ирод Великий украсил Паней храмом в честь императора Августа. Когда Филипп Тетрарх в год рождения Христа унаследовал это чудесное владение, он выстроил там целый город и назвал его Кесарией в честь императора Тиберия, добавив также и свое имя, чтобы отличить новую столицу от Кесарии на морском побережье.

Однако нет никаких свидетельств того, что Иисус входил в этот город. Как и Тиверия, Кесария Филиппова оставалась языческим местом, а потому считалась нечистой. Впрочем, многие авторы любят вообразить Иисуса в городе, среди нищих и странников, взирающим на храмы старых богов, а затем молча продолжающим путь.

Разделительная линия между Палестиной и Сирией сегодня проходит по Иордану, как и в те дни, когда Иисус шел из Галилеи в Галонитис.

Вероятно, где-то на этой дороге, возле пограничного поста Рош-Пинна, находился и дорожный патруль Филиппа Тетрарха. Сегодня над маленьким зданием в стороне от проезжей части развевается британский флаг. Из офиса вышел служащий, проверил мой паспорт и знаком разрешил ехать дальше, во Французскую Сирию. Через милю или около того мы добрались до французской заставы. Над таким же зданием, стоящим на берегу Иордана, развевался трехцветный флаг, а в тени эвкалипта сидел французский пограничник, игравший в карты с местными шейхами.

Ожидая, когда он вернет мой паспорт, я услышал, как арабы говорили, мол, один из шейхов собирается показать *фантазияс*. Это слово арабы используют очень часто, чтобы охарактеризовать нечто восхитительное и очень необычное. Как это греческое по происхождению слово закрепилось в арабском языке? Наверное, еще сотни лет назад его принесли сюда греки, жившие в Десятиградье.

Раздался бешеный стук копыт, и из-за угла вылетел шейх на маленькой горячей белой кобыле. Он сорвался с места галопом, развернулся и так же стремительно умчался прочь. Затем мы услышали, как он возвращается, белая кобыла немного сбавила темп, наездник спрыгнул с седла, вскочил в него снова,

свесился набок, как Буффало Билл или иной лихой ковбой из кинофильма при виде смертельного врага.

Я покинул пограничный пункт по крутому склону, который вел в край гораздо более дикий, чем Галилея: это суровая горная страна с неожиданными широкими видами далеких долин, с живописными вершинами и вулканическими скалами черного базальта. Люди, которых я встречал по пути, заметно отличались от жителей Галилеи: это были свирепого вида друзы в поношенных одеяниях из овчины. Спокойным и неутомимым шагом горцев они шагали рядом со своими верблюдами и ослами.

Перемена пейзажа между мирными окрестностями Галилейского озера и горами Сирии напомнила мне контраст между мягкостью видов озера Лох-Ломонд и дикостью Глен Фаллох и дорогой на Раннох и Гленко в Шотландии. Было совершенно ясно, что я пересек реальную границу. И доминантой этой дикой страны был гигантский хребет горы Хермон, его основные вершины почти в два раза превышают высоту Бен-Невис. Эти могучие цепи — их невозможно назвать просто горами — тянутся на двадцать миль. Виноградники и оливковые рощи, а также тутовые деревья на их склонах достигают не более чем середины гор, но от пяти тысяч футов и выше идут лишь голые скалы фантастических очертаний, громоздящиеся над расщелинами; это обитель орлов, волков и горных медведей.

На этих гигантских пиках снег лежит на протяжении почти всего года. Это самая главная примета Сирии и Палестины, столь явно доминирующая над остальной территорией, что во время путешествия невозможно удержаться и не смотреть на эту могучую гряду с заснеженными вершинами.

Милю за милей мы мчались по дороге, никого не встречая, мы спускались в очередное горное ущелье, где виднелись убогие деревушки друзов с домами,

выстроенными из необожженных кирпичей и камней; они органично вписывались в окрестный пейзаж. Задул прохладный ветер, и вокруг не было иных признаков жизни, за исключением медленно парящих в небе орлов.

2

Крутой холм на протяжении нескольких миль вплотную прижимался к склону гор, а затем дорога нырнула в зеленую долину, питаемую водами тающих снегов Хермона. Густо поросшая подошва горы ничем не походила на безжизненные вершины, нависавшие над ней. Несмотря на суровость, они казались мирными и вселяли ощущение спокойствия, так как на фоне темных камней тут и там виднелись пятна виноградников и оливковых рощ. И все же эти горы были пустынными. Их монотонное одиночество не нарушалось вкраплениями домов, там не было террас, меняющих изначальную структуру, созданную природой.

И внезапно, чуть ниже развалин, которые, несомненно, были останками замка крестоносцев, я увидел укрытую зеленью арабскую деревушку Баниас — то, что осталось от блистательного города Кесарии Филипповой. Из всех приключений, которые довелось пережить за долгую историю этому злополучному месту, самым странным можно считать то, что происходило с его названием. Изначально оно именовалось Паней, затем Кесария Филиппова. Затем, из желания польстить Нерону, город переименовали в Неронею. А теперь, когда все величие давно ушло, немногочисленные арабы, проживающие там в двадцати или тридцати глинобитных домишках, вернули поселению самое древнее его имя — Паней, но, поскольку в их языке нет звука «п», стали называть его Баниас.

Обитаемые руины выглядят печальнее, чем полностью заброшенные. Современный Баниас — сплетение колючих кустарников и кучка глинобитных домиков. Здесь не сохранилось ничего от прекрасного города, когда-то стоявшего на этом месте, если не считать нескольких греческих святилищ Пана, вырезанных в скалах, да разбитых колонн, загромождающих землю вокруг. Самым трагическим напоминанием о гибели римской цивилизации является дом шейха. Это нелепая груда камней, почти исключительно римских. В стены встроены десятки фрагментов прекрасных мраморных колонн, но лежат они в кладке хаотично, в основном горизонтально. На первый взгляд кажется, что дом построен из круглых камней. И только потом осознаешь, что это основания колонн. В этом зрелище есть нечто болезненное и мучительное. Воображение рисует картины вторжения варваров, чудовищного разрушения красоты, слепого невежества строителей, нового, дикого народа. Когда пала Римская империя, города, подобные Кесарии Филипповой, стали каменоломнями. Статую работы Фидия могли преспокойно разбить на куски, чтобы сложить из них кусок стены жалкого, уродливого жилища. Все мы знаем, что такое случилось, но вид реального здания, в стены которого включены фрагменты алтарей и плит с древними надписями, с коринфскими колоннами, подпирающими полы, а не крыши, дает ощущение ужаса, какого не получишь при чтении главы из Гиббона.

В римские времена этот город, должно быть, по праву считался одним из прекраснейших в стране. Звук бегущей воды оживлял его улицы: даже в самый жаркий летний день зеленоватая талая вода с горных ледников орошала долину. А сегодня буйные источники, питающие Иордан, стекают к подножию горы Хермон и с

мелодичным журчанием устремляются по мертвому телу Кесарии Филипповой.

Один из местных арабов проводил меня в горы за селением и указал темный грот. Он наполовину завален камнями и мусором. Но в глубине можно услышать тихое бормотание, словно там спрятался кто-то живой. Это истоки Иордана, пробивающиеся из-под земли. Чуть выше грота расположено несколько греческих святилищ, вырезанных в скальной породе. Кое-где еще можно прочесть надписи. Одна из них гласит: «Жрец Пана». Еще выше, на склоне горы, стоит маленькое белое здание с куполом — мусульманское святилище шейха Кедира, который, по словам путеводителей, на самом деле святой Георгий. Это не совсем так. Шейх Кедир — легендарный пророк, который во время своего земного существования обнаружил Источник Жизни, выпил воды из него и стал «зеленым человеком». Собственно, его имя — перевод этих слов. Арабы верят, что его душа воплотилась в святом Георгии, который, следовательно, является объектом поклонения по всей Аравии как воплощение эль-Кедира. Честно говоря, любопытно обнаружить христианского святого среди тех, кому поклоняются мусульмане, и объяснением этому может служить тот факт, что святой Георгий, принявший мученическую смерть в 303 году под Константинополем, приобрел обширную славу на Востоке за три столетия до рождения Мухаммада, и потому возникновение ислама не смогло вычеркнуть его из перечня общепризнанных святых мужей.

Для того, кто изучает историю религии, грот возле Баниаса — одно из самых интересных мест в мире. В имени поселения оживает бог Пан, а на месте, где Ирод возвел храм божественного Августа, арабы построили небольшое купольное святилище тому, кто считается святым патроном Англии...

Легко понять, почему жители Баниаса верят, что этот мрачный грот населен призраками. Араб-проводник рассказал мне, что ночью накануне моего приезда всю деревню разбудил голос, читавший молитву.

— Это был пророк, — заключил он.

Мусульмане считают, что, если души обычных людей ожидают воскресения, души пророков могут возвращаться и проявлять себя в нашем мире. Проводник сказал, что все в деревне хотя бы раз видели этого духа и что он «был весь белый и не походил на араба».

Древняя традиция связывает рассказ о Преображении Господа с горой Фавор под Назаретом. Однако многие авторитеты предполагают, что на самом деле это произошло на склоне горы Хермон, во время ухода «в страны Кесарии Филипповой». Фавор — не очень высокая гора и стоит она не особняком. С другой стороны, Хермон с его снежной вершиной, одинокой на фоне окрестных гор, представляется мне более подходящей сценой для откровения. Стоя у истока Иордана в Баниасе, глядя вверх, на подножие этой горы на фоне суровой и дикой картины всего хребта, я ощутил его как могучий барьер между землями иудеев и язычников — «гора высокая особо»⁸⁸, на которую возвел Иисус трех учеников: Петра, Иакова и Иоанна.

На склоне этой горы три верных ученика увидели Преображение Иисуса.

«Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явились им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом... И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса»⁸⁹.

Дэвид Смит в книге «Дни Его воплощения» писал:

Истинный смысл этого чудесного события открывается только, когда осознаешь, что, как и чудо хождения Господа по водам озера, это было преобразование Воскресения. Властью Бога тело Иисуса на некоторое время приобрело свойства жизни после воскресения. Используя слова апостола Павла, оно стало «духовным телом», и Он явился трем ученикам так же, как являлся после восстания из мертвых — на пути в Эммаус, в комнате в Иерусалиме, на берегу озера. В первом случае целью этого было укрепление Иисуса и настрой Его на смертное испытание, ожидавшее Его. Это было словно видение дома в ссылке, словно предвкушение отдыха усталым путником... А Преображение было направлено и на учеников. Его целью было примирить их с невероятной и трудной для восприятия идеей страдания Мессии через откровение славы, которая за этим последует.

С высоты Хермона, с которой нисходит влага на Сион, они могли взглянуть вниз, на долину Иордана. Они, должно быть, вспомнили Крещение и Голос. И впервые поняли, что Учитель, спустившись с высот горы Хермон, проследует вдоль Иордана к югу, чтобы взойти на Голгофу.

3

От грота я прошел к бедной деревушке Баниас. Я заметил на дороге нечто, на первый взгляд, похожее на старое пальто или выброшенную одежду. Затем эта куча пошевелилась, и я увидел, что это собака. Я подумал, что она убежала от кого-то, и подошел поближе. Моему взгляду предстала салюки^[11], умирающая от голода.

Она была так слаба, что не могла встать. Она просто лежала в горячей дорожной пыли, ей даже не хватало сил сгонять мух со своих ран. В глазах ее стояла невыразимая боль. Она была буквально преображена страданием до потери формы и образа. Уши были срезаны почти до основания — обычная практика бедуинов, которые верят, что это улучшает слух.

Никогда еще в жизни я не видел животное в таком ужасном состоянии. У собаки не было сил, чтобы убежать от меня. Она лежала на дороге, глядя несчастными глазами и ожидая, что я причиню ей новое страдание.

Когда я принес сэндвичи из машины и попытался накормить ее маленькими кусочками мяса, она не могла понять, что я пытаюсь ей помочь. Она выглядела напуганной. Затем, очень осторожно, она взяла кусочек мяса пересохшим, израненным ртом, но он выпал в пыль.

Я почувствовал, как гнев ослепляет меня. Абсолютное бессердечие мусульман к страданиям животных просто потрясает. Неподалеку остановились два-три араба, они смотрели на меня так, будто я законченный безумец; безусловно, они так и думали.

— Она умирает от голода, — сказал один из них.

— Почему же вы не кормите ее? — спросил я.

— Она никому не принадлежит, — ответили они. — Ее оставил какой-то бедуин. Она не отсюда.

Таков их взгляд на жизнь. Собака никому не принадлежала. Аллах дал ей жизнь. Пусть Аллах и заберет ее жизнь. Это не их дело. Поэтому они сначала забросали ее камнями, а потом оставили умирать на дороге.

Собака сумела проглотить два-три кусочка мяса. Она лежала в горячей пыли, и полные страдания глаза молили не оставлять ее здесь.

— У кого-нибудь есть ружье? — спросил я.

Они быстро переглянулись и солгали:

— Нет.

— Ну, а нож?

Да, нож у них был. Я пообещал десять шиллингов тому, кто избавит несчастное существо от боли. Но, несмотря на то, что десять шиллингов втрое превышали месячный доход любого из них, они посмотрели на меня с нескрываемым ужасом и категорически отказались. Собака должна была умереть, когда этого пожелает Аллах.

В деревне я нашел двух полицейских-армян, но и они отказались что-либо делать. Они знали про собаку и с готовностью пристрелили бы ее, но опасались, что это вызовет беспорядки в деревне. Эти люди были весьма благочестивыми мусульманами. Они боялись совершить хоть что-нибудь против местных законов, но при этом были полны сочувствия и понимания. Они достали жестяные коробки с черным табаком и, пожимая плечами, стали скручивать сигареты.

Чем сильнее было сопротивление, тем решительнее я вознамеривался помочь собаке, даже если из-за этого мне придется неделю ночевать в компании с блохами Баниаса. Оставалось сделать одно из трех: самому убить собаку, и это угнетало меня больше всего из-за ее молящих глаз; забрать ее с собой в машину, но она была очень грязной, не могла двигаться, и ее точно запретят вносить в отель; или найти кого-нибудь, кто поклянется позаботиться о ней. Именно этот вариант я и выбрал. Я нашел симпатичного араба в поношенном костюме цвета хаки. Мне сказали, что его работа — подметать в святилище эль-Кедира.

Я дал ему десять шиллингов, чтобы он купил еду для собаки, и предупредил, что вернусь через неделю, чтобы узнать, как она себя чувствует. Он посмотрел на меня, и стало ясно: он понимал, что я, хоть и сумасшедший, твердо намерен настоять на своем. Я распорядился, чтобы он подобрал собаку и показал мне, где он ее

устроит. Он пошел вперед, а за нами следовало все население деревни; так мы и дошли до его дома. Это была невероятно бедная лачуга, окруженная высокой глинобитной стеной. За ней находился двор и несколько одноэтажных строений.

Он бережно положил собаку в тень и принес мешки, чтобы соорудить для нее подстилку. Из дома вышла женщина, которая с полным безразличием наблюдала за происходящим, хотя состояние собаки могло бы вызвать сострадание даже у законченного негодяя. Я почувствовал, что сделал все, что было в моих силах, и отправился дальше, предупредив, что еще вернусь.

По дороге я размышлял о том, правильно ли поступил. Конечно, было жестоко пытаться возродить слабую искру жизни, которая теплилась в умирающем существе.

Я ехал несколько часов по прекрасной долине среди гор. Я видел замок крестоносцев, высившийся, как орлиное гнездо, на самой вершине горы. А вдали я мог различить голубизну Средиземного моря и дорогу, ведущую на Сидон.

4

Дорога, которая идет вдоль средиземноморского побережья, через Тир и Сидон до Бейрута, на мой взгляд, самая интересная прибрежная дорога в мире. Ни у одной другой нет таких воспоминаний.

С одной стороны волны набегали на желтый песок; с другой — апельсиновые и банановые рощи плавно поднимались в направлении отдаленной Ливанской возвышенности. Соединенные веревкой верблюды, по десять в связке, с шеями, украшенными голубыми бусами — для защиты от сглаза, медленно брели, подгоняемые толстяком на осле.

Радостные дети протягивали рыбу водителям машин, набравшим скорость не больше 40 миль в час. Девочки предлагали ветки апельсинов с зелеными листьями, издавая пронзительные крики при виде каждого проезжающего.

Похоже, никто ничего у детей не покупал, но они без усталости продолжали предлагать товар.

Вдоль всей дороги тянулась череда открытых кафе, огражденных деревянными решетками-шпалерами, там мужчины в мешковатых турецких штанах и красных фесках сидели, скрестив ноги и потягивая кальян, наблюдая за голубыми волнами, увенчанными белой пеной, за проезжающими и проходящими по дороге, и целыми днями разговаривали о деньгах и политике.

На палестинской стороне дороги потягивали кальян и ругали британцев, потому что они позволяют большому количеству евреев въезжать в страну; на французской стороне потягивали кальян и ругали французов, которых называли самой эгоистичной и авторитарной нацией в мире.

На палестинской стороне дороги говорили, что под французами не может быть хуже, а на французской — что не может быть хуже под британцами.

— Что дала нам эта война? — спрашивали они.

— Да ничего!

И начинали страстно вспоминать старые добрые времена до войны, когда милые, внимательные, щедрые и вообще восхитительные турки правили обеими частями страны.

А тем временем в полях женщины выполняли тяжкую повседневную работу.

Вдоль всей дороги тянулись также маленькие плосковерхие городки, залитые слепящим солнцем и опускающиеся до самой кромки голубой воды, пальмы росли посреди песков, а белые минареты вздымались к темному от зноя небу.

Эти городки казались очень белыми и яркими, пока не нырнешь в них и не обнаружишь очередной лабиринт узких, петляющих улочек, погруженных в тень. Но каждая улочка напоминает своеобразное шоу с подглядыванием.

Лавочки крохотные, как пещеры без окон, и в каждой что-то происходило: плотник пилил кусок дерева, башмачник резал кожу, торговец рыбой разделявал товар, а кузнец раскалял докрасна железо.

Все было по-домашнему, очень дружелюбно. В прохладной тени разносчик лимонада с медным сосудом, закрепленным на спине, постукивал стаканами и призывал покупателей, заявляя, что его лимонад — не только лучший в мире, но холодный как лед и упакованный в сосуд со снегом с ливанских гор.

«Йа балаш!» — кричал он, что означало «Отдаю ни за что!» Как странно это перекликается со словами Исайи: «Жаждающие! Идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко»⁹⁰.

На этой дороге есть и разрушающиеся руины городов, например Акра, Тир и Сидон, погружившиеся в пески времен. Работающий в окрестных полях никогда не знает, на что может наткнуться его лопата. Здесь нашли римских богинь, дремавших под песками Тира. Египетские захоронения под Акрой. Красивые зеленые бутылки, золотые кольца и серебряные образки у самого моря, под Сидоном. Древний мир рассыпался на куски и стал руинами вдоль дороги, а люди, которые живут тут сегодня, кажутся похожими на банды грабителей, разбивших лагерь среди развалин благородного имения.

Я навсегда запомню Акру, какой я увидел ее, когда прибыл из Хайфы, в свете раннего утра — солнце запуталось в финиковых пальмах, что росли на песке у самого моря. Маленький белый городок на море казался кораблем, его стены догнивали в голубой воде. Он был

уже наполовину мертв, но когда Ричард Львиное Сердце осадил его много веков назад, город этот служил ключом к Иерусалиму. Именно в пальмовой роще Акры английский король подхватил лихорадку.

Если сегодня вы пройдете по Акре, вас встретят лишь тишина и гнилые стены, которые слишком велики для такого городка, а он чересчур мал и спокоен для них. Прошлое живет в странных, темных подвалах, наполовину засыпанных мусором, в которые вглядываешься с затаенным страхом, что кровля внезапно обернется готической аркой. Дух этого места выражен в старом слепце, который бредет по улице, постукивая палкой, нащупывая дорогу вдоль огромной стены крестоносцев, прикасаясь пальцами, заменяющими ему глаза, к гигантским камням.

Из таких городов, как Акра, Тир и Сидон, горбоносые мужчины на самом рассвете мира отправлялись в путешествия на Оловянные острова Запада. На этом побережье моряки рассказывали своим друзьям о первых впечатлениях от Корнуолла и острова Уайт.

В этом горячем ярком мире на берегу Средиземного моря финикийцы, должно быть, передавали из уст в уста мрачные истории о туманном и холодном острове на противоположном краю мира, где невысокие темноволосые люди отливают олово.

В Тире я встретил людей, строивших лодку прямо у моря. Это зрелище словно сдуло пелену времени, и древний Тир, посылавший некогда стволы кипарисов Соломону, а корабли направлявший по всему миру, будто ожил вновь в звуке молотков и пил.

Корабельщики строили совсем небольшую лодку — обычное рыбацкое суденышко для Средиземного моря. Они использовали дерево с гор Тавра, которое арабы называют *кватрани*. Это род смолистой сосны, говорят, из такой древесины был построен Ноев ковчег.

Метод распила был крайне примитивным. Ствол клали на две вертикально стоявших колонны-подпорки. Один человек становился на него сверху, другой поддерживал ствол снизу, и оба брались за концы длинной двуручной пилы. Они по очереди тянули пилу на себя, причем пила резала древесину только при движении вниз.

На пляже возле Тира я видел изысканно окрашенную морскую раковину, из которой в древние времена добывали знаменитый тирский пурпур.

И теперь, жарким днем, я прибыл в Сидон, еще один город, представлявший собой руины былого величия. В центре города, ближе к морю, стояла крепость, и с ее осыпающихся стен я смотрел на запад, на Средиземное море и в сторону суши, поверх розовой пены абрикосового цветения, на оливковые, фиговые и апельсиновые рощи.

Но сильнее, чем память о величии и завоевании этого города — брата Тира, — была память о Человеке, который «удалился в страны Тирские и Сидонские», где исцелил девочку, жестоко одержимую демоном⁹¹.

Кажется, Иисус никогда на самом деле не посещал эти города, несмотря на то, что он бывал в окрестностях. Однако жители Тира и Сидона были среди первой волны тех, кто присоединился к «множеству народа» в Галилее, желавшему услышать слова Учителя.

Обращаясь с упреками к приозерным городам Галилеи, таким как, например, Вифсаида, Иисус сравнил их веру с верой Тира и Сидона, причем в пользу последних: «Если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретисе и пепле покаялись»⁹².

Я всегда хотел посетить гору Джун, на которой леди Эстер Стэнхоуп когда-то вершила свой эксцентричный суд. Добравшись до Сидона, я спросил, не знает ли кто-нибудь, где находится Джун, и по крайней мере двадцать мужчин и мальчиков, стопившихся вокруг машины, выразили желание проводить меня. Я выбрал одного из них, и мы отправились по боковой дороге за Сидон и начали восхождение на горы Ливана.

Имя Эстер Стэнхоуп встречается в большинстве путеводителей и других изданий, написанных о Сирии около века назад. В романе «Эотен» Кинглейк упомянул о ее странном предприятии на горе Джун, и это, пожалуй, самое достоверное описание. Всякий путешественник пытался получить аудиенцию «королевы пустыни», или «принцессы Ливана», как называла себя эта необычная женщина. В какой-то период она была самой влиятельной европейской дамой на Ближнем Востоке и, в любом случае, всегда оставалась самой колоритной и эксцентричной.

Она была племянницей Уильяма Питта^[12], до его смерти вела хозяйство в доме на Даунинг-стрит. Она была красивой, яркой, своевольной и острой на язык, высокомерно и уверенно держалась в самом блестящем обществе ее времени. Смерть Питта в 1806 году стала для нее тяжелейшим ударом, а когда сэр Джон Мур умер в Корунне три года спустя с ее именем на устах (говорят, он был в нее платонически влюблен), несчастная Эстер Стэнхоуп покинула Лондон.

В возрасте 34 лет, в сопровождении доктора и служанки, она отправилась в дальнее странствие, из которого уже никогда не вернулась. После полного приключений путешествия она прибыла в Палестину и, руководствуясь экстравагантным тщеславием и странными амбициями, граничившими порой с безумием, вообразила себя своего рода женщиной-мессией или, на худой конец, «царицей Иерусалима». Сначала она

добилась успеха у арабов, живших вокруг Дамаска, которым и в самом диком сне не представлялась встреча с кем-то вроде племянницы Питта. Она отказалась от европейской одежды, нарядилась как шейх, великолепно ездил на арабском скакуне и завоевала даже большую славу, чем в наше время полковник Лоуренс Аравийский. Она была отважной, как львица, и щедрой на деньги, и эти два качества расположили к ней арабов.

В конечном счете она поселилась в разрушенном монастыре на территории Ливана, а позднее перебралась в крепость, выстроенную для нее на горе Джун. Там она вершила правосудие, выезжала за пределы своих владений верхом и в сопровождении внушительной охраны, вмешивалась в политику, а однажды даже вела войну с горным племенем, в результате чего погибли 300 человек, а целый ряд деревень был стерт с лица земли.

Она изучала магию и почиталась своими людьми едва ли не как божество. На ее конюшне стояла белая кобыла с горбом на спине в форме седла. Она была убеждена, что это бедное существо создано, чтобы носить мессию. Сохранились записи путешественников, рассказывающие о поразительной крепости Джун, о королевском величии, которым Эстер себя окружала, о беседах, которые всегда проходили по ночам: она сидела в одежде шейха, потягивая кальян, и часами рассуждала об астрологии и астрономии, о магических дисциплинах. Во время одного из таких разговоров сильный мужчина упал в обморок от усталости. Ее беседы длились до рассвета.

Леди Эстер Стэнхоуп почти удалось достичь величия. Она завоевала невероятную, легендарную репутацию по всему Востоку, но к старости погрязла в долгах. Ее падение из величия в нищету и последовавшая за этим смерть в забвении и одиночестве

(она умерла ограбленной и забытой) были ужасны. Миссионер доктор У. М. Томсон проехал через весь Ливан, чтобы похоронить ее, и оставил описание этой тягостной сцены в сочинении «Земля и Книга»:

Британский консул в Бейруте попросил меня совершить религиозные обряды, связанные с похоронами леди Эстер. Погребение состоялось в невероятно жаркий субботний день в июне 1839 года. Мы начали нашу печальную миссию в час дня и к полуночи прибыли на место. После короткого размышления консул решил, что похороны нужно провести немедленно. В спешке открыли склеп в саду, где находились останки генерала Л., его сына (забыл, какого именно), еще одного француза, похороненного самой леди, — все их перенесли в другую часть сводчатого помещения.

Тело леди Стэнхоуп в чрезвычайно простом гробу перенесли к месту захоронения ее слуги, представлявшие собой весьма пеструю компанию; они шли с факелами и фонарями, чтобы найти путь по извилистым дорожкам сада. Я ошибся тропинкой и некоторое время бродил по этому лабиринту. Когда наконец я добрался до беседки, первое, что я увидел, — кости генерала, сваленные кучей, а поверх них череп, в глазницах которого стояли зажженные свечи — страшное зрелище. В подобных обстоятельствах проводить службу было довольно затруднительно, все сбивало с толку. Позднее консул заметил, что есть некие любопытные совпадения между этими похоронами и церемонией прощания с сэром Джоном Муром, возлюбленным леди в молодости. В молчании, на одинокой горе, в

полночь, при свете тусклых фонарей, на ее гроб положили британский флаг, и она упокоилась как воин, и так мы оставили ее наедине со славой. И на этих похоронах, столь многим схожих с теми, давними, присутствовал единственный ее соотечественник, и имя его был Мур...

Наутро после похорон мы с консулом обошли строение и осмотрели его *тридцать пять* комнат, опечатанных вице-консулом Сидона с целью предотвратить грабеж. Там было полно мусора. В одной комнате стояли сорок или пятьдесят сосудов из-под масла французского производства, старых, пустых и пыльных. Другая была забита арабскими седлами, поеденными молью, рваными и потертыми. Они принадлежали ее вооруженной охране. Еще две комнаты были заполнены медикаментами, следующая — книгами и бумагами, в основном сложенными в коробки и старинные сундуки. Нигде не нашлось ничего ценного, и печати были обновлены, вплоть до вынесения официального решения по поводу этой собственности. Толпа жадных слуг, очевидно, уже успела прибрать к рукам все мало-мальски пригодное.

Дорога так плотно прижималась к склону горы, что каждый поворот казался концом скального коридора и обрывом в долину. Это была в полной мере дикая горная страна: основание зеленых гор переходило в пустынные долины, огражденные Ливанским хребтом, пики которого всегда покрыты снегом.

Мы преодолели не менее десяти миль опасного горного пути, пока добрались до скопления белых квадратных строений на вершине горы, покрытой террасами. Дома эти казались ослепительными на ярком

солнце. Звонил колокол греческого монастыря. Воздух вокруг был напоен пением цикад, обитающих на оливковых террасах. Это и была гора Джун. Вскоре вокруг машины собралось все местное население, заинтересованный шепоток стал громче, когда стало известно, что я проделал весь этот путь, чтобы посетить могилу леди Эстер Стэнхоуп. Впрочем, так ее никто на горе Джун не называет. Она здесь просто «эс-Ситт» — «Госпожа».

Мне указали соседнюю вершину, видимую сквозь оливковую рощу. Это Дир эс-Ситт — «Дом Госпожи», пояснили мне. Молодой араб из Сидона широкими шагами пошел вниз с горы, и я последовал за ним в одну из самых прекрасных долин, которые мне когда-либо доводилось увидеть. Земля под маслинами и абрикосовыми деревьями была покрыта миллионами красных анемонов, кое-где перемежающихся ромашками и лютиками. Там росла самая зеленая трава, какую я видел после отъезда из Англии. Однако в местах, куда не падала тень от деревьев, земля оставалась выжженной.

Мы поднялись на соседнюю вершину, которую стерегла свирепая собака; там жили две крестьянки с семьями. Они обустроились в том, что осталось от крепости леди Эстер. Мы попытались расспросить их о «Госпоже». Да, сказали они, здесь когда-то жила дочь английского лорда. Они указали на цепочку разрушающихся подвалов. Вон там она держала пленников, сообщили они.

Все, что сегодня осталось, — окружающая территорию стена из белого известняка, часть подвалов и несколько зданий, а также двор, где албанцы-охранники леди Эстер обычно досматривали ее посетителей. Также можно заметить следы того, что некогда было прекрасным садом.

Старуха провела нас по каменистой площадке к месту, где маслины отбрасывали тень на могилу «Госпожи». Вопреки моим ожиданиям, могила выглядела такой ухоженной, словно находилась на лондонском кладбище Голдерс-Грин. Сопровождавшая меня женщина сказала, что за ней присматривают монахи. На квадратном блоке камня, к которому вели три ступени, были выбиты слова: «Леди Эстер Люси Стэнхоуп. Родилась 12 марта 1776 года. Умерла 23 июня 1839 года».

Странное место упокоения для внучки великого графа Четэма. Может показаться, что из ее жизни следует извлечь какой-то моральный урок, но понятия не имею, какой именно. Мысль о женщине, сперва обитавшей в доме 10 по Даунинг-стрит, а затем поселившейся в крепости под маслинами, поровшей чернокожих слуг, слушавшей шпионов, пересекавших горы, чтобы принести ей тайные сведения, невольно заставляет задуматься об экстравагантности, свойственной человеческой натуре. Если бы она встретила человека не менее безумного, но более властолюбивого, чем она сама! Если бы мистер Филип Гедалла когда-нибудь написал книгу о вымышленных браках, вероятно, он мог бы выдать Эстер Стэнхоуп за Наполеона или — за Буркхардта!^[13]

6

В Бейрут я прибыл в наступающей темноте.

Город представляет собой огромное, весьма запущенное место, заполненное маленькими, громко тренькающими трамваями, которые появляются, по моему, везде, куда только приходят французы. Как и во всех прибрежных городах к северу от Хайфы, вид здесь открывается прекрасный: синее море, изогнутая линия

бухты, высокие, заснеженные пики Ливанских гор, громоздящиеся над Бейрутом.

Мой отель выступал в море, словно корабль. Балкон моего номера смотрел прямо на воды залива Святого Георгия; я долго сидел там, глядя на закат, окрасивший все вокруг в розовый цвет, постепенно переходивший в рыжеватый и потом в багровый. Серый туман повис в долинах, потихоньку напознал на склоны гор; наконец появились первые звезды. На воде замигали отражения огней. Мачты кораблей стали черными и таинственными на фоне пирамиды света, в которую превратился теперь город.

Я задумался о святом Георгии, столь прискорбно оклеветанном покровителе Бейрута, крест которого мы в Англии поместили на свои знамена. Я думаю, принижать святого Георгия начал еще Кальвин, но оклеветал его первым Гиббон. Любопытно, что тысячи англичан, не читавших «Упадок и разрушение Римской империи», уверенно скажут вам, что святой Георгий был всего лишь наемником злодейской армии из Каппадокии. Но это совершенно неверно. Как ни странно для человека такой педантичности и точности, Гиббон спутал двух разных людей: Георгия Лаодикийского, убитого в правление императора Юлиана, чье тело было выброшено в море, и солдата-христианина, ставшего мучеником при императоре Диоклетиане. Тот Георгий, о котором говорится у Гиббона, и вправду был отвратительным персонажем — это человек, который, по словам Григория Назианзина, «сам себя продал бы за кусок хлеба». Он стал арианским архиепископом Александрии, и кара, его постигшая, отличалась крайней жестокостью, потому что в увещательном письме император Юлиан отметил, что жители города «буквально разорвали этого человека на куски, словно были псами».

А вот святой Георгий был римским офицером высокого ранга, который пострадал и принял смерть во время преследования христиан по приказу Диоклетиана. Я помню, как Гиббон спорил с сэром Э. А. Уоллисом Баджем, чью книгу «Святой Георгий из Лидды» следует прочесть каждому, кто интересуется судьбой этого святого. Сэр Эрнест считал, что мученичество святого Георгия приходится на 200 год н. э., хотя общепринятой датой является 303 год. Восточная и западная традиции сходятся на том, что после мученичества святого Георгия в Никомедии, городе, расположенном в сорока милях к востоку от Константинополя, его тело было доставлено в Лидду — городок неподалеку от Яффы — для захоронения.

Почитание этого святого в ранней христианской церкви было столь велико, что вокруг его имени сложились сотни необычных легенд, среди которых и история о драконе, которую многие исследователи считают языческим мифом, привитым к христианскому древу. Многие неверующие указывают на нелепость рассказов о святых и мучениках, чтобы доказать легкое верие ранней церкви. Обычно не понимают, что многие из этих историй воспринимались как литературные произведения, и не более. В 494 году на соборе 72 епископов в Риме папа Целарий объявил войну «благочестивым вымыслам», повелел верующим прекратить чтение таких историй, потому что они выставляют в нелепом виде христианскую веру. Среди запрещенных преданий были и некоторые легенды о святом Георгии.

Двигаясь вдоль побережья в том направлении, в котором я теперь смотрел, крестоносцы встретились с именем святого Георгия в самых вратах Востока, так как Босфор называли тогда «Дланью святого Георгия». Куда бы ни приходили, они слышали истории о храбрости и святости Георгия. Со временем они уверовали, что он

едет бок о бок с ними. Это были предания не менее замечательные, чем легенда о Монском ангеле^[14], в которого поверили тысячи современных людей в 1914 году; а когда крестоносцы оказались в затруднительном положении, легенды стали распространяться среди них все шире. Многие видели таинственного всадника на белом коне и с красным крестом на доспехах, помогавшего во имя Христа, — сперва при Антиохии, а позднее и в других безнадежных битвах.

Возвращаясь домой, в Англию, крестоносцы рассказывали истории о святом и его чудесном вмешательстве. Это стало причиной восстановления королем Ричардом церкви Св. Георгия в Лидде, использования имени Георгия в качестве боевого клича англичан, которые вернулись из Святой Земли с новым покровителем, который был признан на Востоке и на Западе как идеальный христианский воин.

В ту ночь меня разбудили голоса рыбаков, проходивших на лодках прямо под моим балконом. Я увидел странный свет, перемещающийся по потолку. Я встал и, выйдя на балкон, под звездное небо, обнаружил картину столь же древнюю, как сирийские горы.

Четыре человека гребли, направляя лодку в темное море. В руках пятого был пылающий факел, с которого в воду с шипением капала горящая смола, и огненные брызги разлетались в стороны, мерцая в зеленых глубинах. На носу лодки стоял на коленях еще один рыбак, державший копье; он пристально вглядывался в освещенную факелом воду в ожидании рыбы.

Лодка время от времени меняла курс, рыбаки негромко переговаривались, свешивались через борт, всматриваясь в воду. Это зрелище оказалось неожиданно увлекательным и драматически напряженным, в нем было нечто первобытное, будто на

мгновение передо мной открылся фрагмент из первоначальных времен человеческой истории.

Внезапно и стремительно человек на носу лодки взмахнул копьем и поразил нечто в воде. В следующее мгновение он извлек оружие, на конце которого извивалось что-то белое. Сначала я не понял, что это, но, когда добычу проносили мимо факела, я увидел осьминога, щупальца которого сжимали пронзившее его тело копье.

Рыбак сбросил жуткое существо с копья и вновь уставился в глубину вод...

И вдруг меня поразила догадка: так вот что за странную, сладковатую «рыбу» я ел за ужином! И с чувством легкой дурноты я отправился спать.

7

Не многие бывали в Крак-де-Шевалье, потому что до недавнего времени на дорогу туда и обратно из Бейрута уходило десять дней; кроме того, для этого путешествия требовалось множество лошадей и вооруженный эскорт.

Но теперь, благодаря распространению автомобилей и существованию самой худшей дороги в мире (а также французскому обычаю немедленно и публично казнить дорожных грабителей), стало возможно — если, конечно, вы достаточно безумны — обернуться за один день, если покинуть Бейрут на рассвете. Так я и сделал; но впредь так не поступлю.

Крак-де-Шевалье — разрушенный замок, расположенный примерно в 50 милях к северу от Триполи. Когда видишь замок с равнины, возникает чувство, что мучительное желание посетить его было совершенно оправданным. Это просто Камелот вашей мечты — самый настоящий замок из волшебной сказки. Он высится на фоне неба, вздымая башни и стены;

кажется, трубы крестоносцев только что отзвучали на его гигантских бастионах.

Араб-проводник, который сопровождал меня к замку, не знал абсолютно ничего об его истории, что меня, впрочем, не удивило. Такие невероятные крепости, выстроенные крестоносцами на высочайших горах Палестины, остаются сегодня самыми молчаливыми и таинственными руинами в мире.

Они служили бастионами христианства в борьбе с «неверными» и выглядят так, словно их создатели верили, что Латинское королевство Иерусалима продержится до Судного дня. Примечательный факт: ни евреи, ни греки, ни римляне не оставили в Палестине и Сирии памяти о себе, сопоставимой с тем, что сохранилось от сравнительно недолгого периода крестовых походов. Замки крестоносцев, разрушающиеся и пустынные, высятся на горах; церкви крестоносцев в арабских городах, застланные коврами, принимают молитвы мусульман, которые преклоняют колена, стоя лицом к Мекке.

Это мощное движение, наиболее масштабное религиозно-коммерческое предприятие той эпохи, привело Европу на Восток примерно на столетие. А сам Восток мало-помалу стал пускать корни в Европе.

Мы обязаны крестовым походам появлением у нас абрикосов, лимонов, дынь и сахара. С Востока пришли лиловый и пурпурный красители. Хлопок, муслин и дамаск — те ткани, которые крестоносцы посылали как дары своим женам, равно как и стеклянные зеркала и четки. Каждый правоверный мусульманин имел при себе четки из 33, 66 или 99 бусин — чтобы повторять 99 имен Бога.

Это немного из того, что пришло мне на ум, пока я с трудом взбирался по извилистой дороге, что вела к Крак-де-Шевалье.

По мере приближения огромная крепость становилась все более внушительной. Ее размеры просто поражали. Весь лондонский Тауэр разместился бы в ее уголке. Если взять Виндзорский и Эдинбургский замки, сложить их вместе и поместить на вершину Бен-Невис, вы получите приблизительное представление о том, какое впечатление производит заброшенная крепость Крак-де-Шевалье.

Наконец я приблизился к главным воротам, которые даже в запустении выглядели центральным входом в боевую цитадель христианства, и тут заметил, что в замке полно людей. Когда мы подходили ближе, они прятались в укромных уголках бастионов и подглядывали за нами. Тут и там я видел голову между машикулями ^[15] стен. Вероятно, они следили за нами с того момента, когда наша машина появилась в долине.

— Но я думал, что замок заброшен, — обратился я к проводнику.

— О нет, — ответил он. — Здесь большая деревня.

Среди этих могучих руин в течение веков обитали полуголодные, дикого вида горцы. Нет сомнения, что сразу после того, как замок был оставлен крестоносцами, они устремились сюда с целью пожить чем-либо. Теперь их потомки живут под разрушающимися арками и в осыпающихся бастионах.

Когда мы приблизились к башням бастиона и остаткам опускающейся решетки, к тому длинному изогнутому проходу, по которому рыцари въезжали в замок на конях, навстречу нам выступила странная фигура, нелепый старичок с белой бородой, в древних сапогах для верховой езды, в голенища которых он заткнул штанины широких турецких шаровар.

Он смеялся и скакал вокруг нас, как клоун, хлопал нас по спине и радостно сообщил, что ему 83 года. В доказательство этого он засунул пальцы в рот и широко раскрыл его, чтобы продемонстрировать полное

отсутствие зубов. Последним обстоятельством он очень гордился, хотя это сильно сказалось на его способности вести беседу.

— Кто этот ужасный старый балагур? — поинтересовался я.

— Сам он называет себя проводником, — последовал ответ.

Старик бежал впереди, как шаловливый мальчик, что-то непрерывно говорил, указывая на шаткие арки с выпадающими замковыми камнями, жизнерадостно привлекал наше внимание к колоссальным трещинам в стенах, которые — вероятно, в самом ближайшем будущем — приведут к падению массивного бастиона, уже опасно накренившегося в сторону долины, расположенной несколькими сотнями футов ниже.

Я заметил в этом бастионе несколько жалких лачуг, в которых, наверное, жили друзья и родственники старика — может быть, его внуки, — но это обстоятельство не лишало его веселого предвкушения хорошей катастрофы.

Я поднялся на самую высокую башню по лестнице, которая, судя по виду, в любой момент готова была обрушиться, и посмотрел вниз, на огромный двор замка Крак, на гигантские залы, в которых рыцари праздновали победы и собирались на совет в случае угрозы, на высокие сторожевые башни, с которых рыцари святого Иоанна Иерусалимского в давние времена вглядывались в бурые, суровые горы, высматривая надвигающегося Саладина.

Ястребы-перепелятники свили гнезда в углублениях каменных блоков. Самка кормила птенцов над дверью в часовню. Я мог различить голые шеи детенышей, высунувшиеся наружу, когда она полетела в долину.

А подо мною, в мертвом городе крестоносцев, царила тишина — но далеко не мертвая. В пыли играли арабские дети. Ослы бродили между валявшихся на

земле камней, выпавших из стен, словно по узким улочкам. Думаю, нет более подавляющей картины, чем вид нецивилизованных людей, поселившихся в убожестве руин чего-то благородного и величественного.

И пока я предавался этим мрачным размышлениям, мое внимание привлекли три женщины в паранджах, которые вышли во двор группой, в европейских туфлях на высоких каблуках; они ступали очень осторожно, огибая лужи и дохлых кошек. Я спросил старика, кто это.

— Три жены шейха, — пояснил он.

Бедняжки! Они напоминали трех прекрасных дам, заточенных в замке людоеда, этаким три жены призрачного барона Крак-де-Шевалье.

Они шли по запущенному, почти необитаемому двору, столь тщательно закутанные, словно каждый камень скрывал притаившегося Ромео!

Зрелище запустения и разрушений, царивших в залах, величественной готической капелле, обширных конюшнях, помещениях стражи и сотнях комнат, было пугающим. Один этаж обрушивался на другой, винтовые каменные лестницы уходили в открытое небо.

Зал величиной с Вестминстер-Холл был завален обломками до половины высоты. Я наступил на несколько костей, которые выглядели как человеческие; мне пришлось поспешить прочь из-за туч пыли, мух и отвратительного запаха. И все же арки этого зала — чистая готика — взлетали ввысь, словно грегорианские песнопения.

Невнятно бормочущий старик провел нас в темные залы, в одном из которых указал на остатки турецких бань; были они устроены крестоносцами или берберами, которым в 1271 году рыцари святого Иоанна сдали замок, сказать не могу. Повсюду в руинах мелькали блестящие, как у животных, глаза нынешних

обитателей. Над убогой пещерой, из которой тянулся дымок от костра из веток колючих кустарников, я заметил вырезанную на каменном блоке стены Розу Англии.

Просто ужасно проехать такое расстояние, оказаться в окружении свидетельств былого великолепия — и столь мало знать обо всем этом!

Мой проводник боялся отправляться в обратный путь в темноте, из-за плохой дороги и вероятности появления разбойников, так что, несмотря на нежелание, мне пришлось подчиниться и покинуть замок. Старик, непрестанно болтая, дошел с нами до главных ворот. Я дал ему полкороны, половинку жареной курицы, пакет каштанов и два апельсина.

Он тут же скинул образ милого старичка и продемонстрировал оборотную сторону своей натуры — схватил полкороны и обрушился на меня с упреками. Он заявил, что один французский офицер дал ему десять шиллингов. Он просил добавить денег и даже призывал на помощь Аллаха.

Я обнаружил, что, когда происходят подобные вещи, почтительность мгновенно исчезает и на вас оказывают неприкрытое давление, и это будет продолжаться, пока вы не обернетесь с выражением нарочитого гнева на лице и не прикрикните на попрошайку.

Когда я сделал паузу, чтобы перевести дыхание, он уставился на меня с предельной почтительностью и, тщательно припрятав полученные деньги, шагнул вперед, схватил меня за руки, чтобы подчеркнуть свое уважение. Я похлопал его по плечу, добавил мелочи, и мы расстались по-дружески.

Последнее мое воспоминание об огромной крепости Кракде-Шевалье связано с этой старческой, но невероятно подвижной фигурой, энергично махавшей нам вслед.

Высоко в горных снегах, на уровне шесть тысяч футов выше уровня моря, растут последние кедр Ливана. Там осталось около четырех сотен ветеранов, некоторые из них достигают 80 футов в высоту и огромного обхвата ствола. Их предки давали древесину для Храма Соломона, и величие этих кедров стало основой для множества прекрасных метафор у авторов ветхозаветных текстов, ведь кедр считался царем деревьев.

«Отворяй, Ливан, ворота твои, и да пожрет огонь кедры твои.

Рыдай, кипарис; ибо упал кедр, ибо и величавые опустошены; рыдайте, дубы Васанские, ибо повалился непроходимый лес»⁹³.

В этих словах пророка Захарии звучит поэтическая мысль: когда падает наземь царь деревьев, ель и дуб, как более слабые, оплачут смерть своего монарха.

Я всегда буду сожалеть, что не посетил Гору кедров. Мне сказали, что недавний снегопад сделал дорогу непроходимой. Скорее всего, многие знаменитые английские кедровые рощи изначально происходят из Ливана; мне говорили, что монахи-марониты, сегодня охраняющие кедровую рощу, охотно раздают семена, которые в подходящей почве непременно прорастут. Я вспомнил рассказ одного из садовников аббатства Драйбург в Шотландии: роскошный кедр в его владениях был посажен крестоносцами; но после я где-то вычитал, что первые кедровые рощи в Шотландии датируются лишь 1740 годом, их посадили на землях маркиза Линлитгоу в поместье Хоуптоун. Однако в Англии существуют более старые кедровые рощи — например, знаменитый кедр в Энфилде, посаженный между 1662 и 1670 годами доктором Робертом Ювдейлом, а также

великолепный кедр в Бретби-парке в Дербишире и кедры в аббатстве Уобурн и неподалеку от замка Уорик.

Утром я покинул Бейрут по французской почтовой дороге, ведущей на Дамаск. Она поднимается по территории Ливана и пересекает горный перевал на высоте примерно пять тысяч футов над уровнем моря.

Дорога идет над белыми летними виллами, окна которых смотрят на зеленый туман деревьев, голубую арку моря и извилистое побережье к северу от Триполи и к югу от Сидона. Затем оставляет подобные банальности и взбирается еще выше, с почти варварской решимостью выходя в призрачный мир ущелий и скальных обрывов, опасных поворотов и внезапных изгибов, от которых перехватывает дыхание. А когда дорога поднимается на самый верх, слепящее солнце теряет свой жар, и воздух становится холодным. Постепенно передо мной раскрывалась обширная панорама Ливанского хребта: сотни миль высокогорья, каньонов и горных пиков, безмолвных и сияющих на солнце, просторный мертвый мир, поднятый к безоблачному небу.

По мере того как воздух становился холоднее, я все чаще замечал небольшие участки слежавшегося снега под камнями и в укромных трещинах. Дул ледяной ветер. Дорога непрерывно шла вверх, уводя к белому, блистающему миру. На верхней точке перевала я оказался перед французским таможенным постом, а вокруг него на склонах стояли телеги с запряженными в них мулами, и люди в солнцезащитных шлемах сгребали в эти телеги снег. Я вышел из машины, ежась от холода, чтобы посмотреть на их занятие. Наполненную снегом телегу подкатывали к глубокой яме на склоне горы, наклоняли, люди в солнцезащитных шлемах лопатами выгребали снег, словно собирались заполнять им летний погреб, и утрамбовывали содержимое. Такие ямы,

тянувшиеся вдоль зданий, содержали, вероятно, тонны снега.

— Так продолжается все лето, — объяснил французский таможенник. — За снегом приезжают из Бейрута и Триполи и увозят грузовиками. Что с ним делают? Охлаждают вино! Любой уличный продавец лимонада хранит бутылки в снегу. Вы не слышали, как они кричат по всему Триполи: «Охлажден снегами Ливана»?

Он рассказал мне о чудовищных снежных бурях, которые порой обрушиваются на его одинокую заставу в то время, когда мир внизу задыхается от жары. Но ему нравились горы и одиночество. Он был настоящим охотником! И разве в Ливане нет пантер, диких кабанов и волков?

Пока мы разговаривали, я заметил странное зрелище: группу верблюдов, осторожно прокладывающих путь в снегу по горной дороге со стороны равнины Бекаа.

Я миновал перевал, минут через десять оглянулся на заставу — и мне показалось, что я вижу нечто нереальное, ведь вокруг уже царила яростная жара. Равнина Бекаа в гораздо большей степени отвечает представлениям о земле, текущей молоком и медом, чем долина Иордана. Весна украсила ее бело-розовой пеной цветущих абрикосов и миндаля. Вдаль тянулись мили тутовых деревьев, именно здесь производили дамасский шелк, а дальше начинались мили виноградников и садов с апельсиновыми и лимонными деревьями.

Я двинулся дальше по ровной местности. По своему национальному составу Ливан кажется мне самым любопытным регионом этого края. Он дает приют арабам-метавали, исповедующим мусульманство, маронитам — христианам-католикам (но месса у них читается на сирийском языке, а священники имеют

право жениться), а также друзьям, чьи религиозные представления во многом остаются загадкой.

Часто утверждают, что религия друзов — необычный реликт язычества, смешанного с христианством, позднее усложненный неверно истолкованной греческой философией. Многие авторы XIX века были убеждены, что друзы поклоняются Золотому тельцу. Это никогда не было доказано, хотя однажды я разговаривал с бывшим членом французского Иностранного легиона, который клялся, что сам видел изображения Золотого тельца в мечети друзов. Однако центральный пункт их верований — вера в то, что безумный Эль-Хаким амр-Иллах, фатимидский халиф Египта, был воплощением Божества. Хаким, убитый в 1021 году по приказу собственной сестры, был абсолютно сумасшедшим. Однажды он велел зарезать всех собак в Каире, потому что какой-то пес его облаял. Он распорядился уничтожить все виноградники и под страхом смертной казни запретил женщинам выглядывать в дверь или окно, а сапожникам — делать женскую обувь.

Его решимость уничтожить христианство в пределах своих владений привела в 1012 году к полному разрушению храма Гроба Господня. Затем он объявил войну мусульманам и превратился в совершенного маньяка-убийцу. Когда болезнь окончательно победила его рассудок, он объявил себя богом. В этом богохульстве его поддержал человек по имени Эд Дарази, который, однако, вынужден был бежать от гнева египтян. Он нашел убежище в Ливане, где основал секту друзов. Эти люди до сих пор верят, что безумный халиф Хаким не погиб, а вознесся на небеса, и однажды он вернется, чтобы покорить весь мир.

Друзы — красивый горный народ, и очень странно, что соседи-христиане приписывают им проведение темных и ужасных ритуалов.

В яркий весенний день руины Баальбека были окутаны белоснежным туманом фруктового цветения. Гигантские колонны храма Юпитера и большой храм Вакха стояли напротив огромной стены Антиливана, над голыми уступами которого, словно серебро, сияли снежные вершины.

Как цельный комплекс древних строений, Баальбек можно сравнить лишь с комплексом храмов Карнак в Фивах. Так много написано о них — о золотом свете над высокими колоннами, о темных разрушенных залах и пересохших источниках, — что едва ли можно что-то к этому добавить. Но никакое описание не может передать истинную красоту этого места. Самое банальное, но справедливое сравнение приходит мне на ум. Если взять зал Св. Георгия в Ливерпуле, городской совет в Бирмингеме, церковь Мадлен в Париже и один из коринфских банков Баркляя, выкрасить их в золотисто-коричневый цвет, перенести в сады Херефорда, а потом обстрелять полевой артиллерией, как раз получится нечто, похожее на Баальбек.

Эти руины — одни из немногих оставшихся в стране, которые дают представление о подлинном величии язычества в этом регионе. Их должен увидеть каждый, кто изучает Библию. Даже в разрушении они поразительны. Многие колонны сделаны из египетского гранита, и, говорят, на их доставку с берегов Нила в Ливан должно было уйти не менее трех лет. Некоторые каменные блоки даже больше, чем камни в Стене плача времен Ирода. Пышность и гордость язычества накануне обращения Римской империи не оставили более ясного и выразительного воспоминания о себе, чем эти великолепные дворы и здания, образующие просторный город храмов, посвященных сирийскому Ваалу, греческому Гелиосу и римскому Юпитеру.

Можно вообразить армию жрецов, служивших в этом колоссальном святилище, количество женщин,

принявших посвящение, кошмарные кровавые ритуалы, толпы с востока и запада, которые сходились здесь, чтобы умилоустивить разных божеств; но совершенно невозможно соотнести темное, примитивное богословие с великолепием этих строений.

Мое воспоминание о Баальбеке навсегда связано с образом цветущих фруктовых деревьев и арабским мальчиком-пастухом, сидевшим на основании колонны в тени миндаля и игравшим на флейте. Он играл, а белые лепестки, словно снег, осыпались на траву вокруг него.

9

После путешествия через суровые горы Антиливана я прибыл в Дамаск; мои глаза, горло и нос были забиты песком.

Прежде чем отправиться спать, я мельком осмотрел Дамаск — большой равнинный город с множеством белых куполов и мечетей, маленькими французскими трамвайчиками, шейхами в белых одеждах, потягивающими кофе; раскаты диковатой музыки из-за ставень домов, сотни офицеров и солдат французских колониальных войск, прохаживающиеся в свете фонарей...

Утром меня разбудил рев самолета. Я видел, как он удаляется на восток. Это был багдадский почтовый. Затем я обвел взглядом комнату, глядя на предметы, явно мне не принадлежавшие. Например, тюк шелка, красное платье, египетский скарабей, два-три коврика и отвратительный столик, инкрустированный перламутром.

Ну конечно, я вспомнил! Я смутно вспомнил вечернюю прогулку и тот вежливый интерес, который я проявил к этим вещам. Честные торговцы предлагали их мне за суммы, пятидесятикратно превышающие

реальную стоимость. Но я отказался играть по их правилам, начиная торговлю с ломаного гроша. А потому, удивленные, но полные веры, они прислали все это мне в номер в надежде соблазнить.

Я вышел на небольшую веранду, смежную с моей комнатой, и ощутил блаженство теплого, солнечного утра. Воздух был кристально чистым. Пыльная буря закончилась. На площадке минарета напротив я заметил муэдзина — белобородого старика с зеленой лентой вокруг тюрбана; когда он приподнял край одежды, я увидел пару ярко-красных русских сапог. Сквозь прозрачный и неподвижный утренний воздух донесся призыв к молитве.

Можете не верить любым рассказам о Дамаске, кроме тех, что сообщают о красоте его расположения и совершенстве розовой пены абрикосового цветения, в котором он утопает. Город лежит на огромной равнине, а на западе от него возвышаются горы песочного цвета. Через эту равнину и через Дамаск протекает узкая, бурная река эль-Барада, которая в Ветхом Завете называется Абана.

В такой засушливой стране услышать журчание бегущей воды — настоящее чудо. Ничего удивительного, что арабы заимствовали образ рая в Дамаске, который казался им самым настоящим садом (буквальный перевод слова «парадиз») и который оживляли потоки воды. Та же любовь, которую арабы испытывают к Дамаску и его реке, отразилась в изысканном мавританском искусстве, в частности, при возведении садов Альгамбры в Испании.

Сам город разочаровывает любого, кто, подобно мне, верил, что он представляет собой душу романтики. Я всегда представлял Дамаск как воплощение Востока «Тысячи и одной ночи».

Но это не так. Это город, который только обилие солнечного света избавляет от состояния трущоб.

Всемирно известные базары Дамаска — темные проходы под сводами из проржавевшего железа, напоминающими сильно вытянутый в длину и очень потрепанный вариант лондонского вокзала Кингз-Кросс. Вообще все в Дамаске обладает слабоватым французским акцентом.

Стена и ворота Дамаска, в отличие от стен и ворот Иерусалима, давным-давно исчезли. Базары не имеют никаких богатств Востока, там полно латунной утвари, напоминающей о Бирмингеме. Я ничего не понимаю в коврах. Дамасские ковры, вероятно, хорошего качества и, должно быть, заслуживают по крайней мере двенадцатой или шестнадцатой части цены, которую за них запрашивают.

— Вы не понимаете дамасских торговцев, — сказал мне некий француз, услышав, как я проклиная всеобщую привычку торговаться. — Искусство покупать — это игра, в которой есть свои правила, которые мы все принимаем, и у нас есть все время мира, чтобы ее вести. Вы, англичане, когда отказываетесь торговаться, оскорбляете жителей Дамаска, как вас оскорбил бы тот, кто в разгар игры в бридж бросил бы на стол карты и вышел из комнаты. Вы должны сидеть и пить кофе. Пока местный торговец нахваливает свой товар, вы должны их ругать, сбивая цену. Это полет воображения, битва умов, если хотите, — соревнование, игра! Он просит у вас 50 фунтов. Вы изображаете ужас! Вы презрительно пинаете ковер. Предлагаете ему 2 фунта. Не имеет значения, сколько вы предложите, главное в этот момент назвать какую-то сумму! Потому что на вашем предложении будет строиться дальше глупая, очаровательная и совсем не утомительная игра, которую в Дамаске называют торговлей!

— Конечно, это справедливо, но я просто не способен вести эту игру. Вероятно, я слишком нетерпелив. Даже если я пытаюсь играть в нее, совершаю определенные

телодвижения и выпиваю несколько чашек сладкого кофе, приходит время, когда я бросаю карты на стол и восклицаю: «Да оставьте себе свой ковер!», встаю и выхожу из лавки.

— Насколько я понимаю, это самое худшее, что вы можете сделать в Дамаске. Никто не подумает о вас хуже, если вы убьете кого-то, особенно если вам удастся избежать ответственности, вами будут восхищаться, если вы совершите удачную кражу. Но выйти из лавки, когда торговля идет лишь второй день и выпито всего шестнадцать чашек кофе... этого просто *нельзя* делать!

Я испытал разочарование, узнав, что караванное сообщение между Дамаском и Багдадом прекращено. Еще несколько лет назад караваны верблюдов с грузами далекого Востока приходили сюда после недель путешествия по пустыне.

В узких улочках Дамаска прячутся старые постоялые дворы, в которых некогда размещались купцы и караванщики. Это красивые здания с мавританскими арками, фонтанами в центре двора, галереями, на которых расположены комнаты гостей. Эти очаровательные старые здания теперь либо пустуют, либо сдаются в качестве складов.

Сегодня перевозки через пустыню осуществляются механическими фургонами и грузовиками. Они приходят из Багдада, покрытые пылью и песком, но не вызывают тех чувств, которые испытываешь при виде старинных караванов, которые шли по дорогам со времен Авраама.

Для христианина самое интересное в Дамаске — это улица, называемая Прямой.

Через год или два после Распятия апостол Павел (тогда еще Савл), «дыша угрозами и убийством на учеников Господа»⁹⁴, отправился в Дамаск. В нескольких милях к югу от города, на невысоком холме, который все

еще виден, ему было видение, изменившее всю его жизнь.

«Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Он сказал: кто ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать».

Савл добрался до Дамаска слепым. Он пришел в дом Иуды на улице, называемой Прямой, и там Анания, последователь Иисуса, его исцелил.

Павел принял крещение. Один из величайших врагов христианства стал одним из величайших христиан.

Улица, называемая Прямой, на самом деле представляет собой квартал в милю длиной, не имеющий привычных изгибов. В древние времена его называли Вик Рект, а потом Дерб-эль-Мустаким, то есть Прямая улица.

Как многие улицы Дамаска, этот квартал имеет арочную крышу, сквозь дыры в которой толстыми лучами проникает солнце, напоминая лучи прожекторов. Место, где, согласно традиции, находился дом Иуды, почитается и христианами, и мусульманами, теперь здесь крошечная мечеть. У нее нет минарета, так что муэдзин призывает верующих на молитву с маленького зеленого балкона, похожего на многие другие балконы квартала.

Я чувствовал потребность заглянуть внутрь мечети, даже если там нет ничего, напоминающего об Иуде и апостоле Павле. Я снял башмаки на улице и приготовился войти, когда старик, кутивший кальян на противоположной стороне улицы, бросился ко мне и устроил целое представление с открыванием дверей и приглашением внутрь.

Это было маленькое выбеленное здание. Сосуд с зеленоватой и явно застоявшейся водой был вделан в пол. Пять-шесть мужчин молча сидели на коленях и молились, обратившись лицами к Мекке, время от времени они касались лбом пола и поднимались снова, с закрытыми глазами.

Было странно думать, что эта маленькая беленая мечеть, должно быть, заняла место дома, в котором посланник, избранный самим Христом, начал свою миссионерскую деятельность, распространившуюся на весь мир.

10

Как я уже сказал, Дамаск разочаровал меня. Однако отдельные кварталы и дома города великолепны и незабываемы. Одна из мечетей «танцующих дервишей» — прохладное, тихое место с белыми колоннами и мраморными фонтанами. А еще дом Асад-паши, ныне превращенный французскими властями в своего рода музей.

Это действительно страница из «Тысяча и одной ночи»: заурядная дверь ведет с заполненного людьми пыльного базара, где ослы и верблюды, проходя мимо, прижимают вас к стене. Но с той стороны двери находится волшебный дворец с тремя сотнями комнат. В густых зеленых листьях апельсины и лимоны сияют на ярком солнце, вода плещет в мраморных фонтанах, и даже крики на улице снаружи стихают в этом тайном раю.

Еще одно изысканное строение Дамаска — Великая мечеть, которая раньше была христианской церковью, посвященной Иоанну Крестителю. Ее часто сжигали и разрушали, но ничто не может скрыть великолепие того

старого храма, который построил император Феодосий Великий в 375 году.

В узком проулке возле мечети, утопая в зеленом саду, прячется, на мой взгляд, главное сокровище Дамаска. Оно останется в моей памяти, когда забудутся более великолепные и амбициозные сооружения. Это скромное надгробие великого Саладина, героя «Талисмана» Вальтера Скотта и одного из тех врагов христианства, кто упоминается во всех исторических книгах как храбрый и благородный противник.

Святилище при захоронении не больше обычной комнаты. Над входом надпись по-арабски:

«О Аллах, прими эту душу и открой для него врата Небес, это последняя победа, на которую он надеялся».

Внутри тихая мраморная камера со стенами из полосатого камня и арками, выложенными прекрасными цветными плитками. Там едва хватает места, чтобы обойти вокруг резного мраморного саркофага, в котором покоятся останки великого поборника ислама. На надгробии лежат обрамленные картины, представляющие главные деяния и подвиги Саладина в защиту мусульманской религии, а в изголовье — тюрбан Саладина.

Могилу охранял старый шейх, сидевший снаружи у двери, на солнцепеке. Он вошел и обратился ко мне на арабском, объясняя деяния и подвиги Саладина.

Я хотел бы сказать ему, что мы, англичане, помним Саладина в основном потому, что он сражался против Ричарда Львиное Сердце, который практически не бывал в собственной стране и едва не раздавил ее население грузом налогов, собиравшихся на выкуп его романтической персоны из плена, — и тем не менее считается одним из наших любимейших героев.

Мы могли бы насладиться занимательной беседой, но я был в состоянии только кивать и делать вид, что понимаю, что говорит мне старик.

Судя по всему, Саладин был великим и добрым человеком, даже если не принимать на веру множество легенд, окутавших его образ, и добраться до твердой почвы исторических фактов. Боюсь, придется признать, что он мог похвалиться большим количеством христианских добродетелей, чем его противники.

Как все в Англии знают историю о короле Альфреде и пирогах, а в Шотландии каждый может рассказать вам про Брюса и паука^[16]; на Востоке же все готовы поделиться преданиями о доброте и сострадании Саладина (здесь его называют Салах ад-Дин, что звучит гораздо лучше).

Остается историческим фактом, что этот человек, изгнавший крестоносцев из Святой Земли, завоевывал провинции, собирал немыслимые богатства, раздавал свои сокровища и умер таким нищим, что один из его друзей написал: «Мы вынуждены брать деньги в долг, чтобы приобрести все необходимое для похорон, вплоть до вещей, стоивших ему полушку, вроде соломы, которую нужно смешать с глиной (для кирпичей, из которых складывали склеп)».

Похоже, Саладин совершенно не заботился о деньгах и много жертвовал бедным, в то время как ведение войны требовало значительного количества золота. Умирая, он призвал к себе знаменосца и сказал:

«Ты носил мое знамя во время войн, ты понесешь теперь знамя моей смерти. Пусть это будет жалкое тряпье, насаженное на копье, и когда ты понесешь его через Дамаск, кричи людям: „Эй, по смерти своей Повелитель Востока не может взять с собой ничего, кроме этого одеяния“».

Свидетели описывали, как погребальный кортеж Саладина двигался по узким улицам Дамаска в 1193 году, как люди рыдали и кричали, что святой покинул землю. Пожалуй, самый значительный вклад в память о

Саладине — тот факт, что все двери были открыты, но «никто не думал о грабежах».

Довольно любопытно, что единственный грязный трюк, который предпринял этот образец рыцарственности, был обращен против Ричарда Львиное Сердце. Во время битвы под Яффой любимый конь Ричарда Фануил, «желтой масти», не менее знаменитый, чем его владелец, был убит. Ричарда вынудили спешиться. Саладин увидел это и поразился тому, что столь благородный воин принужден сражаться пешим. А потому послал своему сопернику в подарок великолепного арабского скакуна.

Вероятно, в тот день Ричард был в особо хитроумном настроении. Он приказал одному из своих рыцарей сесть верхом на коня и опробовать его. Не успел тот сесть в седло, как конь, закусив удила, галопом помчался назад, напрямик к Саладину.

Только очень склонный к злым умыслам человек мог приписать Саладину такое коварство! От одного из присутствовавших — Бернара де Трезорье — мы знаем: Саладин настолько устыдился, что Ричард мог счесть его дар ловушкой, что не поднимал глаз, принося извинения английскому рыцарю.

Однако обратно к англичанам он отослал его на коне, обладавшем меньшей привязанностью к дому; и на этом скакуне Ричард сражался вплоть до бесславного конца крестового похода.

Покидая могилу Саладина, я думал о том, какое удовольствие стоять у захоронения героя, чья жизнь прошла испытание временем. Он был одним из величайших врагов христианства, но столь прекрасны свойства его ума и сердца, что мы не можем помыслить о нем без восхищения. Его жизнь будто управлялась справедливостью, правдой и состраданием.

На самом деле исследователь крестовых походов обязан, пусть и с неохотой, признать, что Саладин был в

сердце своем добрым христианином. И в этом одно из небольших проявлений иронии Времени!

11

Я каждый день вспоминал об умиравшей от голода салюки из Баниаса. Иногда я был почти уверен, что собака мертва; в другие моменты я верил, что она поправилась. Может показаться нелепым, но это несчастное существо полностью спутало мои планы; впрочем, вся жизнь состоит из таких банальных инцидентов и случайностей. Не пообещай я самым патетическим образом вернуться и проверить, как дела у собаки, я бы не поехал на юг, в Трансиорданию по пустынной дороге через Эль-Сананейн и Дераа, по дороге, которая совсем не манила меня. Однако я чувствовал, что не смогу иначе поладить со своей совестью.

Итак, к изумлению водителя, я отправился на юг, по древнему караванному пути из Дамаска в Галилею, а затем свернул к западу на Кунейтру, и к полудню мы были в Баниасе.

Если необходимость сдержать слово, признаюсь, сделала меня нетерпеливым и раздражительным, все эти чувства как рукой сняло, когда я въехал в нищую деревушку. Я сразу понял, что в течение недели являлся главным предметом разговоров в Кесарии Филипповой! Следовало знать, что те, кто были на работе, на горном склоне, слышали обо мне, когда возвращались домой; а те, кто меня в глаза не видел, получили детальное и красочное описание сумасшедшего англичанина, который остановился, чтобы подобрать на дороге собаку. В итоге, стоило мне появиться, вокруг собралась вся деревня — но отнюдь не с тем мрачным, суровым выражением лиц, которое пугает нервных туристов;

напротив, все смеялись, улыбались и кричали: «Абу кельб, абу кельб!», что означает «отец собаки».

Арабы обожают пожимать руки. Я прошел через группу, в которой каждый стремился пожать мне руку, и попросил водителя узнать о состоянии собаки.

— Пойди и взгляни сам, абу кельб! — ответили мне.

И толпа босоногих детей побежала вперед, ныряя между глинобитными стенами и громогласно разнося новость: «Абу кельб, отец собаки, вернулся!»

Меня провели к жалкой лачуге за глинобитной стеной. Толпа собралась такая большая, что нам пришлось закрыть ворота, но дети вскарабкались на стену, чтобы все видеть. Во дворе стояла на привязи белая кобыла. Из дома вышел таможенник, которого я раньше не видел, на нем были брюки цвета хаки и серая армейская рубашка. Он сердечно пожал мне руку, по-французски объясняя, что снимает жилье в этом доме, но, к сожалению, был на службе во время моего прошлого визита. Однако он так счастлив познакомиться! Как он рад, что я вернулся! Два маленьких мальчика принесли из дома деревянные табуретки и поставили их в тени. Таможенник сел на одну, я — на другую. Вокруг нас встали плотной группой женщины и дети. Таможенник все время бормотал нечто вежливое, а я оглядывался в поисках собаки, но нигде ее не видел. Мое сердце упало. Так она умерла! Вероятно, это к лучшему. Но я был достаточно знаком с обычаями арабов, чтобы задавать прямые вопросы. Со временем все выяснится.

Выяснилось, что таможенник был армянином из Алеппо. Он имел особое пристрастие ко всему английскому. Он учил английский язык у священника в миссионерской школе Алеппо. Ах, если бы ему однажды удалось съездить в Лондон! Он бы очень хотел этого. Англичане — великая нация. Последняя война была весьма печальным делом. Все англичане любят собак.

Арабы не любят собак. Но он, армянин из Алеппо, он любит собак, как англичанин. Он все говорил и говорил. Затем толпа расступилась, и появился человек, который подметал в святилище эль-Кедира, и с ним была салюки.

Я глазам своим не мог поверить. Она стояла! Ее задние ноги жалобно подрагивали, хвост, облысевший и шелушившийся, был по-прежнему опущен. Но в глазах исчез страх смерти, хотя боль еще читалась в ее взгляде.

Араб сделал ей небольшое покрывало из пары брюк цвета хаки, перевязал раны на передних лапах какими-то тряпками. Армянин пояснил, что они промыли раны вином и маслом — то же средство, которым воспользовался евангельский добрый самаритянин, исцеляя раны путника.

Казалось, собака каким-то образом понимала, что я являлся причиной ее нынешнего благополучия, и неожиданно сделала нечто, меня поразившее: подошла ко мне и положила морду мне на колено. В этот миг я решил, что, несмотря на ее крайнее истощение, раны, шелудивость и язвы, я каким-нибудь образом все равно заберу собаку с собой в Англию.

Я подумал о том, как необычно, что столь малые деньги и обычное участие могут настолько изменить судьбу живого существа. Бедная собака неделю назад была побита камнями и выброшена на смерть, а теперь являлась центром внимания всей деревни. Она ведь стала протееже богатого сумасшедшего англичанина.

Я спросил у армянина, что случится, если я ее не заберу.

— Этот человек, — он указал на араба из святилища, — будет присматривать за ней, покуда вы платите, но когда оплата кончится, он выгонит ее, потому что слишком беден, чтобы покупать для нее пищу.

Я казал ему о своем намерении забрать собаку в Иерусалим. Он покачал головой. Палестинская таможня не позволит провезти собаку в таком состоянии. А если у меня будет правительственный документ? Да, тогда *другое* дело.

Он согласился кормить собаку и ухаживать за ней, а я дал бакшиш.

— Пусть собаку так и зовут, — сказал я. — Бакшиш. Эту шутку поняли все!

Я уехал, пообещав, что либо сам вернусь за собакой в Баниас, либо пришлю кого-нибудь забрать Бакшиша в Палестину. Отъезжая, я слышал, как местные дети кричали вслед:

— Абу кельб! Абу кельб!

Несколько недель спустя я получил следующее письмо:

Мой дорогой друг мистер Мортон, я рад, что получаю искреннее удовольствие, установив отношения с Вами, которые начались собакой. Вы сможете оценить ее гостеприимство. Я привез большой кувшин морской воды из Сидона и мою ее каждый день, утром и вечером. Теперь ей лучше, чем раньше. Надеюсь, мы не забудем друг о друге, а я всегда гатов исполнить ваши задания. Извините за ашипки, потому что последняя война с Турцией в 1920 году, каторая закончилась через два года общей христианской иммиграцией, разрушила наше будущее и хорошую жизнь. Храни вас Бог до нашей встречи,

Джон

Письмо было от замечательного таможенника из Баниаса. Итак, теперь он омывал собаку водами Сидона. Это звучало впечатляюще.

Через несколько дней я смог, благодаря любезности палестинского правительства, получить бедняжку Бакшиша — через таможенников, которые разместили ее на псарне в Иерусалиме; возможно, со временем и арабы поймут, что не только люди могут чувствовать и страдать.

Информация была обнадеживающей. Я уже видел, как выгуливаю Бакшиша в Гайд-парке и вожу на трамвае в Сассекс-Даунз. А потом вдруг я получил письмо с известием, что она мертва — все-таки сказались травмы.

«Зная, как вы о ней заботились, — писала миссис Рейнольдс, взявшая на себя попечение о собаке, — я похоронила ее в собственном саду, так что можете думать, что она спит среди горных цветов».

Когда я вновь оказался поблизости от Баниаса, я заехал в деревню, чтобы поблагодарить Джона за его доброту. Взрослые и дети собрались вокруг машины с криками «абу кельб!» и заглядывали внутрь в надежде увидеть Бакшиша. Я сказал, что собака умерла.

— На то воля Аллаха! — кивали они.

Они смотрели на меня с почтительным сочувствием, как на каждого, кто пытается бросить вызов неоспоримой воле Бога. Даже Джон, добрый самаритянин, сказал, что это к лучшему, а когда я приеду в Алеппо, он подарит мне двух отличных собак. Даже он не понимал, что мученические глаза бедняги Бакшиша выделяли эту собаку из череды всех псов на свете.

Глава девятая

Десятиградье и Петра

Я отправляюсь на поиски крепости Макер, в которой Саломея плясала перед Иродом. В Трансиордании брожу по улицам одного из римских городов Десятиградья, знакомлюсь с Арабским легионом и наконец попадаю в горы, где нахожу то, что осталось от Макара. Еду в город крестоносцев Эль-Керак и пересекаю пустыню, чтобы увидеть Петру.

1

Большинство путешественников согласятся, что перед отправлением в поездку в их воображении всегда рисуются два-три места, которые особенно манят. Порой эти места оправдывают надежды, чаще приносят горькое разочарование.

Задолго до того как я впервые ступил на Святую Землю, я был твердо намерен посетить Макер. Так называется крепость в Моавии, где Саломея плясала перед Иродом Антипой и где был обезглавлен Иоанн Креститель. Однако, столкнувшись с проблемой непосредственно, я обнаружил, что лишь немногие бывали в Макаре и что упоминания об этом месте в литературе последнего столетия можно пересчитать по пальцам одной руки. Это, естественно, еще больше разожгло мое любопытство.

Макер, или Эль-Машнака, «место повешения», как называют его арабы, лежит на вершине одной из диких гор Моавии, к востоку от Мертвого моря. Туда не ведут никакие дороги, а в горах полно вооруженных

кочевников. В Иерусалиме мне сказали, что нельзя отправляться туда без полицейского эскорта и что самое лучшее — добраться до Трансиордании и проконсультироваться с властями в Аммане.

Итак, ранним утром я покинул Иерусалим на машине и поехал в сторону Иерихона. Я видел великолепную панораму солнца, встающего над дикими Моавскими горами, освещающего неподвижные воды Мертвого моря и сияющего над странными силуэтами гор и холмов долины Иордана. Палестина заканчивалась, начиналась Трансиордания, когда я пересек мост через Иордан, известный как мост Алленби. Это армированный железом армейский мост, и когда вы двигаетесь по нему, настил громко скрипит.

После моста Алленби дорога сбегает в прекрасную зеленую долину. За сплетением ветвей олеандров и зарослей ежевики открывался вид, о котором я просто обязан упомянуть: старая немецкая гаубица, словно лягушка, присела в кустах. Это была пресловутая «Иерихонская Джейн», из которой турки обстреливали Иерихон во время войны.

Я заметил у дороги пастуха, сидевшего с ружьем между колен. Чуть дальше мимо прошли три араба с длинноствольными мушкетами за спиной, а на груди у них красовались патронташи. Арабы в Палестине и Сирии ходят без оружия, во всяком случае, формально они все разоружены, но в Трансиордании сохранился национальный спорт — набеги на соседей, и выяснилось вдобавок, что разумнее всем носить оружие, чтобы предотвратить кровавые нападения.

Чудесная долина сменилась туманными горами, укутанными цветущим миндалем. Солнце сияло сквозь красновато-бурые листья гранатов, освещало яркую зелень фиговых деревьев, и, где только оставалось пространство среди скал, мелькали участки с посадками

пшеницы и ячменя среди темных пятен неплодородной земли.

Дорога поднялась на плоскогорье — огромное пустынное плато, которое в римские времена служило одним из главных центром производства зерна на Востоке. Теперь голые холмы тянутся до самого горизонта, а дорога идет по ним то вверх, то вниз, огибая самые крутые, миля за милей, и вокруг ни одной живой души.

Один раз за Эс-Сальтом, на горной дороге, ведущей к Джерашу, на фоне неба внезапно нарисовалась фигура. Это был бедуин на небольшой гнедой лошади. Поперек седла он держал ружье. Он появился из ниоткуда и пристально смотрел на нас. Пока я не убедился, что стрелять по нам он не собирается, боюсь, я не в состоянии был оценить изящество его эффектного появления. За очередным поворотом открылся лагерь кочевников, к которому тот бедуин, вероятно, и принадлежал: пятнадцать-двадцать низких, черно-коричневых шатров сгрудились на склоне, рядом с ними были привязаны несколько лошадей, клапаны-входы у шатров высоко подняты, так что я мог различить интерьер; видимо, члены клана собрались на совет.

В Палестине, за исключением района вокруг Беэр-Шевы, вы редко увидите настоящих бедуинов, для этого надо ехать в Трансиорданию. Здесь племена медленно перемещаются от одного пастбища к другому, повторяя древнее движение Сынов Израиля.

Район, в который я направлялся, известен каждому, кто читал евангелия, как Декаполис — Десятиградье. Помните, однажды за Иисусом последовала большая толпа из Галилеи и из Декаполиса? Евангелист Марк рассказывает: когда Господь покинул «пределы Тирские и Сидонские», Он «опять пошел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия»⁹⁵. Также человек, из которого демоны перешли в стадо свиней, был жителем

Десятиградия, мы узнаем, что он «пошел и начал проповедовать в Десятиградии, что сотворил с ним Иисус»⁹⁶.

Первоначально Декаполис был лигой десяти греческих городов. Некоторые из них гнездились высоко в бурых горах, нависавших над Галилейским морем с востока, другие раскинулись к югу от озера, возле Иордана, а третьи стояли высоко на восточном склоне, однако все десять городов были стратегически расположены на древних торговых путях, что вели от Средиземного моря через равнину Изреель и далее по караванным тропам из Дамаска в Петру. Во времена Христа это были процветающие, богатые города, поддерживавшие постоянные контакты с Грецией, ежедневно принимавшие чужестранных путников, шедших на север из Египта в ущелье Петры и на юг к Дамаску по длинной, пустынной дороге.

Иными словами, в Галилее Иисус оказался на перекрестке торговых путей древнего мира; Декаполис представлял собой небольшой архипелаг греческой культуры посреди океана гор и пустынь.

Не помню, кто сказал, что цивилизация — общение и связи, но понимаешь справедливость этого высказывания, только путешествуя по просторам Трансиордании с целью посетить остатки великого города, теперь безнадежно затерянного в горах. Дороги, служившие кровеносными сосудами между городами Декаполиса, давным-давно исчезли. Иногда замечаешь мраморную колонну, одиноко стоящую на склоне, или видишь фрагмент древней мостовой, уходящий в никуда, и тогда осознаешь, что все это — последние признаки больших дорог, приносивших жизнь в древние города.

Девятнадцать столетий назад я бы приближался к Джерашу по мощеной военной дороге, связывавшей города. Я встречал бы на пути военные подразделения

на марше, купцов из Дамаска, торговцев из таинственного скального города Петра, находящегося далеко к югу, богатых путешественников из Греции и Рима, цепочки вьючных животных, поднимающиеся в горы с европейской почтой и — в этом нет ни малейшего сомнения — с образцами новейших женских мод Запада.

Но теперь, глядя вокруг, я видел лишь опасную дорогу, тянущуюся над обрывом, а вдали несколько колонн, одиноко торчащих на фоне неба.

Это и был Джераш.

2

Этот мертвый город со временем станет таким же знаменитым, как Помпеи или Тимдаг. В течение столетий он оставался затерянным в недоступном краю, но сегодня британские археологи заняты изучением упавших колонн. В Джераш приезжаешь в восхищении и изумлении, чтобы выяснить, что в отличие от Газы, Аскалона, Кесарии Филипповой и других римских городов, давно превратившихся в прах, здесь сохранились хотя бы фрагменты мостовых, бань, развалины храмов, театров, форума и жилых домов.

Человеческие аспекты жизни, полностью отсутствующие в Баальбеке, представлены в Джераше. Находясь в святилище Молоха, трудно вообразить себя одним из молящихся, но в Джераше так легко понять, что это значит — жить в таком славном греческом городе, с его откровенной роскошью, размеренным европейским распорядком, особенно ценными после долгих дней скитания по пустыне. Как приятно, должно быть, слышать стук колес по мостовой и узнавать, что днем будет представление «Медеи», которое покажут бродячие актеры в театре позади форума.

Едва ступив на центральную улицу Джераша, я остановился, чтобы взглянуть на гигантскую яму в земле, слева от основной дороги, которая вела к южным воротам. Это остатки гигантского цирка, предназначенного для гладиаторских боев, а также обширного озера, теперь пересохшего и заросшего травой, на котором разыгрывались морские баталии, высоко в горах, вдали от моря — любопытный штрих для описания национального характера жителей Декаполиса, региона, населенного рожденными в волнах греками.

Я прошел сквозь то, что осталось от южных ворот, и оказался на главной улице, вымощенной каменными блоками, в щели между ними пробивалась трава — как и в Помпеях. Царила тишина, преувеличенная тишина смерти. Группы высоких колонн стояли на некотором расстоянии друг от друга по обеим сторонам улицы, и я заметил колоннаду, которая служила опорой для крытого прохода. Движение по этим дорогам, вероятно, было весьма оживленным, потому что каменные блоки сильно изнашивались от постоянного воздействия колес. Виднелись и пробитые в камне колеи. Я обнаружил на улице и следы подземной дренажной системы — некоторые люки сохранились до наших дней.

Одно из главных зданий города — изысканный греческий театр с колоннадой и задней частью сцены, которые устояли до нашего времени, сиденья поднимаются ярусами, они находятся в такой прекрасной сохранности, что можно прочесть номера ярусов: А, В, С и так далее. Я поднялся до последнего ряда и взглянул через парапет на разрушенный город. Я мог различить основную дорогу, что вела к круглому форуму, большинство колонн которого уцелели, а затем шла дальше, по обеим сторонам ограниченная храмами и крупными строениями, теряясь к северу в траве и зарослях терновника, покрывавшего склон горы.

Возле красивого фонтана, когда-то изливавшего потоки воды на четыре стороны, я встретил человека, по виду шотландца. У него были рыжие волосы и жесткие, по-военному подстриженные рыжеватые усы. Однако выяснилось, что он черкес, обитатель одной из колоний, основанных Абдул-Хамидом на границе страны бедуинов после русско-турецкой войны 1877 года. У него был ключ от музея, он считался официальным хранителем Джераша; так что дальше мы пошли вместе.

Мой водитель-армянин отказался покинуть машину, хотя вокруг никого не было видно. Он сказал, что от машины ничего не останется, стоит отойти хотя бы на минуту. А потому мне пришлось идти без переводчика, но черкес, оказавшийся весьма забавным и общительным человеком, очень живо объяснялся на языке жестов. Он отвел меня к наполовину погруженным в землю руинам и там представил живописную имитацию человека, посещающего турецкую баню. Он тяжело и часто дышал, словно зашел в парную, показывал, как пьет воду. Когда я показал ему, что понял — он привел меня к развалинам римских бань, — пришлось продемонстрировать, как я очищаю тело скребком и массирую себя, и голубые глаза проводника засияли неподдельной радостью.

Затем мы поднялись на массивную платформу, где стояли развалины огромного храма. Не знаю, был ли это храм Солнца или Артемиды, которая, помнится, считалась главным божеством Джераша. Мы миновали просторные, заброшенные дворы, где из-под ног прыскали ящерицы, заглянули в пересохшие храмовые фонтаны и прикоснулись к холодному камню алтарей.

Сидя на высоком месте неподалеку от еще одного театра, мы глядели вокруг, на высокое гладкое нагорье, по форме напоминавшее холмы Камберленда, но только здесь цвета были резче, а солнце ярче сверкало на камнях.

Было странно видеть великую римскую дорогу, по-прежнему аккуратно вымощенную, проходящую через город и за северными воротами теряющуюся на горном склоне. В Помпеях повсюду бродит множество людей, они обмениваются глупыми замечаниями, которые неизбежно слышишь, например: «Это место производит большое впечатление»; а Джераш, расположенный в диких, безлюдных горах, словно скелет в пустыне, одинокий и молчаливый в ярком утреннем свете, остался для меня незабываемым воспоминанием. Сидя там, я размышлял, посещал ли когда-нибудь Христос города Декаполиса. Насколько возможно утверждать, что Он не делал чего-то? Евангелия описывают лишь два-три последних года Его жизни. Если кто-то смог бы доказать, что в те годы, о которых мы ничего не знаем, Он совершил путешествие в Рим, разве мы удивились бы? всю свою жизнь в Галилее Он непрестанно странствовал, все говорили о Его странствиях. С гор позади Назарета Он мог видеть голубое море и корабли, пересекавшие срединное пространство римского мира. Исследователи скажут: «Евреи не путешествовали просто так, ради удовольствия», но Иисус вообще редко вел Себя как ортодоксальный еврей: Он дружил с самаритянами, Он переиначивал представления о субботе, вся Его жизнь была бунтом против холодного формализма иудейства. И хотя сама мысль о том, что Он покидал берега Палестины, кажется довольно экстравагантной, у нас нет оснований однозначно утверждать, что Он категорически избегал языческих городов, встречавшихся на Его пути.

Мне нравится воображать, что Иисус, «проходя через пределы Десятиградия», заходил в эти величественные греческие города, находил тень под прекрасными портиками, слушал разговоры на форуме и Своим добрым, милостивым взглядом находил там нечто

доброе, ускользавшее от глаз Его фанатичных современников.

Нам не следует забывать, что одному из городов Декаполиса, подобному Джерашу, суждено было стать щитом и убежищем живой христианской традиции. Именно в Пеллу, город на юге Галилеи, входящий в состав Десятиградья, бежали иерусалимские христиане, когда армии Тита встали лагерем на Елеонской горе.

Именно греческий город сохранил для всего мира свидетельство веры. И с течением времени, когда история Христа разошлась по всему свету, именно греческий язык позволил передавать ее все дальше и дальше.

Я ступил на дикую тропу, которая привела меня к старинной мельнице, использовавшей силу водного потока. Там я увидел араба с мешком пшеницы, уложенным на спину осла, — они направлялись к мельнице. На сей раз водитель пошел со мной, потому что я захотел осмотреть здание изнутри. Возле двери, скорчившись на камне, в свете послеполуденного солнца, сидела очень худая, довольно изящная, но грязная бедуинка. В ноздрях у нее было по две бусинки с каждой стороны, а на лице виднелись татуировки. Босые ноги были длинными и красивыми. Она играла с очень маленькой, хорошенькой девочкой лет пяти, живот которой был чудовищно раздут — обычная деформация арабских детей, которые питаются от случая к случаю и чем придется.

Увидев меня, женщина со свирепым видом отвернулась, скрючившись еще сильнее, и что-то пробормотала моему водителю. Я поинтересовался, что она сказала.

— Она думает, вы еврей, который пришел отобрать землю.

— Но почему она так решила?

— Потому что вы в шляпе, — ответил он. — Шляпа — обычный признак *яхуди*. Арабы говорят: «Пусть Господь проклянет тебя вместе с твоей шляпой».

Я попросил его вернуться к женщине и объяснить ей, что я не еврей, но в моей стране все носят шляпы. Она мгновенно сменила гнев на милость, я пожал ей руку, хотя не уверен, что это правильно. Однако это порадовало ее, и она с готовностью провела меня на мельницу.

Я никогда бы не поверил в возможность того, что увидел: в наше время продолжала работать римская мельница. Жернова представляли собой огромные гранитные блоки поздней римской работы, полагаю, они перетирали пшеницу еще во времена существования Джераша.

Араб и его осел стояли в полумраке мельницы в ожидании, когда будет смолот привезенный мешок пшеницы. Это был красивый парень с длинным кинжалом за поясом. Он заговорил со мной, и водитель перевел его слова:

— Сколько в вашей стране стоит жена? — он начал разговор с довольно неожиданного вопроса.

— В моей стране жен не покупают, — ответил я.

Араб пристально уставился на меня, в его взгляде сквозило явное осуждение.

— Скажи ему, что многие отцы дают своим дочерям деньги, когда те выходят замуж, — обратился я к водителю.

Араб очевидно заинтересовался этой новостью.

Водитель пояснил:

— Он говорит, что такие, наверное, очень глупые. В Трансиордании такого не делают.

В дальнейшем я узнал, что цена на жену скандально выросла за последнее время, и араб был этим крайне возмущен. Он говорил об этом тем же тоном и с тем же выражением лица, с какими мы обсуждаем повышение

подходящего налога на очередные шесть пенсов. Затем, забросив мешок с мукой на спину осла, он по традиции вежливо попрощался, коснувшись лба и груди, а потом вышел на ослепительный солнечный свет и пошел вверх по тропе вдоль реки...

Было уже совсем темно, когда я добрался до Аммана — горной столицы Трансиордании. В городе не было видно ни одной шляпы, и я решил утром купить себе *кеффию*. Напротив небольшого каменного отеля высился массивный греческий театр, способный вместить семь тысяч зрителей.

3

Утром меня разбудил звук выстрела. Это была небольшая полевая пушка. От выстрела слегка задрожали стекла в окнах, а издали донесся лай. Пушка стреляла с минутным интервалом. Я посмотрел на часы. Пятнадцать минут пятого.

Предыдущим вечером, во время беглого знакомства с Амманом, он показался мне местом, где может произойти все что угодно, так что я встал и подошел к окну. Ничего не было видно, кроме огромной, замершей в ожидании аудитории греческого театра через дорогу. Солнце еще не начинало всходить. В сумраке могло показаться, что тени Софокла и Эсхила бродят где-то между ярусами. На самом деле это были два пастуха-бедуина в белых рубахах. Затем пушка снова выстрелила, и где-то в горах ей ответил варварский ритм барабанов и визг дудок и — совершенно невероятно! — волюнок.

Служащий в холле отеля сообщил мне, что начался мусульманский праздник, эмир Абдулла, правитель Трансиордании, прибывает для молитвы в мечети. Я вышел на улицу. Как раз начинался восход. Люди

бежали в одном направлении, и я последовал за ними. Через некоторое время я оказался на самом краю невероятной толпы. Она целиком состояла из арабов. Шейхи пустыни сидели верхом, за их спинами виднелись ружья. Военный духовой оркестр в новенькой синей форме европейского покроя маршировал мимо с предельно торжественным видом. Затем прошло подразделение арабских волынщиков в такой же синей форме, на волынках развевался королевский тартан Стюартов. Тут толпа пришла в возбуждение, лошади шейхов вставали на дыбы и лягались, так что мне с трудом удалось рассмотреть отряд черкесских копейщиков, спускавшийся с горы легким галопом: верхушки их шапок были покрыты черным каракулем, длинные черные плащи с алым кантом, патронташи через всю грудь, а на каждом копье — весело развевающийся флажок. Пушка еще раз выстрелила и затихла. Солнце превратило купол далекой мечети в огромный белый гриб, сияющий над узкими улицами города. Наступила тишина. И в этой тишине эмир вошел в мечеть для молитвы.

Я зашел в одну из лавок, которые открывались одна за другой, и с помощью двух-трех известных мне арабских слов с глубоким облегчением купил типичный головной убор бедуина — *кеффию*, а также *агааль* из скрученных черных волос. Я примерил обновку в отеле и остался доволен: теперь у меня гораздо меньше риска быть побитым, даже в тех местах, где знавали лишь Лоренса Аравийского и Доути^[17].

Великобритания вернула Амману достоинство столичного города — как в ветхозаветные времена, когда это был главный город аммонеев. Моисей во Второзаконии утверждал, что именно здесь видели гигантский остов кровати великана Ога, царя Васанского⁹⁷. Кстати, этот остов, на котором Ог

покоится не в жизни, а в смерти, согласно легенде, находится неподалеку, так как рядом с Амманом были найдены огромные саркофаги.

Сегодня город, расположенный в неглубокой долине и на прилегающих холмах, не слишком велик, на взгляд европейца, но для бедуина из пустыни это головокружительный мегаполис. Скромный каменный дворец, выстроенный британским правительством для эмира, стоит на вершине холма, доминирующего над городом. Королевские ВВС неподалеку от него разбили свой аэродром. Но главной достопримечательностью Аммана являются казармы Арабского легиона.

Военная полиция составляет всего тысячу человек, при этом считается, что у окружающих племен есть как минимум десять тысяч бойцов с ружьями. Тот факт, что закон и порядок столь хорошо соблюдаются по всей Трансиордании, что пожилые дамы могут на автомобилях спокойно отправляться через пустыню в Петру, не приглашая с собой вооруженный эскорт, а после путешествия жалуются лишь на сильную тряску, говорит о высоком престиже Арабского легиона.

Казармы в Аммане производят довольно странное впечатление, а для англичанина, находящегося на чужбине, это весьма трогательное зрелище. На первый взгляд, это причудливый компромисс между небольшим прибрежным курортом и зданием колониальной выставки. Сотни фруктовых деревьев и эстрада для оркестра. Иногда оркестр исполняет с сильным арабским акцентом «Полковника Боуги». По аккуратным, тщательно расчерченным дорожкам, посыпанным гравием, с которых изрядное количество заключенных тщательно удаляют даже малейшие сорняки, бродят павлины, индюки, гуси и цесарки. Там есть школа для детей легионеров — такую могли выстроить где-нибудь в Олдершоте, — но рядом с ней видна белая мечеть, одна из немногих мечетей в мире, построенных

британцами. В пределах района казарм расположена и центральная тюрьма, которую также можно назвать университетом Трансиордании! Заключенные (а тюрьма почти всегда заполнена до отказа) за время отсидки получают неплохое техническое образование. В пустыне срок заключения не считается позором; на самом деле многие бедуины не считают себя полностью взрослыми, пока не услышат приговор и не отсидят свое.

Я прошел через кованые ворота и увидел некоторых из 380 заключенных, среди которых числилось 90 убийц, они деловито и жизнерадостно трудились в прачечной, на кухне, в сапожной мастерской, на каменоломне, на фабрике по производству матрацев и на птицеферме.

Все здания казарм построены заключенными. Забавно, что после освобождения многие из них изъявляют желание записаться в Легион.

Престиж Арабского легиона в Трансиордании столь велик, что иметь сына-полицейского такая же честь, как для ирландского крестьянина увидеть сына священником.

Человек, превративший сыновей пустыни в батальон охраны, известен по всей стране как Пик-паша. Это голубоглазый англичанин с неплохим чувством юмора и мягкими манерами, родившийся около сорока лет назад в Мелтон-Моубрее. Он сыграл заметную роль в арабском восстании времен войны. Его имя стало для страны магическим талисманом. Его произносят с уважением и восторгом даже в самых высоких горах Трансиордании, равно как и на малолюдных равнинах. Его достижения не сможет оценить человек, который не знает, не понимает и не любит арабов. В командовании Арабским легионом ему помогают два британских офицера.

Я приступил к расследованию того, как попасть к руинам Макера.

— Вы не сможете добраться до Эль-Машнака, — твердили мне в ответ. — Во-первых, к нему нет дороги; во-вторых, вас могут убить. Бедуины в горах дикие и очень бедные, ваше тело могут найти много недель спустя, а за это время они уже уйдут на Синай или еще куда-нибудь. Нет, это невозможно...

Но я был твердо намерен поехать в Эль-Машнаку — или Макер, — и потому оставалось одно средство: пойти к Пик-паше.

— Вы действительно хотите туда поехать? — спросил он. — Хорошо. Вы получите полицейский эскорт.

Мне сказали, что верховой эскорт и лошади будут ждать меня там, где заканчивается дорога.

Я встал в четыре часа утра, отметил в полицейском участке, как должны делать все путешественники по Трансиордании, указав пункт назначения и вероятное время возвращения, а затем в течение трех часов ехал на машине по самой ужасной дороге, которую когда-либо встречал в своих поездках. Она состоит из серии спиралей и проездов, узких как лезвие, повисающих над пропастью — на склоне гор, с востока окаймляющих Мертвое море.

Эту дорогу только что закончили строить, и строительство рассматривалось как огромное достижение, так что вскоре на ней установили плату за проезд в несколько пиастров. Однако никто не мог гарантировать, что часть дороги не обрушится в долину.

Дорогу строили для тысяч арабов со всей страны, которые собираются у горячих минеральных источников Зерка Ма'ин; считается, что эта вода исцеляет от самых запущенных форм ревматизма, неврита и сопутствующих им болезней.

В машине я не раз и ранее испытывал страх, но его нельзя даже сравнить с тем ужасом, который я пережил,

когда мы проезжали по невероятно узкому и длинному участку, дважды поворачивающему на 180 градусов. На протяжении нескольких сотен футов колеса нашей машины практически скользили над пропастью. Одна ошибка — и автомобиль успел бы три-четыре раза перевернуться в воздухе, прежде чем оказался бы на дне долины.

Я испытал облегчение, лишь когда мы въехали в глубокое ущелье, стены которого были покрыты зелеными и ржаво-красными пятнами, а от горячих минеральных ключей, стекавших по скалам, поднимался пар. В этом месте меня ждали трое вооруженных полицейских с запасной лошадью.

Я спросил, в каком направлении мы поедem; один, знавший несколько слов по-английски, указал на практически отвесную стену ущелья и сказал:

— Туда, наверх.

Прежде чем тронуться в путь, я осмотрел горячие источники Зерка Ма'ин. Их было около десятка. Ущелье слишком ужасно, чтобы назвать его красивым, жаркая расщелина в вулканических горах, заполненная серным зловонием, камни которой покрыты пятнами и полосами минеральных отложений из ключей.

В этих источниках, по преданию, обладающих целительными качествами, пораженное болезнью тело Ирода Великого омывали перед ужасной смертью царя в Иерихоне. В древности эти источники носили имя Каллирроя.

Лишь немногие европейцы посещали эти источники, но они широко известны среди арабов, которые стекаются из отдаленных районов на верблюдах, на лошадях, чтобы искупаться в этих водах. Насколько я понял, тут тоже есть свой «курортный сезон», как в Хэрроугейте или Бате. В момент моего визита к этому периоду только начинали готовиться: строили грубые навесы и стенки вокруг водоемов, отведенных для

женщин, расчищали площадку для лагеря. Один араб провел меня к природной турецкой бане (ключ бил внутри пещеры). В этом помещении висел густой пар и стояла такая жара, что я выдержал там не более минуты.

Спутник рассказал мне необычную историю об этих горячих источниках: якобы они были найдены чернокожим рабом царя Соломона, и здесь совершали могущественные магические обряды. По правде сказать, у меня сложилось ощущение, что все древнее и непонятное здесь приписывают царю Соломону.

Мы тронулись в путь. Один полицейский ехал впереди, с ружьем наготове. Через пятьдесят ярдов после него ехал второй, затем мы с третьим полицейским. Дорога шла круто вверх, по руслу высохшей реки. Лошади скакали по камням, как горные козлы. В небе над нами кружил орел с белыми перьями на крыльях, потом лениво удалился.

Восхождение привело нас к безлюдной *вади*, то есть каменистой пустоши, где мы смогли перейти на легкий галоп, используя в качестве дорог сухие русла, причем лошади сами уверенно находили путь. Горы казались совершенно безжизненными, но полицейские сказали, что за нами могут следить сотни глаз, и у каждой пары есть ружье.

— У вас часто возникают проблемы с бедуинами? — спросил я.

Я знал, что мой собеседник сам был бедуином, но гордый статус члена Арабского легиона и представителя британского правительства был для него важнее.

Он изобразил высокомерное презрение:

— Я пойду один, с пустыми руками, куда угодно и арестую целую деревню, и никто не посмеет поднять на меня руку.

Внезапно первый полицейский пустил свою лошадь в галоп вдоль свежей осыпи, прямо к куче камней. Его

острый глаз заметил какое-то движение. При его приближении из-за камней поднялись 10-15 бедуинов. И у каждого было ружье.

Будь я один, скорее всего, они, ни на мгновение не сомневаясь, ограбили или убили бы меня. Когда я подъехал ближе, старый шейх схватил веревку, служившую мне поводьями. Он сделал жест, изображавший мирное приветствие, и попросил ехать за ним в гору, где стояли их шатры, чтобы выпить кофе. Очень трудно отвергнуть подобное приглашение, не нанеся хозяину жестокого оскорбления, но я умолил полицейского рядом со мной найти предлог, который он сочтет уместным, чтобы отказаться.

Мы ехали дальше по горам в течение трех часов, иногда далеко внизу мелькала голубая вода Мертвого моря, иногда мы погружались глубоко в расщелины в скалах, карабкались по высоким камням, как козлы. Маленькие арабские лошадки проявляли чудеса ловкости и подвижности, с которой не шли ни в какое сравнение даже повадки эксмурских пони.

К концу трех часов мы приблизились к Эль-Машнака, «месту повешения» — безусловно, это название отражает какие-то воспоминания об ужасной цитадели Ирода.

На милю вокруг, на соседней горной вершине раскинулись руины древнего города. Там были обрушившиеся стены и нечто, напоминающее остатки дороги. Почва стала такой жесткой, что даже кони не могли дальше идти. Мы спешили, оставили лошадей на попечение одного из полицейских, а сами стали карабкаться по скалам.

Мы спустились в своего рода провал между двумя горами, а потом прошли по участку древней дороги, вымощенной тесаным камнем. Она привела нас к основанию высокой конической горы, на которой ничто не росло, а склоны были усыпаны мелкими камешками.

Именно на ее вершине некогда стояла мощная крепость Макер.

Впервые за этот день я почувствовал прикосновение легкого ветерка. Мы находились в 3700 футах над Мертвым морем. Вокруг нас высились Моавские горы, хребет за хребтом складками извивались на фоне синего неба.

Нигде, даже на Бен-Невисе или Сноудоне, я не смотрел с таким восторгом на открывающийся передо мной вид с горы. Оба полицейских взобрались наверх первыми, ружья висели у них за спинами, куски сланца осыпались из-под сапог для верховой езды. Тут и там целый каскад мелких камней дождем ссыпался с горы.

Мы достигли верхней точки и посмотрели вниз. Под нами лежало пространство тихой синей воды — Мертвое море. На противоположном берегу поднимались горы, они громоздились хаотично, бурые, пустынные вершины, то выше, то ниже, тянулись на запад, а вдали, на самом горизонте, виднелся высокий хребет, на котором можно было различить черные отметки величиной с булавоочную головку, — это были здания на Елеонской горе.

Направо, где Мертвое море заканчивалось чередой соленых озер, лежали белесые, неровно окрашенные груды соли, там была долина Иордана, и все эти мили, белые и цвета хаки, и единственное зеленое вкрапление — город Иерихон, а также коричневые равнины, разделяла тонкая серебряная линия реки Иордан, завершающей свой долгий путь от Галилейского озера.

На горе я не нашел ничего, кроме ямы, остатков того, что могло быть когда-то сводчатым колодцем, а также фрагментов старинной стены.

Земля была усеяна мелкими кусками керамики. Ниже по склону находилась темница. Возможно, та самая, где провел последние дни Иоанн Креститель.

Три или четыре автора оставили краткие описания этой горы, они утверждают, что здесь можно увидеть

остатки металлических колец, к которым приковывали пленников, но я тщетно их искал. Если они и сохранялись несколько лет назад, боюсь, теперь их уже нет. Темница забита мусором, бедуины, которые бродят по этим горам, используют эти помещения в качестве зимних убежищ для скота.

Вновь взобравшись на самую вершину, я заметил представителей местного племени, появившихся совершенно неожиданно, хотя мгновение назад казалось, что вокруг вообще нет ни души; теперь они вели беседу с полицейскими. Шейх — величественный патриарх с ястребиным носом и жидкой седой бородой — стоял, опираясь на старинное ружье. Его свободные одежды позволяли увидеть, что, помимо кривой турецкой сабли и двух изогнутых кинжалов, на нем ленты патронташа с сотнями медных и латунных гильз.

Он пригласил меня выпить кофе, но смотрел при этом так, словно готов был пристрелить меня в случае отказа! Я поинтересовался, где стоят его шатры, и он указал на гору в двух или трех вершинах от нас. И снова мои сопровождающие подобрали вежливые основания для отказа, и после долгих рукопожатий мы двинулись прочь.

Я сел в седло, развернувшись спиной к тому, что осталось от стены крепости Макер, и попытался вообразить, как она должна была выглядеть во времена Предтечи и его современников. Конусовидная гора стояла особняком среди других вершин горного хребта, окруженная тремя глубокими ущельями, и с Моавскими горами ее связывала только разрушенная мощеная дорога.

Изолированный конус был увенчан укреплениями задолго до христианской эры по приказу иудейского царя Александра Яннея. Ирод, отличавшийся особым пристрастием к необычайной торопливости, должен был видеть в Макере еще более удаленную и неуязвимую

цитадель, чем Иродий, возвышавшийся на одной из ближайших гор, среди вершин западного склона, обращенного к Мертвому морю. Он расширил и обновил укрепления крепости, построил город у самой вершины. Это и есть те руины и рассыпанные по земле камни, которые я заметил, прежде чем ступить на мощеную дорогу. В то же время Ирод выстроил для себя великолепный дворец.

Итак, когда Иоанн стал пленником темницы Макара, его должны были доставить туда от горячих источников по римской дороге, которая извивалась вокруг горы и шла к городу на вершине. Его должны были привезти в этот город по тому участку дороги, который мы сейчас миновали. Стены и бастионы этой ужасной крепости возвышались над мертвым миром. Арсеналы были забиты новейшими видами вооружения, пригодного для защиты и нападения, а еще там были огромные запасы свинца, бронзы и железа. Хранилища и амбары наполнились вином, маслом, финиками, огромными запасами пшеницы на случай осады. Это было жуткое место, и здесь оказался Креститель, отрезанный от мира, запертый в тюрьме на самой страшной вершине Моавских гор.

Некоторые критики предполагают, что Саломея плясала перед Иродом в Тиверии и что гонцы были направлены в горную крепость с приказом казнить Крестителя и вернуться с его головой. Если бы это было так, поездка туда и обратно заняла бы не менее четырех дней. В такой стране, как Моавия, невозможно сделать подобное дело быстро. И Матфей, и Марк сообщают, что не успела Саломея предъявить свое ужасное требование поднести ей голову Крестителя, как сразу получила ее на блюде. Атмосфера этой трагедии, описанная в евангелиях, предполагает, что и танец, и убийство происходили в одном и том же месте. Доктор Моффет в «Новом переводе Библии» даже усиливает темп этого

повествования. Если традиционная версия представляет требование Саломеи так: «Хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя»⁹⁸, то доктор Моффет предлагает следующий перевод: «Я хочу, чтобы ты *сей же момент* принес мне голову Иоанна Крестителя на блюде». Я уверен, что любой беспристрастный читатель, сравнив текст традиционного перевода, греческого Евангелия и вариант доктора Моффета, скажет, что Ирод, Саломея, Иродиада и Креститель находились той трагической ночью в одном и том же месте. Даже если допустить ошибку в сочинении Иосифа Флавия, есть еще один важный исторический факт, который указывает на то, что местом действия была именно горная твердыня Макер.

Чтобы жениться на Иродиаде, Ирод должен был избавиться от своей первой жены. Она была дочерью набатейского царя Ареты из Петры. Эта страна лежит к югу от Макара, между Мертвым морем и заливом Акаба. Жена Ирода, услышав об интриге Ирода с Иродиадой, бежала к отцу. Сначала она добралась до Макара, известного как «Сторожевая башня Аравии», а оттуда, согласно Иосифу Флавию, ее перевозили от полководца к полководцу, пока она не добралась до отцовской страны. Когда Арета услышал историю дочери, он объявил Ироду войну. Единственный ответ еврейского командования на угрозу, исходящую из Петры, — немедленно выдвинуть войска в горы и занять крепость Макер, южный оплот с аравийской стороны Мертвого моря, естественную базу обороны против набатейцев. Именно это и сделал Ирод. В словах евангелиста Марка содержится отражение известий о войне при описании пира, который он дал «вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским»⁹⁹. Очень важный аргумент в пользу этого, что среди

пировавших с Иродом в ночь смерти Крестителя были старшие офицеры его армии.

И хотя у меня нет сомнений, что именно Макер был местом танца Саломеи и смерти Крестителя, я не уверен, что дворец стоял рядом с тюрьмой. Внимательно осмотрев коническую гору, я пришел к убеждению, что там располагался укрепленный замок и ничего больше, а роскошный дворец Ирода находился на хребте к востоку, где когда-то был город.

В сопровождении полицейских я спустился с горы и еще раз пересек участок древней мощеной дороги. Мы оказались среди руин города. Этот участок соседней горы был ровным и плоским, он отлично подходил для строительства. Насколько я могу судить, развалины занимают территорию не менее квадратной мили, там кучами лежат обтесанные камни, остальные фрагменты зданий разбросаны по всей поверхности.

Мы знаем, что город был окружен защитной стеной, а ее башни достигали высоты 160 локтей. Почему Ирод так усложнил систему фортификаций, выстроив еще и город столь значительного размера рядом с крепостью, а не ограничился единым центром обороны? Я полагаю, этот город должен был обслуживать великолепный дворец, вероятно, стоявший в самом центре. Известно, что этот дворец был создан с большим размахом. Его колоннады состояли из столбов, вырезанных из цельных глыб камня, а пол был выложен из разноцветного мрамора. В нем были роскошные бани и прекрасный пиршественный зал. Безусловно, на маленькой вершине конической горы Эль-Машнака не нашлось места для такого сооружения. Дворец, должно быть, стоял на площадке, сегодня усыпанной каменными блоками. Именно там Саломея плясала перед Иродом Антипой.

Стоя на горе, возможно с большой степенью достоверности представить себе, что случилось в ночь казни. Ирод, его военный штаб, придворные и, конечно,

Иродиада и ее дочь остановились в царском дворце. А вокруг на горе горели походные костры солдат. Это была ночь праздника. Евангелисты сообщают, что это был день рождения Ирода. Но более вероятно, что использованное ими греческое слово имело другое значение — годовщину вступления царя на престол.

В просторном пиршественном зале были одни мужчины: тетрарх, его военачальники, придворные и старшие офицеры. Пир подходил к концу. Рабы спешили по мраморному полу с кувшинами греческого вина. Вероятно, играла музыка, курились благовония, а темные завесы вздрагивали, когда туда-сюда проходили рабы.

Я не верю, что танец Саломеи был кульминацией оргии. Скорее всего, все было гораздо прозаичнее, рациональнее, преднамереннее. Мужчины остались в одиночестве. Мы знаем это, так как Саломея должна была выйти, чтобы посоветоваться с матерью; и можно быть уверенными: если Иродиада не присутствовала на пиру, значит, и другим женщинам этого не позволили. Итак, мужчины остались наедине со своим нервным правителем, они пили вино и разговаривали, возможно, слушали Ирода.

Трудно забыть, что пируешь на вершине дикой горы, посреди пустынного и опасного края. Полагаю, многие из присутствовавших на пиру Ирода думали о дикости окрестных мест, о глубоких ущельях, тонувших в темноте. Они наверняка желали оказаться где-то в ином месте, а не на ужасной вершине Макера, у самых звезд, на плечах горного мира. Здесь не было беззаботного гама Тиверии, не перекрикивались в темноте лодочники и рыбаки на озере, не пели птицы. В Макере было зябко и тихо. Даже пиршественный зал Ирода с цветными мраморными полами и ароматическими лампами походил на освещенный склеп на горной вершине.

Внезапно музыка зазвучала громче, раздвинулись занавесы. И в свете ламп и жаровен появилась женщина. И мужчины, раскинувшиеся на ложах, с мозгами, затуманенными вином, мгновенно проснулись, но не от похоти или страсти, а от удивления и смущения. Потому что женщиной была Саломея, в жилах которой текла благородная кровь Хасмонеев.

Она медленно вышла на открытое пространство. Музыка нарастала. Бокалы опустели и вновь наполнились. Белое тело Саломеи повторяло движения танцовщиц Египта и рабынь Рима. Знатные придворные, высшие офицеры и военачальники видели зрелище, о котором и помыслить не могли: принцесса из дома Хасмонеев плясала перед ними; еврейские души должны были прийти в смятение. Но глаза стареющего Ирода загорелись интересом. Подобное унижение требовало особой награды. Музыка стихла, и по залу пробежал шепоток, ведь никто не смел аплодировать прежде, чем тетрарх подаст знак.

«Проси у меня, чего хочешь, и дам тебе»¹⁰⁰.

Девушка, красота которой была прославлена далеко за пределами Рима, как тень заскользила по мраморному полу, а потом исчезла там, где ее ждала Иродиада. Потом она вернулась и потребовала жизнь Иоанна Крестителя.

«Царь опечалился; но ради клятвы и возлежавших с ним, не захотел отказать ей».

Отряд солдат вышел из дворца и направился по дороге к замку. Кованые подошвы звонко ударяли по мостовой, что вела к воротам крепости. Над головами солдат в ночной синеве сияли звезды, а далеко внизу можно было различить блики на поверхности Мертвого моря и очертания Иудеи. Палач с мечом вошел в темницу. Затем он вернулся с еще теплой головой Крестителя. И ночной ветерок ерошил ему волосы.

Они прошли обратно, по мостовой, к освещенному дворцу. Еврейские стражники в ужасе шарахнулись. Греки улыбались и начищали серебряное блюдо. Сквозь насыщенный дымом благовоний пиршественный зал они прошли к царю Ироду, поднесли ему голову Иоанна Крестителя на блюде. И древнее предание, которое невозможно подтвердить или опровергнуть, гласит, что Иродиада наклонилась и пронзила язык пророка шпилькой для волос...

Конечно, все могло происходить несколько иначе. Но кто скажет наверняка? Я могу лишь представить некие соображения и образы, пришедшие мне на ум среди руин Макера.

Тремя часами позже мы, совершенно вымотанные, спустились к горячим источникам Зерка Ма'ин. Солнце уже покинуло ущелье, которое оттого сделалось еще более пугающим. Лошади полицейских, знакомые с этими местами, уверенно шли по воде, от которой поднимался пар, но мой конь оказался более темпераментным и сперва отказывался войти в поток.

Араб, который ставил шатер на берегу и, как выяснилось позже, служил инспектором по здравоохранению в Аммане, подошел, чтобы в обычной для его народа изысканной манере предложить свою помощь и гостеприимство, которые я на сей раз с благодарностью принял. Он занялся приготовлением чая, вымыл бокал и чашку, а потом рассказал, что каждый год, во время сезона всеобщего паломничества к горячим источникам, он живет здесь, чтобы присматривать за порядком и соблюдением правил.

Скорчившись на стопке одеял внутри шатра-колокола, я пил горячий, сладкий чай. Хозяин сидел напротив, в окружении атрибутов своего временного изгнания из городской жизни: ружье, полный патронташ, парафиновая печка и коробка с

апельсинами. Он пригласил меня остаться на ночь, и я бы с удовольствием так поступил, но это было бы нечестно по отношению к тем людям в Аммане, которые беспокоились о моей безопасности и выражали его в виде бесконечной череды шуток по поводу принципиальной вероятности моего возвращения.

Нетрудно понять, почему люди вроде Доути и Лоуренса Аравийского так полюбили арабов, живущих в пустыне. Несмотря на мою досаду, я не знаю арабского, и это было постоянным барьером в общении, но даже при этом я постепенно начал ощущать глубокую симпатию и взаимное уважение, легко возникающие между бедуинами и англичанами. Я думаю, пустыня — отличная школа, и англичанин инстинктивно понимает и принимает существующий здесь кодекс поведения. Аристократизм и утонченность, возникающие по мере роста сознательности нации и ее чувства собственного достоинства, медленно и неуклонно умирают в нашем мире. Но в пустыне они все еще живы.

Я распрощался с инспектором по здравоохранению и после нескольких мучительных часов путешествия по горной дороге наконец прибыл в полицейский участок в Аммане — как раз к заходу солнца. Навстречу вышли легионеры, отметили меня в журнале учета путешественников как «вернувшегося» и пожелали доброй ночи.

5

Боюсь, то, что происходило дальше, было типичным образцом потакания собственным слабостям, но я просто не мог удержаться — думаю, и вы бы не избежали искушения, — от поездки в Петру.

Казалось абсурдным в первый, и возможно последний, раз в жизни находиться на восточном берегу

Мертвого моря, откуда хватит одного дня на поездку в Петру, и упустить такой шанс. Это не имело никакого отношения к истории христианства, за исключением, как я уже говорил, войны между Аретой, царем Петры, и Иродом Антипой, который привел войска в Макер, где и произошло убийство Предтечи.

Затерянная в диких горах, между Мертвым морем и заливом Акаба, Петра до недавнего времени оставалась труднодоступным и опасным для посещения местом. Древняя столица Едома была утеряна во времена крестоносцев и найдена в наше время — немногим более столетия назад, когда Буркхардт, путешествовавший под видом мусульманина, сумел попасть в ущелье под предлогом того, что хочет принести в жертву козла в святилище Аарона, и с изумлением увидел поразительные скальные гробницы. Это нетронутое святилище оказалось недоступно для Робинсона и Лабора. Ирби и Мэнглс удовлетворились осмотром издалека, через подзорную трубу, и даже Дэн Стэнли, который, путешествуя в 1853 году с эскортом, приблизился к мертвому городу в скалах, понимал, что его в любой момент могут остановить вооруженные бедуины, и вынужден был повернуть назад.

Однако сегодня, отстояв некоторое время в агентстве путешествий Кука в Иерусалиме, вы можете услышать, как пожилые англичанки собираются в группы для поездки в Петру и резервируют места в шатрах, которые представители Кука разбивают в пустыне весной. Если вы прочтаете книги упомянутых выше людей, это может показаться абсолютной фантастикой: едва ли возможно обыкновенному туристу добраться туда, где потерпели неудачу опытные путешественники, 50-60 лет назад столкнувшиеся с непреодолимыми препятствиями. При турках, полагаю, лишь немногие туристы ездили в Петру с достаточной вооруженной охраной, но в наши дни, благодаря

усилиям Арабского легиона, пустынная дорога от Аммана до Маана и Элджи считается вполне безопасной. И пока машины в туристический сезон подскакивают на ухабах, довольные собой пожилые англичанки и их мужья разглядывают дикие пейзажи за окном, понятия не имея о том, что совершают нечто такое, от мысли о чем холодела кровь у бывалого Буркхардта! Иногда я думаю, что недостаток воображения — это ангел-хранитель английской нации.

Утром я отправился в путь по той же дороге, которая вела меня в Макер, потому что на сей раз хотел подняться на гору Небо — ту самую, с которой Моисей увидел Землю Обетованную и где в тайной могиле покоится его тело. С собой я взял рекомендательное письмо к полицейскому офицеру в Мадабе.

Он принял меня дома и предложил лимонад. Мы сидели и беседовали, курили сигареты, он показал мне свой маленький музей римских ламп и монет. Я спросил его, есть ли бедуины-христиане. Он ответил, что некоторое количество лет назад была небольшая группа, которая в шатрах служила литургию, но теперь почти все вымерли или переселились в деревни. Он упомянул о любопытной кочевой семье Азизат, чей лагерь находился неподалеку от Мадабы. Они христиане и происходят изначально из древнего города крестоносцев Эль-Керак. Кажется, во время крестовых походов эта семья услышала о заговоре с целью убийства мусульман, среди которых у них было много друзей. Они предупредили мусульман об опасности и с этого времени были освобождены от всех налогов. В 1912 году ситуация с налогообложением в Моавии изменилась, и привилегии, существовавшие столь долго, были отменены.

Офицер сказал мне, что даже теперь любой мусульманин Эль-Керака встает в присутствии членов семьи Азизат.

Мы вместе отправились по крутой и мало посещаемой путниками тропе на гору Небо. Временами мы ехали по самому краю обрыва, порой осторожно пробирались по пересохшему руслу водных потоков. Потом дорога закончилась, мы вышли из машины и остальную часть пути прошли пешком.

Гора Небо по высоте почти равна Бен-Невису. Она высится на фоне безоблачного неба, и ее вершина, на которой можно собрать целую армию, на западе обрывается в открытое пространство. Когда заглядываешь в ужасную пропасть, смотришь на глубокие расщелины цвета хаки, куда не ступала нога человека. Ниже открывается вид на Мертвое море, спокойное и недвижимое, как голубое стекло, а на противоположном берегу видны безжизненные горы с рваными силуэтами хребтов, поднимающихся, словно длинное плечо Иудеи, и там видны несколько темных точек: это Иерусалим, в сорока милях отсюда.

Утверждение, что с вершины горы Небо можно увидеть всю Палестину, представляет собой буквальную истину. Видны горы возле Хеврона на юге, высокогорье Иудеи и Самарии, Иорданская долина до Хермона. Это один из самых замечательных видов в мире. И на горе Небо нет иных звуков, кроме таинственного шелеста западного ветра, доносящегося из-за края горы.

Мы осмотрели развалины византийской церкви, построенной на месте, где, согласно традиции, стоял Моисей, когда Господь «показал ему всю землю от Гилеада до Дана». Там сохранилось несколько колонн, немного мозаики, а также камень, который с римских времен монахи считали тем самым, на который ступил Моисей.

Пока мы смотрели на невероятную рельефную карту Святой Земли, вокруг нас собрались бедуины, словно призраки, появившиеся из ниоткуда, и один из них сказал, что нас приглашают в шатер шейха. Покинув

ветреную вершину Небо, мы спустились и прошли в лагерь бедуинов.

Шейх, человек средних лет с кинжалом за поясом, вышел нам навстречу и предложил свое гостеприимство. Мы прошли к черным шатрам, вся мужская часть его семьи выстроилась в ряд. Меня представили каждому из них, я прошел вдоль ряда и пожал руки. Потом нас провели в шатер самого шейха, где постелили ковры, на которые мы и сели. Вошел мальчик с кофейником, а другой — с подносом, на котором стояли крошечные чашки. Первым сделал глоток шейх. Затем тот, кто принес кофейник, плеснул на дно моей чашки чуть-чуть кофе. Я выпил. Он продолжил подливать нам кофе микроскопическими дозами, которые я последовательно выпивал, каждый раз вежливо кланяясь хозяину. Бедуины любят крепкий горький кофе, совсем не похожий по вкусу на тот, который пьют в Европе. Они толкут зерна в ступе, а потом добавляют к ним горькие травы. Шейх произнес вежливую речь, а полицейский офицер перевел ее:

— Он просит вас остаться и есть с ним.

Я принес извинения за отказ.

— Он говорит, что ему очень жаль, — продолжил офицер, — что вы так спешите, потому что он очень хочет зарезать в вашу честь овцу.

Только целыми потоками вежливых извинений нам удалось выбраться, и шейх проводил нас до скал и полей, вероятно, до границы своего лагеря, а потом коснулся головы и груди, прощаясь с нами.

Прежде чем расстаться, полицейский офицер предложил мне арабского скакуна. Я подумал: что было бы, если принять все, что тебе из вежливости столь щедро предлагают в арабских странах?

Дорога на Эль-Керак на протяжении многих миль шла по гористой местности, которая вела под уклон, и

постепенно я оказался на полупустынной равнине. Это был безлюдный край с далеким горизонтом, разорванным тонким, неровным силуэтом горных хребтов. Единственным живым существом, которое я встретил по дороге в течение часа, был лис с великолепным рыжим мехом и белым кончиком хвоста. Он бросил мимолетный взгляд на такое странное явление, как автомобиль, подскакивающий на ухабах и двигавшийся в его сторону, а затем исчез среди песчаных холмов.

В этот самый момент мы наткнулись на дорогу в Мекку — это одна из самых пустынных дорог на свете. Раз в неделю вдоль нее проходит поезд из Аммана, направляющийся на юг, к Маану. Именно эту линию с таким удовольствием взрывали во время последней войны Лоуренс Аравийский и его арабы. Мы свернули направо, к югу, вдоль железнодорожной линии, милью за милей, час за часом, и постепенно она стала чем-то привычным и родным. С какой-то неожиданной радостью я вдруг увидел совершенно заброшенный пустой вагон с литерами «ХР» — «Хиджаз Рейлвей».

К полудню мы прибыли на станцию. Она называлась Эль-Катрани. Там было три-четыре лачуги, полицейский пост, бетонное здание самой станции, несколько телеграфных столбов, у одного из которых томилась на привязи белая лошадь. Мы остановились, чтобы отметить у полицейских. Легионер пригласил нас зайти и выпить кофе, но мы показали на солнце и сказали, что едем в Эль-Керак.

Свернув на запад, мы вновь стали подниматься — сперва среди холмов, потом начались горы. За всю середину дня мы встретили на дороге лишь трех верховых: человека с почтовой сумкой в сопровождении двух конных полицейских. Когда солнце стало клониться к закату, мы обогнули очередную пропасть, и перед нами, на хребте высотой в три тысячи футов над

уровнем моря, со всех сторон окруженный крутыми обрывами, защищенный серыми бастионами и высокой стеной времен крестовых походов, предстал Эль-Керак — некогда знаменитый город Рено де Шатильона.

6

Внутри стены оказались глинобитные домики, протоптанные дорожки, стада овец и арабы, сидевшие на корточках в тени стен и уродливых надстроек и навесов, сменивших благородные дворцы и церкви, когда-то открывавшиеся взгляду вновь прибывших.

Порой тишину разрывал цокот копыт, и в город въезжали два-три красочно одетых всадника, на полном скаку спрыгивавших с седла и запрыгивавших в него обратно, показывавших друг другу экзотические конные трюки, что вызывало смех и одобрительные возгласы зрителей.

Овцы паслись на курганах, покрывавших останки самого огромного замка средневековья. Его разрушенные залы, в которых некогда пировали крестоносцы, служили теперь выпасом для черных коз, а разваливающиеся часовни, где молились рыцари, использовались под конюшни.

Куда бы я ни пошел в Эль-Кераке, за мной следовала толпа человек из тридцати юных арабов. Они шли по пятам и неотрывно смотрели на меня. Если я внезапно оборачивался в их сторону, они отбегали, как робкие животные. Если они начинали слишком сильно шуметь, стоило взглянуть на них, как воцарялась тишина. В Эль-Керак редко приезжают посторонние.

С крепостных стен я смотрел вниз, в глубокие рвы. Далеко на западе я мог разглядеть голубизну Мертвого моря в расселине между горами.

Величественный замок находится в состоянии невероятного упадка и разрушения. Зачастую страшно входить под гигантские своды, в залы, заваленные мусором и обломками до половины высоты.

В ветхозаветные времена Эль-Керак называли Кир Моав, Кир Арасет или Аресет. Он упоминается в Библии как неприступная крепость. Те стены и укрепления, которые видны сегодня, являются реликтом крестовых походов, когда город имел исключительную важность, так как контролировал караванные пути из Египта и Аравии в Сирию.

Одно время лордом Керака был безжалостный Дик Турпин^[18] той поры, Рено де Шатильон, находившийся в постоянных конфликтах с учтивым Саладином из-за того, что совершал регулярные набеги на мусульманские караваны. Этот крестоносец вел непрерывную войну с паломниками, направлявшимися в Мекку, внезапно нападал из высоко расположенной крепости на богатые караваны из Дамаска.

Несмотря на то, что Саладин в течение пяти лет вновь и вновь осаждал Керак, крепость так и не удалось взять силой оружия. Во время очередной осады дела шли так плохо, что крестоносцы выгнали женщин и детей, очевидно, в надежде, что жизнь в гареме лучше, чем голодная смерть. Однако история утверждает, что Саладин спас этих женщин. Лишь в 1183 году Керак вынужден был капитулировать.

Я совершил обычный визит в полицейский участок, чтобы там зарегистрировали мое имя. Я был первым гостем за несколько месяцев. Сегодня, как и при турках, город является военной базой; но вместо турок меня приветствовали весьма обходительные и доброжелательные члены Арабского легиона.

После регистрации полицейский, говоривший по-английски, обратился ко мне так, словно я осматривал картинную галерею:

— Не желаете ли взглянуть на нашу тюрьму?

Меня провели сквозь дверь с железной решеткой в каменное помещение, где содержали 33 заключенных, в основном воров и убийц. Они улыбались и радостно махали руками.

Население Керака составляют христиане и мусульмане. Христиане делятся на православных и католиков.

Самая интересная церковь — маленькое строение, посвященное святому Георгию. Как и во многих других церквях Св. Георгия на Востоке, там есть колонна с прикрепленной цепью, которой сковывают буйных сумасшедших. Почему Св. Георгий считается покровителем буйнопомешанных, я не знаю, но это широко распространенное в Палестине и Трансиордании верование: безумный может исцелиться, если проведет ночь в цепях в церкви Св. Георгия.

Мне говорили:

— Сюда приводят сумасшедших, их приковывают на ночь к колонне. Церковь запирают, а к утру, вероятно, Георгий изгоняет из них бесов.

Удивительно было услышать, что столь печально знаменитый языческий обычай все еще сохраняется. Подобные методы лечения во сне применял Эскулап, они были широко распространены в античные времена. Больному полагалось провести ночь на храмовом дворе. Когда христианство победило старых богов, лечение во сне перенесли из храма в церковь. Помню, я где-то читал, что храм Исиды был так прославлен исцелениями, что даже христиане не могли удержаться от соблазна пойти туда. Местный патриарх разрешил эту проблему, изгнав Исиду и расположив на месте ее святилища кости двух мучеников из Александрии; и исцеления продолжились.

— И многие проводят ночь в церкви? — поинтересовался я.

— На прошлой неделе был один, — ответили мне.

Никогда не забуду вечер в Кераке. Солнце уже опустилось за горы Иудеи. Жаркий день закончился, и по небу разливалось розовое свечение. Город угнездился на вершине, словно потрепанный старый орел. Внезапно босые смуглые ноги подняли на дороге облако пыли. Люди зашептались. Поразительные новости! Прибыли еще два чужака. Я и сам испытал немалое любопытство. Кто бы это мог быть?

В центре Керака, напротив тюрьмы, разбит небольшой городской сад, в котором растут несколько финиковых пальм и какие-то иссохшие кусты, окруженные колючей проволокой. Меня повели туда, и мальчик-проводник раздвинул ветви кустов, чтобы показать мне на некотором расстоянии вновь прибывших: это были два молодых человека в шортах цвета хаки; они сидели под финиковой пальмой и пили кофе с начальником полиции, тоже довольно молодым.

Я присоединился к ним в скромном саду. Полицейский принес еще кофе и чашку для меня. Один из гостей был американцем, другой бельгийцем; оба прибыли в Каир в составе делегации. Получив недельный отпуск, они решили осуществить мечту о приключении: поехать на машине из Египта через Трансиорданию в Иерусалим. Они прекрасно провели время и были полны восторга от доброты и эффективности Арабского легиона.

— С того момента, как мы прибыли в Трансиорданию, — сказал американец, — мы жили в казармах Арабского легиона, проводили все ночи на дорожных постах полиции. Вы, англичане, должны гордиться ими.

Я вынужден был признать, что большинство англичан едва ли когда-нибудь слышали об этом подразделении.

— Такие явления, как Арабский легион, оправдывают колонизацию, — заметил бельгиец.

Среди ветвей вокруг мелькали любопытные лица местных жителей, а мы тем временем беседовали о пустыне, о необычных идеях и представлениях, сохранившихся в этих краях, не затронутых мировыми событиями.

Крестовые походы — последнее великое воспоминание Керака. Арабы, проживающие там, всех бледнокожих европейцев называют «франками», как это было и в дни правления Саладина. В конце концов, разве это удивительно? Удаленный от других городов, замкнутый суровыми Моавскими горами, Керак может припомнить немного, кроме крестовых походов, поскольку с ним уже не случилось ничего, равного тому падению, никаких воспоминаний не возникло между уходом основателей и нынешним призрачным бытием, а следовательно, здесь не о чем рассказывать детям на ночь.

На балкон минарета, высившегося над садом, вышел муэдзин, чтобы призвать верующих к молитве; а мы сидели в тени тутового дерева. Темнело, появились летучие мыши, стремительно мелькавшие в воздухе.

Начальник полиции рассказывал:

— Когда Саладин осадил город, жители посмотрели вниз со стен и увидели армию, расположившуюся в долине и на горах. В этот день праздновали свадьбу одной дамы в замке. Она молила Саладина снять осаду на день ее бракосочетания. И он сделал это. Однако на следующий день опять началась война... Это все Рено де Шатильон. Он был плохим человеком, но отважным. Где Лузиньян, король Иерусалимский, заключил договор с Саладином, что паломники могут свободно проходить в

Мекку. Но Рено нарушал мирное соглашение. Он атаковал паломников и убил их. Но в битве у Рогов Хаттина Ги и Рено попали в плен к Саладину. День был жаркий, и рыцари страдали от жажды. Когда они стояли в шатре Саладина, принесли воду и дали ее Ги де Лузиньяну. Тот передал чашу Рено. Саладин увидел это и сказал: «Я дал эту воду не тебе, а Ги де Лузиньяну». И знаете, почему он так сказал? Потому что собирался убить Рено и не хотел проявлять гостеприимство воды по отношению к нему; у арабов гостеприимство означает защиту. Саладин обращался с Ги со всем почтением, как к военному противнику, но взял меч и сам отрубил руку Рено. А потом его убил палач, прямо в шатре Саладина. Так погиб правитель Керака.

Стало совсем темно. Появились звезды. Кто-то сказал, что нам пора идти. Молодые люди остановились на ночь в одном из арабских домов, а мне предоставили комнату в маленьком католическом монастыре. Мы распрощались.

Священник-араб, которого я сначала принял за француза, уже ждал меня; это был хрупкий невысокий человек с жидкой бородкой и большими, по-детски широко открытыми карими глазами.

— Я опасался, что с вами что-то случилось, — сказал он. — А потом услышал, что вы пьете кофе с капитаном. Ужин готов.

Мы прошли в выбеленное сводчатое помещение. На столе горела масляная лампа, стояла тарелка с финиками. Молодой араб в черной рясе поставил перед нами суп с макаронами, который принес с кухни, расположенной в смежной комнате. Пока мы ели, сквозь проем видно было, как он жарит бараньи отбивные, подбрасывая в печь дрова.

Мы съели мясо, затем чистили огромные апельсины из Яффы и все время разговаривали о непостижимости Бога, красоте и безобразии человека. Затем мы

поговорили о войне. Руки священника дрожали, когда он складывал в кучку корки от апельсинов на тарелку, а большие и невинные детские глаза стали еще шире.

— При турках, во время войны, меня избили палками, — спокойно произнес он на своем безупречно правильном французском. — Я не перенес бы этого, если бы не вспоминал о бичевании нашего Спасителя. Меня связали по рукам и ногам и дали триста палочных ударов по подошвам. Мои ноги истекали кровью. Но Бог был добр ко мне. Я потерял сознание.

Он немного отхлебнул кисловатого вина и улыбнулся, словно извиняясь за свое признание.

— Почему они сделали это со мной? Они говорили, что я прячу британских шпионов.

— Они могли вас убить.

— Бог был милостив, — улыбнулся он. — Меня выслали в Алеппо.

Он еще отхлебнул вина, и мне показалось, что его старческое лицо осветилось.

— А здесь я обрел счастье. Я увидел, как армии союзников вошли в эту страну, я знал, что христиане заняли Святую Землю.

Когда я уже собрался спать, священник зашел ко мне и сообщил, что комендант и его адъютант пришли, чтобы пригласить меня в город.

Человек пять-шесть в хаки и несколько местных шейхов молча сидели в небольшой комнате, украшенной картинами с изображением Распятия. Они встали мне навстречу и поклонились; потом последовал церемонный обмен сигаретами. Священник вошел с подносом кофе. Только комендант говорил по-английски. Его люди и шейхи сидели молча, наблюдая за нами, а мы разговаривали, сидя на маленьком диванчике.

Разговор был сдержанным и формальным, как менуэт. Мы обменивались комплиментами, беседовали о

лошадях и охоте, то есть о сугубо «мужских» вещах. Маленький священник в поношенной сутане и пыльной шапочке скользил между нами, без слов подавая гостям чашечки кофе.

Все это походило на сцену из жизни древнего мира. Так встречались странники — вежливо и неспешно раскрывая в общении свои мотивы и цели — в романтические дни прошлого. Я встал и принес извинения, мол, уже поздно и мне пора спать. Солдаты и шейхи встали и поклонились, и мы наконец попрощались.

Музыкой ночи был собачий вой. Я никогда не слышал такого завывания, а над Моавскими горами сияла полная луна.

Долгие часы я лежал без сна в своей маленькой белой келье, наблюдая за тем, как лунный свет падает сквозь решетку окна. Псы Керака, а также собаки окрестных горных деревень на мили вокруг приветствовали луну. Во время редких перерывов я начинал забываться сном, пользуясь тем, что вой прекратился, но тут становилось слышным тьякanye шакалов; весь собачий хор дружно откликался на него, и все начиналось снова.

Должно быть, я все же заснул, потому что разбудили меня крики петуха и восход солнца. Я слышал голоса за окном. Муэдзин призывал на первую молитву.

Затем зазвонил монастырский колокол. Я как раз успел в церковь, чтобы посетить мессу, которую служил маленький священник. Ему помогал арабский мальчик. Каждый раз, когда старик опускался на колени перед алтарем, я невольно смотрел на подошвы его ног и вспоминал о трех сотнях ударов палкой, которые он перенес с таким смирением и мужеством...

Утром мы попрощались.

— Храни вас Бог днем и ночью, — произнес он. — Я буду молиться за вас.

Он достал листок бумаги с оборванным краем, приложил его к стене и вписал мое имя.

— Возможно, когда-нибудь вы вернетесь, — сказал он с кроткой улыбкой, совершенно отвергавшей материальные затруднения и особенности современной жизни.

— Кто знает? — ответил я. — Мыслями я не раз буду возвращаться сюда. Как только вспомню, как вы служили здесь утром, это и будет возвращение.

— Мысль и молитва, — кивнул он. — Это одно и то же.

И я отправился в путь, вниз с горы.

Я часто вспоминаю, как ранним утром он совершал древний ритуал в маленькой церкви посреди Моавских скал. Если покровительство человека доброго и хорошего, простого и чистого сердцем может помочь, то многие из совершенных мною грехов, возможно, станут чуть более легким бременем на моих плечах.

7

Едешь по пустыне на юг от Эль-Катрани много часов, никого не встречая на пути, кроме кочевников-бедуинов с ружьями за спиной, да верблюдов, способных выжить там, где умирает любое другое существо.

Затем вдали, за границей выжженной жаром равнины, солнечный свет начинает мерцать, отражаясь от маленького каменного здания. Это один из полицейских постов Арабского легиона. Там вы должны назвать свое имя, пункт назначения, номер машины или цвет своей лошади или верблюда.

Когда останавливаешься у полицейского поста, появляется невероятная фигура в форме и островерхом шлеме Легиона. Невероятной она кажется посреди пустыни, потому что в таком облачении можно спокойно

охранять Букингемский дворец. Пуговицы сияют как звезды. Ботинки начищены. Шпоры отполированы.

Полицейский выходит к путнику, отдает честь, совершает все формальности, а затем, хотя и не говорит по-английски, дает вам понять, что желает проявить гостеприимство на своем одиноком посту.

Он приглашает вас на почетное место, готовит горький кофе по рецепту бедуинов или сладкий мятный чай, а если день клонится к закату, предложит вам и ночлег в здании полицейского участка.

Эти неофициальные хозяева Трансиордании, улыбающиеся, приветливые и гостеприимные, передают вас из рук в руки через всю пустыню.

Долгая дорога до Петры идет напрямиком на юг, по плоской равнине, на которой мили сухой соли слепят глаза. Потом начинается полоса черной базальтовой гальки, напоминающей пересохшее дно океана. Через одну-две мили эти камни, сохраняя форму, становятся все крупнее и крупнее, будто их омывали и выглаживали древнейшие потоки и давно исчезнувшие морские течения.

Это весьма утомительное путешествие. За пять часов я встретил лишь две машины, ехавшие мне навстречу. В них сидели шейхи, закутанные по самые глаза в белые *кеффии* и с любопытством глядевшие на меня. Жутковатая, суровая и монотонная, эта дорога была лишь началом бездорожья песчаной пустыни и скалистой, усыпанной галькой равнины, которую Чарльз Доути навсегда запечатлел в одной из величайших книг нашего времени — «Аравия пустынная».

В середине дня мы прибыли в Маан — маленькую деревушку, состоявшую из глинобитных домов и нескольких финиковых пальм. Здесь пейзаж был просто многолюдным по сравнению с окрестностями. Мы увидели человека на верблюде, трусцой бегущем к югу, и двух конных полицейских, направлявшихся на пост на

север. Мы свернули на запад и въехали в зеленый оазис, где были сотни верблюдов, пасшихся на траве и медленно перебиравших длинными ногами.

Примерно через час мы въехали в плодородную долину Вади Муса, что означает «Долина Моисея». Река, дарующая ей жизнь, согласно популярной легенде, течет здесь с того момента, как Моисей ударил посохом в скалу и оттуда забил источник. Чем больше смотришь на эту волшебную страну, тем меньше уверенности ощущаешь в утверждениях критиков Ветхого Завета о том, что то или другое событие вообще не могло произойти. Они настаивают на том, что определенные ситуации кажутся невероятными, так как выходят за рамки их личного опыта. Таким критикам было бы полезно прочитать захватывающие описания Исхода или перехода через Красное море как реконструкции рассказов того, кто жил в пустыне в эпоху скитаний. Я хотел бы назвать отличную книгу «Вчера и сегодня на Синае» нынешнего губернатора Синай майора Ч. Джарвиса. У меня нет сомнений, что многие критики Ветхого Завета с легким сердцем отмахнутся от описания того, как Моисей рассек скалу, назвав этот рассказ красочной басней, но послушайте, что говорит майор Джарвис:

Рассечение скалы Моисеем в Рефидиме и открытие источника кажутся абсолютным чудом, но автор действительно видел то, что случилось. В этой долине размещается часть Синайского верблюдного корпуса, его представители копали в россыпи гравия, скопившейся вокруг одной из скал, чтобы добраться до воды, которая медленно просачивалась сквозь известняк. Работали они медленно, и сержант Баш Шавиш сказал: «Дайте-ка я сам», взял лопату у одного из работавших и стал энергично рыть, как

делают многие командиры по всему миру, чтобы подать пример подчиненным; на самом деле он не собирался работать дольше пары минут. Один из его мощных ударов пришелся по скале, и вдруг гладкая твердая поверхность известняка со следами выветривания раскололась, большой кусок отвалился, а под ним оказалась другая пористая порода и из нее хлынул поток воды. К сожалению, суданцы, которые входят в Синайский корпус, хорошо знакомы с деяниями пророков, но не особенно благочестивы, и они приветствовали своего командира возгласами: «О, пророк Моисей!» Это вполне реальное объяснение того, что случилось, когда Моисей ударил по скале в Рефидиме, но, более того, Моисей — будучи исключительно знающим человеком — мог иметь весьма ясное представление о том, что произойдет.

Долина расширилась, и мы подъехали к деревне из каменных и глинобитных домов, окруженной стеной из обожженного кирпича. Тут дорога закончилась. Конные полицейские уже ждали меня; но я в первые секунды не мог выговорить ни слова, потому что на горизонте высилось нечто столь гротескное, столь непохожее на окружающий пейзаж, столь особенное и примечательное, словно явилось с иной планеты.

Это были складчатые, зубчатые горы темно-синего и пурпурного цветов, настолько голые и мертвые, словно служили границей чужого мира. Возможно, так выглядят лунные горы. Глядя на них, понимаешь, что в далекие времена вулканический «бум!» взорвал поверхность Земли и заполнил ее странными, оплавленными формами, которые остывали в виде невероятных складок.

Окружающий ландшафт резко обрывается у подножия этих гор. Здесь нет постепенного перехода от одного пейзажа к другому. Зеленые холмы внезапно сменяются невысокими горами, расколотыми многочисленными ущельями и впадинами, покрытыми пятнами света и тени. В самом сердце этого гротескного горного массива находится таинственный город Петра.

Мой багаж подвесили на спину осла, а сам я сел на лошадь. В сопровождении полицейских — один ехал впереди, другой за мной, — я под громкий цокот копыт миновал дома деревни Эльджи, и мы тронулись по белому сухому руслу, усыпанному галькой.

Я часто замечал, что некоторые горы, совершенно фантастические на расстоянии, при ближайшем рассмотрении оказываются заурядными. Но это не имеет никакого отношения к Петре. На самом деле мощный взрыв становится еще более мощным, когда подъезжаешь ближе. Долина царей в Луксоре — веселое местечко по сравнению с этими горами, похожими на синий призрачный ландшафт, какие изображали ранние итальянские художники за спинами святых. Горы настолько сверхъестественные и зловещие, что я был рад звуку копыт по каменистой почве.

Мы ехали минут сорок пять, потом резко свернули направо и поскакали прямо к горам. Если бы кто-то смотрел на нас со стороны и с некоторого расстояния, он мог бы решить, что мы, словно призраки, исчезли в скале, потому что проход, ведущий к Петре, — это расщелина в гигантской скале, местами настолько узкая, что, вытянув руки, можно коснуться разом обеих стен. В ущелье темно и прохладно, оно напомнило мне пещеры в утесах вокруг Лизарда в Корнуолле. В них протискиваешься и видишь в сумраке холодные скальные стены, поднимающиеся над головой, а внешний мир предстает в виде тонкой яркой трещины, прорезанной морем. Ущелье, которое ведет к Петре,

называется Эль-Сик — оно напоминает пещеры Корнуолла, только увеличенные во много раз.

Один из полицейских сказал мне, что никто из арабов не желает проезжать по ущелью Сик после наступления темноты, а если все же необходимо совершить такую поездку после захода солнца, они собираются компанией и поднимают ужасный шум, чтобы отогнать злых духов и подбодрить себя.

Ущелье Сик петляет странным образом, то сужается, то расширяется, под ногами то гладкая галька, то огромные валуны. Ни один город в мире не защищен таким туннелем, ни к одному городу не ведет столь зловещий проход.

В конце ущелья, обрамленный стенами высокой расщелины, виден красновато-коричневый храм. Не знаю ничего удивительнее этого внезапного, неожиданного видения. Храм сияет в узком пространстве между скалами, невозможно рассмотреть его целиком, пока не покинешь ущелье. Как и большинство других храмов и скальных гробниц Петры, он не построен, а вырезан в мягком песчанике, словно камень. Этот храм арабы называют Сокровищницей фараона и верят, что в одной из декоративных римских ваз, венчающих здание, спрятаны драгоценные камни и золото. Ваза повреждена выстрелами тех, кто, как я полагаю, надеялся пролить на себя золотой дождь.

Мы миновали каменистую тропу, с обеих сторон огражденную утесами; они чуть более розовые, чем песчаник, вся их поверхность покрыта дырами, словно сотами, — это входы в гробницы, дома и храмы, одни из них находятся довольно низко, так что в них несложно забраться, другие — очень высоко, очевидно, туда нет настоящего входа. И каждая гробница или храм окаймлены колоннами с тяжелыми коринфскими капителями. Мы прошли мимо руин амфитеатра, мимо рядов, вырезанных из красноватого песчаника и сильно

пострадавших от времени, и наконец вышли на широкое пространство арены между гор, на которых когда-то стояла Петра.

Эта арена, как и окружающие горы, сама по себе является достопримечательностью. Может быть, это кратер вулкана или ложе древнего озера. Она около двух миль в длину и покрыта курганами — останками старинного города. Огромные олеандры, дикие фиги, можжевельник и тамариск разрослись в изобилии. И над всем висит мертвая тишина. Доведись мне среди всех мест, которые я только видел, выбрать то, где поселился дух запустения, я бы назвал Петру, лежащую среди гор Аравии.

Наши лошади, которые прокладывали путь по ущелью Сик, словно горные козлы, теперь перешли на рысь, будто чувствуя, что путешествие подходит к концу. У подножия складчатой горы синевато-красного цвета обожженной глины я заметил пять или шесть белых пятен. Оказалось, это лагерь. Там стояло несколько шатров-колоколов и большой, широкий шатер-палатка.

— Вы хотите ночевать в шатре или в гробнице? — спросили у меня.

— Я предпочитаю спать в гробнице, — ответил я.

— Следуйте за этим человеком.

Араб взял мой багаж, словно служил гостиничным носильщиком, и пошел вперед по крутой тропе позади лагеря. Моя гробница была вырезана на откосе огромной горы, известной под названием Акрополь. Она представляла собой просторную комнату внутри скалы с квадратным дверным проемом и грубо вытесанным окном. Как и все подобные помещения, она в свое время использовалась как место содержания скота или нечто вроде того, потолок ее был закопчен до черноты. Под слоем копоти и грязи еще можно было различить следы тонкой работы резцом, выполненной строителем этой

гробницы тысячи лет назад. В углу стояла зеленая раскладушка и обычные для походной жизни предметы.

— Здесь есть змеи? — спросил я у сопровождающего меня араба.

Он мучительно размышлял в поисках нужного слова.

— Змеи, — повторил он и добавил: — Не слишком много! Но скорпионы немного!

Затем он победоносно улыбнулся и ушел. Через дверь моей гробницы я смотрел на противоположную гору — эль-Хубта, чье изрезанное, морщинистое лицо до самого пика было окрашено в розовый тон заходящим солнцем.

8

Меня позабавила маленькая компания, которая собралась за ужином в большом шатре при свете парафиновой лампы.

Там были три немецких профессора в бриджах и портянках, они громко говорили и во время еды делали карандашные заметки в блокнотах. Еще там были два молодых англичанина в шортах цвета хаки, как выяснилось, археологи, которые приехали «копать» в далекой Беэр-Шеве. Они проделали рискованный путь в одиночестве, на машине — пока была дорога, затем взяли напрокат верблюда, на котором ехали по очереди. Понятия не имею, сколько дней они так путешествовали, но младший из них как-то очень осторожно опускался на предложенное ему сиденье!

Также была очаровательная английская пара средних лет, которая принесла с собой в шатер атмосферу Гровенор-сквер. Супруг умилил богов Старой Англии, надев темный костюм для коктейля, но присутствовал и вызывающий намек на отступничество — белые туфли из оленьей кожи. Самыми важными были

четыре пустующих места. Наш разговор вращался в основном вокруг этих отсутствующих и неизвестных компаньонов. Что могло с ними случиться? Они должны были прибыть до заката. Может, несчастный случай? Кто-то попал в руки грабителей? В любом случае было уже слишком поздно, чтобы ехать через ущелье Сик, на каждый звук снаружи араб, подававший еду, с надеждой выглядывал; но ничто не нарушало тишину заброшенных руин, раскинувшихся в холодном, зеленоватом свете звезд.

Должно быть, пятьдесят лет назад путешествие по Палестине проходило так же: господа в сопровождении слуг и охраны медленно передвигались среди руин древнего мира, величественно пренебрегая расходами. Мне было любопытно узнать, что управляющий этим лагерем обучался своему делу в эпоху процветания, завершившуюся с началом войны. Он пригласил меня в свой шатер, который сам по себе стоил того, чтобы приехать в Петру. Среди бастионов консервных банок стояла зеленая раскладушка, а над ней висело ружье. Там же красовался массивный саркофаг, внутри выстеленный войлоком, это было его собственное изобретение: по его словам, пиво там оставалось прохладным даже в самую жаркую погоду. Еще в шатре были баррикады картофеля и равелины других овощей. Куры и цыплята, не осознавая своего предназначения, бродили по шатру. Почему-то мне представилось, как этот повелитель комфорта при необходимости будет до последней капли крови защищать консервированные бобы с помидорами.

Я сидел в темноте и смотрел на небо. Огромный синий свод над Петрой мерцал звездами. Порой одна падала вниз, исчезая за утонувшими в тени горами. Внезапно в центре пустынной арены, где когда-то стояли улицы, дома и дворцы Петры, футов на

двенадцать вверх взметнулось пламя. Я мог различить фигуры людей, бросавших в костер ветви олеандра, и яркие искры, с треском разлетающиеся в стороны. Пещерные жители, как ведьмы, скакали вокруг огня.

Потом из сумрака появилась еще одна фигура. Это был один из полицейских, приехавших со мной через Сик. Он сказал, что Пик-паша просил, чтобы бедуины исполнили для меня танец и зарезали овцу и козу для пиршества.

Вслед за полицейским я прошел к костру. Полуобнаженные арабы, населявшие пещеры Петры, собрались вокруг яркого пламени. Слепой старик палочками выбивал ритм, а вокруг стояли и нагие дети с уродливыми, вздувшимися животами, и старые карги с клочковатыми седыми волосами, и другие — чьи лохмотья скрывали их молодость. Костер освещал группу из четырех или пяти людей, склонившихся над тушами только что зарезанных козы и овцы. Они отрезали куски мяса и складывали их в котел. Огонь поднимался все выше. Большинство собравшихся молчали. Не было ни криков, ни пения, они готовились к пиршеству в тишине, хотя отблески огня отражались от их белых и желтых зубов, когда они негромко, но восторженно переговаривались между собой. Бедным бедуинам нечасто удается поесть мяса.

Когда огонь разгорелся как следует, мужчины выстроились в ряд и начали притопывать, поддерживая ритм хлопаньем в ладоши. Три жутковатого вида старухи выползли на освещенное пространство, в руках они держали длинные ножи. Они встали напротив мужчин, притопывая и выпевая нечто ритмическое, периодически взмахивая ножами в сторону мужских лиц. Все время повторялись одни и те же слова. Хлопки стали громче, а ритм обладал какой-то гипнотической, завораживающей властью. Клубами поднималась пыль, почти скрывая танцоров, в неверном свете пламени их

движения казались преувеличенно гротескными. Я оглянулся и в темноте различил тени гор, стерегущих то, что осталось от упорядоченного и цивилизованного мира, и невольно задумался, возможны ли подобные танцы на Трафальгарской площади Лондона или на площади Согласия в Париже. В Палестине не раз возникает ощущение, что цивилизация, рассыпавшаяся в прах, во многом напоминала нашу собственную. Находишь больше общего с упавшими колоннами Джераша, чем с благополучно стоящей мусульманской мечетью. Наш мир, при всем его несовершенстве, остается христианским, его корни — христианские. Каким бы банальным ни было мнение, но все, что противоречит христианству, играет роль разведчиков чуждых, диких сил, которые всегда наготове — они в любой момент выйдут с обнаженными клинками, чтобы сплясать на руинах.

Я вновь обернулся к костру и увидел, что танцоры в экстазе хлещут себя. Женщины корчились и извивались, размахивая ножами, а мужчины выдвинулись вперед, по-прежнему хлопая в ладоши. Один старик, у которого от перевозбуждения изо рта шла пена, вдруг бросился вперед и схватил одну старую каргу поперек талии. Они вместе рухнули на землю и стали кататься в пыли, делая вид, что пытаются убить друг друга. Но нож так опасно скользил у самого горла старика, что полицейский не выдержал и кинулся, чтобы растащить их в стороны. Танец продолжался около часа, пока танцоры не устали настолько, что уже не могли больше двигаться.

Тогда в кругу света появились другие мужчины, с котлом вареного мяса. Все арабы заняли свои места в ожидании раздачи еды. Нагие дети с кривыми ногами и вздувшимися животами в восторге бегали вокруг, заглядывая через плечи взрослых, чтобы посмотреть, не осталось ли немного пищи. Когда раздача по кругу была

закончена, к остаткам допустили детей. Они начисто вылизали котел.

Костер постепенно угасал, и бедуины расходились, закутавшись в рваные лохмотья, растворяясь в загадочной ночной тьме.

Я прошел по развалинам города. Ярко светила луна. Я мог различить окружающие горы и квадратные отверстия гробниц и храмов. В одной из таких гробниц я устроился на ночь, и сквозь дверной проем видел серебристо-серый мир, погрузившийся в могильную тишину.

9

Но заснуть не удавалось. Я лежал, глядя на лунный свет, струившийся внутрь гробницы. Единственным звуком в безграничной тишине было отдаленное тьяканье шакалов. Один раз в отверстие влетела летучая мышь, заслонив на мгновение тысячу звезд.

Я задумался об Иоганне Людвиге Буркхардте, первом современном европейце, увидевшем Петру. Он был швейцарцем, родившимся в Лозанне в 1784 году. Я всегда думал о Буркхардте как о старике, потому что единственный знакомый мне портрет — гравюра, на которой он предстает с огромной бородой и в мусульманских одеждах. Но ему было всего 28 лет, когда он обнаружил Петру, и лишь 33, когда он умер в Египте от лихорадки и был похоронен под фальшивым именем на мусульманском кладбище. Должно быть, он был необычным молодым человеком, и его короткая, но полная приключений жизнь еще ждет своего биографа. Приехав в Англию в возрасте 22 лет, он явился в Африканскую ассоциацию и выразил желание посвятить свою жизнь исследованиям. Он выучил английский и немного арабский, а чтобы подготовиться к трудностям,

спал на твердой земле, питался одними овощами и практиковал другие аскетические правила. Ассоциация направила его на Восток, и через несколько лет он так блестяще говорил по-арабски, что смог путешествовать как мусульманин и стал первым христианином, совершившим паломничество в Мекку.

Ранняя смерть Буркхардта была настоящей трагедией. Он так и не сумел осуществить все намеченное. Его работы представляют собой в основном краткие записи, сделанные второпях, во время поездки на верблюде, ночью в далеком караван-сараяе, причем всегда в страхе выдать себя. Лаконичным языком отчета он сообщает о путешествии в Петру. Он слышал рассказы о таинственном городе неподалеку от могилы Аарона на горе Гор, но единственным способом попасть туда, не возбуждая подозрений, было купить козла и заявить жителям Эльджи, что он дал обет принести это животное в жертву Аарону. Только те, кто попал в Петру через ущелье Сик, кто с восторгом и изумлением увидел перед собой Сокровищницу фараона, сияющую сквозь щель в конце пути, могут понять, как колотилось сердце Буркхардта, когда проводник-араб свернул возле олеандров и провел его в потерянный город.

Он оставался там совсем недолго, но ему хватило времени, чтобы навсегда вывести Петру из мрака забвения. Он осмотрелся, заглянул в гробницы и храмы, стараясь не вызвать подозрений у проводника, который мог догадаться, что перед ним замаскированный «неверный». Чтобы избежать неприятностей и более того — чтобы сохранить жизнь, несчастный Буркхардт вынужден был поспешить к месту жертвоприношения и заняться козлом на горе Гор, покинув только что найденный город. Как часто искустительное воспоминание о Петре должно было посещать его; как часто строил он планы однажды вернуться...

Когда солнце встает над Петрой, на арене еще некоторое время царят серые, предрассветные тени. Восточные склоны — красновато-бурые, но на западе они окрашены ярким терракотовым тоном, столь броским и насыщенным, что можно различить малейшие трещины и изломы, а на востоке над горами поднимается целая стена ослепительного света.

Горы вокруг Петры крошатся, как старый стилтонский сыр. Это, казалось бы, слишком бытовое определение наиболее точно передает ощущение от пейзажа, чем нечто более помпезное. Если вы можете представить себе, как старый стилтонский сыр постепенно краснеет, а в его середине растет полость, вы более или менее адекватно вообразите модель Петры. Крошение породы заметно повсюду. Мягкий камень мало-помалу разрушается под воздействием ветра и песчаных бурь. Некоторые вырезанные в скале храмы великолепны, их колонны остаются круглыми и твердыми, резьба отчетливо читается; но аналогичный храм на пострадавшей от выветривания стороне утесов словно расплавился, резьба стала почти неразличимой, а колонны утончились и почти полностью съедены ветром.

Я провел два дня, блуждая по Петре в сопровождении проводника-араба. Его главной целью было убить из ружья голубя. Он произвел множество выстрелов, но ни разу не попал в птицу. Это был своего рода хлыщ, очень много о себе воображавший и свысока смотревший на нищих людей, выглядывавших из пещер, когда мы проходили мимо. Услышав, что эти люди отчаянно голодают, я привез в Петру тридцать фунтов риса, жалкий и неадекватный дар, но лучше, чем ничего. Я заставил моего фатоватого спутника пойти вместе со мной в дымные и грязные пещеры в поисках самых

голодных и старых. Они вели себя как животные, и полагаю, если могли бы, убили бы чужака — не ради денег, в которых им было мало толку, а ради имевшейся у него пищи. Я ужаснулся, увидев количество слепых и полуслепых среди пещерных жителей. Несмотря на безнадежную нищету, они не просили подаяния. Они жалко благодарили, когда я пригласил их пройти в лагерь и взять рис, который любят все арабы. Думаю, некоторые из них похожи на бедуинов. Возможно, это восточные евреи. Кто-то сказал мне, что их называют *бедулы*, то есть «изменники», так как они в давние времена изменили религию и образ жизни. Может быть, это остатки какого-то цивилизованного народа, населявшего Петру?

Я слышал, что шейх бедулов баснословно богат. Когда я спросил, каковы размеры его собственности, мне ответили, что у него двести коз. Очевидно, он отличается немалым умом, так как два археолога купили у него вырезанную из черного камня змею, которую считали работой набатейских мастеров, пока не обнаружили, что ее изготовил сам шейх! Удачи ему. Я видел эту змею и могу засвидетельствовать, что и меня бы она обманула.

В Ветхом Завете Петра появляется в качестве столицы земли Едом. В книге Числа мы читаем о том, как Моисей, желая пересечь территорию, контролируемую Петрой, получил отказ, так что израильтянам пришлось «пойти в сторону» от Едома¹⁰¹. На протяжении всей ветхозаветной истории мы видим, что Едом был то на стороне Израиля, то вместе с его врагами. В один из таких периодов жестокий гнев против Едома прорывается в пророчестве, которое каждый посетивший Петру сегодня может считать буквально исполнившимся. Иеремия восклицает:

«Грозное положение твое и надменность сердца твоего обольстили тебя, живущего в расселинах скал и занимающего вершины холмов. Но, хотя бы ты, как орел, высоко свил гнездо твое, и оттуда низрину тебя, говорит Господь. И будет Едом ужасом; всякий, проходящий мимо, изумится и посвищит, смотря на все язвы его... и там ни один человек не будет жить»¹⁰².

Наиболее интересные черты Петры — это не скальные гробницы и храмы, а «возвышенные места» на вершинах гор. Не знаю, сколько их, но за два дня мне удалось подняться на три таких точки, а их, безусловно, гораздо больше. Каждый исследователь, изучающий Ветхий Завет, знаком с «высотами Ваала», которые вызвали горький гнев и жесточайшее осуждение у всех пророков. Это и есть те «возвышенные места», о которых я говорю. Книги Царств и Царей, Судей, книги пророков Иеремии и Осии полны упоминаний о суровых столкновениях между почитателями Яхве и Ваала. На самом деле, когда израильские кочевые племена, подобные современным бедуинам, вторглись в Палестину и осели там, они увлеклись культами старых ханаанских богов. Яхве, строгое божество пустыни, был забыт ради богов плодородия, в частности ради Ваала, который даровал солнечное сияние и помогал созреть зерну в колосе.

Каждая вершина, посвященная Ваалу, все эти «возвышенные места», а также языческие рощи привлекали израильтян, очарованных чувственностью природных божеств. «Тогда сыны Израилевы стали делать злое пред очами Господа, и стали служить Ваалам», — читаем мы в книге Судей¹⁰³. «Видел ли ты, что делала отступница, дочь Израиля? — спрашивает Господь у Иеремии. — Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево, и там блудодействовала»¹⁰⁴.

Эти почитатели Ваала прекрасно описаны мистером Теодором Гастером в лондонской лекции, произнесенной в Обществе по продвижению религиозных исследований:

Существенное различие между Элом и Ваалом, в нескольких словах, состоит в том, что первый воплощает природную силу, а второй — идеальный дух общества. Есть Эл ветров или болезней и есть Ваал Бедфорд-сквер. Если бы на Земле не было людей, Элы остались бы без перемен, но исчезли бы все Ваалы. Ваал сродни таким современным понятиям, как альма матер, мать-Англия или Ла бель Франс; он является персонификацией духа, который информирует и получает информацию от последовательной череды поколений. Эл — то, что римляне называли Деус, бог, тогда как Ваал — гений.

Итак, вся страна была охвачена разнообразными культами Ваалов. В каждой деревне был свой Ваал со святилищем на высоком месте, где проливалась кровь людей или животных, где поощрялась распущенность, красочно описанная в Ветхом Завете. Пророк Илия возглавил протест против Ваала. Ииуй запер жрецов Ваала и их паству, а потом порубил их мечом. Но, вероятно, самая мощная атака на культ Ваала показана в Четвертой книге Царств, где подробно рассказывается, как Иосия разрушил храмы по всей Иудее, осквернил алтари костями мертвых и сокрушил загадочный Тофет в долине Кедрон в Иерусалиме, где в честь Молеха, или Молоха, совершались ужасные жертвоприношения детей¹⁰⁵. Видимо, это была огромная яма, над которой горел огонь для сожжения жертв. Поздние раввинистические авторы воображали, что семитский Молох представлял собой большую медную статую,

полую внутри, на руки которой клали жертву. Судя по всему, они спутали ритуал с образом поклонения карфагенскому Молоху: Диодор Сицилийский рассказывает, что идол с головой тельца был заполнен огнем, а по его рукам закатывали внутрь детей, в то время как почитатели божества танцевали под звуки флейт и тамбуринов, которые заглушали крики жертв. Жертвоприношения израильтян были не менее ужасными, но, кажется, у них детей резали и только после этого сжигали в качестве подношения. Причина заключалась в том, что кровь считалась необходимой частью жертвы. Иеремия обвиняет грешных детей Израиля: «Даже на полах одежды твоей находится кровь людей бедных, невинных»¹⁰⁶. Это, очевидно, имеет отношение к обычаю обмазывать священное дерево кровью жертв. Исайя говорит: «Они будут постыжены за дубравы, которые столь вожделенны для вас, и посрамлены за сады, которые вы избрали себе»¹⁰⁷.

Любопытно отметить, как Петра влияет на разных людей. Думаю, Чарльз Доути — единственный, кто назвал город «раздражающим глаз» и нашел его памятники «кошмарными и варварскими». Большинство путешественников с удовольствием повторяют слова: «Красно-розовый город, наполовину такой же древний, как само время», и повсюду находят в нем романтику и красоту. Мое собственное ощущение — в Петре есть нечто смутное и зловещее. Проходишь по призракам красных лестниц, ведущих к громоздящимся над головами утесам, видишь ступени, вырезанные с невероятным усердием в откосах гор, — они теряются в хаосе обрушившихся камней и возникают снова, чтобы вести вверх, прокладывая призрачный красный путь на «высоты Ваала». Мне странно слышать, что кто-то рассматривает Петру как часть ландшафта или как диковинку, потому что для моего склада ума это место по сей день излучает энергию Ваала. На вершине горы,

над ущельем Сик, я нашел главное «возвышенное место». Верхушка горы выровнена. В скале вырезан бассейн для обмывания жертв. Два отдельно стоящих внушительных обелиска взирают на прекрасно сохранившиеся алтари — один алтарь для заклания жертв, а другой для сожжения. Это «возвышенное место» так хорошо сохранилось, его назначение так ясно, что если бы жрецы Петры могли вернуться и устроить оргию при свете луны, они бы и не узнали, что тень веков уже легла на их алтари.

Любой другой объект по цвету отличается от того, что видишь в Петре. Дело в том, что цвет скал меняется в зависимости от освещения. Есть участки, окрашенные в глубокий красный цвет, другие — терракотовые, а кое-где песчаник неоднороден и представляет собой полосатую структуру красного, синего, белого и зеленого оттенков. Эти прожилки прорезаны арабами, которые выбирали породу разного цвета и наполняли бутылочки, которые продают посетителям. Они насыпают некоторое количество белого песка, добавляют красный, зеленый, синий и желтый, стараясь сделать так, чтобы материал не смешивался между собой и границы были четкими; к сожалению, они используют обычно пустые бутылки из-под джина, которые настолько уродливы, что покупают их лишь немногие туристы.

После утомительного дня, в течение которого я влезал в пустые гробницы и храмы, обследовал «возвышенные места Ваала», было очень приятно сидеть в долине и наблюдать за тем, как гаснут последние лучи солнца на самых высоких вершинах восточных гор. Мысленно можно было нарисовать картину Петры в разгар ее славы, большого города с мощеными дорогами и амфитеатром на склоне, с караванами из Индии и из Египта, которые медленно проходили по ущелью Сик; но мысли мои все время обращались к ключевым пунктам,

доминирующим над городом: призрачным красным ступеням, что ведут к «возвышенным местам».

11

Утром я поднялся на гору, известную как Эд-Дейр. На ее вершине находится вырезанный из мягкого камня римский храм, всего на 83 фута ниже собора Св. Павла в Лондоне. Это колоссальное здание на горе, расположенное на четыре тысячи футов выше уровня моря, пустое и заброшенное, перед которым на нескольких акрах растет пшеница, поражает при первой встрече. Возникает ощущение, что жители Петры не были обыкновенными людьми и не могли казаться таковыми и своим современникам.

С вершины открывался прекрасный вид на пик Гор, на вершине которого видно мусульманское святилище над могилой Аарона. Туда не допускают никого, кроме мусульман. Мне сказали, что если бы я попытался подняться туда, меня бы зарезали или застрелили. Время от времени христиане — с помощью взятки или благодаря силе оружия — совершают восхождение на Гор и проходят к могиле; там нет ничего, кроме каменного кенотафа, прикрытого пыльным зеленым стягом.

Пока я глядел на пик Гор — длинный зубчатый фрагмент хребта, поднимающегося к небу, окруженный более низкими конусовидными вершинами, — мой остроглазый проводник, одержимый идеей подстрелить голубя, насторожился и, словно кот, подкрался к краю скалы, приподняв ружье. Я подумал, что он собирается пальнуть в очередного голубя. Но, к моему удивлению, снизу появился шлем цвета хаки, типичный для представителя Арабского легиона, а за ним возникло над обрывом смуглое, покрытое потом

лицо. Полицейский поднялся к нам, подошел ближе, тяжело переводя дыхание, щелкнул шпорами, отсалютовал и передал мне — телеграмму! Адрес был такой: «Мортону, Петра». Я был просто ошарашен. Если и есть на свете место, куда, по моим понятиям, телеграмма никак дойти не могла, так это окрестности пика Гор. Разрывая конверт, я думал о пути, который проделал человек, доставивший мне эту депешу. Рано утром он выехал верхом из деревни Эльджи, преодолел ущелье Сик, прибыл в лагерь, выяснил мой маршрут на сегодня (о котором я, как иностранный путешественник, и здесь должен был докладывать управляющему лагерем), а потом поднялся на гору, чтобы найти меня. Телеграмма была от всемогущего в этой стране Пик-паши, он сообщал, что я должен немедленно возвращаться, поскольку меня приглашают в Амман на арабский пир. Никто в Трансиордании не оспаривает распоряжений Пик-паши, так что я спустился с горы и свернул мой визит в Петру, на который никому не хватило бы менее недели или дней десяти.

Управляющий лагерем сказал, что я не успею пересечь пустыню до наступления ночи. Я задумался о бесконечном тягостном пути, о дикости черного базальта, о песчаном горизонте и понял, что с готовностью согласился бы с ним. Однако я сел на лошадь и меньше чем через час ехал по ущелью Сик, а восемь часов спустя, полумертвый от усталости, покрытый пылью, как раз к наступлению темноты прибыл в Амман.

Я был рад вернуться как раз к пиру, устроенному в мою честь. Не явиться было бы вопиющим нарушением правил приличия.

Оказалось, что племя расположилось на горе, на некотором расстоянии от Аммана. Там уже стояло десять черных шатров из козьей шерсти. Шейх и два его сына ждали нас на границе своей территории. Они были обаятельными и вежливыми, у бедуинов вообще очень приятные манеры; глава племени представил мне своих сыновей. Они коснулись лба и груди — типичное арабское приветствие.

Мы прошли к шатру шейха, украшенному цветными лоскутами. Сели, скрестив ноги. Все мужчины племени стояли вокруг шатра, глядя на нас. Внутрь зашли только шейх и его два сына, они исполняли роль хозяев.

Меня предупредили, что блюдо будет подано одно на всех, и я должен есть правой рукой, поскольку левая считается нечистой и использовать ее за трапезой — ужасное варварство.

Однако я оказался совершенно не готов к размерам блюда, так как это был огромный медный котел, который внесли в шатер десять человек. Он был больше старинной ванны, а внутри находились две вареные овцы.

Животных зарезали утром, освежавали и приготовили с рисом. На вершине пирамиды горячего мяса красовались две головы с открытыми челюстями, которые демонстрировали зубы и, полагаю, доказывали молодость и нежность барашков. Головы были тщательно обмотаны курдюком.

Два человека приблизились к этому пугающему угощению с чашками горячего, очень желтого расплавленного масла. Они полили им пищу в котле, и с этого момента блюдо было готово.

Я закатал правый рукав и, как почетный гость, первым зачерпнул еду. Горячее масло обожгло пальцы. Выяснилось, что единственный способ извлечь нечто съедобное — порыться пальцем в массе баранины и подцепить кусок. Тот, что извлек я, был изрядного

размера. Я съел его как можно быстрее, так как у бедуинов считается невежливым есть мясо медленно. Вы должны показывать, что очень голодны.

Мясо было великолепным, но масло оказалось тошнотворным и чересчур обильным. Я наблюдал за остальными и заметил, что, съев кусок мяса, они тут же черпали пригоршню риса, скатав его в шарик, который быстро отправляли в рот.

Мне не удалось бы повторить их ловкий трюк, я просто зачерпнул рис и отжал из него расплавленное масло, так что оно потекло у меня между пальцев, вызывая отвращение, граничившее с тошнотой, но все же я съел комок риса. Хвостовой жир, который попался мне при следующей попытке отщипнуть кусок, был невероятно вкусным, по вкусу немного напоминающим костный мозг.

Через несколько минут, в течение которых мы ели с поразительной скоростью, как стая изголодавшихся волков, был подан знак, означавший окончание нашей трапезы, снова вошли десять человек и вынесли котел с бараниной наружу.

Сыновья шейха принесли нам кувшины с высоким горлом, в них была вода, а также латунный таз. Мы держали руки под струей воды, смывая масло и рис, а затем встали и вытерли руки насухо тканью, с этой целью свисавшей из-под крыши шатра. Горький кофе, приготовленный по рецепту бедуинов, был подан в обычных крошечных чашечках, похожих на яичные скорлупки; теперь пир был окончен.

Но снаружи пиршество было в самом разгаре! Все племя собралось вокруг котла. Десять человек устроились в непосредственной близости, запуская внутрь пальцы в поисках мяса, закидывая шарики риса в рот и поедая все это с колоссальной скоростью и в полной тишине. Закончив, они встали и уступили место десяти другим.

Примерно полтора десятка полуголых детей сидели в отдалении, жадными глазами наблюдая за пиршеством. Постепенно они подбирались все ближе. Один, наиболее отважный, заглянул через плечо занятого едой бедуина, и как только последний круг взрослых едоков встал, вся смуглая компания рванулась к котлу.

Они не садились вокруг котла, как старшие братья и отцы, они набросились на остатки еды, как голодные щенки. Они ныряли внутрь за костями, вытаскивая их и обгрызая, будто были животными, с какой-то невероятной энергией и восторгом.

Вряд ли я когда-либо забуду необычный контраст между варварским характером пира и прекрасными манерами хозяев. Согласно западным стандартам, эти застольные обычаи просто ужасны, а рассыпаемые хозяевами комплименты заставили бы придти в отчаяние даже двор Людовика XIV.

Шейх и оба его сына проводили меня до границы территории племени, поклонились, благословили нас на прощание и смотрели вслед, как я и мои проводники уходим.

Позднее в тот же день я спустился с высот Трансиордании в долину Иордана. Я забрался в суровое ущелье, миновал приют Доброго самаритянина и вернулся в Иерусалим, который заметно изменился с момента моего отъезда. Его улицы были полны паломников с Востока и Запада, так как через несколько дней наступала Пасха, а также еврейский праздник Пейсах и арабский Неби Муса.

Глава десятая

Иерусалим: празднества

Пейсах, Пасха и праздник Неби Муса занимают все внимание в Иерусалиме. Город приобретает черты, знакомые Понтию Пилату. Я посещаю церемонию Нисхождения святого огня и наблюдаю за черными монахами, которые «ищут Тело Христово».

1

Иерусалим был переполнен представителями разных народов. Здесь можно было услышать французскую, немецкую, итальянскую, английскую, арабскую речь, идиш и иврит, достаточно просто немного прогуляться по улицам. Толпы самоуверенных туристов прибыли проявить любопытство и посмотреть на обряды православной церкви, они перемешались с православными паломниками, которые твердо верили, что вскоре благодатный огонь сойдет с небес на Гроб Господень. Богатые евреи приехали издалека, чтобы посетить пасхальную трапезу в городе Давида и Соломона. Мусульмане твердили о великом паломничестве к могиле Мусы (Моисея) в Иерихоне.

Небольшие лавчонки вокруг храма Гроба Господня торговали благовониями и были украшены самыми красивыми свечами. Груды саванов громоздились перед ними снаружи, на стульях. Они были изготовлены из тончайшего, самого дешевого льна, черной краской на них нанесли изображения Страстей Христовых. Я видел крестьянку — наверное, из Болгарии, — она покупала саван. Хотя все они были одинаковы, она переходила от

одной лавки к другой, проверяя товар и внимательно ощупывая ткань. Должно быть, это сила привычки.

В сумраке Кальвария горел целый лес свечей; и весь день молчаливая толпа склоняла колени перед Кувуклием.

На темных улицах Старого города евреи следили за тем, как росла луна месяца нисан, а потом с таинственным видом занимались сложными приготовлениями к празднику, потому что Пейсах был уже близко.

Полицейский, молодой шотландец, сказал мне: «Не думаю, что в этом году у нас будут проблемы». И стал рассуждать о ежегодных контактах трех религий с точки зрения полицейской дубинки и жезла. Я задумался о том, насколько все это необычно, несмотря на то что последний пасхальный агнец был зарезан на алтаре Храма в 70 году н. э., а от самого Храма не осталось камня на камне, но бурная и многолюдная атмосфера праздника Пейсах, столь хорошо знакомая римлянам, воссоздается здесь каждый год. Молодой полицейский мог бы оказаться на месте одного из телохранителей Пилата.

2

Англиканский собор Св. Георгия в течение Святой недели привлекает особое внимание церковными процессиями и достоинством традиционных церемоний. Атмосфера Англии проникает в этот собор вместе с цветами, она таится в его тихих двориках.

Одной из первых служб, которую я посетил и которую я никогда не забуду, была англиканская служба на британском военном кладбище в память о британских воинах, погибших в палестинской кампании.

Военное кладбище расположено на север от Елеонской горы, к востоку от горы Скопус. На противоположной стороне долины поднимается хребет, на котором стоит Иерусалим. Крест на этом кладбище обращен лицом к стенам города, к его крышам и куполам, он доминирует над могилами, как знамя святого Георгия, должно быть, развевалось над рядами крестоносцев. Все остальные военные кладбища обращены к востоку, и только это — к западу. Гефсиманский сад немного в стороне от впадины, и с кладбища можно увидеть то место, где находится Кальварий.

На этом кладбище лежат 2180 солдат и офицеров Соединенного Королевства, а также 143 солдата из Австралии и 34 из Новой Зеландии. Среди этих белых рядов надгробий есть и одна женская могила — сестры Шарлотты Берри из Ньютрал-Бей, Сидней, штат Новый Южный Уэльс.

Садовники заботятся о цветах, которые скоро погибли бы на этой скудной почве без ухода. Высокие изгороди из розмарина тянутся между могилами, и кто-то — явно англичанин — посадил здесь нарциссы и ноготки, желтофиоль и герань. Еще я заметил дикие красные маки.

В полуденной тишине собравшиеся читали молитвы по-английски, и хор в белых стихарях прикрывал глаза от солнца, освещавшего западные склоны гор. Было приятно услышать английские молитвы в месте, священном для британского народа.

Духовенство и хор шли между могилами, а солнце медленно скрывалось за Иерусалимом. Я вспомнил маленького священника из Эль-Керака, который был так счастлив увидеть христианских солдат в Алеппо. Его ступни сохраняют шрамы от турецких палок до самой смерти, но это не имело для него большого значения,

потому что он верил в ясную и определенную цель, смысл бытия.

3

Меня пригласили в дом на окраине Иерусалима разделить пасхальный ужин с еврейской семьей. Я пришел поздно, так как мне дали не очень точный адрес и я потратил много времени на блуждания в одиночестве, похожем на атмосферу рождественской ночи. Улицы были пустынные. Я слышал радостные звуки, доносившиеся из окрестных домов, и один раз, сквозь плохо задернутую занавеску, увидел большую компанию, сидевшую вокруг красиво накрытого стола; на всех мужчинах были головные уборы.

Лунный свет зеленоватым дождем изливался на предметы. Тени обладали глубиной и мягкостью, совершенно непривычной для меня, и на открытом участке, где кто-то начал строительство дома, я миновал одиноко стоящую оливу, сиявшую в лунном свете среди груды кирпичей и камней, ее маленькие листья серебрились, словно подернутые морозом.

Наконец я нашел нужный дом и с удовольствием обнаружил, что не заставил хозяев ждать. Мне дали шапочку-кипу, и мы прошли в столовую, где дед, глава семейства, занял место во главе стола. Он объяснил мне принцип, в соответствии с которым накрыли стол: нога барашка — реликт пасхального жертвоприношения, яичница — символ ежедневных приношений в Храм, тарелка *харосет* — специальное блюдо из яблок, миндаля, изюма, корицы и вина — образ глины, из которой делали кирпичи сыны Израиля, горькие травы и уксус — символ лет рабства египетского. На столе стоял дополнительный бокал вина. Его называли «чаша Илии». Согласно иудейской традиции, этот пророк —

странствующий ангел, который может незванным войти в любой дом в пасхальную ночь.

Глава дома, слегка откинувшись на грудь подушек, обвел взглядом детей и внуков, а потом начал церемонию, знаменующую спасение Израиля из Египта. По всему миру этот странный народ, сохранивший память о своей особой природе на протяжении долгих веков изгнания, совершает тот же самый домашний обряд.

Он произнес формулу освящения, или *киддуш*, после чего мы молча выпили по бокалу красного вина и воды. Служанка обошла всех с тазиком и кувшином. Она поливала водой наши руки. Всем раздали петрушку, которую обмакнули в уксус. Глава дома разломил *мацу*, лежавшую перед ним на тарелке, и спрятал половину, оставив вторую часть на столе, накрыв ее салфеткой.

Мне пришли на ум слова: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое»¹⁰⁸.

Из священных повелений Ветхого Завета в такую же ночь, девятнадцать столетий назад, родилось сияющее чудо святой евхаристии, а в миле от того места, где мы сидели, новый обряд был установлен Священником, который сам был Жертвой.

Люди за столом перешептывались, выясняя, кто самый младший. Наконец девочка лет двенадцати встала и спросила у бабушки:

— Почему эта ночь отличается от всех других?

Тогда старик повторил старинную историю о Пейсахе, которую по сей день хранит память Израиля, память всех евреев, — историю о том, как Моисей вывел свой народ из египетского плена. Закончив рассказ, он запел псалом *Алель*:

«Благословенны дела Твои, о Вечный! Кто спас Израиль. Благословенны дела Твои, о Вечный! Наш

Господь! Царь вселенной, творец плода винного».

Мы подняли бокалы и выпили во второй раз.

Во время Тайной вечери Христос сказал ученикам: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего»¹⁰⁹.

Снова служанка принесла воду для омовения рук, и хозяин раздал каждому из нас отломанный кусок пресного хлеба, который мы съели с благословением:

«Благословенны дела Твои, о Вечный! Наш Господь, царь вселенной, Кто принес хлеб с земли. Благословенны дела Твои, о Вечный! Наш Господь, царь вселенной, Который освятил нас своими заповедями и приказал нам есть пресный хлеб».

После этого хозяин взял горькие травы, зеленые верхушки хрена, обмакнул их в *харосет* и раздал собравшимся.

Мы снова ели пресный хлеб, на сей раз с горькими травами. Затем последовал великолепный ужин. В конце его хозяин снова взял в руки *мацу* и отделил маленькую часть — ее называют *афикоман* — для каждого за столом. Он произнес тост, и мы все выпили по третьему бокалу вина. Дверь дома широко открыли и произнесли довольно дерзкое обращение к Господу:

«Излей Твой гнев с небес на тех, кто Тебя не знает, и на царства, которые не называют Твое имя. Они потребили Иакова и опустошили жилище его. Излей на них Твое возмущение и обрати Твой гнев на них. Преследуй их в гневе своем и сокруши их с небес нашего Господа».

Был наполнен четвертый бокал вина, и после пения *Алеля* мы опустошили его.

Я пожелал доброй ночи гостеприимным хозяевам дома, которые приняли меня, незнакомца и язычника, во время исполнения древнего и священного для них обряда. Я шел в лунном свете. В книге, посвященной

происхождению мессы, дом Жан де Пюнье утверждает: когда Христос учредил таинство Евхаристии, Он держал в одной руке цепь Ветхого Завета, которая заканчивалась на Нем, а в другой — первое звено неразрывной цепи, уходящей в вечность.

4

Священная неделя православной церкви отмечена целым рядом церемоний, корни которых уходят глубоко в историю христианства. Они накладываются друг на друга и проходят по всему Иерусалиму в церквях разных общин, так что очень трудно посетить их все.

В субботу накануне Пальмового (Вербного) воскресенья — в субботу Лазаря — греки и армяне проходят торжественными процессиями к храму Гроба Господня, а русские проводят всенощную службу в своем соборе, где благословляют и раздают пальмовые ветви.

В Пальмовое воскресенье наиболее примечательные для западного христианина церемонии проходят в армянской и сирийской церквях. Армяне представляют «церемонию Второго пришествия». Каждый образ и украшение в церкви Св. Иакова накрывают завесой, а алтарь завешивают ковром. Епископ стоит с ключом, который символизирует ключ от церкви, а другой епископ, невидимый для конгрегации, стоит за ковром, и между ними начинается диалог, один просит впустить его, а другой спрашивает, кто пришел. Наконец епископ, который находится снаружи, поет: «Открой для меня врата праведности, чтобы я мог войти в них и возблагодарить Господа!» Занавес медленно отодвигают и в тот же миг снимают все завесы с образов, и церковь, до того темная и укрытая, освещается свечами.

Сирийская церемония почти такая же и столь же долгая, она называется церемонией прибытия Жениха. Алтарь церкви закрыт от конгрегации драпировками. Епископ и духовенство обходит церковь в круговой процессии, оставаясь перед завесами. Сорок раз поют «Кирие элейсон»^[19], десять раз по-гречески и тридцать раз по-сирийски. Сорок раз верующие prostираются ниц. Потом епископ восклицает: «О Господи! О Господи! О Господи! Открой нам!» В этот момент завесу снимают, и алтарь предстает в сиянии свечей.

В Великий четверг греки, католики, армяне, сирийцы и копты наблюдают за весьма любопытной церемонией, немного напоминающей миракль, ее называют «Омовение ног». В Страстную пятницу русские представляют трогательную «церемонию оборачивания саваном». На алтарь кладут плащаницу, а после службы, когда хор поет гимн мироносицам, священники поднимают ткань, три раза обносят ее вокруг алтаря, а затем проносят к кувуклию, установленному в церкви, и кадят перед ним.

Примечательная и интересная служба Великой пятницы проходит в сирийской церкви, это «Положение во гроб». Епископ несет распятие, за ним следуют священники и прочие служители церкви, они обходят вокруг церкви, знаменуя крестный путь на Голгофу. Подойдя к столу, который представляет место Распятия, они устанавливают на него крест, две свечи — по одной с каждой стороны (это олицетворения тех крестов, на которых были распяты два разбойника). Епископ оборачивает кусок алой ткани вокруг распятия, знаменуя одежды, в которые был облачен Господь до того, как их сняли. Затем читают историю Распятия по одному из Евангелий. Когда дело доходит до истории двух разбойников, одна из свечей — та, что представляет нераскаившегося разбойника, — переламывается, дальше читают историю смерти

Христа, а тем временем кадят перед распятием, высоко его поднимают и проносят на четыре стороны света, одновременно произнося благословение.

Распятие устанавливают на специальный гроб и вносят в алтарь. Там его омывают в розовой воде, к которой добавлено немного желчи, после чего аккуратно заворачивают в льняную ткань, осыпают благовониями и кладут в гроб. Все это трогательное и простое символическое действие завершается, когда епископ сопровождает гроб к месту за алтарем, где его запирают, а дверь запечатывают. Перед ним на всю ночь оставляют горящий светильник, а накануне Воскресения могилу вскрывают.

В субботу происходит церемония Благодатного огня, о которой я еще расскажу в свое время. В тот же день, но только поздно вечером, темнокожие монахи абиссинской церкви участвуют в одной из самых примитивных церемоний: «Поиск Тела Христова».

Мне сказали, что надо встать в пять утра, если я хочу увидеть греческую церемонию омовения ног, которая проходит в восемь утра во дворе храма Гроба Господня. Для того чтобы посетить любую церемонию Страстной недели, приходится по два-три часа проводить в ожидании, прежде чем начнутся сами события, и поскольку почти все происходит с опозданием, пребывание на церемонии всегда затягивается. Но толпа настолько разнородна и заинтересована в происходящем, что время пролетает незаметно.

Меня буквально прижали к стене православной часовни Св. Марии Магдалины, от которой открывался вид на двор. Хотя еще не пробило шесть утра, двор и все соседние крыши были так переполнены, что туда уже не мог попасть ни один человек. Но когда я взглянул в сторону входа во двор, я увидел постепенное,

медленное продвижение, «продавливание» внутрь, и понял, что, несмотря на видимую невозможность, новый поток людей прокладывает себе путь в переполненное пространство. Позади виднелась мечеть с минаретом, доминирующим над двором, и меня позабавило то, что я заметил закутанную в покрывало женщину на балконе, с которого муэдзин призывает на молитву, к ней жались двое или трое детишек, и вся компания явно любовалась окружающим видом.

Толпа христиан, прибывших в Иерусалим на Страстную неделю, выглядит довольно загадочно. В ней задают тон эмоциональные копты из Египта, многие из них облачены в ярко-синие одежды и алые фески. Много арабов-христиан, одетых в точности как мусульмане. Есть в толпе и христиане-*феллахи*. К ним можно добавить некоторое количество греков, армян, сирийцев и — тут и там — темнокожих эфиопов. Это паломники с Востока. Западные паломники, включая католических монахов, группы из Англии, Италии, может быть, из Испании, большие компании европейских и американских туристов, путешествующих как большими коллективами, так и по одному по двое, терялись в этом скоплении людей, и определить их было трудно. Пожалуй, нигде больше нельзя увидеть более широкое и разнообразное проявление международного характера христианства.

В центре двора была установлена платформа. Она была выкрашена в зеленый цвет и снабжена по периметру железными перилами и двумя металлическими арками, по одной с каждой стороны, на них установили старинные светильники со свечами. На одном конце платформы стоял позолоченный стул, а по бокам от него были расположены сиденья для двенадцати священников.

Эта платформа представляла горницу Тайной Вечери. Греческий священник хлопотал над кувшином с

высоким горлом, чашей и полотенцем, аккуратно расставляя все это на платформе, другой веревкой подтягивал склоненную ветвь оливы, нависавшую над соседней стеной. Эта ветвь символизировала Гефсиманский сад.

Процессия медленно продвигалась от храма Гроба Господня к платформе, дорогу сквозь толпу ей прокладывали полицейские. Восторженные копты и самые набожные паломники, движимые желанием прикоснуться, готовы были, кажется, разорвать на кусочки старика, исполняющего обязанности патриарха православной греческой церкви (с августа 1931 года пост греческого патриарха ликвидирован). Он неспешно шел между священниками, опираясь на пастырский посох, а в другой руке нес небольшой букет цветов, который то и дело обмакивал в чашу со святой водой и обрызгивал ей собравшихся. На нем была куполообразная шапка, на которой сверкали драгоценные камни. Посох был не похож на те, что приняты в католической церкви, у этого видна была золотая рукоять в виде двух переплетенных змей: посох Аарона. Перед ним шли двенадцать старших священников греческой церкви в роскошных ризах из узорчатой парчи.

Они заняли места на платформе, старый патриарх — на центральном стуле, а двенадцать священников — на боковых местах, поставленных в два ряда. Суть была ясна. Патриарх представлял Христа, остальные — апостолов.

После короткой службы старик-патриарх медленно, с трудом снял парадное облачение — прямо перед молчаливой, замершей в напряжении толпой. Сначала огромную, украшенную драгоценными камнями шапку, потом нагрудное украшение и тяжелые ризы — их ему помогли снять через голову, он остался в длинной нижней шелковой рубашке бледно-лилового цвета. Меня

восхитила простота, с которой он все это проделал, потому что в самом процессе раздевания присутствует некая неловкость, особенно когда его совершает такая знаковая фигура, как патриарх греческой церкви. Но он очень просто, по-домашнему привел в порядок белую бороду, пригладил длинные седые волосы, которые развевались на легком утреннем ветерке. Я подумал, что, возможно, это единственная возможность для толпы увидеть греческого патриарха, так сказать, дезабилье, ведь даже в смерти православные патриархи предстают в торжественных одеяниях, когда их несут к могиле привязанными к стулу, а потом опускают в склеп, где к настоящему моменту уже сидят полностью одетыми, во всем великолепии двадцать четыре предыдущих главы церкви.

Старик препоясался полотенцем, а второе перекинул через плечо, белые волосы развевались, когда он опустился на колени — медленно и тяжело — спиной к священникам. С него осторожно сняли черные ботинки на шнуровке, потом белые носки и одну за другой омыли ноги в воде из золотого кувшина с высоким горлом, а потом вытерли их полотенцем, которое он положил ранее на плечо.

Обратившись к священнику, представлявшему святого Петра, он начал короткое представление без слов. Петр говорит: «Не умоешь ног моих вовек», а в ответ: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною»¹¹⁰. Естественно, «апостол» уступает, и патриарх прислуживает ему.

Когда закончилась процедура омовения ног, сцена изменилась: теперь это был Гефсиманский сад. Три священника, представлявшие Петра, Иакова и Иоанна, сделали вид, что спят на ступенях платформы. Патриарх удалился. Потом он возвратился, чтобы сообщить им, что Иуда уже пришел. Патриарх снова был в парадном облачении и стоял на платформе, благословляя толпу

верующих. Процессия двинулась в обратном направлении, и в этот момент раздались звонкие, ритмичные звуки колокола в храме Гроба Господня:

Дон-дон-дон,
А-дон-дон-дон,
Дон-а-дон-дон,
Дон-дон-дон.

Это был странный, монотонный ритм. Глубокий голос колокола, казалось, заставлял содрогаться даже камни. Толпа качнулась вперед, желая принять благословение патриарха. Он снова держал в руке букет цветов — маленький, в викторианском стиле, — и использовал его как *аспергилий*, обрызгивая лица в толпе святой водой.

5

Благодаря любезности армянского патриарха мне предоставили место на армянской галерее храма Гроба Господня и велели быть там за четыре часа до начала церемонии схождения Благодатного огня. Подходы к церкви были забиты возбужденными людьми, было очень трудно проталкиваться сквозь толпу, которая ожидала всю ночь.

С моего места открывался вид на Кувуклий и Ротонду, битком забитую людьми. Христиане Востока, среди которых преобладали копты и сирийцы, проявляли, в нашем понимании, мало почтительности, однако их невозможно судить в наших понятиях. Они не находят ничего шокирующего в криках и толкотне вокруг Гроба Господня, в том, чтобы затолкать и затоптать кого-то в жуткой давке, когда начинают раздавать огонь, который, согласно их верованиям,

нисходит прямо с небес: вера в священную природу этого огня так велика, так свирепа, что неловко раздражаться привычной недовольной тирадой в адрес этих людей. Так что я просто опишу, что происходило.

Сотни людей всю ночь спали внутри церкви. Между колоннами, которые поддерживали центральный купол, были установлены деревянные подмости с чередой маленьких кабинок, напоминавших ложи оперного театра; в каждой кабинке разворачивалась сценка домашней, интимной жизни. Большинство кабинок были сняты богатыми коптами. Скрестив ноги, они сидели на подушках, окруженные членами своих семей. Матери кормили младенцев, устроившись на переносных постелях. Мужчины располагались в первом ряду, медленно перебирали четки из желтого янтаря или пробовали опустить связку свечей на веревке вниз, чтобы зажечь их в ключевой момент церемонии.

Толпа шевелилась, как беспокойное животное. В ней все время что-то происходило; кто-то яростно боролся, чтобы выбраться, а другие столь же энергично пытались забраться внутрь. Из коптской часовни доносились странные восточные песнопения, а из толпы время от времени раздавались диковатые песни арабов, сидевших на плечах своих друзей. Эти люди, опасно раскачиваясь над головами толпы, отсчитывали время хлопками в ладоши или ударами палок, распевая по-арабски примерно такие стихи:

Огонь загорелся, и мы пируем,
Мы посетили Гроб нашего Господа,
Наш Господь Иисус Христос.
Христос пришел к нам и искупил нас своей
кровью.

Вот еще один пример:

Сегодня мы радуемся,
А евреи в печали!
О, евреи! О, евреи!
Ваш праздник — это праздник обезьян,
Наш праздник — праздник Христа!
Нет иной религии, кроме религии Христа!

Песни сливались с религиозными песнопениями, создавая напряженную, возбуждающую атмосферу, так что я невольно вспомнил о бедуинах Петры, которые хлопали в ладоши, задавая ритм танца. Один раз внизу разгорелся спор в особо нервной части толпы. Оказалось, что какого-то человека — не знаю, справедливо или нет — назвали евреем. Полиция появилась мгновенно и быстро вывела его из церкви.

Многократно говорилось, что Благодатный огонь — это символическое явление, но ничто не могло поколебать веру собравшихся в то, что в тот день с небес сойдет огонь на Гроб Господень. Церемония эта очень древняя. Насколько я помню, монах Бернард о ней упоминает при описании своего путешествия в Иерусалим в 870 году. В ранние времена церемонию запретил один из римских пап, и с тех пор только православная церковь ее исполняет. Это абсолютно восточная, в основе своей языческая церемония. Декан Стэнли задавался вопросом, знают ли арабы и греки, совершающие многократное шествие вокруг Гроба Господня, что воспроизводят смутную память о погребальных играх вокруг царской могилы?

Когда возбуждение достигло пика, появилось несколько знамен, которыми размахивали над головами собравшихся. Полицейские прокладывали дорогу в толпе патриархам и священникам разных конфессий.

С каждой стороны от Кувуклия есть два круглых отверстия, сделанных в камне под углом. Сам камень

почернел за многие годы от Благодатного огня, и у этих отверстий стоят полуобнаженные бегуны с пучками свечей, защищенных сосудами из перфорированной жести. Как только из отверстий Кувуклия появится огонь, эти люди бросятся наружу, где их ждут остальные, а потом на автомобилях будут развозить священный огонь по церквям всей страны. В прежние времена под парами стоял корабль, который доставлял Благодатный огонь в Россию.

Сквозь вопившую толпу, более возбужденную и шумную, чем любая другая, какую мне доводилось видеть, исполняющий обязанности греческого патриарха и глава армянской церкви проследовали ко входу в Кувуклий. На ступенях, на глазах у кричащей и жестикулирующей толпы, греческому патриарху помогли снять ризу и знаки сана. Его запястья связали льняными бинтами. Он огляделся, такой слабый и хрупкий на фоне бушующих людей. Я заметил, что десять офицеров окружали патриарха, исполняя роль телохранителей. Все они выглядели как форварды регби. Старик развернулся и вошел в Кувуклий, в то время как армянский патриарх остался в преддверии.

Прошло три или четыре минуты, в течение которых ничего не происходило. В воздухе повисло просто физическое напряжение. Внезапно из всех отверстий вырвались языки огня, и еще один факел возник в руках выходящего патриарха, второй факел принял от него армянский патриарх. В следующее мгновение вся церковь наполнилась криками восторга и бешеным топотом. Языки пламени мелькали повсюду. Все боролись за право обладания огнем. Люди зажигали свечу от свечи, смеялись от радости. Некоторые омывали пламенем лица. Женщины проводили огнем под подбородком и по груди. Те, кто находился на галереях, спускали вниз свечи на веревках, и посреди всего этого безумства древняя фигура греческого

патриарха выделялась на фоне Кувуклия, в каждой руке он держал по горящей свече, а потом его понесли, как волны несут поплавок, и телохранители яростно боролись, чтобы проложить ему путь к алтарю греческой православной церкви.

И пока толпа ликовала, распространяя огонь, зазвонили колокола и послышались странные звуки деревянных гонгов армянской церкви — ее представители ударяли в них на галерее, используя металлические прутья. Весь храм был полон хаотическим движением, шумом и гамом. Несмотря на столпотворение, вскоре все светильники Храма были заново зажжены с помощью Благодатного огня, и сотни простых, но очевидно безумных христиан верили, что Господь послал этот огонь с небес.

Я сидел там в течение часа после появления огня, наблюдая за восторгом толпы. Казалось, огонь никого не обжигал, хотя люди прикасались к пламени, лизали его, омывали им лица, но ни один волосок не вспыхнул. Я думал, насколько необычна эта церемония, которая могла бы происходить в роще Адониса, а не у могилы Христа.

6

Мой друг, который жил в Иерусалиме, предложил мне посетить самую странную церемонию восточной Страстной недели. Ее проводили черные монахи Абиссинии на крыше храма Гроба Господня.

Когда взошла луна, греческий монах провел нас в церковь через боковую дверь. Внутри царил полная темнота. Нам пришлось зажигать спички, чтобы найти истертые ступени, ведущие на крышу часовни Св. Елены, где черные монахи служили Христу при свете звезд. Много лет назад, как я уже рассказывал в этой книге,

абиссинцы имели большие святилища внутри храма, но за века борьбы они не смогли противостоять более сильным церквям и мало-помалу оказались выселенными из здания, утратив свои священные владения. Но настойчивость и благочестие этих людей, верующих с IV века, подсказали им решение, и они нашли прибежище на крыше.

Не имея церкви, в которой можно было бы провести достаточно длительную церемонию, они установили шатер, в котором раз в год проводят любопытный ритуал, который называется «Поиск Тела Христова». Именно ее мы и собирались посетить.

Звезды ярко сияли. Белые купола придавали пространству крыши вид африканской деревни. Длинный парчовый шатер был установлен в углу крыши, полог с одной стороны поднят так, чтобы можно было увидеть происходящее внутри. Там в теплом свете свечей сидело варварское собрание абиссинцев в роскошных одеяниях и золотых зубчатых коронах. Это были носители креста.

Чернокожий монах провел нас к ряду тростниковых стульев в конце шатра. Мы сидели довольно долго, наблюдая за мрачным, исполненным достоинства собранием абиссинских священнослужителей в сверкающих ризах. Они казались евангельскими волхвами.

Примерно через полчаса мы услышали нестройное африканское пение, и в шатер вошли монахи во главе с Абуной, то есть настоятелем, которого они проводили до предназначенного ему места.

На земле перед ним сидели два монаха с огромными барабанами с серебряной окантовкой; они отбивали быстрый ритм, а остальные потрясали систрами, заполнив шатер необычными звуками, напоминающими шум, раздающийся при встряхивании монет.

Систр — металлическая рамка с горизонтальными прутьями внутри; звон раздается, когда рамку встряхивают. Этот инструмент использовали в древнем Египте в храмах Исиды, чтобы привлечь внимание верующих и чтобы отгонять злых духов. Я не знал, что в мире существует религиозное сообщество, все еще использующее систр во время службы, но форма инструмента, который был у чернокожих монахов, в точности соответствовала древнему систру, который известен по находкам в египетских захоронениях.

Рокот барабанов, позвякивание систров, сиплое пение монахов — все это мешало поверить, что я присутствую на христианской службе, на крыше храма Гроба Господня.

Есть нечто впечатляющее в облике этих черных монахов, поклоняющихся Иисусу Христу, используя столь древние ритуалы, заимствованные из церемоний древнего Израиля и Египта.

Ничто не может лучше проиллюстрировать многообразие религиозных традиций, сохранившихся в пределах храма Гроба Господня. Верования и обычаи, давно утраченные западной церковью, продолжают жить у могилы Христа. Язык фараонов отзывается эхом в коптской службе, а в литургическом языке сирийской церкви сохранился арамейский, на котором говорил Христос: по сравнению с этим греческий Нового Завета, используемый в православной церкви, — просто современный язык.

В абиссинской службе есть некая особенная жалобная нота. Мой друг прошептал мне, что черные монахи оплакивают смерть Христа. Ритм барабанов замедлился, звук систров стал слабее. Внесли печатное Евангелие на древнем языке геэз, литературном языке Эфиопии, и пока монахи усердно кадили, настоятель приступил к мелодическому чтению истории Страстей Господних.

Затем ритм тамтамов, задававших низкий, пульсирующий фон службы, опять ускорился, стал громче, и роскошно одетые носители креста в зубчатых коронах возглавили процессию: мы все шли парами, со свечами в руках, в свете полной луны, чтобы принять участие в поисках Тела Христова.

Этот ритуал — драматическое воспроизведение Воскресения. Настоятель дочитал евангельскую историю до того момента, когда три Марии рано утром пришли к скальной могиле с миром, чтобы умастить мертвое тело Спасителя. Там они увидели молодого человека в белых одеждах, и он сказал им, что Христос восстал...

Черные монахи представляли эту историю в лицах. Станным шаркающим шагом, длинной процессией они ходили по кругу на крыше, залитой лунным светом, со слезами твердили, что могила пуста, рыдали о том, что Иисус мертв, делали вид, что ищут Его Тело в самых темных частях крыши. Каждый монах держал в руках зажженную свечу, а настоятель шел под зонтиком — зеленым с золотом.

Над Иерусалимом светила полная луна, заставляя камни в коронах носителей креста сверкать зеленым и красным. И это фантастическое собрание кружилось в странном ритуальном танце под звуки тамтамов и систра.

Мы четыре раза обошли крышу вокруг часовни Св. Елены. Жалобное пение, напоминающее погребальное, продолжалось, стучали африканские барабаны, настоятель и монахи шли, пританцовывая, осеняя себя знаком креста.

Взглянув назад, я увидел монахов, рыдавших в горе, лунный свет превратил их в гротескные фигуры из диких африканских джунглей, но в более ясном свете свечей, которые они держали в руках, был виден благочестивый восторг на темных лицах.

После четвертого круга барабаны стихли, но сестры продолжали вибрировать. Плач все длился и длился. Я вспомнил слова, сказанные ангелами Марии Магдалине:

«Жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его»[111](#).

Эти чернокожие люди, исполнявшие древний ритуал на крыше храма Гроба Господня, собственным варварским способом выражали печаль всего христианства, вызванную смертью Иисуса Христа.

Внезапно плач прекратился. Черные монахи молча вернулись в шатер и там сгрудились вокруг настоятеля. Мы тихо пошли прочь.

— Они будут горевать до утра, — объяснил мой друг. — Затем будут праздновать Воскресение и радоваться так же сильно, как теперь несчастны.

В темноте мы нашли лестницу и пересекли пустынную и тихую церковь, а потом вышли на спящие улицы Иерусалима.

7

Утром я присоединился к толпе возле Яффских ворот, чтобы увидеть паломников из Хеврона, которые шли в Иерусалим на праздник Неби Муса. Этот мусульманский праздник всегда совпадает со Страстной неделей восточно-христианских церквей. Благочестивые паломники в сопровождении фанатичных дервишей шли через Иерусалим, развеивались священные знамена. Они направлялись к Мертвому морю, чтобы воздать почести в святилище, которое они считают могилой Моисея. В течение недели они располагаются там лагерем, а потом возвращаются в свои деревни. История этого праздника довольно примечательна.

Мусульмане рассказывают, что Моисей, оставаясь в одиночестве в своей могиле, жаловался Богу, который

пообещал ему ежегодное паломничество. Другая история повествует, что, хотя Моисею было 120 лет от роду, Бог сказал ему, что тот никогда не умрет, если сам не ступит ногой в могилу. С тех пор Моисей старался ходить осторожнее, чтобы не ступить в могилу по ошибке. Но однажды он устал, было жарко, он шел через Моавские горы и увидел четверых рабочих, которые вырубали в скале глубокую яму. Он спросил, что они делают, и они ответили, что это тайник для царской сокровищницы. Моисей подумал, что пещера выглядит прохладной и подходит для отдыха, а потому вошел и прилег на каменный выступ. Рабочие предложили ему плод красивого цвета и необычайного аромата, но не успел он поднести его к губам, как на него навалился сон. Четыре рабочих, которые на самом деле были ангелами, приняли его душу и унесли ее на небеса.

Истинная история могилы Моисея, увы, не так живописна. Судя по всему, уже давно турецкое правительство, встревоженное большим количеством христиан, собирающихся на церемонию схождения Благодатного огня, решило организовать по соседству и в то же время аналогичный по размаху мусульманский праздник. Итак, скромное святилище какого-то неизвестного святого человека неподалеку от Мертвого моря провозгласили могилой Моисея и к ней организовали ежегодное паломничество.

Безжалостное солнце палило толпу, которая пульсировала и гудела в постоянном движении. Сотни женщин с лицами, по самые глаза закутанными покрывалом, окаймляли дорогу, в ожидании сидели на стенах. Крестьяне со всех концов страны были облачены в яркие костюмы. Торговцы лимонадом проталкивались сквозь толпу, громко стучали латунными чашками и расхваливали прохладу и сладость напитка. Сновали торговцы с подносами миндальных сладостей, салатом-

латуком, крашеными яйцами; а издалека доносился рокот барабанов и звуки цимбал.

Медленно и почти неорганизованно появилось начало процессии. Те, кто шел впереди, несли священные шелковые знамена, украшенные кистями и вышивкой, с платками, привязанными к шестам, с посвятельными подношениями от деревенских женщин. Каждое знамя нес член семьи, входящей в круг избранных и обладающих этой привилегией. Любая попытка посягательства на эту прерогативу приводила к немедленному кровопролитию.

В солнечном свете мелькнули мечи. Процессия притормозила. Был сформирован круг, в центре которого оказались двое мужчин с мечами и щитами. Это был наполовину танец, наполовину схватка, они согласованно ударяли по щитам, раз-два, раз-два, как актеры в шекспировской дуэли. Толпа громко аплодировала.

Затем появились группы диких длинноволосых фанатиков, принимающих наркотики до бесчувствия, они танцевали, выкидывая странные коленца, и повторяли фразу, известную как *зикр*, или «напоминание». Это ритмическое повторение слов: «Ла иллала илла лла... ла иллала илла лла... ла иллала илла лла...», что означает «Нет Бога, кроме Аллаха». Бесконечное повторение и сопровождавший его причудливый танец будто опьяняли участников. Они падали на колени,тирали пот с лиц, отбрасывали назад длинные волосы, при этом губы их все время повторяли «напоминание», а глаза затуманивались, показывая, что люди находятся в состоянии транса.

Были там и другие группы, доходившие до разной степени экстаза. Люди забирались на плечи друзей, сновали туда-сюда в пределах процессии, выбирая свободные проходы, время от времени отмеряя время взмахом руки или палки, как заправские хормейстеры,

распевали что-то, — и толпа с энтузиазмом отвечала им. Я спросил у человека рядом со мной, что говорят эти люди.

— Они проклинаяют сионистов, — ответил он. — Они поют: «О, сионисты, какие права у вас на эту страну? Что у вас общего с нами? Если вы останетесь в этой стране, вы все найдете здесь свою могилу».

Это дало мне ключ к пониманию процессии. Это, собственно говоря, не было арабское шествие! Это было типичное явление, описанное в Ветхом Завете. Так еврейские фанатики танцевали и выкрикивали проклятия в адрес филистимлян и ханаанеев. Радикальное олицетворение почтенных мусульманских старцев, возглавлявших процессию сельских жителей и вращавшихся под звуки бубнов и хлопки, — это, конечно, Давид:

«Когда ковчег завета Господня входил в город Давидов, Мелхола, дочь Саулова, смотрела в окно и, увидев царя Давида, скачущего и веселящегося, унижила его в сердце своем»¹¹².

Мне кажется, что процессия Неби Муса сохранила атмосферу праздника, облик толпы, которая «пела в Сионе» в главные дни года. Это была такая же толпа, возбужденная, буйная, крестьянская в своей основе, заполнявшая улицы Иерусалима, когда Христос присоединился к паломникам, прибывшим в город на пасхальную неделю. Именно такое скопление людей требовало: «Распни его!»

Я случайно перевел взгляд с толпы на высокий коричневый силуэт Башни Давида. Там, на вершине я заметил горцев Сифорта. На них были шлемы и походная форма. Последний реликт правления Ирода укрепили спокойно и ненавязчиво, это та самая тонкая грань между религией и политикой, которую столь просто перейти, особенно когда представители трех вер проводят свои праздники в легко воспламеняющейся

атмосфере Святого Города. Караульные на башне смотрели вниз, их розовые, типично шотландские лица широко улыбались; так могли стоять солдаты Пилата, наблюдая за буйными толпами девятнадцать веков назад.

По странной иронии истории, паломники, плясавшие и скакавшие, как Давид, и распевавшие с яростью библейских пророков, проходили по Иерусалиму, призывая беды на головы сионистов, как предки сионистов призывали беды на головы вторгшихся в их страну римлян.

8

Неподалеку от Гефсиманского сада, но чуть выше по Елеонской горе, я обнаружил место, куда никто не приходит. Несколько олив растут среди скал, а бедная почва покрыта зарослями диких маков. Если посидеть некоторое время без движения, у самых ног появляются и играют ящерицы, которые окрашены намного ярче тех, что обычно мелькают среди черных кусков базальта, рассыпанных по всей Галилее. Мне было приятно отдалиться от нарастающего возбуждения, царившего в Иерусалиме, этого вавилонского смещения языков, призывных воплей разгоряченных проводников, высокомерных и самоуверенных туристов, приехавших в город на один день, и прогуляться за ворота Св. Стефана в сторону открытого и спокойного пространства напротив Иерусалима.

Декан Стэнли однажды сказал, что путешествие в Святую Землю подобно странствию в темноту. Вы пересекаете великие дороги страны, где не сохранилось никаких очевидных признаков прошлого, за исключением того, что вы ступаете по той же земле и дышите тем же воздухом, что и персонажи истории. А

затем внезапно, словно в яркой вспышке — на мгновение башня, дерево и поле предстают перед вами ясно и четко.

Иерусалим, в агонии трех религий, в бурях политического энтузиазма, — и есть та самая вспышка. Странное смешение невежества, цинизма, простой и безыскусной набожности, ученых рассуждений, тупости, постоянно наполняющих Иерусалим, кажется мне точным отражением Иерусалима Христа.

Если бы я мог писать красками, думал я, сидя под оливами, глядя на Иерусалим, я бы поместил на холст тот город, который увидел Иисус, прибыв на пасхальной неделе, чтобы быть распятым. Его заполняли бы такие же пестрые толпы: бесчисленные провинциалы, простые галилеяне, любопытные греки, процветающие иудеи из Александрии (похожие на богатых сионистов из Лондона и Нью-Йорка), интересующиеся диковинами римляне, одетые в белое жрецы и левиты, прилизанные саддукеи, образованные фарисеи в пышных одеяниях, нарочито набожные, римские солдаты в шлемах и туниках каштанового цвета, с копьями в руках, отчужденные и откровенно иноземные, как современные шотландские гвардейцы.

Нетрудно представить себе те картины и звуки, что окружали Иисуса, когда Он пришел на величайший еврейский праздник в честь Исхода, привлекающий всех, кто посещает Иерусалим для совместного пасхального пира.

Его вестники задолго до праздника разошлись по всей стране. Все дороги и мосты были отремонтированы после зимних дождей. Все склепы заново побелили, они сияли на солнце, и это снижало риск церемониального осквернения. Иисус, осуждая книжников и фарисеев, указывал с высоты Храма на множество рядов выбеленных склепов, расположенных на склонах Елеонской горы, и приводил поразительное сравнение,

характерное для Него: «Уподобляетесь окрашенным гробам, — восклицал Он, — которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты»¹¹³. Вид этих выкрашенных в белое склепов — одна из наиболее броских примет приближающегося праздника Пейсах.

Затем в каждом городке и деревне по всей Иудее и Галилее появились *шульханы* — менялы, сборщики храмовой пошлины. Они повсюду устанавливали пункты сбора денег и брали по полшекеля (примерно один шиллинг и два пенса) с каждого еврея-мужчины от 12 лет на содержание Храма. Они и сами получали хорошую прибыль, потому что платежи совершались в шекелях, а в обращении были деньги Тира, Греции, Рима, Египта и Персии. За каждый обмен валюты при уплате пошлины *шульханы* брали по полтора или по два пенни. Обязательный налог собирался по регионам и направлялся в сокровищницу Храма. Любой человек, отказавшийся платить, рисковал потерять свое имущество. Ежегодно на Храм собирали на современный счет около 75 000 фунтов стерлингов. Эти деньги шли на оплату ежедневных жертвоприношений от имени народа (до Вавилонского пленения эти расходы брали на себя цари) и многие другие потребности культа.

Когда Иисус прошел по взволнованной стране, поднялся к Иерусалиму, как мы знаем, Он много раз уходил, чтобы молиться и плакать, на Елеонскую гору. Он оплакивал не город Иерусалим, а святыни Иерусалима. Он понимал, насколько формальным и пустым стало поклонение Богу, насколько циничными и мирскими были священники, включая и первосвященника, который по большим праздникам являлся в шелковых перчатках, чтобы не запачкать руки; люди пресытились богатствами мира, в их сердцах ритуалы вытеснили веру.

Каким был Храм во времена Христа? Что происходило там? Что бы увидели мы над этими белыми стенами, поднявшись вместе с Учителем на рассвете из Гефсиманского сада на возвышенные места?

Пока было темно, храмовая стража стерегла ворота и дворы на двадцати четырех постах. Каждый пост состоял из десяти левитов, так что речь идет о двустах сорока стражниках, каждую ночь стоявших на посту в Храме Ирода. В течение ночи «капитан Храма» обходил все посты. Римляне делили ночь на четыре стражи, а евреи — на три. Любой, кто стоял на Елеонской горе во время третьей еврейской стражи, мог видеть огромное здание, погруженное в молчание и темноту, единственный свет — красноватое сияние в центре белых террас, где днем и ночью горел огонь на алтаре всежжения даров.

Жрецы, которые выбирали приношения для ежедневной утренней жертвы, спали в комнатах во внутреннем дворе во время третьей стражи, пока было темно; потом они просыпались и принимали ванну, чтобы подготовиться к жертвоприношению. В сумраке к ним приходил служка, и тогда бросали жребий, чтобы определить, кто из жрецов будет удалять пепел с алтаря всежжений. Этот человек в одиночестве, без света, только при огне алтаря, выходил, мыл руки и ступни ног в бронзовом тазу, стоявшем перед алтарем. Полагалось положить правую руку на левую ногу, и левую руку на правую ногу. Затем он поднимался на алтарь из необработанного камня с серебряной жаровней в руке, в которую сметали пепел; спускаясь, он мог видеть в свете обновленного огня, как другие священники шли с лопатами и вилами, чтобы добавить в огонь свежие дрова.

Затем наступало время второго жребия. Первосвященник выстраивал жрецов и определял по жребию:

кто зарежет жертву;
кто брызнет кровью на алтарь;
кто уберет пепел с алтаря благовоний;
кто подрежет фитили в светильниках и на семисвечниках;
кто понесет голову жертвы и заднюю ногу;
кто понесет две передних ноги;
кто — хвост и вторую заднюю ногу;
кто — грудину и шею;
кто — два бока;
кто — внутренности;
кто — подношение муки;
кто — жареное мясо для первосвященника;
кто — вино и питье для приношений.

Когда распределение завершали, как раз начинался восход. Один из священников поднимался на самую высокую точку Храма и вставал лицом к востоку, в сером предрассветном сумраке. Остальные ждали внизу. Когда раздавался его крик: «Утро наступило!», они спрашивали: «Небо уже освещено до самого Хеврона?», и жертву не приносили, пока он не давал положительного ответа.

Жертвенного агнца, который перед тем жил четыре дня в специальном помещении при Храме и которого заранее проверяли на отсутствие каких бы то ни было дефектов — они сделали бы его недостойным смерти, — приводили и осматривали еще раз, в свете факелов. Ему давали пить из золотого кубка. Из комнаты по соседству вносили девяносто три священных принадлежности, а агнца подводили к алтарю. Передние и задние ноги с каждого бока были связаны попарно, а голову вставляли в кольцо в земле, мордой к западу.

В тот миг, когда первый свет нового дня озарял Елеонскую гору, подавался сигнал открыть ворота Храма. Как только створы приходили в движение, священники поднимали серебряные трубы и издавали

три пронзительных сигнала, которые каждое утро в Иерусалиме оповещали о том, что все готово к жертвоприношению.

В то же мгновение два жреца, избранных для очистки алтаря благовоний и для приведения в порядок светильников, поднимались к святому месту и приступали к выполнению своих обязанностей. Открытие ворот служило сигналом к началу жертвоприношения. Один священник держал агнца за глотку, поднимая его голову, и резким движением вверх ударял ножом. Другой жрец собирал кровь в золотой кубок и, стоя к востоку от алтаря, брызгал кровью на камни. Затем жертву развязывали и разделявали. Внутренности промывали на мраморном столе, а тело разрезали на установленные части, и каждую уносил тот священник, на кого выпал жребий. Эти части поднимали на алтарь, где посыпали их солью. Теперь все было готово к самой торжественной части церемонии.

Священники вновь собирались в Зале полированных камней, чтобы бросить жребий и определить, кто будет служить у алтаря благовоний на святом месте. Выбор падал на священника, который еще не выполнял этой обязанности, если, конечно, не случалось так, что все присутствующие уже служили у алтаря благовоний. Затем он называл имена двух помощников и по дороге к святому месту ударял в большой гонг, который назывался Магрефа и по звуку которого оживал весь огромный Храм: священники, левиты и простые люди собирались на молитву. Тем временем трое жрецов, отвечающих за благовония, всходили на святое место. Один высыпал угли на золотой алтарь. Другой готовил благовония. Затем они удалялись, оставляя главного из троих ждать сигнала зажечь благовония. Без сомнения, в такой вот важный момент Захария, отец Иоанна Крестителя, и удостоился видения. Евангелист Лука рассказывает: «Однажды, когда он в порядке своей

чреды служил пред Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, а все множество народа молилось вне во время каждения»¹¹⁴.

В это мгновение тишина воцарялась во всем просторном Храме. Верующие падали ниц перед Господом. Облака густого, сладковатого дыма поднимались над святым местом. Священники торжественно проходили к алтарю, на который, прямо в пламя, возлагали отмеренные куски жертвенного агнца. Затем следовало приношение мяса и питья, жрецы подавали напиток тем левитам, которые в тот день читали псалмы. Во время каждой паузы в пении псалмов и молитв назначенные священники подавали сигналы на серебряных трубах, и все верующие простирались ниц. Пока огонь пожирал мясо, языки пламени поднимались очень высоко и ярко сияли из-за масла и соли, которыми поливали и посыпали жертву. Наконец утреннее жертвоприношение подходило к концу.

На протяжении веков, изо дня в день, происходило одно и то же. Тысячи животных и птиц были принесены в жертву на алтаре Господа за грехи человечества. Кровь лилась бесконечным потоком, и в Храме стоял запах горелого жира. В дополнение к обычным, повседневным жертвам, совершались и тысячи частных — овцы, козы и тельцы. Люди приводили своих жертв, переносили на них свой вес, что символически означало замену себя животным, в чем и была суть ритуала, а затем перерезали горло жертве, а священник собирал кровь в чашу. Но это было все, что мог предложить Храм. Духовная основа отсутствовала, имелась лишь сакральная рутина. Исайя возмущался таким ходом дел еще за несколько веков до Христа, он вопиял: «К чему мне множество жертв ваших? говорил Господь: я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного

скота и крови тельцов, и агнцев и козлов не хочу»¹¹⁵. С этого времени духовная история иудеев творилась в основном не в Храме, а в синагогах. Римляне ошибались, когда думали, что, разрушив Храм, они сокрушат иудаизм, потому что центр иудаизма находился уже не там.

Много было написано об отношении Господа к Храму. Мы не можем сомневаться, что Он ценил цель, во имя которой тот был воздвигнут, но осуждал то, чем Храм стал. Он говорил: «Я буду милостью, но не жертвой». Его мнение о священнослужителях отлично выражено в притче о добром самаритянине, и, вероятно, о нем можно судить по выпадам против менял и торгующих в Храме — это имело более глубокий смысл, чем осуждение тех, кто осуществляет сделки в священном месте. Не было ли это протестом против всей финансовой системы Храма?

Но что это была за система? Священники буквально выскребали шекели из страны и жили за счет народа. Храмовая пошлина, или подушный налог, была лишь одним видом дани среди тех, что народ Израиля платил в пользу Храма. Подношения другого рода касались практически всех мыслимых видов продуктов.

Был еще так называемый «первый плод» или «семь видов», то есть пшеница, ячмень, виноград, фиги, гранаты, оливки и мед. Те, кто жил рядом с Иерусалимом, должны были подносить их Храму в свежем виде; те, кто жил далеко, — в сушеном. Филон Александрийский и Мишна рассказывают, как поселяне собирались вместе во время выплаты первых плодов и шли в Иерусалим, играя на дудках; процессию возглавлял жертвенный телец с позолоченными рогами и с гирляндой из оливковых листьев.

Кроме первого плода, существовали еще такие налоги, как *терума* — подношение пшеницы, вина и масла; *шалла* — подношение вымешанного теста; а

также десятина, которая, согласно Мишне, охватывала «все, что могло употребляться в пищу и выращивалось, росло на земле». Именно эта жесткая система налогообложения даже самого скромного урожая, включая, скажем, мяту, анис, тмин, заставляла Иисуса восклицать: «Но горе вам, фарисеи, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и не радите о суде и любви Божией»¹¹⁶.

Затем следовал налог на перворожденных сыновей и всех первенцев животных мужского пола. За сына-первенца платили пять шекелей в сокровищницу Храма, за неподходящих для жертвоприношения животных, например ослов, лошадей или верблюдов, — меньшую сумму. Но перворожденные козлята, ягнята и телята мужского пола принадлежали Храму.

В дополнение ко всему этому священники получали невероятное количество мяса. На алтаре сменялись разнообразные виды жертвоприношений: подношения за грех, подношения за причинение вреда, подношения мяса, благодарственные подношения, подношения для всесожжений. Последняя категория сгорала в огне алтаря полностью, с остальных подношений священники получали значительную долю мяса для частного использования. Например, в случае подношения за грех на алтарь бросали только жир, а почти вся туша доставалась священникам. В случае благодарственного подношения они имели право забрать себе грудину и правое плечо — и даже при подношении для всесожжений священники забирали шкуру животного, что тоже было прибыльно.

Таким образом, Храм должен был превратиться в огромное хранилище разнообразных продуктов питания и других товаров. Его погреба были забиты лучшими плодами, какие только росли по всей стране. Там были также крупные запасы золота, поскольку, как в большинстве древних государств, храмы служили в

некотором роде банком, так как обладали надежной охраной и могли гарантировать безопасность накопленных богатств.

Именно в такое могущественное учреждение вошел Христос с дорожным посохом в руках. Рынок являлся примечательной чертой Храма. В предпасхальные дни там шла особенно бойкая торговля. Это был рынок скота и центр денежного обмена. Там можно было приобрести необходимую еду и питье для подношений. Вне всякого сомнения, рынок вырос при Храме за долгий период времени, из-за требования книги Левит отбирать для жертвоприношения только совершенных животных, а также из-за потребности обменивать деньги на валюту, приемлемую для святилища, и приобретать сотню других вещей, нужных для храмового богослужения. Вместо того чтобы приводить собственного барашка или козла в Храм и рисковать, что он будет отвергнут инспектором (его называли *мумше*), который за плату проверял все подношения, верующий мог приобрести на храмовом рынке животных, заранее проверенных властями, обладающих гарантированной левитской чистотой. Общеизвестно: стоит установить несколько прилавков и создать атмосферу торговли, как это притянет все прочие виды коммерческих сделок. Отличный пример — Лезер-лейн по соседству с Холборном. Примерно то же самое происходило и на территории, прилегающей к Храму.

Рынок находился под аркадой в просторном Дворе язычников. Должно быть, он напоминал современный рынок Дамаска, Иерусалима или Каира: плотная масса торгующихся, спорящих людей. Многих крестьян там просто дурачили. Мы знаем, что ценами на рынке активно манипулируют, и стоимость пары голубей могла достигать невероятной суммы в золотой денарий (примерно пятнадцать шиллингов и три пенса на современные деньги). К вечеру цена опускалась

благодаря появлению честных и толковых людей и составляла нормальную величину — четверть серебряного денария (примерно восемь пенсов).

Когда Иисус вошел на храмовый рынок, должно быть, там раздавалось блеяние жертвенных баранов в загонах, мычание бычков, воркование голубей. Вероятно, мужчины громко переговаривались, обсуждали сделки, смеялись, пытались извлечь максимальную выгоду для себя, презрительно посматривали на бедных паломников, с которых нечего было взять.

У этого рынка есть интересная особенность. Есть основания считать, что он принадлежал Анне, который в течение многих лет был первосвященником. Эдершейм пишет: нет сомнений, что именно это место было известно как «базар сыновей Анны», Иосиф Флавий делает важное замечание, что Анна, сын новозаветного Анны, был «великим накопителем денег». Если так, очевидно, что Христос напал не только на престиж священников, но и на их карманы, на всю их сомнительную финансовую систему, благодаря которой они становились все богаче. Один критик даже высказал предположение, что именно это стало одной из главных причин ареста Иисуса.

В любом случае, совершенно ясно, что, очищая Храм, Иисус наносил удар интересам высшего духовенства. Его действия были обращены к честным людям; бедное, терпеливое большинство, из которого безжалостно выжимали последние гроши, чтобы содержать одну из самых многочисленных и процветающих общин духовенства в истории, поддержало протест Иисуса, и даже охрана Храма, обычно пресекавшая малейшие беспорядки, не посмела пальцем Его коснуться. Евангелист Лука рассказывает: «И учил каждый день в храме. Первосвященники же и книжники и старейшины народа искали погубить Его и не находили, что бы

сделать с Ним; потому что весь народ неотступно слушал Его»¹¹⁷.

Итак, еврейские власти, еще до наступления Пасхи принявшие решение арестовать Христа, объединили усилия, чтобы составить заговор, который привел Иисуса на крест.

9

Ранним утром я часто совершал прогулки вдоль долины Кедрон и вверх по склону Елеонской горы в сторону Виффагии и, через хребет, Вифании. Это дорога, по которой Иисус и двенадцать Его учеников столь часто проходили в течение последней недели.

Покинув Храм, возможно, через ворота Шушан, они пересекали большой виадук через долину Кедрона в сторону Елеонской горы — двухарочный пролет, выстроенный, чтобы предотвратить осквернение лежащими внизу мертвыми телами. Именно по этому виадуку «красную телку», подношение за грехи народа, вели на смерть, и этим путем козел искупления грехов — безусловно, самый жалобный символ национальных проступков и провинностей — изгонялся в дикие края в День искупления, причем конечной целью изгонявших было загнать его на обрыв и заставить спрыгнуть в пропасть. Сегодня ворота Шушан представляют собой закрытые Золотые ворота Храмовой горы, тогда как должны были бы вести к Гефсиманскому саду, а затем вверх к Елеонской горе, по извилистым белым тропам, горячим и ярко сверкающим на солнце.

Перед тем как войти в Виффагию, Иисус, наверное, оглянулся назад и увидел Иерусалим, раскинувшийся внизу: мраморная глыба Храма с постоянно курившимся алтарем, темная, зубчатая стена, улицы-террасы, плоские крыши, ярусами поднимающиеся по склону,

белые портики, внезапные блики солнца на нагрудниках римской стражи — на бастионах Антонии, сияние на золотых пластинах святилища, на наконечниках копий, установленных высоко, чтобы отгонять птиц, которые могли бы загрязнить и осквернить святилище. Еще один шаг, и Иерусалим скрывается из вида. Дорога идет вниз по каменистому склону, на котором разбиты виноградники и оливковые рощи. Винные прессы вырублены в скалах, и их останки можно заметить в разных местах и сегодня. Стоит пройти чуть дальше, и открывается вид на крыши глинобитных домиков Вифании.

Есть еще более красивая дорога в противоположном направлении, из Вифании в Иерусалим, потому что сразу после первого подъема от Вифании на вершину Елеонской горы начинается спуск и открывается вид на город, который полностью можно рассмотреть, пока идешь вниз. Именно на этой тропе Иисус почувствовал голод и приблизился к бесплодной смоковнице.

Мне кажется, многие комментаторы ошибаются в интерпретации этого инцидента. Даже доктор Эдершейм, чьи познания могут вызвать лишь чувство глубокого почтения у каждого, кто пытался написать о времени Иисуса, убежден, что на дереве Иисус искал плоды. Но это не так. Пасхальный месяц — слишком рано для созревания фиг. Марк сообщает: «Ничего не нашел, кроме листьев, ибо еще не время было сбора смокв»¹¹⁸. Некоторые критики говорят: несправедливо проклинать дерево за то, что оно не дает плодов вне сезона. Это показывает, как трудно комментировать Библию, не имея представления о библейской стране. Иисус искал не фиги, а крупные зеленые наросты, величиной с миндаль, палестинские крестьяне и сегодня едят их, называя *тагш*. Они иногда появляются еще до листьев, но всегда во время завязи почек, а когда достигают размера орехов, опадают, уступая место

настоящим плодам. Так что дерево без *тагш* впоследствии не даст и фиг. Несмотря на загадочность текста для тех, кто не понимает, в чем дело, евангелия всегда очень точно отображают реальность.

Где-то на Елеонской горе Христос попросил Петра и Иоанна спуститься в город, что лежал в долине, и найти комнату для трапезы — для Тайной Вечери. В то время большая область к юго-западу от Иерусалима находилась в пределах старой стены. На самом деле это и есть старейшая часть Иерусалима, изначальный город Давида, и раскопки, проведенные на этой территории, открыли большое число террас и улиц, фундаментов домов, пограничных стен, одну отличную фабрику по производству масла, с остовом жернова, который вращал осел, и маленьким хлевом для животного. Все эти останки доказывают, что во времена Иисуса эта заброшенная земля представляла собой процветающий район с крутыми мощеными улицами и домами по обеим сторонам, многие из которых, очевидно, принадлежали богатым евреям.

Теперь мне кажется очень важным (и на это, конечно, следовало указать раньше) отметить, что если два ученика вошли в этот район города, то непременно через те давно забытые ворота, которые назывались Водяными. Они получили такое название, потому что вели напрямик к Гиону, или источнику Богоматери, как его зовут сегодня, единственному источнику пресной воды возле Иерусалима. Они естественно становились основными воротами для всех водоносов. И разве это не соответствует комментарию Христа: «Пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним»¹¹⁹. Это невозможно доказать с помощью неоспоримых доводов: это лишь одна из вероятностей, которые приходят на ум и доставляют частное, глубоко личное удовольствие при чтении евангелий на месте событий.

Я воображаю, как два ученика следуют за слугой с кувшином воды по крутому склону, поднимаются на мощеные террасы, напоминающие те, что сегодня можно найти на современной улице Давида, и наконец доходят до дома, который одна из наиболее устойчивых и удивительных христианских традиций в истории христианства ассоциирует с Тайной Вечерей. Сегодня он стоит в нескольких шагах от Сионских ворот, и с римских времен известен как кенакул (Сионская горница). Если это здание — именно то, чем считает его традиция, это праматерь всех христианских церквей. А традиция сама по себе замечательна. До 400 года святой Епифаний утверждал, что когда император Адриан посещал развалины Иерусалима в 135 году н. э., «у христиан уже была маленькая церковь... в которой собирались апостолы после Вознесения нашего Господа. Она стоит в квартале Сион, который уцелел, когда весь город был разрушен».

С того момента и возникает устойчивая традиция в отношении этого дома, который поднимался, рушился, снова возникал на том месте, где была «верхняя церковь апостолов» — горница. Это здание и есть Горница евангелий, в которой состоялась Тайная Вечеря и где явился Иисус. Это и «горница» Деяний апостолов — дом, в который Петр бежал после освобождения из темницы, дом, в котором случилось чудо Пятидесятницы.

Все ранние паломники, прибывавшие в Палестину, упоминали прекрасную церковь, выстроенную на этом месте. Это одно из самых святых мест в мире. В XVI веке распространилось известие, что под церковью находится могила Давида, наполненная сокровищами, и францисканцы, которые охраняли святыню, были изгнаны оттуда мусульманами. Они захватили церковь и превратили ее в свое святилище. Оно и по сей день остается мусульманским. Его называют Неби Дауд — Могила Давида. Я сам ее видел. Здание Горницы —

работа крестоносцев. Христианам не разрешают преклонять в ней колени, и мусульманский проводник энергично торопит европейского гостя. На первый этаж, где полагается быть могиле Давида, доступ христианам категорически запрещен.

Естественно, задаешься вопросом: каким был этот дом, когда Петр и Иоанн вошли в него вслед за водоносом?

Если это был дом «Марии, матери Иоанна, чье прозвище было Марк; где многие собирались для молитвы», когда Петр бежал туда после темницы, согласно Деяниям апостолов, это должно было быть просторное строение, способное вместить значительное число гостей. Мы также знаем, что служанка, отвечавшая у двери, носила имя Рода. Возможно, Горница Тайной Вечери представляла собой плоскую кровлю дома Марии, над которой был установлен навес или временная кровля.

Если так, мы должны вообразить, как Петр и Иоанн поднимаются на крышу дома, в Горницу, и находят все приготовленным, а потом спускаются и идут, чтобы рассказать об этом Учителю.

10

Еврейская Пасха — веселый, бурный праздник. Возбудимость толпы, которая собирается в Иерусалиме на это ежегодное торжество, легко представить на основании евангельского рассказа.

Во время римского правления в Иудее пасхальная неделя была временем, когда правительство, опасаясь бунтов и беспорядков, вводило в Иерусалим дополнительные войска. Вот почему Понтий Пилат, наместник Иудеи, присутствовал во время Распятия в Иерусалиме, а не в своей резиденции в Кесарии. У него

были обязанности двоякого рода: он лично прибыл, чтобы отвечать за военные меры, и его разрешение требовалось для передачи первосвященнику ритуального облачения, которое хранилось под замком у римлян, в каменной комнате крепости Антония.

Праздник привлекал в Иерусалим огромные толпы. Это были евреи не только со всех концов Палестины, но и из обширного еврейского квартала Александрии, и даже из Европы; все они хотели зарезать пасхального агнца в единственном месте, где могли совершаться жертвоприношения: на алтаре Храма Ирода. Язычники из разных стран также приезжали в Иерусалим, движимые любопытством, потому что это было лучшее время для посещения города. Габриель Миро в своей блестящей книге «Образы Страстей нашего Господа» представляет Пилата как хозяина большой и разнообразной компании богатых римлян, которые с интересом наблюдали за странными обычаями иудеев. Книга необычайно живо и достоверно описывает события.

Чтобы убедить Нерона в важности еврейского народа, Гестий Галлий, наместник Сирии, однажды подсчитал количество жертвенных агнцев, зарезанных в течение одной Пасхи, и получил число 256 500. Если предположить, что минимальное количество людей, съедавших одного барашка, равно десяти, получается невероятный результат: 2 565 000 собравшихся на праздник. Город был переполнен, и паломники разбивали шатры вокруг стен. Как мы знаем, Иисус оставался с друзьями в Вифании; интересно узнать из Талмуда, что среди мест, особо известных своим гостеприимством к паломникам, было и это селение, и соседнее — Виффагия.

Скопление таких огромных толп в одном месте, причем толп возбужденных, переживающих самое радостное событие года, создавало особую, легко

воспламеняющуюся атмосферу, в которой обиды и недовольства могли вспыхнуть в любой момент. На самом деле ежегодное паломничество, когда евреи собирались вокруг алтаря Бога, было порой, особо почитаемой проповедниками, которые не упускали случая продемонстрировать ненависть и протест против языческого правления. Чрезвычайная нестабильность настроений, которая сближает пасхальную толпу с любой другой толпой в истории, ясно видна в евангелиях, когда одни и те же люди сперва кричат «Осанна!» Иисусу, а потом требуют: «Распни его!»

Пасхальных агнцев резали в четырнадцатый день месяца нисан, в день первого весеннего полнолуния. Для того чтобы тысячи животных могли быть зарезаны, освежеваны, разделаны и приготовлены для вечерней трапезы, дневные жертвоприношения в Храме начинались на час раньше обычного.

Тысячи людей вели своих агнцев, заполняли все дороги, ведущие к Храму. Агнцу полагалось быть без изъянов, не моложе восьми дней от роду, но не старше года. Каждого агнца полагалось съесть в компании не менее десяти человек, но не более двадцати.

Праздничные толпы делились на три группы, и каждая по очереди допускалась в Храм. Когда группа входила, храмовые врата закрывались, а люди и животные пересекали огромный Двор язычников в направлении Двора священников. Два ряда босоногих жрецов в белых одеждах стояли вдоль тропы к алтарю всесожжений, один ряд держал золотые, а другой серебряные сосуды. Каждый человек в толпе резал собственного барашка, и как только он делал это, ближайший жрец собирал кровь в сосуд и передавал дальше по ряду, получая взамен пустой сосуд. Священники во главе линии выливали кровь к основанию алтаря, и красные потоки по подземным каналам стекали в Кедрон. Звуки трубы разносились над Храмом,

отмечая каждое жертвоприношение, и левиты вели за собой толпы, распевая молитвенные гимны.

Зарезанные агнцы подвешивались на крюки вдоль Двора или на шести, которые плечами поддерживали по двое мужчин, и в таком положении их свеживали. Внутренний жир отделялся от туши и вместе с благовониями возлагался на алтарь. Руно откладывали в сторону, это был доход духовенства. Затем церемония повторялась со второй группой и далее, пока не погибали многие тысячи агнцев.

Когда великая резня заканчивалась, священники смывали кровь во Дворе, а люди расходились по домам, съемным комнатам и шатрам и готовились к пиршеству. Сквозь тушу барашка пропускали прут из гранатового дерева. Нельзя было сломать ни одной кости, животное следовало жарить в глиняной печи, тщательно присматривая за тем, чтобы ни одна часть не коснулась стенок. Если это случалось, прикоснувшуюся к печи часть следовало отрезать и уничтожить.

Можно вообразить всеобщую деятельность, суету и восторг этого дня, а потом покой следующего, субботнего дня. Паломники хлопотали, готовясь к пиру. Улицы пустели. Каждый владелец дома оставался у себя, чтобы позаботиться обо всех деталях и мелочах. Запах жареного мяса поднимался над Иерусалимом и распространялся в окрестных горах. Последние лучи заходящего солнца на мгновение задерживались на белом мраморе Храма, касались золотых шпилей Святая Святых, а потом исчезали; и с наступлением темноты огни печей на Елеонской горе, где стояли шатры паломников, светились, словно рубины, предвещая костры войск Тита. А затем громко, властно, бесстрастно тишину разрывали римские трубы крепости Антония, оповещая о смене стражи...

«Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью...»[120](#)

Можно представить, как опускается темнота, как медленно появляется над городом полная луна и как Иисус и Его двенадцать учеников спускаются с Елеонской горы и входят в Иерусалим через Водяные ворота. Они идут вниз по крутым улицам, к дому, где их ждет Горница — плоская кровля с навесом или временной крышей.

Величайшие художники мира оставили свое видение этой сцены. Полагаю, фреска Леонардо да Винчи в Милане — самый знаменитый пример. Но ни один художник не смог избавиться от влияния собственного времени и показать Тайную Вечерю такой, какой она должна была быть в Горнице при свете пасхальной луны. Я вспоминаю картину Тициана, кажется, в Эскориале, на которой Тайная Вечеря происходит во дворце, и картину Тинторетто в Венеции, где сцена представлена в обстановке итальянского постоянного двора. Конечно, правда состоит в том, что это была простая восточная трапеза. Там, должно быть, стоял низкий стол, а вокруг подушки, разложенные в форме подковы, так чтобы в определенный момент стол могли убрать, не потревожив гостей, а потом вернуть с новыми блюдами. В старые дни существовал обычай есть пасхальное угощение руками, а к трапезе надевать дорожную одежду, символизируя исход из Египта. Во времена Христа евреи садились к столу в парадных одеяниях и ели, свободно расположившись на диванах, склоняясь налево, что символизировало освобождение из рабства.

Иисус и двенадцать учеников возлежали на подушках, об этом свидетельствует тот факт, что Иоанн, находившийся рядом с Господом, «возлежал у груди Иисуса»¹²¹. Это было бы проявлением плохих манер и

неуклюжести, если бы использовались стол и стулья, но если вы когда-либо присутствовали на восточном пиршестве, то знаете, что откидываться назад, опираясь на соседа, чтобы задать ему вопрос, — дело обычное.

Тишина лунной ночи окутывала дом и Горницу. Когда взошла полная луна, ее свет по косой проникал под навес, отбрасывая зеленоватые блики на белый камень. Там должен был гореть светильник, яркая искра, плавающая в оливковом масле, а вдали высились башни и шпили Иерусалима, в звездном сиянии напоминавшего город мечты. И Иисус сказал: «Примите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов»¹²².

«И, воспев, пошли они на гору Елеонскую».

Есть ли в мировой литературе более полное воплощение покоя, чем в этой главе Евангелия? Последняя неделя жизни Иисуса, как мне кажется, составляла необычный контраст шума и тишины. В одно мгновение крики толпы доносятся до нас сквозь девятнадцать столетий, громкие, жестокие, ужасные; а в следующий момент приходит умиротворенное молчание, и Христос идет с двенадцатью учениками на Елеонскую гору. Есть нечто устрашающее в описании Иисуса перед Распятием. Евангелисты не прилагают к тому усилий. Их интересует только фиксация наиболее важных событий в жизни, и они используют немногие простые слова, но предельный лаконизм повествования передает нечто, находящееся за гранью слов. Доктор Санди отметил: складывается впечатление, «что всегда есть более широкая мысль, которая ждет нашего озарения». Нигде в евангелиях эта «более широкая мысль» не проявляется столь очевидно, как в тот момент, когда Иисус Христос проходит сквозь ненависть и предательство, создавая церковь добра и любви, в

призрачном покое лунного света вступая в Гефсиманский сад.

12

Однажды ночью, когда над Иерусалимом сияла полная луна, я прошел через Сионские ворота и остановился на углу, у стены Храма, глядя на Гефсиманский сад. На темной массе горы отчетливо выделялись все белые известняковые тропинки. Тысячи белесых могил пятнами отсвечивали на склонах, словно скопление облаченных в простыни привидений. Кое-где в лачугах Силоама мелькали огни ламп, а сама гора спала в зеленом, призрачном свете луны.

В древние времена евреи называли ее «Горой трех светов», потому что алтарные огни Храма освещали ее ночью, первые лучи солнца появлялись из-за ее вершины, а растущие на них оливы давали масло для храмовых светильников. Для христиан существовал единственный Свет: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»[123](#).

Я заметил, что внизу, на склонах, прямо над темной расщелиной, где протекал Кедрон, тень отмечала то место, где лунный свет падал на оливы Гефсиманского сада. Маленький сад, за которым ухаживают францисканцы, выглядел в этот момент особенно одиноким, словно клочок тени на голой скале. Лунный свет был настолько ярким, что я мог различить контуры стены, окружающей деревья.

Давным-давно в пасхальную ночь наш Господь сказал: «Посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там»[124](#), затем взял с собой Петра, Иакова и Иоанна и отошел немного в сторону, в тень, укрывавшую от лунного сияния.

Он сказал: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною».

И еще глубже ступил в тень.

Когда Он вернулся, три апостола уснули. Он позвал Симона Петра: «Симон! Ты спишь? Не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна»¹²⁵.

Он во второй раз отошел в тень и молился: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты».

И когда Он вернулся во второй раз, трое апостолов снова спали. Иисус в третий раз отошел в тень, но когда Он вернулся в последний раз, то посмотрел на спящих и сказал: «Вы все еще спите и поживаете?»¹²⁶

Ибо Его час пришел, и Он стоял на свету, в ожидании.

Восемь учеников, которые остались у входа в сад, увидели лампы, раскачивающиеся на шестах во мраке Храмовой горы. Эти фонари показывали, что кто-то спускается в долину Кедрона, а потом приближается к саду. Они поняли, что это ловушка, устроенная римскими солдатами, сандалики которых уже стучали по камням, так как были подкованы гвоздями. Они слышали возбужденное перешептывание евреев. Несмотря на полную луну, приближающиеся люди поворачивали фонари в разные стороны, чтобы осмотреть все пещеры и укромные уголки в скалах.

Иуда, выскользнув из Горницы, направился к священникам и вызвал стражу. Священники должны были обратиться к Пилату, потому что во главе стражи пришел *хилиарх* (тысячник) Двенадцатого легиона, командовавший иерусалимской когортой. Должно быть, солдаты сначала пришли к дому, где состоялась Тайная Вечеря, и, узнав, что Иисус ушел, спустились по крутым улицам квартала Офель, пересекли долину Кедрона по

той же самой дороге, по которой несколькими часами ранее проследовал Иисус.

Как еще объяснить странный и красочный инцидент, который описывает Евангелие от Марка, инцидент с молодым человеком, который бежал обнаженным? Наверное, это был сам евангелист Марк, в те времена почти мальчик. Можно вообразить, как интересовал его великий учитель, который пришел в Горницу дома его матери; и когда он проснулся посреди ночи, увидел явившихся солдат, — вероятно, его разбудил стук в двери, наполнив душу любопытством и страхом. Прикрывшись куском льняной ткани, он выбрался из дома и крался за раскачивающимися на шестах фонарями вниз по склону. Возможно, этот пылкий молодой ум склонялся к мысли поднять тревогу, предупредить Иисуса, что о нем спрашивали вооруженные люди; или, возможно, это было просто обычное любопытство подростка. Его юношеская фигура в льняной ткани тенью следовала за Иудой и отрядом солдат, порой скрываясь в темном месте, когда они останавливались, порой перебегая из одного укрытия в другое. Не замеченный никем, он наблюдал снаружи сада, как Иуда выступил вперед и указал на Иисуса, предав его. Он видел и слышал все. И он слышал слова Иуды: «Радуйся, Равви!»¹²⁷ И ответ Иисуса: «Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого?»¹²⁸

Он слышал внезапный шум и суматоху, видел, как сверкнул в лунном свете металл, когда Петр ударил Малха, слугу первосвященника. И слышал слова Иисуса: «Кого ищете? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: Это Я»¹²⁹.

И когда ученики, за исключением Петра и Иоанна, бежали, молодой человек, оставив свое укрытие, пошел вслед за Иисусом и теми, кто Его пленил, от сада к темной впадине Кедрона. Именно тогда юный

соглядатай был замечен одним из солдат, и Марк рассказывает:

«Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них»¹³⁰.

Кто бы обратил внимание на столь банальный эпизод во время ареста Иисуса, кроме человека, с которым это случилось?

13

Когда Понтий Пилат прибыл с официальным визитом в Иерусалим из Кесарии, он, совершенно точно, не жил в казармах Антонии, отдав предпочтение великолепному дворцу Ирода Великого. Этот дворец после изгнания недостойного наследника Ирода Архелая стал собственностью Римского государства. В Кесарии римские наместники тоже приспособили к своим нуждам дворец Ирода, из которого открывался вид на море.

Пилат был привилегированной персоной. Он был назначен на свой пост Сеяном — человеком, стоявшим у трона Тиберия и оказывавшим реальное влияние на политику императора, он был женат на представительнице правящего дома Клавдии Прокуле, которая как будто приходилась внучкой Августу. Вероятно, эта близость к императорскому дому позволила ему пренебречь правилом, согласно которому наместникам запрещалось брать с собой в провинцию жен. Таким образом, общественная жизнь Пилата отличалась от повседневного уклада обычного наместника; его жена, воспитанная в роскоши имперского двора, Наверное, наслаждалась привилегией принимать гостей в великолепных дворцах, оказавшихся в ее распоряжении в Кесарии, Иерусалиме и Самарии.

В своем главном дворце в Иерусалиме Ирод явно потакал собственной страсти к великолепию и любви к строительству. Дворец был возведен с двумя колоссальными мраморными крыльями, раскинувшимися напротив садов, высоко над городом. В большом зале стояла сотня обеденных кушеток, а комнаты, мощеные дворики и колоннады сияли редчайшими на земле видами мрамора. Старые деревья, сегодня растущие в садах при резиденции армянского патриарха, считаются потомками тех деревьев, которые окружали фонтаны и каналы садов удовольствий Ирода. Вероятно, в этом дворе жили Пилат и его жена Клавдия, когда синедрион арестовал нашего Господа.

Традиция гласит, что Иисус был приведен и поставлен перед Пилатом в претории крепости Антония, где начинается Виа Долороза. И в этом нет никаких сомнений. Пилат судил в соответствии с римским правом в особом зале при казармах, хотя наместник и его жена жили во дворце по соседству.

Если внимательно прочитать четыре евангельских описания суда над Иисусом, одни детали предстанут перед нами с предельной ясностью, а другие останутся темными и неопределенными. Слово здесь, фраза там, — все это бросает вызов нашему разуму, вызывает желание сравнить, сопоставить их, как археолог собирает воедино фрагменты надписи, чтобы реконструировать ее содержание. Одной из загадок остается послание Клавдии к Пилату, направленное рано утром: она умоляла мужа спасти Иисуса.

Из этого рождается идея, что Пилат и его жена разговаривали об Иисусе в ночь ареста. Фрэнк Морисон развил эту теорию, доведя ее до высокой степени вероятности, в замечательной книге «Кто двигал камни?». Он убежден, что Каиафа — единственный человек в Иерусалиме, который мог потребовать неожиданной встречи с римским наместником, — явился

к нему во дворец, ознакомил Пилата с мнением синедриона и спросил, желает ли прокуратор рассмотреть дело рано утром, чтобы казнь можно было произвести до наступления шаббата, то есть до следующей ночи.

«Разве у того, кто знает о вечной особенности женщин, может хоть на мгновение возникнуть сомнение, что подобный инцидент мог произойти так, чтобы Клавдия ничего об этом не знала?» — задается вопросом Морисон.

Есть и другая причина, которую подтверждает одно слово Евангелия от Иоанна, почему Пилат и Клавдия должны были обсуждать события вокруг Иисуса в ночь накануне Распятия. В греческом Евангелии слово, использованное Иоанном для характеристики офицера, возглавлявшего группу солдат, явившихся арестовать Иисуса, — *хилиарх*. Итак, *хилиарх* — греческий эквивалент латинского *трибун милитум*, то есть командир когорты, если только Иоанн не употребляет это слово в общем смысле; это означает, что Анна и Каиафа так боялись власти Христа, — либо того, что Он может сбежать каким-то магическим образом, либо того, что толпа станет защищать Его, — что убедили главнокомандующего войсками в Иерусалиме лично прийти со своими людьми к Елеонской горе. Если все было именно так, это побуждает к любопытной цепочке размышлений.

Хилиарх, или трибун, когорты Двенадцатого легиона, в то время расквартированного в Иерусалиме, был единственным постоянным римским резидентом этого города, близким по статусу к Пилату. Собственно говоря, он был представителем Пилата. Он, несомненно, был хорошо знаком и с Пилатом, и с Клавдией. Разумно предположить, что он обсуждал планы синедриона с заместителем и его женой и рассказал им не только о торжественном входе в Иерусалим, но и об изгнании

торгующих из Храма и о многом другом, имеющем отношение к Тому, Кто «творил добро».

Совершенно бесполезно, хотя и очень увлекательно размышлять о том, какое влияние эти события могли иметь на сознание женщины, которая пыталась спасти жизнь Иисуса. Возможно, она и прежде слышала о Нем. Истории из Галилеи могли достигать ее слуха, вероятно, она была знакома с теми, кто верил в Его божественность. Может быть, она и сама верила. Но, что бы ни происходило той ночью во дворце Ирода, настроение Пилата на следующий день и послание Клавдии, направленное второпях ему в преторию, заставляют думать, что в пустынных залах дворца Ирода Пилат и его жена наедине говорили об Иисусе из Назарета. Мы определенно знаем, что Клавдии приснился сон об Иисусе, и она, проснувшись, в тревоге обнаружила, что Пилат уже ушел в преторию. Она вызвала гонца и написала: «Не делай ничего праведнику тому»¹³¹.

И Пилат прочитал это послание, когда сидел на месте судьи.

14

Евреи признавали четыре основные формы смертной казни: побивание камнями, сожжение, обезглавливание и повешение. Самым обычным было побивание камнями. Камни бросали в жертву с возвышенности, пока человек не умирал. Евреи никогда не распинали живого человека на кресте. Однако есть свидетельство, что допускалось распятие трупов идолопоклонников и святотатцев. Мужчин выставляли лицом к зрителям, а женщин — лицом к кресту, или «дереву».

Казнь через распятие была изначально изобретена на Востоке. Ее практиковали персы, египтяне и

финикийцы. Они также вывешивали на крестах трупы осужденных: так, Поликрат был помещен на крест после казни, которую Геродот счел слишком страшной для описания^[20].

Считается, что римляне усвоили обычай распятия от карфагенян, которые были одними из самых жестоким народов древнего мира. Когда Помпей подавил восстание Спартака, шесть тысяч пленников были распяты вдоль Аппиевой дороги. От такой казни освобождались римские граждане, хотя в Испании и на Сицилии зафиксированы редкие случаи, когда римлян осуждали на смерть на кресте. Цицерон сообщает, что нет слов достаточно ужасных, чтобы охарактеризовать человека, способного осудить римского гражданина на такой конец. Следовательно, распятие было наказанием для рабов и провинциальных злодеев.

Страшная казнь стала достаточно частой по мере роста числа рабов к периоду поздней империи, и кресты стояли за городской чертой как постоянное напоминание рабам, замышлявшим бунт. В провинциях Римской империи распятие могло применяться в отношении лиц, совершивших убийство, разбой, пиратство, мятеж или политический заговор. Иудея была знакома с видом крестов и до, и после времени, когда жил на земле наш Господь. Варр, префект Сирии, распял две тысячи бунтовщиков после смерти Ирода Великого, и неуступчивость еврейских националистов, чей героизм достиг пика в эпоху Маккавеев, зачастую приводил к расплате на кресте.

Когда Тит осадил Иерусалим, все склоны вокруг города покрылись лесом крестов. Иосиф Флавий рассказывает, что солдаты уставали изобретать все новые пытки, а распятия пришлось прекратить из-за нехватки древесины, которая требовалась Титу для строительства осадных машин. Именно поэтому в 70 году н. э. все деревья на Елеонской горе были

вырублены для изготовления крестов и штурмовых лестниц. Позднее, когда евреи противостояли Адриану, император осуждал на распятие по пятьсот человек в день.

Существовало три вида крестов: в форме Х, который еще называют андреевским, потому что именно на таком был распят на Патре апостол Андрей; в форме Т, или крест святого Антония; и наиболее популярный в христианской традиции прямой крест с перекладиной немного ниже завершения вертикального столба.

На основном столбе есть еще и небольшая поперечная дощечка, которую называют подножием. Она принимает на себя вес жертвы, который иначе оказался бы слишком значительным, и распятый не смог бы удержаться только на распростертых руках. Иногда ноги жертвы прибавали к кресту гвоздями, в других случаях просто привязывали их веревкой. Смерть всегда была медленной и мучительной. Распятый оставался подвешенным на солнце, мучимый невыносимой болью, голодом и жаждой, пока палачи не уставали ждать конца его агонии и не ускоряли наступление конца, ломая жертве ноги.

Распятие всегда осуществлялось за городскими воротами, на возвышенных и открытых местах, возле больших дорог, чтобы достичь максимальной публичности агонии осужденного и оповестить всех о том, за какое преступление он подвергается жестокой казни. Обычно на месте казни заранее ставили только основной столб, а поперечную перекладину жертва должна была принести на собственных плечах. Художники ошибаются, когда изображают Христа согнувшимся под грузом целого креста.

Большинство современных художников делают и еще одну ошибку, преувеличивая высоту креста. Считалось достаточным, чтобы ступни жертвы находились чуть выше уровня земли. Если бы крест, на

котором претерпел страдания наш Господь, был таким высоким, как его зачастую рисуют, солдаты не смогли бы подавать распятому губку с уксусом на коротком копье.

В Иерусалиме женское благотворительное общество готовило специальные наркотические средства для тех, кто был осужден на распятие. Это снадобье давали осужденному перед тем, как его распластывали на земле и прибивали руки к перекладине. Источником вдохновения для этой милосердной акции было указание книги Притчей Соломоновых (31:6):

«Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душою».

Есть мнение, что напиток, предложенный этими женщинами, состоял из вина и наркотических компонентов, включая ладан, настойку опия, миро, смолу, шафран и сок мастикового дерева. Это «вино со смиренною», о котором говорит евангелист Марк. Его предложили Христу перед распятием, но «Он не принял»¹³².

В Иудее обычная практика распятия смягчалась в соответствии с иудейским законом, который запрещал оставлять жертву на кресте на всю ночь. Поэтому тела снимали с креста вечером, чтобы не осквернить землю, ведь, согласно Второзаконию, любой, кто принимает смерть «на дереве», проклят. Это объясняет поспешность осуждения и казни Иисуса, ранний час суда у Пилата, то, что стражники поторопились сломать ноги вора́м сразу пополудни. Они так спешили, поскольку в шесть вечера начинался шаббат пасхальной недели.

Самый позорный символ древнего мира стал священной эмблемой христианской веры. Во времена ранней Церкви первые христиане защищали крест от насмешек язычников, указывая на универсальное его присутствие в природе и человеческой жизни: крылья летящей птицы, ветви дерева, поднятые весла галеры,

мачты корабля, ярмо, рукоятка лопаты, нос и брови на человеческом лице и так далее.

«Если кто-то пойдет вслед за мной, пусть отречется от себя и примет свой крест и следует за Мною».

С этими словами крест приобрел новое, славное значение. Символ смерти стал символом Жизни.

Виа Долороза, к счастью, совсем коротка — едва ли наберется тысяча шагов. Она идет от претории до ворот Гинаф. За этими воротами, в нескольких ярдах от городской стены, чуть в стороне от главной дороги из Иерусалима на север, находилось место, называемое Голгофа — «место черепа». Ни в одном из четырех Евангелий нет ни слова, намекающего, что Голгофа — это гора, но само собой подразумевается, что так и должно быть. Первый, кто упоминает это место, — пилигрим из Бордо, посетивший Иерусалим в 333 году, когда шло строительство храма Гроба Господня. Он говорит о «небольшой горе Голгофе, где был распят наш Господь».

После него в течение столетий латинские авторы продолжали называть Голгофу «скалой креста» или «скалой Голгофой», и только в VI веке возникла идея о серьезной возвышенности, и мы можем встретить название «гора Кальварий». Конечно, к этому времени изначальная возвышенность давно была уничтожена архитекторами.

В свете весеннего утра, когда в воздухе над стенами Иерусалима порхают стрижи, которые и сегодня совершают свои стремительные маневры над городом в месяц нисан, три креста были установлены за городской чертой. Те, кто смотрел за казнью издали, прикрыли глаза и замерли, их сердца колотились. Шел час за часом. Солдаты, расположившиеся под крестом, встряхивая игральные кости в шлеме, определяли, кому достанется бесшовное одеяние Христа. Потом они ели

хлеб с сыром, запивали все это кислым вином. Они слышали, как божественные слова сострадания сорвались с губ Человека:

«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»¹³³.

В три часа пополудни члены синедриона пришли к Пилату и потребовали переломить ноги распятых, чтобы тела не остались на крестах до вечера, который — как мало понимали они, что говорят! — был началом нового дня. И солдаты ускорили смерть двух разбойников, «но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней»¹³⁴.

Вечером накануне моего отъезда из Иерусалима я вышел на улицы старого города. Наступала чудная ночь, уже вставала луна. За Дамасскими воротами лестница вела на городскую стену. Поднявшись на бастион, я двинулся в сторону ворот Ирода по узкой тропинке, сделанной в Средние века для лучников.

Луна взошла, заливая город зеленоватым светом. Полное безмолвие воцарилось над Иерусалимом. Каждый купол, башня и минарет отчетливо вырисовывались на фоне неба; каждое дерево стояло в отдельном, маленьком озерце лунного сияния. Иногда сторожевой путь, которым я шел, опускался на уровень ниже, а потом вновь поднимался; иногда я входил в укрытия для дозорных, расположенные на равном расстоянии по всей стене, маленькие каменные комнатки, через бойницы которых я мог различить лунные дорожки, протянувшиеся по городу. Миновав ворота Ирода, я подошел к угловой башне, свернул на юг, потом прогулялся по восточной стене, которая выходит на Елеонскую гору.

Луна стояла над горой, касаясь вершины золотым сиянием, омывая светом все белые дорожки, все оливы, притаившиеся в тени скал. Под луной все казалось особенно тихим. С улиц не доносилось ни звука; внизу

царило неподвижное спокойствие. А за темной полосой Кедрона в лунном сиянии серебрились деревья Гефсиманского сада...

На третий день рано утром Мария Магдалина поспешила к гробнице, и когда она увидела, что та опустела, печаль наполнила сердце женщины; евангелист Иоанн говорит нам, что она заплакала. Но когда она повернулась, чтобы уйти, Некто стоял перед ней, и она услышала Голос:

«Жена! Что ты плачешь? Кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! — что значит Учитель!».

Иисус сразу же обозначил то странное отличие, которое будет проявляться при всех его встречах с апостолами:

«Не прикасайся ко мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему».

Можно вообразить восторг Марии, которая бросилась к ногам Христа и попыталась коснуться Его.

«Иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему»¹³⁵.

В сером свете раннего утра женщина бежала назад — с вестью о том, что Христос воскрес.

ПО БИБЛЕЙСКИМ МЕСТАМ

Введение

Когда я странствовал по библейским местам, собирая материал для книг, во мне возникло и окрепло желание совершить христианское паломничество от Евфрата к Нилу и на Синай, а также рассказать историю становления христианства на Ближнем Востоке. Эта книга — результат моего путешествия.

Земля Ближнего Востока усеяна руинами великолепных церквей, свидетельствующими о неизбывной святости здешних мест, а в мусульманских странах по сей день существуют местные христианские общины, самоотверженно пронесшие верность своей вере через века гонений. И лучшее подтверждение тому — история коптской церкви в Египте.

Г. В. М.

Глава первая

Столпники и паломники

Описание путешествия к церкви Святого Симеона Столпника в Сирии и к руинам паломнического города святого Сергия. Я остаиваюсь в Пальмире по дороге в Вавилон.

1

Было еще темно, когда маленькое грузовое судно вошло в залив Искандерун и бросило якорь в ожидании начала дня.

Меня разбудила тишина — так лондонец нередко просыпается в сельской местности. На мгновение я растерялся, не понимая, что происходит, но потом осознал, что мотор не работает, железные дверцы перестали хлопать, не стучат по палубе стальные набойки и даже глухо урчавший вспомогательный двигатель наконец смолк. К моменту прибытия у меня выработалась устойчивая привычка ко всем этим звукам, и теперь, когда они исчезли, моя защита рухнула и тишина навалилась, как чужак, внезапно положивший мне руку на плечо.

Но все же был один звук, настолько тихий, что пришлось прислушаться к нему: мелодичный плеск воды, облекавшей борта корабля, прикасавшейся к железной обшивке мягко, почти игриво, а затем уходившей в темноту. Я лежал, наполовину проснувшись, наслаждаясь этим звуком. Затем раздался внезапный и совершенно неуместный крик петуха — пожалуй, самый странный звук для моря. Я уже видел

эту птицу. Петух жил среди тощего сирийского скота, размещенного в носовой части судна, и, услышав его голос, я окончательно проснулся; опустив ноги на пол кабины, я испытал трепет, словно снова стал восемнадцатилетним и мне предстояло впервые ступить на землю иного государства. Мы прибыли в Александретту.

Трудно было поверить, что прошло всего десять дней с того холодного январского утра в Англии, когда я отправился в путь до Вавилона. Поезд, корабль, ожидание в иностранном порту, еще один корабль, мимолетные знакомства, случайные подробности чужих жизней, скороспелые приятельские отношения и медленное продвижение к сирийскому побережью на небольшом пароходе, следовавшем вдоль берега, — все это создало серьезный барьер между мною и началом путешествия, так что я едва осознавал, что прошло десять дней, а не десять месяцев. А теперь наступал момент, от которого просто дух захватывало: момент, когда я ступлю на берег Сирии и на машине пересеку горы и пустыню, чтобы посетить Пальмиру, Багдад, Вавилон.

Я вышел на палубу; дул сильный, холодный ветер. Я увидел гору, поднимавшуюся на фоне неба, — она была чернее ночи, у ее подножия горели несколько огоньков, а вокруг простиралось море — темное и пустынное. Еще сияли несколько звезд, но на востоке уже виднелся бледный отблеск рассвета. Я ощутил запах снега. Он лежал повсюду на различных в сумраке горах. Холодный северный ветер дул с высот Таврских гор. Я подумал, что греки, должно быть, надевали в этих краях теплое шерстяное белье. Странно представлять их закутанными по самые глаза, вероятно, страдающими от того, что мерзла голова; но в этих эллинистических городах — Антиохии, Тарсе и других — в январе должен был царить ужасный холод.

Медленно, с усилием, на востоке разгорался свет, а вместе с ним приходило тепло, сияние разворачивалось на небе как веер, отбрасывая желтоватый отблеск на море; а потом над Александреттой встало солнце, и я увидел все горы Сирии, взметнувшие белые головы в тепер уже безветренное утро, потому что с восходом солнца ветер прекратился, а небо стало голубым.

2

Залив Искандерун носит прекрасное и славное имя. Во всем арабском мире Искандер — имя Александра Македонского. Он оставил имя этим водам, а также удаленным местам вплоть до Кандагара; когда он перевалил через горы Тавра и выиграл битву при Иссе, то получил ключи от Востока.

Этот залив — северо-восточная оконечность Средиземного моря. Его воды, теплые и ласковые летом, становятся зимой холодно-синими, на семьдесят миль протянувшись вдоль болот и подножия гор, которые вздымаются мощной цепью, отделяющей Сирию от Малой Азии. Антиох смотрел на залив с высот Таврских гор, а в ясный день с высот виден даже Кипр, лежащий за морем. Это один из древних, затерянных уголков мира. Были времена, когда триремы и галеры из Египта, Финикии, Греции и Рима шли от одного мраморного города к другому, рассекая эти воды, опуская цветные паруса в портах, которых уже давно нет на карте. Регма в Тарсе, куда однажды прибыла под звуки флейты роскошная барка Клеопатры, сегодня представляет собой болото, где гнездятся птицы, а гавань Селевкии, из которой святой Павел отправился в свое первое странствие, теперь стала участком, где вызревают большие фиолетовые плоды инжира. В наши дни залив пустынен, если не считать одиноких судов,

курсирующих вдоль побережья в Мерсину за виноградом и древесиной или следующих древним маршрутом до Кипра, чтобы забрать мулов для сирийского рынка. Веками история вершилась вокруг этого залива, и мы потеряли здесь влияние только во время последней войны, когда наши армии, вместо того чтобы высадиться в Александrette, как первоначально планировалось, направились в Дарданеллы.

Когда я смотрел на горы, окружавшие побережье и залитые утренним светом, мысли мои вернулись к апостолу Павлу, который родился у этих вод, в Тарсе, и так хорошо знал церковь, которая была в Антиохии¹. Должно быть, нередко по утрам святой Павел глядел за море, на горы напротив, размышляя, когда растает снег, открывая перевал, известный как Киликийские ворота. Он, должно быть, глядел на снег и думал о том, как идут дела на равнинах, у галатов, и в какие бесчинства могли они впасть за время его отсутствия. Мне кажется, миссионеры, как матери, должны любить самых непослушных детей, и нет сомнения, что святой Павел, нетерпеливо дожидаясь в Антиохии, пока откроется перевал и море станет судоходным, смотрел на север, где вздымались белыми пиками на фоне неба, словно свадебный торт, горы Тавра, навевая мысли о страстных и суровых упреках, направленных на совершенствование его возлюбленных галатов.

Когда солнце поднялось высоко, воздух стал не таким леденящим и возникло ощущение весны, света и счастья, наполняющих мир, изгоняющих зиму на самые вершины гор. Со стороны маленького, белого и очень турецкого на вид порта Александретта появился катер, набитый теми, кто так разочаровывает при первой встрече с великолепным Востоком, — портовыми служащими. Большинство путешественников по морю гордятся возможностью запечатлеть свой «морской статус» какой-нибудь деталью одежды, соленым жестом

или словцом; но только не те, кто хранит вечную верность бульварам и кафе. Они прогуливаются туда-сюда — стильно одетые, небритые, с зажженными сигаретами, — их парусиновые туфли неуверенно ступают по сходням, словно они в любой момент готовы свалиться в воду. И, тяжело спрыгнув на землю, оперевшись на протянутые навстречу руки, они важно шествуют привычной дорогой в офис сборщика таможенной подати.

Я смотрел сквозь круглый черный люк в борту корабля на слепящее видение залитого солнцем моря, по которому, подпрыгивая на волнах, продвигался примитивный катер с пятью пассажирами, способными украсить представление «Пиратов Пензанса»^[21]. Потом сошел по трапу, и мгновение спустя мы уже двигались по волнам в сторону берега.

3

Александретта выглядела чистой, белой на фоне гор; она лежала на морских болотах. Этот город напомнил мне акватинты XIX века из книг о путешествиях на Восток, которые, хотя и не могут воспроизвести здешний зной, гораздо лучше передают впечатление от этих мест, чем самые качественные фотографии.

Утренние тени черными полосами пересекали меловую белизну улиц: половина города оставалась в сумраке, а другая половина слепила глаза. Ослы, верблюды, горцы на тощих пони переходили из света в тень, торговцы открывали лавки, их фески сверкали, как спелые вишни, они активно жестикулировали и обсуждали повседневные дела с живостью, какую представители иных народов могли бы проявить лишь по случаю наступающего конца света. Смуглые, худые мальчишки подметали в кафе и устанавливали кальяны,

раздували угли в печах, пока сухощавые взрослые арабы, головы которых были туго замотаны, словно от зубной боли, грели руки над жаровнями, поводя плечами, будто это помогало накапливать тепло, которое дарили солнечные лучи, проникающие сквозь скудную одежку.

Я стоял на деревянной пристани, чувствуя, что начало этого путешествия по незнакомой стране будет одним из величайших моментов в моей жизни. Впереди меня ждал золотой день, мне предстояло пересечь горы, равнины и коричневатую пустыню, чтобы добраться до Алеппо. Я планировал через два дня попасть в Пальмиру, а там взять машину, способную пройти по пустыне до Багдада. Я направлялся в ту сторону, чтобы увидеть последние христианские святыни Сирии: Калаат Симан, расположенный на дороге в Алеппо, и Ресафу, город паломников в Сирийской пустыне, о котором по сей день написано крайне мало. Ресафа лежит к юго-востоку от Алеппо, и я думал, что смогу посетить ее на пути в Пальмиру.

Вскоре я сидел в автомобиле, а водитель, маленький мрачный армянин, согласился отвезти меня в Калаат Симан, если дорога будет проезжей, а потом в Алеппо. Громко сигналив, чтобы разогнать с дороги ослов и верблюдов, мы проследовали по улицам города и напрямик помчались к горам. Дорога шла вверх, мы проезжали через ущелья, припорошенные снегом. Сначала это был тонкий белый налет на скалах; затем, по мере того как мы поднимались, он становился все толще, образуя хрупкий наст, который частично таял днем и снова подмерзал ночью; и наконец, приблизившись к вершине, мы увидели свежий сверкающий снег, покрывавший пик над нами.

В горных ущельях, которые мы миновали, в тени царил январь, а на солнце в права вступал июнь. На теневом склоне сосульки свисали на скалах зеленоватой

бахромой; а на солнечной стороне, всего в нескольких ярдах, снег и лед таяли, журчали ручейки мутноватой, зеленой воды, сбегавшие вниз по склону.

Мы встречали крестьян, спускавшихся с горы, лица у них были по-зимнему хмурые; за ними шагали ослы; печальные дети выглядывали из узелков тряпья; а верблюды осторожно переступали с видом исполненных презрения богатых родственников. По мере того как солнце становилось горячее, холщовые обмотки исчезали, мужчины и дети повеселели, и такая быстрая смена настроения к лучшему составляет одно из самых приятных свойств этих людей. Мы миновали горную деревню Белан, словно осиное гнездо прижавшуюся к скалистому обрыву. Деревянные дома стояли уступами, один над другим, полностью покрывая склон. Кругом устремлялись вниз водные потоки. Потом мы добрались до знаменитой Пиле Сирие, верхней точки перевала; внезапно я увидел впереди равнину Антиохии, открывшуюся сквозь узкий проем между скалами.

Она разворачивалась, как карта, несколько дорог темными линиями пересекали страну, которую мне предстояло проехать на пути к Алеппо. Антиохийское озеро, переполненное талой водой, на двадцать квадратных миль раскинулось по равнине; и даже с большой высоты я мог различить тысячи водоплавающих птиц, покрывающих озеро, они волной взлетали с одного конца водоема, чтобы опуститься возле другого берега. На границе протянулась череда гор; Аман — на севере, изгибающийся к западу, в сторону Малой Азии; на юге — вулканический конус горы Кассий, на вершине которой можно найти кальцинированные кости — следы греческих и римских жертвоприношений. Прямо впереди, на востоке, я видел низкие бурые высоты Джебел Симан, находящиеся между равниной Антиохии и пустыней, среди которой лежит Алеппо.

Мы пересекли равнину вдоль берега озера, поднимая в воздух тучи уток. В деревне — кажется, она называлась Йени Шеир — мы вышли на главную дорогу до Антиохии, которая более или менее повторяла старую римскую дорогу от Антиохии до Бероэ, как называли Алеппо греки до того, как мусульмане завоевали эту часть христианского мира.

Хорошо укрепленная, широкая и прямая, эта дорога бежала на восток между полями, где из бурой земли уже пробивались зеленые ряды ростков пшеницы. Покинув плодородную долину Оронта, дорога уходила в дикую скалистую местность, населенную лишь стадами коз. Иногда мы встречали французских полицейских с ружьями за спиной, верхом на арабских скакунах; то и дело попадались группы арабских рабочих, дробивших камень для ремонта дороги.

Если свернуть немного в сторону и проехать между валунами, можно обнаружить следы старых европейских дорог: римской или той, что проложили здесь крестоносцы. И к ним стоит присмотреться. Крупные, хорошо обтесанные камни были изготовлены столетия назад, вероятно, многие из них можно найти в стенах мечетей в окрестных деревнях. Все попытки привнести западную цивилизацию в эту суровую, окрашенную в цвета львиной шкуры страну провалились, и дороги, которые когда-то вели к эллинистическим и римским городам и замкам крестоносцев, давно исчезли.

4

Пока мы неслись сквозь пустынное пространство, я поймал себя на мысли о потерянных городах Северной Сирии. Вероятно, добрая сотня таких руин разбросана по этой малонаселенной стране, и известно о них крайне мало. Здесь стояли христианские города, процветавшие

со времени умиротворения церкви в IV веке, пока их не смыло волной арабского нашествия в VII веке. Здесь были созданы города паломников, группировавшиеся вокруг места поклонения христианскому святому, их можно считать духовными и архитектурными наследниками великой Антиохийской церкви. Несколько странно осознавать, что в первые века христианства толпы паломников из Британии добирались до границ Персии и путешествовали от святыни к святыне. Такие духовные странствия, без сомнения, были возможны лишь потому, что для римского христианского мира не существовало границ, а прекрасные военные дороги предоставляли пилигримам легкий и безопасный доступ к самым удаленным частям Империи. Вероятно, довольно трудно понять, как тысячи мужчин и женщин могли внезапно оставить дома, иногда на несколько лет, чтобы отправиться в паломничество, или как им удавалось собрать средства на такое путешествие; но совершенно ясно, что организация была эффективной и не менее общеизвестной, чем современная система туризма, доставляющая значительные количества людей туда и сюда, но только в те времена она обслуживала нужды христианских странников.

Если попросить кого-нибудь нарисовать портрет пилигрима, наверное, любой без колебаний представит образ маленького человека в широкополой шляпе, к которой прикреплена раковина^[22], а в руке у него длинный посох, — это типичный средневековый паломник. Мы совершенно забыли, насколько долгой является история паломничеств. Ее начальный период падает на византийскую эпоху, когда святая Елена нашла Крест и место Распятия (Голгофы), и этот период продлился до начала крестовых походов. В то время в путь отправлялись греческие и римские паломники, знатные дамы посещали отшельников в египетской пустыне, богатые люди оставляли дома в Риме, чтобы

поселиться в Вифлееме. Затем наступил второй период, о котором чаще всего вспоминают на Западе, он приходится на Средние века, после крестовых походов.

Нам еще предстоит многое узнать о первом периоде паломничества. Многие святые сегодня забыты, а когда-то их имена звучали по всему христианскому миру. Например, в V веке каждый благочестивый христианин знал о том святилище, которое я собирался посетить, — Калаат Симан, место, где провел жизнь Симеон Столпник, сидя на вершине каменного столпа. Паломники шли к нему из Британии и Галлии, из Италии и Испании. Они без особого труда добирались по отличным римским дорогам и наконец прибывали — не в исламскую страну мечетей, а в христианскую Сирию, полную святых, как поле полно маками.

Симеон был первым столпником. Он родился в деревне Сисан, или Сис, на границе Киликии в 338 году, во времена правления императора Феодосия. Его родители были состоятельными христианами. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, Симеон стал проявлять заметное безразличие к физическим удобствам, что показало его предназначение к духовной жизни: одно лето он провел, зарывшись по самую шею в землю в саду. Если это означает, что его руки были тоже засыпаны и он не мог отгонять мух, я совершенно не представляю, как человек способен перенести подобную муку.

Затем он ушел в монастырь неподалеку от Антиохии и, как многие знаменитые аскеты, вскоре обнаружил, что обычные монастырские правила, сколь бы суровыми они ни казались остальным, не представляли испытания для его бескомпромиссной натуры. Он верил, что только полное уничтожение и презрение к телу может освободить душу и в должной мере обратиться к Господу. Он вызвал недовольство других монахов, изобретая все новые виды пыток для себя, включая пояс

с острыми шипами и колючками, раздиравшими его кожу. Он придумал нечто вроде раскачивающихся весов: это был кусок бревна, сбалансированный таким образом, что стоило уснуть во время ночных молений и склониться, как бревно падало на пол.

После девяти лет пребывания в монастыре братии удалось изгнать Симеона. Он перешел в другую обитель, ближе к Алеппо, где попросил запереть его в келье на весь период Великого поста. Монахи согласились, и келью запечатал снаружи Бассий из Эдессы, кажется, помощник епископа, который случайно оказался в тот день в монастыре. Шесть ломтей хлеба и кувшин воды были оставлены в келье, но когда, после поста, двери открыли, Симеона нашли стоящим на коленях в состоянии экстаза, он не тронул ни хлеб, ни воду. Подвиги постничества были подтверждены многими современниками Симеона, но нам они представляются немыслимыми. Он часто обходился вообще без еды, доводя себя едва ли не до голодной смерти.

Затем Симеон сделал следующий шаг — ушел в горы неподалеку от монастыря, надел тяжелый железный ошейник и приковал себя к столпу шести футов высотой, сидел почти неподвижно и никогда не спускался вниз. Со временем он понемногу увеличивал высоту столпа, пока тот не достиг шестидесяти футов. Железные перила вокруг верхней площадки удерживали святого от падения, и его последователи, используя лестницу, приносили самое необходимое для поддержания жизни отшельника. Во время свирепых холодов в течение тридцати сирийских зим и при невыносимой жаре сирийского лета Симеон сидел на своем месте, погружившись в благочестивые размышления. Однажды он решил соорудить укрытие из ветвей, чтобы спастись от палящего солнца, но потом отверг этот замысел как греховную роскошь, сбросил ветви и никогда больше не укрывался от испытаний.

Новости о святом человеке, который сидит на каменном столпе, естественно, стали распространяться по городам и селам даже за границей пустыни. Видения Симеона и чудеса исцеления, которые он творил, привлекали к нему тысячи паломников, христиан и язычников, со всех концов страны. Значение Симеона, его влияние на мир было бы не столь велико, если бы его житие не описал авторитетный свидетель, историк-современник Феодорит, епископ Киррский, лично знавший аскета.

Сидя на столпе, Симеон писал (или диктовал) многочисленные послания, посвященные насущным церковным проблемам, он адресовал их даже императору Феодосию, а потом и следующему императору — Льву. Когда святой тяжело заболел — у него покрылись язвами ноги, — Феодосий предложил ему спуститься со столпа и принять императорского врача. Это послание привезли три епископа, которые добавили и свои прошения к просьбе императора. Симеон поблагодарил их за сочувствие и заботу, но отказался встретиться с врачом или спуститься со столпа. Он отправил посыльных обратно к императору с довольно резким ответом, касающимся государственных дел. Рассказывают, что во время следующего Великого поста Симеон вообще отказался от пищи, и к концу голодания его ноги исцелились.

Ночью и ранним утром он предавался благочестивым размышлениям и молитвам и простирался ниц (ранние христиане молились так же, как современные мусульмане). Один восхищенный наблюдатель оставил свидетельство, что ему удалось насчитать тысячу двести сорок четыре земных поклона, которые совершил святой во время моления. В течение дня Симеон судил и выносил решения по богословским, юридическим и бытовым вопросам, так как у подножия столпа собирались целые толпы. Среди зрителей было

множество кочевников-бедуинов, и некоторые из них обратились в христианство, ведь до рождения Мухаммада оставалось еще более столетия. Из отдаленных концов пустыни они приходили со своими пастушескими спорами и разногласиями в надежде, что святой рассудит их.

Некоторые авторы утверждают, что приближавшаяся смерть — она настигла Симеона в возрасте 72 лет — привлекла к столпу огромные массы, все жаждали услышать последние слова отшельника и получить его благословение; другие рассказывают, что смерть его скрывали, чтобы никто не похитил тело. Вероятно, Симеона бальзамировали, а потом перенесли его тело в составе великолепной процессии в Антиохию и положили в церкви, выстроенной Константином; это случилось осенью 459 года. Император Лев желал доставить мощи святого в Константинополь, но воздержался от этого в ответ на мольбы жителей Антиохии, которые только что пострадали от двух разрушительных землетрясений и надеялись, что присутствие в их городе останков Симеона предотвратит новые бедствия.

Примерно через пятьдесят лет после смерти Симеона, когда Восточная Римская империя находилась в состоянии войны с Персией, было отдано распоряжение доставить голову святого к главнокомандующему Филиппику, чтобы защитить армии на Востоке. Церковный историк Евагрий сам это видел. Он отметил, что голова отлично сохранилась, не хватало нескольких зубов, их вытащили благочестивые посетители святыни, возле головы лежал ошейник, который Симеон носил на протяжении всей жизни, «но не в смерти, в которой Симеон лишился возлюбленного железа», — говорит Евагрий.

Любопытная примета времени, в которое довелось жить Симеону Столпнику: паломники из Франции

принесли ему известие о суровом аскетизме, который практиковала в Париже святая Женевьева; и святой, взглянув вниз со столпа, попросил их передать ей приветствие и просьбу молиться за него.

Мы медленно продвигались вперед, подпрыгивая на ухабах скверной дороги, часто объезжая острые скалы и валуны, лежавшие на пути. Свернув в сторону, мы увидели невдалеке руины Калаат Симан, вырисовывавшиеся на фоне неба. Наступил день: солнце пригревало, небо стало голубым, а когда мы поднялись к развалинам, оказалось, что над ними царит тишина, которой эта церковь не знала во времена своего истинного существования, ныне сменившегося смертным покоем.

Я взобрался на холм, не готовый к тому прекрасному виду, который открылся передо мной. Склон холма убежал в пустынную бурю даль. Сверкая на солнце, особенно ослепительном в середине дня, прогретые коричневатые камни Сирии создавали основание для скелета Калаат Симан, молчаливого и утратившего кровли, — единственный признак того, что эта разоренная плоская возвышенность когда-то была населенной, полной домов, постоянных дворов, харчевен, которыми пользовались пилигримы византийской эпохи. Далеко на северо-западе я увидел синеватые силуэты гор, которые покинул утром, и даже белый, заснеженный острый пик Кассий, возвышавшийся над прочими вершинами.

С западной стороны в церковь Святого Симеона ведет величественный тройной арочный проход, почти не поврежденный временем. Я взглянул сквозь него внутрь церкви — заваленной рухнувшими колоннами и крупными, медового цвета каменными блоками. Чтобы осмотреть ее пространство, я пробирался по этим камням, поражаясь размерам церкви и ее устройству. До

нее на этом холме не было ничего, кроме столпа Симеона, и возвести храм вокруг столпа оказалось далеко не просто. Архитекторы блестяще решили задачу, оставив столп на широком пространстве под открытым небом, он стал центром композиции, организованной в форме греческого креста.

Центральное открытое пространство представляет собой восьмиугольник, образованный восемью двойными арками, которые открывают доступ к четырем «рукавам» креста, так что не имело значения, через какую дверь войти: южную, северную, восточную или западную; внутри посетитель оказывался в центральном святилище, открытом небу, залитом золотым солнечным светом днем и увенчанном черно-синим звездным куполом неба ночью. Если представить себе, что все четыре «рукава» креста были покрыты кровлей, а свет проникал в них из освещенного восьмиугольника в центре, нетрудно понять, что церковь Святого Симеона Столпника в свое время являлась одним из наиболее впечатляющих сооружений в мире.

Архитектуру этого замечательного здания нельзя назвать ни римской, ни византийской. Стиль массивный, но не тяжелый, декоративный, но без лишней орнаментальности. Это стиль, характерный для Сирии. Когда церковь была построена и ее в 560 году посетил Евагрий, Антиохия все еще была большим и величественным городом; и хотя сегодня она исчезла, мы можем обнаружить отражение ее архитектурного блеска в этой церкви, а также в многочисленных, все еще производящих впечатление руинах Северной Сирии.

Одна из неожиданных особенностей этой церкви — каменная платформа, на которой стоял столп святого Симеона, остающаяся в центре восьмиугольного пространства. Вокруг нее — нагромождение камней поменьше, среди которых — кто знает? — могут быть остатки рухнувшего столпа, разбившиеся при падении. Я

задумался: почему французские археологи, столь хорошо умеющие собирать воедино распавшиеся объекты, не попытались восстановить столп святого Симеона, или почему Общество по туризму, действующее на территории Сирии, не настояло на этом? Ведь никто не станет оспаривать тот факт, что, будь эти камни сегодня расположены вертикально, а не горизонтально, место это вновь стало бы широко известным. Паломники прибывали бы сюда толпами, как бывало во дни Евагрия, и властям пришлось бы проложить приемлемую дорогу.

Я без труда могу представить себе, насколько невероятной казалась эта церковь во времена, о которых писал Евагрий; он искренне верил, что здесь обитают духи, и ничуть не сомневался, что видел призрака — проблеск света на галерее восьмиугольника, Евагрий наблюдал его, стоя в толпе сельских жителей, часть которых танцевала вокруг столпа. Но вполне мог присутствовать и другой, более внушительный призрак, которого Евагрий не заметил, — лик святого Симеона Столпника, с бородой, как и при жизни, являвшийся сердцем колонн. Сидя среди руин, я думал об иронии истории: человек, которому требовался только столп в 60 футов высотой, после смерти получил такое количество колонн. И разве так уж невозможно, что бородатая голова столпника время от времени являлась в церкви, в надежде найти того, кому можно было бы на это пожаловаться?

Среди заброшенных руин бродил босоногий арабский мальчик, присматривавший за козами, черными, белыми и рыжеватыми, с мягкими, бархатистыми ушами. Они карабкались по развалинам церкви, жевали зеленые листья травы, прораставшие сквозь трещины, с неутомимой прожорливостью, некогда уничтожившей все насаждения античных и библейских земель. Тут и там животные сталкивались на

узком участке и, опустив безрогие головы, бодались лбами. Козы, мальчик-пастух и руины напомнили мне те печальные картины, которые часто писал Пиранези; я сказал «печальные», потому что многие цивилизации пришли в развитии к тому же итогу: расколотые арки, прожорливые козы, живописные, но совершенно невежественные пастухи...

Осматривая Калаат Симан, безусловно, один из величайших в мире христианских памятников своей эпохи, я думал: просто невозможно поверить, что подобное место, с прилегающими монастырями, обстоятельно выстроенными приютами, с целым городом, возведенным в интересах паломников, было создано в память о человеке, который всю жизнь провел на столпе. Я уверен, у нас нет права критиковать ни святого Симеона, ни его время, потому что нам крайне сложно даже пытаться понять мировоззрение мира, существовавшего в IV веке, мира, бунтовавшего против всего материалистического. После веков преследования христианская церковь вышла на свет дня, и, внезапно избавившись от подавления, христиане выражали свою веру разнообразными, порой весьма эксцентричными способами. В тот век больше думали об ином, горнем мире, нежели о том, в котором мы живем, и, естественно, не находили в поведении столпника ничего эксцентричного; на одного человека, насмехавшегося над святым Симеоном, приходилась сотня тех, кто с восторгом взирал на него и далее — на небеса. Святой всего лишь выражал таким образом идею аскетического движения, распространившегося на Востоке и приведшего изрядную часть населения Египта в пустыни, где люди ходили в рубахах из конского волоса и питались хлебом и водой.

Слава и пример святого Симеона оказались столь заразительны, что Сирия превратилась в страну отшельников-столпников. Они, словно совы, гнездились

на всех подходящих высоких точках, а некоторые находили пристанище в ветвях древних деревьев. Есть письменные свидетельства, что в правление Константина II великая буря в Сирии стала причиной настоящего опустошения среди отшельников, так как ветер сдувал святых мужей с «гнезд» и даже опрокидывал столпы.

Из Сирии этот примечательный культ распространился на Малую Азию, Палестину и Месопотамию, тогда как на Западе известен единственный отшельник-столпник: монах Вульфлаик из Кариньяна в Арденнах, согласно сообщению Григория Турского, соорудил столп, с которого ему приказал спуститься местный епископ. На Востоке изолированные от мира отшельники-столпники встречались еще в XVI веке, а самый последний, по слухам, жил в Грузии в первой половине XIX века. Естественно, мы можем сделать вывод, что такой человек выражал веру, основанную на идеях, изначально пришедших из Индии и эхом отозвавшихся в восточных верованиях и даже в греческой философии; они гласили, что тело и душа находятся в постоянном конфликте друг с другом, и душа достигает свободы, только полностью победив тело. Следовательно, отшельники стремились не к тому, чтобы подчинить страсти с помощью монашеских правил и личной воли, но к их окончательному подавлению. Необычно то, что отшельники и анахореты были не духовными лицами, а мирянами, которые внезапно восстали против материальности, и этот бунт в III-IV веках охватил весь Восток, побуждая многих людей бежать в пустыню в поисках спасения души.

Не менее странно, что физические трудности оказались весьма полезны для здоровья. Большинство отшельников дожили до весьма преклонного возраста. Один столпник сидел на своей вершине до ста лет. Даниил Константинопольский, самый знаменитый

столпник после святого Симеона, тридцать лет провел на столпе и умер в возрасте восьмидесяти лет. Зимой его часто засыпал снег, все вокруг покрывалось льдом, он жестоко замерзал на холодных ветрах, приходивших с Черного моря; однажды пораженный этими условиями существования император Лев послал людей выстроить для отшельника маленькую хижину. Но промерзающий до костей старый святой, сидевший на вершине столпа, отказался «потчевать плоть» таким удовольствием, и посланцы императора вынуждены были отступить. Слабеющее тело взяло верх над теми, кто пытался погубить душу святого, помогая ему прожить подольше.

Мой водитель подошел и сообщил, что нам пора ехать дальше, так как дорога на Алеппо после наступления темноты кишит разбойниками. Я распрощался с Калаат Симан, и вскоре мы уже мчались через безлюдную местность. Солнце тонуло за горизонтом у нас за спиной, озаряя небо розовым цветом фламинго, постепенно переходившим в красный, а затем и в пурпурно-синий. Необычного вида деревушки, типичные для равнины Алеппо, напоминали ряды яиц, установленные в специальную коробку, иногда они лежали совсем рядом с дорогой, иногда проступали вдали, на фоне неба. Опускалась темнота, засияли звезды. Заяц с невероятно мощными задними лапами, напоминавший изображения его собратьев со старинных монет Мессаны, бросился в сторону, испугавшись света фар нашего автомобиля. Затем внезапно мы заметили впереди, на равнине, огни Алеппо.

5

Тем вечером я был представлен молодому бею Алеппо. Можно было бы предположить, что это окажется живописный персонаж с золоченой турецкой саблей до

колен, но времена переменялись, и бей оказался застенчивым молодым человеком во фланелевом костюме и коричневых замшевых туфлях. Его круг интересов был обычен для богатого молодого человека. Он знал Париж и надеялся как-нибудь полететь в Лондон на автошоу.

В разговоре с ним я упомянул, как трудно найти водителя-сирийца, согласного отправиться по пустынной дороге в Пальмиру. Один говорит, что не знает, как туда добраться, или боится заблудиться в песках, другой жалуется на плохую дорогу, а третий соглашается, но требует совершенно невозможную сумму.

— Я сам отвезу вас туда. Мне все равно нечем заняться, — заявил бей.

Я напомнил ему, что собираюсь в путь в четыре часа утра, на следующий день.

— Все в порядке, — ответил он. — Я заеду за вами в четыре утра.

Пальмира расположена почти в двух сотнях миль от Алеппо, если считать по прямой, но я хотел сначала заехать в Ресафу, а это предполагало дополнительный крюк, так что общий путь составлял около трехсот миль. Вероятно, на Западе, если незнакомец под влиянием минутного порыва предлагает подбросить вас до Карлайла, вам покажется совершенно естественным, что затем речь пойдет о вознаграждении. Но на Востоке внезапные поразительные проявления гостеприимства и щедрости восходят к традициям бедуинов, которые готовы поднести путнику последнюю овцу, даже если никогда прежде не видели этого человека, так что неожиданное, искреннее предложение бея следовало воспринимать как пример именно такого отношения. Я был рад принять его помощь и отправился в постель, где меня ждал совсем короткий сон; я чувствовал, что, по

крайней мере в Алеппо, мантия халифов еще не совсем износилась.

На следующее утро, вскоре после того как пробило четыре, за мной заехал бей на маленькой, но мощной машине. На нем был кожаный пиджак, отороченный мехом, бедфордские вельветовые бриджи и ботинки поло. Рядом с ним сидел человек в феске и длинном верхнем кафтане; спутник бея сжимал в руках двенадцатизарядное ружье, а поперек груди у него красовался патронташ.

Я забрался на тесное заднее сиденье, и мы тронулись через спящий город по дороге, большая часть которой пересекала почти безлюдную страну. Присутствуй при нашем отъезде хоть какой-нибудь наблюдатель, его бы наверняка заинтересовала эта картина. Автомобили подобного рода — франтоватые, кремовые с темно-красным — еще мелькают на Елисейских Полях Парижа, обычно за рулем можно увидеть модных дам. Для стороннего зрителя, обладающего фантазией и любознательностью, мы выглядели весьма примечательно: за рулем бей с видом голливудской звезды на загородной прогулке, слуга с ружьем выглядывал в окно, и я сам, словно бледный пленник, томился на заднем сиденье.

Как только мы покинули город, с бея мгновенно слетел рассеянный вид, он весь подобрался. На машине были установлены особые шины и усиленные рессоры — из тех, которые и привели к исчезновению традиционных караванов верблюдов. Когда на дороге попадался серьезный ухаб — хотя на протяжении первых шестидесяти миль трасса была отличной, — автомобиль преодолевал его почти без запинки.

К рассвету мы уже съехали с хорошей дороги, рядом появилась группа хижин и навесов, которая носила имя Мескене; с этого места начинались низкие безлесые

холмы, между которыми виднелись колеи от проезжавших ранее машин. Никогда не забуду Мескене, ведь именно там слуга вдруг обернулся ко мне и произнес: — Эль-Фрат.

Взглянув налево, я увидел льдисто-зеленую реку, петлявшую по пустыне. Это был Евфрат. Каким скромным, каким непохожим на мое давнее представление о Евфрате был этот медленный поток, начинавший здесь свое долгое путешествие по Месопотамии в сторону Вавилона! На протяжении столетий он не раз менял русло. Знаменитая крепость Фапсак, возле которой Ксенофонт в числе Десяти тысяч^[23], а потом и Александр Македонский пересекали реку, лежит всего в нескольких милях от деревни Мескене; теперь там осталось лишь сухое русло, милях в восьми от развалин древней твердыни. Вокруг нас раскинулись руины городов на Евфрате, в которых некогда кипела жизнь, где пересекались торговые пути древнего мира. Эти останки, ныне мертвые, а когда-то стоявшие посреди зеленой равнины, представляли собой в основном песчаные насыпи, а порой виднелись на фоне неба, на вершинах низких холмов.

Местность постепенно менялась. Невысокие взгорья по обоим берегам Евфрата то сближались, то расступались, открывая широкие, ровные долины или оборачиваясь настоящей степью, голой и безжизненной. Единственными их обитателями были огромные стада овец, медленно кочевавшие к западу, да пастухи.

В качестве водителя по пустыне бей показал себя с лучшей стороны. Он обладал быстрой реакцией, решительностью и храбростью: порою он демонстрировал даже чрезмерную отвагу, но все же отлично соблюдал чувство меры при преодолении препятствий. Пересекая сухую, плоскую равнину, он сделал нечто такое, чего я никак не ожидал: внезапно приказал своему спутнику зарядить ружье, прибавил

газ, а затем направил ружье в окно и расстрелял всю обойму по стае пустынных голубей. Эта бойня напомнила мне о Буффало Билле и его знаменитой стрельбе из седла галопирующей лошади.

Затем в течение двух с половиной часов автомобиль мчался на полной скорости по суровой, утомительной для путешествия пустыне, прибавляя темп на ровных участках, преодолевая песчаные подъемы и спуски, прокладывая путь между внезапных завалов камней; иногда, наталкиваясь на шестифутовый обрыв, бей поворачивал назад и искал объезд.

Наконец мы увидели впереди мертвый город. Его окружала стена, сложенная из массивных каменных блоков, а над нею мы могли разглядеть городские строения. Это была Ресафа. С расстояния город выглядел так, как будто в нем все еще кто-то жил, но, подъехав ближе, мы заметили провалы в стене; приблизившись к величественным северным воротам города, мы заметили обломки и песок, засыпавшие их почти до вершины проема.

Что делало это место столь странным, так это полное отсутствие арабов, предлагавших услуги проводников, — они не появились, даже когда мы вышли из машины и подошли к воротам. Казалось, поселение забыто даже этими повсеместными в здешних краях насельниками любых руин. Слуга бея заметил шакала и поспешил с ружьем в его сторону, но я видел лишь впечатляющий византийский город, лежащий посреди пустыни, безмолвный как могила. Мы прошли в ворота, в свое время знакомые со всеми возможными звуками городской жизни. Какими же великолепными они были! Под величественной колоннадой с византийскими капителями и римской аркадой находились три квадратных проема: центральный, самый большой, предназначался для колесного транспорта, а боковые, размером поменьше, — для пешеходов и всадников.

Сначала я подумал, что стены, ворота и все эти руины вокруг мраморные, поскольку белый камень ярко сверкал на солнце. Однако это оказался белый гипс, Бей рассказал мне, что его добывали в каменоломнях в четырнадцати милях от города.

Пройдя сквозь ворота, я увидел весь обширный мертвый город, лежавший в кольце массивных стен. Все, что было мягче мрамороподобного белого камня, давно истлело, однако здания стояли прямо, а церкви высились посреди пустых участков. Бедуины так долго рылись в руинах, что ровные линии улиц нарушились, а вся территория была покрыта ямами и осколками. Очевидно, здесь собирали целыми повозками византийскую и раннюю арабскую керамику, которую продавали скупщикам из Алеппо. Бей сказал, что знал старого араба, сделавшего на этой керамике тысячи франков. Поверх куч мусора лежали красивые обломки переливчатой керамики, которые бедуины оставили, не считая пригодными для продажи; за полчаса я смог набрать целый пакет таких фрагментов.

Забираясь в разрушенные залы, я останавливался в изумлении, пораженный красотой резного камня, очень похожего на рельефы Калаат Симан; я перебирал в памяти то немногое, что было известно об этом городе. Он упоминается в Книге пророка Исаии, когда Сеннахериб в оскорбительном послании к Езекии похваляется, что захватил этот город, а также ряд других². Это упоминание можно дополнить цитатой из Четвертой книги Царств (19:12). В исправленной версии Вульгаты город называют Росеф. Затем в истории наступает долгая пауза, пока в IV веке этот город не возникает вновь как центр паломничества к святому Сергию — которому обычно поклонялись вместе с другим святым, Вакхом. Эти святые мужи были римскими воинами и друзьями, которые умерли за веру в

самом начале IV века; одна из принятых дат — 305 год, когда Диоклетиан отрекся от престола.

Считается, что Вакх принял мученическую кончину на Евфрате, а Сергей — тремя днями позже в Ресафе. По некоторым причинам слава святого Сергия вскоре превзошла известность Вакха, и Ресафа стала расти как паломнический город, поскольку там находилось захоронение святого Сергия. Паломники приходили со всех концов света, чтобы поклониться святым мощам, и, очевидно, благодаря им город Сергиополис, как его стали называть в то время, сделался одной из величайших святынь IV века и оставался таковой вплоть до арабского завоевания.

Как и святой Георгий, святой Сергей был великим святым воином, которого представляли в сияющих доспехах, сражающимся в христианских рядах. Он соединял Ресафу с небесами и даровал ей свое покровительство. Император Юстиниан, укреплявший границы империи, строивший крепости и поддерживавший святилища святых покровителей, направил от имени империи и от себя лично драгоценный крест из золота, инкрустированный драгоценными камнями, к месту поклонения святому Сергию. Также он даровал крупные денежные суммы для строительства стены вокруг города и для украшения церквей, так что в истории Ресафы сохранилась та же дата, что и в хронологии монастыря на горе Синай, — 530 год.

Расположенный прямо на пути персидского натиска на Византийскую империю, этот город, должно быть, имел весьма беспокойную жизнь и многократно отражал атаки вражеских войск при помощи своего святого покровителя. Некоторые указания на славу святого Сергия включают в себя странный факт: одним из величайших его почитателей был Хосров II, царь Персии, знаменитый правитель-язычник той эпохи. Во время

внутреннего кризиса Хосров обратился за помощью к святому Сергию и обещал поднести ему в дар золотой крест. И он не только исполнил свой обет, но и вернул в Ресафу золотой крест Юстиниана, который ранее был похищен во время персидского набега в правление Хосрова I. Второй раз персидский царь обратился к святому Сергию, когда одна из его жен ждала ребенка — он уповал, что сына. Желание царя осуществилось. Чтобы выказать благодарность, персидский правитель послал священникам Ресафы многочисленные ценные дары, включая богатые сосуды, которые использовались на службе в церкви, на них было написано имя царя. По обрывочным упоминаниям об этих примечательных делах, сохранившимся в трудах Евагрия, можно предположить, что в лице Хосрова II христиане утратили весьма многообещающего кандидата на обращение.

Подобные истории помогают нам понять, сколь мощное влияние имели эти паломнические святыни в V–VI веках. О чем только ни просили святого: победа в войне, дети, богатство, здоровье. А языческие монархи подтверждали, что щедрость святого изливалась и на тех, кто не придерживался христианской веры. Вскоре культ святого Сергия распространился по всему Востоку, а в VI веке в этой части мира он рассматривался как самый важный святой после апостолов. Его слава добралась до Франции, где Григорий Турский утверждал, что слышал, как царь Востока отправился на битву с реликвией святого, привязанной к руке. Стоило ему подмять руку, как ход сражения сразу поворачивался в его пользу. Существует описание двух «огненных чудес». Однажды, когда пламя вспыхнуло в Бордо, выяснилось, что дом некоего сирийца уцелел в пожаре, и тогда стало известно, что там хранилась реликвия святого Сергия. В другом случае, когда собирались сжечь на костре еврея, в языках пламени явился всадник в сияющих доспехах, которого

мгновенно опознали как святого Сергия, он скакал вокруг жертвы, защищая несчастного, а потом извлек еврея из огня на глазах людей, пораженных страхом и жалостью.

Когда смотришь на Ресафу, лежащую посреди безводной пустыни, легко забыть, что когда-то она стояла на перекрестке основных торговых путей, а в городе и его окрестностях проживало множество людей. Ресафа находилась на караванном пути между Пальмирой на юге и Дура-Европосом на юго-востоке. Едва ли проходил день, чтобы новые путники не прибывали в стены города. Паломники и другие странники, желавшие найти ответы на свои молитвы у могилы святого, быстро разносили вести о славе святого Сергия, доходя до Рима и Босфора на западе и до Персии на востоке. Нетрудно понять, почему святой Сергий воссоединился со своим другом святым Вакхом, пересек Средиземное море и получил признание у западной церкви. В Риме и Шартре строили посвященные этим святым храмы. Современный гость Стамбула, входя в юстиниановскую церковь Святых Сергия и Вакха, зачастую недоуменно спрашивает, кто такой Вакх.

Руины Ресафы никогда по-настоящему не исследовались, и я верю, что они еще могут открыть нам свои тайны. Я вошел в лишившийся крыши зал, обильно украшенные арки которого вздымались в открытое небо. Это было место мученичества святого Сергия. На некотором расстоянии от него, в юго-восточной части города, виднелись величественные развалины большой церкви Святого Сергия, прекрасный неф и почти идеально сохранившиеся апсиды, но, как и все здания Ресафы, они были засыпаны толстым слоем обломков. Святого похоронили перед высоким алтарем, в крипте, в которую можно пройти по двойной лестнице. Эта часть церкви представляла собой хаос обрушившихся камней,

на которых росли трава и сорняки; можно различить устройство святилища, но невозможно проникнуть в склеп через заваленные проходы. И здесь снова, как и в Каллат Симан, я почувствовал, что великолепно украшенная сирийская архитектура компенсирует нам исчезновение Антиохии. Пожелай кто-либо узнать, как выглядела Антиохия в VI веке, думаю, посещение Баальбека, Калаат Симан и Ресафы отчасти предоставит возможность вообразить утраченный город.

Мы осмотрели массивные стены, окружавшие Ресафу и почти полностью уцелевшие до наших дней. Можно пройти несколько сотен ярдов по сторожевой линии и заглянуть в караульные помещения, где располагались византийские гарнизоны, наблюдавшие за пустыней. Руины высились тут и там по всей городской территории, можно было рассмотреть четыре огромных, сводчатых подземных цистерны для сбора дождевой воды, — полагаю, каждая из них высотой равна апсиде Вестминстерского аббатства.

Пока мы их разглядывали, наружу выбралась группа бедуинов, они расселись, поставив ружья между колен. Бей быстро с ними договорился, и угрожающий вид местных жителей мгновенно сменился детскими улыбками и смехом, когда они принимали от нас сигареты. Это довольно дикий народ, очевидно, потомки племен, некогда доставлявших путешественникам в Пальмире те же трудности, с которыми пришлось столкнуться прибывшим сюда лет пятьдесят назад европейцам. Почти все описания визитов в Пальмиру в период странствий на лошадях и верблюдах включают упоминания об опасности попасть в плен к бандам всадников с копьями (а потом и с кремневыми ружьями).

Одно из наиболее запоминающихся впечатлений от современной пустыни — глаза бедуина, который заглядывает в машину, столь доступный и соблазнительный предмет грабежа, но ничего не

предпринимает. Так мой кот смотрит на блюдо с рыбой, которое проносят мимо него и ставят на стол.

Бей сказал мне, что до Пальмиры еще часов шесть пути. До войны путешественники вынуждены были брать с собой палатки, приглашать *драгомана* (проводника-переводчика), группу слуг, эскорт турецких солдат и обзаводиться консульским разрешением на проезд, которое действовало только в том случае, когда племена находились в состоянии мира; на все путешествие уходило не менее пяти дней.

Мы мчались по пустыне, иногда взбираясь на скальные возвышенности, иногда три-четыре минуты кряду шли на скорости 80 км в час. Не было никакой дороги, если не считать следов ранее проехавших автомобилей. Внезапно появились три грузовика, медленно продвигавшиеся один за другим, за рулем сидели арабы, груз был тщательно накрыт брезентом. Я заинтересовался, что они могут везти.

— Трюфели! — объяснил бей. — Они растут в пустыне после дождя, и бедуины их собирают. Машины объезжают пустыню и забирают товар.

То, что эта голодная страна может иметь какое-то отношение к ресторанам, показалось мне совершенной фантастикой. Наблюдая за гурманами в модных ресторанах, которые нахмурившись просматривают меню, я часто думал, как мало мы знаем о невероятной организации, существующей для поставки на столы исключительных блюд и деликатесов, и о том, что ни один глава ресторана, имеющий дело с капризными и требовательными клиентами, не допустит мысли, что отсутствие омара может быть вызвано, например, сильным штормом. Вероятно, владельцы и управляющие ресторанов считают, что все эти богатства падают с небес; и если какой-то редкий продукт не поставлен в срок, это своего рода вызов поставщиков. Трюфели

посреди сирийской пустыни! Вообразите удивление потребителя этих грибов, доведись ему вообразить за спиной официанта процессию бедуинок, собирающих трюфели, детей, которые помогают матерям, шейха, торгующегося с оптовиком, шоферов-арабов, с лицами, до самых глаз закрытыми платками, разнообразных греков, евреев и армян, получающих комиссионные, и все это до того, как трюфели окажутся в непосредственной близости от шеф-повара.

— Кто эти люди? — воскликнул бы такой посетитель ресторана в тревоге и смятении.

— Сэр, вы заказали трюфели. Они собирают и доставляют их вам...

Мы ехали по безлюдной местности, и я постепенно понимал, почему Пальмира столь долго оставалась затерянной в пустыне. Хотя арабы часто рассказывали о чудесном заброшенном городе в песках, число колонн которого превосходит желания человека, никто не обращал на это внимания, пока в 1678 году туда не отправились из Алеппо английские купцы. Они были первыми европейцами, которые после арабского завоевания увидели Пальмиру. Они вернулись в 1691 году, среди путешественников был и доктор Уильям Галифакс, который оставил письменный отчет о городе в «Записках Королевского общества». Но действительно вернули Пальмиру свету два других англичанина — Роберт Вуд и Джеймс Доукинс, которые посетили руины в 1751 году и опубликовали внушительный том, полный чудесных гравюр, — «Путешествие в Пальмиру, или Тадмор в пустыне». Книга Вуда и Доукинса, переведенная на множество европейских языков, без сомнения, помогла создать распространившуюся в начале XIX века романтическую моду на воительницу и царицу Пальмиры Зенобию, прежде тихо угасавшую на страницах трудов Поллиона^[24].

Самым странным посетителем Пальмиры была леди Эстер Стэнхоуп, первая женщина, проникшая в тайны древнего города. Она услышала о Пальмире от путешественников, прибывавших из Сирии, и купила книгу Вуда и Доукинса, которую ее арабские помощники, естественно, приняли за план захороненных сокровищ. В воспаленном сознании сей дамы возникла идея, что ей суждено судьбой превзойти славу Зенобии и восстановить разрушенный город, вернув ему былой блеск. 20 марта 1813 года, облачившись в костюм арабского шейха, она в сопровождении арабских стражей отправилась в Пальмиру из своей крепости в сирийских горах. Вожди бедуинских племен, которым хорошо заплатили за обеспечение ее безопасности, горячили лошадей, окружая леди Эстер со всех сторон, сжимали в руках копья, украшенные сверху пучками страусовых перьев. Сорок нагруженных верблюдов шли в хвосте кавалькады.

Среди странностей, которые были рождены тщеславием леди Эстер, можно назвать королевское налогообложение в тысячу пиастров с каждого европейца, посещающего руины Пальмиры. Естественно, шейхи были очарованы такой идеей. На самом деле налог был установлен, чтобы удержать других путешественников от вторжения на территорию заброшенного города.

Ближе к вечеру бей снял руки с руля, указал вперед и произнес арабское имя города: «Тадмор!»

Вглядевшись в даль, я заметил конический холм, увенчанный крепостью. У подножия холма повсюду виднелись колонны цвета яркого, освещенного солнцем песка, они стояли и лежали, словно кости какого-то фантастического, могучего существа, скончавшегося в пустыне.

Арабский мальчик ехал верхом на белом осле по главной улице Пальмиры, которая в давние времена предназначалась для торжественных процессий и для прохождения богатых караванов из Парфии. Он пел одну из тех тягучих, жалобных песен, которые исполняют арабы, закрыв глаза и откинув голову назад, и каждый раз, как копыта осла ударяли по камню, в жарком воздухе повисала на мгновение звонкая, резкая нота.

Кроме поющего араба и его осла, следующих по улице, которую пересекали темные тени от стоячих колонн, вокруг не было ни души. Повсюду лежали останки Пальмиры: величественная арка, храмы, разбитые мостовые; город-призрак раскинулся посреди золотой пустыни. Порой, когда путешествуешь по пустыне, даже сегодня, в эпоху автотранспорта, наталкиваешься на скелет верблюда, частично засыпанный песком. Пальмира выглядит именно так: длинный эллинистический позвоночник — главная улица, ребра раскинулись налево и направо; руины очищены временем, за века выбелены солнцем до оттенка светлого меда.

Это прекрасный пример романтических руин, которые так любил XIX век. Столь безопасный и столь терпимый к несчастному прошлому, этот век мог созерцать Пальмиру, да и любые другие развалины древних городов, со спокойной отстраненностью. Упавшие колонны и рухнувшие капители казались случайным посетителям удобным местом для отдыха: на них можно было сидеть и сочувствовать павшим цивилизациям. Но путник нашего, гораздо менее надежного века не способен избавиться от мысли, что после тяжелой бомбардировки лондонская

Бельгравия^[25] на ярком солнце быстро превратилась бы в подобие Пальмиры.

До конца дня я бродил по развалинам города, поскольку бей уехал дальше, в Дамаск, где у него были дела, он отказался остаться даже на час. Триумфальная арка, соединявшая «улицу колонн» с гигантским храмом Ваала, показалась мне одним из самых изысканных и роскошных образцов сирийской архитектуры, который я когда-либо видел. Она примерно на двести лет старше паломнических церквей Сирии, но в ее декоре можно заметить сходство с украшениями христианских строений, которые новые архитекторы использовали для богатых рельефов церковных дверей и окон. Они резали камень так, словно это было мягкое дерево.

Пальмира представляет собой странные руины. Здесь бродят призраки не святых и воинов, а купцов. Ее история связана с торговлей. Существует легенда, что город возник как «Тадмор в дикой пустыне», а Библия называет его одним из городов, выстроенных Соломоном, причем арабы сохранили имя Тадмор до сих пор. Если это Тадмор Соломона, он был создан для охраны караванов, в стратегическом пункте пересечения двух торговых путей, ведущих к морю: один шел от Персидского залива, другой — из страны царицы Савской. Сегодня от города Соломона не осталось ничего. Руины принадлежат более позднему поселению, которое достигло максимального расцвета около 270 года и пришло в упадок из-за амбиций своей правительницы Зенобии.

Она вошла в моду в XIX веке. Если современный биограф решится оживить память о ней и она вновь вернется к жизни, то следует помнить: даже Гиббон говорил о ней в самом доброжелательном тоне. Она была женщиной с невероятно сильным характером, управляла необычной плутократией Пальмиры именно в те времена, когда этой системе подходил конец.

Население города было наполовину арабским, отчасти, вероятно, еврейским, отчасти персидским. Это был странный, смешанный по крови город, в котором жили баснословно богатые купцы, скопившие состояния на контроле за восточными караванными путями. Постоянная река золота протекала вдоль центральной колоннады Пальмиры. Люди жили в городе посреди пустыни, но держали корабли в итальянских водах; другие богатые купцы контролировали индийскую шелковую торговлю; а их финансовые предприятия были разнообразными и разветвленными, как любые международные дела. Результатом такой деятельности стало то, что местные дома были богаче, больше и роскошнее, чем жилища состоятельных торговцев Делоса.

Но эти люди были достаточно разумны, чтобы заботиться о собственной безопасности и содержать армию горных лучников, набранных в основном из числа бедуинов пустыни. Их военные успехи предвещали будущие победы кавалерии других поколений, собранной под знаменем Пророка. Пальмирские воины привлекались и в римскую армию, а некоторые даже несли службу на Римской стене (вал Адриана) в Британии. В Свободной библиотеке Саутшилда хранится надгробие, найденное в римском лагере; оно принадлежало женщине по имени Регина, жене Барата из Пальмиры. Ее изобразили на камне сидящей в алькове, выполненном в стиле пальмирской архитектуры: его поддерживают две богато украшенные колонны того самого типа, что в изобилии находят среди развалин города.

В правление Зенобии Рим вздрагивал под ударами варваров — как на западе, так и на востоке, и Пальмира, верный вассал Рима, ощутила возможность набирать силу как самостоятельное государство, контролировавшее собственные границы. Когда

император Валериан попал в плен к персам — это единственный римский император, когда-либо оказывавшийся в плену, — Пальмира и все пограничные районы поверили, что великая империя вот-вот рухнет. Зенобия внезапно отбросила видимость верности Риму и объявила себя независимой царицей Востока. Она захватила Египет и разместила гарнизоны на севере, возле Анкары, вплотную приблизившись к Европе. Но она не допускала, что в Риме власть может взять в руки сильный лидер, который наведет порядок в империи. Император Аврелиан вскоре прошел маршем по Малой Азии и осадил Пальмиру. Зенобия бежала на верблюде к Евфрату, но ее взяла в плен римская конница, царицу доставили в Рим и провели — в золоте и драгоценностях — в триумфе Аврелиана. Последние, мирные годы жизни Зенобия провела как уважаемая римская матрона на вилле в Тиволи, которую ей подарил император. Дети Зенобии благополучно вступили в брак, и когда в следующем столетии Требеллий Поллион писал ее биографию, поместье в Италии все еще носило имя Зенобии. Но Пальмира так никогда и не оправилась от поражения. Жизнь постепенно ее покидала. Великолепные дома обращались в руины, прекрасные храмы пустели. Золотые сны закончились, и пришло время, когда все забыли о существовании Пальмиры.

Я прошел центральную колоннаду, разделявшую город пополам, из конца в конец. В дни своей кратковременной славы Зенобия должна была проезжать здесь много раз в день. Около четырехсот колонн стояли некогда по обеим сторонам улицы; сохранилось сто пятьдесят. Великолепная улица упиралась одним концом в большой храм Ваала. После Баальбека этот храм является самыми крупными руинами в Сирии. Французы расчистили его от арабских хижин, которые занимали почти всю территорию

святилища, и теперь можно рассмотреть развалины этого поразительного сооружения.

Это изумительный восточный храм, выстроенный из огромных блоков желтоватого камня. Стены чуть наклонены внутрь, как у египетского пилона или у нижнего яруса вавилонской храмовой башни. Очень типично для Пальмиры, что этого восточного гиганта окружали изящные эллинистические колонны, которые, как ни странно, устояли, несмотря на общую разруху. Очевидно, эти колонны добавили к старому зданию, поставленному гораздо раньше, вероятно, во времена Зенобии: она могла пожелать, чтобы храму придали более «цивилизованный», греческий вид.

В воротах храма я встретил сторожа-араба, который предложил показать мне могилы. Он побежал за ключами, поскольку самые красивые захоронения благоразумно находятся под замком, и мы вместе отправились по развалинам города в сторону низких холмов на западе, где увидели довольно много массивных каменных строений, напоминавших квадратные в плане церковные башни, разве что некоторые из них немного сужались кверху. Сторож-араб рассказал мне, что там сохранились подземные склепы и захоронения в башнях. Подземные склепы по большей части спрятаны под песком, но иногда верблюды наступают на их кровлю и она проваливается, и тогда находят, по словам сторожа, «очень интересное». Он заверил, что ненайденными остаются еще сотни могил, именно сотни; и поцеловал кончики пальцев, жестом изобразив настоящее изобилие.

Он открыл замок на двери, и я прошел в темное помещение, заполненное теплым воздухом. Ряды могил вырезаны в стенах, как полки для размещения тел, их вид напомнил мне о винных погребах в подвалах викторианских домов. Я чиркнул спичкой и увидел, что в некоторых нишах все еще остаются кости. Свет,

проникавший внутрь через дверной проем, позволял разглядеть странную картину. Я впервые увидел жителя Пальмиры. Он был вырезан в полный рост из белого известняка, стоял, склонившись на крышку своего саркофага. Это был хозяин могилы и родоначальник семьи, захороненной в склепе, чисто выбритый человек средних лет с пристальным взглядом. Его лицо и все тело словно изготовил из камня отстающий студент-первокурсник скульптурной школы. Он опирался на богатые подушки и ковры, будто находился на пиру. На нем была шляпа без полей, напоминающая феску, а вокруг нее венок; длинная туника, вероятно, из шелка, ложилась складками по телу, а на ногах были тонкие брюки из того же материала, присобранные на коленях. Еще на нем были котурны из мягкой кожи, богато расшитые или покрытые узором, нанесенным иным способом.

Это был не случайно переселившийся в город перс, а настоящий гражданин Пальмиры римского периода. Мы посетили и другие склепы, во многих находились подобные фигуры, у некоторых в руках были кубки для вина. Женщин изображали лежащими или сидящими, на них были богатые украшения и платья римского кроя, часто еще и накидки на головах. Скульпторам хорошо удавались ювелирные вещи. Каждый камень, каждое обрамление, детали серег и браслетов были вырезаны с невероятной тщательностью, словно женщины намеревались носить призраки своих драгоценностей в ином мире. У меня возникло впечатление, что толпа восточных людей, часть из которых подражала римлянам, была привержена своим кушеткам и подушкам, винным кубкам, шелкам и драгоценностям. При этом пальмирцы были весьма симпатичны. За ритуальной жесткостью скульптурного стиля различались живость и ум тех мужчин и женщин.

Эта смешанная раса с удовольствием тратила деньги на греческих архитекторов, гордилась возведенными колоннадами и строениями, которые, без сомнения, все расширялись и украшались, становились все дороже, превосходя дома Антиохии. Но когда речь идет о глубоко интимной тайне смерти, трогательная искренность заставляла их нанимать собственных художников для создания надгробных портретов. Странно было покидать роскошные эллинистические руины Пальмиры, которые могли бы принадлежать грекам, и спускаться во мрак подземных склепов, где обнаруживаешь необычный народ полуперсов, покоящихся на кушетках в шелковых панталонах. Огромные богатства подняли их на равную высоту с модным миром, которому они стремились публично подражать, но смерть возвращала к реальности; перед лицом могилы они не пытались уже выглядеть греками.

Захоронения в башнях оказались весьма необычными; этаж соединялся с этажом каменной винтовой лестницей, и каждый был населен мертвецами. В одной из башен ко мне присоединился молодой араб в типичном платке-кеффие, синем саржевом пиджаке, длинной рубашке-галабие и новых коричневых туфлях. Я понятия не имел, откуда он взялся, поскольку, когда я вошел, место казалось совершенно пустым. Он сказал мне, что служит поваром в семье французского офицера, ведь ныне в Пальмире расположен французский аэродром.

Глядя на него, я подумал, что он напоминает более худую, арабизированную версию того первого мужчины из склепа, может быть, его отдаленного предка. У него было странное, озадачивающе неподвижное выражение лица — полагаю, и ум его пребывал в такой же малоподвижности. Неужели беспокойное желание видеть мир — продолжение старой тяги к караванным путям? «Сколько получает повар в Англии?» — внезапно

спросил он. Я ответил: вероятно, очень хороший повар зарабатывает около фунта в неделю. Он вскочил и закричал:

— Я поеду с вами в Англию! Я отправлюсь туда сегодня вечером! Все, что я получаю здесь... — И он назвал сумму в сирийских деньгах, эквивалентную пяти шиллингам в неделю. — В Англии я разбогатею. Сэр, я умоляю вас... возьмите меня с собой в Англию!

Я много раз слышал, как трудно найти хорошего повара, но это уж было слишком. Остаток дня я ломал голову, как от него избавиться. Он повсюду следовал за мной, умолял нанять его, обещал готовить огромные количества еды, которые просто никто бы не смог поглотить. Вечером, с наступлением темноты я услышал постукивание в окно отеля и увидел белую фигуру и лицо моего араба, прижавшееся к стеклу, — он загадочно кивал и шевелил губами. Я вышел на улицу. Он тяжело дышал, словно только что пробежал длинную дистанцию. Вероятно, он приготовил и подал ужин для французской семьи, которая пребывала в пресыщении и не могла заметить его отсутствия.

— Когда вы едете в Англию? — торопливо прошептал он.

— Нескоро, — ответил я как можно мягче, потому что его возбуждение несколько смущало меня. — Завтра я отправляюсь в Багдад, — и я тут же пожалел о сказанном, испугавшись, что он решит присоединиться ко мне.

Но он лишь обреченно вздохнул, а затем просиял.

— Тогда вы напишете мне, и я приеду, — заявил он, всовывая мне в руку клочок бумаги с именем и адресом. А затем развернулся и исчез в темноте.

Внезапно воздух, уже заметно остывший после заката, показался мне почти ледяным. Зима, распространение которой над горами Тавра я уже видел,

проникала студеным дыханием в сирийскую пустыню. Я укрылся всеми одеялами, которые отыскал в комнате, и лег спать одетым. Взглянув в окно, я увидел Пальмиру, раскинувшуюся в белом свете звезд. Она была безмолвна и недвижна. Колонны вздымались над руинами, словно мраморные призраки. Я подумал о мужчинах и женщинах, лежащих под землей на резных кушетках, словно на последнем пиршестве, и мне показалось, что этот город обладает тем же грустным пафосом, что и все тихие места, хранящие память о надеждах и желаниях человечества.

Глава вторая

Багдад: цитадель шиитов

Я пересекаю пустыню в направлении Багдада и по пути обнаруживаю странный кусочек Англии посреди дикости. В Багдаде я встречаюсь с христианами-халдеями. Я посещаю священный для мусульман-шиитов город Кадиман, вечером меня везут посмотреть на шествие шиитских флагеллантов по улицам Багдада.

1

Рано утром я увидел стоящий под окном длинный, явно дорогой автобус. Он был покрыт тонким слоем коричневатой пыли. На боку красовалась надпись: «Нейрн — Транспортная компания». Это была утяжеленная и удлинённая версия машин, которые можно видеть на английских сельских дорогах. Автобус сделал специальную остановку в Пальмире, чтобы забрать пассажиров, но обычно он напрямик идет из Дамаска в Багдад.

Я вышел в холл отеля. Несколько замерзших пассажиров пили турецкий кофе и выглядели в точности как их предшественники с гравюр Алкена, путешествовавшие почтовой каретой. Однако вместо полногрудых девиц со старых иллюстраций подносы разносил заспанный арабский мальчик в полосатой *галабие*, предлагавший гостям местный хлеб и тарелку медовых сот цвета темного шерри. Плита наполняла комнату едким дымом от горящих дров.

Широкоплечий мужчина примерно шести футов ростом сидел за столом управляющего, заполняя

официальные бланки. На нем были фланелевые брюки и кожаный пиджак для гольфа. Когда он поднял голову, я увидел, что это один из тех крупных мужчин, которые всю жизнь таят в себе душу школьника. Он попросил у меня паспорт, выяснилось, что он — водитель рейсового автобуса на Багдад, все называли его Длинный Джек.

Мы выпили по чашке кофе, и он рассказал, что родился в Веллингтоне, в Новой Зеландии, а в Сирию приехал в возрасте одиннадцати лет. Братья Нейрн, Джерри и Норман, тоже были уроженцами Новой Зеландии. Во время войны они служили в Палестине, а затем создали компанию по организации транспортного сообщения в пустыне. Они предоставили Джеку работу шофера, он уже не мог сосчитать, сколько раз проехал из Дамаска в Багдад и обратно! Вошел сириец и что-то прошептал ему на ухо.

— Мой товарищ, — пояснил мой собеседник. — На каждую машину, следующую через пустыню, у нас приходится два шофера. Один спит, пока другой ведет автобус, таким образом мы можем ехать всю ночь.

Он встал и громко обратился к пассажирам:

— Все на борт!

И мы вышли на яркий утренний свет.

Раздался мощный рев мотора в 75 лошадиных сил, и автобус мягко тронулся в путь мимо развалин Пальмиры. Еще не пробило восемь. В Багдад мы должны были прибыть на следующее утро.

2

Расстояние между Дамаском и Багдадом составляет 527 миль, и автобус компании «Нейрн» проделал этот путь за 24 часа с двумя официальными остановками: в крепости Рутба, на полпути, и в Рамади, на иракской пограничной станции. До того как пустыню стали

пересекать автомашины, путешествие можно было совершить лишь с караваном верблюдов, и на это порой уходило до двух месяцев. Не знаю, удалось ли двум уроженцам Новой Зеландии, организовавшим это транспортное предприятие, склотить состояние, но невозможно отрицать, что они творили здесь историю.

Длинный Джек дал мне листовку с печатной информацией о компании, и я с интересом прочитал ее, устроившись на своем месте в автобусе. Это была лучшая рессорная машина, на которой мне доводилось путешествовать, потому что огромный автобус, весом не менее двенадцати тонн, почти чудесным образом преодолевал многочисленные ухабы на дороге со скоростью 30 миль в час. Я устал смотреть вперед на весьма непримечательное шоссе в ожидании очередной ямы, ведь никогда не знаешь, когда в очередной раз тряхнет.

Я сидел на переднем сиденье, сразу за спиной Длинного Джека, который вел машину. У него было высокое сиденье, словно от трактора, он крепко сжимал руками рулевое колесо, раза в два превышающее обычное. Единственным признаком того, что мы пересекаем совершенно дикую страну, было ритмичное покачивание крупного тела водителя вверх-вниз, потому что рельеф местности был действительно неровным.

Огромные электрические вентиляторы были установлены над водительским сиденьем и обращены к пассажирам, а окна имели плотные шторы, позволявшие защититься от солнца, — отличное напоминание о жаре, которая наступит позже, в другой сезон. Все кресла были сделаны из стальных труб, элегантно изогнутых и обтянутых, и откидывались назад, так что пассажиры имели возможность почти лежать. Это обеспечивало комфорт при ночной поездке.

Я с интересом углубился в чтение и узнал, что первое путешествие по пустыне на рейсовых автобусах

произошло в апреле 1923 года, когда два «бьюика» и два «доджа» проделали путь за четыре дня — насколько я понял, с большими трудностями. Осенью того же года на маршрут вышли «кадиллаки». Из-за восстания друзей трассу пришлось изменить, поскольку одна из машин была атакована, а водитель убит; но компания твердо решила наладить регулярное сообщение и не позволяла срывать работу. Приходилось постоянно платить деньги бедуинским племенам, чтобы обеспечить безопасность, поскольку кочевники веками рассматривали путешествующих по пустыне как законную добычу. Шейх Али Басан, бедуин, живший в Дамаске, стал первым, кто обещал надежный проезд по своей территории и в качестве вознаграждения получил треть доходов от почтовых контрактов, но во время реорганизации ему выделили долю в компании, что является блестящим примером современного подхода.

В 1927 году для пустыни разработали новый тип автомобилей, результат четырехлетних экспериментов. Он был создан в Соединенных Штатах и доставлен по морю в Сирию. С того момента в истории компании началась эпоха технических усовершенствований, комфорта для пассажиров и снижения цен.

Длинный Джек то и дело оборачивался, рассказывая о моторе своего автобуса, но при таком шуме разговор давался с трудом. Он сообщил мне, что машина расходует галлон бензина за пять миль и на дорогу от Дамаска до Багдада уходит сто десять галлонов.

— А почему вы не используете британские автомобили? — прокричал я.

— Потому что когда мы обратились с этой идеей к британским производителям, они стали перечислять такое количество трудностей, что нам пришлось обратиться в Америку, — ответил он, откинувшись назад.

Пустыня, простиравшаяся в обе стороны до горизонта, была не песчаной, а каменистой, плоской, местами красноватой. В сухую погоду почва совершенно твердая, но после дождя становится вязкой. Ряды ровных бурых холмов появлялись посреди равнины, монотонные и однообразные, иногда среди них можно было различить горку явно вулканического происхождения. Длинные *вади*, сухие русла рек, прорезали равнину, в основном в направлении на северо-восток, к Евфрату; но они наполняются водой только в бурю и ливень, а затем снова высыхают. Дорога вроде той, по которой мы ехали от Ресафы, обычно представляет собой более или менее отчетливо читающуюся колею со следами шин ранее проехавших автомобилей. Когда равнина подсыхает и твердеет, эти отпечатки исчезают, и Длинный Джек, кажется, выбирал маршрут, следуя инстинкту, однако я заметил, что рано или поздно он находил следы на мягком участке.

На расстоянии мы видели стада из четырех-пяти сотен верблюдов, поедающих колючие кустарники и всегда обращенных мордами в одну и ту же сторону. Когда бы ни встречались нам верблюды или овцы, это означало, что где-то поблизости находится колодец или другой источник. Как редко они попадались, какое большое расстояние их разделяло, а между ними лежали мили безжизненной пустоты! В местечке под названием Хельба мы в первый раз увидели кусочек пустынной жизни. Мужчины и женщины из племени *рувалла* поили овец и верблюдов. Две бетонных крышки колодца, установленные французскими военными властями, поднимались над каменистым участком земли, а вокруг толпились бедуинские девушки, которые пришли за водой. Там было сотни две верблюдов и несколько сотен овец, и вся эта картина могла относиться и к ветхозаветным временам.

Длинный Джек остановил машину и объявил пятиминутный перерыв. Я прошел вместе с ним к колодцам, оказалось, что он довольно прилично говорит по-арабски. Слушавшие его бедуины смеялись, а вскоре эти смуглые, высокие люди веселились как малые дети. Племя рувалла, которое часто упоминается в книге Доути «Аравия пустынная», разводит едва ли не лучших верблюдов в сирийской пустыне. Я подумал, что у некоторых женщин типично монголоидные лица с высокими скулами. Им явно мешали длинные одеяния, которые казались слишком большими, — они перепоясывали их веревкой по линии талии и слегка поддергивали, так что виднелись ярко-желтые башмаки на плоской подошве. Мы разговаривали только с мужчинами, а женщины тем временем продолжали работать, лишь иногда улыбались украдкой, показывая, что слышат шутки, которые звучали у колодцев.

Эти два колодца были необычно глубокими. Женщины опускали кожаные ведра, привязанные к длинной веревке, так долго, словно перед ними были бездонные ямы. Когда ведро наполнялось, три девушки тянули за веревку, отходили в сторону ярдов на сорок и вытаскивали капающее ведро из колодца. Кто-то из мужчин выливал воду из ведра в желоб, одна девушка, склонившись, наполняла меха из козлиных шкур, а другая нагружала их на спину осла.

Когда все меха были наполнены, Длинный Джек пояснил, что теперь бедуины заберут свои ведра и веревки и вместе со стадами откочуют дальше, оставив колодцы без всяких средств добывания воды. Существовал обычай, что каждый бедуин приносит все необходимое с собой, хотя, конечно, оставалась возможность, что путешественник умрет от жажды у самого колодца, не имея про запас ведра и веревки.

Мне пришли на ум слова доброй самаритянки, которая увидела Иисуса, сидящего у колодца в Сихаре.

Он попросил у нее воды, очевидно, потому что она принесла с собой и ведро, и веревку. Но, прежде чем она опустила ведро в колодец, Иисус заговорил метафорически о «воде жизни», и она не поняла Его, подумав, что Он просил обычной колодезной воды. Полагаю, ее слова к Иисусу были первыми, которые произнесла бы любая бедуинка, обращаясь к путнику, сидящему у колодца в Хельбе и не имеющему ни ведра, ни веревки: «Господин, тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок»³.

К полудню над бескрайней равниной воздух дрожал от жары. Наши глаза в поисках разнообразия цеплялись за любую скалу или низкий холм, даже за очередную рваную линию *вади*, как в открытом море путешественник с удовольствием смотрит на проходящий мимо корабль. В некоторых местах виднелись посты, опутанные колючей проволокой: оказалось, мы пересекаем границу с Ираком. Там не было ни таможни, ни паспортного контроля, — они расположены ближе к Багдаду; вокруг по-прежнему не было ничего, кроме голой равнины, усыпанной камнями и гравием, словно мы пересекали дно огромного пересохшего озера.

Вдали появилось стадо газелей. Эти прекрасные, быстрые создания, встревоженные вторжением автомобиля, бросились прочь, некоторые животные в смятении пересекали дорогу, по которой ехал наш автобус. Казалось, их гипнотизировала сама траектория нашего движения, и они стремились непременно пересечь ее, а может быть, мы нарушали их естественные территории, и они инстинктивно пытались заявить свои права. Иногда стада находились очень далеко от нас, мы различали лишь движущуюся линию на самом краю выжженной солнцем пыльной равнины, а потом они исчезали за горизонтом. Только раз нам

повезло, и мы увидели стадо газелей совсем рядом, прямо впереди, они мчались на скорости миль пятьдесят в час, и их белые хвосты мелькали в облаках пыли.

Наступил момент, когда путешествие в Багдад стало напоминать школьную поездку за город. Передав место за рулем своему напарнику, Длинный Джек раздал всем пассажирам картонные коробочки с наклейкой: «Путешествуйте с компанией „Нейрн“». Внутри оказались сэндвичи с мясом и сыром, апельсин и пакет отличных фиников из Басры, начиненных орехами.

День шел к концу. За нашими спинами солнце клонилось к западу. Тени заметно удлиннились. Мы наблюдали за тем, как быстро наступают сумерки, как темнота наваливается на пустыню. Похолодало, появились звезды. На небе можно было различить лишь бледную полосу света, когда мы подъехали к мрачному квадратному строению, высившемуся посреди совершенной пустоты, — это был окруженный стеной форт с каменными башнями по всем четырем углам. Над воротами развевался флаг Ирака; на одной из башен я заметил торчавшую мачту; на песке стояли две или три машины, несколько грузовиков, а военные в синей форме сновали туда-сюда. Это была крепость Рутба — на полпути к Багдаду.

3

Я прошел через боковые ворота в темный двор. Солдаты суетились вокруг здания сторожевого поста, с любопытством оглядывались, вероятно, прибытие рейсового автобуса в этих безлюдных краях было заметным событием. По контрасту с пустыней снаружи этот двор, кипевший жизнью, радовал взгляд. Торопливость и напряжение, с которыми двигались эти люди в квадрате замкнутых стен, производили

впечатление, что они готовятся к осаде. Я слышал рокот динамо-машины, а когда открывались двери в низкие здания, стоявшие со всех четырех сторон, видел желтые прямоугольники света и смуглых мужчин за письменными столами, ординарцев с депешами, операторов телеграфа в наушниках.

Во двор вышел араб и стал набирать воду из колодца, вокруг которого была выстроена крепость. Две темные фигуры встретились в центре открытой площадки. Они радостно приветствовали друг друга по-французски, хотя мне показалось, что один из них был англичанином. Оба были летчиками. Один рассказывал о ветре над Египтом; другой — о дожде в Месопотамии. Затем они по-свойски обменялись сигаретами. Я подумал, что попал в чудесное, романтическое место — его можно назвать современной версией римских укреплений на перекрестках торговых путей.

Здесь многое удивляло меня. Пока я наугад бродил в темноте, размышляя, где бы поесть — хотя в крепости было полно освещенных служебных помещений, двор оставался сумрачным и неприветливым для чужаков, — открылась очередная дверь и во двор вышел маленький человек с коричневой обезьянкой. На нем был короткий белый жакет, мужчина походил на стюарда океанского лайнера, идущего в экзотические страны.

— Помыться-побриться, сэр? — спросил он по-английски. — Здесь есть горячая вода.

Я прошел за ним в комнату, где оказалось около двадцати умывальников. Возле каждого стоял кувшин с горячей водой, лежали аккуратно сложенные, безупречно чистые полотенца, а также свежие куски мыла — английского мыла — и несколько новеньких щеток для волос. Я испытал прилив гордости и счастья, поскольку все это несло на себе несомненный отпечаток английского быта; но, когда я обернулся, чтобы расспросить мужчину, его уже не было.

На открытой веранде я заметил надпись: «В комнату отдыха». Я последовал в указанном направлении, толкнул дверь и увидел нечто поистине изумительное. В комнате стояло множество плетеных столиков, за которым в таких же, похожих на корзины креслах сидели мужчины и женщины, а в центре размещалась плита. Большинство собравшихся были англичанами, кое-кто курил, другие пили чай. Я зашел и сел неподалеку от женщины в твидовом костюме, которая читала издавший виды экземпляр «Обсервер».

Этот дом для отдыха пассажиров принадлежал компании «Нейрн», и все присутствующие ехали на восток или на запад. Здесь были британцы, французы, несколько иракцев, один или два перса. В наши дни такие странные собрания в удаленном месте кажутся чем-то нереальным. Пошел на посадку самолет. Мужчины в городской одежде и дамы в меховых пальто и парижских туфлях ступили на пески пустыни, вероятно, чтобы поесть, а потом опять унеслись в небо. Сидевший снаружи араб не проявил к происходящему никакого интереса: наверное, он с колыбели слышал сказки о коврах-самолетах. Странно было встретить этих людей, часть которых путешествовала по воздуху, часть на автобусах, собравшихся в темноте в столь английской обстановке, что иракцы, которые были на родной земле, казались здесь гостями.

Рядом с этой комнатой находилась столовая, где все было накрыто для ужина, все сияло истинно английской чистотой. Сервировка тоже была типично английской, дома мы не обращаем на нее внимания, потому что она кажется нам слишком привычной. Скатерти почти достигали пола, стыдливо прикрывая ножки стола, а складки были жестко заутюжены. Вилки и ножи лежали с идеальной точностью, а не с галльской непоследовательностью и не с латинским артистизмом, а графинчик для уксуса занимал почетное место рядом с

бутылочкой соуса. Бокалы, способные вместить полпинты эля, стояли по правую руку, и в каждом красовалась маленькая «митра епископа» — аккуратно сложенная салфетка. Ни один другой народ в мире так стол не накрывает, и когда я увидел эти столь английские столы, невольно вспомнил сельские отели Хэмпшира, Йоркшира или Девоншира, маленькие ресторанчики в избранных приморских городках, которыми управляют высокие седовласые джентльмены, и чувство любви к моей дорогой стране наполнило мое сердце, я твердо решил сегодня за ужином использовать отечественные соусы «Ли» и «Перринс» — исключительно во имя любви к Англии.

На доске объявлений в этой фантастической комнате, рядом с извинениями за высокую цену на пиво в бутылках, красовался листок, содержание которого тут же вернуло меня к реальности.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Предупреждаем пассажиров: выходя за пределы крепости, оставайтесь в пределах видимости. Бывали случаи, когда пропадали пассажиры (об этом можно судить по невостребованному багажу), отправившиеся на прогулку, так как темнота наступает внезапно, а форт не виден. В результате этих случаев существует опасность для пассажиров и беспокойство для полиции.

Административный комендант

Мои глаза невольно задержались на упоминании о «прогулке», будто посреди Месопотамии вдруг возник Истберн. Никто, кроме англичанина, не додумался бы до слова «прогулка» применительно к окрестностям Рутбы.

Я бродил среди всех этих тихих радостей, терзаемый любопытством, как вдруг на моем пути появился невысокий плотный человек в сером фланелевом костюме; он быстро прошел через столовую, со скоростью автоматной очереди выдавая стремительные ремарки по-арабски. Все официанты, к которым он обращался, словно получали электрический разряд. Кто-то бросался на кухню, кто-то старался спрятаться, другие замерли за спинками стульев, всем видом выражая покорность. Он курил сигарету, выдавая приказы между облаками дыма, а взгляд бледно-голубых глаз обшаривал все вокруг, будто человек этот ждал худшего; такое выражение появляется у командира, в течение долгого времени управляющего иностранными войсками. Я решил, что это бывший военный, а скорость движений и манера держаться выдавали в нем боксера или легкоатлета. И, оказалось, ни в одном из этих предположений я не ошибся слишком сильно.

Это был Джордж Брайант, начальник заведения, предназначенного для отдыха путешественников. Когда я сел за ужин, мы попытались вести беседу, но это было довольно затруднительно, так как каждые две секунды он отвлекался то на одного, то на другого официанта. Он мгновенно вскакивал и исчезал, льдисто-голубые глаза его грозно блистали, а через минуту возвращался с таким видом, словно только что подавил бунт. Во время его первой отлучки я, не веря своим глазам, прочитал текст на карточке, установленной перед бутылочкой уксуса.

Ужин

Томатный суп

Жареная рыба

Соус тартар

Ростбиф

Соус с хреном
Жареный картофель
Цветная капуста
Йоркширский пудинг
Пудинг с изюмом, лимонный сироп
Фрукты. Кофе

Прошу вас взглянуть на карту, приведенную в начале этой книги, и найти Рутбу, только тогда вы поймете, что меню такого рода, предельно английское, странно выглядит в глинобитном домике, стоящем за стенами крепости. В эпоху всеобщего неверия вдохновляюще выглядит такая твердая убежденность в том, что в любой части мира можно создать подобие собственного дома; по сути, только превращение нового места в копию своего дома позволяет человеку называть его хорошим. И хотя мы посмеиваемся над теми, кто странствует по свету, повсюду пытаюсь утвердить английский образ жизни, следует признать: а могут ли они принести с собой нечто лучшее? За единственный час, который мы провели вместе посреди пустыни, и те, кто направлялся к Средиземному морю, и те, кто ехал в сторону Индийского океана, мирно разделяли надежный комфорт традиции, выстроенной поколениями английских семей.

Когда вернулся Джордж Брайант, я взглянул на него с новым интересом. Нет, ему не помогает никакая женщина. Он сам обучил поваров и официантов. Откуда он прибыл? Родился в Бате, играл в регби за Бристоль, поступил на службу в полицию Палестины, жил в Назарете, оставил службу и с тех пор живет в пустыне. Все это я узнал от него короткими залпами, между молниеносными отлучками.

— Нравится ужин? Неплохо, правда? — На мгновение в его глазах мелькнула холодная улыбка. — Трудно? Не легко. Приходится постоянно держать их в узде. Это и

есть секрет. Нельзя упустить ни одну мелочь. Извините, я на минуту... — Он вернулся. — Нравится рыба?

— Я собирался спросить, как вам удастся добывать рыбу посреди пустыни?

— Ее привозят из Багдада. Река Тигр. Доставляют вместе с почтой с запада. Конечно, трудновато, но неплохо, не правда ли?

Блюдо и вправду было хорошим, потому что пресная рыба из Тигра приобрела в умелых руках вид и вкус типичной «жареной рыбы под соусом тартар», которую подают в самых известных заведениях.

Длинный Джек заглянул и объявил, что автобус готов к отправлению, мне выдали подушку и два одеяла. Я пересек темный двор в сопровождении Джорджа Брайанта, а затем через ворота вышел к пустыне, необычайно широкой и молчаливой в свете звезд. Мотор уже фырчал, и два луча мощных фар пронзали пустоту впереди.

— Всего доброго! — сказал Джордж Брайант. — Заглядывайте на обратном пути.

И, широко шагая, двинулся в глубь крепости.

Той ночью не было видно луны, и голубые волны звездного сияния, создававшие странные тени вокруг камней, прокатывались по пустыне. Фары нашего автобуса светили вперед, и свет их терялся в необозримой тьме. Я видел силуэты, попадавшие в эти лучи и стремительно исчезающие, теперь пустыня казалась более оживленной, чем днем. Прямо перед нами взлетела песчаная куропатка; стая пустынных голубей бросилась в сторону, пытаясь избежать яркого света; повсюду в ночном мраке мелькали странные прыгающие существа; это были тушканчики — маленькие пустынные грызуны, похожие на кенгуру. Приходилось тщательно всматриваться во тьму, чтобы их заметить, потому что они были одного цвета с

окружающей землей, а скоростью равнялись птицам и стремглав рассыпались в разные стороны.

Я опустил спинку кресла назад, завернулся в одеяла, и погрузился в короткие периоды сна, заполненного яркими, фантастическими образами. В одно мгновение я был в Лондоне, а в следующее — вновь видел перед собой широкую спину Длинного Джека, покачивающуюся при движении, и звезды на небесах. Потом я оказался в своей комнате в Хэмпшире, сидел за письменным столом, испытывая безграничное счастье, которое переживаешь только во сне; а потом проснулся с ощущением тяжелой утраты и вновь увидел Длинного Джека, уснувшего на запасном сиденье, его огромное тело безвольно свесилось, а напарник-сириец сидел за рулем, дым от иракской сигареты тянуло в салон.

Так прошла вся ночь, я откидывался то налево, то направо; погружался в сон минут на десять, просыпался и бодрствовал полчаса; и каждый раз вокруг разливался бледный звездный свет; то вверх, то вниз раскачивались лучи от фар; ровно урчал двигатель.

Внезапно я окончательно проснулся. Автобус остановился на песчаной дороге, с обеих сторон стояли дома. Было еще темно, и, взглянув на часы, я увидел, что всего лишь 02:30. Длинный Джек стоял снаружи, разговаривал с полицейским, а в руках у него были паспорта пассажиров. Мы находились в Рамади, на пункте иракского паспортного досмотра, в 90 милях от Багдада. Я вышел на улицу, сделал несколько шагов вдоль дороги и ощутил в воздухе нечто новое, весьма приятное. Это был звук ветра, шелестевшего в кронах акаций; и я вспомнил, что уже много дней не видел настоящих деревьев.

Неподалеку от здания таможни я заметил небольшое строение с садиком на переднем плане. Это был отель «Вавилон», в его окнах горел свет. Я зашел в холл, где суетились несколько смуглых официантов в белых

жакетах, они походили на своих братьев в крепости Рутба, увивались вокруг сонных пассажиров, приносили чайники и английские бисквиты — опять! В Сирии такого быть не могло. Я выпил четыре чашки крепкого чая, выкурил сигарету. Холл отеля выглядел весьма живописно. На стенах висели персидские ковры, столь многочисленные, что казалось, мы попали в лавку, между ними красовался портрет молодого иракского правителя Гази. Но официанты говорили по-английски, а по тому, как они подавали чай, можно было судить, что обучение они прошли у тех, кто хорошо знал именно английские традиции.

Когда я вручил официанту банкноту в десять шиллингов, он дал мне сдачу иракскими деньгами — я впервые держал их в руках. С 1931 года в Ираке введена собственная валюта, привязанная к курсу фунта стерлингов. Один динар равен английскому фунту, он делится на тысячу филов. Существуют серебряные монеты по 20, 50 и 100 филов; никелевые монетки неправильной формы немного напоминают наши трехпенсовики, они имеют номинал в четыре и десять филов; медные монеты — один и два фила; но, судя по всему, мои вкусы оказались весьма дорогими, так как я ни разу не нашел товара, который можно было приобрести на них, мелочь годилась только для раздачи местным детям, демонстрирующим бурную благодарность.

Настойчивый сигнал клаксона призвал нас вернуться в автобус. Мы пересекли деревянный мост. Я обратил внимание на быстрое течение реки. В этом месте Евфрат, миновав значительную часть Месопотамии, прямо перед Багдадом внезапно сворачивает к югу, оставляя город в распоряжение своего товарища — Тигра.

Очнувшись после глубокого сна, я обнаружил, что мы едем по скверной дороге, пересекающей выжженную бурую землю, впереди виднеется скопление глинобитных домов, минаретов, несколько куполов, а вокруг простирается плоская, широкая, как небо, равнина, чем-то напоминающая Голландию. Вставало солнце.

4

Безупречное издание «Арабских ночей» Лейна, которое встречалось в викторианских библиотеках, вероятно, объясняет, почему название «Багдад» многим кажется волшебным. Для меня это одна из цитаделей романтики, значение которой невозможно переоценить, и потому я приближался к городу с особым волнением, прекрасно понимая, что он окажется в реальности чем-то совсем иным.

Когда автобус тем утром подъезжал к Багдаду, я вез с собой груз юношеских образов и сказал себе, что линия зданий и золотое сияние отдаленных мечетей — это и есть город халифов.

Мы пересекли реку по деревянному понтонному мосту, секции которого мягко проседали под тяжестью машин. Тигр возле Багдада примерно на 20 ярдов шире, чем Темза возле Лондонского моста: на западном берегу в зеленом обрамлении финиковых пальм виднелись дома с белыми балконами; на восточном берегу раскинулись современные багдадские кварталы, и главная улица пересекала путаницу мелких улочек и переулков. Синие небеса, теплый солнечный свет, длинная и широкая главная улица (называлась она не иначе как улица ар-Рашида), вдоль которой тянулись ряды лавок, а по проезжей части двигались

многочисленные открытые экипажи с парами лошадей, — вот мои первые впечатления от Багдада.

Я вошел в отель на улице, названной в честь генерала Мода. Служащий, откликнувшийся на звон колокольчика, называл меня «сагиб»; в комнате для завтрака официант, который подал мне отлично приготовленную яичницу с беконом, тоже обращался «сагиб». Впервые в жизни со мной говорили в стиле произведений Киплинга; и это навело меня на мысли о том, что есть граница, где Запад начинает медленно таять, уступая место Востоку; когда Средиземное море остается далеко позади, а чуждые нам моря и Индийский океан приближаются и обретают реальность. Такой границей является Ирак. Индия отсюда — за ближайшим углом.

Я вспомнил о людях, которых знал, которые служили в администрации Ирака, а до того — на индийской гражданской службе, и внезапно многое стало мне ясно: яичница с беконом, чай и бисквиты в Рамади; добротность и британская основательность во всем.

Довольный таким умозаключением, я отправился взглянуть на Багдад.

5

В течение трех столетий до войны Ирак делил состояние полужизни-полусмерти с Оттоманской империей. Мировая война освободила его от застоя, и за десять лет британского мандатного управления здесь сформировалось самостоятельное арабское государство во главе с сыном Фейсала, которого зовут Гази.

Багдад, возможно, хранит тайное очарование, заметное лишь постоянным жителям, местным, но для случайного гостя это лишь большой город глинистого цвета, раскинувшийся на берегах реки, мутной и также

имеющей выраженный цвет глины. При малейшем ветерке пыль от засохшей глины, порошок наподобие талька, заполняет все улицы. В истинно вавилонской традиции главный строительный материал здесь — глиняный кирпич, и, как башни и храмы библейских времен, основные архитектурные украшения — изразцы, которые в современном Багдаде скупно размещены на куполах немногих мечетей.

Ужасающая нищета и инерция старого турецкого правления все еще видны в Багдаде. Требуется больше десяти лет западного влияния, чтобы стереть из памяти и из традиции триста лет духовной и материальной коррупции. И в самом деле, новый дух борется со старыми формами существования; здесь есть больницы, общественные службы, отлично налаженная полиция, школы и растущее чувство национальной гордости, и все это может означать, что старое дерево, культивированное определенным образом, начинает давать новые побеги. Длинная главная улица с ее обветшалыми лавками и магазинчиками все еще сохраняет турецкий вид, хотя отдельные дамские парикмахерские или конторы водопроводчиков возвещают наступление нового дня.

Эта главная улица полна жизни. С утра до позднего вечера небольшие двуконные экипажи снуют по ней вверх и вниз. Их так много, а цены столь низкие, что нет нужды ходить пешком. В отсутствие малейшего намека на социальные различия людей на улицах можно условно поделить на древних и современных, как в сборнике гимнов. Современные носят европейские костюмы в сочетании с национальными головными уборами, синими форменными фуражками, словно у членов церковных объединений; а древние — зеленые тюрбаны и одеяния религиозной аристократии или нищенские обноски, прикрывающие крепкие ноги носильщиков-курдов.

В столице страны, которая больше всего напоминает бильярдный стол, присутствие гор проявляет себя причудливым образом — в свирепых, оборванных мужчинах, в которых с первого взгляда узнаешь горцев. Это кочевники с гор Курдистана или с высокогорья в районе Мосула. А еще здесь живут персы, арабы, евреи, афганцы, индийцы и чернокожие; странная смесь людей, которые едут верхом, идут пешком, лежат в пыли на главной улице Багдада.

Причину того, почему до наших дней не сохранилось ничего от города халифов Аббасидов, следует искать в истории. Багдад неоднократно разоряли и разрушали, строили заново, он тонул в наводнениях, снова и снова, так что сохранилось немного, что способно напомнить гостю о «золотых временах Гаруна ар-Рашида».

Базар — причудливая мешанина переплетающихся узких проходов, кипящих жизнью, там продают дешевые японские набивные хлопчатобумажные ткани, бесконечные медные изделия, простенькие товары из серебра и золота; там темно, сквозь дыры и зазоры в полотняной кровле проникают лишь отдельные солнечные лучи, высвечивающие столбы пыли. Я тщетно искал старинные постоянные дворы-*ханы*, которые можно встретить в Каире, Дамаске, Иерусалиме и Алеппо, так как Багдад — город с великим, но невидимым прошлым, в котором нет архитектурных реликвий, заслуживающих внимания.

Самым привлекательным объектом в Багдаде является музей. Здесь можно увидеть поразительные предметы, найденные в Уре, и многое другое. Наверное, странно, что все знают о находках в гробнице Тутанхамона, которые едва ли расширили наши представления о древнем мире, а открытия, сделанные в Уре, которые отодвинули в прошлое рассвет человеческой истории на добрую тысячу лет и перенесли его из Египта в Вавилон, практически не

произвели никакого впечатления, если не считать тех немногих, кто интересуется подобными сюжетами.

На главной улице Багдада я нашел единственный по-настоящему привлекательный магазин города. Он называется «Книжная лавка Маккензи». И если в Оксфорде или Кембридже он вряд ли вызвал бы любопытство, то среди восточных заведений он выглядит весьма примечательно. От пола до потолка магазинчик этот забит новыми и букинистическими изданиями на английском языке, и это, конечно, явный реликт британского мандатного управления. Однако важнее то, что мандат оказал более серьезное влияние, чем можно было бы ожидать, так как магазин заполнен в основном молодыми иракцами. Здесь всегда можно встретить группу юношей, листающих книги, интересующихся новинками; иными словами, Маккензи в Багдаде является доказательством того, что если в Палестине, Трансиордании или Сирии англичане и французы не оставили заметного культурного следа, в Ираке дела обстоят иначе.

Десять лет британского управления научили Ирак говорить по-английски и читать наши книги. А достаточно солидный для Багдада размер книжного магазина и, главное, огромный ассортимент книг позволяет уверенно утверждать, что литературные вкусы Багдада весьма изысканны и современны.

В середине дня я взял такси и попросил покатать меня пару часов за пределами Багдада.

Мы ехали по неровной глинистой дороге, по обеим сторонам тянулись возделанные поля. Любой проезжавший навстречу всадник поднимал облако коричневатой пыли, покрывавшей машину, а наши колеса вздымали настоящую песчаную бурю, обрушивавшуюся на всех несчастных, оказавшихся на пути вслед за нами. Вскоре сельскохозяйственные

угодья закончились, и я воочию увидел различие между современной и древней страной.

В наши дни название «Месопотамия» употребляют применительно к долине Тигра и Евфрата — такая традиция сложилась лишь в годы Мировой войны, когда пресса и армейское командование использовали термин именно в этом значении. Но Месопотамия древнего мира, или Двуречье, страна, расположенная к северу от Багдада, — это широкие травянистые равнины между двумя реками, а также территория к югу от Багдада, известная как Вавилония.

Когда сегодня смотришь на эти края, на бурую, безжизненную землю, протянувшуюся до самого горизонта, где зелень видна только на берегах рек и на возделанных и орошаемых участках, трудно поверить, что подобная пустыня могла служить домом великих цивилизаций. Но когда Авраам жил в Уре, а дети Израиля оставались пленниками Вавилона, перед ними была совсем иная страна. Мы должны вообразить пшеничные поля Канады, перемежающиеся рощами финиковых пальм и прорезанные тут и там сетью каналов, чтобы получить представление о Древнем Вавилоне.

Сельское хозяйство на этой территории никогда не существовало без двух главных водных потоков, которые в период весеннего разлива в изобилии давали запас влаги, используемой в засушливые сезоны. Халдеи, вавилоняне и ассирийцы были экспертами в области ирригации, они умели управлять Тигром и Евфратом благодаря сложной системе контроля и распределения воды. Эта система была заимствована персами и арабами в эпоху халифата, но, когда арабское правительство ослабело, ирригация пришла в упадок, и такая ситуация сохранялась вплоть до монгольского нашествия XIII века, когда великолепные структуры водных путей и каналов, точно распределенных дамб и

стоков превратились в руины и наследие первых мировых цивилизаций было окончательно утрачено.

В настоящее время инженеры пытаются разрешить проблему ирригации региона, но это не так просто. Русла рек и каналов за века небрежения полностью разрушились. Воду использовали таким образом, что теперь уже невозможно восстановить старинную систему, просто прочистив каналы, так как древние рвы деформировались, их прорезали хаотически, без всякого плана, и вода течет в период разлива в непредсказуемых направлениях, что зачастую приводит к бедствиям. Таким образом, восстановление вавилонской системы орошения полей в ее великолепии представляет собой не одну проблему, а сотни взаимосвязанных задач, и не самая последняя среди них — проблема населения. Тем не менее даже беглый осмотр гигантских сухих равнин позволяет понять, что Ирак, как и Древний Вавилон, может быть исключительно производительной и плодородной страной, одним из ведущих поставщиков зерна на мировой рынок.

6

Вернувшись в Багдад, я выяснил, что мне, как и любому другому «христианскому псу», как говорили в XVII веке, запрещено входить в шиитские мечети. Шла первая неделя месяца *мукаррам*, открывавшего новый мусульманский год, и в это время шииты организуют процессии бичующихся, режут головы ножами, доходят до состояния религиозного экстаза, а кульминацией становится особое действие, посвященное истории смерти внука Мухаммада.

Я стоял перед мечетями, наблюдал за толпами, входивших и выходивших мужчин; каждая мечеть

напоминала встревоженный улей. Напряженная, взволнованная толпа — достаточно страшное зрелище, в особенности если ты сам представляешь для нее объект одержимости. Эти целеустремленные фанатики, судя по всему, охваченные какой-то силой или собственным инстинктом, которым они уже не могли управлять, производили пугающее впечатление. Это не люди, удрученные горем, они полны дикой ярости и жажды мщения. Глядя на них, я понимал, как легко осуществлялось человеческое жертвоприношение в древние, языческие времена; потому что шииты, сознательно или нет, жаждали крови.

Я должен пояснить, что ислам не является монолитной верой. Уже двенадцать веков он разделен расколом на два крупных течения: суннитов и шиитов. Большинство мусульман — сунниты («люди веры»), или традиционалисты; меньшинство, обитающее в Персии и Индии, — шииты, их называют «раскольниками», это жесткое, фанатическое движение со своей религиозной иерархией, своими мечетями, своими праздниками и собственной интерпретацией Корана. Можно долго путешествовать по Палестине, Сирии, Египту и Малой Азии и так и не узнать о существовании шиитов, но стоит приехать в Ирак, как осознаешь, что пересек невидимую богословскую границу: ты попадаешь в священную страну шиитов. Раскол произошел следующим образом.

Когда в 632 году умер Пророк, у него не осталось сына и прямого наследника, а он сам не назначил преемника. Возникла угроза распада ислама на мелкие течения, если не найдется сильная рука, способная немедленно взять ситуацию под контроль, и выбор пал на близкого друга Мухаммада — Абу Бакра. При этом обошли человека, который мог претендовать на наследование по праву крови. Его звали Али, он был двоюродным братом и зятем Мухаммада. До того

момента, когда Али занял место лидера ислама, были избраны еще два халифа, наследовавших Абу Бакру; но Али оказался человеком мягким и не слишком удачливым, совершенно неспособным удержать вместе пустынные племена, так что после пяти лет правления он пал от удара отравленного клинка, — это произошло в Куфе, на территории современного Ирака.

У Али остались два сына, Хасан и Хусейн, которые унаследовали империю. Хасан отрекся от престола и умер в Медине в 669 году, кое-кто говорил, что его убила жена; другой брат, Хусейн, заявил претензии на халифат, но его окружили враги в Кербеле (тоже Ирак) и безжалостно зарезали.

Так трагически закончилась история дома Али.

Шииты всегда считали, что линия наследования истинных халифов идет прямым путем от Али, Хасана и Хусейна. Они убеждены, что это святые мужи — по добродетели и по происхождению. Также они говорят, что первые три халифа — Абу Бакр, Омар и Осман — были узурпаторами, равно как и все позднейшие халифы. Особенно они ненавидят Омара; я слышал, что сунниты, которым дано имя Омар, путешествуя по Персии, из осторожности называют себя Али. Ужасная благочестивая формула в Персии — это повторение проклятия: «О Аллах, прокляни Омара, а затем Абу Бакра и Омара, а затем Османа и Омара, а затем Омара — и снова Омара!»

Ясно, что если шииты с отвращением и ненавистью взирают на три столпа суннитской веры, а также на всех последующих халифов, стена, разделяющая два направления ислама, остается непреодолимой. Но, кроме того, шииты создали целую школу мистического богословия, которое еще дальше увело их от суннитов. Страсть, с которой эти люди поклоняются мертвым пророкам, кажется весьма отличной от жесткого самоконтроля, принятого у остальных мусульман.

Ирак для шиитов является священной страной, поскольку здесь похоронены Али и Хусейн. Четыре священных города Ирака — Неджеф, Кербела, Кадиман и Самарра — по-прежнему остаются главными святынями шиитского мира; говорят, что до двухсот тысяч шиитских паломников ежегодно собираются там, в основном они приходят из Персии, Индии и Афганистана. Каждый священный город имеет обширное кладбище, поскольку сильнейшее желание каждого шиита — быть похороненным как можно ближе к святому Али и к не менее святому Хусейну. Тела доставляют на машинах марки «форд» и на вьючных животных по всем дорогам, ведущим к этим городам. Если сунниты обращают лицо при молитве к Мекке и Медине, то шииты — к священным городам Ирака.

Великий праздник шиитов приходится на первые десять дней месяца *муеаррам*, когда все верующие с патологической суровостью отмечают годовщину смерти Хусейна в Кербеле. Их горе о Хусейне так глубоко, словно он скончался на прошлой неделе, а не тысячу двести лет назад. Каждая деталь, связанная с его смертью, вызывает взрывы сокрушения и любви, возникает ощущение, что эти люди оплакивают не человека, а бога. История его гибели воспроизводится с величием истинной трагедии.

Хусейн и его семья, а также 70 последователей остановились в Кербеле, неподалеку от Евфрата. Они страдали от жажды, так как оказались отрезаны от реки, но никто не дал им и глотка воды. Хусейн знал, что обречен на смерть. В ночь после десятого дня его сестра без сна лежала в своем шатре и слушала, как слуга Хусейна точит клинок своего господина для грядущей схватки, а потом расплакалась.

— Сестра, — сказал ей Хусейн, — доверься Аллаху и знай, что человек рожден, чтобы умереть, и небеса не должны ждать; проходит все, кроме бытия Господа,

сотворившего все своей властью, и все возвращаются к Единому. Мой отец был лучше меня, и моя мать была лучше меня, и мой брат был лучше меня; и они, и мы, и все мусульмане берут за образец Посланца Аллаха.

Он позвал своих сторонников и попросил предоставить его собственной судьбе, а самим разойтись по домам. Но они ответили:

— Аллах не даст нам увидеть день, когда мы переживем тебя.

Тогда он приказал связать вместе шатры, чтобы сделать ограждение против вражеских всадников, а также выкопать ров позади лагеря, наполнить его хворостом, который можно будет поджечь и тем самым защитить тыл. На следующее утро он приготовился к битве, умылся и надушился, как на праздник. Когда люди спросили, почему он так поступает, он радостно ответил:

— Увы, теперь уже нет ничего между нами и черноглазыми девами рая, потому что те воины придут и убьют нас.

Сев верхом на верблюда, он читал Коран, а потом бросился в бой.

Его, раненного в голову, его отнесли в шатер для короткого отдыха. Он сидел, обняв младшего сына, и ребенка убила случайная стрела. Тогда Хусейн снова ринулся в схватку, и, страдая от жажды, добрался до Евфрата; но когда он склонился, чтобы напиться, стрела пронзила его рот. Он развернулся к врагам и продолжил биться, пока превосходящие числом враги не подняли его на копья. Группа всадников скакала туда и сюда с телом Хусейна. Его голову доставили к суровому правителю Басры и бросили перед ним на землю. Но когда правитель перевернул ее, чтобы показать подданным, раздался голос:

— Осторожнее! Это внук Пророка. Во имя Аллаха! Я видел, как эти самые губы целовали благословенные

уста Мухаммада!

Я очень хотел попасть в священный город Кадиман, расположенный в четырех милях от Багдада. Золотые купола и четыре золоченых минарета шиитской мечети являются заметной вехой, в этой плоской стране видимой издалека.

Мне сказали, что я ни в коем случае не должен медлить перед воротами или фотографировать, а поскольку шииты, которых я видел в Багдаде, производили впечатление людей угрюмых, но не опасных, я решил, что все эти советы — плод нервного воображения моего советчика. И все же счел разумным взять с собой человека, который уже бывал в Кадимане. Моим спутником оказался сирийский христианин, приехавший в Багдад по делам; он уверял, что несколько лет назад даже входил в мечеть Кадимана, выдав себя за мусульманина.

— Ни за какие сокровища мира я больше не стану этого делать, — восклицал он. — Если бы меня разоблачили, то убили бы на месте!

По дороге в Кадиман он объяснял, что из самых удаленных мест сюда доставляют тела мертвецов, чтобы похоронить в священной земле Ирака; некоторых привозят даже из Индии и гор Афганистана.

— Не так-то дешево быть похороненным в священных городах, — добавил он. — Хорошая могила в Неджефе стоит до сорока английский фунтов; но в менее популярных местах, скажем, в Самарре, можно купить могилу за семь шиллингов. Все зависит от того, на каком расстоянии от мечети расположен участок. В старые времена, которые я отлично помню, тела доставляли из Индии на кораблях в Басру, а затем

караваном отправляли в Неджеф или Кербелу. Но потом разразилась бубонная чума, и турки положили конец этой практике.

Я спросил, почему Кадиман для шиитов стал священным городом.

— Они странные люди, — ответил мой спутник. — Например, они верят, что почти божественная сила Мухаммада была перенесена на других людей, которых называют имамами или *махди*, но последний из них, двенадцатый по счету, исчез давным-давно. Они верят, что однажды махди вернется на землю и приведет на небеса всех шиитов. В мечети Кадимана находятся две могилы важных махди: седьмого — Мусы бен-Тафара и девятого — Мухаммада бен-Али.

Приближаясь к Кадиману, мы видели, как вырастают впереди золотые купола и минареты, пока все строения не обрели истинное великолепие; однако я не назвал бы их красивыми.

— Это настоящее золото, — заметил сириец. — Настоящее!

— Скажите мне честно, неужели шииты убили бы иноверца, зашедшего в мечеть? — поинтересовался я.

— Без сомнения, — сказал он. — Вот почему это запрещено. Они могут убить иноверца за меньшее. Я слышал, что они убили американца, который сфотографировал их мечеть в Тегеране. Они облили его тело кипятком!

Он искоса взглянул на меня:

— Понимаете, мы должны все сделать очень быстро, — добавил он. — Один взгляд, и уезжаем. В это время года шииты фанатичнее, чем обычно. Они воздерживаются от пищи, страдают от самобичевания и наносимых ран.

— В Кадимане тоже совершают эти обряды?

— Не только в Кадимане. В Багдаде. Повсюду. Сегодня вечером начнется бичевание в Багдаде, и оно

будет продолжаться каждый вечер, вплоть до десятого дня мукаррама.

— А где я смогу увидеть это?

— Я бы не советовал.

Он мрачно покачал головой; в этот момент машина резко остановилась перед главными воротами мечети.

Мы вышли и сразу ощутили атмосферу враждебности, способную пробить даже броню танка. Лишь добропорядочный английский турист, привыкший к мягкому обращению с окружающими в Танбридж-Уэллз или Харроугейте, мог бы не заметить этой всеобщей жаркой ненависти. Глаза, обращенные на мою европейскую одежду, метали искры. Что бы я ни делал, какие бы движения ни совершал, за мной пристально следили возмущенные взгляды. Я начал чувствовать личную ответственность за смерть Хусейна, в память о которой наружная стена мечети была прикрыта черной тканью.

Огромные ворота, поднимающиеся ввысь на добрые пятьдесят футов, были украшены изразцами с розово-бирюзовыми арабесками, а поперек каждого из семи входов висела цепь, закрепленная по центру вверху и образующая две свободных петли по сторонам.

Сквозь открытые ворота мы видели прекрасно замощенное открытое пространство: портики, бассейны для омовения и само святилище с высокими дверями и арочными проемами, украшенными изразцами в розово-бирюзовых цветах. В мечеть постоянно входили и из нее выходили люди, и все они обязательно касались подвешенных в воротах цепей; полагаю, это считалось у них полезным для души. Большинство паломников были грубыми и неопрятными, некоторые прибыли из Афганистана или Индии, поскольку подобное путешествие к святыням Ирака почитается у шиитов таким же важным, как хадж в Мекку у остальных мусульман. Меня поразили яростные, страстные глаза и

оцепеневшие, фанатичные лица, словно эти люди только что очнулись от невероятного сна. Они жили и дышали ненавистью. Я сказал об этом моему спутнику-сирийцу.

— Сейчас время печали, — прошептал он в ответ.

То, что я не преувеличиваю чувства толпы, стало ясно, когда появился полицейский с ружьем, который заботливо пригласил нас пройти в участок, заявив, что с крыши перед нами откроется гораздо лучший вид. Мы последовали за ним вверх по шаткой лестнице на глинобитную крышу, основу которой составляла древесина пальмы. Он показал, где безопасно стоять, а потом оставил нас, и мы проковыляли, как Агаг^[26], в сторону парапета, откуда взглянули вниз, на Кадиман.

Вдосталь насмотревшись на скорбь, не утихшую за тысячу триста лет с момента смерти Али в Куфе, мы прошли по темным нищенским базарам, повсюду встречая любопытные и настороженные взгляды, а затем вернулись в более спокойную атмосферу Багдада.

Я поговорил о шиитах с англичанином, остановившимся в том же отеле, что и я, он отлично знал Ирак. Он рассказал, что в десятый день месяца мукаррам будет разыграно древнее действо, которое распространено в Индии и Персии, а также в Ираке. Смерть Хусейна воспроизводится с поразительно точными деталями, не оставляющими пространства для воображения. Кульминацией драмы является миг, когда тело Хусейна проносят на окровавленном полотне.

В книге «Второе путешествие по Персии» Джеймс Морьер приводит описание действия, разыгранного в Тегеране в начале прошлого века. Он рассказывает, что самой необычной частью церемонии было появление безголовых мучеников, в ряд лежащих на песке. Люди, участвующие в действе, зарываются в песок, так что над землей остаются лишь головы, а другие, наоборот, прячут головы, чтобы на поверхности были видны лишь тела. В итоге кажется, что головы отделены от тел.

Процессия обладает явно выраженным жертвенным характером, но люди, представляющие обезглавленных мучеников, всегда выбираются из тех, на кого наложено особое покаяние, иногда они так глубоко входят в роль, что умирают во время представления.

Когда Морьер наблюдал за действием, толпа была так увлечена происходящим, что солдат, которые убивали Хусейна, засыпали градом камней; автор утверждает, что эти роли считались настолько опасными, что для них использовали русских пленников.

Той ночью я отправился спать, размышляя о предстоящем на следующий день шествии флагеллантов.

8

Я встал рано утром и с плоской крыши отеля наблюдал за рассветом, встающим над Багдадом. Быстро текла бурая река; человек в маленькой остроносой лодке, нагруженной терновником, спускался по течению; первые пассажиры пересекали мост Мода, причальные бочки которого подпрыгивали на волнах; а в четырех милях от меня, за линией пальм, утренний свет тронул золотые купола Кадимана.

В холле отеля бойкий смуглый мальчик в нетерпении ожидал, чтобы проводить меня в халдейскую церковь.

— Ты христианин? — спросил я у него, когда мы шли по улице ар-Рашида.

— Да, сагиб, — кивнул он. — И мой отец, и мать тоже, и все наши родственники.

Мы нырнули в лабиринт узких улочек, по некоторым из них едва мог пройти верблюд с грузом, потом миновали ворота, и мой проводник указал путь вверх по лестнице к довольно большому зданию. И хотя еще не пробило семи утра, мрачноватого вида церковь была

наполовину заполнена мужчинами, женщинами и детьми. Священник служил литургию перед алтарем, который располагался на несколько ступеней выше остального помещения. Два маленьких прислужника с голыми коленями, время от времени мелькавшими из-под одеяний, перевязанных белыми веревками, держали книгу и кадило — эта сцена невольно напомнила мне об Ирландии.

От жары багдадского лета глиняные кирпичи церкви потрескались. Лопасты электровентилятора, столь огромные, что они напоминали пропеллер самолета, висели над головами, как люстра. Как и все другие христианские церкви на Востоке, это здание собрало весьма пестрое и причудливое общество, причем никто из прихожан одеждой не отличался от сограждан-мусульман, которых я видел на улицах города. Это были иракцы в европейских костюмах, мужчины носили также типичные для бедуинов платки *кеффи*, многие явно были курдами, о которых я, впрочем, имел весьма приблизительное представление; там были и женщины всех возрастов в черных или лиловых покрывалах, наброшенных на голову, а также невероятное количество мальчишек со школьным ранцем за спиной.

Литургия показалась мне похожей на католическую мессу, хотя ни слова на латыни в этой церкви не прозвучало. Язык богослужения был халдейским, арамейским — сегодня это мертвый язык, который звучит только во время халдейской литургии. Возможно, он сохранился как наследие вавилонских времен, на нем говорили халдейские астрологи Навуходоносора, о которых упоминается во второй главе Книги пророка Даниила. Как странно было слышать это гортанное произношение слов мертвого языка, звучавшего, вероятно, на дымящихся вершинах зиккуратов, воздвигнутых в честь Ваала, а теперь служившего для выражения таинства христианской литургии.

Прекрасным был момент, который называют «поцелуем мира»: на Западе он давно утратил буквальную форму, здесь священник дарует его мальчикам-прислужникам. Окунув руки в потир, он коснулся рук мальчиков, которые после этого побежали вниз по ступеням от алтаря, чтобы прикоснуться к протянутым рукам прихожан. Я сидел на краю скамьи, и один из мальчиков взял мои ладони в свои руки, а потом быстро двинулся дальше. Мой сосед, крупный, грубоватого вида мужчина, одетый в обноски, — я бы испугался, встретив его в темном переулке, — обернулся ко мне, протягивая руки для «поцелуя», а потом понял, что я иностранец, и, растерявшись, отодвинулся. Я протянул к нему ладони с «поцелуем мира», и он, благодарно улыбнувшись — лицо его внезапно смягчилось и расцвело, — прикоснулся к моим ладоням, а потом передал благословение дальше по ряду.

Я сидел, пока не погасили свечи, ощущая, что эта халдейская церковь, в которой я не мог понять ни слова богослужения, тем не менее была единственным для меня «домом», где я чувствовал себя свободно и не нуждался в охране. Здесь были христиане, они принадлежали той цивилизации, которая создала знакомый мне мир. В этом месте не было ничего странного, чужого или враждебного. Я мог не знать язык, но понимал саму суть службы. Я мог не знать имен восточных святых, изображения которых висели по стенам, но знал других святых, подобных этим.

Заметив меня, священник спустился и подошел, нерешительно заговорив со мной на не очень твердом английском. Я чужой в Багдаде? Не хочу ли я пройти с ним в здание патриархии позади церкви и выпить чашечку кофе? Я с удовольствием согласился, испытывая гораздо большую близость духа с этим человеком, чем с любым из мусульман, как бы долго я ни был знаком с последними.

Мы вошли в длинную, просто обставленную комнату, единственным украшением которой служил портрет халдейского патриарха в торжественном облачении. Большой наперсный крест был едва различим под длинной белой бородой. Священник вышел, а потом вернулся вместе с другим бородатым человеком, который отлично говорил по-английски.

— Я знаю английский, — заявил он. — Я недавно вернулся из вашей страны.

— Где вы были? — поинтересовался я.

— Фарнхэм в Суррее, — ответил он. — Я находился там в бенедиктинском монастыре.

Странно было сидеть в багдадской комнате и беседовать о Фарнхэме с двумя смуглыми священниками, лица которых напоминали изображения ассирийских царей. Когда он был в Фарнхэме, доводилось ли ему слышать от кого-нибудь о Коббете? [27] Нет, серьезно ответил священник. Это епископ? Нет, отозвался я с не меньшей серьезностью, Коббет не был епископом.

Затем мы поговорили о Багдаде и халдеях, о несчастьях несторианской церкви, в которую когда-то входила халдейская община. Сейчас несторианскую церковь по ошибке часто называют ассирийской. Халдейская церковь отделилась от несторианской в XVI веке и присоединилась к римско-католической. В течение трех последующих веков, несмотря на некоторые отклонения и частные проблемы, она оставалась в постоянном общении с Римом.

Мы с печалью обсудили несчастья и горести несторианской церкви и величие былых дней, когда несториане несли свет христианской веры в Китай.

— Это настоящая армия, — заметил он, — потрепанная и сокрушенная многими великими битвами.

Потом мы поговорили о халдейском патриархе, который носил блестящий титул «патриарха Вавилона».

Пообещав как-нибудь вернуться, я попрощался, но священники настояли на том, чтобы проводить меня сквозь лабиринт улочек: три человека в черном, на головах у которых красовались тюрбаны в форме дыни из черного атласа; смуглые, желтовато-землистые лица, длинные, прямые носы, угольно-черные бороды походили на медную голову ассирийского царя, которую я видел в музее Багдада. И хотя тот царь жил за два столетия до Рождества Христова, и борода его завивалась тысячей мелких, надушенных и умощенных локонов, лицо его перешло по наследству халдейским священникам современного Багдада практически без малейших изменений.

9

Мне повезло, и я встретил довольно много представителей халдейской церкви, которые любезно приглашали меня в свои дома. Они показывали плоские кровли, на которых спали летом, и прохладные подвалы — *сердабы*, в некоторых я увидел ниши-норы, в которых они жили, словно ящерицы, во время августовской жары.

Всем этим людям я сообщал о своем желании взглянуть на шествие шиитов, и наконец один человек ответил, что у него есть друг, из чьего дома можно наблюдать за процессией, которая вечером пройдет из одной мечети в другую. Он пообещал зайти в восемь часов вечера и отвести меня туда.

Когда мы отправились к нужному дому, уже стемнело, но улицы были заполнены людьми, так как Багдад успел усвоить западную привычку бесцельных ночных прогулок, вероятно, благодаря введению электрического освещения и появлению нового социального слоя служащих и чиновников, не занятых

физическим трудом. Маленький кинотеатр предлагал драму из европейской жизни; судя по виду тех, кто покупал билеты на самые дешевые места, они вряд ли когда-нибудь покидали ближайшие окрестности Багдада, и я невольно задумался о том, что они могут извлечь для себя из этого зрелища и не нанесет ли это им вред. Возможно, дурное влияние кинематографа у нас дома преувеличено, мне кажется, что главное достоинство фильма — легкость, с которой разумный человек забывает о его содержании. Но на Востоке, при условии, что большая часть населения не умеет читать, фильм воспринимают не как наркотик или волшебную сказку для взрослых, но как художественную интерпретацию жизни в Европе; власть кинематографа, добрая или злая, оказывается значительной и все еще не оцененной в должной мере теми, кто отвечает за прокат европейских фильмов.

Испытываешь стыд за жалкую западную версию «Тысячи и одной ночи». В том, что мы посылаем эти низкопробные картины в Багдад, чувствуется горькая ирония; и все же дешевые приманки нашей цивилизации приводят к тому, что молодежь в Багдаде предпочитает фильмы Гаруну ар-Рашиду.

Свернув с главной улицы, мы прошли по узким переулкам, в которых тонул звук наших шагов. Некоторые проходы напоминали Шемблз в Йорке. Дома клонились друг к другу, верхние этажи нависали над головами, так что лишь узкая, словно прорезанная ножом, щель открывалась в небо; а лабиринт проулков был настолько запутанным, словно их проложило стадо обезумевших овец. С наступлением темноты тайна старого Багдада вновь проникла на спящие улицы древнего города. В первый раз я почувствовал, что мог бы встретить здесь халифа, отправившегося на ночное приключение, или, взглянув вверх, разглядеть фигуру

карлика, свесившего голову с крыши, — фигуру столь типичную для восточных историй.

На этих улицах мы не видели состоятельных *эффенди*, которые бродили по главной улице: здесь, как тени, проходили вдоль стен молчаливые люди в шлепанцах без каблуков, они косо поглядывали на встречных из-под головных уборов и мгновенно исчезали за углом. Иногда долгий, жалобный стон турецкой мелодии, которую играл отдаленный граммофон, доносился до нас из-за глухой стены, и так можно было судить о присутствии жизни где-то внутри, о людях, сидящих вместе, будто в засаде.

Мой проводник остановился перед заурядной стеной без окон, постучался в ворота. Мы услышали звук шагов, кто-то спустился по лестнице, голос из-за стены спросил, кто мы. Затем дверь открылась, и перед нами предстал не евнух, который соответствовал бы образу улицы, и не купец в тюрбане и шелковом кафтане, а молодой человек в черной куртке, полосатых брюках и черных лакированных туфлях.

Демонстрируя прекрасное знание английского языка, он провел нас по каменной лестнице в комнату, выходящую на галерею, с которой открывался вид на внутренний двор. Два дивана, обтянутых персидскими тканями и снабженных белыми противомоскитными сетками, были развернуты навстречу друг другу, а над ними висели электрические лампочки без абажуров. Несколько китайских картинок на стенах, безделушки на бамбуковых столиках. Наиболее примечательным объектом было чучело кобры, которая душит мангуста; оно стояло на боковом столике, очень реалистичное и ужасное, представляя связь с Индией, которую я стал постепенно замечать в Багдаде повсюду.

Улыбающаяся смуглая девушка лет восемнадцати в маково-красном платье поднялась с дивана, где сидела в молчаливом и чуть напряженном ожидании, и

застенчиво пожала нам руки. Она была хозяйкой. Несмотря на то что лишь недавно закончила школу, она была слишком робкой, чтобы показать знание английского, но с готовностью отвечала «да» или «нет», поддерживая таким образом беседу, а мы проявляли подчеркнутую вежливость, пока наконец она не покраснела до цвета своего платья и не опустила глаза.

Слуга принес поднос с чаем, английскими бисквитами, апельсинами и сладкими лаймами.

Мы сидели и разговаривали о шиитах, которых мои собеседники-христиане скептически оценивали как опасных фанатиков, они рассказывали мне о страшном физическом самоуничижении, которому подвергают себя члены этого религиозного течения каждый год во время месяца мукаррам. Те, кто избивает себя — их шествие нам предстояло увидеть, — были самыми смиренными из бичующихся. Каждый из десяти вечеров они проходят от одной мечети к другой, нанося себе жестокие удары. Но есть и другие, которые хлещут себя по спинам цепями. Самая дикая форма самоистязания — порезы головы, которые наносят утром десятого дня мукаррам.

Хозяин дома видел такие церемонии в Неджефе и в Багдаде. Он сказал, что в шествии принимают участие все флагелланты, но самые яростные из них — туркмены, они иногда наносят себе столь глубокие раны, что даже умирают. В правительственном офисе, где он работал, служили несколько человек, которые взяли отгул на день, чтобы принять участие в процессии.

Я спросил у хозяина дома, как именно наносят раны. Он ответил, что группа мужчин несколько дней собирается в мечети, настраиваясь на кровавое представление, чтобы подготовиться и достичь необходимого состояния.

— В Кербеле и Неджефе можно увидеть, как они шепчут что-то своим ножам, носят их в руках, полируют

и натачивают, — добавил он.

Приходя в мечеть, они становятся в кольцо и кружат вокруг лидера, доводя себя до состояния крайнего эмоционального возбуждения, непрерывно произнося имена Али, Хасана и Хусейна, пока внезапно лидер не издаст громкий крик и не нанесет удар по своей голове. Как только остальные видят кровь, они впадают в настоящее безумие. Оглушительно выкрикивая: «Хусейн! Али! Хасан!», они режут себе кожу головы, пока их белые одежды не краснеют от крови.

Потом они парами выходят на улицу и бродят по городу, продолжая наносить себе раны, так что кровь течет по придорожным канавам и брызгами остается на стенах домов. Зрители слышат крики и звуки от ударов о черепа, видят струящуюся кровь и тоже начинают стенать и плакать, а иногда те, кто не принимал участия в оргии, теряют контроль над собой, вытаскивают ножи или ножницы и вонзают их себе в ладони и запястья, пока не потечет кровь.

Пока он описывал все это, мы услышали издалека глухой ритмичный шум.

— Идут! — воскликнул хозяин дома. — Нужно подняться.

Он провел нас по лестнице в маленькую спальню, окно которой выходило на улицу. Кто-то включил свет, но он тут же выключил его, спросив, не возражаю ли я против того, чтобы сидеть в темноте. Так лучше, пояснил он, не стоит привлекать к себе внимание. Поскольку комната нависала над улицей на ярд или около того, место у окна напоминало ложу в театре. Палкой я мог бы дотянуться до голов проходивших мимо людей. Все здания на улице оставались в темноте и выглядели таинственно, переулок изгибался, и край его скрывался из вида соединяясь с другим, столь же узким и, вероятно, извилистым. Единственным источником света была лавка на противоположной стороне улицы,

где сидел, скрестив ноги, старик в окружении целой россыпи сигарет и пачек табака. Мне почудилось нечто восхитительное и необычное в таком вот сидении в темноте, в наблюдении за людьми в плащах, которые шли по переулку, фигуры их внезапно появлялись в свете, падавшем из лавки, а потом снова терялись во мгле. Через определенные интервалы времени, постепенно нарастая, доносился непонятный шум, словно тысяча нянек, освободившись на время от привычных трудов, решили все вместе разыграть представление, воспроизводя тысячи шлепков одновременно. Но когда шум приблизился, мы расслышали жутковатый, горестный стон множества плачущих в отчаянии мужчин. Звук этот был поистине ужасен. А потом показались и те, кто его издавал, — они, покачиваясь, шли по улице, и это была самая странная процессия, которую я когда-либо видел. Впереди двигались мальчики и юноши, они несли знамена, которые, в отличие от строгих европейских традиций, хаотично болтались в их руках. За ними следовали взрослые мужчины, они несли на плечах шесты от паланкинов, на которых покоились светильники в форме лодок. Темный переулок озарился движущимися сполохами оранжевого сияния. За этими огнями, по восемь в ряд, шли обнаженные до пояса мужчины, пот струился по их лицам и блестел на смуглых телах. Они походили на полуобнаженных солдат, попавших в плен и шагающих навстречу своей судьбе. Каждую группу возглавлял лидер, а над головами плыли необычные варварские лодки, источавшие дым и желтый свет. Через каждые несколько ярдов группы замедляли шаг, лидер оборачивался к своим людям и кричал: «Хусейн!» Глубокий, мучительный стон в сотни голосов прокатывался по толпе. «Хасан!». Новый стон. А затем

раздавалось ритмичное арабское песнопение, которое исполнялось всеми:

Приветствуем тебя, о Хусейн,
Когдаходишь ты в Кербелу.

И все эти люди воздевали руки в конце каждой строки, а потом наносили удары себе в грудь. У многих шла кровь, они издавали при ударах единодушный вздох; у других были пока лишь кровоподтеки, которые неминуемо грозили превратиться в раны; и когда они били себя в грудь, глаза их были устремлены вверх, лица бледны и в свете мерцающих огней выглядели пугающими масками, словно лики мучеников, которых ведут на казнь.

Общее впечатление армии военнопленных, совершенный ритм взмахов и ударов, точно рассчитанные вопросы и ответы, абсолютное подчинение лидерам представляли собой резкий контраст беспорядку знамен и качающимся лодкам-светильникам. Эти люди, наносившие себе удары в грудь, напоминали странные фигуры из ночного кошмара, а их фанатичные, застывшие взгляды отражали боль и муку, пережитую Хусейном, страдавшим от жажды и ран на равнине у Кербелы.

Глядя на сотни этих лиц и тел, старых и молодых, с волосатой или гладкой грудью, крепких, как быки, и сухощавых, бородатых и совсем юных, безбородых, я задумался о том, почему человеческие существа ведут себя подобным образом во имя спасения души, начиная с самых темных глубин древности.

Конечно, избиение собственного тела, разрезание его ножом — все эти сцены видел и пророк Илия на горе Кармель, когда жрецы Ваала «стали кричать громким голосом и кололи себя, по своему обыкновению, ножами

и копьями, так что кровь лилась по ним»⁴. Автор одной из ветхозаветных книг мог называть этот обычай странным и диким, а столь диковинное выражение горя о погибшем Хусейне счел бы, наверное, последним вавилонским грехом. Когда я смотрел на эти лица и израненные тела, на проплывающие пятна света, я невольно чувствовал, что наблюдаю за древнейшей церемонией, известной еще с той поры, когда пылали алтари Ваала и Астарты, когда дымились жертвенники на вершинах зиккуратов.

Мимо нас прошло не меньше тысячи человек, и вид окровавленных торсов, звук песнопений и криков становились привычными и монотонными, так как каждая группа вторила предыдущей. Снова и снова я видел нарастающую и опадающую волну горя и страсти, а женщины стояли вдоль улицы или смотрели на проходящих из-за решетчатых ставней, и все они издавали тихий похоронный плач, который словно придавал сил бичующимся.

Последняя группа исчезла за поворотом, и я ощутил, что никогда в жизни не забуду это горестное «лил-хала, лил-хала», которое проникло в самые глубины моего мозга. Я встал, чтобы уйти. Хозяин дома включил свет и сказал, что неразумно бродить по улицам, пока шииты не дойдут до мечети. Эти добрые люди приготовили чай, принесли печенье и сладкий лимон; лишь около полуночи я двинулся в путь по темным безмолвным улицам, чтобы лечь спать.

Глава третья

Из Вавилона в Египет

Я еду в Вавилон и посещаю руины города Навуходоносора. Я совершаю путешествие в халдейский Ур и гуляю по улицам города, в котором родился Авраам. Я снова пересекаю пустыню и направляюсь на юг через Сирию и Палестину в Египет.

1

Один из самых нелепых поступков в моей жизни — это путешествие на такси в Вавилон. Багдадский шофер понятия не имел о непримиримых противоречиях между его машиной и Вавилоном, постоянно наезжал на поребрик и сохранял непреклонную уверенность, что там можно нанять такси по особым ценам.

Руины находятся в 60 милях к югу от Багдада, и путешествие занимает от трех до четырех часов. Вначале дорога довольно хорошая, но вскоре становится все хуже и хуже. Я понял, что мы приближаемся к цели, когда машина пересекла единственное на пути железнодорожное полотно, тянувшееся по песку, и я заметил табличку на английском и арабском: «Станция Вавилон».

В книгах я не раз читал о сокрушительной роли времени, обрушившегося на самый могущественный город мира, но табличка-объявление превращала его в образ нашей цивилизации. То, что называли «краса царства, гордость халдеев»⁵, теперь превратилось в «станцию» — здесь местный поезд издает громкий

свисток, и это кажется мне самым горьким из осуществившихся пророчеств Исаии.

Когда мы проехали дальше, я увидел с обеих сторон песчаные насыпи, ярко сверкавшие в полуденном солнце: некоторые из них были достаточно велики, чтобы заслужить название холмов, другие представляли собой низкие дюны, а остальные были всего лишь скромными перепадами уровня земли. Но на мили вокруг повсюду, где простирались эти поразительные руины, почва была выжжена, и это служило еще одним печальным напоминанием о минувшей славе Вавилона. Итак, это был город Висячих садов, одного из семи чудес света. Колесницы, запряженные четверкой коней, могли свободно проехать по его стенам; на одном только алтаре каждый день возжигали благовоний на тысячу талантов. Я в изумлении смотрел на то, что осталось, вспоминая слова человека, который пытался отговорить меня от поездки в Вавилон: «Там нечего смотреть, вы пожалеете, что приехали».

Но еще не выходя из машины я понял, что в жизни не видел ничего более впечатляющего и ужасного. Если это называется «нечего смотреть», то трудно представить себе, что в мире может дать больше пищи для воображения.

Я поднялся на песчаный холм, внутри которой покоились обширные остатки раскопок немецких археологов, проходивших здесь с 1899 по 1917 год. Сначала трудно разобрать, что это такое, поскольку впереди простирается несколько акров бурых стен из сырцового кирпича, разрушенные арки, первые этажи и подвалы домов, и все это в таком хаосе, что только опытный архитектор сможет уверенно определить, что и где находится. Дворец и лачуга, стена и проезжая дорога — все в одинаково мертвенном виде. Но одна часть руин все еще хранит истинное величие: великие Ворота Иштар, построенные в Вавилоне по приказу

Навуходоносора. Их пилоны поднимаются на сорок футов, а фигурные кирпичи сохраняют рельефы 152 разных животных, по большей части представленных в натуральную величину, чередующихся с рядами быков и драконов, некогда покрытых великолепной эмалью, но теперь оголенных до глиняной основы.

Какое же это замечательное открытие! Нет более печального зрелища, чем сырцовые кирпичи одного размера, одного тусклого цвета, то образующие участок стены, то рассыпающиеся по ровной земле, медленно превращаясь в прах, из которого они были созданы. Даже обычные прямоугольные кирпичи здесь отличного качества и отменной красоты. Глядя на это обширное пространство, покрытое вавилонскими кирпичами, я задумался о том, так ли прекрасны были сложенные из них здания, как нам рассказывают. Однако сохранившиеся на Воротах Иштар быки и драконы не оставляют сомнения в том, что так и было. Быки ступают с изяществом и бодростью молодых коней, вычищенные и подстриженные, как французские пудели. От головы до хвоста вдоль хребта, а также под челюстью, под животом и на груди шерсть у них подбрита, мягко ложится на бедрах, образует небольшую кудрявую челку, в которую вплетены бусины или драгоценные камни. Что же это за чудесные животные; не такие массивные, как изображения египетского бога Аписа, не такие фантастические и снабженные человеческим торсом, как культовые изображения Ассирии, но гордые, сильные, молодые, шагающие вперед поутру и способные вынести на себе вес широких ворот в пять пролетов? Я думаю, быки на Воротах Иштар — самые прекрасные образцы вавилонского искусства.

Их спутники, драконы, которых называли *сирруш*, исполнены столь же великолепно, но они не так привлекательны, поскольку мы не знаем таких животных. Вероятно, они изображены здесь, чтобы

пугать персов и мидян. Сирруш есть комбинация змеи, рыси и орла: голова, тело и хвост покрыты змеиной чешуей, передние лапы — от рыси, а задние ноги, оканчивающиеся когтями, — как у хищной птицы.

Сирруш изображен на многих произведениях вавилонского искусства. Профессор Колдуэй, который нашел Ворота Иштар, предполагает, что жрецы могли держать диковинных рептилий, обитавших в сумраке храма и представлявших живое воплощение сирруш. Если так, это добавляет новые краски в историю о Данииле и драконе, которая существует в разных версиях, но не отражена в Книге пророка Даниила. Легенда гласит, что в Вавилоне Даниил отказался поклоняться дракону и заявил, что сможет один и без оружия убить зверя. Его кинули в логово дракона в надежде, что там он и пропадет; однако пророк взял с собой мощное средство, в состав которого входили в основном битум и волосы, Даниил подбросил «пилюлю» дракону, который ее проглотил. Несчастный сирруш умер; некоторые источники утверждают, что он взорвался.

С вершины песчаной насыпи открывается вид на развалины и сводчатые подвалы дворца Навуходоносора. Трудно представить, что эти аморфные массы строительного материала — все, что осталось от Висячих садов, что вот здесь лежит тень от великой дороги, огибавшей Вавилон и параллельной городским стенам, некогда поражавшим воображение всех путников.

Плоская равнина простирается до самого горизонта, пустая и безжизненная, за исключением запада, где течет Евфрат, окаймленный поясом пальм. Отсюда не видно реки, лишь тонкая линия листвы протянулась на многие мили, словно зеленая змея на песке. Даже «реки вавилонские» покинули город, а ведь в древние времена русло проходило вдоль западной части Касра, принося

радостное журчание струй, одаривая деревьями и цветами. словно подчиняясь приказу о том, что ни малейшего следа жизни не должна остаться возле Вавилона, Евфрат изменил течение и проложил новый путь, унося с собой жизнь.

Пока я стоял над руинами, ко мне подошел араб, который сказал, что работал здесь с профессором Колдуэем. Его звали Умран Хамид, он представился как «проводник по Вавилону». Он оказался славным малым, успевшим усвоить много сведений от немецких археологов, и готов был неустанно ими делиться. Мы бродили по развалинам, и он указывал мне то, что я никогда бы сам не заметил.

Он обратил мое внимание на остатки трех колодцев у основания Висячих садов и на помещение, которое он назвал «холодильником». Несмотря на то что иногда он путал английские слова, сказанное им в целом было понятно.

— Да, как продукты хранят холодными в снегу, — пояснил он.

— А вы когда-нибудь видели холодильник?

— Нет, сэ, но я слышал, о нем говорили немцы.

Если Умран все понял правильно со слов археологов, вероятно, нижние этажи Висячих садов служили для хранения в холоде продуктов, замороженного шербета и других лакомств для мидийской принцессы, ради удовольствия которой Навуходоносор и создал Висячие сады. Существует предание, что на этой плоской равнине она тосковала по родным горам, как и плененные евреи, и, чтобы порадовать ее, царь приказал соорудить искусственную гору с садами-террасами. Слово «висячие» не вполне подходит для их описания. Греческий термин *kremastos* использовался в древности для определения «повешенного», то есть казненного, а в современном языке — для характеристики подвесного моста.

Совершенно точно известно, что Висячие сады стояли на земле так же прочно, как египетские пирамиды. Как и все в Вавилонии, они были выстроены из сырцового кирпича и представляли собой пирамиду, или зиккурат. Воду для орошения садов подавали из колодцев к основанию этого сооружения. На каждой серии террас были посажены деревья и цветы, искусственные водные потоки ручейками журчали то тут, то там. В этом чудесном ботаническом саду гуляла принцесса — возможно, в поисках скальных участков. Хочется верить, что попытка Навуходносора компенсировать даме перемену обстановки увенчалась успехом. Конечно, ни один мужчина не смог бы сделать большего; но история, как и скромный жизненный опыт простых людей, позволяют предположить, что столь грандиозные жесты не всегда являются самыми уместными и эффективными. Вероятно, где-нибудь среди мертвых костей вавилонян лежит глиняная табличка, которая рассказывает о том, как принцесса-горянка приняла столь яркое проявление царской любви, когда после многомесячных тяжелых работ Навуходносор привел ее в новые сады.

— И ты называешь *это* садами? Это даже не холм!

Я спросил Умрана, какими он представляет себе Висячие сады. Он восторженно улыбнулся и ответил:

— Они похожи на райские кущи.

Затем он провел меня к неровному участку — так выглядят прикрытые строительными лесами останки домов, разрушенных с целью возведения новых зданий, например в Лондоне. На этом месте когда-то стоял великий зиккурат Вавилона — храмовая башня под названием *Э-темен-анки*, которую археологи и считают знаменитой Вавилонской башней. Очевидно, что это была гигантская ступенчатая пирамида-зиккурат, типично вавилонская по форме, она достаточно высоко поднималась над равниной, чтобы с нее астрономы

могли без помех вести наблюдение за звездным небом. На самой верхней площадке находился храм, в котором были только стол и ложе, которое, по свидетельству Геродота, на ночь занимала женщина, избранная божеством из всех женщин страны. Это подтверждают найденные записи: храм и высокая башня восходят к первым векам существования Вавилона, время от времени цари ее реконструировали.

Мы подошли к цепочке разрушенных арок, которые некогда поддерживали пиршественный зал Навуходоносора. Именно там, согласно Книге пророка Даниила, Валтасар увидел таинственную надпись на стене.

Когда мы бродили по заброшенным насыпям, тишину которых нарушало лишь жужжание диких пчел и шершней, я подумал о том, как буквально воплотилось пророчество Исаии о падении Вавилона. И в самом деле, город был повержен, как пали Содом и Гоморра.

«Не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем. Не раскинет аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах»⁶.

«Толстые стены Вавилона до основания будут разрушены»⁷, как предвещал пророк Иеремия; «ограды его сожжены огнем»; город и вправду стал «ужасом между народами»⁸ и «пустынею без жителей». Слова Иеремии осуществились буквально; город лежит «грудами развалин». Какое слово может лучше описать это ужасное запустение: «и Вавилон будет грудами развалин».

Исаия пророчествовал, что среди обитателей руин будут те, кого он называл *киппод*; это еврейское понятие озадачивало переводчиков Библии. В

английской версии оно представлено как «выпь»; в другой, исправленной редакции — «дикобраз». Я зарисовал в блокноте дикобраза и спросил Умрана, видел ли он среди руин нечто подобное.

Его лицо просияло:

— О, да! Это *кунфуд*. Он очень пугливый и появляется только по ночам.

Я не видел ни дикобразов, ни шакалов, ни змей, ни сов, ни других представителей фауны, упоминавшихся пророками, однако заметил животное, ими не названное, — зайца. Это было единственное живое существо, которое мы потревожили за все время блужданий по развалинам. Мы спугнули его неподалеку от пиршественного зала Навуходоносора.

— Смотрите! — воскликнул Умран. — *Арнабех!*

Крупный заяц прыжками помчался прочь через центр мертвого города.

Когда мы вернулись к Воротам Иштар, Умран показал место «львиного рва», в который бросили пророка Даниила. Вероятно, этот ров окружал Ворота Иштар, и когда профессор Колдуэй начал раскопки, он обнаружил тысячи цветных изразцов на этом участке. Собрав их вместе, он получил фигуры львов, у некоторых тела были белыми, а гривы желтыми, у других — желтые тела и красные гривы. Он считал, что главные ворота Вавилона охраняло не меньше 120 львов.

Среди самых интересных деталей, на которые стоит обратить внимание в Вавилоне, стоит отметить то, что кирпичи по-прежнему скреплены природным асфальтом (битумом), который использовали вместо известкового раствора, в точности так, как рассказывает Геродот. Он посетил Вавилон примерно через столетие после его падения, когда это все еще был один из величайших городов мира, хотя многие здания лежали в руинах. Возможно, наказание, которое обрушил на него Ксеркс, доставило немало хлопот строителям, так что Геродот

мог повсюду наблюдать за тем, как использовали асфальт, который плавил в смоляных ямах.

Метод заключался в том, чтобы нанести тонкую пленку битума между рядами кирпичей; скрепленные таким образом кирпичи были настолько спаяны, что оторвать их от кладки можно было только с помощью кирки или заступа. Ряды кирпичей перемежались еще и слоем тростника, отпечатки которого сохранились на кусках асфальта, поскольку сами стебли давно сгнили. Поставки природного асфальта, согласно Геродоту, шли из Хита, расположенного в 70 милях к северо-западу от Багдада, города, в котором даже сегодня чувствуется запах жженой смолы и сероводорода, так как там сохранились два асфальтовых колодца: один горячий, другой холодный, в тридцати футах один от другого. Конечно, подобный асфальт можно найти повсюду в районе персидских нефтяных месторождений, а также вокруг Мосула.

В древние времена западные авторы, безусловно, удивлялись и кирпичу, и асфальту, которые они принимали за исключительную черту Вавилона, что, впрочем, соответствовало действительности. Вавилонская башня была выстроена из сырцового кирпича, скрепленного асфальтом, — в Библии его называют «земляной смолой». И что послужит лучшим описанием вавилонской строительной техники, чем стихи Книги Бытие, рассказывающие о строительстве Вавилонской башни:

«И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести»⁹.

Ноев ковчег тоже был обмазан снаружи и изнутри асфальтом; так и по сей день поступают жители Ирака при изготовлении лодок и парусных судов, которые ходят по Тигру и Евфрату.

Исследователи Библии знают, что раскопанные руины Вавилона почти полностью относятся к эпохе Вавилонского пленения евреев. Если вы увидите в стене кирпич с надписью — а таких немало, — можете быть почти уверены, что он носит имя Навуходоносора.

Полагаю, каждый, кто посещает Вавилон, повторяет про себя вступительные слова великолепного псалма:

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах посреди его повесили мы наши арфы»¹⁰.

Ни одно несчастье в истории не породило более великую литературу, чем Исход, и никогда тоска по родине не была выражена столь явно и столь прекрасно. Я взял с собой в поездку Библию и то и дело обращался к страницам книг Исаии и Иеремии, а также героя пленения Иезекииля, которые потрясающе передают атмосферу обреченного города древнего мира. Какие пронзительные, обжигающие слова! История звучит горше, если добавить к ней привкус слез и пламя гнева и презрения. И пока живут слова этих людей, пыль, поднятая египетскими колесницами, еще стоит в воздухе, а ассирийские лучники держат наготове стрелы, в то время как вавилонские тараны стоят у городских стен. Они не писали спокойно, как греческие историки, это дикая и страстная речь, так кричат люди на перекрестках дорог, их голоса взлетают и падают, порой перемежаясь со слезами, порой срываясь на истошный крик. В древней литературе можно найти много прекрасных и трогательных образцов, но, думаю, что никогда люди не взывали к другим векам с таким всплеском эмоций, с такой надеждой, с такой яростной ненавистью.

Современный мир уже рождался, когда пророки призывали гибель на великие империи Востока: Наум предвещал смерть Ассирии, Исаия заранее уничтожил Египет, Иеремия предрекал гибель Вавилона. Греческие корабли и греческие солдаты служили в египетской армии, когда она маршем вошла в Сирию при фараоне Нехо. У поэта Алкея был брат Антеменид, служивший у Навуходоносора; он присутствовал при разрушении Иерусалима в 586 году до н. э. и, вероятно, видел Второе вавилонское пленение евреев. Когда в 539 году до н. э. Вавилон пал и период пленения закончился, еще были живы те, кому довелось сражаться при Марафоне.

Не все евреи были одновременно выведены в Вавилон; на самом деле процесс проходил в три этапа на протяжении шестнадцати лет, самый долгий период пленения составил около шестидесяти лет. Значит, не исключено, что Даниил мог попасть в Вавилон мальчиком, пережить эпоху плена и стариком увидеть, как его народ получил разрешение вернуться в Иерусалим. Евреи были не единственными, кто попал в то время в плен, поскольку такое выведение племен входило тогда в обычай, а освободившаяся земля передавалась новым поселенцам; но евреи стали единственными пленниками, сохранившими за десятилетия свою национальную и религиозную идентичность.

У Навуходоносора была серьезная причина для их депортации. Задолго до его правления египтяне ввели практику использования буферных народов, прикрывавших их границы от Ассирии, а когда Ассирия пала — от ее преемника Вавилона.

Еще не став царем, Навуходоносор вынужден был пройти с войском на юг, чтобы очистить Сирию от египетского влияния, и, если бы его отец не умер в тот момент, когда Навуходоносор уже приближался к Египту, вероятно, он смог бы даже войти в район

Дельты. Однако в сложившейся ситуации Навуходоносору пришлось спешно сворачивать военные действия против Египта, сохранив суверенитет над Сирией, и во главе отряда легкой конницы возвращаться в Вавилон, чтобы вступить в права наследования.

Едва он вернулся в столицу, египетские посланцы развернули широкую агитацию среди племен, живших на территории Сирии, которые, как и все должники, склонны были плохо думать о кредиторе. Иудея, маленькое государство, разрываемое на части внутренними усобицами и восстаниями, оказалось идеальным местом для интриг. Евреи были расколоты на две части: сторонников Египта, настроенных против своего духовенства (они говорили о необходимости сбросить вавилонское ярмо), и сторонников священнослужителей, которые воспринимали обрушившиеся на страну бедствия как месть Господа за грехи избранного народа. Бог сделал Ассирию бичом Своего гнева, и десять колен Израилевых были угнаны в Ассирию за сто тридцать лет до нашествия Навуходоносора. Вавилон стал новым орудием Божьего наказания в отношении Иудеи. В этом и состоит суть речей всех пророков той эпохи.

Читая пророческие книги, всяк будет вынужден признать, что перечень грехов еврейского народа — холодящий душу каталог преступлений. Получалось, что евреи впали во все виды злодейств и языческих отступлений. Каждое утро на крышах домов возжигались благовония в честь Ваала, а Храм Яхве стал сценой тайных ритуалов, заимствованных, видимо, из Египта. Жрецы Молоха зажигали огни в долине Генном, и ложные боги поселились повсюду. Сквозь этот хаос широко шагали пророки, возвещая скорую кару; а в царском дворце представители знати и высшие чиновники перешептывались с египетскими посланниками.

Разведка Навуходоносора работала отлично, так что великий царь словно сам слышал голоса заговорщиков и имел возможность принять необходимые меры. Существует достаточно оснований оценивать его как человека мягкого и терпеливого: обращение царя с Иудеей не идет ни в какое сравнение со свирепостью ассирийцев в отношении десяти колен Израилевых веком ранее. Тем не менее предупреждения Навуходоносора не дали результата, и в 597 году он направил армию, чтобы навести порядок в Иудее. Когда подошли войска, включавшие в себя халдейскую и вавилонскую пехоту, а также свирепую скифскую и мидийскую конницу и необычно вооруженных греческих наемников, пророк Аввакум произнес вдохновенную речь, которая не только представляла собой образчик великолепной прозы, но и могла вызвать страх среди возбужденного населения Иерусалима. Он возглашал:

«Страшен и грозен он; от него самого происходит суд его и власть его. Быстрее барсов кони его и притче вечерних волков; скачет в разные стороны конница его; издалека приходят всадники его, прилетают, как орел, бросающийся на добычу. Весь он идет для грабежа; устремив лице свое вперед, он забирает пленников, как песок»[11](#).

Но когда вавилонские войска встали под стенами Иерусалима, иудейский царь Иоаким был мертв, а его восемнадцатилетний сын только-только вступил на престол. Понимая тщетность попыток противостоять Навуходоносору, молодой царь и его мать в сопровождении высших чиновников и придворных, священников и евнухов вышли из ворот и пали на колени перед вавилонским правителем, который повел себя совсем не в стиле большинство восточных деспотов. Те ослепляли, вырывали языки и распинали за преступления меньшие, чем назревавший в Иудее бунт. Но Навуходоносор удовлетворился тем, что отправил

царскую семью и придворных, а также высших иудейских военачальников и лучших ремесленников в пределы Вавилона. Среди первой группы пленных оказался и пророк Иезекииль. После назначения царем Иудеи двадцатиднолетнего Седекии — он стал последним царем Иудеи! — Навуходоносор вместе с армией ушел в свою столицу.

Иерусалим не был разрушен, и большинство жителей сохранили свои дома; однако евреи не прекратили плести заговоры и вести переговоры с египтянами. Молодой царь Седекия, слабый и мягкий по характеру представитель знати, который в менее беспокойные времена мог бы стать идеальным монархом, не смог проявить твердость, необходимую, чтобы противостоять той партии, которая вела дело к обострению конфликта. Иеремия видел бесплодность дальнейшей борьбы и делал все, что было в его силах, чтобы спасти соотечественников от катастрофы. Он восклицал: «Служите царю Вавилонскому и живите; зачем доводить город сей до опустошения?»¹²

Освистанный, избитый и заключенный в тюрьму как сторонник мира с Вавилоном, он продолжал предупреждать об опасности. Некоторые утверждали, что пленение будет коротким и все увведенные в Вавилон вскоре вернутся. Чтобы сокрушить эту веру и подготовить Иудею к испытаниям, Иеремия писал пленникам, призывая их смириться: «Стройте дома и живите в них, и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество... И заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас...»¹³

Он обращался к своему народу в Иерусалиме и предвещал новые беды, которые обрушатся на евреев за их грехи. Но его слова не были услышаны, и Навуходоносор, увидев, что жители Иудеи не оценили

его прежней милости, более не собирался хранить терпение.

В 586 году до н. э., через одиннадцать лет после того, как первые пленники были уведены в Вавилон, Седекия позволил Иерусалиму превратиться в центр заговора, в который были вовлечены и соседние государства: Тир и Сидон, Моав и Аммон. Планировалось восстание, вероятно, под общим руководством египтян, но в последний момент Эдом, Моав и филистимляне отступили. Однако Иудея, Тир и Аммон твердо держались прежних намерений.

Когда Навуходоносор выступил на юг, он столкнулся с тремя врагами, и, конечно, за ними стояла тень истинного противника — Египта, всегда державшегося чуть в стороне. Иезекииль, находившийся в Вавилоне и слышавший о событиях с той стороны, дает нам представление о том, как великого царя сдерживал Оронт, как шли споры о том, какого из трех врагов поразить первым. Царь гадал по полету стрел, и придворные предсказатели пытались прочесть будущее по печени животного. Затем, оставив в тылу резервные войска, Навуходоносор направил две армии: одну против Тира, другую против Иерусалима. Надписи на скалах, вырезанные теми вавилонянами, которые выступили против Тира, все еще видны в ущелье Нарэль-Кальб под Бейрутом.

После восемнадцати месяцев осады стенобитные машины вавилонян проделали брешь в крепостных стенах Иерусалима, и отважно оборонявшийся, несмотря на все внутренние разногласия, город был занят чужеземными войсками. На сей раз Навуходоносор был беспощаден. Он сровнял с землей стены города, разрушил Храм, разгромил дома, выколол глаза Седекии, зарезал его сыновей и в цепях отправил царя и придворных в Вавилон. Это была вторая группа пленников.

Население осталось под управлением наместника Гедалии, среди прочих был и Иеремия, отмеченный Навуходоносором. Не раз задавались вопросом: знал ли вавилонский царь о страстных призывах и мольбах пророка, знакомых нам по библейским текстам, в которых Иеремия умолял соотечественников уважать власть новых правителей? В этом нет сомнений. А потому Навуходоносор признал в пророке неожиданного союзника. И царь лично отдал приказ, чтобы Иеремии предоставили выбор: оставаться в разрушенном городе или отправиться в Вавилон. Он сказал: «Вся земля пред тобою; куда тебе угодно, и куда нравится идти, туда и иди»¹⁴. Иеремия предпочел Иудею. Он в отчаянии смотрел на то, как уцелевшие евреи продолжали плести заговоры и мечтать о восстании, потом убили наместника и вступили в союз с моавитянами; тогда вавилонская армия вновь пришла в Иудею и третья группа была отправлена в плен. Там, вдали от родины, их встретил Иезекииль, осуждавший и жалевший бунтовщиков и предупреждавший, что время окончательного воздаяния еще не пришло. Но бунтовщики ответили, что будут сражаться и не прекратят возжигать благовония в честь богини неба. В последние дни существования умирившего государства Иеремия бежал в Египет.

Но что происходило с евреями во время Вавилонского пленения? Чем они занимались? Неужели все они «сидели и плакали на реках вавилонских»? Или было и нечто иное? Что не все обстояло столь трагично, можно предположить на основании того факта, что многие евреи не хотели возвращаться и заново отстраивать Сион, когда период пленения закончился. Они не были нищими рабами, как их предки в Египте. Никто не заставлял их лепить кирпичи, хотя они поселились в стране, производившей самое большое количество кирпичей в мире. Можно не сомневаться, что

они находились под гнетом, об этом говорят пророки. Они испытывали трудности, и разные группы пленников находились в разном положении: кто-то жил хорошо, а кто-то нет. Пророк, известный как Второисаия, ненавидел Вавилон; он утверждал, что вавилоняне были безжалостны и с годами иго становилось все тяжелее, что многим евреям, независимо от возраста, пришлось работать на строительстве каналов и рвов, а также на прочих участках строительства ирригационной системы. С другой стороны, в рассказе Иезекииля о стране пленения как о «стране дорог» и «стране торговли», о «плодородных полях», на которых евреи поселились, как ивы у воды, нет ни малейшего намека на гнет. А Иеремия, который всегда оставался реалистом, не стал бы посылать из Иерусалима призывы к пленникам принять ситуацию, насаждать сады, есть их плоды и жить в свое удовольствие, пока это возможно.

Огромный город Вавилон, окружавшие его плодородные земли, толпы чиновников, банкиров, обширные рынки, длинные набережные, развитые ремесла — все это предоставляло практичным и сообразительным евреям тысячи возможностей для завоевания мира. Нет сомнения, что Вавилон стал первым местом, где евреи занялись коммерцией.

Исследователи задавались вопросом: не был ли древний и процветающий банкирский дом Эгиби — вавилонский вариант имени Иаков, — из поколения в поколение управлявший финансами вавилонского двора, еврейским? Сотни глиняных табличек с записями об их банковских операциях и денежных акциях найдены в руинах Вавилона, теперь они находятся в Британском музее. Судя по всему, семья Эгиби считалась вавилонской, возможно, это были члены одного из без вести пропавших десяти колен Израилевых, в свое время угнанных в Ассирию, — основатели клана могли перебраться из Ассирии в Вавилон, где занялись

финансовыми делами и стали процветать. Многие таблички сообщают о займе денег под 20 %, так что «Эгиби и К°», очевидно, пренебрегли традиционным иудаистским предубеждением против ростовщичества. Интересно, что, несмотря на сохранение имени Эгиби (Иаков) в названии дома, все члены семьи носили вавилонские личные имена, такие как Итти-Мардук-балату или Мардук-насир-аплу, которые включали имя верховного бога Вавилона: так евреи в Англии меняли, например, фамилию Коган на более удобную для коммерции Макинтош.

Дом Эгиби, вероятно, управлял имениями, продавал земли и дома, торговал рабами и пальмовыми рощами, готов был вести любые сделки, хоть по продаже лука, хоть операции с серебряными шекелями. Даже если члены клана Эгиби питали сентиментальные чувства по отношению к братьям из Иудеи, которые также являлись сынами Израиля, нет сомнения, что их успех мог разжечь в пленниках жажду процветания, открывая новые, сияющие горизонты.

Однако присутствие маленькой группы религиозно настроенных людей, чье ясное видение будущего и твердая вера в период плена только укрепились, не позволило евреям раствориться среди завоевателей. Первым среди духовных наставников стал Иезекииль, чей дом в городке Тель-Абиб (Зерновой холм) служил местом собраний для тех, кто мечтал о возрождении Иудеи. Иезекииль воспринял Вавилонское пленение как второй шанс для своего народа, он жил будущим, формируя в мыслях программу нового государства: теократической монархии с храмом единого Бога, а не царским дворцом, в качестве центра и сердцевины всего общества. Иезекииль интересен и тем, что ходил из дома в дом, проповедуя, пророчествуя и представляя соотечественникам идею Нового Иерусалима; он не только первым воплотил концепцию Доброго Пастыря,

бережно опекающего свое стадо, но и впервые в истории мировых религий изложил учение о спасении души, сходное с тем, что позднее проповедовал апостол Павел.

«Как пастух поверяет стадо свое в тот день, когда находится среди стада своего рассеянного, так Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный... Я буду пасти овец Моих, и Я буду покоить их, говорит Господь Бог»¹⁵.

Эти слова Иезекииля, написанные в Вавилоне, кажется, могли бы войти в Новый Завет. Другой великий пророк, возможно, величайший из всех, автор глав 40–55 книги Исаии, которого называют Второисаией, всем сердцем жаждал возвращения в Иерусалим.

В атмосфере большого города, где писцы были многочисленны и даже самые простые, повседневные коммерческие операции фиксировались на глиняных табличках, хранились и учитывались в обширных библиотеках, было вполне естественно записать и сделать общеизвестной историю своего народа, в особенности руководствуясь верой в будущее Иудеи. Многие книги Ветхого Завета, известные нам по современной версии Библии, восходят именно к этому периоду. Литературная активность в эпоху Вавилонского пленения сохранила религиозно-национальный дух и помогла укрепить страх Божий в сердцах людей, лишенных родины, позволила им смиренно и терпеливо ждать возвращения и воспитывать детей в правой вере. Так рождался и развивался иудаизм, которому предстояло в будущем распространиться по всему миру. История детей Израиля подошла к концу, но начиналась история евреев.

К концу шестидесятилетнего номинального пленения евреи стали свидетелями события, которое по ошибке называют «падением Вавилона». После смерти Навуходоносора царский венец переходил с одной

головы на другую, пока наконец не достался Набониду, который оказался любителем древностей. Он проводил время, раскапывая разрушенные храмы и исследуя старинные культы. Есть нечто трогательное в самой мысли о том, что этот монарх пытался изучать прошлое своей страны в тот момент, когда на него неумолимо надвигалось будущее. Он совершил фатальную ошибку, пригласив в Вавилон других чужаков — богов всей страны. Он собрал их со всех концов земли и организовал централизованный культ в столице. Боги оказались весьма дорогостоящими гостями и на их содержание пошли деньги, которые раньше расходовались на поклонение собственному богу. Это вызвало гнев вавилонских жрецов, а также жителей страны, лишенных своих богов и их представительства на небесах. И правление Набонида стало предостережением всем любителям старины и археологам, которые пожелают превратить свое безобидное увлечение в факт общественной жизни. Это царь, очевидно, с головой ушел в исследования, запершись во дворце Тейма и, возможно, даже отрекся от престола в пользу сына Валтасара, который и взял в свои руки управление Вавилоном.

Но в мире уже росла новая сила — Персия, ее приветствовали и вавилоняне, и евреи в надежде на освобождение от слишком увлеченного археологией монарха. Царь Кир был готов откликнуться на эти призывы, он выступил с войсками против Вавилона. Наверное, мы никогда в точности не узнаем, как пал Вавилон. Книга пророка Даниила описывает последнюю ночь Вавилона и письма на стене, но сегодня считается, что она была написана через два столетия после событий, чтобы вдохновить Маккавеев на борьбу с сельджуками, так что эта книга имеет в большей мере религиозное значение, нежели историческую точность. В еврейские списки пророческих книг ее не включают.

Приведенные в ней факты не согласуются с теми, что даны в подлинной литературе периода Вавилонского пленения.

Из истории становится ясно, что, когда Вавилон пал, все ужасные подробности этой катастрофы остались покрыты мраком, как и предсказывали Второида и Иеремия. Захват Вавилона Киром был спокойным и легким, как поход Муссолини на Рим. Так что «Падение Вавилона», которое порой представляется в образе горящих домов, рушащихся стен и мертвых тел, на самом деле было всего лишь мирной сменой династии.

Пророки вещали о детях, разорванных на куски на глазах у родителей, о разграбленных домах, о мужчинах, которых резали, как скот на бойне, о фонтанах, пересохших в пожарах. Даже самый тихий из псалмов эпохи Вавилонского пленения, который начинается фразой «На реках вавилонских», заканчивается пугающими словами: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»¹⁶

Но разграбления Вавилона, предвкушаемого иудейскими пророками, не произошло. Персы просто вступили в город в 539 году до н. э.; более того, был отдан строгий приказ соблюдать права собственности и не оскорблять жителей. «Пал Вавилон и разбился; рыдайте о нем!»¹⁷ — провозглашал Иеремия еще до события, но плакать было не о чем, поскольку Вавилон как будто остался доволен своим «падением». Конечно, как и говорили пророки, народы были изумлены, но не падением Вавилона, имевшего лучшую систему оборонительных стен в мире, а, скорее, тем, что новая власть утвердилась без борьбы.

Вступив в город на следующий вечер после своей армии, Кир оказался редким правителем в истории, не завоевателем, но филантропом. Вместо того чтобы сносить стены, он укрепил их и обновил, произвел необходимые улучшения, восстановил храмы и

общественные здания. Он отослал перевезенных в город богов назад, в опустевшие святилища, и сказал евреям — к их удивлению и недовольству, — что они могут уходить домой. Внимательное чтение Второиисаии, а также книг пророков Аггея и Неемии, дополненное неоспоримыми свидетельствами вавилонских евреев эллинистической эпохи и более поздних времен, доказывает, что лишь небольшая часть пленников выразила желание покинуть Вавилон и восстанавливать утраченное отечество.

Масперо в работе «Гибель империй» писал:

Теперь, когда они вольны были уйти, выяснилось, что они отлично чувствуют себя в Вавилоне. Им приходилось покидать свои дома, поля, предприятия, привычку игнорировать политику, чтобы испытать трудности трехчетырёхмесячного опасного перехода и в итоге оказаться посреди руин обнищавшей страны, окруженной враждебно настроенными и завистливыми соседями; такая перспектива немногим пришлась по душе, и только священники-левиты, а также представители наиболее твердых в вере низших слоев общины с трогательным энтузиазмом восприняли идею возвращения.

Итак, поразительно малое количество евреев во главе с Шешбаззаром через два года после окончания Вавилонского плена обосновалось в районе Иерусалима, и прошло около двадцати лет, прежде чем они смогли вновь возвести Храм на горе Сион. А тем временем вавилонские евреи множились числом, силой и богатством. Несмотря на отказ возвращаться домой, они все же рассматривали Храм в Иерусалиме как свою духовную родину и никогда не переставали посылать

средства на его содержание. Главой еврейской общины Вавилона считался принц дома Давида, тень погибших царей Иудеи, Реш-Глута — «Принц Пленения». Он держал личную охрану, прислугу, некое подобие двора, на публике появлялся облаченным в золотые одежды и в сопровождении телохранителей. Он был знаменит гостеприимством и блеском устраиваемых увеселений. Когда Вавилон пришел в упадок, его славу унаследовала Селевкия, а затем Багдад. Во времена халифов Принц Пленения все еще держал свой двор, в нем видели отражение былого величия Соломона; известно, что Принц возглавлял общину вавилонских евреев даже в XII веке н. э.

Я покинул Вавилон, его пустынные, безмолвные холмы, зияющие руины, пыльные, коричневые кирпичи и подумал: хотя пророки и не увидели ожидаемого запустения этого города, их слова сбылись, потому что время всегда оказывается на стороне пророков.

В городке Хилла, в тенистом сумраке пальмовых садов, раскинувшихся на берегах Евфрата, я наблюдал за ленивым течением жизни в долине Междуречья, которая повторяла ритм, установленный с начала истории. В этих зеленых рощах было приятно и прохладно. Жаркий белый мир снаружи заслоняли череда лохматых пальмовых стволов и веера листьев, тесно переплетенных над головой; в тишине, царившей внизу, Евфрат нес воды на юг, к Персидскому заливу.

Мужчины и женщины неторопливо брели в тени, как правило, в сторону дающей жизнь реки, чтобы принести оттуда воду в больших сосудах и канистрах. В этом история всей страны: люди берут в реке воду и поливают землю. Раздававшийся неподалеку унылый звук, напоминавший мелодию волынки, подсказал мне, что работает *джирд*. Под раскидистым тутовым деревом медленно шел бык, вытаскивая из канала чуть

подтекающий кожаный мешок с водой, который потом переворачивался, и вода из него стекала в узкий ирригационный канал, внутри которого ее прогоняла система примитивных, но вполне действенных лопастей. Я уверен, что *джирд* не изменился со времен Навуходносора. Он казался старым и сиплым обитателем этих мест, на которого не производят ни малейшего воздействия ни прогресс, ни течение времени. И в самом деле, можно вообразить, что части системы *джирдов* переговариваются на разные тона от рощи к роще, вдоль всего Евфрата, — это голоса древней земли.

На реке я заметил и необычные рыбацкие лодки, их называют *гуфа*; наверное, Ной отверг их как слишком примитивные и старомодные. Это круглая плетеная корзина, способная вместить до двадцати человек, а некоторые суда могут взять на борт овец и лошадей; для того чтобы они не пропускали воду, плетеные конструкции обмазывали битумом. Я пообещал себе, что непременно пойду в Британский музей и взгляну на лодки-*гуфа* в залах Ассирии и Вавилона, потому что, я уверен, такие суда должны были существовать на Евфрате с древнейших времен. Лодочники правят черными *гуфа* с помощью весел, умело передвигаясь вдоль берега, отталкиваясь на мелководье; чтобы причалить, кто-то выпрыгивает за борт и подтягивает лодку на тонком канате к берегу.

Пока я наблюдал за *гуфа*, три женщины в черном прошли в зеленоватой тени пальм с кувшинами на плечах. Прежде чем наполнить сосуды водой, они подняли вуали, полагая, что их никто не видит, и на мгновение остановились, чтобы поболтать «на реках вавилонских». Теперь, услышав этот псалом, я буду всегда вспоминать маленькую группу на берегу Евфрата — трех женщин в черном на фоне синего неба, пальм и бегущей воды.

Мне бы хотелось подольше остаться в Хилла; сэр Эрнест Уоллис Бадж в книге «По Нилу и Тигру» отметил: «Евреи из Хилла, несомненно, являются потомками тех, кто эмигрировал из той части Вавилона, которая была заселена вплоть до X века н. э., и в течение многих поколений они занимались торговлей антиквариатом». Есть странная ирония, согласная со словами Иеремии, в самой мысли о том, что часть прежнего Вавилона принадлежит теперь потомкам бывших пленников.

3

Каждое утро, в 8:30, король Гази, младший сын короля Фейсала, проезжал в офис из скромного дворца на западном берегу Тигра. Он пересекал мост Мод и следовал по улице ар-Рашида. Движение останавливалось. Машины, повозки, экипажи, лошади, случайные в городе верблюды отступали к обочине и ждали, пока проедет король.

Впереди ехали два полицейских на мотоциклах: зоркий глаз имел шанс разглядеть в мчащейся мимо машине фигуру в одежде цвета хаки и черных очках. Процессия довольно скромная, в восточном городе она является образцом поучительной пунктуальности; глядя на нее, я невольно вспоминал короля Фейсала: интересно, что бы сказал тот, если бы мог предвидеть все это в дни, когда он вместе с Лоуренсом Аравийским в пустыне, среди пальм оазиса Вади Сафра, готовил восстание.

Как-то утром, как только проехал король, я взял такси и снова отправился в Вавилон. Я прогулялся среди песчаных насыпей и исследовал руины храма Мардука — очередной вавилонский зиккурат.

В ходе раскопок немецкие археологи обнаружили две загадочных подземных комнаты позади святилища.

Профессор Колдуэй считает, что это спальни для тех, кто жаждал откровений оракула или проходил лечение сном. Он утверждает, что именно здесь бодрствовали всю ночь военачальники Александра Македонского, пока умирал от лихорадки их повелитель.

Из всех событий, происходивших в Вавилоне, полагаю, нет такого, что затрагивало бы воображение сильнее, чем смерть молодого Александра, которому не исполнилось еще и 33 лет. Смерть человека, за двенадцать лет создавшего новый мир! Записи о его деяниях были сделаны военачальниками, врачом, смотрителями дорог, капитанами его кораблей, но все они канули в вечность; и хотя поздние историки, на рассказы которых мы полагаемся, представляют Македонца всего лишь воином, нечто за пределами литературы сохранило до нашего времени величие его духа. Любой араб в пустыне расскажет вам историю Искандера Зу'л Карнайна — Александра Двурогого; в горах Персии, Индии или его родной Македонии крестьяне все еще говорят о нем, и, хотя их предания с годами обрели фантастические черты, осталась память о том, кто за короткие годы жизни успел стать легендой.

Есть нечто прекрасное и печальное в фигуре Александра, и ни одному из авторов пока не удалось точно это выразить. Вероятно, секрет в том, что сам Александр называл словом *пotos* — стремление, желание, тоска по далекому и недоступному, то состояние ума, которое поздние комментаторы описывали как «человеческую, сердечную тягу, тайную и почти незаметную, мучительную остроту ощущений», беспокойство, которое «постепенно росло и стало движущей силой для завоевания мира». Практически любая работа по истории христианства начинается за три века до Рождества Христова, с рассказа о молодом человеке, который уничтожил барьер между Востоком и

Западом, распространил по всему миру греческий язык и культуру, положив начало эпохе эллинизма. Те, кто во всем зрит руку Божию, не увидят в этом ничего случайного. Кажется, наш мир вырос из завоеваний Александра, он медленно, на глубинном уровне готовился к восприятию христианства, как сад готовится к принятию рассады. Святой Павел, порожденный эллинизированным миром, странствовал по Европе, распространяя слово Божие в эллинистических городах. Евангелие было записано на *койне* — повседневном разговорном греческом, который после завоеваний Александра стал эсперанто эллинистического мира. История Иисуса рассказывалась людям I века на языке рынка и улицы. Значит, ни один христианин не может посетить Вавилон, не испытывая чувства, что здесь, среди холмов черной пыли и желтого песка, скончался тот, кто стал невольным предтечей христианства.

Собственно, подробности смерти Александра хорошо известны, но многое нам хотелось бы узнать.

«Весной 323 года до Рождества Христова весь порядок вещей от Адриатики до Пенджаба зависел от одной воли, одного разума, вскормленного эллинской мыслью. А затем рука Божия, словно совершая фантастический эксперимент, убрала этого человека с игрового поля», —

так пишет об этом Э. Р. Биван в книге «Дом Селевкидов».

Было начало июня, и Вавилон был переполнен войсками Александра, ожидавшими приказа о новом походе. Он построил военный порт, достаточно большой, чтобы вместить флот из тысячи боевых кораблей, и многие суда были изготовлены на месте; другие корабли пришли из Тира в Фапсака на Евфрате. Самые старые

суда совершали историческое путешествие вниз по Инду, через Индийский океан и в Персидский залив. Моряки и рыболовы с финикийского побережья подготовили флот для морского похода.

Накануне выхода в путь у правителя случился приступ лихорадки, вероятно, он подхватил ее на болотах к югу от Вавилона, которые посещал, чтобы спланировать новую ирригационную систему. И хотя лихорадка оказалась жестокой, он настоял на проведении обычных жертвоприношений, однако к алтарю его пришлось нести на носилках. Следующий день он провел в постели из-за болезни, но обсуждал с начальником флота предстоящий поход, выступление в который, по его воле, было назначено через четыре дня. Вечером он катался на гребной лодке по Евфрату, остановился в милом домике среди садов, где воздух был прохладнее, чем в городе. Шесть дней он лежал в лихорадке, участвуя в ежедневных религиозных церемониях и последовательно откладывая отправление флота.

Когда у него поднималась температура, он нервничал из-за отсрочки похода и отказывался отдыхать, пока его не пришлось доставить назад, в городской дворец, где Александр был ближе к своим военачальникам. Окружающим стало очевидно, что он умирает. Военачальники ожидали в соседней комнате, рядом со спальней, а командиры рангом ниже столпились во дворах и передних залах дворца; проходя к царю, они видели, что Александр уже не в силах говорить с ними. В войсках распространился слух, как это было в момент, когда правитель отправился в одиночку в индийскую крепость, что он уже мертв; воины-македонцы пришли в таком количестве, что охрана не смогла сдержать их и вынуждена была впустить солдат во дворец.

Затем перед ложем умирающего царя произошла одна из самых трогательных сцен в истории. Грубые старые воины, прошедшие с ним все кампании, македонские копьеносцы и ветераны конницы, покорившие Азию, в последнем параде прошли перед Александром. Он старался сказать им что-то, но не мог. Он приветствовал каждого легким кивком головы и движением глаз.

В ту ночь семь высших военачальников Александра бодрствовали в храме Вавилона, пытаясь получить у оракула совет. Должны ли они принести царя в храм для исцеления? Глубокой ночью они получили ответ: пусть все будет, как будет. К вечеру следующего дня, на одиннадцатый день болезни, Александр умер; говорили, что тишина опустилась на Вавилон и продолжалась четыре дня и ночи.

Легко понять, что те, кто жил в тени гения Александра, и даже те, кто знал лишь о его успехах, не представляли, что мир может существовать и дальше — без него. Он сосредоточил в своих руках всю земную власть за невероятно короткое время, и если притязания на божественность могли показаться шуткой тем, кто хорошо его знал, то даже они не сомневались: он был величайшим человеком на свете. Можно сказать, что Александр умер так, словно опустился занавес, закрыв второй акт его жизни, и даже с большого расстояния испытываешь печаль из-за того, что жизнь эта оборвалась до срока; а еще ощущаешь разочарование зрителя, которому объявили об отмене важного спектакля. Перечитывая страницы его короткой жизни, словно оказываешься в театре, когда действие прервано из-за внезапной катастрофы, и с досадой возвращаешься домой, не переставая гадать, каким был бы второй акт. Перед Александром лежал покоренный Восток; впереди были Карфаген и Запад. Рим? Кто может сказать? «Если бы жил Александр» — пожалуй,

одна из самых увлекательных тем для воображения, какие только есть в истории.

Прошло совсем немного времени, и люди стали перешептываться, ходили слухи, что Александр был отравлен, но никто никогда не смог этого доказать. Арриан упоминает, что яд, «снадобье», как он его называет, был доставлен в Вавилон в копыте мула. Плутарх сообщает, что ядом была ледяная вода Нонакриса, которую провезли в город в копыте осла. Это была вода Стикса, фрагмент растаявшего льда с вершины горы Хелмос в Аркадии, вода настолько холодная и ядовитая, утверждали древние авторы, что она разрушала любой сосуд, кроме копыта животного; а некоторые даже точно указывали породу животного — например, скифская ослица! Маловероятно, что Александр был отравлен водой Стикса, все это, конечно, были самые заурядные слухи об отравлении, часто сопровождавшие на Востоке неожиданную смерть правителя от недуга. Когда Лик столетие назад нашел реку Стикс, он выяснил, что вода ее вполне пригодна для питья, но все окрестные жители верили, что эту воду нельзя держать в обычном сосуде.

С похоронами Александра и спорами о праве на его тело связана странная тайна, тем более заманчивая, что из этого спора родился новый мир. Мы видим отражение власти Александра и его авторитета в безудержных амбициях, вспыхнувших сразу же после кончины царя; потому что те, кто сражался за раздел покоренного им мира, словно игроки, делившие куш, были ранее его покорными слугами. Он легко и уверенно нес свой венец, находил пределы власти недостаточными для своих амбиций, но даже часть его владений была велика для тех, кто боролся за наследие Александра, хотя они были достаточно хороши, чтобы идти с ним бок о бок.

Вероятно, тело Александра мумифицировали, как тела египетских фараонов, хотя никаких прямых

свидетельств на этот счет древние авторы не оставили. Диодор говорит лишь о том, что гроб наполнили ароматическими травами, от которых исходил приятный запах. Довольно странно, что подтверждения версии о мумификации содержатся не в классических, а в восточных источниках. Историк Масуди писал намного позже событий, но в его распоряжении были старинные документы, и хотя многие такие записи были весьма неточны, иногда в них содержатся совершенно достоверные факты. Любопытно, что Масуди утверждает: по приказу матери Александра тело сначала опустили в смолу, затем положили в золотой гроб, а потом перенесли в мраморный, чтобы не привлекать грабителей могил. Здесь есть явная путаница, поскольку эпизод с заменой гробов относится к гораздо более позднему времени, но упоминание о смоле может быть памятью о мумификации Александра. Эфиопский манускрипт рассказывает, что после омовения в алоэ тело Александра окунули в «пчелиный мед». И это тоже похоже на воспоминание о мумификации.

Но было ли тело забальзамировано или нет, определенно, прошло немало времени, почти два года, прежде чем оно обрело место упокоения. Художники, ювелиры, инженеры были заняты работами по созданию великолепного катафалка, и в результате их трудов должна была получиться замечательная конструкция, большой золотой храм на колесах, кровля поддерживалась рядами ионических колонн. С нее свисали колокольчики, издававшие при движении мелодичный перезвон. Внутри святилище, в котором стоял массивный золотой гроб, украшали четыре картины: на одной Александр с жезлом в руке стоял в окружении своих военачальников; на другой были изображены слоны в боевом порядке; на третьей — конница на марше; на четвертой — морской пейзаж с

боевыми кораблями, готовыми к сражению. Катафалк венчал огромный золотой венок, сверкавший бриллиантами в солнечных лучах. Вес сооружения был так велик, что для перемещения его по пустынным дорогам изобрели амортизаторы. К катафалку добавили четыре шеста, к каждому из них прикрепили по четыре ярма и в каждое впрягли по четыре мула, так что в целом катафалк везли 64 мула. Животные были украшены золотыми венцами, на упряжи висели золотые колокольчики, а на шеях мулов сверкали драгоценные камни.

Такое фантастическое святилище, в которой лежало тело, покрытое рубцами — ведь у Александра было много боевых ран, — везли через пустыню от Евфрата до Нила; можно вообразить, с каким благоговейным трепетом дикие племена смотрели, как под звон колокольчиков, в окружении стены копий и плотных рядов воинов, проезжает по их земле тело завоевателя. История интриг, которые привели к этому путешествию, никогда уже не будет известна. Какие шесть футов земли должны были принять человека, которому принадлежала большая часть цивилизованного мира? Это была политическая проблема. Очевидно, его должны были похоронить вместе с другими македонскими царями в Эгее; но как-то раз, в самом начале череды восточных триумфов, подгоняемый неумолимой «жаждой недоступного», Александр совершил длинное романтическое путешествие через ливийские пески, чтобы обратиться к оракулу Амона в оазисе Сива. Бог приветствовал Александра как божественного фараона, и молодой царь охотно воспринял такое подтверждение своего превосходства над прочими людьми и в дальнейшем многожды появлялся на публике в венце, украшенном рогами барана — символом Амона, его божественного «отца». Говорили, что в Сиве он и нашел успокоение, в святилище Амона. Птолемей, который

захватил Египет, страстно хотел заполучить тело Александра себе — как своего рода талисман великой силы и влияния. Выбрав подходящий момент, Птолемей устроил так, что тело вывезли из Вавилона, предположительно в Македонию, но, в сопровождении могучего эскорта, он встретил процессию в Сирии и направил ее не в оазис Сива, а в древнюю столицу страны, город Мемфис. Затем либо он сам, либо его сын перевезли тело в Александрию, где оно лежало в хрустальном гробу вплоть до наступления христианской эры.

Я спросил одного из местных арабов, рассказывают ли еще в деревнях истории об Александре. Он ответил, что существует много преданий, указал на высокий вал красноватой земли примерно в миле к востоку от руин и сообщил, что там находится место, где на огромном костре было сожжено тело Александра.

Я прошел к той круче и по дороге встретил еще одного араба, который рассказал мне ту же историю, добавив, что там много знаков огня. Когда я подошел ближе, то увидел, что холм этот не менее 50 футов в высоту; местами склоны были крутыми, казалось, там вели земляные работы или строили укрепления. Карабкаясь по грудам мягкой земли и сырцовых кирпичей, я обнаружил, что действительно весь холм почернел, будто от огромного пожара.

Может быть, это следы колоссальной погребальной церемонии, которую организовал Александр в честь своего друга Гефестиона? Порой случается, что память о событии сохраняется в устной традиции, передаваясь из уст в уста, только знаменитые имена заменяют собой правильные. Спустя несколько месяцев, читая книгу профессора Колдуэлла о раскопках в Вавилоне, я наткнулся на следующий фрагмент:

Признаки гигантского пожара видны на кирпичях, сплавившихся вместе из-за сильного огня, на них запечатлелись отпечатки пальмовой и другой древесной структуры. Во многих местах отпечатки демонстрируют точные, аккуратные контуры отличной плотницкой работы. Все это весьма примечательно, и мы можем найти этому объяснение.

Возможно, мы находим его в отчете, представленном Диодором, о похоронной церемонии, устроенной Александром Великим в честь Гефестиона... Величественный костер, который, по слухам, обошелся в 12 000 талантов, вероятно, был далеко виден на фоне восточного горизонта.

4

Халдейский Ур, город Авраама, лежит в 230 милях к югу от Багдада и в 120 милях от Басры, на берегу Персидского залива. Для большинства людей это имя звучит как напоминание о чем-то затерянном в тишине мертвой страны, как образ места удаленного и труднодоступного, и я был удивлен, выяснив, что современный путешественник может приехать в город Авраама в спальном вагоне!

Одним из результатов европейского влияния в библейских землях, в таких поселениях, как Ур, Гат или Аскалон, раньше ассоциировавшихся только с Ветхим Заветом, стало введение железнодорожного сообщения. С тем же странным чувством неуместности новинки, с каким я заказывал такси до Вавилона, я купил билет в халдейский Ур. Поезд покидал Багдад ночью и прибывал в Ур ранним утром.

Багдадский вокзал собрал живописную компанию библейского вида шейхов, членов их семей, слуг; они усаживались в вагоны третьего класса, затаскивали туда сумки с провизией, в то время как представители иного мира и иного века с любопытством разглядывали их из окон первого класса. Я наблюдал за тем, как мрачные и фаталистически настроенные жители Востока, потеряв самообладание, бегали туда-сюда по платформе и возбужденно кричали, переругивались, прощались, несмотря на то что многие из них собирались проехать не более нескольких миль. В отправлении поезда есть нечто такое, что лишает азиатского крестьянина привычной невозмутимости; вероятно, это внушающая ужас мысль, что поезд отправится в заранее назначенное время.

Купе спального вагона было удобным и соответствовало всем стандартам, а наличие умывальника свидетельствовало, что этот же тип вагонов используется в Индии. Днем он служил для обычной перевозки пассажиров первого класса, но вечером в нем появлялся чиновник Иракской железной дороги с кипой простыней, подушек и одеял. Как ему удавалось достигать подобных высот вежливости? Могу только сказать, что забота и внимание служащих сравнимы, если не превосходят, только с преданностью нянь, пестующих королевских детишек. Едва поезд делал очередную остановку, моя няня в хаки пробежала по проходу, чтобы закрыть дверь вагона или уберечь меня от ужасов вавилонской ночи. Сначала я подумал, что он беспокоится, как бы меня не похитили, но на платформах, у которых мы останавливались, царила полнейшая пустота, так что я пришел к выводу: он боится, что я сбегу. Как и многие в Ираке, он был убежден, что я страдаю неутолимой жаждой и голодом, и потому многократно заверял, что утром я непременно

получу чай и печенье, причем в какое-то нечеловечески раннее время.

Итак, я лежал и пытался уснуть, глядя на звезды, усыпавшие небо до самого горизонта. На таком плоском ландшафте ночное небо служит компенсацией за безрадостный пейзаж в течение дня. Нетрудно понять, почему халдеи были одними из первых на земле астрономов. Каждую ночь небо представляет собой великолепное зрелище, и отсутствие гор или хотя бы холмов означает, что внимание наблюдателя никогда не обращается к земным объектам, но свободно бродит среди созвездий. В древние времена вершина каждого зиккурата могла принимать небольшую группу людей, всматривавшихся в фиолетовую бесконечность небес, наедине с тайной Вселенной, как моряки посреди океана.

То, что евангельские волхвы с Востока были халдейскими астрономами, — больше, чем заманчивое предположение. Кеплер обнаружил, что соединение Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб, обычно видимое раз в восемьсот лет, произошло не менее трех раз непосредственно перед Рождеством Христовым. И не было на земле места, в котором на это могли обратить больше внимания, чем в древнем доме астрономии. Волхвы сказали: «Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему»¹⁸. Сколько художников изображали волхвов, бредущих по равнине в сторону Вифлеема, глядя на горящую над головами Звезду!

Пока поезд продвигался на юг, я читал книгу сэра Леонарда Вулли «Халдейский Ур». В ней рассказывается об истории одного из самых значительных и интересных археологических открытий нашего времени. Раскопки дали миру свидетельства потопа. Удалось найти могилы людей, принадлежавших высокоразвитой цивилизации, живших за столетия до построения пирамид. Затем, совершая прыжок во времени, сэр Леонард рассказывает

о городе, в котором, возможно, жил Авраам. Он входил в руины домов, которые мог знать Авраам. Семь лет работы с лопатой в Уре уничтожили полувековую уничижительную критику, созданную пером невежд.

Когда сняли покров земли с древнего города, мы узнали, что Авраам был жителем культурного, цивилизованного общества; он покинул его, чтобы пасти овец и странствовать по миру так же добровольно, как сегодня человек покидает Лондон, чтобы перебраться в Австралию или Новую Зеландию.

«И сказал Господь Аврааму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ»¹⁹.

Итак, Авраам покинул оживленные набережные и рынки раннего и меньшего по размеру предшественника Вавилона, он бродил по миру не потому, что был кочевником по рождению, а потому, что, как горожанин, решил искать свою судьбу: в некотором роде, его можно назвать первым колонистом в истории.

Перед рассветом поезд остановился на узловой станции Ур. Там меняли локомотив, после чего состав направлялся дальше, к Персидскому заливу.

Стоило мне ступить на платформу, как я почувствовал нечто знакомое. Я раньше нередко попадал на подобные станции. Она отлично подошла бы для съемки немого фильма, когда герой прибывает на новое место, причем обстановка всегда совершенно одинакова. Сначала в кадре появляется локомотив, за ним тянется череда сверкающих на солнце пульмановских вагонов, поезд на полной скорости несется на зрителя, в последний момент сворачивая чуть в сторону, прежде чем остановиться. Затем из вагона выходит герой, бросает тревожный взгляд на окружающий пейзаж, в котором вплоть до самого горизонта царит картина полного запустения. Слово

для того, чтобы подчеркнуть его одиночество, камера переносит наше внимание на отправление поезда. Пассажиры на платформе, чернокожий слуга, колеса набирают скорость, и вот уже герой остается один и задумчиво стоит на опустевшем перроне.

Каждую деталь этой сцены легко представить себе в Уре, едва освещенном ранним утром. Там было только небольшое станционное здание и пути, уходившие к северу и югу. Воздух был колючим и холодным, вокруг царила полная тишина. Сам факт, что я прибыл на комфортном поезде, делал Ур гораздо более пустынным и удаленным, чем я воображал.

В отличие от моих кинематографических предшественников, оказывавшихся в подобной ситуации, я не мог рассчитывать, что меня встретит девушка в шляпке от солнца или старик на облучке легкого экипажа, или хотя бы толпа поселян, которые всегда приходят в фильмах на выручку герою. В Уре не было ничего подобного, лишь рассвет постепенно озарял плоскую равнину. По мере того как свет становился ярче, выяснялось, что вокруг простирается бесконечная дикая местность. Но когда солнце встало, я обратил внимание на примечательную черту пейзажа. Примерно в двух милях виднелся красноватый холм, напоминавший пирамиду со срезанной верхушкой. Эта огромная масса могла быть только одним — знаменитым зиккуратом Ура. Я видел много его фотографий, читал о нем в книгах; и вот он передо мной, в утреннем свете, в пустыне, и я могу дойти до него пешком.

Подойдя поближе, через сухой солончак, я увидел, что это не земляная насыпь, как казалось издалика, и далеко не бесформенная груда — это конструкция из сырцовых кирпичей; наклонные стороны вели к вершине, которая уже была хорошо различима, хотя до зиккурата еще оставалось некоторое расстояние.

Я даже не предполагал, что зиккурат Ура или то, что от него осталось, будет настолько впечатляющим. Все храмовые башни Вавилонии и Халдеи были построены по одному принципу: последовательность широких, почти плоских платформ, водруженных одна на другую, каждая следующая платформа меньше предыдущей. Малыши строят подобия зиккуратов — всем известные детские пирамидки, которые составляют на вертикальном основании — стержне. Святилище бога находилось на самом верху, на последней платформе, и к ней вели наклонные лестницы, начинавшиеся на уровне земли.

Может показаться странным, но моим первым чувством при взгляде на зиккурат Ура было истинное удовольствие. Я никогда не испытывал полного комфорта в абсолютно плоской стране и потому высоко оценил желание давно умерших зодчих Ура нарушить монотонность равнины возведением искусственной горы. Есть теория, что древние завоеватели этих мест были выходцами из горных районов и тосковали по родине — или просто отличались религиозным консерватизмом (может быть, справедливо и то и другое). В любом случае они хотели молиться богам на возвышенных точках, как привыкли делать до прихода в эти низины. В Халдее они строили возвышенные места собственными руками, и рассказ о строительстве Вавилонской башни описывает именно такое событие.

Даже в запустении зиккурат Ура выглядит величественно, должно быть, он просто потрясал, когда ступени-платформы были выкрашены в яркие цвета, нижние ярусы — в черный, самый верхний — в красный, святилище — в синий, а кровлю покрывал позолоченный металл. Жрецы в цветных одеяниях спускались и поднимались по лестницам, сопровождали статую божества вниз во время великих праздников — сэр Леонард Вулли полагает, что именно эта процессия

легла в основу описана «лестницы Иакова», — казалось, что по склонам пирамиды двигаются ангелы.

Я взошел на зиккурат по той самой лестнице, раскрытой во время раскопок, — по ней шли жители Халдеи за двадцать три столетия до Рождества Христова. Так странно осматривать сооружение, которое намного старше патриарха Авраама, храм, который ловил последние лучи заходящего солнца задолго до построения египетских пирамид. Я обратил внимание на ровные ряды щелей, напоминавших бойницы средневековых крепостей; они озадачивали археологов, пока те не разобрались, в чем дело. Эти щели проходят сквозь облицовку из обожженных кирпичей, скрепленных битумом, до самой основы из сырцовых кирпичей, составляющих сердцевину всей структуры. Считалось, что они позволяют отводить влагу из глубины строения; но археологи постепенно поняли, что осушать нечего! И верхние кирпичи, и сырцовое основание должны были потерять всю влагу вскоре после окончания строительных работ, а редкие в этих краях, но очень обильные дожди прекрасно отводились от сердцевины и без этого. Тогда зачем устраивать столь трудоемкое дренажное устройство? Ответ на загадку был найден, когда прочитали надпись, сделанную от имени последнего вавилонского царя Набонида, о чьих археологических и исторических исследованиях я уже упоминал. Он нашел зиккурат Ура в руинах и восстановил его, позаботившись сообщить об этом в надписи, где сказано, что царь очистил «обрушившиеся ответвления». И тогда стало ясно, что на платформах росли деревья, и дренажные отверстия предназначались для отведения воды, которой орошали растения на террасах.

Поднявшись на самую вершину зиккурата, которая вздымается над равниной примерно на пятьдесят футов, я увидел то, о чем никогда не забуду. Прямо внизу,

прижавшись к руинам храма, лежал Ур — один из древнейших городов, о которых мы только знаем. Там были тысячи маленьких домов без кровли, сложенных из сырцового кирпича, и пересекавшиеся улицы и переулки. Косые лучи утреннего солнца падали на мертвый город, превращая строения и улицы в рельеф из острых черно-белых линий и углов. Концы проходов терялись в грудах песка, обозначавших границы раскопок. И этот город был выстроен на развалинах предшествующих, более древних поселений, в том числе того, где жил Авраам за двадцать столетий до Рождества Христова.

Везде, насколько хватало глаз, простиралась бурая равнина, ограниченная лишь далеким горизонтом. Только в одном месте полное запустение нарушалось тонкой зеленой полосой, огибавшей пейзаж. Это был Евфрат, который катил свои воды в Персидский залив по глубокому руслу, окаймленному финиковыми пальмами.

Глядя с высоты зиккурата в Уре, я без труда мог представить, как выглядела эта страна тысячи лет назад. Море тогда было гораздо ближе, поскольку ил, принесенный двумя реками, накапливался год за годом, век за веком, формируя аллювиальную долину, и теперь побережье находится на расстоянии 120 миль. Вавилония представляет собой платформу речного ила, медленно нарастающую в южном направлении. Багдад расположен в 130 милях к северу, на высоте 105 футов над уровнем моря, и халдейский Ур — только на 15 футов; Басра, которая стоит в 120 милях к югу, выше уровня моря лишь на 8 футов. Во времена Авраама морские суда стояли в гавани Ура, а Евфрат или его крупный приток, омывал западные стены города. А вместо бурой пустыни вокруг Ура должны были простираться участки пышной растительности. Пальмовые рощи и поля зерновых тянулись на многие мили от города, их пересекали оросительные каналы, в

которых отражалось голубое небо. Вместо палящих пустынных ветров дул свежий морской бриз; вместо мертвенной тишины шумел оживленный город, корабли поднимались и спускались по реке, лодки мягко скользили по голубым каналам. А в центре, посреди одноэтажных домов, теснившихся внутри городских стен, высился зиккурат Ура, ярко раскрашенный, видимый на равнине на расстоянии многих миль, а солнце сверкало на золоченой кровле святилища, так что их было видно с полей на севере и синего моря на юге. В этом блестящем, цивилизованном городе жил Фарра, отец Авраама, и отсюда Авраам отправился в странствия.

Я спустился с зиккурата и вошел в город Авраама. Если бы квадратную милю багдадских улиц лишили крыш и оставили безлюдной на год или два, она стала бы сильно напоминать Ур; правда, друзья и современники Авраама, вероятно, жили в лучших домах, чем многие из тех, что я видел в Багдаде. Переулки в Уре очень узкие, по некоторым едва смог бы пройти нагруженный поклажей осел, но некоторые дома имели по четырнадцать комнат, окружавших центральный двор. Можно вообразить жизнь в древнем Уре, хотя некоторые обычаи покажутся нам странными. Как утверждает сэр Леонард Вулли, ко многим домам были пристроены «личные часовни», в которых хоронили в массивных глиняных гробах, напоминавших старинные ванны, членов семьи. В более скромных жилищах мертвых помещали прямо под полом. Сэр Леонард пишет: «Существовал обычай, согласно которому считалось, что мертвец продолжал жить в доме, и наследники располагались над его могилой; обычай, на первый взгляд, может показаться варварским, однако он свидетельствует о крепких семейных узах, характерных, например, для древних евреев». Может, и так, но нам трудно понять, почему в Уре не разразилась чума,

несмотря на лагуну, каналы и реку, равно как и на прочие прелести Ура; полагаю, Авраам был счастлив уйти в пустыню.

Сидя в доме, где могли находиться Авраам и Сарра, я услышал странный, неожиданный звук. Это был человеческий шепот. Вероятно, Ур — не то место, где ожидаешь услышать чей-то шепот из-за стены. Осторожно пройдя на цыпочках к проему, я выглянул наружу и увидел двух мужчин с ружьями за спиной. Это были сторожа руин.

Мне всегда было любопытно, о чем говорят эти люди между собой, ведь несмотря на то что подозрительность у них в крови, а ружья и патронташи наготове, они наверняка ощущают себя беззащитными, когда бродят вот так среди древних развалин. Я попросил их показать мне то место, где сэр Леонард Вулли обнаружил свидетельства потопа, и очень доволен, что сделал это, потому что ни за что не отыскал бы его сам. Они провели меня по переулкам мертвого города к двум насыпям и указали на огромную яму. Сторожа предупредили меня, что ступать надо очень осторожно, поскольку края раскопа не укреплены, и я спустился на пять тысяч лет назад.

Мне интересно было рассматривать стены, на которых запечатлелась история людей, живших на этом месте: слой за слоем вглубь уходили пласты разных эпох. Глиняные черепки в изобилии торчали из земли; виднелись кости и какие-то непонятные объекты и фрагменты. Стороны раскопа кое-где представляли собой сплошное месиво ручек от кувшинов, горлышек сосудов, кусочков горшков, обломков тарелок и других емкостей; и все это прекрасно сохранилось. А потом, с драматической ясностью, я увидел свидетельство человеческой беспечности и бестолковости; восемь футов пустой глинистой почвы, без малейших следов жизнедеятельности. Эти восемь футов были принесены

потопом, случившимся здесь примерно шесть тысяч лет назад. А ниже снова шли слои, сохранившие следы человеческой жизни: те люди жили еще до потопы. Сэр Леонард Вулли приводит замечательное описание своего открытия:

Глубина раскопа увеличилась, и внезапно характер почвы изменился. Вместо слоев керамики и мусора мы увидели совершенно чистую глину, совершенно однообразную, ее текстура показывала, что она принесена сюда потоком воды. Рабочие сообщили, что мы добрались до дна, поскольку это речной ил, из которого сложена речная дельта, и сначала, глядя на стены раскопа, я был склонен согласиться с ними, но потом заметил, что мы находимся слишком высоко. Трудно было поверить, что остров, на котором было выстроено первое поселение, располагался так высоко над уровнем болота, и, поработав с измерениями, я велел рабочим продолжать раскопки. Слой чистой глины продолжался без изменений, единственный найденный объект — окаменевшая кость, явно принесенная рекой; и так восемь футов. А потом, столь же внезапно, как начался, этот слой закончился, и мы вновь увидели прослойки мусора и следов жизнедеятельности человека, там встречались кремневые сколы, камни, от которых их отщепляли, а также керамика.

Археологи прошли сквозь слой, оставленный потопом, и нашли следы людей, живших до него. Сэр Леонард продолжает:

Таковы факты. Что же следует вывести из них? Открытие состоит в том, что в этих краях действительно был потоп, о котором рассказывают шумеры и евреи, хотя, конечно, находка не подтверждает никаких деталей этих легенд. Этот потоп не был вселенским, катастрофа имела местный масштаб, охватив долину Тигра и Евфрата, затронув территорию примерно в 400 миль длиной и 100 миль шириной; но для жителей долины это и был весь мир!

Увидеть слой человеческой жизни до потопа, вслед за археологами, — это было бы по-настоящему впечатляюще, но осыпающийся песок со стен раскопа уже скрыл нижнюю страту. Однако едва ли что-то может быть нагляднее следов потопа. Это словно великая тишина, внезапно сменившая живые человеческие голоса, это возобновление жизни после того, как «земля высохла»²⁰.

Я осмотрел места царских погребений в Уре, среди которых археологи нашли могилы царя А-бар-ги и царицы Шубад, а также скелеты восьмидесяти слуг, в основном женщин. Эти захоронения были сделаны за тысячу лет до рождения Авраама, и с этого кладбища поразительные, изящные ювелирные изделия были перенесены в Музей Багдада.

Описание этих могил сэром Леонардом Вулли — блестящий образец реконструкции. Кости и найденные рядом с ними предметы, остатки повозок и скелеты быков — все было найдено в таком расплюсненном состоянии, что даже крепкое деревянное колесо превратилось в беловато-серый круг праха на земле, однако сэр Вулли сумел выстроить яркую картину захоронения, каким оно было пять тысяч лет назад, когда в него поместили тела царских особ: у солдат,

умерших у ворот, в руках копья с медными наконечниками, мертвая арфистка рядом со своим инструментом, мертвые погонщики волов возле животных, возницы на повозках, придворные дамы в нарядных платьях и сама царица Шуб-ад на деревянных похоронных дрогах, в фантастическом головном уборе из буковых листьев и колец, все ее тело покрыто амулетами и бусами, а возле руки — золотая чаша.

Ни одно из тел не сохранило следов насилия, нигде не видно признаков агонии. На самом деле существует только одно доказательство того, что все эти люди, по видимому, добровольно отправились вслед за владыкой в загробный мир. Его обнаружили археологи: у всех женщин, кроме одной, на головах золотые или серебряные обручи. Когда тело без головного убора было поднято, под ним, на уровне талии, нашли предмет, который оказался недостающим обручем. Вероятно, эта дама пришла последней, может быть, она несла обруч в складке платья или в сумочке на поясе, полагая, что наденет его внутри могилы; но забыла это сделать. И так она пролежала пять тысяч лет, пока кто-то не обнаружил ее забывчивость.

Сэр Леонард Вулли предполагает, что эти люди в ожидании смерти могли находиться под воздействием наркотических препаратов. Судя по всему, они участвовали в церемонии по доброй воле, поскольку рассчитывали на быстрый переход из одного мира в другой.

5

На обратном пути к зиккурату я наткнулся на группу, состоявшую из нескольких мужчин и трех-четырех женщин, а также нескольких детей, по большей части жителей Ирака. Руководитель группы представился

почтмейстером Ура, он сказал мне, что решил развлечь друзей, служащих железной дороги, их жен и других членов семей. Они собирались устроить пикник на руинах и предложили мне присоединиться. Я с удовольствием согласился, и мы устроились на песчаном холме неподалеку от храма богини Луны.

Они сказали, что нас ожидает *банни*. Я не знал, что означает это слово, но спрашивать не стал, решив, что вскоре все само выяснится. Так и вышло. На холм поднялись два молодых араба с деревянным ящиком в руках; в нем лежали шесть чудовищного размера рыб с очень толстым телом, покрытых радужной чешуей, каждый фрагмент которой был не меньше ногтя. Они прибыли со стороны Евфрата, из деревни Насарийя, расположенной в десяти милях от Ура. Любой из рыб хватало бы для всей нашей компании, но организаторы пикника деловито разделали все шесть и принялись за приготовление еды.

Тем временем другие участники пиршества развели огонь, подбрасывая в него куски твердой, темной древесины, принесенной с собой, поскольку в этой безлесой стране невозможно собрать дрова или хворост. Я поинтересовался, что это за древесина, и мне пояснили, что она привезена из Индии, это часть обшивки старого спального вагона.

Разделанные куски рыбы *банни* накололи на колышки и установили по кругу в песке, чешуей в сторону от огня, так что открытая сторона могла поджариваться. Время от времени куски рыбы падали в пепел, но их быстро подхватывали худыми, смуглыми руками и устанавливали на прежнее место. Вскоре первая порция была готова. Почтмейстер достал лимон, коробку карри, пакетик соли и бутылку соуса «Ли и Перринс». Всем этим с профессиональным изяществом была уснащена жареная рыба, которую затем уложили в центр круга, и все брали свою часть пальцами.

Если вы представите себе жирную треску, припахивающую дымом и древесным пеплом, то получите примерное представление о рыбе *банни*. Мясо у нее белое, слоистое и очень сочное. Пожалуй, даже прожорливый кот попятился бы от совершенно взрослой рыбины такого рода. Но участники пикника ели ее с удовольствием и в изобилии. После того как мы выбирали пальцами содержимое очередного куска, арабы отбрасывали в сторону пригорелую шкурку, чтобы очистить угли для следующей порции.

Когда я сказал что-то о гигантских размерах рыбы, собеседники заулыбались и ответили, что в Евфрате водится другая рыба — *биц*, так вот она порой достигает семи футов в длину и весит до сотни фунтов.

Остаток дня я провел с этими милыми людьми. Мы совершили прогулку в Насарийю, где я увидел Евфрат — широкий и мощный, протекающий через белый город и пальмовые рощи. По реке плыли примитивные лодки, а по берегам шли закутанные в покрывало женщины с сосудами для воды, в сопровождении маленьких черноголовых детишек с кожей цвета молочного шоколада. По улицам городка брели сумрачные шииты, все еще отмечавшие свой трагический праздник.

Странно было думать, что мои знакомые, служащие железной дороги, принадлежали к тому же народу и тому же столетию, что и крестьяне, сохранившие обычаи и облик вековой давности. В синих саржевых костюмах они казались здесь такими же иностранцами, как и я. В странах, где установлено мандатное европейское управление, быстро складывается административный слой, усваивающий европейские идеи, и порой я задумывался о том, занимаются ли эти люди просвещением крестьян-соотечественников и будет ли распространяться просвещение в глубину общества или народ останется в прежнем состоянии.

Прибыл ночной поезд, и, распрощавшись с новыми знакомыми и с Уром, я отправился назад, в Багдад.

6

Рано утром я снова сел в автобус компании «Нейрн» и через пустыню поехал в Дамаск. Я спал почти всю дорогу, время от времени просыпаясь, и каждый раз видел ровную бурую местность, тянущуюся до горизонта. В такие моменты я думал, что мое путешествие похоже на то, что мог бы совершить странник прошлого века. Я направлялся в сторону Египта, искренне надеясь, что окажусь там уже через три дня, то есть рассчитывал преодолеть расстояние от Евфрата до Нила немногим менее чем за 60 часов.

До войны пустыню можно было пересечь только на верблюдах, а железная дорога между Палестиной и Египтом еще не была построена. Не могу представить, сколько недель заняла бы аналогичная поездка лет двадцать назад.

Мы сделали остановку в крепости Рутба перед самым заходом солнца. Джордж Брайант все так же управлял кусочком Англии. Я выпил чая, съел несколько печений, затем наслаждался отличным английским обедом, а потом мы отправились в ночь, и только фары освещали белесую дорогу впереди. На рассвете прекрасного дня мы остановились в холмах к востоку от Дамаска, развели из веточек кустарника небольшой костер. Вскоре мы смогли выпить по чашке крепкого черного чая. Автобус, покрытый бурой пылью, стоял чуть в стороне, опираясь на массивные, непривычные для города шины, и выглядел не менее романтично, чем старинный дилижанс. Трудно спорить, что подобное завоевание пустыни двумя предпринимателями из Новой Зеландии

представляет собой примечательное и романтическое достижение, и мое восхищение совершенно искренне.

Попасть из Дамаска в Палестину — значит пережить настоящее приключение. Дорога постепенно идет под уклон, спускаясь к Галилейскому озеру, а потом наступает момент, когда вы видите с левой стороны голубую гладь сквозь разрывы между горами. По мере приближения к озеру воздух становится теплее, и если день ясный, как обычно и бывает, можно ощутить, что такое июньская жара в январе.

Само озеро залито солнечным светом. Рыбаки из Тиверии заняты работой, они забрасывают сети там, где Иордан впадает в Галилейское озеро, а в небольшом эвкалиптовом лесу Табга черно-белые зимородки мелькают над водой, время от времени ныряя на глубину. Единственное, что изменилось с тех пор, как я в прошлый раз побывал в этих местах, — это восстановление мозаики IV века «Церковь хлебов и рыб». Араб больше не сметает песок с этой великолепной реликвии одной из древнейших базилик Палестины. Над ней выстроена крыша, и все благодаря энергии одного шотландца, майора А. А. Гордона.

Было трудно покинуть берега озера и направиться в сторону Хайфы по дороге, которая шла вверх по горам через расположенный на морском побережье Назарет. В Хайфе я много услышал о ненависти арабов к евреям и о решимости евреев создать в Палестине собственное государство. В какой-то момент ко мне подошел еврей и яростно выкрикнул:

— Что сделал мой народ, чтобы заслужить ненависть всего мира? Куда нам идти, если не в собственную землю?

А араб-христианин не менее страстно уверял меня:

— Вы, англичане, думаете, что Господь поможет безбожникам вернуться в Землю Обетованную? Я могу

провести вас по еврейским поселениям вокруг, да они просто насмеются над Богом. Почему мы должны сидеть и смотреть, как нашу страну покупают еврей-коммунисты?

Мне нечего было им ответить. Я был искренне рад покинуть бурлящий ненавистью край, который должен быть Святой Землей. На железнодорожной линии недавно произошел взрыв, и мне посоветовали скорее сесть на корабль до Александрии. И хотя это несколько затягивало мое путешествие, что такого? Мы направлялись на юг мимо ровной зеленой долины Сарон, мимо Яффы, Газы и вскоре оказались в открытом море.

Через некоторое время я ступил на землю Александрии.

Глава четвертая

Каир: коптские ритуалы

Я еду в Каир, встречаю потомков древних египтян, посещаю их церкви и женский монастырь, слышу о странных святых и присутствую на коптской свадьбе. В Матарии, где, как говорят, жило Святое Семейство во время Бегства в Египет, обнаруживаю дерево, легенду и обелиск.

1

Утром я сел в поезд, который шел из Александрии в Каир. Все три часа поездки на юг я сидел у окна белого пульмановского вагона и смотрел на панораму Египта.

Передо мной до самого горизонта раскинулась плоская равнина, изумрудно-зеленые поля кукурузы и сахарного тростника, шоколадные участки свежевспаханной земли. Густые рощи финиковых пальм, заросли бананов — желтые плоды мелькали среди листвы, напоминавшей уши зеленых слонов.

Берега поднимались футов на двадцать выше уровня полей, движение на них в районе Дельты было весьма активным: медленно шагающие вереницы верблюдов, выгибающих шеи в сторону расположенного по соседству рынка, семенящие в клубах пыли ослы с грузом на спинах (вид у них был притворно-покорный). Темнокожие девушки небольшими группами шли за водой, поставив на голову кувшины, а за ними брели козы и дети — все по щиколотку в черной пыли, этой одиннадцатой казни египетской.

На полях виднелись крестьяне-*феллахи*, которые за долгие века изменились, наверное, меньше, чем кто и что бы то ни было в Египте. Они опирались на мотыги, какие можно найти в музеях с датировкой, скажем, «3000 год до н. э.», или шли за плугом, который тащила пара черных волов или вол и верблюд, причем плуг этот сильно смахивал на тот, что я видел на фресках эпохи Древнего царства.

Всю дорогу от Александрии до Египта я видел молодых и старых мужчин, кожа которых потемнела от солнца; они сидели возле оросительных каналов, неустанно вращая ручку механизма, напоминающего небольшую деревянную бочку, — он втягивал воду из одного канала и выливал ее в другой, расположенный на более высоком уровне.

Эти бедные смуглые люди распределяли живительный кровеносный поток Египта. День за днем, год за годом, век за веком они выполняли свою монотонную работу, направляя воду то туда, то сюда; и если бы они прекратили это делать, земля Египта пересохла бы и превратилась в пустыню. Исследователь древностей в изумлении смотрит на тех, кто управляет водой, ведь в их руках в районе дельты Нила находится тот самый коловорот, который создал математик и изобретатель Архимед за два столетия до Рождества Христова.

Поезд миновал одну за другой многочисленные деревни, порой довольно живописные, утопающие в пальмовых рощах, расположенные на берегах голубых каналов, на которых виднелись высокие мачты стоящих на якоре *гийясов* с зарифленными парусами, напоминавшими сложенные крылья бабочек.

Дома в этих деревнях представляли собой небольшие бурые коробки в два-три этажа, выстроенные из сырцового кирпича. Очищенные стволы пальм использовались для возведения крыш и потолков, торцы

стволов выступали из стен. На плоских кровлях были устроены голубятни, вокруг которых мелькали тысячи сизых птиц.

Смуглые дети, индейки, куры, ослы, верблюды, буйволы толпились на узком пыльном пространстве между домами, в то время как женщины лет 25–30 сидели в дверях или под акациями и эвкалиптами, толкли зерна кукурузы на хлеб или выпекали лепешки на открытых печах на улице.

Даже за время короткой поездки по Египту на поезде можно понять два основных фактора, определяющих жизнь местных: солнце и Нил. Именно Нил делает жизнь вообще возможной на узкой полосе зелени, пересекающей страну, а солнце позволяет быстро созреть урожаю.

С момента возникновения цивилизации Древнего Египта сельское хозяйство зависело от ежегодных разливов Нила и плодородного ила, приносимого им с Абиссинского нагорья в долину. Этот ил за столетие повышал уровень почвы на четыре дюйма, и общий уровень долины Нила сегодня на семь футов выше, чем во времена Клеопатры, и на 20–30 футов выше, чем в те годы, когда строили пирамиды.

Каждый год природа тщательно раскладывает новый ковер ила там, где вызревают урожаи Египта, на тех же местах, где растили зерно древние египтяне. Не больше века назад в Египте стали разводить хлопок, и это привело к серьезным переменам в ирригационной системе. Во время разлива воды Нила теперь удерживаются дамбами, а потом по мере необходимости используют для контролируемого регулярного орошения, что позволяет получать два-три урожая за год вместо одного. Вот почему, путешествуя по Египту, часто замечаешь признаки разных сезонов на территории в несколько акров. Вот темное, только что

вспаханное поле, а рядом другое — зеленое от свежих всходов, а далее третье — там урожай уже почти созрел.

Эта мирная картина постепенно уступает место пригородам Каира, где только вечное солнце компенсирует убожество и грязь невероятного хаоса жалких лачуг и домишек. Пальмы и минареты многочисленных мечетей возвышаются над плоской кровлей жилых домов, а в небе парят коршуны, высматривая добычу.

2

Поднявшись с постели и распахнув зеленые ставни, я впустил в комнату яркое желтое солнце. Сумеречная комната мгновенно озарилась. В саду отеля, недвижимые в утреннем безветрии, пальмы четко вырисовывались на фоне голубого неба. Внизу, по тропинке, посыпанной красноватым песком, шел садовник, направляя шланг с водой на пурпурные бугенвиллии, а с крыши на крышу, посвистывая, перелетали коршуны.

Их жалобные крики — один из наиболее характерных звуков в Каире по утрам. Большие коричневые птицы, порой достигающие пяти футов в размахе крыльев, в течение многих веков терроризировали улицы Каира. В Египте никто не осмелится убить коршуна. Сделать это — значит навлечь на себя несчастье; также существует убеждение, что коршун, севший на окно или балкон, предвещает смерть. Как ибис и кот в Древнем Египте, коршун пользуется особыми привилегиями и находится под защитой.

Ранним утром я стоял на балконе и наблюдал за этими птицами. Они совершенно не боятся людей, и я много раз наблюдал за тем, как они стремительно пикировали на мусорщиков, выхватывали куски из

отбросов и улетали. Им нравится садиться на высоте, например на верхушках мачт и флагштоков, и оттуда взирать по-орлиному на расположенные внизу улицы.

Некоторые говорят, что коршун никогда не атакует живое существо, но друзья в Каире заверили меня, что не раз наблюдали, как эти птицы уносят в когтях крысу или змею. А один из них уверял, что коршун унес котенка с его балкона; другой рассказал историю о пикнике, прерванном появлением коршуна, который украл рыбу прямо со стола!

Эти птицы, в Англии ныне редкие, когда-то были обычными и в наших городах. Гости Лондона четыре столетия назад упоминали их посвист и привычку подбирать куски из уличного мусора. Существует старинная английская поговорка: «Коршун-падальщик никогда не станет добрым соколом», для которой есть и аналог: «Из коровьего уха шелковый кошель не сошьешь». В наши демократические дни это мнение услышишь нечасто.

Стоя утром на балконе, я видел, как коршун явил живую иллюстрацию к строке Шекспира. В саду отеля накрывали столы, все пространство столов было усеяно салфетками, словно земля сухими листьями. Часть салфеток упала на траву, и коршун нырнул за ними, одним свободным, плавным движением, а потом взмыл ввысь с салфеткой в когтях.

Автокл в «Зимней сказке» произносит загадочное предостережение: «Когда коршун охотится, следи за мелким бельем»; предостережение и вправду загадочное, пока не увидишь коршуна с салфеткой в когтях, которую он использует, чтобы заткнуть щель между прутьями гнезда.

После завтрака было приятно сидеть на теплой, освещенной солнцем террасе отеля. Открытые экипажи проезжали по улице. Школьники в европейской одежде

и в красных фесках печально брели на занятия с книгами под мышкой.

Улицы современного Каира широки и просторны, но тот романтический город, который манил наших предков, стремительно исчезает. Он все еще существует в хитросплетении узких улочек, всегда битком забитых транспортом, кривых переулков с маленькими лавками, в базарах, пропахших мускусом и розовым маслом, благовониями и кофе, где можно провести целый день за приятным разговором по поводу возможной покупки, а в итоге уйти, так ничего и не купив.

В глубине этих акров, заполненных крошечными лавками, можно найти поразительные здания, сложенные из блоков камня медового цвета — такого же, который использовали для постройки пирамид. Это мечети Каира, чьи минареты высоко возносятся над крышами окружающих домов. Самая примечательная из них — мечеть Мухаммада Али, выстроенная на вершине скалы Цитадель; ее изящные турецкие минареты выше всего, что есть в Каире, они красуются над городом, как мечта о Босфоре.

К западу от города протекает Нил, податель жизни, эта река — истинная мать Египта, как солнце — его отец; Нил — спокойный и синий в жаркий полдень. Домалодки и нильские пароходы стоят на причале вдоль берега. Флотилии *ГИЙЯСОВ* с тонкими мачтами, вырисовывающимися на фоне неба, и белыми парусами медленно скользят посреди реки. Некоторые спускаются по течению с грузом сахарного тростника, пшеницы, риса и хлопка.

Толпы жителей не менее разнородны, чем сам город. Здесь можно увидеть современных каирцев в европейских костюмах и фесках. Они сидят в кафе вдоль улиц, охотно читают в газетах о последних политических сенсациях (ведь египетская политика состоит из череды кризисов), при этом потягивают

турецкий кофе из крошечных чашек, закинув правую ногу на левую, а потом наоборот — чтобы чистильщик обуви мог выполнить свою работу.

Представительницы богатых классов, которые лишь несколько лет назад стали выходить на улицы, хотя и в сопровождении рабов, теперь ездят на собственных автомобилях и посещают танцклассы в отеле «Шепердс». Но в бедных кварталах Каира женщины все еще закрывают лица. Их можно заметить, когда они, группами по пять-шесть человек, возвращаются на двухколесных повозках, запряженных ослиами, из предместий или сел. Иногда такая повозка останавливается перед средневековыми воротами Баб-эль-Митвалли, чтобы женщина могла спуститься на землю и прикоснуться к массивному строению, в которое включены фрагменты ковриков и зубы. Все ворота покрыты подобными реликвиями. Они закреплены там, чтобы привлечь расположение духов, которые, согласно преданиям, живут за этими воротами.

Короткая прогулка из районов, которые не изменились духовно со времен калифов, — и путешественник оказывается в совсем ином Каире, где автомашины, саксофоны, радио, кино и все прочие преимущества современной жизни доступны во всей их полноте.

3

Я приехал в Египет не для того, чтобы посетить многим знакомую землю фараонов, но для того, чтобы увидеть почти неизвестный Египет святого Марка.

Египет так долго остается исламской страной, что многие удивляются, узнав, что некогда это был один из важнейших оплотов христианства. Но даже те, кто знает об этом, порой забывают, что христианство не исчезло

из Египта, ведь почти миллион современных египтян, считающих себя прямыми потомками древнейших жителей страны, по-прежнему хранят верность патриарху Египта, 113-му преемнику святого Марка.

Сейчас главой египетской церкви является Иоаннес (Иоанн) XIX, которому уже восемьдесят лет. Его величественный титул выглядит так: «Святейший папа и патриарх великого города Александрии и всей земли Египетской, священного города Иерусалима, Нубии, Абиссинии и Пятиградья и всех пределов проповеди святого Марка».

Святой апостол Марк считается основателем египетской церкви, он принял мученическую смерть в Александрии, где вплоть до мусульманского нашествия сохранялся культ его мощей. Первыми обращенными были греки, так что языком церкви стал греческий. Уступая по авторитетности только Риму, а на определенном этапе превосходя его по уровню интеллектуальной жизни, Александрийский патриархат был одним из столпов вселенской церкви вплоть до V века. Такие имена, как Климент Александрийский, святой Афанасий, Ориген и святой Антоний, основатель монашества, показывают, какой огромный вклад в развитие христианства внес Египет в первый период существования церкви.

Чтобы понять, как этот высокий уровень интеллекта позволил возникнуть расколу и ереси, необходимо знать, что Египет находился в сфере влияния Константинополя и правило в нем греческое меньшинство. Само по себе это не новость. На протяжении веков Египет подчинялся иноземцам, но пока египтяне поклонялись Амону-Ра и старым богам, они оставались особым народом и жили в ином мире, отличном от Александрии, которая всегда оставалась центром греческого влияния в Египте. Но когда вся страна стала христианской и миллионы людей по всей долине Нила забросили древние храмы и пришли

в церкви, они оказались в духовном мире своих иноземных господ; в результате появилась потребность в национальной церкви. Усиление национальных и других различий привело к взрыву, который принял форму такого богословского движения, как монофизитство, особым образом описывавшего природу нашего Господа. Монофизиты утверждали, что Христос был только Богом, но не человеком, так что Его земное существование было не более чем видимостью. Эта ересь была осуждена на Вселенском соборе в Халкидоне в 451 году, и с того момента египетская церковь отделилась от остального христианского мира и пошла собственным, еретическим путем.

Значительная часть населения, рожденного в Египте, приняла монофизитство или готова была поверить в него, поскольку эту ересь осудил византийский император. Когда монофизитский патриарх Александрии как еретик был лишен сана, это произвело в Египте V века тот же эффект, что и высылка Заглул-паши в националистическом Египте XX века. Вся страна восстала, началось кровопролитие, и такая ситуация длилась почти два столетия, по мере того как патриархи, представлявшие то египтян, то греков, сменяли друг друга на престоле. Бунтующие монахи врывались в Александрию, чтобы поддержать патриарха или епископа, жгли и резали всех подряд, а потом уходили назад, в пустыню; по сути, это были неграмотные крестьяне, и при желании можно провести параллель между ними и современными участниками студенческих демонстраций в Египте.

Тем не менее из этой плачевной ситуации родилась египетская национальная монофизитская церковь, которая последовала ереси и во имя своей веры разорвала отношения с остальным христианским миром. Для египтян такое поведение было естественным, поскольку они больше не желали использовать при

богослужении греческий язык и читать на греческом евангелия (так что последние перевели на местный язык). Именно этому мы обязаны удивительным фактом — египетская церковь до сих пор проводит литургию (*курбан*) на языке фараонов, точнее, на той его упрощенной форме, которая существовала в разговорной речи V века.

После этого разделенная христианская страна в VII веке была завоевана арабами, которые резонно сочли ее легкой добычей. Византийские гарнизоны изгнали, и мусульмане оккупировали всю страну, не встречая реального сопротивления со стороны египтян, которые, как иногда предполагают исследователи, даже рады были сменить господ. Сначала арабы благожелательно относились к христианству. Они дали им имя, которое с тех пор закрепилось за этой частью населения: слово «копты», собственно, означает просто «египтяне». Это арабская огласовка греческого слова «эгюптос», от которого происходит форма «гюпт» или «гупт», если точнее воспроизвести арабское произношение привычного нам слова «копт». Арабам копты были нужны не меньше, чем греки-христиане туркам после завоевания Константинополя. Арабам хватило здравого смысла предоставить христианам вести хозяйство страны, что было в интересах новых завоевателей, строить для них мечети, изготавливать ювелирные украшения и пр. Но через некоторое время начались религиозные преследования.

Коптов мучили и притесняли всеми мыслимыми способами. Благодаря своему невероятному упрямству они выживали, но едва завершалась одна буря, тут же начиналась другая. Огромное количество коптов приняло мусульманство, но всегда находились те, кто готов был страдать и умирать за веру. Эдриан Фортескью, католический историк пишет:

Удивительно, что копты сумели сохранить веру на протяжении всех этих трагических веков. Когда наступит Страшный Суд, гораздо весомее богословских ошибок и заблуждений окажутся славные раны, понесенные ими за Него при кровавом правлении ислама.

До недавнего времени коптского патриарха выбирали из числа простых монахов из пустынных обителей, это правило хорошо подходило для времен, когда монастыри были центрами учености. К сожалению, за прошедшие века сложилась ситуация, когда престол святого Марка стали занимать невежественные и по большей части консервативные отшельники. В 1928 году правило отменили, и теперь патриарха можно выбирать только из числа епископов. К главе коптской церкви предъявляют следующие требования: он должен быть старше 50 лет, не иметь в прошлом жены, не употреблять мясо и рыбу. Он посвящает в сан епископов, которым должно быть не меньше 17 лет, освящает миро (священное масло). Епископы хранят обет безбрачия, но священники, которые обычно происходят из низших классов и часто не имеют никакого образования, должны вступить в брак до вступления в сан. Язык Древнего Египта, которые остаются литургическим языком коптской церкви, теперь мертвый, лишь немногие священники его понимают. Около 30 % коптского словаря составляют греческие слова, которые попали в египетский язык во времена, когда местные христиане вели службу на родном языке — четырнадцать столетий назад. Существуют две причины, почему умер древний египетский язык. После того как арабы завоевали Египет, арабский стал разговорным языком по всей стране; церковный коптский представлял собой александрийский диалект, который не был широко

распространен за пределами северного региона. Верхний Египет говорил на саидическом диалекте, который сильно отличался от церковного коптского, примерно так, как кокни отличается от разговорного диалекта Глазго. Постепенно последняя область применения языка фараонов в разговорной речи сокращалась, и трудно сказать, насколько бы поняли александрийцы V века тот язык, на котором говорят во время богослужения современные копты.

Странно, что так мало написано в Англии о коптах и их религиозных ритуалах. В течение четырнадцати столетий отделенные от остального христианского мира, подавленные чередой несчастий, обрушившихся на них во время арабского завоевания, они смогли сохранить в неприкосновенности свои древние церковные обряды и обычаи. Это сделало их с археологической точки зрения наиболее интересной из всех восточнохристианских церквей. Они по-прежнему соблюдают многие ритуалы единой вселенской церкви, которые к нашему времени исчезли во всех частях христианского мира, за исключением Египта. Во многих таких ритуалах звучит голос первоначального христианства. Если кто-то считает коптов невежественными (некоторые из них действительно не имеют ясных и цельных представлений о вероучении), следует напомнить, что эта община дала миру не меньше мучеников за веру, чем любая другая.

Их добродетели и заблуждения рождаются из того, что на протяжении многих веков энергия целой общины уходила прежде всего на выживание.

4

Однажды утром я отправился в Старый Каир, чтобы увидеть коптские церкви. Мне сказали, что сам я

никогда не смогу их найти, но я решил попробовать.

Такси проехало четыре мили к югу и оставило меня неподалеку от Нила, в сумрачном, пыльном районе, среди насыпей, могил, кожевенных и гончарных мастерских. Казалось, это место тяжко пострадало от хода истории. Крепкий на вид акведук высился над иссохшей землей. Похожие на призраков люди возились в черных песчаных карьерах, где они раскапывали могилы в поисках одежды и реликвий первых христиан, сегодня приобретших рыночную ценность. Яркие узорчатые ткани сильно пострадали за века пребывания в земле, но цвета их все равно прекрасны. Европейские коллекционеры и музеи охотно приобретают фрагменты рубах, башмаков, риз и прочих вещей, демонстрируя их потом в стеклянных витринах. Музей Виктории и Альберта в Лондоне имеет, например, отличное собрание коптских древностей.

Старый Каир представляется мне несравненно более привлекательным, чем Каир крупных банков, кинотеатров и кабаре. Он грязен, полон руин, поражен нищетой, но не пытается выглядеть чем-то иным: это честное место, на которое тяжко ступила пята истории, двинувшейся далее. И, к счастью, никто не стал наводить здесь порядок.

Оживленные набережные выглядели весьма живописно в резком утреннем свете: быстрое движение толпы выражало поразительную живость споров, тонкие мачты лодок-*гийясов* вырисовывались на фоне неба, мужчины разгружали мешки с зерном, напевая при этом, темные фигуры женщин, закутанных в покрывала, скользили вдоль берега, у них, как обычно, были сосуды для воды на плечах, а полуголые дети бегали у самой кромки реки, — и все это показалось мне прекрасным. Обнаженный по пояс смуглокожий мужчина нагнулся к лодке и вытащил веревку, его тело замерло на мгновение в «иератической» позе, которую художники

Древнего Египта вырезали в доброй сотне надгробий. Стоя на берегу Нила, я мог разглядеть на западе темные треугольники, видимые издали в этой плоской стране; они лишь чуть-чуть возвышались над другими предметами на фоне синего неба, словно три шоколадных конуса, — это были пирамиды Гизы.

Отвернувшись от набережной, я оказался перед картиной, удивительной даже здесь, в краю, знаменитом руинами: на меня смотрели остатки римской крепости Вавилон. Здания были возведены на возвышенности, они стояли, плотно прижимаясь друг к другу, скрывая внутреннюю часть структуры, а внутри лежал Старый Каир, масса извилистых, переплетающихся переулков. Одни ворота крепости просто великолепны. Они расположены между высокими и круглыми бастionsами, уходят глубоко в землю, в направлении современного русла Нила, который в римские времена лежал ниже уровня ворот, а теперь поднялся. Думаю, ничто не может ярче продемонстрировать древность постройки, чем возможность заглянуть в яму и увидеть далеко внизу фрагмент старинной дороги к воротам, по которой сотни лет назад ступали чьи-то ноги. Старый форт Вавилон с пятью каменными слоями и тремя кирпичными, напоминает кусок Европы на африканской земле, и даже его запустение громогласно провозглашает: «Рим!» Внутри Вавилона скрываются незаметные издали христианские церкви Старого Каира, свечи которых озаряли самые темные часы коптской истории.

Я спустился на несколько ступеней к незаметной, маленькой боковой двери, утыканной старинными гвоздями, которая могла бы находиться где-нибудь в темницах лондонского Тауэра. Она с трудом открывалась с помощью деревянного ключа фута два длиной, который называют *дабба*. Старуха, которая отпирала дверь, преувеличенно вздыхала и стонала,

толкая створку, висевшую на ржавых петлях, в то же время пристально наблюдала за посетителями и не забывала попросить мзду, не из любви к Аллаху, а во имя Иисуса Христа и Его благословенной Матери, Ситт Мариам. Так вступаешь в дом христианства в Каире.

Я перешел со слепящего солнца, заливавшего набережные, в сеть затененных переулков, где строения в зловещем молчании прислонялись друг к другу. Переулки покрыты утоптанной грязью, воздух затхлый, и единственные, кого я встречал, — старухи и женщины помоложе, которые тенями скользили вдоль стен или выглядывали из темных подвалов. Переулки были слишком узкими для колесного транспорта, и деловитая толчея, которая оживляет даже самые тесные проулки Востока, здесь отсутствовала; я шел между покосившимися старыми домами в странной, мертвенной тишине.

Насколько я мог судить, это своего рода христианское гетто. Все признаки налицо: нищета, тишина и — хотя коптов уже очень давно не преследуют — страх. Ужас прошлых столетий все еще живет в этих затаенных переулках, где дома припадают друг к другу не от навалившегося на них сна, не от старости, но будто сжавшись от страха. Где же коптские церкви, которые я так хотел увидеть?

Мне говорили, что церкви Старого Каира — уникальные явления христианского мира, поскольку не имеют внешней архитектуры. Кстати, это утверждение неправильно, поскольку церкви Веррии в Македонии спрятаны еще тщательнее, чем коптские. И, пока озирался в поисках храмов или хотя бы каких-то их признаков, я вспоминал знакомство с церквями Веррии, где мне пришлось очень долго искать многочисленные христианские святилище, построенные местными жителями внутри домов или на задних дворах, чтобы скрыть их от глаз турок. Копты VIII–IX веков делали то

же самое. Они устраивали церкви так, чтобы те совсем не походили на святилища и мусульмане не обратили бы на них внимания.

Наконец, усталый и отчаявшийся, я обратился к старухе, скорчившейся в пыли одного из дворов. Когда я заговорил с ней, она встала и поспешила прочь, подпрыгивая и покачиваясь при ходьбе, как старая ворона. Потом появился мальчик, возможно, ее внук, он повел меня в направлении, обратном тому, в котором я двигался, и внезапно указал на лестницу, что вела вниз по отношению к нынешнему уровню улицы. Несомненно, чуть раньше я миновал это место, не обратив на него внимания.

— Абу Сарга, — сказал мальчик.

Итак, передо мной знаменитая церковь Святого Сергия и Святого Вакха, хотя имя Вакха считается слишком языческим, чтобы его увековечивать, а потому церковь называют только именем святого Сергия — по-коптски Абу Сарга.

Я прошел по лестнице вниз и оказался, по всей видимости, перед дверью церкви. Я вступил в темное, просторное здание, в котором пахло застоявшимся ароматом благовоний и чем-то еще — я могу определить это «что-то» лишь как старость. Помещение продолговатое, типа базилики, центральный неф отделен от боковых двенадцатью колоннами: одиннадцать из серого мрамора и одна из красного гранита. По пять колонн справа и слева, еще две — в западной части, а между ними располагалась преграда, отрезавшая часть нефа и образующая подобие нартекса, или внешний портик, где в ранние времена обращенные, но еще не крещеные могли получать наставления и советы. Святилище в восточной части храма закрывала высокая преграда из инкрустированного дерева с занавешенным проходом. Преграда не была украшена иконами, как это принято в православной церкви, и я

мог разглядеть верхушку куполообразного балдахина над алтарем. Я рискнул немного отодвинуть завесу, чтобы заглянуть в святилище. Алтарь установлен под раскрашенным деревянным балдахином, верхушку которого я заметил над преградой. Балдахин покоился на четырех небольших колонках сарацинского типа, по одной с каждого угла алтаря. За алтарем я увидел прекрасную округлую апсиду с возвышением, отделанным параллельными полосами светлого и темного мрамора, а в центре стоял мраморный трон для епископа или патриарха. Мраморные сиденья окаймляли изгиб апсиды в семь ярусов, так что трон оказывался в центре.

Осматривая алтарную часть, я обернулся и столкнулся лицом к лицу с разгневанным священником. Это был невысокий, плотный человек со смуглым лицом, окладистой и мягкой черной бородой, одетый в черную ризу, застегнутую до самого верха; на голове у него был плоский сверху, округлой формы тюрбан черного цвета. По выражению лица я догадался, что глубоко оскорбил его, заглянув в святилище, а потому поспешил извиниться; однако его гнев был направлен не на меня, а на себя — за то, что он отсутствовал, когда я пришел. Мы довольно быстро поладили, выяснилось, что он говорит по-английски, причем выучил язык самостоятельно.

Он попросил меня снять туфли, прежде чем войти в святилище. Я так и сделал, священник объяснил: когда копт вступает в святилище, он подчиняется словам Господа, сказанным Моисею из Неопалимой Купины — «сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»²¹.

Оставшись в носках, мы прошли через проем в алтарной преграде и оказались в святая святых. Я спросил, как копты называют алтарь; священник ответил: «мадба», слово происходит от арабского

понятия «резать» или «приносить жертву». Он добавил, что во всех коптских церквях алтарь должен стоять посреди открытого пространства. Его нельзя крепить к стене, как это часто делается в западных христианских храмах. Необходимо, чтобы во время литургии коптский священник обходил вокруг алтаря и при этом кадил ладаном. Подняв алтарный покров, священник показал, что основание сделано из камня; сверху вырезано углубление для деревянного подноса, на который ставят потир и дискос во время литургии. Я поинтересовался, делают ли коптские алтари из дерева. Он энергично помотал головой, категорически отрицая такую возможность, это против церковных правил, но сосуды всегда должны стоять на деревянном подносе. Принципиальное отличие от западной практики! В католической церкви сосуды для евхаристии должны стоять на камне, и потому каменная пластина является единственной освященной частью алтаря.

Я заметил в алтаре небольшое углубление и подумал, что когда-то это мог быть реликварий. Священник сказал, что в Страстную пятницу в это углубление помещают крест, под который насыпают розовые лепестки, а утром воскресения его вынимают.

Он позволил мне осмотреть расписную деревянную коробку, стоявшую на алтаре. Это тоже характерная деталь коптских церквей, уже много веков этот предмет не используется для хранения Святых Даров; сюда помещают потир во время литургии. В верхней части коробки имелось полукруглое отверстие, находившееся на такой высоте, что кромка помещенного внутрь потира приходилась вровень; потир ставят туда во время освящения Святых Даров.

Увидев, что я искренне всем интересуюсь, священник зашел в ризницу и вернулся с сосудами для евхаристии. Это были серебряный потир, круглый дискос, звезда и лжица. Звезда состояла из двух

серебряных обручей, пересекавшихся вверху под прямым углом. Ее ставят на дискос над хлебом, а сверху кладут плат, или антиминос. Лжица используется для подаяния Святых Даров, поскольку в коптской церкви кусочки освященного хлеба окунают в вино и причащают именно таким образом.

Еще там был круглый веер, который используют во время литургии, чтобы отгонять мух от Святых Даров. Полагаю, в западных ритуалах единственный веер сохранился в ритуале парадного входа папы в собор Святого Петра, когда по сторонам от папских носилок идут служители с великолепными опахалами из павлиньих перьев, закрепленных на рукоятках футов шести длиной. Я спросил у священника, во всех ли коптских церквях используют веера, и он подтвердил, что так оно и есть.

Евхаристический хлеб в коптской церкви должен быть обязательно испечен на церковной пекарне в утро литургии, обычно этим занимается ризничий. При каждой церкви есть маленькая пекарня, где хлеб, изготовленный из муки самого тонкого помола, приготовленный воскресным утром, обязательно имеет отпечатанный сверху знак креста. Его называют *курбан* — слово это копты используют и для обозначения самой литургии. Это всегда дрожжевой хлеб, и каждая просфира имеет три дюйма в диаметре и примерно дюйм в толщину. Священник очень сожалел, что не может показать мне образец.

Когда мы покинули святилище и надели туфли, он постарался объяснить мне структуру церкви и значение ее частей. Все коптские церкви имеют три алтаря, стоящих в ряд в восточной части храма. В Абу Сарга они скрыты за алтарной преградой, напоминающей по форме православный иконостас. Интересна причина установки именно трех алтарей. В течение дня на коптском алтаре можно совершать только одну

литургию, так как алтарь, подобно служившему на нем священнику и причащавшимся прихожанам, должен «поститься». Если необходимо совершить более одной литургии, первым используют высокий алтарь в центре, а затем один из боковых; в остальных случаях на боковых алтарях служат в день тех святых, которым они посвящены.

Проходя по центральному нефу, я указал на единственную красную гранитную колонну, отличающуюся от остальных одиннадцати серых мраморных, и поинтересовался, есть ли в этом какой-то особый смысл. Священник ответил, что колонны символизируют двенадцать апостолов, а особая колонна обозначает Иуду, который предал Господа и потому отличается от остальных.

В нартексе мы подошли к огороженному участку пола. Мой проводник поднял широкую планку, и я увидел огромную купель для крещения, напоминавшую скромного размера бассейн. Копты крестят полным погружением, а в ранние дни, когда церковь часто принимала взрослых новообращенных, они вступали в эту емкость с водой вместе, однако в наши дни большая купель используется редко. Я обратил внимание, что на колоннах, отделяющих центральный неф, когда-то были нарисованы фигуры святых, но теперь только на двух можно было различить явные следы краски. Священник сказал мне, что эти фигуры представляли Абу Сарга и его брата. Я не знал, что у святого Сергия был брат, и спросил, не могла ли вторая фигура представлять святого Вакха. Посещая Ресафу, я, естественно, слышал от местного священника истории о святом Сергии, но он сообщил только, что святой был римским воином, принявшим мученичество в «селении Ресафа».

Священник, показывавший мне церковь Абу Сарга в Каире, провел меня к крипте; согласно коптской традиции, Святое Семейство отдыхало здесь во время

Бегства в Египет. Эта легенда создала церкви такую славу, что обычно европейские путешественники в Каире посещают только храм Святого Сергия.

Два лестничных пролета вели вниз с противоположных сторон от центрального нефа, под землей они сходились в миниатюрной темной часовне, чей сводчатый потолок поддерживали два ряда колонн. Это маленькое строение не более семи ярдов в длину и пяти в ширину, вероятно, находится на двадцать футов ниже уровня современной улицы. В одной стене есть ниша, священник указал на нее как на место, где спал Младенец Иисус.

Когда я покидал церковь, священник протянул мне буклет, по которому он практиковался в английском. Это было скромное издание с текстом в тысячу слов, но оно заинтересовало меня, так как я где-то читал, что копты не слишком убежденные монофизиты и знают об этой ереси довольно мало, во всяком случае с тех пор, как в V веке оказались отрезаны от остального христианского мира. Очевидно, священник Абу Сарга к числу таких людей не относился, потому что вот его слова:

В 451 году церковь разделилась на две группы, каждая из которых имела свое представление о природе Христа. Западная и греческая церкви приняли верование, что Иисус Христос имел две природы, в то время как копты, эфиопы, армяне и сирийцы остались верны тому, что из двух природ родилась одна, единая Природа Христа. Первые обвинили вторых в ереси Евтихия, а вторые первых — в ереси Нестория. Спор такого рода касался только слов. Нет сомнения, что коптская церковь является единственно правильной и истинной.

Вот подлинный голос христиан Древнего Египта.

Я провел не одно утро в церквях Старого Каира, но один вид особенно поразил и заинтересовал меня. Во всех этих церквях, раньше или позже, я замечал женщину, сидящую на полу по-турецки и укачивающую нечто вроде кожаного валика. Они держат предмет на руках, как спящего ребенка, покачивают его, шепчут что-то по-арабски.

В таком свертке находятся кости коптских мучеников, несомненно, это самый необычный реликварий, который мне доводилось видеть. Похоже, в каждой церкви есть пять-шесть подобных святынь. Их хранят либо в особом ящике, либо на полках, а иногда накрывают пеленой из потертого красного бархата. Когда женщины хотят выразить свое горе, пожаловаться святому на бедствия, попросить о помощи, они идут к ящику или полке, вынимают сверток с мощами святого и убаюкивают его, непрерывно произнося молитвы.

Хотя, как и представители греческой православной церкви, копты не размещают в церквях статуи, они почитают иконы, и некоторые священные образа поразительно древние. Прихожане верят, что некоторые иконы, чаще всего образа Благословенной Девы и святого Георгия, являются чудотворными, в этом отношении они не уступают православным. Копты не закрывают образа серебряными окладами, как это порой делают православные для сохранения икон, которые нередко целуют, так что на иных образах сходит краска, кроме того, иконы со временем темнеют от копоти и свечного жира.

Все церкви Старого Каира имеют общие черты: три алтаря, поставленные в ряд в восточной части помещения, высокая преграда, скрывающая их от взгляда, ряды мраморных колонн — часть заимствована

из языческих храмов, просторная купель для крещения, а также единственный вход, снаружи практически незаметный.

Вплоть до недавнего времени существовала традиция: женщины присутствовали на службе в особой части церкви — за преградой, на галерее. Но сегодня женщинам разрешается входить в церковь и сидеть в любом месте, обычно они устраиваются на полу возле входа. В большинстве церквей есть скамьи, которыми никогда не пользуются наиболее благочестивые прихожане, поскольку копты верят, что отстоять продолжительную службу — большая добродетель. Они стоя принимают причастие, но никогда не становятся на колени, как это делаем мы. Полагаю, их молитвенная поза прекрасна. Они стоят совершенно прямо, ступни вместе, руки разведены в стороны, ладони обращены вверх, локти прижаты к телу. Такую позу можно увидеть в ранней христианской живописи, в частности в катакомбах Рима.

В один из дней я заглянул в странную церковь, которая называется Аль Муаллака — «Подвешенная»; она встроена между двумя бастионами форта Вавилон. Хотя все даты постройки коптских церквей определяются гипотетически, нет сомнений, что именно эта церковь была возведена в IV веке, а другая, чуть поменьше, примыкающая к ней, в III или даже во II веке. Внутри церковь обильно украшена мозаикой и инкрустацией, там прекрасные резные преграды, так что создается общее впечатление чего-то среднего между христианской церковью и мечетью.

Древние египтяне были специалистами в разного рода мозаичных работах, о чем можно судить по экспозициям музеев; это доказывают и сокровища из могилы Тутанхамона. И, судя по всему, их потомки унаследовали этот дар. Копты в основном делают инкрустации из дерева и перламутра, отдавая

предпочтение геометрическим узорам. Великолепная преграда в церкви создана из кедра, инкрустированного тонкими пластинами слоновой кости, образующими сложный узор. Когда преграда подсвечена сзади, она начинает светиться нежным розоватым тоном там, где свет из алтарной части проходит сквозь слоновую кость.

Однако меня гораздо больше заинтересовали бедные, обветшавшие церкви Старого Каира. Когда бы я ни подходил к ним, вокруг собирались люди, желавшие показать дорогу, обратить мое внимание на малейшие детали, чтобы я ничего не упустил. Когда я шел за провожатыми по узким переулкам, между обшарпанными домами с закрытыми ставнями, мне бросалась в глаза странность Старого Каира, всегда настолько тихого, что малейшее возбуждение, вызванное моим появлением, и звуки голосов заставляли всех жителей выглядывать в окна. Иногда приоткрывалась дверь, и в щели мелькал любопытный глаз. А потом я внезапно оставался в одиночестве. Толпа утекала в узкую дверь, и я понимал, что передо мной — церковь.

Церковь Ситт Бурбара — Святой Варвары — представляла собой просторное, темное помещение, жесткие, застывшие фигуры святых пристально смотрели с преград. Святая Варвара, покровительница оружейников, артиллеристов и, как ни странно, архитекторов, была гречанкой из Гелиополиса и приняла мученическую смерть в 235 году; не знаю, какие представления бытовали у египтян о ее жизни. Когда я попытался расспросить, то наткнулся на полное смятение. Один из присутствующих начал было рассказывать, но другой перебил его, потом присоединились третий и четвертый, а вскоре все собравшиеся вступили в жаркую полемику. Наконец кто-то привел старика, видимо, это был ризничий. Он

выглядел настороженным и смущенным, но после неоднократных просьб толпы довольно связно изложил житие святой, хотя меня удивило его неведение: он не знал, что святая Варвара родилась всего в нескольких милях от того места, где он стоял.

Она была знатной дамой, «дочерью римского военачальника», рассказывал старик, и отец очень любил ее, ему не нравилась мысль, что какой-либо мужчина возьмет ее в жены, запрет в высокой башне, и никто больше не сможет ее увидеть. Но однажды она услышала о христианстве, проповедник пришел к ней под видом врача, в итоге она обратилась в правую веру. Отец решил построить для нее красивый *хаммам*, то есть баню, и однажды, когда работы были закончены, она пришла, чтобы взглянуть на здание, и приказала сделать три окна вместо двух. Отец разгневался, когда узнал, что она изменила его план, и потребовал объяснений. Святая Варвара ответила, что свет души приходит через три окна: одно называется Сын, другое — Отец, а третье — Святой Дух. Отец девушки рассердился, выяснив, что она приняла новую веру, выдал ее властям, и она была обезглавлена. В день ее мученичества, когда отец возвращался с места казни, неожиданно разразилась буря, и молния поразила отца. По этой причине святая Варвара и стала покровительницей воинов и оружейников, которые имеют дело с внезапной смертью.

Эта святая очень популярна во всем Египте, в ее честь построена старинная красивая церковь Абу Сефей — «Отец двух мечей». Это здание буквально пропитано атмосферой древности, несмотря на то что церковь не так почитаема, как Абу Сарга или Аль Муаллака. Она более запыленная и менее посещаемая, преграды с иконами опираются друг на друга, словно устали под грузом веков. Темные таинственные проходы и боковые

часовни окружают почти абсолютную, угольную черноту, а все предметы и сами стены пропахли благовониями.

Мои друзья извлекли очередной кожаный сверток, в котором, согласно традиции, хранится плечевая кость Абу Сефей. Над реликвией висит икона, на которой святой изображен верхом на вороном коне, с двумя мечами — он предстает с ними на всех образах, также он несет тело мертвеца, перекинутое через седло. В облаках виден ангел, а епископ на заднем плане взывает к святому. Мне рассказали следующую историю.

Греческое имя Абу Сефей — святой Меркурий, он был офицером-христианином в армии императора Деция. Когда войска сражались с персами, святому явился ангел, который дал ему новый меч и приказал сделать знак креста на всех военных снарядах. Тот так и поступил, и персы были побеждены. Но император, увидев крест, приказал Меркурию принести жертву идолам. Святой отказался, провозгласив веру в Иисуса Христа, и его замучили до смерти в Кесарии, в Малой Азии. Египетский патриарх Афанасий совершил путешествие в Малую Азию и вернулся с рукой святого.

С этими словами рассказчик похлопал по кожаному свитку.

Епископ на иконе — святой Василий. Однажды, молясь перед иконой святого Меркурия, он попросил у святого отомстить за христиан, замученных злобным наместником Александрии. Святой исчез с иконы, а потом явился снова, и тогда святой Василий увидел, что у него в руках два меча, оба красные от крови, и тогда понял, что наместник убит.

Хотя у коптов довольно эксцентричные представления о хронологии, они путают персонажей и события с жизнерадостной непосредственностью, история отлично согласуется с известными фактами. Все исторические лица могли совершать приписываемые им поступки. «Наместник Александрии» — это император

Юлиан Отступник. Афанасий жил через много лет после Абу Сефей и вполне мог привезти его мощи, а Юлиан скончался еще при жизни святого Василия.

6

Я спросил у одного из моих коптских друзей, возможно ли посетить женский монастырь. Мы шли по улицам Старого Каира и, к моему удивлению, выяснилось, что это можно сделать прямо сейчас. Мой спутник остановился, толкнул створку непримечательных ворот в высокой стене, и мы вошли в неухоженный двор, из которого лестничный пролет вел к нескольким домам арабского типа. Старуха толкла зерна, сидя на нижней ступени, а другая скорчилась в пыли, перебирая увядшие листья салата.

Еще одна женщина и несколько девушек сидели потурецки на балконе одного из домов, а многочисленные дети, игравшие во дворе, завидев нас, бросились вверх по лестнице. Коптский женский монастырь больше напоминает богадельню, чем европейскую сестринскую обитель. Там живут женщины, чьи мужья умерли, или те, у кого нет средств к существованию. Они получают разрешение вступить в монастырь у патриарха, и их существование свободно от особого духовного напряжения. Они не носят покрывал, не приносят никаких обетов, им позволено навещать друзей. Некоторые даже покидают монастырь и выходят замуж.

Высокая смуглая женщина в черном арабском платье спустилась по лестнице и нервно спросила, кто мы такие. Это была мать-настоятельница.

Она провела нас к домам, где жили монахини. В настоящий момент их насчитывалось одиннадцать. Она открыла дверь комнаты для приема гостей. Вдоль стен располагался диван, на котором громоздились подушки,

чтобы гости могли на них облокотиться. Стены были украшены образами различных святых. Я узнал святого Павла с бородой до колен.

Дети вновь принялись играть, а внизу, за стеной, шла своим чередом тихая, незаметная жизнь Старого Каира. Я сказал настоятельнице, что меня интересуют традиции коптской церкви, и лед был сломан; эти люди удивительно благодарны, когда собратья-христиане посещают их и расспрашивают о церквях.

— Мы молимся по утрам, — ответила мать-настоятельница. — А затем занимаемся домашней работой. Раз в неделю приходит священник и совершает курбан.

Вошла молодая монахиня, принесла маленькие чашечки кофе, непременно повсюду на Востоке. Каждый раз, делая глоток, я кланялся и благодарил настоятельницу; а она после каждого глотка кланялась мне, отвечая на приветствие. Мы легко общались, и я даже решился предложить ей сигарету. Она ответила, что, как правило, не курит, но сегодня готова нарушить обычай.

Насколько я понял, основная обязанность монахинь — охранять святилище Мари Гиргис (арабский вариант святого Георгия). Допив кофе, мы направились туда.

Мы вошли в замечательный зал, который мог находиться в норманнском замке Англии. Каменные стены вздымались к сумраку кровли, каменные блоки были настолько массивными, что в Сирии они почти наверняка относились бы к периоду крестовых походов.

Зал был пустым, и только в одном конце, в апсиде или алькове, стояла ограда. Это и было святилище Мари Гиргис. Свечи из неотбеленного воска горели перед иконой святого Георгия, поражающего копьем дракона.

Икона помещалась в нише, настоящем гнезде из лоскутов всяческих размеров, форм и цветов. Это были обрывки одежды тех, кто страдал от разнообразных

болезней; как сказала мать-настоятельница, многие из лоскутов повязаны руками мусульман.

Одна из любопытных особенностей Египта — уверенность значительного числа мусульман в чудотворной силе христианских святых, в особенности святого Георгия. Большинство христианских праздников в этой стране посещают и христиане, и мусульмане, и невозможно избавиться от мысли, что благочестивые мусульмане являются потомками тех, кто столетия назад преследовал христиан, создавая условия для их кровавого мученичества.

Самый странный предмет в этом святилище, который в сумраке я чуть не пропустил, — тяжелая железная петля. Она прикреплена к длинной цепи, другим концом зафиксированной в каменной стене чуть ниже иконы.

Мать-настоятельница объяснила, что здесь на ночь оставляют сумасшедших, приковав их к цепи, иногда они проводят в святилище несколько дней, пока святой Георгий не избавит их от безумия. Сначала они бесятся, изо рта идет пена, они пытаются вырваться из петли, но постепенно усилия изматывают их, и несчастные погружаются в сон. И во сне им является святой Георгий и исцеляет.

Это удивительный пример живой веры в лечение во сне, которое провозглашал Эскулап и которое некогда практиковалось в языческих храмах по всему миру. Военачальники, которые бодрствовали в Вавилоне в ночь смерти Александра Великого, вероятно, тоже молили бога исцелить правителя во сне. И сегодня в Египте повсеместно, где только есть церкви Мари Гиргис, существует вера в эффективность лечения во сне, не ослабевшая с древних времен.

Когда мы прощались, мать-настоятельница сказала, что, если я вернусь в воскресенье, она наверняка сможет показать мне пациента, который ожидает исцеления от святого Георгия.

В Коптском музее Старого Каира реликвии раннего христианства хранятся с особой любовью и заботой, благодаря энтузиазму человека по имени Моркос Симайка-паша, выдающемуся члену коптской общины. В этом музее можно увидеть самую интересную и разнообразную коллекцию коптских объектов в мире.

Для каждого, кто знаком с Ирландией, самым удивительным может показаться явное сходство коптских древностей с реликвиями кельтской церкви. Разделенные огромным расстоянием, эти две страны в первые века распространения христианства обнаруживали немалую общность религиозной жизни. Преобладание Ирландии в классических исследованиях на протяжении так называемых темных веков, целый ряд знатоков греческого и латыни, со времен Карла Великого являвшихся оттуда с целью просветить Европу, часто упоминаются как выдающийся и необъяснимый исторический факт. Но я не знаю, почему это так воспринимается. Ирландские монахи были великими путешественниками, и весьма вероятно, что они приняли эллинистическую культуру напрямую из богословских школ Александрии. Я рискнул бы высказать предположение, что Египет способен дать ответ на то, что многие авторы называют загадкой интеллектуального блеска Ирландии во времена, когда светильник просвещения померк после падения Римской империи.

Известно, что многие ирландцы в течение первых шести веков христианской эры совершали путешествия в Египет, а египетские монахи посещали Ирландию. Рассказывали, что семь коптских монахов были похоронены в Ирландии, в Дезерт-Улид, и профессор О'Лири в недавно изданной книге «Святые Египта»

упоминает, что в Национальной библиотеке в Париже хранится ирландская рукопись, описывающая путь до Святой Земли Скетис — то есть Египетской пустыни, и предназначенная для паломников.

Но связь между двумя странами имеет более глубокие основания, чем случайные визиты паломников или обмен учеными. Есть мнение, что ирландцы соблюдали египетский монашеский устав, когда вся остальная Европа приняла устав святого Бенедикта. Египетский устав впервые пришел в Европу, когда святой Афанасий в 340 году посетил Рим. Это была система индивидуального отшельничества, отличавшаяся от общежительной организации, которая впоследствии развивалась в Западной Европе. Отшельники жили в одиночестве в пещерах и среди скал, не строили больших церквей, но на ограниченной территории могли возвести значительное количество часовен. «Семь церквей» Глендалу в графстве Уиклоу — отличный пример примитивного египетского монастыря времен отцов-пустынников.

Сводчатые кельтские церкви Ирландии часто называют уникальными и изобретенными в самой Ирландии. Но это не так. Это точная копия коптских сводов, которые существовали в Египте с древних времен. Совершенно точно, что именно Египет является родиной сводчатой базилики, и тот факт, что этот тип перекрытия оставался неизвестным в Европе за пределами Ирландии, должен свидетельствовать о другой важной связи между кельтской и египетской церквями.

Невозможно смотреть на иллюстрированные евангелия в Коптском музее и не вспоминать Книгу из Келлса^[28]. Также есть явное сходство между замечательно украшенными переплетами евангелий, хотя бы одна такая книга есть в каждой коптской церкви, и широко известными в Ирландии так

называемыми *кумдах*. Еще одна любопытная параллель — это колокола, все еще использующиеся в коптском богослужении. Это маленькие ручные колокола напоминают те, что в Ирландском музее названы «колоколами святого Патрика». Я обратил внимание на металлическую отделку переплета евангелий в Коптском музее, украшенную спиралями и драгоценностями, такой предмет мог бы лежать на витрине рядом со знаменитым реликварием — колоколом святого Патрика. Резьба по дереву и камню, в которой люди и звери предстают в окружении кругов, также несет на себе явные черты близости с рельефами каменных крестов Ирландии.

Когда пытаются объяснить блестящее знание классического наследия в Ирландии в темные века, обычно говорят, что ученые бежали на остров из Галлии, из древних центров образования из-за варварских войн. В биографиях той эпохи вновь и вновь повторяется фраза: «Оставив родную страну, они поселились в Ирландии из любви к Господу и учености». Полагаю, что задолго до этого, вероятно в III-IV веках, ирландцы учились в школах Александрии и возвращались в свою страну, обогащенные знаниями, которые можно было обрести в этом городе.

В жизни святого Патрика был любопытный случай, в котором я не видел особого значения, пока не заинтересовался возможными связями между египетскими и кельтскими церквями. Когда святой Патрик путешествовал по горам, не помню, в какой части Ирландии, он вошел в пещеру и увидел алтарь, на котором стояли четыре стеклянных потира. Суть истории в том, что эти потиры принадлежали христианам, которые исповедовали свою веру в Ирландии задолго до святого Патрика. Вероятно, в то время потиры обычно делали из металла, иначе стеклянные чаши не поразили бы святого Патрика, ведь

ему они должны были показаться любопытными древностями.

Теперь я понимаю важность упоминания стеклянных потиров, которые широко употреблялись в христианской Европе в течение первых двух столетий нашей эры. Считается, что святой Урбан предписал заменить стеклянные потиры на металлические в 226 году, за двести лет до посещения святым Патриком пещеры в ирландских горах. Египетская церковь пользовалась стеклянными потирами с I века и продолжает пользоваться сегодня, в основном из-за бедности; но само их существование доказывает, что в Египте никогда не было сознательного предубеждения против изготовления потиров из стекла.

Следовательно, мы можем предположить, что, проходя по священным горам Ирландии, святой Патрик случайно наткнулся на пещерную капеллу древних ирландских отшельников, обучавшихся христианству в Египте. Также, я повторяюсь, жизнь и обычаи египетских отцов-пустынников нигде не находят столь точных параллелей, как в укладе жизни кельтских отшельников. Святой Кевин, основавший поселение Глендалу в графстве Уиклоу, во многом напоминал святого Антония. Я припоминаю историю об искушении святого Кевина. Его преследовала энергичная девица по имени Кэтлин, которая, согласно одной из версий, мешала ему поститься в горах Уиклоу, а видения женщин искушали святого Антония в горах возле Красного моря. Поэт Мур описал, как святой Кевин отталкивает красотку и бросает ее в озеро, вероятно, именно так поступил бы и святой Антоний. Известно, что после того как святой Афанасий посетил Рим в 340 году, написанное им «Житие святого Антония» было переведено на латынь и стало широко распространяться по Западной Европе, стимулировав подражание идеалу. Кто знает, может быть, святой Кевин в пещере Уиклоу

тоже читал об искушении святого Антония, и история о прекрасной деве стала наваждением, рожденным текстом?

Вероятно, когда-нибудь исследователи раскроют эту темную страницу христианской истории и установят связи между кельтской церковью и ее возможной прародительницей, церковью святого Марка в Египте. А. Дж. Ромилли в книге «Кельтское искусство в языческие и христианские времена» пишет: «Величайшая трудность в понимании эволюции кельтского искусства заключается в том факте, что, хотя кельты не изобретали новых идей, они проявляли необычную способность схватывать идеи других народов, с которыми их сталкивала война или торговля. А когда кельт заимствовал идею у соседа, он умел придать ей столь ярко выраженное кельтское звучание, что вскоре она совершенно отличалась от оригинальной формы и становилась неузнаваемой».

И все же, я думаю, что вполне возможно выяснить истоки кельтского искусства по реликвиям, которые находят на берегах Нила.

В один из дней, когда я был в Коптском музее, его основатель, Моркос Симайка-паша, вышел, опираясь на палку, и прогулялся со мной, любовно демонстрируя сокровища, извлеченные им буквально из огня.

— Кстати, раз уж вы так интересуетесь моей церковью, можете сегодня придти на церемонию, — сказал он. — Это свадьба. Приходите в церковь Эль Адра, Благословенной Девы, в Муски, к семи тридцати...

Было уже темно, когда я отправился на поиски церкви в Муски. Шофер-мусульманин не знал, где она

находится, и вскоре мы потерялись в узких, заполненных народом переулках, где лошадь прокладывала путь, едва ли не кладя голову на плечи впереди идущих; вокруг раздавались жуткие крики, пронзительно скрипели колеса.

Один раз нам пришлось остановиться, улица была очень узкой, и прямо перед нами через дорогу какой-то человек перевозил тележку, переполненную великолепными овощами, которые в изобилии произрастают на черной почве Египта: там была роскошная цветная капуста, способная получить приз на любом конкурсе, лук-порей толщиной с запястье, пузатые фиолетовые баклажаны, зеленые, как ящерицы, огурцы. Человек, незнакомый с Востоком, мог подумать, что в любой момент здесь случится убийство, увидев, как зеленщик, преградивший нам путь, и мой шофер обрушили друг на друга потоки яростной брани. Их лица искажались от гнева. Они размахивали руками, ладони ярко сверкали в свете фонарей, пальцы указывали обвиняющим жестом на противника, но в то мгновение, когда англичане должны были бы кинуться в драку, а гангстеры, вероятно, выхватили бы «стволы», перепалка внезапно закончилась, и ее участники с улыбками обменялись на прощание парой шуток, демонстрируя, как довольны друг другом. Зеленщик вежливо оттолкнул тележку с цветной капустой, и мы поехали дальше.

Я наслаждался медленной поездкой по темным расщелинам, полным жизни. Каждая освещенная лавка являла выразительную картинку, обрамленную мраком; кое-где сидели по-турецки мужчины, которые вели торговые переговоры, потягивали кофе; в других сирийцы или армяне, словно пауки в ловчих сетях, устроились посреди рулонов персидских ковров; а иногда мы притормаживали, и лица местных жителей оказывались совсем близко, и три-четыре призрака,

закутанных в темные покрывала, оглядывались на нашу машину, причем их глаза оставались спокойными и лишенными эмоций. Наконец мы добрались до пересечения нескольких улиц. Из-за домов вздымался излучавший зеленоватое сияние минарет, силуэт которого четко вырисовывался на фоне неба, и мой шофер, указав хлыстом вниз по переулку, сказал, что здесь даже он не проедет: вся улица была битком забита тележками, такси и *арабийя*.

Гости, прибывшие на свадьбу, пробирались между капотами машин к дальнему концу переулка — туда, где перед дверями церкви собралась большая толпа. Все ждали невесту. Лицом к лицу, в две линии от двери и вдоль части улицы, стоял хор молодых мужчин в белых одеждах, напоминавших ночные рубашки, через левое плечо у всех была перекинута накидка-стола, на головах красовались маленькие жесткие белые шапочки с серебряным крестом на макушке; в руках у юношей были зажженные свечи. Один из них держал вместо свечи кимвалы (металлические тарелки), а другой — треугольник. Они стояли в сумраке, и свет их свечей выхватывали из тьмы гладко выбритые лица; я подумал, что так могли выглядеть жрецы Исиды.

Когда одна машина двинулась через толпу, возникла всеобщая суматоха, а потом открылась дверца и вышла девушка, похожая на темный, полностью расцветший пион. Она была в вечернем платье из кремового кружева. Аккуратно уложенные иссиня-черные волосы ярко блестели. Пухленькое, хорошенькое личико заметно покраснело — это можно было заметить даже под обильной косметикой и несмотря на смуглую кожу. Четыре подружки невесты, тоже облаченные в вечерние платья, заняли места, а выстроившийся хор разразился резким пением, сопровождавшимся ударами кимвалов и звоном треугольника. Под это музыкальное сопровождение девушки прошли в церковь.

Во всеобщей суматохе, вызванной прибытием невесты, я не успел заметить, как все оказались внутри жаркого, тесного помещения, освещенного свечами в канделябрах. Молодой распорядитель свадьбы увел меня со скромного места в конце зала и, к моему крайнему смущению и замешательству, усадил среди духовенства. Однако я ничего не мог поделать.

Жених и невеста сидели в нескольких ярдах от меня на красных, позолоченных стульях, установленных прямо перед алтарной преградой. Жених сидел по левую руку от невесты, на лице его было универсальное для всех мужчин мира в такой момент растерянное и напряженное выражение. Вокруг горели свечи, так что брачующиеся сидели, словно в озере золотого сияния. На женихе был вечерний костюм, сверху наброшена богато украшенная риза, на голове феска, а очки в роговой оправе, в которых отражался свет, почти полностью скрывали глаза.

Я невольно подумал, что передо мной типичная коптская смесь прошлого и настоящего, Востока и Запада. Хор исполнял гимн на языке фараонов, у жениха на голове красовался мусульманский убор, такую ризу мог носить святой Афанасий, а вечерний костюм символизировал современную цивилизацию, в то время как очки были в американском стиле. С другой стороны, подружки невесты являли собой пример новейшей парижской моды. И на это странное смешение деталей сквозь дымку курящихся благовоний взирали с древних икон святые отцы египетской церкви.

Среди почтенных лиц, рядом с которыми меня усадили, были: епископ Танты, епископ Иерусалима, местоблюститель епископа Хартума, все в черных сутанах с серебряными наперсными крестами, а на головах блестящие черные тюрбаны, характерные для коптского духовенства. Церемония оказалась долгой и весьма интересной. Епископы вставали один за другим,

чтобы произнести молитвы или долгие и величественные наставления. Один из мирян с драматической выразительностью читал Писание на арабском, и я подумал, как странно видеть этого человека в феске за церковным чтением. Между молитвами и в конце каждого чтения хор под руководством молодого человека, отбивавшего пальцем темп, начинал очередной, длинный и пронзительно звучащий гимн. Звон треугольника и ритмические удары кимвалов, сопровождавшие нараставшие по темпу гимны, создавали языческую атмосферу. Особенно два участника хора поразили меня необычностью облика, они словно сошли с древнеегипетской фрески. У них были те же губы, носы и миндалевидные глаза, что и у древних египтян, а руки их отличались удивительным изяществом и красотой линий.

На протяжении всей церемонии одна из подружек обмахивала невесту веером. Эта подружка была хрупкой и смуглой, лицо чистое, округлое, с немного негроидными чертами и пухлыми губами; такие лица можно найти на росписях периода 18-й Фиванской династии. Танцовщицы из могилы Нахт принадлежат к тому типу, который я пытаюсь описать, такие девушки есть на фрагментах фресок в Британском музее, одна из которых изображает двух обнаженных танцовщиц. Девушка стояла в церкви, помахивая веером из страусовых перьев, и смотрела поверх горевших свечей темными газельими глазами, а я представил, как рабыня Шармиан стояла с опахалом в Александрии, за спиной своей госпожи Клеопатры.

Под торжественное пение жениха и невесту помазали маслом, а затем наступил кульминационный момент церемонии. Появились два золотых венца, епископ взял их в руки и, подняв, произнес следующую молитву на арабском:

— О, Господь, Святой и Единый, Который венчает Своих святых немеркнущими венцами, Который соединяет небесные и земные вещи в одно целое, теперь, о наш Повелитель, благослови эти венцы, приготовленные для слуг Твоих; пусть станут они для них венцом славы и чести. Аминь. Венцом благословения и спасения. Аминь. Венцом радости и счастья. Аминь. Венцом наслаждения и удовольствия. Аминь. Венцом добродетели и праведности. Аминь. Венцом мудрости и понимания. Аминь. Венцом силы и утверждения. Аминь. Даруй Твоим слугам, которые будут носить их, Ангела Мира, узы любви, храни их от всех постыдных мыслей и низменных желаний, освободи их от злых нападков и всех дьявольских искушений. Пусть пребудет с ним Твоя милость, услышь голос их молитвы, пусть страх Твой поселится в их сердцах, присматривай за их жизнью, пусть они проживут без искушения до старости. Порадуй их видом сыновей и дочерей их, даруй им тех, кто должен быть рожден от них ради пользы Твоей как человеки единой святой католической апостольской Церкви; укрепи их в православной вере до конца дней их. Присматривай за ними на путях правды, согласно воле Господа.

Здесь он сделал небольшую паузу и возложил один венец поверх фески жениха, а другой — на темные волосы невесты, а потом продолжил:

— Славой и честью венчаешь Ты их, о Господь; Отец благословляет, Сын венчает, Дух нисходит на них и совершенствует. Достойный, достойный, достойный Господь, даруй Твоим слугам венец милости, которая их не покинет. Аминь. Венец высокой и изобильной славы. Аминь. Венец добра и несокрушимой веры. Аминь. Благослови все их действия, ведь Ты податель всего доброго, о Христос, наш Господь.

Два кольца были связаны вместе красной ленточкой. Епископ развязал ее и надел одно на палец жениха,

другое — на палец невесты. Затем он произнес благословение и, соединив головы новобрачных, коснулся их крестом, который был у него в руке. Прекрасная старинная церемония завершилась.

Все гости, приглашенные на свадьбу, спешили поздравить новобрачных, сидевших рядом в желтом свете, словно фараон и его супруга на древних изображениях. Веер из страусовых перьев медленно и непрерывно двигался над головой невесты, а ее подружки в современных вечерних платьях из тафты розовато-лилового и желтого цветов, перешептывающиеся между собой за спинами молодой пары, с откровенным любопытством разглядывали собравшихся.

Покидая церковь, мы все получали маленькие подарки. Это было нечто твердое и узловатое, и когда я в отеле снял упаковку, оказалось, что мне досталась маленькая позолоченная шкатулка, изнутри выложенная бархатом и заполненная засахаренным миндалем и серебристыми сладостями.

Мне пришла в голову мысль, что я видел достоверную версию раннехристианского венчания. Как и все церемонии коптской церкви, эта дошла до нас практически неизменной со времен греко-римского мира, без исправлений, пропусков, дополнений, появившихся на Западе.

Все языческие и раннехристианские свадьбы состояли из двух частей: обручения и венчания. Я присутствовал только на венчании, то есть на второй части, поскольку обручение происходит на несколько недель, а то и месяцев, раньше. Это торжественное действие, договор между сторонами скрепляет епископ. Родители жениха и невесты определяют размеры приданого девушки, заключают брачный контракт, выбирают дату свадьбы. Это соответствует древним

традициям Греции и Рима. В языческие и раннехристианские времена жених обязательно дарил невесте обручальное кольцо именно на этом этапе. В английском языке сохранилось понятие «палец кольца», заимствованное из латинского; римляне носили обручальное кольцо на безымянном пальце левой руки, поскольку считалось, что он связан напрямую с сердцем. Торжественная обстановка при подписании брачного контракта и воспоминания о религиозной атмосфере раннехристианской эпохи все еще видны в коптском обычае, так как священник, а не жених надевает обручальное кольцо на палец невесты.

То, что венчание проходит в темное время суток, очевидно, является наследием далекого прошлого, ведь в древние времена не вступали в брак при свете дня. Возложение венцов на головы жениха и невесты также представляет собой языческую традицию, заимствованную первыми христианами, хотя она сохранилась теперь только в восточных христианских церквях; свадебная фата пришла из Рима, ее символическое значение не было утрачено и на Западе. Как и в древние времена, коптская церковь считает венцы знаком добродетели и чистоты; как и в ранние эпохи, венцы являются собственностью церкви и торжественно возвращаются священнику после окончания церемонии.

Все еще жив обычай, утраченный частью коптов, живущих в современных городах, доставлять невесту в церковь и из родительского дома в дом жениха при свете факелов, в сопровождении музыкантов и шумной толпы, причем посреди идет человек с букетом цветом, в центре которого зажженная свеча. Это исключительно любопытный пример выживания языческих «пышных свадеб», осуждавшихся отцами церкви, поскольку зачастую такие празднования заканчивались бунтами и беспорядками. В горящей свече, без сомнения, можно

увидеть наследие свадебного факела на римских бракосочетаниях, его зажигала мать невесты перед началом процессии. Святой Григорий Назианзин в IV веке написал прекрасное краткое послание, в котором отказывался разделить свадебное веселье под предлогом того, что страдающий подагрой старик будет неуместен среди танцоров, хотя сердцем будет с празднующими. Так что святых тоже иногда приглашали на шумные торжества, и мне отраднo думать, что отцы церкви благожелательно улыбались, глядя на такие праздники.

Шкатулка с засахаренным миндалем была приветом из древнего мира, поскольку в Риме существовал обычай, согласно которому жених раздавал толпе орехи во время процессии по улицам города, а в Греции сладости разбрасывала невеста, перед тем как войти в новый дом. Так что засахаренный миндаль — смешение греческих и римских традиций.

Я вспомнил, что в последний раз видел эти изначальные *конфетти* при странных обстоятельствах. Это было бракосочетание Умберто, кронпринца Италии, с принцессой Мари-Жозе Бельгийской во дворце Квиринале в Риме. Когда гости покидали дворец, засахаренный миндаль разбрасывали в таких чудовищных количествах, что, казалось, это звездопад. Очевидно, такие *конфетти* и рис, которым осыпают новобрачных, имеют очень древнее происхождение, хотя само слово «*конфетти*», конечно же, связано со сладостями.

Все освященные веками обычаи, сохранившиеся в ритуале коптской свадьбы, пришли из эллинистической Александрии. Но древнее всего, пожалуй, сцена перед дверью дома жениха, которая разыгрывается после церковной церемонии, когда невеста должна не только присутствовать при жертвоприношении тельца, но и переступить через его кровь, чтобы войти в свой новый

дом. Такого не было ни у греков, ни у римлян, ни у христиан, ни у мусульман; эта традиция досталась в наследство современным коптам от их древнеегипетских предков.

9

История бегства Святого Семейства в Египет, естественно, породила множество коптских легенд, большинство которых основывалось скорее на благочестивых представлениях, чем на исторических фактах. Лишь один из четверых евангелистов, святой Матфей, упоминает бегство в Египет, и его слова — единственное письменное свидетельство об этом событии, которым мы располагаем.

Безусловно, существуют и другие упоминания, гораздо более подробные, чем сжатый рассказ святого Матфея, но все они относятся к апокрифическим евангелиям, составленным в более поздние времена и не имеющим слишком большой художественной ценности.

Это событие в жизни Христа всегда воспламеняло воображение художников. Одни из самых прекрасных изображений Святого Семейства представляют его путешествующим под покровом ночи или в свете звезд и в тени пирамид. Эти монументы были уже очень древними, а захороненные в них тела давным-давно подверглись ограблению, когда Иисус, Мария и Иосиф прибыли в землю Египетскую.

Се Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь

Его ночью и пошел в Египет. И там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего...

По смерти же Ирода, се Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: возьми Младенца и Мать Его и иди в землю Израилеву; ибо умерли искавшие души Младенца...

Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоился туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские. И, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется²².

Итак, святой Матфей рассказывает нам, что Иисуса увезли из Палестины младенцем, и Он оставался в Египте до тех пор, пока сын Ирода Архелай не вступил на трон Иудеи. На обратном пути святой Иосиф «пошел в пределы Галилейские», потому что боялся въезжать во владения Архелая. Святой Матфей не называет причину его страха, но, вероятно, тот был вызван восстанием, разразившимся после смерти Ирода и подавленным Архелаем лишь после того, как три тысячи евреев, в том числе и многие паломники, прибывшие на Пасху, были убиты. Практически нет сомнений, что именно это стало причиной, заставившей Святое Семейство обогнуть Иудею. Возможно, святой Иосиф сначала намеревался провести Пасху в Иерусалиме, но, услышав о резне, «пошел в пределы Галилейские».

Из рассказа святого Матфея о бегстве ясно, что Святое Семейство провело в Египте лишь короткое время, вероятно, недели три-четыре, так как Архелай вступил на престол сразу после смерти Ирода, и это послужило святому Иосифу сигналом к возвращению.

Считается, что Ирод умер в феврале, а Пасха, во время которой произошел бунт, пришлось в том году на март; следовательно, месяц — самый долгий срок, который Святое Семейство могло провести в Египте.

Египет, в который прибыло Святое Семейство, прекрасно известен. За двадцать семь лет до того Антоний и Клеопатра потерпели поражение в морской битве при Акции, и со смертью Клеопатры навсегда закончилось правление греческой династии, начало которой положил военачальник Александра Македонского Птолемей. Затем в игру вступил Рим, присоединивший Египет к империи Августа. Префектом Египта в те годы был Турриан, о котором мы знаем лишь, что после смерти Августа он первым принес присягу на верность Тиберию, императору, при котором совершилось распятие.

Страна, приютившая Святое Семейство, заметно отличалась от земли Иосифа Прекрасного и Моисея. Слава фараонов давно миновала, они лежали в разрисованных гробницах, и величие Египта осталось лишь памятью, зафиксированной на храмовых вратах. В правление Августа Египет имел греческую голову и египетское тело. Глава его, Александрия, походила на Нью-Йорк или Париж своего времени, это был блестящий город, богатый и знаменитый во всем мире своими интеллектуальными достижениями и изобретениями в области механики. Его библиотека представляла собой крупнейший университет той эпохи, а храмы, общественные здания и бани прославились истинным великолепием.

Но к югу, вдоль Нила это новейшее сияние исчезало, и Египет становился древней страной, землей фараонов. Верхний Египет не имел ничего общего с чужеземной Александрией; они принадлежали разным мирам. Расписные пилоны местных храмов вздымались над тихими водами, а бритоголовые жрецы по-прежнему

приносили жертвы старым богам своей страны. Великие города, из которых некогда выезжали фараоны под величественным плюмажем на золоченых колесницах из древесины акации, медленно умирали от старости. «Туристы» из Греции и Рима совершали путешествия по Нилу, чтобы осмотреть диковины этой странной, необычной земли, взглянуть в лицо великого Сфинкса, записать свои имена на коленях колоссов неподалеку от Фив и посетить маленькие затерянные храмы в пальмовых рощах, где немногочисленные обедневшие жрецы все еще по привычке кормили священных крокодилов и произносили молитвы, значение которых уже терялось. К моменту бегства Святого Семейства в Египет был умирающей страной.

Неудивительно, что художники охотно брались за изображение этого эпизода из жизни Иисуса. Это была поистине значительная картина: Младенец Иисус путешествует по стране, где в последние годы язычества бок о бок сосуществовали египетская, греческая и римская цивилизации, три великие империи древности. Не помню, кто автор картины: Благословенная Дева с Младенцем на руках бредет в стороне от большой толпы, которая с криками движется по улице к величественному храму. И в самом центре толпы, высоко на плечах жрецов виднеется образ египетского божества. Облака дыма от курящихся благовоний окружают его, жрицы бросают цветы на его пути; а Иисус и Его Мать отошли в сторону, чтобы уступить место процессии с идолом. Кто сможет сказать, что такая встреча была невозможна?

Когда мы задаемся вопросом, где Святое Семейство остановилось в Египте, то сталкиваемся с проблемой выбора. Благочестивые монахи, писавшие несколько веков спустя, указывали на самые невероятные места, даже высоко по течению Нила. Старейшая и самая вероятная традиция утверждает, что Святое Семейство

остановилось в местечке Матария, неподалеку от древнего Гелиополя.

Однажды утром я поехал в Матарю. Ее отделяют от Каира шесть миль исправной, хотя и пыльной дороги. На подъезде к Гелиополю я заметил маленький сад, в котором находится Дерево Девы. Это благородная египетская сикомора с розовыми плодами, похожими на инжир, местные жители называют их *джамаиз*. Искривленные ветви раскинулись над садом, их поддерживают разнообразные подпорки, так что дерево выглядит как огромный инвалид на костылях. И хотя оно было посажено не ранее 1672 года, нетрудно понять, почему крестьяне верят, что это то самое дерево, в тени которого отдыхал Младенец Иисус. Пожалуй, за исключением гигантского тиса на церковном дворе Селборна, не могу припомнить столь впечатляющего дерева. Но даже селборнский тис, который несомненно старше сикоморы, не выглядит столь древним. Тис несет груз лет прямо и сдержанно, в то время как сикомора Матарии — морщинистая и ветхая. Ее нижние ветви покрыты кусочками ткани, повязанными христианами и мусульманами, которые верят, что дерево обладает магической силой.

Маленькая босоногая девочка в желтом платье бегала по саду. Она сказала, что ее зовут Фатима, смотрела на меня, застенчиво прикасаясь пальчиком к губам. Подошел ее отец, и я поинтересовался у него, зачем к дереву привязывают лоскуты. Он ответил:

— Если у женщины нет детей, она приходит и привязывает лоскут, произносит имя Аллаха и уходит.

Очевидно, что это мусульманская версия местного верования.

Копты убеждены, что Святое Семейство отдыхало в саду, и там, где ноги Иисуса коснулись земли, забили источники свежей воды. Они все еще сохранились в саду, и мне сказали, что вода в них не солоноватая, как

езде в водоемах, связанных с Нилом, а пресная и приятная на вкус. В Средние века это место было известно как Сад Трав, его упоминают многие средневековые паломники и путешественники. Сэр Джон МанDEVИЛЛ много рассказывал об этом в своих путевых заметках. Он обратил внимание на бальзамическое дерево, которое не росло нигде, кроме Египта. Сэр Джон описывал «маленькие деревья, не выше пояса среднего мужчины, которые немного напоминают виноградную лозу». Когда он посетил сад в 1322 году, сарацины якобы рассказали ему, что за этими деревьями должны ухаживать христиане, иначе они перестают давать драгоценный бальзам.

Этот бальзам является наиболее важным ингредиентом при варке миро, или елея, — священного масла, которое применяют, в частности, в коптской церкви. В западной церкви освященное масло представляет собой смесь бальзама и масла, а святой Григорий Великий сравнивал его с дарами Святого Духа. Египетская церковь, очевидно, всегда считала, что масло сложного состава, которое применяется в таинствах, — это один из «ароматов», «благовоний и мастей», каковые Мария Магдалина, Мария, мать Иаковлева, и Саломия принесли ко Гробу Господню²³. Каждый компонент, используемый при варке миро, строго определен правилами, а смесь проваривают многократно. К бальзаму из Матарии добавляют травы и специи, в том числе лилии и кассию, и погружают всё на сутки в свежую пресную воду. На следующий день восемь фунтов чистого оливкового масла, которое никогда не касалось козлиной шкуры и вообще не хранилось в кожаных емкостях, процеживают через травы и кипятят до вечера на огне, разведенном исключительно на оливковых дровах или старых иконах. Пока смесь кипит, непрерывно читают псалмы. На следующий день добавляют лепестки персидской розы,

белое сандаловое дерево, ароматические травы и смесь опять проваривают. На третий и четвертый день добавляют белый стиракс, шафран, алоэ и лепестки красной розы, смесь продолжают варить, как и раньше, и, естественно, с каждой варкой количество жидкости уменьшается. На пятый день добавляют янтарь и стиракс, а смесь варят на дубовом угле, после чего миро охлаждают, процеживают через льняную ткань, и только после этого оно готово для освящения.

Миро используют в коптской церкви по крайней мере с IV века, но бальзамические деревья Матарии по неизвестной причине погибли в XVII веке, так что теперь бальзам для варки миро пришлось заменить на вещество другой природы. Моркос Симайка-паша рассказал мне, что в наше время миро освящают лишь два раза в течение столетия и соответственно церемония эта носит особенно торжественный характер.

Любопытно, что бальзамические деревья в Матарии впервые посадили при Клеопатре, взяв саженцы из знаменитой рощи в Иерихоне. Такие рощи были среди богатых даров, которые преподносил царице Антоний в дни своего успеха, они действительно имели огромную коммерческую ценность. Иосиф Флавий сообщает, что Клеопатра однажды посетила рощи в Иерихоне и увезла с собой в Египет саженцы бальзамических деревьев, которые приказала высадить в Гелиополе или Матарии. К прибытию Святого Семейства в Египет сады эти существовали уже тридцать лет. Не исключено, что Клеопатра вывезла из Палестины и еврейских садовников, чтобы те ухаживали за молодыми посадками, являвшимися для Египта исключительной редкостью. Должно быть, эти люди принадлежали к еврейской общине, которая определенно существовала в Гелиополе на протяжении ряда столетий. Вполне естественно, что святой Иосиф, вынужденный спешно бежать из родной страны, обратился за поддержкой на

чужбине к соплеменникам. Насколько я знаю, эти обстоятельства никогда не сопоставлялись, и, возможно, именно они объясняют, почему Святое Семейство остановилось в саду Матарии, который позже стал священным для египетских христиан.

Французские иезуиты выстроили маленькую церковь Святого Семейства рядом с Садам Трав. Над крыльцом, на жарком солнце красовалась надпись: «*Sanctae Familiae in Aegypto Exuli*» — «Святое Семейство в египетском изгнании». Среди фресок, украшающих эту церковь, есть одна, на которой представлен вход Святого Семейства в Гелиополь. Это иллюстрация коптской легенды, которая гласит: когда Святое Дитя прибыло в Гелиополь, раздался сильный шум ветра, земля содрогнулась, и идолы попадали с пьедесталов.

Я прошел к останкам Гелиополя. Ничего не сохранилось, кроме одинокого обелиска из красного гранита, высящегося посреди поля сахарного тростника. Он последний из многих, стоявших перед храмом Солнца — тем самым храмом, в котором мог учиться Моисей.

Вокруг обелиска установлена ограда, и внизу можно разглядеть древний каменный пьедестал. Это уровень, на котором находился Египет много столетий назад; вероятно, под накопившимся сверху слоем почвы, принесенной Нилом за долгие века, когда-нибудь найдут руины могучего города Он, или Гелиополя — Города Солнца.

Давным-давно одинокий обелиск видел исчезновение своих товарищей. В 13-12 годах до н. э., за восемь лет до прихода Святого Семейства в Египет, Август приказал увезти два обелиска в Александрию. Один из них, почерневший от лондонской копоти, стоит теперь на набережной Темзы; другой находится в Центральном парке Нью-Йорка. Если традиция права относительно того, что Святое Семейство пришло

именно в Гелиополь, обелиск еще стоял, и Семейство прошло в его тени; если же Мать и Сын прибыли в Александрию, они могли пройти мимо тех двух камней, которые Лондон и Нью-Йорк знают как «Иглы Клеопатры». С каким удовольствием мы бы пожертвовали надписями на этих памятниках ради возможности увидеть воочию тот не зафиксированный в письменных источниках миг в 4 году н. э., когда Мать и Младенец могли проходить в их тени.

Глава пятая

Пирамиды и христиане

Я совершаю поездку, чтобы увидеть золото Тутанхамона, посещаю Каирский зоопарк, заболела, и меня отвозят к пирамидам. Я путешествую в Файюм, вижу канал Иосифа, живу на пустынном берегу озера и возвращаюсь в Каир, чтобы увидеть коптскую церемонию крещения.

1

В 1923 году, на мой взгляд, уже давно, я приехал в Египет по заданию одной лондонской газеты, чтобы описать открытие погребальной камеры гробницы Тутанхамона. Я никогда не забуду об этом событии, поскольку мне выпала честь войти в подземное помещение с сокровищами, на которых еще лежала пыль трех тысячелетий.

Эти чудесные вещи, для демонстрации которых выделен целый этаж Каирского музея, сегодня стали едва ли не самыми знаменитыми древностями в мире. Туристы спешат в музей, как только оказываются в Каире, и по возвращении рассказывают, что стоило съездить в Египет, чтобы увидеть все это своими глазами.

Но у меня имелись некоторые сомнения. Мысль о том, чтобы пойти в музей, вызвала опасения. Пятнадцать лет назад я день за днем сидел на ярком солнце перед входом в гробницу, наблюдая за тем, как выносят сокровища, впервые узревшие свет после тридцати веков мрака.

Останутся ли они для меня столь же удивительными в стеклянных витринах музея, в окружении любопытных посетителей, делающих неуместные замечания, и прогуливающих по залам зрителей, периодически поглядывающих на часы в надежде, что скоро музей закроется до утра?

Однажды утром я все же пошел в музей, поднялся по короткой лестнице и оказался на просторном этаже, где выставлены сокровища; первое впечатление — золото. Золотое сияние, золотой блеск, золото — красноватое-розовое и тусклое, золото в крупных массах, золото, выкованное тончайшим слоем; повсюду, куда только падал взгляд, до конца залитого солнцем коридора, сверкал металл, за который люди с начала времен предавали и порабощали других людей.

Пока я в изумлении оглядывался — первое впечатление от сокровищ просто невозможно передать тому, кто их никогда не видел, — мне вспомнились строгие слова апостола Павла:

«Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести *из него*»²⁴.

Когда пятнадцать лет назад я увидел внутреннее пространство гробницы, предметы там были почти не тронуты. Сокровища лежали в беспорядке, одни поверх других, точно так, как их нагромодили три тысячи лет назад. И мое самое яркое воспоминание — две черноликих статуи в человеческий рост, изображавшие мертвецов, охраняющих неповрежденную стену; они словно говорили: «Стойте, ни шагу дальше!»

Эти две фигуры сегодня находятся в стеклянных витринах; это первое, что видишь, входя в музей. Они молча охраняют сокровища, которые три тысячи лет стерегли в могиле; левая нога чуть выдвинута вперед, в левой руке жезл, а в правой — булава. Глядя на них, я вспоминал множество мелочей: плоские известняковые

ступени, что вели в гробницу, жаркий, затхлый воздух, непередаваемый запах веков.

Несмотря на красоту и величие и то драматическое впечатление, которое эти две статуи производят теперь, когда стоят в музее, его невозможно сравнить с тем ощущением, какое они вызывали в сумраке гробницы, среди опрокинутых сосудов и колес от колесниц, предостерегая от осквернения тела царя.

Теперь их отмыли и отчистили. Когда я видел их в первый раз, золото поблекло, на нем появились красные потеки, напоминающие струйки крови, — результат воздействия жаркого воздуха внутри известняковой пещеры на протяжении веков, пока возвышались Афины, Рим, Лондон и Константинополь, долгих веков неподвижного пребывания в одной точке пространства.

И еще я припомнил, что три тысячи лет назад кто-то набросил на стражей льняные платки, ткань стала коричневой за столетия в могиле и свисала с рук статуй, словно паутина, а при малейшем дуновении ветерка с нее осыпались тучи пыли. Теперь платков не было. Они отважно делали шаг вперед, глядя, как сфинксы — как все египетские статуи, — твердо и с вызовом, прямо в глаза вечности.

Я переходил от витрины к витрине, переживая настоящее эмоциональное потрясение. Даже цветные фотографии дают лишь самое общее представление о красоте и изяществе этих вещей. Мастерство художников, ювелиров, работавших с золотом и серебром, резчиков по дереву, слоновой кости и алебастру, живших в Египте три тысячи лет назад, остается непревзойденным.

Я видел хлеб, испеченный три тысячелетия назад, чтобы накормить *ка* — «душу»-индивидуальность царя; он все еще сохраняет следы формы из пальмовых волокон, в которой его отправили в печь.

Там были венки и букеты цветов, напоминающих коричневую бумагу, хрупкие, как засохший воск. Плакальщики собирали эти цветы утром, три тысячи лет назад, в садах Фив, а затем принесли в Долину мертвых, чтобы возложить на гроб царя, в самый последний момент, оставляя его в вековой тишине.

Ученые исследовали эти листья и цветы. Часть рассыпалась в прах при легком прикосновении, но некоторые оказались достаточно крепкими, чтобы перенести несколько часов в теплой воде. Среди них были васильки — они больше не растут в Египте, — а также листья оливы, лепестки голубой кувшинки, стебли дикого сельдерея, ягоды сладко-горького паслена. Несколько цветков положили непосредственно на гроб Тутанхамона; они позволили определить, что фараон умер в середине марта или в апреле.

Для объектов, найденных на мумии или рядом с ней, выделена специальная комната. Самая замечательная вещь — портрет Тутанхамона, каким фараон был в момент смерти, портрет задумчивого восемнадцатилетнего юноши. Эту маску нашли над головой мумии. Лицо сделано из сияющего золота, а полосатый головной убор — из чередующихся участков темно-синей стеклянной эмали и золота. Над лбом укреплены два символа царской власти: гриф и кобра, обозначающие Верхний и Нижний Египет, оба из цельного золота.

Без сомнения, это один из величайших портретов древности. Человек, который раскрывал лицо мумии, рассказывал мне, что маска представляет собой точное изображение царя. Есть нечто невыразимо печальное и одинокое в этом лице, словно юноша уже знал, что обречен на раннюю смерть. Он смотрит на нас сквозь тридцать столетий, его нельзя назвать счастливым; глаза выразительны и полны отваги и грусти.

Каждый палец на руках и ногах Тутанхамона был аккуратно обернут тончайшим листком золота. Исследователи их сняли, и посетитель может увидеть один «футляр» для мизинца и два для пальцев ног в музее, под стеклом витрины. Не могу объяснить, почему они выглядят так трогательно. Однако я бы предпочел, чтобы юного фараона оставили со всеми двадцатью золотыми «футлярами» на пальцах.

2

Если бы удалось каким-то чудом оживить мумию одного из древних египтян, вероятно, его больше всего удивило бы отсутствие в современном Египте диких животных.

Века назад, как показывают фрески в гробницах и скульптурные изображения в храмах, в Египте бегемоты, крокодилы и львы часто становились объектом охоты. Сегодня эти звери исчезли из Египта, хотя их еще можно встретить в Судане. Вероятно, причиной этого стало расширение культивируемых земель, а также тот факт, что Нил при ежегодных разливах больше не образует новых болот, среди которых дикие животные устраивали свои логова.

Кот, который в Египте убивал змей, а не только крыс и мышей, занимал исключительное, привилегированное положение. Египтянин и помыслить не мог об убийстве кота или кошки. Он мог отказаться вытаскивать тонущую кошку из воды, как мусульманин не вмешивается в исполнение воли Аллаха, но никогда бы не кинул ее в водоем. В атмосфере суеверий, окружающих кошку, несомненно, дошла до нас память о поклонении коту в Древнем Египте.

Кобра, которая в древние времена служила символом царской власти, все еще встречается в

городах и в сельской местности по всей долине Нила. Змей часто убивают — я сам видел, как полицейский застрелил змею из револьвера, — и мне рассказывали, что в некоторых деревнях кобра живет в подвале дома и ее почитают как «хранительницу очага», кормят яйцами и цыплятами. Крестьяне приписывают кобре необыкновенный ум. Один сельский полицейский, которого я встретил за пределами Каира, поведал мне историю, в которую я не поверил, несмотря на то что он уверял меня в ее правдивости, — она показывает отношение *феллахов* к змее.

Полицейский сказал, что в деревне Верхнего Египта, где он как-то раз остановился, две кобры вывели молодых змей в подвале дома. Однажды хозяйские дети обнаружили маленьких змей на солнцепеке и стали дразнить их палками. Самка кобры выползла и обвила своим телом самого маленького из детей, а крики ребятишек разбудили родителей.

Они были напуганы, но не могли ничего поделать, поскольку кобра в любой момент могла укусить ребенка. Тогда крестьянка воскликнула:

— Наверное, если наши дети перестанут мучить ее детей, она уйдет!

Отец семейства поспешил к своим детям, шлепками отогнал их от змеенышей, и в следующее мгновение кобра спокойно скрылась в подвале. Эта история дает представление о том, какой воображали «царскую змею» древние египтяне.

Как-то утром я отправился в Каирский зоопарк.

Такси минут за пятнадцать доставило меня в прекрасный сад на западном берегу Нила. Внутри вели красивые ворота, украшенные рельефными изображениями животных работы египетского скульптора.

Слепящее солнце заливало пятьдесят шесть акров тропической растительности, животные содержались в открытых вольерах, напомнивших мне Риджентс-парк. Некогда эти сады были собственностью богатого паши, который, как говорят, построил совершенно ненужный подвесной мост над искусственным озером — только потому, что жена спросила у него, как выглядит подвесной мост. Стоит порадоваться, что эта дама не поинтересовалась у мужа, как выглядит вокзал Юстон или Триумфальная арка.

Самое большое впечатление в Каирском зоопарке на меня произвели животные, размерами, бодростью и состоянием здоровья резко отличавшиеся от питомцев европейских зоопарков. Я всегда полагал, что бегемот — одна из самых мрачных шуток природы, и часто испытывал жалость к этому неуклюжему существу с огромной челюстью, толстым брюхом и короткими ногами. Тот зверь, которого мы обычно видим, представляет собой убогое зрелище. Однако в родной для него Африке бегемот — жизнерадостное и поразительно подвижное животное. Гиппопотам Каирского зоопарка оказался величественным созданием с играющими под кожей мускулами, злыми бегающими глазками, а сквозь темный оттенок кожи проступала розовая плоть.

Жирафы в Европе — несчастные и слабые по сравнению с высокими, крепкими экземплярами Каирского зоопарка, шкура которых напоминает пятнистый бархат. Страусы Каирского зоопарка так прекрасно чувствуют себя в привычной среде, что их яйца продаются в билетной кассе по 2 фунта за штуку!

Единственная трагедия Каирского зоопарка — полярный медведь. Несмотря на заботливый уход и постоянный холодный душ, бедное создание испытывает настоящие муки из-за жары; он вообще не должен был находиться в Африке. Он запущен и жалок и являет

собой идеальный довод для вмешательства любого зоологического общества: диких животных нельзя перемещать за пределы естественного для них климата. Я бы обрадовался, если бы этого несчастного медведя обменяли на такого же убогого бегемота из Европы.

Меня заинтересовали посетители Каирского зоопарка. Я видел там египетских мальчиков-школьников лет десяти в европейской одежде, но при этом в вездесущих красных фесках. Эти дети при виде слона испытывали такой же неподдельный восторг, как ребяташки в Риджентс-парке.

Многочисленные сельские шейхи и крестьяне бродили по зоосаду, вероятно, это были гости Каира. Им не приходила в голову мысль идти в музей, чтобы посмотреть на мумии, но они жадно стремились увидеть крокодилов, гиппопотамов и львов. Приближаясь к незнакомому животному, они улыбались от удовольствия; наблюдая за ними, я подумал, что люди, которые так любят и понимают зверей, часто испытывают восхищение и изумление, встречаясь с ними.

Так всегда ведут себя англичане. Первые книги, которые читают наши дети, рассказывают им о животных в фантастическом стиле, вроде сказок Беатрикс Поттер, где можно найти забавные описания зверей, основанные на реальных наблюдениях и знаниях. Я уверен, что Микки-Маус стал бы популярным героем в Древнем Египте, потому что люди, построившие пирамиды, были единственными в раннюю эпоху, кто замечал юмористические черты в поведении и облике животных и приписывал им человеческие черты.

Один из наиболее любопытных примеров погребальных росписей Древнего Египта — карикатуры на животных, в том числе львы, пятащиеся в ужасе при виде домашней кошки, переходящей дорогу. На другом рисунке лев играет в шахматы с газелью. Еще один

представляет шакала, пришедшего в гости к больному бегемоту. А на четвертой картине леопард играет на флейте перед стаей гусей.

Даже если изображения животных и птиц на стенах гробниц были бы не столь полны жизни и не являли бы собой пример любовного наблюдения за природой, мы бы узнали, что древние египтяне обожали животных, — хотя бы по этим забавным карикатурам, выполненным в стиле Беатрикс Поттер.

Глядя на современных египтян в Каирском зоопарке, я подумал, что они словно протягивают руки сквозь века к тем, кто давным-давно жил на берегах Нила.

3

Как-то вечером, когда солнце садилось и в тени было уже довольно прохладно, я стоял на участке каирской средневековой стены с профессором, который считался крупнейшим мировым авторитетом в области исламской архитектуры. С типичными для него добротой и основательностью он изложил мне основные идеи своей диссертации, а я с ужасом обнаружил, что уделяю его рассказу мало внимания. Уходя прочь по темным улицам, я испытывал приступ меланхолии и, с отвращением глядя на оживленную местную толпу, размышлял, смогу ли завтра найти место на корабле. Мне было трудно находиться в стране столь сурового, безжалостного солнца; я обратился мыслями к мягким дождям на родине, к дружественного вида облакам, к привычным теням.

Я взглянул на свое отражение и подумал, что стоит измерить температуру; оказалось, у меня почти 38 градусов. Чтобы сбить лихорадку, я вышел на террасу и заказал напиток со льдом, от чего почувствовал себя еще хуже. Вскоре я впал в мучительное состояние,

хорошо известное многим гостям Египта. Это заболевание представляет собой смесь лихорадки и желудочного гриппа. Судя по всему, коренное население этой болезни не подвержено, но для меня это был один из тяжелейших моментов в жизни. Паника, вызванная пониманием того, что золотые дни пролетают, а я не способен сдвинуться с места, беспокойство и раздражение от постоянного уличного шума, звонков велосипедов, сигналов проходящих по реке лодок, свиста коршунов, голосов мальчишек, торгующих парафином, чьи пронзительные крики раздавались с восьми утра, — все это составляло ткань событий моей жизни.

По-матерински заботливая гречанка-горничная каждый день сообщала мне, что сегодня я выгляжу лучше, чем вчера, а высокие чернокожие мальчишки-берберы, служившие в отеле посыльными, которые время от времени приносили мне миску супа, широко ухмылялись, доводя ощущение болезни до предела.

Когда я наконец встал на ноги, я едва мог ходить, и доктор рекомендовал мне уехать из пыльного и шумного Каира и остановиться неподалеку от пирамид. Эта мысль мне понравилась, потому что, как все люди, не привыкшие болеть, я испытывал животную ненависть к месту, в котором пережил боль; так что я с радостью ожидал свежего воздуха долины Гиза.

Дорога заканчивалась на краю пустыни, где над песчаным плато высились пирамиды. Там имелись несколько лавок, сарай, где можно было нанять верблюда на час, и просторный отель, один из лучших в Египте; его бассейн и открытая танцевальная площадка в буквальном смысле находились в тени великой пирамиды Хеопса.

На протяжении своей весьма изменчивой и разнообразной жизни мне приходилось ночевать во многих странных и необычных местах, но комната в Гизе

всегда вспоминается мне как нечто совершенно замечательное. Лежа в постели, я видел Великую пирамиду, находившуюся на расстоянии двадцатиминутной пешей прогулки. Ее колоссальный треугольный силуэт заполнял все пространство моего балкона.

Сначала я испытал благоговейный трепет, особенно узрев пирамиду в лунном свете. Затем я стал привыкать к виду, даже захотелось, чтобы пирамида была чуть в стороне и передо мной открывалась бы перспектива пустыни; наконец, пот и кровь тысяч никому не ведомых людей, порабощенных и направленных сюда, стали буквально преследовать меня; ведь пирамиды действительно являются памятником тщеславию и пустой жестокости. И все же им не удалось достичь цели — то есть сохранить в неприкосновенности тела фараона после смерти, — потому что все погребальные камеры давным-давно взломаны и разграблены.

Первые дни мне не рекомендовали выходить на прогулку. Я вставал с постели и сидел на балконе, пока не становилось слишком жарко, и оттуда наблюдал за повседневной рутинной жизни вокруг пирамид.

Каждое утро начиналось с того, что в семь часов прибывала полиция. Некоторые полицейские шли к пирамидам, другие ездили верхом на небольших арабских лошадях; они патрулировали территорию вплоть до заката, следя, чтобы никого не ограбили и чтобы приезжим не докучали.

Затем появлялись проводники, а следом за ними надоедливые мальчишки и мужчины, предлагавшие туристам поддельные древности, которые они прятали в грязной одежде и демонстрировали с подчеркнуто таинственным видом; все шли вверх по дороге и там ждали посетителей.

С разных сторон из-за дюн выходили люди с верблюдами и ослами. Они торговали кораллами, так

что, естественно, тоже ждали гостей. Те начинали прибывать с восьми утра. Там были добропорядочные немцы в темных очках и тропических шлемах, французы и египтяне, англичане, которые, вызывая неудовольствие погонщиков верблюдов и ослов, время от времени требовали, чтобы их отвезли в дюны.

Один раз с балкона я заметил особое оживление. Вероятно, начинался большой день. Из-за дюн пришло гораздо больше верблюдов, ослов и повозок, чем обычно; наконец со стороны Каира показалась вереница машин, из которых вышли около сотни туристов, одетых так, словно они отправлялись на исследование Центральной Африки.

На некоторых были зауженные книзу брюки для верховой езды и рубахи без ворота, другие носили походные ботинки и бриджи, тропические шлемы, а кое-кто был одет еще более странно.

Пока верблюды плевались и издавали возмущенные крики, ослы и их погонщики вопили, причем люди еще и размахивали руками, как это принято в Египте при обсуждении сделки; в конце концов странная толпа уселась на верблюдов или в повозки и отправилась к дюнам. По Суэцкому каналу проходил океанский лайнер. Пассажиры воспользовались возможностью посетить Каир и пирамиды, а к ночи вернуться на борт.

Совершенно ясно, что традиции века девятнадцатого не спешат умирать. Все эти люди были убеждены, что посещение пирамид и Сфинкса сопряжено со значительными трудностями, если не с физической опасностью. И, наблюдая за тем, как они удалялись в дюны, я мог судить о том, насколько корабельная учтивость ушла от былых стандартов: взять хотя бы готовность молодых людей удерживать недовольных верблюдов подальше от девушек. В итоге им приходилось выкрикивать с униженного расстояния ярдов в десять:

— Мисс Робинсон, с вами все в порядке?

А корабельный остряк поворачивался на спине верблюда и подбадривал кого-то из отставших:

— Эй, давай, Стив, поднажми!

4

Настоящее мучение — находиться вблизи пирамид, в пяти минутах от Сфинкса, но не иметь возможности пойти к ним и осмотреть.

Наконец доктор разрешил мне выходить из дому, но тут же добавил:

— Не пытайтесь входить в пирамиду, вы можете там простудиться. Оно того не стоит, правда?

Я согласился, что не стоит; но не успел дойти до песчаного плато, на котором выстроены пирамиды, как уже забыл о предостережениях доктора и, конечно, поступил так, как сделал бы любой на моем месте — зашел внутрь.

Стоя под пирамидой Хеопса, я понял, что она действительно выглядит крупнее и невероятнее любого другого творения человеческих рук, которое я когда-либо видел.

Изначально пирамида была покрыта от вершины до основания великолепным белым известняком, его отполировали после установки плит на место, так что все гигантское сооружение казалось единым куском гладкого камня. Именно такой видел пирамиду древний мир, а ступенчатой сегодня она выглядит из-за того, что арабы ободрали облицовку, использовав ее для строительства Каира.

Вход в пирамиду расположен примерно в сорока футах над землей с северной стороны, его проделали несколько веков назад арабские искатели сокровищ. Когда идешь вокруг пирамиды, обращаешь внимание на

следы нескольких попыток забраться внутрь; но успешной оказалась только одна, поскольку арабы пробили туннель прямо под оригинальным проходом и попали в главный коридор, по которому мумию фараона вносили в погребальную камеру.

Вход представляет собой большую черную дыру в каменной гряде. Я вскарабкался туда по известняковым плитам, и тут появился араб, который решил взять меня под опеку.

Несколько шагов я шел, распрямившись, но потом вынужден был согнуться пополам, а примерно двадцать ярдов пришлось ползти. К моему удивлению, внутреннее пространство пирамиды было освещено электричеством. Араб повернул выключатель, и в темноте проступила череда лампочек. Через двадцать ярдов туннель грабителей соединился с главным коридором, плавно поднимавшимся к центру пирамиды, это довольно узкий каменный проход футов тридцать в высоту, словно шахта эскалатора на станции метро.

В электрическом свете я мог разглядеть известняковые стены великолепной кладки, трудно было найти швы между блоками. Ступени и перила крепились к одной стене. Ярдов пятьдесят подъем шел полого, а потом снова пришлось карабкаться на коленях по каменному туннелю не более трех с половиной футов высотой. И наконец передо мной открылся по-настоящему поразительный вид: комната в самом сердце пирамиды, где был похоронен Хеопс.

Это одно из самых зловещих помещений, которые я посещал, по-настоящему ужасное, очень легко поверить, что там обитают призраки. Воздух был затхлым и жарким, а вонь от летучих мышей — столь сильной, что я невольно глянул вверх, ожидая увидеть их свисающими по всем углам.

И хотя камера находилась в ста сорока футах выше уровня залитой солнцем платформы снаружи, возникло

ощущение, что пребываешь глубоко под землей. Последовавший за мной араб внезапно выключил свет и произнес с жутковатым смехом:

— Темно... *Очень* темно!

Действительно, темнота была как в могиле, а еще невероятная, мертвая тишина. Никогда прежде я не понимал, что такое клаустрофобия, хотя и испытывал страх в угольных шахтах. Пока я думал, как выбраться наружу, меня постепенно охватывала паника.

В погребальной камере находился лишь один предмет: массивный каменный саркофаг, без крышки и без надписей. Араб подошел поближе и похлопал по нему. Саркофаг издал металлический звук, словно глухой колокол. Именно в этом гробу семь тысяч лет назад был похоронен фараон Хеопс.

Одна из поразительных особенностей этой пирамиды заключается в том, что она была построена вокруг саркофага; когда конструкция достигла уровня камеры, в нее внесли гроб, а уже после этого достроили верхнюю часть пирамиды.

Геродот рассказывает, что сто тысяч человек в течение трех месяцев в году работали на строительстве, десять лет ушло на подготовку площадки и двадцать — на саму постройку. Все это время правитель, должно быть, посещал место будущего захоронения, чтобы узнать, как идут дела. Наверное, он стоял в этой камере, когда она еще была открыта солнцу, а саркофаг уже стоял в углу. Возможно, он хлопал по нему и слышал тот же приятный, мелодичный гул. Не исключено, что он снова пришел сюда, когда камера была уже закрыта, темная, готовая к погребению. А потом наступил день, когда он попал сюда в последний раз, с золотой маской на лице и на веревочных носилках, под пение жрецов.

Несмотря на всю изобретательность зодчих, на эти узкие туннели, заблокированные после похорон гранитными блоками, и даже на плиту,

поворачивающуюся на рычагах, известных только жрецам, грабители все же смогли проникнуть внутрь примерно через два столетия после смерти Хеопса.

Мы никогда не узнаем, кто поднял крышку огромного каменного саркофага и сорвал с фараона золото, выбросив кости на пол. Но и спустя столетия после осквернения могилы люди поражались при виде великой пирамиды, не будучи в состоянии поверить, что она уже не хранит внутри сокровищ. Персы, римляне и арабы атаквали ее ломami и таранами; они пытались пробивать в ней туннели и шахты. Снова и снова люди забирались в темные проходы и с бьющимися сердцами ползли вглубь. Но вместо груд золота они находили пустой гроб и пронзительно кричащих летучих мышей.

5

Я решил посетить Файюм, который лежит в сорока милях от пирамид, за Ливийской пустыней. Это впадина глубиной сто сорок футов, примерно сорок миль длиной и тридцать шириной, отделенная от Нила грядой невысоких холмов. Однако в гряде есть проход, через который в древние времена протекало боковое русло, образуя огромное естественное озеро, уровень которого поднимался и опускался одновременно с Нилом.

Я выехал на машине в сторону Файюма ясным жарким утром. Слева от меня высились пирамиды, а вокруг вскоре не осталось уже ничего, кроме безграничного пространства раскаленного песка. Сорок миль — достаточное расстояние, чтобы понять, что такое пустыня, но недостаточное, чтобы наполнить сердце отчаянием и слабостью. Песчаная дорога теряется за горизонтом. Холмы громоздятся друг за другом, милю за милей, они то гладкие, как коричневый бархат, то покрыты бороздами ветров, словно по ним

прокатились волны прилива. И солнце нещадно палит над мертвой страной, так что начинают болеть и слезиться глаза от взгляда на выжженную равнину; и когда мелькнет случайный объект — птица, белые кости верблюда, шасси сгоревшего «форда», — он кажется желанной передышкой посреди монотонной и безжизненной пустоты.

Одно прекрасно в пустыне: сухой, чистый воздух, проходящий тысячи миль над песком, заставляет закипать кровь и радостно биться сердце.

Дорога шла под уклон, к пейзажу, который в точности соответствовал моим детским представлениям о Садах Эдема. Пустыня заканчивалась внезапно, прямо перед стеной финиковых пальм. Там, где их силуэты образовывали сплошную линию на фоне неба, я заметил тяжелые гроздья фиников, напоминавших рой пчел, а еще цвет испанского красного дерева.

Вместо выжженной земли теперь дорогу окружали высокие валы черной земли — жирной, плодородной черной земли Египта; а в стороне виднелись каналы с медленно текущей свежей водой, словно вены, переносившие кровь этой страны.

Богатство оазиса Файюм во времена фараонов было легендарным. Земля давала практически все известные тогда плоды: апельсины, бананы, мандарины, финики, сахарный тростник, рис, кукурузу, оливки.

Как усердно трудится *феллах!* Он буквально порабощен этой черной землей, отдает жизнь в обмен на ее плодородие. Он стоит по колена в воде, его тонкая одежда промокает от брызг колодца-*шадуфа*; он идет по липкой грязи полей, босые ступни делают его легкой жертвой ужасных микроорганизмов, живущих в египетской почве; он склоняется над плугом, каким пахали, должно быть, герои Вергилия; он шагает, как воины фараонов на храмовой стене, срубая початки кукурузы в рост человека; он покрыт ветвями и

листьями, словно персонаж весеннего праздника, и склоняется под грузом урожая.

Каждый день, год за годом, век за веком, похож на любой другой. Он *феллах*, человек, трудом и потом которого были выстроены пирамиды и храмы, человек, чей фатализм, вероятно, является самым колоссальным памятником Египта.

Минуя очаровательные деревни посреди пальмовых рощ, на берегах мелких каналов, я заметил, что из печей поднимается дым, там женщины пекут плотный хлеб, важнейший продукт Египта. Я видел маленькие глинобитные домишки, где крестьянин спит лишь несколько часов, пока не начнется восход солнца, который, словно труба, призывает его вновь бороться с водой и землей. В доме остаются лишь малые дети, играющие в пыли.

Я ехал через деревни на берегу озера Карун туда, где в нескольких ярдах от кромки воды стоял небольшой двухэтажный отель, принадлежавший молодому немцу. Отель пустовал, потому что была середина недели. На выходные его заполняют спортсмены из Каира, приезжающие охотиться на уток и чирков, тысячами населяющих берега озера.

Думаю, это озеро — самое красивое, что я видел в Египте. Зеркало голубой воды лежало в ярком солнечном свете, а на западном берегу простиралась рыжевато-коричневая пустыня; где-то там скрывались забытые города греческой эпохи и древние храмы, рассыпавшиеся в прах. В тишине этого удаленного места мягкие оттенки голубой воды и пустыни напомнили мне о Галилейском озере.

Слуга-араб отнес мой багаж в маленькую комнату с видом на озеро. Над кроватью была установлена противомоскитная сетка, чувствовался легкий запах камфары.

— Я только что открыл отель, — сказал мне хозяин, господин Шумахер. — Обычно я закрываю его вплоть до начала охотничьего сезона. Вы не представляете, какой это труд, открывать отель, который был закрыт в течение египетского лета! Ящерицы, змеи, птицы, лягушки поселяются всюду; а еще и дикие пчелы!

Я понял, что на озере Карун мне понравится.

Фараоны проявляли большой интерес к этому озеру, построили на нем шлюзы и сложную систему контроля за уровнем воды, так что высота последней оставалась постоянной, отсюда брали воду и для орошения окрестностей. Среди древних обитателей этих берегов были те, кто поклонялся божеству, священным животным которого считался крокодил. Жрецы держали крокодила, которого рассматривали как воплощение бога Собека, в священном озере при храме в местечке Шедет. Его украшали золотыми кольцами и хрустальными подвесками, а на лапах у рептилии красовались драгоценные браслеты.

В греческие времена ирригационные работы не проводились, уровень озера упал, огромные участки вокруг заболотились, и царям из династии Птолемеев пришлось их осушать, чтобы расселить греческих и македонских ветеранов. Там, где некогда простиралось знаменитое озеро, лежали жаркие низины, поразительно плодородные, и на них стали возникать греческие города. Сегодня Файюм — это арабская версия коптского слова «озеро» — известен богатством почвы, обширными фермами и полями зажиточных египтян. Файюм полюбился грекам, потому что был единственным местом в Египте, где удавалось получать хороший урожай оливок, и до наших дней он остается единственным районом производства оливок в стране. Сегодня озеро сократилось до небольшой части прежнего водоема, в самой глубокой впадине всей

низменности. Вода в нем такая же соленая, как в Средиземном море, поскольку испарение при сильной жаре оставляет в изобилии минеральные соли, как это происходит и с горькими водами Мертвого моря.

И Геродот, и Страбон упоминают этот район, и чтение их сочинений заставляет задуматься о том, сколь мало изменились туристические маршруты по Египту со времен греков и римлян. Поднявшись на борт корабля в Александрии, путешественники шли вверх по Нилу, как и современные туристы, посещали те же места и смотрели на те же достопримечательности. Но там, где мы видим руины или пустые участки, они имели счастье осматривать храмы, в которых жрецы все еще совершали древние ритуалы. Из Гелиополя гости отправлялись на экскурсию к Храму Солнца и, вероятно, снисходительно улыбались, услышав, что каждую ночь в нем проводят церемонию, призванную обеспечить восход светила на следующее утро. Из Гизы они ехали к пирамидам и Сфинксу, которые были в те времена такими же древними и безжизненными, как сейчас.

В наши дни Файюм не входит в список обязательных мест для посещения в Египте. Однако в эпоху греков все путешественники обязательно направлялись туда, а бог-крокодил переживал полнейшее унижение, поскольку привлекал уже не богомольцев, а туристов.

Поездка вошла в моду, принято было кормить крокодила сушеной рыбой и медовыми пряниками, эту снедь продавали гостям жрецы. Можно вообразить западное высокомерие, с которым древние туристы наблюдали за тем, как украшенные драгоценностями лапы крокодила мелькали в воде. Однако преподнести дары священному животному было не так-то просто, наверное, он брал реванш, демонстрируя готовность съесть гостя, а не его угощение. Жрецы, наученные долгим опытом, всегда были наготове. Они ждали, пока животное заснет на солнце, подкрадывались и ловко

закидывали ему в пасть рыбу и пряники, и убегали прежде, чем крокодил успевал броситься на них.

6

Египет — страна, в которой не бывает сумерек. Солнце заходит как-то сразу. Устанавливается полная тишина, будто остановилось время. Холмы становятся черными на фоне лимонно-желтого неба. Загораются звезды. Появляются летучие мыши. Их крылья хлопают в наступающей темноте.

Свет исчезает с неба, жизнь уходит с полей и лугов, где растут рис, кукуруза и сахарный тростник; все набережные превращаются в площадку для домашних собраний, черные фигуры двигаются в последних отблесках солнца, отражающихся на храмовых фризах.

Босоногие девушки в ярких красных и синих платьях гонят домой коз, смуглые мальчишки, забегая с разных сторон, управляют стадами водяных буйволов, стараясь успеть до заката; и с каждого участка возделанной земли идут загоревшие до черноты *феллахи*, шумно топая босыми ногами по дороге в сторону деревни, окруженной финиковыми пальмами.

Они стремятся дать телу долгожданный отдых, а еще боятся темноты. И я могу понять их страх. Эта кромешная тьма, наступающая на пятки золотому дню, неизбежно вызывает в воображении пугающие картины потустороннего мира, который рисовали на стенах гробниц древние египтяне. Они верили, что смерть будет похожа на египетскую ночь, эта смерть будет населена странными, фантастическими созданиями, полулюдьми-полуживотными, напоминающими неясные силуэты, пробирающиеся ночью сквозь заросли сахарного тростника в неверном лунном свете.

Тишина и темнота воцаряются в Египте. *Феллахи* и члены их семей устраиваются на ковриках, постеленных прямо на глинобитном полу. Похожие на волков псы бродят по деревне, яростно лают на шакалов, которые пытаются пробраться с кукурузных полей к людскому жилью и тихо тявкают в ответ.

Наступает час, когда с одиноким путником может случиться все, что угодно, когда выходят на охоту те, кто живет в полях и водах и под землей; в это время лишь четыре глинобитных стены защищают человека от сил темноты. Восемь вечера. Через девять часов мир вновь оживет...

Я стоял на балконе и любовался рассветом. Еще видны были звезды. Внизу раскинулось озеро Карун, широкое серебристое полотно. Финиковые пальмы в саду были темными и недвижимыми в утренней тишине; ни звука вокруг, словно злые ночные твари унесены прочь утренним сиянием, вернулись в глубину земли и воды, улетели в пустыню.

Понемногу поднимается ветер, он едва шевелит листья пальм, на востоке разливается по небу сероватый свет. Это дыхание жизни, начало нового дня. Свет распространяется. В нем растворяются звезды. Серое сияние становится желтым, оранжевым, красным, и внезапно над горизонтом поднимается солнце, Египет пробуждается.

Раздается голос петуха, а следом — крик осла, странные, булькающие звуки, издаваемые верблюдами; красно-коричневые смуглые люди Египта идут на поля. Кто-то поет или смеется, другие озабочены мыслями о предстоящей работе, они смотрят под ноги так, словно вся жизнь сосредоточена в земле и воде. Ранним утром тени от пальм наискось падают на глинобитные стены, женщины кормят младенцев, а перед ними в пыли

скачут юные козлята с шерстью, напоминающей черный бархат.

В начале египетского дня есть аромат счастья, словно все безобразное и несправедливое унесено прочь ночью; словно человек заново начинает свой путь к совершенному миру, где солнце будет согревать его, а над головой раскинется синее небо.

Я спустился к озеру, чтобы взглянуть на рыбаков, которые выгружали ночной улов. Это единственные люди Файюма, не привязанные душой и телом к черной земле. По происхождению это кочевники-арабы или бедуины, чьи предки давным-давно осели на золотой кромке пустыни с северной стороны озера. Они поставили черные шатры и научились ловить рыбу, а их потомки продолжают заниматься тем же делом по сей день.

У них крупные, тяжелые суда, по форме подобные каноэ, их изготавливают на берегах озера Карун, а весла вырезают из больших кусков дерева; рыбаки пользуются неводом и ручной сетью, которые веками известны на Востоке. Такая же ручная сеть была у апостолов на Галилейском озере.

И хотя Галилея находится в ста пятидесяти милях от озера Карун, которое представляет собой замкнутый водоем, в нем водится именно морская рыба. Озеро Карун является объектом особой заботы египетского правительства, туда подвозят в контейнерах по воздуху рыбу из Средиземного и Красного морей.

Каждое утро, примерно в шесть часов, рыбацкие лодки медленно подходят к берегу, и открывается утренний рынок. Покупатели сидят на корточках на песке, постепенно передвигаясь вдоль кромки воды. Аллах наполнил сети? Да! Всемилостивый наполнил сети так, что они едва не разорвались от тяжести. Он так щедр, что лишь гигант смог бы перенести улов на берег за один раз.

Довольно любопытно, что столь оптимистический подход, типичный для рыбаков всего мира, входит в явное противоречие со следующим эпизодом: маленький мальчик приподнял и подоткнул за пояс полы *галабии*, ступил в воду, а потом вернулся, удерживая корзину с рыбой на голове. Время от времени улов доставляли на берег двое мужчин, но ни разу не понадобилось усилий больше этих! Во всяком случае, я так и не увидел чрезмерно тяжелого и изобильного улова.

Распределив рыбу на песке, покупатели и продавцы погрузились в длинные споры, которые сопровождают на Востоке даже приобретение шнурков для ботинок. Они смеялись. Они хмурились. Они изображали возмущение, гнев, огорчение; наконец заключали сделку ко всеобщему удовольствию — сделку стоимостью несколько шиллингов. Как приятно видеть счастливого рыбака, ведь в других частях мира он является жертвой ценовой политики и посредников.

На озере Карун торговцы перегружают рыбу в корзины, подвешивают их по бокам ослов и отправляются продавать товар в деревни. Рыбаки покупают себе пригоршни фиников или щепотки зеленого чая, а потом развешивают сети на просушку.

Самое странное, что я слышал об этих рыбаках, — это принятый у них способ ловли уток. Зимой большие стаи мигрирующих диких птиц прибывают на озеро Карун. Они чрезвычайно пугливы, и охотник должен маскировать плоскодонную лодку камышом, прятаться в ней и сидеть в засаде часами, прежде чем удастся сделать выстрел. Но рыбаки изобрели метод, который, вероятно, мог прийти в голову только бедуинам.

Они устанавливают ловушку примерно на глубине пяти футов, неподалеку от поросшего камышом берега. Затем рассыпают рис на поверхности воды и, прикрепив к ногам камни, прячутся в воде и дышат через

соломинку. Иногда им приходится сидеть в засаде около получаса.

Как только утка спускается к воде, чтобы подобрать рис, сидящий в воде араб хватает ее за лапы и утягивает вниз; причем делает это так ловко и стремительно, что порой удается поймать четыре-пять птиц, прежде чем их товарки заметят, что происходит нечто неладное.

Если взглянуть на озеро на закате, увидишь, как рыбаки собираются на ночной промысел. Как сильно отличаются они от крестьян, работающих на полях. По всему Файюму, за исключением этих двадцати пяти миль воды, темнота означает окончание работ и возвращение домой. Только рыбаки отважно отправляются в ночную тьму. Но каждый *феллах* знает, что в этом нет ничего удивительного: ведь ни один злой дух ночи не осмелится приблизиться к рыбаку-*африту*, потому что все призраки боятся его сетей. Мне говорили, что если придется выйти на улицу после наступления темноты — да хранит от этого Аллах! — необходимо уговорить рыбака сопровождать тебя в дороге.

7

Капитан полиции и капитан береговой охраны явились, чтобы приветствовать меня, и выразили надежду, что мне понравился Египет, в особенности та часть Египта, которая находилась в зоне их ответственности.

— Давайте присядем и выпьем кофе, если вы, конечно, не предпочитаете что-нибудь покрепче, — предложил я.

— Кофе — это хорошо.

Мы уселись на террасе маленького отеля на берегу озера Карун, где зеленые ящерицы мелькают на солнце,

а удода, заменяющие в Египте европейских соек, деловито порхают с дерева на дерево.

Когда принесли кофе, мы обсудили множество тем, но самой интересной оказалась работа. Они расспрашивали меня о газетах и книгах, и я отвечал, как мог. Затем разговор перешел на них.

— Каким было самое страшное преступление, с которым вы сталкивались? — поинтересовался я у капитана полиции.

— Убийство, — коротко ответил он, сделав глоток.

— И сколько их случается за год?

— Примерно семьдесят-восемьдесят.

— А население вашей провинции составляет около пятисот тысяч?

— Да, именно так. Многие из наших убийств... как это сказать по-английски? Семейные раздоры. Они переходят из поколения в поколение, и когда случается убийство, беспричинное, на первый взгляд, зачастую это означает, что два правнука... — Он умолк и сделал типичный для египтянина жест, означающий нечто окончательное: потер ладони; а потом продолжил: — Другая трудность заключается в том, что в деревне все, кроме полиции, знают, кто совершил убийство. Поэтому выследить преступника очень сложно. Приходится внимательно наблюдать. Прислушиваться. Никто не поможет вам найти убийцу. Они все ничего не знают. Ничего!

— Но почему уходит так много времени на разрешение семейных раздоров? Почему правнуки совершают убийства из-за конфликтов прадедов?

— О, на этот вопрос нелегко ответить. У *феллахов* существует традиция: убийство такого рода должно совершаться таким же орудием, как то, за которое мстишь, и на том же самом месте.

— Закон возмездия?

— Если хотите. Но люди старательно избегают мест, на которых убили их отцов! Годы могут пройти, поколения смениться, прежде чем произойдет заветная встреча. Но раз уж она состоялась...

— А вы с какими преступлениями сталкиваетесь? — спросил я у капитана береговой охраны.

— Сейчас у нас нет настоящих преступлений, — ответил он. — Если не считать ситуаций, когда рыбаки ставят сети слишком близко и они путаются. Но это совсем простые дела. Я забираю сети и сжигаю их, это происходит ежемесячно. Сегодня как раз день сожжения сетей. Вы можете увидеть дым вон там.

Мы посмотрели на живописную береговую полосу, там находились три офицера береговой охраны в синих рубашках, широких турецких штанах и в фесках; они разводили костер на песке.

— Почему вы сказали, что преступлений нет *сейчас*? — уточнил я.

— До недавнего времени я служил на Суэцком канале, там случались настоящие преступления. Даже много преступлений...

Он изобразил изобилие жестом, знакомым каждому, кто бывал на Востоке, и продолжил:

— Там я ловил контрабандистов, пытавшихся провозить кокаин, гашиш и героин. Это весьма умные люди. Кое-кто бросал упаковки наркотиков стоимостью в тысячи долларов за борт парохода, прямо в канал. Упаковки были завернуты в промасленный шелк и утяжелены солью. Когда соль растворялась, упаковки всплывали на поверхность воды, этого дожидались люди на берегу, которые их подбирали. У них много, очень много хитростей. Встречались люди, у которых в феске была двойная верхушка. Некоторые провозили наркотики внутри полой трости. А кое-кто ловко прятал груз на ослах и верблюдах.

Капитан полиции взглянул на часы и произнес:

— Если вы готовы, может быть, нанесем визит?

Я понятия не имел, что это означает, но влез в лимузин, за рулем которого сидел полицейский. Мы поехали по набережной, громко сигналив, чтобы разогнать толпившихся на пути верблюдов, волов, буйволов и ослов.

Наконец мы подъехали к тихой деревушке, окруженной пальмами; в воротах сада нас уже ждал *омда* — местный мэр, почтенный мужчина в летах. Он провел нас в увитую розами беседку — это были крупные красные розы, какие цветут в Египте всю зиму. Вокруг росла пурпурная бугенвиллия и жимолость, взбиравшаяся вверх по шпалерам в форме арки.

Мы наслаждались тенью, а за слоем листьев жарко палило ослепительное египетское утро. Появились слуги с кофе и апельсинами, которые сорвали с деревьев специально для нас; это были лучшие апельсины, которые мне доводилось когда-либо пробовать.

Рядом с нами на ветку уселся удог, он поднял гребень из перьев, украшавший его голову, и стал звать подружку, словно желая показать ей, какие странные люди вторглись в его сад. Госпожа Удог слетела к супругу и тоже уставилась на нас, глаз у нее был золотой, как форменная пуговица.

— Знаете ли вы, откуда у удога гребень на голове? — спросил *омда*. — Что же, я расскажу вам. Однажды Соломон путешествовал через пустыню. Солнце было жарким, и нигде не было тени. Внезапно царь почувствовал, что над ним появилась тень, он взглянул вверх и увидел, что над его головой летит удог, отбрасывая тень крыльев. Удог летел так весь день, и на второй день птица летела над головой царя. Когда путешествие закончилось, Соломон, который, как вы знаете, умел говорить на языке птиц, позвал удога и спросил его, какую награду тот хочет получить за свою доброту. «О царь, я хотел бы получить золотой венец,

подобный тому, что носишь ты», — ответил удода. Судите сами, какая это нахальная птица! Соломон сказал ему: «О удода, я думаю, ты глупая птица, ведь венец не принесет тебе счастья; тем не менее, если таково твое желание, ты получишь золотой венец». Соломон взмахнул рукой, и на голове удода появилась золотая корона. Несколько месяцев спустя удода вновь предстал пред Соломоном, и царь спросил его: «О удода, каково твое желание на сей раз?» И тот ответил: «О царь, забери у меня этот золотой венец, потому что сыны человеческие жаждут заполучить его, и моя жизнь в опасности. Нет мне покоя от восхода до заката». Соломон улыбнулся в бороду и вновь взмахнул рукой. Золотая корона исчезла с головы удода; но поскольку царь не желал, чтобы птица осталась без вознаграждения, царь заменил золотую корону не менее красивой, но состоящей из перьев, которую удода горделиво носит с тех пор и до наших дней. Вот история, как ее записали и рассказывали...

Наверное, я навсегда запомню тот сад, струящуюся воду, зеленые тени и тихие голоса, потому что мусульмане обладают особым даром создавать оазис внутри замкнутых стен.

— Я заметил, что женщины являются причиной многих бед в мире, — сказал капитан полиции, когда мы ехали назад, — так было и с удодом, ведь *омда* неправильно рассказал ту историю.

— И какова же истинная история?

— Когда Соломон спросил удода, какую награду тот хочет получить, удода сказал, что ему надо слетать домой и спросить жену. А она заявила удоду: «Проси золотые короны, чтобы у нас было больше богатства и величия, чем у других птиц». Получив короны, она так возгордилась, что отказалась говорить даже со своим кузеном пчелоедом. Но однажды охотник установил ловушку с зеркалом, и жена удода зашла в нее, потому

что хотела полюбоваться на свое отражение. Когда охотник узнал, насколько ценна корона птицы, ни один удод больше не был в безопасности, так что царь удонов вынужден был лететь к Соломону и просить, чтобы тот забрал свой дар назад.

8

Когда какой-либо город сравнивают с Венецией, обычно это означает, что по его улицам лениво протекают несколько величественных каналов. Я могу посочувствовать изумлению и негодованию венецианцев, которые время от времени слышат, как то или другое место сравнивают с их несравненным городом. Самый крупный населенный пункт Файюма — Мединет, или, эль-Мадину, — иногда называют «египетской

Венецией», хотя ни разу в жизни я не видел города, столь непохожего на Венецию.

Это типичный провинциальный египетский город, отчасти современный, отчасти древний, многие здания разрушены; кровли сияют медью. Главный канал, соединяющий Файюм с Нилом, обеспечивает плодородие оазиса, его называют Бар Юсуф — канал Иосифа; арабы верят, что старинный резервуар эпохи фараонов был создан библейским Иосифом, которого арабы называют «великим визирем» фараона.

Я поехал в Мединет с моим приятелем, офицером полиции. На одной из улиц я заметил магазин, витрины которого представляли собой месиво грязных, разбитых древностей. В приступе оптимизма владелец подвесил черную руку мумии на гвозде, и она жутковато покачивалась, медленно вращаясь при дуновении ветра, словно приглашая проходить и заглянуть в лавку.

В старые времена Файюм был богатым источником древностей, найденных в руинах в окрестностях Крокодилополя, самых обширных развалинах Египта. Теперь местным жителям запрещено искать сокровища, и о любых находках они обязаны сообщать властям.

Внутри магазина царил беспорядок, в основном там были не имеющие ценности, почти утратившие форму реликвии птолемеевского Крокодилополя. Внутри было темно, во всю заднюю стену высились полки с маленькими терракотовыми скульптурами, лампами, фигурками *ушебти* самого примитивного вида, разбитыми сосудами, обрывками льняных бинтов, в которые заворачивали мумии; а еще я заметил отвратительную кучу грязи, в которой с трудом смог распознать человеческую голову и хвост мумифицированного крокодила. Каждый раз, прикасаясь к какому-либо предмету, я рисковал обрушить на пол всю конструкцию, а с любой вещи осыпались облака пыли.

По дороге к руинам Крокодилополя я остановился, чтобы понаблюдать за рабочими, изготавливавшими кирпичи. Они выглядели так, словно сами состояли из глины, плотным слоем покрывавшей их лица, руки, тела, ноги. Способ изготовления кирпичей в Египте сохранился с древнейших времен и не отличается от того, который вызывал серьезные сомнения у евреев. Но я обратил внимание, что египтяне делали кирпичи без примеси соломы, причем с подозрительным успехом. Они объяснили мне, что мелко порубленную солому иногда смешивают с глиной, чтобы скрепить материал, но большинство мастеров ограничиваются смесью глины с песком, который предотвращает появление трещин.

Работа идет удивительно быстро и просто. Глину перемешивают и хорошенько утаптывают в яме. Затем мастер достает нужное количество материала, разглаживает слоем по земле и раскатывает деревянной

скалкой. В итоге образуется влажный, плоский кусок. Тогда мастер разрезает его на кирпичи два-три дюйма толщиной, и вскоре на солнце сохнет уже несколько рядов. Через четыре дня кирпичи достаточно высыхают, их переворачивают, а через неделю они готовы для строительства.

Что же так удручало евреев в этом способе изготовления кирпичей? Они использовали солому не для того, чтобы смешивать с глиной, а для того, чтобы выстилать землю, на которой прессовали материал, предохраняя его от прилипания. Таким образом, английская поговорка, что кирпич без соломы не сделаешь, абсолютно неверна и основана на чистом недоразумении, потому что в мастерских Египта их преспокойно делают без соломы.

Руины Крокодилополя раскинулись на холмах и пригорках и в ямах, которые при внимательном рассмотрении оказались останками кирпичных домов. Там сохранились обломки керамики, перемешанные с рыхлой землей, а в одном месте я подобрал ярко-голубую бусину. Мы встретили *гаффира*, сторожа, наблюдавшего за руинами от имени правительства, за спиной у него висело ружье.

Он показал нам дорогу туда, где находилось храмовое озеро, где сверкавший драгоценностями фараон Петесухос некогда принимал подношения греческих путешественников. Сегодня там ничего невозможно увидеть, кроме небольшого углубления посреди черного глинистого участка.

Было приятно присесть на холме, утереть пот с лица, потому что солнце палило невыносимо. Мы выкурили по сигаретке, и, как обычно бывает на местах археологических памятников, я задумался о том, насколько случайно наше знание о прошлом, о давно исчезнувших цивилизациях. Сегодня нам может показаться невероятным, что будущие века, возможно,

узнают об уаттовском паровом двигателе из сохранившегося по недоразумению школьного реферата, зарытого в жестяной коробке; или что все произведения Шекспира могут исчезнуть и останутся лишь десять строк «Гамлета», которые некий эксцентричный поклонник вырезал на мраморной плите в библиотеке. Как бы дико и странно это не звучало, именно так произошло с цивилизациями не менее великими, чем наша; и в наш век воздушных бомбардировок кто посмеет утверждать, что больше это не повторится?

Когда покойный лорд Карнарвон несколько лет назад вел раскопки в Фивах, он обнаружил там деревянную дощечку, которую некий школьник использовал для упражнений. На ней была скопирована надпись со стен давно разрушенного храма, и она сообщает о событии, неизвестном по другим источникам, — об изгнании гиксосов при последнем царе XVII династии. Кто бы мог подумать, что заурядный ученик, неохотно выполняющий задание из страха перед поркой, самой судьбой избран для сохранения сведений об историческом событии и что написанные на деревянной дощечке слова переживут века, в то время как каменный храм обратится в прах?

Так и священные крокодилы Файюма были избраны судьбой какместилище тайн. Когда Гренфелл и Хант вели раскопки в оазисе в поисках папирусов, кстати, найденных в поразительном изобилии, сначала они сильно разочаровались, обнаружив лишь мумифицированных крокодилов. Их неудовольствие передалось рабочим, один из которых в ярости бросил священную рептилию на землю, и от удара она внезапно раскрылась, и оттуда посыпались папирусы! Тогда все бросились потрошить других крокодилов, которые и в самом деле представляли собой настоящие библиотеки, поскольку жрецы набили их тела разного рода

старинными рукописями: фрагментами сочинений древних классиков, царскими указами, частными письмами, земельными кадастрами, финансовыми отчетами и прошениями. Иногда только фантастическая случайность позволяет узнать что-либо о вещах, столетиями пребывавших в забвении.

Попрощавшись с дружелюбным офицером, я вернулся в Каир другим маршрутом, по дороге, которая шла параллельно Нилу. Она не раз подходила к реке вплотную, а потом поднималась на высокую набережную и мчалась мимо полей кукурузы и сахарного тростника. Высоко над пальмовыми кронами видны косые белые паруса нильских судов, бесшумно скользящих вверх и вниз по реке. Мимо шагают вереницы верблюдов, в черной, густой пыли трусят ослы, гогочут гуси, кулдыкают индюки, кричат петухи, воркуют голуби, лают собаки, смеются и плачут дети, и черная земля на берегах каналов окружает колодцы-*шадуфы*, у которых стоят мужчины, поднимающие воду в протекающих кожаных ведрах.

Если бы удалось избавить египетские деревни от малярии и офтальмии, а также сотен других инфекционных заболеваний, они стали бы самым идиллическим местом на свете. Они кажутся такими прекрасными в полосатых тенях от пальм, дома с плоскими кровлями тесно прижимаются друг к другу, белые минареты вздымаются ввысь, отражаясь в голубой воде каналов, а на крышах домов или по соседству с ними устроены белые башни голубятен, и тысячи голубей взлетают в небо, крылья мелькают в ярком солнечном свете.

В оазисе Файюм эти башни-голубятни выглядят порой более значительными, чем людские жилища, мне рассказали, что голубей разводят ради удобрения, поскольку птичий помет является наилучшим средством

для повышения плодородия дынь. Интересную ассоциацию это вызывает с Четвертой книгой Царств — «И был большой голод в Самарии, когда они осадили ее, так что ослиная голова продавалась по восьмидесяти сиклей серебра, и четвертая часть кааба голубинового помета — по пяти сиклей серебра»²⁵. Вероятно, в Древнем Израиле птичий помет продавали на удобрения, как это делают и в современном Египте.

Я прибыл к руинам Мемфиса, расположенным в пальмовой роще. От Мемфиса осталось даже меньше, чем от Вавилона, и сегодня мало что может рассказать об одном из самых великих городов древнего мира. Темнота пробирается сквозь деревья, словно старая ведьма, и странно идти по пальмовой роще, где лежит рухнувшая статуя фараона, смотря в небо, а потом бесстрастный сфинкс с губами, чуть тронутыми улыбкой, появляется перед путником — белый и молчаливый.

Над гигантской статуей Рамсеса II установлен навес, и смотритель указывает путь на балкон, с которого можно рассмотреть распростертого фараона. Он похож на поверженного лилипутами Гулливера, и лицо его обращено к крыше. Охранник шепотом сообщает, что ухо статуи достигает фута в длину. Она такая большая, что вблизи ее просто невозможно рассмотреть. Ребенок мог бы съехать вниз по губе, как по перилам. Нос напоминает небольшой холм, выступающий над огромными, гладкими щеками.

Сам не знаю почему, но внезапно я сказал охраннику, что это место населено *ифритами* — демонами, и в его глазах появился столь неподдельный ужас, что я понял: я угадал самые распространенные здесь суеверия. Последнее мое воспоминание о Мемфисе — бледный улыбающийся сфинкс посреди пальмовой рощи.

В воскресенье в восемь утра я отправился в Старый Каир, чтобы посетить курбан — литургию в коптской церкви Абу Сефаин. Предполагалось, что в этот день, в середине службы, состоится также крещение, потому что старинный ритуал коптской церкви предписывает, что младенцы должны получить первое причастие сразу после крещения. Это правило было общим в первый век христианства, когда крестились в основном взрослые люди, а в египетской церкви твердо придерживаются изначальных традиций, не поддаваясь на искушения времени. Так что каждый коптский младенец в наши дни получает то же крещение, что и взрослый человек, как это было с язычниками раннехристианской эпохи.

Когда я прибыл на место, темная старая церковь уже наполовину заполнилась. Обильно воскуряемые благовония насытили воздух едким дымом. Алтарная преграда сияла в свете свечей, и сквозь открытые в ней ворота я мог видеть, как священник передвигается в святилище, как горят свечи на алтаре.

Снова и снова входили люди, они опускались на колени и касались ладонями пола, обращаясь с молитвой к алтарной преграде, потом подносили к губам конец храмовой завесы. Самые благочестивые так и оставались на коленях, в молитвенной позе, раскачиваясь вперед-назад и касаясь лбом порога.

Такая же поза принята в исламе, и я читал описания коптских церемоний, в которых западные наблюдатели объясняли коптскую молитвенную традицию влиянием мусульманского ритуала. Но все совсем наоборот. Мусульмане заимствовали обычай стоять на коленях и простираться у христиан, ведь когда был составлен Коран, христианские святые и отшельники уже много

веков практиковали ту же позу в пустынях и монастырях Востока, например святой Симеон Столпник в Сирии.

Писания восточных отцов церкви содержат много упоминаний о том, как надо простираться на молитве, целовать вход в храм, колонны церкви. Коптские монахи по-прежнему придают большое значение этому жесту, и рядовые верующие, как я мог видеть в Абу Сефаин, все еще опускаются на колени и ладони перед алтарем, как делали наши праотцы-христиане в старые времена. На Западе единственным «реликтом» этого обычая является коленопреклонение перед Святыми Дарами, когда верующие опускаются на оба колена, и католический ритуал *prostratio*, когда верующий ложится ниц.

Паства состояла из бедных людей, живущих в окрестных кварталах. Мужчины в церкви оставались в фесках — действительно, Восток! — в то время как большинство женщин сидели на полу, скрестив ноги, а головы их прикрыты черными платками. Меня очаровало то, что детям — некоторые из них едва умели ходить, — разрешалось сидеть на ступенях, ведущих к алтарю, и маленькие глазки с любопытством заглядывали внутрь святилища. Серьезно изучая собравшихся, они сидели там и в то время, когда священник готовил алтарь к курбану. А если ему приходилось на пару минут выйти из алтаря, он вынужден был перешагивать через двух-трех ребятишек; один раз смуглый малыш забрался в святилище, и священник осторожно вывел его оттуда, ласково потрепав по волосам. И хотя у нас найдется немало тех, кто заявит, что копты погрязли в невежестве и суевериях, на самом деле они не забыли слова Иисуса: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне»²⁶.

Пока я рассматривал живописную паству и размышлял о том, как поразительно копты имитируют облик своих завоевателей, — ведь в их одежде нет

ничего такого, что отличало бы их от соседей-мусульман, кто-то осторожно потянул меня за рукав. Это был один из моих друзей, младший сын ризничего, с которым я встречался во время предыдущих посещений церкви. Он повел меня с того места, где я сидел, во двор церкви, где в ноздри ударил аромат свежего хлеба.

— Отец готовит священный хлеб, — прошептал мой спутник и указал на потемневшую пекарню, где старик в *галабие* и *феске* бормотал псалмы по-арабски и хлопотал у кирпичной печи.

Для каждого курбана выпекают евхаристический хлеб — на алтаре для причастия должен быть хлеб только что из печи, его обязательно должен готовить ризничий в утро литургии. Он выпекает около двадцати хлебов, светло-коричневых, гладких, красивой формы, примерно три дюйма в диаметре и дюйм в толщину. Сверху на каждом хлебе есть отпечаток в форме креста.

Когда мы вернулись в церковь, священник уже облачился для проведения литургии. Риза с глубоким вырезом по горлу, сверху еще одно одеяние до самого пола, без пояса. Облачение священника было сшито из шелка кремового цвета и ничем не украшено. В отличие от многих других, он не надел на голову платок-*шамла*, который повязывают, как тюрбан; вместо этого священник носил подобие митры, невысокое и круглое, а не раздвоенное посередине, как это принято на Западе. Головной убор был обильно расшит крестами, а сзади почти до пят опускался длинный плат-вуаль, украшенный единственным крестом. Не было ничего, напоминающего стихарь, пояс, манипулу или орарь. Сопровождавший священника дьякон, босоногий молодой человек, был облачен в стихарь без пояса, через левое плечо перекинут орарь, а на голове красовалась небольшая белая шапочка.

Хор состоял из четырнадцати смуглых юношей в белых льняных одеждах с орарем через левое плечо.

Один человек принес кимвалы, другой — металлический треугольник. Без вездесущих фесок и вне арабского окружения эти люди поразительно напоминали фигуры с древнеегипетских фресок и греко-египетских фаяyumских портретов, которые можно увидеть сегодня во многих музеях.

Литургия началась с долгой церемонии освящения даров и причастия в соответствии с чином святого Василия Великого. Священник произносил молитвы на коптском языке, паства отвечала по-арабски. Хор пер на коптском, голоса были высокими, а произношение носовое, так что слова словно вибрировали в воздухе, головы запрокинулись, глаза были закрыты. Время от времени пение сопровождалось звуками кимвалов и звоном треугольника.

Можно ли называть этот тип пения «восточным» в том смысле, что он имеет арабское происхождение? Не разумнее ли предположить, что арабы, пришедшие в Египет, заимствовали музыку у местных жителей? Слушая коптский хор, я задумался о том, не является ли это церковное пение последней реликвией музыки времен фараонов, как язык коптской литургии — наследием того древнего языка?

Ризничий внес евхаристический хлеб. Священник подошел к алтарным вратам и внимательно осмотрел все хлебы, поворачивая их и разглядывая с той и другой стороны; он выбрал самый лучший и вернулся с ним к алтарю, потом положил хлеб на дискос. Затем ему принесли вино из изюма. Во времена мусульманского завоевания в Египте запретили возделывать виноградники и христианам приходилось в тайне изготавливать вино для причастия, используя вместо свежего винограда изюм. Священник влил вино в потир, добавил немного воды из обычного глиняного сосуда *гулла*. Потом он поставил потир в раскрашенный деревянный ящик, который всегда находится на

коптском алтаре, а поверх потира поставил дискос и прикрыл все покровом из желтого шелка.

Священник несколько раз обошел вокруг алтаря, храм к тому времени заполнился дымом от благовоний. Некоторое время сохранялась тишина, слышны были только позвякивания кадила и голос священника, произносившего молитву на языке Древнего Египта. Потом священник внезапно появился в алтарных вратах и спустился к пастве с кадилом в руках; он шел сквозь толпу, окуривая всех собравшихся. Кроме того, он с благословением коснулся головы каждого человека в церкви.

А потом возникло какое-то несогласие. Один мирянин в феске подошел к алтарной преграде, позвал священника, и они погрузились в оживленную дискуссию. К ним присоединились еще два-три человека. Принесли книги, листали страницы, диспут возобновился. Эта странная импровизация происходила в обстановке глубоко почтительной, с невероятной тщательностью и основательностью.

Наконец были выбраны и прочитаны тексты — на коптском, а потом на арабском, а после этого состоялась литургия верных.

— Придите, встаньте со страхом, обратитесь на восток! — возгласил дьякон.

— Милость, мир и жертва достохвальная! — пропел священник.

Пока произносились ритуальные слова, паства отвечала регулярным «аминь», который здесь звучал как «армен»; потом по церкви словно прокатилась волна: священник преломил хлеб и открыл потир. Люди опустились на колени и ладони, громогласно возглашая: «Аминь, аминь, аминь, верим и исповедуем и прославляем Его». Все время курились благовония, а священник накрыл священные дары новым, на сей раз алым покровом.

Во время службы поминали имена египетских мучеников, которые погибли в римские времена, а также святых отшельников Фиваиды; возносили благодарственную молитву за плоды земли, включая виноградники, которые не возделываются в Египте с X века.

Затем священник преломил хлеб на пять кусков, обмакнул палец в потир и начертал на них знак креста. Затем взял центральную часть курбана — его называют здесь *избодикон* — и опустил ее в потир, воскликнув: «Это воистину Тело и Кровь Еммануила, нашего Господа!» И прихожане, обнажившие головы и опустившиеся на колени и ладони, ответили хором: «Аминь. Я верю, я верю и исповедую до последнего вздоха».

Тем временем дьякон занял место с противоположной стороны алтаря, развернулся лицом к священнику и к западной стороне церкви. Такое положение было принято во времена египетских и греческих восстаний против Халкидонского собора 451 года, когда буйные приверженцы мельхитского обряда вторглись в монофизитские церкви и пытались помешать проведению литургии. Сегодня, многие столетия спустя, каждое воскресенье дьякон становится лицом к двери, чтобы «предупредить священника о нападении».

Когда священник опустился на колени для поклонения, хор начал быстрый триумфальный гимн, громкую и победоносную молитвенную песнь; теперь голоса сопровождал не глухой стук кимвалов, а резкий, металлический звон, вызванный столкновением острых бортов инструментов. По церкви плыли клубы дыма от благовоний, просачиваясь сквозь резную алтарную преграду, наполняя голубоватым туманом святилище. В свете свечей, установленных в алтаре, священник молился в молчаливом акте благоговения.

Два-три человека на цыпочках прошли в сторону темной маленькой боковой ниши, расположенной справа от алтаря. С ними была женщина, державшая на руках маленького ребенка. Пришло время обряда крещения. Встав со своего места, я последовал за этой группой в боковое помещение, плохо освещенное, но чисто выбеленное; там находилась каменная купель — не стоящая отдельно, как в наших церквях, а встроенная в угол комнаты.

Оставив дьякона завершать святое причастие, священник вошел в крестильню с зажженной свечой и двумя фиалами масла в руках. Купель была примерно на три фута заполнена холодной водой, и несчастный младенец, словно осознавая, что его ждет погружение, захныкал, когда сняли пеленки. Мать была бедной женщиной с одной из ближних улиц, крестили ее трехмесячную дочь.

Сначала священник произнес очистительные молитвы над матерью и помазал ее лоб маслом. Слово обращаясь к взрослому новообращенному эпохи раннего христианства, он молился о том, чтобы идолопоклонство было изгнано из сердца младенца, чтобы девочка стала достойной ожидающего ее нового рождения. Маленький смуглый ребенок, теперь уже горько и безутешно плачущий, зашелся в пароксизме страха, когда священник взял крохотное тельце и коснулся груди, кистей рук, а затем спины маслом.

Достаточно странно, но «дьяволы», мучавшие младенца, если и не были полностью изгнаны, то явно перепугались, так как девочка внезапно прекратила издавать душераздирающие вопли, успокоилась и оглядела людей вокруг полными слез глазами. Один из крестных принял ее на руки и поднял повыше, а второй развел ручки, так что они образовали форму креста. В таком положении младенец отрекался от сатаны и всех его дел.

— Отвергаю тебя, сатана, — произнес «представитель ребенка», — и от всех нечестивых дел твоих отрекаюсь, и от всех твоих злых ангелов, и от всех твоих скверных демонов, и от твоей власти, и от всех твоих гнусных услуг, и от всех твоих хитростей и обманов, и от твоей армии, и от твоего господства, и от всех твоих прочих нечестий.

Затем священник трижды спросил младенца:

— Веруешь ли ты?

И трижды крестные ответили за ребенка:

— Верую.

Затем священник помазал младенца маслом — миро — во второй раз, более обстоятельно, чем ранее, начертав знак креста на глазах, носу, губах, руках, кистях рук, коленях, спине и области сердца. Затем прошел к купели и освятил воду. Он встал на колени и произнес одну из самых красивых молитв, которую я когда-либо слышал, — молитву от своего имени.

— Ты, который знаешь зло во мне, не осмеивай меня в презрении, не отворачивай Твое лицо от меня, но дай моим грехам улететь прочь прямо сейчас, о Ты, кто прощает грехи людей и приводит их к покаянию. Смой пятна с моей души и тела, очисти меня совершенно Твоей невидимой властью и Твоей духовной десницей, дабы не мог я взывать к другим искать отпущения грехов из моих рук и подавать его во имя веры в Твою великую и невыразимую любовь к человечеству, уготованную Тобой, изгони меня, как раба греха. Нет, Господи, не дай ничтожному познать стыд, но даруй мне прощение. Пошли мне его с высот Твоей власти; даруй мне власть с величайшим смирением служить Тебе и Твоей небесной тайне. Дай Христу обрести форму в тех, кто получает крещение для нового рождения, несмотря на мою мерзость. Устрой их на основании апостолов и пророков; и не изгоняй их на чужбину, но насади их в Твоем истинном саду единой кафолической

апостольской Церкви, так чтобы они росли в благочестии. Да пребудет Твое Святое Имя, прославленное в веках, прославлено повсеместно, о Отец и Сын и Святой Дух.

Затем священник вознес молитву папе — то есть патриарху Александрийскому, а после произнесения Символа веры взял священное масло и влил его в купель, которую копты называют «иорданью». Он возжег благовония, склонился и три раза выдохнул на воду купели, совершая символический знак креста своим дыханием. Это действие совершается сегодня в Египте так, как это было принято в раннехристианские времена. Затем он излил в воду миро.

Принимая обнаженного младенца, священник сначала возложил ладони на груди ребенка и подул, чтобы изгнать злых духов, в точности так, как совершал экзорцизм Тертуллиан, живший во II веке. Меня заинтересовало то, как он держал младенца, потому что немногие авторы, писавшие об этом, приводят разные сведения о том, как принято у коптов держать ребенка при крещении. Доминиканский миссионер Ванслеб в XVII веке сообщал, что, желая придать младенцу позу креста, священник берет его за правое запястье и левую ступню одной рукой, за левое запястье и правую ступню — другой; Батлер назвал эту позу «видом пытки». На моих глазах священник решительно подхватил младенца под затылок левой рукой, а правой держал левое запястье и левое колено ребенка, так что правая ручка и ножка оставались свободны и непрерывно шевелились.

Извивающуюся девочку опустили в холодную воду по пояс, и священник сказал по-арабски:

— Крестится Сабаат во имя Отца. Аминь.

Он вынул ее, плачущую, с ребенка капала вода, священник держал ее перед вторым погружением. И вот она снова в воде, на этот раз по шею.

— Во имя Сына. Аминь.

Крики Сабаат стали громче. В третий раз ее погрузили в воду с головой, и она издала завывание.

— Во имя Святого Духа. Аминь, — заключил священник.

И пока мать удерживала болтающиеся ноги теперь уже крещеной Сабаат, священник снял освящение с воды и, взяв миро, приблизился к Сабаат и помазал ее в третий раз, совершив конфирмацию, и потом подул на нее и произнес:

— Прими Дух Святой.

После этого он возложил руки на ребенка, благословляя, и наконец оставил девочку матери, которая облачила ее в новую одежду: белую рубашку и голубой чепчик, отделанный белым кружевом.

Священник вернулся к алтарю, где под алым покровом находились евхаристические Святые Дары. Он взял потир и прошел к крестильне. Сабаат находилась на руках у матери, которая шагнула вперед. Она была слишком мала, чтобы причаститься хлебом и вином на длинной лжице, как это принято у коптов, так что священник обмакнул палец в потир и поместил каплю вина на язык ребенка. Поблизости стоял дьякон с сосудом *гулла*, полным воды. Он плеснул на руку священника, и тот быстрым движением омыл лицо Сабаат. Она судорожно вздохнула, открыла рот для крика — и в этот миг получила первое в жизни причастие.

В церкви вдруг возникло движение, и я увидел, что появилась престарелая женщина, которой помогали добраться до крестильни. Это была одна из монахинь из обители Мари Гиргис. Ее практически внесли три сестры в черном, которые опустили ее на пол возле алтарной преграды, где она и лежала, издавая стоны. Мне сказали, что она безнадежно больна тропической

лихорадкой. Священник подал умирающей причастие на лжице, она затихла, и ее вынесли из церкви.

Священник ополоснул опустевший потир и выпил воду. Дьякон тоже обмыли, и дьякон выпил эту воду. После обмывания лжицы дьякон быстро приложил ее к глазам — такой обычай упоминался святым Кириллом Иерусалимским в середине IV века.

К этому времени паства столпилась возле алтарной преграды в ожидании завершающей части коптской литургии. Священник вышел из алтарных врат в сопровождении дьякона, который держал сосуд *гулла* с водой. Дьякон вылил немного воды на руки священника, и тот немедленно воздел их к своду. Все присутствующие энергично пытались протолкнуться вперед, поближе к священнику, чтобы на их лицо или руки попали капли воды. Трижды священник разбрызгивал воду, и трижды паства бросалась к нему. После этого священник ушел, алтарные врата затворились, храмовая завеса опустилась, полностью скрывая святилище.

Когда люди выходили из церкви, каждый получал кусочек хлеба, испеченного для курбана, но не выбранного для причастия. Как иностранец и гость я получил целый хлеб. И вновь я почувствовал, что касаюсь смуглой руки прошлого, ведь дар неосвященного хлеба — *евлогии* — верующим после литургии существовал как обычай западной церкви четырнадцать столетий назад.

Я вернулся в современный Каир, смущенный призраками, населяющими пространство вокруг коптского алтаря. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы ясно понять, что именно я видел. Заинтересованный прохожий может, однако, разглядеть загадочные образы сквозь дым благовоний; а увидев их, невозможно не испытать уважение к христианам — еретики они или нет, — которые сохранили веру в

Христа на протяжении двенадцати трудных столетий, которые сберегли свои церкви во всей красоте раннего утра христианства.

Глава шестая

Сива: вспоминая Александра Великого

Я отправляюсь в оазис Сива в Ливийской пустыне. В местечке Мерса Матру наблюдаю за греческими ловцами губок. Я пересекаю пустыню в направлении оазиса, вижу, что осталось от храма Юпитера-Амона, посещаю источник Солнца и завожу новых друзей. Я пью зеленый чай, присутствую на танцах и в конце концов возвращаюсь в Александрию.

1

Поезд из Александрии грохотал вдоль плоского северо-западного побережья Египта. Этот поезд проходил каждый день со скоростью 20 миль в час по пути, проложенному в песках, где ежегодно железнодорожные полотна размывали сезонные дожди.

Думаю, в поезде я был единственным европейцем. Мои спутники предпочитали пол сиденьям купе. На каждой станции подсаживалось еще некоторое количество пассажиров, кое-кто нес деревянные ящики, в которых сидели возмущенные индюшки или философски настроенные куры, другие жизнерадостно грызли зеленые и пурпурные стебли сахарного тростника.

Становилось жарко, и я сопротивлялся искушению опустить ставни, которыми снабжены все окна египетских вагонов. Я находился в чужой стране и хотел как можно больше увидеть, даже несмотря на унылый пустынный пейзаж за окном. Тонкая бурая пыль, по

консистенции напоминающая тальк, проникала сквозь малейшие щели и постепенно заполняла мой пакет с сэндвичами. Время от времени дорожная скука рассеивалась мимолетным проблеском моря, в ярком солнечном свете сверкавшего, как синий сапфир.

Я направлялся в место, которое жило в моем воображении с детства как одно из самых загадочных и прекрасных на свете: я ехал в оазис Сива. Он существовал уже в древние времена, вдали от Ливийской пустыни. Там оракул Юпитера-Амона изрекал пророчества и давал советы тем, кто совершал путешествие в течение десяти-двадцати дней по диким, безлюдным краям. Я задавался вопросом: что же на самом деле происходило во мраке святилища, когда путники, преодолевшие море и пески, наконец представляли перед лицом бога с бараньей головой? Говорила ли его статуя человеческим голосом? Двигала ли она руками или кивала головой?

Даже в такие времена, как наши, не лишенные предрассудков и суеверий, трудно понять античного оракула, мистические источники которого в разных концах мира пузырились газом божественной мудрости, поднимавшимся из глубин земли, как это было у пифии в Дельфах или у статуи Амона в Сиве. Величайшие умы эпохи обращались к ним с вопросами и верили в предсказания оракулов; это не означает, что мы вправе считать их суеверными глупцами.

В Амоне, несомненно, было нечто поразительное, нечто большее, чем удаленность пустынного жилища и тайна, которой окутывали его жрецы, нечто такое, что заставляло города направлять посольства за моря, чтобы задать вопрос о государственных делах, а таких мужей, как Ганнибал или Александр Великий, смиренно приходило в его святилище.

Самым знаменитым из гостей Амона был Александр Македонский, молодой завоеватель Египта. Он прибыл в

оазис с небольшой свитой, и каждый школьник, читавший Арриана, знает, что по дороге туда Александр чуть не потерялся в пустыне, но ему указали путь два ворона, летевшие впереди войска, а другие источники сообщали, что его вели две змеи. Итогом визита стало официальное провозглашение Александра фараоном, божественным Сыном Солнца, преемником длинной линии сыновей Амона. И хотя нет безусловных оснований считать, что Александр сам верил в свою божественность, такие легенды были весьма популярны. Однако, верил он или нет, Александр отдавал себе отчет в политическом значении беседы с Амоном, оказавшей колоссальное влияние на всю его жизнь, а также и на дальнейшую историю державы. Из этого отдаленного африканского оазиса идея божественной власти царя пришла в Европу, преодолев барьер Средиземного моря.

После визита Александра оракул оазиса Сива стал главным в Египте и на какое-то время даже во всем мире. Но с приходом в Египет римлян его влияние пошло на убыль, пока постепенно колодцы пророчеств не иссякли, а уста Амона не сомкнулись навеки; после Диодора Сицилийского, описавшего Амониум около 20 года н. э., оазис исчезает из истории почти на семнадцать столетий.

Есть нечто более восхитительное, чем легенды о зарытых сокровищах, в этом всемирно известном оазисе, вернувшемся к нам после веков забвения и запустения. Сива была заново открыта отважным, хотя и довольно скучным англичанином У. Дж. Брауном, который попал туда в 1792 году вместе с арабскими купцами, выдавая себя за одного из них. Он оказался первым европейцем, увидевшим оазис Амона после того, как его покинули римляне, однако желанным гостем там не был.

Браун обнаружил, что оазис Сива населяет фанатичное племя, забросавшее его камнями, когда Брауна разоблачили; ему пришлось изучать окрестности

при весьма неблагоприятных обстоятельствах, а два-три дня спустя и вовсе покинуть это негостеприимное место. Двадцать один год спустя Брауна убили в Персии, поскольку он, несмотря на предостережения знающих людей, въехал в эту страну в турецком костюме.

Когда оазис Сива вновь появился на картах, он привлек некоторых путешественников. Но фанатизм местных жителей оказался столь велик, а условия в пути столь трудны, что решиться на это предприятие смогли лишь немногие. Вплоть до Мировой войны до оазиса Сива добрались не более двадцати европейцев.

Когда разразилась война, немцы и турки быстро обнаружили, что сенусситы^[29] представляют собой отличный инструмент для удара по Египту. Они организовали своего рода «бунт в пустыне». Британские силы, включавшие территориальные добровольческие части, австралийские и новозеландские подразделения, а также отряды индийцев и египтян в ноябре 1915 года приступили к боевым действиям, которые продолжались до начала следующего года. Новая вспышка конфликта пришлась на 1917 год, когда оазис Сива стал сценой яростных схваток, в результате которых сенусситы были вынуждены его оставить. С этого момента Египет избавился от их господства в удаленном оазисе, который превратился в Западную Пустынную провинцию.

Когда я заявил о своем желании посетить оазис Сива, чиновник пограничной администрации в Каире, отвечающей за порядок в Ливийской и Аравийской пустынях, посоветовал мне сесть на поезд, выходящий из Александрии в сторону местечка на побережье, называемого Мерса Матру; оттуда можно проехать двести миль через пустыню до оазиса, воспользовавшись транспортом, перевозящим финики. Что любопытно, именно этим маршрутом прошел Александр Великий.

Мне дали письмо к офицеру, отвечающему за район Мерса Матру, поскольку существовала небольшая вероятность, что он сможет предоставить мне военную патрульную машину. Понимая, что такое средство путешествия не всегда доступно, я решил заказать автомобиль с шинами, способными преодолеть пески пустыни, еще в Каире и направить его в Мерса Матру, чтобы гарантировать спокойную поездку в оазис. Найденная машина принадлежала вежливому, но явно выдавшему виды сирийцу, который, как и большинство его соотечественников, носил имя Михаил. Он несколько расстроился, услышав, куда именно я хочу ехать, но возражать не стал. Он пообещал снабдить машину специальными шинами и цепями, а также всеми прочими необходимыми усовершенствованиями.

Весь жаркий день поезд постепенно выгружал группы пассажиров на пустынных станциях, возле поселений, дома в которых были сделаны из старых канистр из-под керосина. Все население деревушек высыпало навстречу поезду, чтобы приветствовать прибывших, которые выносили на платформу странную добычу, приобретенную в большом городе. Кое-кто боролся с гигантскими упаковками — в них мог разместиться велосипед для новой жены; другие печально ступали на землю всего лишь с пучком моркови или салата.

Когда сгустилась темнота, поезд почти полностью опустел, мне казалось, что я еду один сквозь безлунную, звездную ночь. Сквозь окно доносился запах моря. Прохладный воздух проделал сотни миль пути от Средиземноморья. Внезапно локомотив издал долгий печальный свисток, и мы прибыли на конечную станцию — Мерса Матру. Военная машина, за рулем которой сидел суданец, уже ожидала меня. Мы промчались по

песчаной дороге до одинокого здания, стоявшего среди дюн. Слышно было, что море совсем близко.

Я был готов к отелю, в котором не будет штор на окнах, а постель станет хранить очевидные следы того, что в ней спал предыдущий постоялец. Но вместо этого я попал в маленький отель, который словно перелетел сюда из Южной Франции. Холл был освещен на современный французский манер, и я услышал приглушенный рокот динамо-машины, дававшей электричество. Комнаты полностью меблированы, и, несмотря на отсутствие других гостей, за стойкой американского бара стоял человек в белом пиджаке. Я поинтересовался, как возможно, чтобы такое место существовало в Западной пустыне. Он ответил, что летом богатые греки из Александрии регулярно приезжают сюда купаться.

Позднее вечером я побродил по пустой гостиной и узнал, что в отеле нередко появляются и представители британских ВВС. Самолеты часто садятся на приграничный аэродром. На столе я обнаружил любопытные образцы книг среди стопок неудобочитаемой технической литературы, которую бесплатно рассылают по гостиницам, независимо от степени их удаленности.

«Музыкальное окно» Дж. М. Барри («От Этель, 2 августа 1918 года»), «Графиня Дюбарри» (пометка «Иерусалим»), «Самопомощь» Сэмюэла Смайлза, «Суд меча» Мод Дайвер (Библиотека железнодорожной станции Аксбридж).

Что за странная, потерянная компания собралась здесь, на краю Ливийской пустыни?!

Хотя я знал, что прибыл в уединенное и романтическое место, никто не предупредил меня, что Мерса Матру — один из прекраснейших уголков Египта. Открыв ставни утром, я увидел перед собой сцену, напомнившую мне «Коралловый остров» Баллантайна и «Голубую лагуну» Стэкпола. Это была просто идеальная декорация для съемки романтического фильма: белые облака сияли в золотистом утреннем свете; белоснежные песчаные дюны высились вокруг лагуны, голубой, как гиацинт; далеко на востоке виднелась маленькая гавань, в которой стояли на якоре парусные суда.

Окруженная береговой линией лагуна простиралась в двадцати ярдах от моего балкона. Даже в Ионии я не видел такого цвета. Светлая, сияющая в самой лагуне, вода становилась на глубине изумрудно-зеленой, а дальше в море обретала нежный яблочно-зеленый оттенок. А еще там было множество других тонов и оттенков: неожиданно яркие полосы розовато-лилового и пурпурного там, где таились густые водоросли, бледно-аметистовые пятна и проблески янтарно-золотого, словно в воду опрокинули ведра маляра. А за чертой цветного залива и ослепительно белых дюн тянулась широкая полоса берлинской лазури вдоль горизонта: глубокие воды Средиземного моря.

Отель стоял особняком примерно в миле от деревни, и после завтрака я отправился на исследование окрестностей. Маленький аванпост съежился на безлесом берегу у кромки моря. Он напомнил мне поселения Дикого Запада из ранних вестернов, где привязывали коней к вбитым в землю шестам, пока их владельцы сидели в салуне, вынув револьверы из кобур. Однако в Мерса Матру явно бывали люди с амбициями. Широкие, оптимистично просторные дороги были окаймлены жесткими, прямоугольными контурами домов, но три-четыре особняка выделялись из общей череды, нервно прикрываясь садовыми изгородями.

Наиболее устойчивыми структурами казались лавки греческих бакалейщиков, где хитроумные улисссы продавали мыло, печенье, шоколад, чайники, непрременные напитки *узо* и *рецину* — в таких заведениях не устоит даже самый скупой и выдержанный посетитель. Эти торговцы сегодня мало отличаются от своих эллинистических предшественников, приезжавших в Египет в поисках коммерческого успеха. Над одной из греческих лавок я заметил полустертую надпись по-английски: «За пределами» — память об абиссинской кампании, когда британские войска стояли в Мерса Матру, всего лишь в двух сотнях миль от итальянской границы Триполи.

Я удивился, увидев маленькую современную греческую церковь и при ней кладбище. С полдюжины греков-бакалейщиков в городке должны быть исключительно набожными людьми, чтобы выстроить такую церковь, подумал я. Это было так поразительно, что я решил заглянуть в одну из лавок, чтобы все разузнать поподробнее. Но прежде, чем я смог получить информацию, пришлось купить шоколад, коробку печенья, коробок спичек и мухобойку. Полагаю, эти провинциальные греки — лучшие продавцы в мире: неудивительно, что они богатеют даже в пустыне. В лавке, в которую я заглянул, находился низкорослый, плотный человек из Андроса. Войлочная шляпа сидела почти на затылке, товары не только заполняли весь прилавок и полки вдоль стены, но даже свисали с потолка, как чучело крокодила, популярное у астрологов. Продавец взглянул на меня необыкновенно умными карими глазами и с удовольствием продемонстрировал знание английского.

— А почему здесь церковь? — поинтересовался я.

— А, это церковь ловцов губок, — ответил он. — Город Мерса Матру знаменит этим промыслом. Каждый год сюда приезжают греки с островов, много, очень

много судов, и они собирают губки по всему побережью, до самого Соллюма. Отсюда вышли лучшие губки в мире, знаете, такие маленькие коричневые губки, которые продают на улицах в Афинах? Но самые лучшие губки, большие и мягкие, отправляются в Англию. На этом делают деньги.

— А вы их продаете?

Он склонил голову к плечу, прикрыл глаза, поднял ладонь на уровень плеча, что на языке жестов, характерном для греков и понятном по всему Ближнему Востоку, означало «нет», но не грубое и категоричное отрицание, а мягкое сожаление, даже извинение, задумчивое и печальное.

— Это не разрешается, — произнес он. — Торговцы приезжают, скупают все губки и сразу же увозят их в Александрию. Нам здесь их покупать не позволено.

Он объяснил мне, что те немногие корабли, которые сейчас стоят в гавани и видны с моего балкона, задержались после окончания сезона.

— А кладбище? — спросил я. — Оно только для греков?

— Ах, ловля губок — такое опасное дело. Всегда бывает много трупов.

И снова он сделал выразительный жест, знакомый грекам по всему свету. Поджал губы и одной рукой помахал в воздухе, как веером. Это означало богатство, изобилие, огромное число, но в конкретный момент — «очень много погибших ловцов губок». Когда я покидал лавку, он почтительно поклонился, так что почти скрылся за прилавком.

Самое крупное здание в городке служило штаб-квартирой администрации Западной Пустынной провинции Египта. Это замечательно организованное полувоенное-полуполицейское учреждение выполняло в пустыне роль няньки, матери, доктора и детектива; его в свое время создали британцы, но теперь все

должности занимают египтяне, что отражает новый статус независимого государства. Если у бедуина умирает верблюд, убегает жена, если случился неурожай или заболевает осел, пострадавший преодолевает сотни миль, чтобы сообщить об этом администрации. На самом деле он докладывает все, кроме имени человека, убившего его лучшего друга. Такое в этих краях знают все заинтересованные лица, но полиция никогда не получает в подобных делах поддержки от родственников жертвы.

Я был наслышан о благотворительной деятельности администрации и ее военизированных подразделениях, так что не удивился, когда увидел перед штаб-квартирой сотни бедуинов, ожидавших бесплатной раздачи ячменя. Они собрались с территории охватом во много миль.

Офицер, раздававший зерно, рассказал мне печальную историю. В районе уже шесть лет не было дождей. Племена голодали. Лошади и верблюды сотнями гибли от жажды. От людей оставались только кожа да кости, я видел это собственными глазами. Но теперь прошли благословенные дожди, и бедуины явились из далеких уголков пустыни, умоляя дать им ячмень для посева. Вскоре, если дожди не прекратятся, ближние районы покроются зеленой порослью, предвещающей новый урожай. Племена могли оставаться в прибрежной полосе, пока в апреле — мае не созреет зерно, а затем их скудные потребности будут удовлетворены и они смогут перекочевать на юг, сквозь сверкающее знойное море.

Я вошел в административное здание, чтобы засвидетельствовать мое почтение губернатору Западной пустыни. Это был недавно назначенный египетский полковник, который прибыл на место новой службы всего лишь днем ранее. Однако он успел получить письмо о моем путешествии в оазис Сива. На

стене висела карта района, размером не уступающего Уэльсу. Появился суданец с подносом, на котором стояли чашки кофе, и мы приступили к обсуждению моей поездки.

Губернатор предложил мне отправиться на следующий день в пять утра, если только заказанный мною автомобиль прибудет вовремя. Он также обещал выделить патрульную машину для сопровождения. Без этого никому из гостей не разрешалось пересекать пустыню. Затем он вызвал молодого египетского офицера, который бывал в оазисе Сива. Меня заверили, что если все пойдет по плану, без сбоев, мы доберемся туда за один день. Это удивило меня, поскольку я ожидал по меньшей мере одну ночь провести под открытым небом. Путешествие, которое на автомобиле занимало день, требовало восьми-десяти дней поездки на верблюдах.

В середине дня я пошел в гавань, чтобы увидеть ловцов губок. На низких известняковых холмах я заметил следы древних террас, на которых некогда росли оливы и виноград, а в лагуне и среди дюн время от времени находят мраморные греческие колонны. Такие реликвии — единственное, что осталось от небольшого греческого порта Парэтон, из которого Александр начал путь в Сиву и где несколько веков спустя Клеопатра якобы отдыхала в летнем доме на берегу лагуны. Отличный компактный путеводитель, приобретенный мною в Александрии, содержал странное утверждение: «Эти бессмертные любовники, Антоний и Клеопатра, отправлялись в Парэтон, чтобы оставаться наедине в своем блаженстве, и лучшего места, чем эта летняя идиллия, нельзя было найти во всем Египте». К несчастью, их пребывание в Парэтоне не имело ничего общего ни с блаженством, ни с летней идиллией. Они прибыли сюда в отчаянии, после разгрома в битве при Акции, на первом коснувшемся берега корабле,

доставившем в Египет новость о поражении. Клеопатра отважно двинулась в Александрию, на кораблях были подняты символы победы, играли музыканты, ведь для нее было совершенно необходимо покорить собственный дворец и гарнизон, прежде чем дойдут известия о действительном положении дел. Тем временем Антоний шагал по пескам Парэтона с двумя друзьями, и в этом уединенном месте он хотел совершить самоубийство, когда узнал, что четыре легиона, оставленные им в Африке, перешли на сторону врага. Но два друга отговорили его и убедили присоединиться к царице в Александрии.

Еще год назад или около того каждую каплю воды доставляли сюда по морю огромные танкеры, и сегодня трудно понять, как существовал этот город в эпоху Птолемеев. Загадка была разрешена благодаря недавнему открытию подземных туннелей, длина которых доходит до полумили; они оказались полны свежей воды. Двадцать пять люков давали доступ к этому резервуару; на момент открытия там накопилось 78 000 тонн пресной воды, пригодной к употреблению. Это древняя система водоснабжения снова используется, и вода бежит по старинным каналам.

Я нанял гребную лодку и отправился взглянуть на корабли ловцов губок. Увиденное мною могло бы послужить иллюстрацией к «Острову сокровищ». Корабли покоились на поверхности бухты, словно на листе темно-голубого стекла. Вода была настолько чистой, что я мог без труда рассмотреть рыб, кораллы, живых губок, лежащих на дне, на песке и камнях, на глубине тридцать футов. Четыре деревянных парусных судна стояли на якоре, их снасти свисали безжизненно, а экипаж занимался уборкой; эта сцена напомнила мне о пиратах, которые укрылись в спокойной бухте и наслаждаются мгновениями отдыха! Когда мы подошли ближе, я увидел мужчин, которые могли бы ходить под

командой капитана Кидда: все в синих татуировках, волосатые, полуобнаженные, они лениво бродили по палубе или спали в тени. Я заметил, что большинство кораблей было с Родоса и Эгины.

Они отвечали на вопросы с угрюмой подозрительностью. Греки с сомнением присматривались ко мне, очевидно, пытаясь сообразить, зачем какому-то англичанину понадобилось тащиться к ним по воде в самое жаркое время дня. Они коротко сказали, что сезон лова окончен. Почти все суда уже ушли.

Ловля губок действительно опасное дело. Рыбаки рассказали мне, что ныряльщики редко доживают до сорока лет, однако сотня фунтов за несколько месяцев работы — это настоящие деньги на греческих островах. Если ныряльщика не погубит поврежденный шлем — надо сказать, что и хозяева судов, и сами рыбаки поразительно беспечны, — ему грозит паралич ныряльщика, вызванный слишком долгим пребыванием на глубине.

Самый примитивный и, вероятно, наименее опасный с точки зрения долгосрочной перспективы метод сбора губок — прыгнуть обнаженным в чистую воду, держась за веревку с привязанным камнем. За несколько секунд пребывания в море ныряльщик успевает отделить от дна одну-две губки, потом отпускает веревку, и его буквально выкидывает к поверхности. Некоторые люди способны оставаться в воде в течение нескольких минут.

Другой метод — подцеплять губки копьем или трезубцем, но этот способ ведет к сильному повреждению хрупкой структуры губок. Третий метод — погружение в костюме, но мне рассказывали ужасные истории о плохо подогнанных шлемах и неотрегулированной системе подачи воздуха.

Кладбище ловцов губок в Матру красноречиво свидетельствует о смертельной рискованности этого

промысла. Едва ли хотя бы один сезон проходит без того, чтобы несколько человек не остались навсегда в земле Египта. Кого-то сжирают акулы, других приканчивает паралич или иные болезни, вызванные глубинным давлением на легкие и сердце.

Стоя на этом небольшом пустынном кладбище, я вспоминал маленьких смуглых мальчишек, ныряющих за мелкими монетками на прекрасных греческих островах. Они плавают, как тюлени, и поднимаются к поверхности, зажав монетку в белых зубах, вытряхивают воду из ушей и торжествующе смеются. Так начинается короткая и полная опасностей жизнь ловца губок.

Позднее в тот же день, когда я уже начинал досадовать на то, что планы рушатся, прибыл усталый, покрытый пылью Михаил на невероятно запыленной машине. Путешествие из Каира оказалось для него крайне тяжелым. Я посоветовал ему поставить автомобиль в гараж местной пограничной администрации и отправляться в постель, собственно говоря, он не был способен на что-то другое.

3

В мою комнату вошел человек с чашкой чая. Сияли звезды, волны набегали на песок под моим окном. Было холодно, и вставать не хотелось.

В темноте у отеля стояли две машины, готовые к путешествию через пустыню: мой автомобиль и патрульный грузовик, за рулем которого сидел шофер-суданец. Еще я заметил две фигуры, по самые глаза закутанные в темную ткань, которые тоже должны были сопровождать меня: это был повар-суданец и молодой египетский слуга.

Я с удовольствием обнаружил, что повар, слуга и Михаил были в восторге от перспективы посетить Сиву.

Этот уединенный оазис был так же незнаком им, как и мне.

— Вы бывали там раньше? — спросил я у шофера-суданца.

Он всплеснул руками, потом хлопнул ладонью по прикладу своего ружья:

— Да, сэр. Моя ехать один раз.

— Как вы думаете, сколько времени уйдет у нас на дорогу?

— Если нет поломок, — тут он бросил скептический взгляд на машину Михаила, — мы приехать вечером.

— Хорошо. Поехали.

Патрульный автомобиль двинулся в темноту, и мы последовали за ним в пустыню, ориентируясь на задние огни. Через два часа вошло солнце, и мы смотрели вдаль, над пространством плоской, как стол, равнины, абсолютно лишенной достопримечательностей.

Ливийская пустыня, точнее, малая ее часть между побережьем и Сивой — один из самых монотонных пейзажей в мире. В нем нет ничего живописного, нет золотистых песчаных холмов. Нет пальм, создающих рельеф горизонта. Куда ни кинешь взгляд, нет ничего, кроме бурой плоскости, напоминающей иссохшее дно океана, усыпанное миллионом камней. И все вокруг коричневатое-серое и безжизненное.

Сперва мы видели верблюдов, поедающих колючки, растущие тут и там; но потом все признаки жизни иссякли, и мы ехали сквозь пустоту, вокруг не было ничего, кроме стерильного солнечного света, озарявшего тысячи миль пустыни.

Дорога представляла собой едва различимую колею, оставленную колесами грузовиков. Эти борозды петляли между крупными валунами, внезапно сворачивали, чтобы обогнуть глубокие ямы, в которых в дождливые сезоны скапливалась вода. Через более или менее регулярные интервалы встречались участки плотного

песчаника, ровные и гладкие, как гоночная трасса, там можно было мчаться со скоростью шестьдесят миль в час — в течение минуты или двух, а потом опять проступали колеи на чуть более мягкой почве; кое-где можно было заметить следы былых катастроф, куски поломанной оси...

Первое время мы разглядывали далекие силуэты гор в надежде, что скоро доберемся до них, что откроется новый вид и что наш взгляд отдохнет, но все оставалось по-прежнему: усыпанная камнями бурая песчаная равнина, ни деревьев, ни кустов, ни животных.

Судьба пятидесяти тысяч персов, пропавших в этой пустыне на пути к оазису Сива, представляется настолько ужасной, что даже не хочется воображать ее. Их отправил на разграбление Сивы и святилища царь Камбиз. Они не появились там и не вернулись обратно, их вообще больше никто не видел. Естественно предположить, что их застигла песчаная буря или они потеряли дорогу и скитались по безводной пустыне, пока не сошли с ума и не умерли от жажды.

Найдет ли какой-нибудь удачливый археолог следы пропавшей армии царя Камбиза? Где-то на пути от побережья до Сивы под слоем песка лежат пятьдесят тысяч персов с оружием и доспехами, лежат там, где упали на землю за пять столетий до Рождества Христова.

Наступил полдень... час дня, два часа, три часа пополудни... Мы продолжали путешествие через кошмарную страну. Я попросил сделать остановку, чтобы спокойно съесть сэндвич, у одного из пяти колодцев, расположенных на дистанции в сорок миль по маршруту. И хотя там есть вода, нет ни малейшего признака растительности.

Когда Михаил вышел из машины, он издал жуткий вопль, и, выглянув в окно, я увидел, что он наступил на одну из самых смертоносных змей Египта — рогатую

гадюку. Эта змея длинная и тонкая, песчаного цвета, с маленькой плоской головкой, а на конце ее хвоста заметна бледная точка. Мне говорили, что ее укус может убить человека за двадцать минут. Это одна из немногих змей, которая без повода атакует человека, и одной из наиболее опасных ее черт является невероятная скорость, с которой она может перемещаться не только вперед-назад, но и вбок.

К счастью для Михаила, рептилия выбралась из норы в период зимней спячки и находилась в коматозном состоянии. Мы закричали, чтобы солдат принес ружье, но он не понял, что случилось. Тогда мы схватили первую попавшуюся вещь — это оказался треножник для фотоаппарата — и, набравшись смелости, убили гадюку. Затем мы поздравили Михаила с тем, что он остался в живых, и съели свою скудную еду в тени машины.

Потом мы продолжили путешествие; я подпрыгивал на сиденье и раскачивался, когда машину подбрасывало на камнях, а патрульный грузовик, имевший шасси получше, летел вперед с удивительной скоростью. Птиц не было видно. Как бы странно это ни прозвучало, даже мух не было. Мы очутились в совершенно мертвой части света.

Милях в тридцати пяти к востоку от дороги показался небольшой холм, который бедуины называют Джебел Искандер — Холм Александра. Они не знают, что проводники Александра потеряли дорогу на Сиву; но название холма передавалось из уст в уста, из поколения в поколение. После войны британский офицер услышал от арабов, что там можно найти остатки керамики, он предпринял поиски на холме и нашел восемь прекрасных амфор эллинистического периода. Одну из них я видел в саду в Мерса Матру. Она сделана из красной глины, достигала примерно четырех футов в высоту, у нее острое основание, форма луковицы и узкое горлышко, а также две ручки. Если это были сосуды для

воды, оставленные здесь во время похода Александра (а такое возможно), стоит задуматься, какие еще реликвии могут быть найдены в этом удаленном месте.

Когда солнце склонилось к закату, мы покинули равнину и оказались посреди одного из самых фантастических пейзажей, который только может нарисовать воображение. Полагаю, так должны выглядеть лунные горы. Кажется, природа, осознавая унылость предыдущих двухсот миль, приложила все силы и вдохновение на совсем небольшом кусочке земли. Долину со всех сторон окружали мертвые холмы причудливой формы: конус, куб, отдельно стоящая островерхая вершина, хребет, который с некоторого расстояния может показаться замком с бойницами. Другие холмы напоминали руины древних городов. В этой странной долине мы воскликнули разом:

— Смотри! Птица!

Это была первая птица, которую мы увидели за весь день, это был знак, что мы приближаемся к Сиве.

Примерно час мы медленно ехали вниз по склону лунных гор; затем внезапно через узкое горло ущелья мы увидели тысячи финиковых пальм на фоне ярко-розового заката.

Когда мы подъехали чуть ближе, перед нами раскинулась фантастическая, великолепная панорама Сивы: скалы, покрытые глинобитными домами, громоздились, как небоскребы, будто это был диковинный африканский Манхэттен. Финиковые пальмы образовали зеленое море, над которым вздымался скальный, густонаселенный остров.

Вскоре мы уже ехали в тени холма, понимая, что с оазисом что-то не так. Никто не выходил из многочисленных домов, чтобы взглянуть на нас. Не было движения в проемах маленьких квадратных окон, прорезавших высокие стены.

Позже мы узнали, что старый город несколько лет назад признали небезопасным для жизни, и оставили. Жители выстроили новое поселение вокруг прежнего, это было скопление низких белых домов с плоскими кровлями, сложенных из сырцовых кирпичей и крытых пальмовыми листьями.

Я направился в полицейский участок, где представитель губернатора Мамур уже ждал меня. Из всех представителей власти здесь были Мамур, доктор и начальник отряда стражников на верблюдах, все египтяне. В Сиве вообще не было европейцев.

Мамур сказал, что для меня подготовили официальный гостевой дом, и мы проехали еще милю в сторону пальмовой рощи, где на вершине холма одиноко стояло мрачного вида здание с белеными стенами. Все окна были тщательно закрыты противомоскитными сетками, что меня порадовало, потому что я отношусь к числу тех людей, которые привлекают этих насекомых.

Печальный облик былого величия чувствовался в этом доме. Король Фуад останавливался здесь во время визита в Сиву, и память о визите осталась в том, что леер прикрыт потертым синим бархатом, который все еще безжизненно свисает сбоку от ступеней. В доме была ванная комната — несомненно, странное зрелище в Сиве, но ее размеры могли отвечать ожиданиям самого оптимистично настроенного путника.

Мне выделили королевскую спальню с латунным балдахином над кроватью и мягкими тенями, падающими от него; из спальни одна ступенька вела в симпатичную гостиную, в которой стоял деревянный стол и два складных полотняных стула. На стене — дежурный портрет покойного короля в феске и сюртуке. Удлиненное окно закрыто проволочной сеткой; оно вытянуто вдоль всей стены, из него открывается прекрасный вид на Сиву поверх пальмовой рощи.

Снизу, со двора, доносились звуки, свидетельствующие о суматохе, вероятно, повар, слуга, Михаил и водитель патрульного грузовика пытались справиться с упрямой керосиновой плитой на кухне. Выглянув из окна, я заметил внизу повара с мертвым петухом в руках. Вскоре до меня донеслась причудливая смесь ароматов, свидетельствующая о том, что повар с энтузиазмом человека, который наконец остался наедине с собой, погрузился в приготовление чудовищного количества блюд.

Солнце село, все вокруг погрузилось во тьму. Над пальмовой рощей сияли звезды, мелькали силуэты летучих мышей; примерно в миле от нас вырисовывался изломанный контур мертвого города на холме — серый и призрачный.

Вошел слуга с керосиновой лампой, повар-суданец накрыл стол к ужину — едва ли кто-то другой сумел бы сотворить такое пиршество в столь удаленном месте. Там были суп, омлет, рыба из Мерса Матру, жареная курица, консервированные персики, пикантный сыр, апельсины.

Вечером, отправляясь спать, я увидел огромную золотую луну, плывущую по небу и изливавшую свет на пальмовые рощи. Не лаяли собаки, не кричали шакалы, не раздавались птичьи голоса. Оазис погрузился в зеленоватое сияние, замер в тишине, словно был полностью засыпан снегом.

4

Рано утром оазис Сива напоминает пейзажи Гогена или Ван Гога. Это произвольно составленный этюд в жарких тонах: холмы охристо-коричневатого цвета; золотой песок; яркая зелень деревьев; пронзительно голубое небо, на котором не видно ни облачка. На

открытых местах жара просто пульсирует. Козы пробегают в слепящем свете в поисках желанной тени пальмовых рощ. Белые голуби взлетают из густых крон, вспыхивая, словно искры, в солнечных лучах. Все звуки кажутся приглушенными: бряцанье колокольчика на шее козы, ленивая песня человека, работающего в одном из орошаемых садов, цоканье копыт осла по камням, мягкий шелест шагов верблюда.

Из окна гостевого дома я мог разглядеть западную часть оазиса: узкое озеро интенсивно голубого цвета, пересеченное снежно-белыми узкими полосами. Это соленое озеро, которое пересыхает летом, так что можно пройти по сверкающим блокам соли, как по мостовой. В древние времена жрецы Амона вывозили соль на продажу, ее использовали в храмах Египта и Персии. Местные жители утверждают, что меч, печать и кольцо Соломона спрятаны на острове посреди этого озера. Один из первых исследователей Сивы, французский инженер полковник Бутен взял с собой складную лодку из брезента в надежде добраться до острова, но обитатели Сивы не позволили ему ее использовать. Если бы он прибыл в оазис летом, он мог бы без особых проблем пройти туда пешком, по солончаку.

Протирая укусы комаров нашатырным спиртом, я размышлял о том, сколько людей в аптеках по всему миру осознают, что произносят имя бога, когда просят продать им хлористый аммоний — нашатырный спирт, или аммонизированный хинин; ведь именно здесь, в Аммонии, возле храма Амона, хлорид аммония (нашатырь) впервые стали извлекать из верблюжьего помета. Когда мой нос оказался слишком близко к горлышку флакона с нашатырем, я подумал: имеют ли эти удушающие пары какое-нибудь отношение к предсказаниям оракула? Пифия в Дельфах сидела на треножнике непосредственно над расщелиной в скале,

откуда поднимались ядовитые газы, и Плутарх считал, что ее пророческое неистовство было вызвано вдыханием этих паров. Аналогичная практика зафиксирована среди насельников Гиндукуша — диналов, — их шаманы приводят себя в транс, вдыхая дым от горящей смолистой древесины кедра.

Мамур пришел, когда я завтракал. Это был крупный мужчина в тропическом шлеме и костюме цвета хаки из плотной хлопковой ткани. Мы присели, чтобы поговорить о Сиве.

Население оазиса составляло около пяти тысяч человек, мужчин больше, чем женщин. Полигамии здесь не существовало, но разводы происходили так часто и легко, что местные жительницы постоянно перемещались от одного партнера к другому; один обитатель Сивы прославился тем, что развелся с сорока женами. Местное население все еще придерживается веры Сенусси, но фанатизм и ненависть к чужакам за время войны существенно ослабели. Теперь Каир уже не казался столь далеким, так как самолеты могут долететь до оазиса за несколько часов, а патрульные автомобили проходят путь от Мерса Матру за один день, а не за неделю или десять дней, как прежние караваны. Однако жители Сивы все еще представляют собой «крепкий орешек» и между ними часто вспыхивают внутренние распри.

Они исполнены предрассудков и твердо верят во все формы ведьмовства и магии. Присланный правительством врач потратил много сил, чтобы убедить их, что его знания могут быть полезнее, чем заговоры и припарки колдунов и местных знахарок. Основную часть работы выполняют потомки бывших рабов из Судана и самые бедные жители Сивы; им платят не деньгами, а продуктами, которые дают раз в полгода. Правительство выдает зарплату деньгами. Самые малые суммы

воспринимаются здесь как роскошь. Но тратить деньги в Сиве не на что, разве только на зеленый чай — единственное излишество, которое позволяют себе обитатели оазиса. Кофе запрещен правилами Сенусси, а потому все пьют чай — в огромных количествах и при каждом удобном случае. Единственное, ради чего здесь копят деньги, — приобретение жены, обычная цена уже много лет составляет 120 пиастров, то есть 24 шиллинга. Поскольку женщины представляют в оазисе меньшинство и на любую множество претендентов, а у значительного числа мужчин вообще нет денег, то есть 24 шиллинга им взять неоткуда, в оазисе много пожизненных холостяков.

Правителями Сивы являются шейхи, которым принадлежат обширные финиковые рощи. В оазисе насчитывается 600 000 пальм, дающих лучшие финики в Египте. С каждого дерева положено платить налог, в среднем оазис выплачивает в год две тысячи фунтов египетскому правительству. В прошлом это не раз приводило к кровавым стычкам, но под влиянием цивилизации жители оазиса смирились с необходимостью платить налоги.

Финики продают на внешний рынок, их вывозят из Сивы на больших грузовиках. Старинные финиковые караваны, некогда прибывавшие в Сиву из Египта раз в год, больше не ходят, хотя из Триполи еще иногда прибывают купеческие караваны. Конец перевозки грузов на верблюдах оказал печальное воздействие на бюджет Сивы. Одним из главных источников доходов была продажа фиников на открытом сезонном рынке, куда и прибывали погонщики караванов и купцы. Теперь рынок не действует, и источник прибыли исчез. Единственный вид производства в Сиве — правительственное предприятие по упаковке фиников, созданное недавно; там сушат плоды, моют, укладывают в коробки, которые доставляют в Каир и Александрию.

Отсутствие в Сиве собак и кошек связано с тем, что местные жители едят этих животных. Они также поедают тушканчиков, крыс и мышей. В оазисе готовят хмельной напиток из пальмового сока, его называют *лубчи*. Под его мощным воздействием люди становятся агрессивными, иногда происходят столкновения между жителями восточной и западной частей оазиса, которые находятся в постоянной вражде; употребление *лубчи* приводит к настоящим битвам на главной площади, в которых неизменно кто-то погибает.

Мы с Мамуром отправились осматривать достопримечательности оазиса и, проходя по узким улицам между рядами глинобитных домов, я спросил Мамура, почему так много черепов, костей и перевернутых горшков встроено в стены, особенно над дверными проемами.

— Все верят в сглаз, — ответил он. — Считается, что любой обладатель «черного глаза», как только увидит вот такой череп осла, сразу отведет взгляд и не причинит зла.

Мы вышли на широкую центральную площадь, над которой высились фантастические укрепления древней Сивы. Трудно вообразить более странное сооружение. В течение многих веков один дом строился над другим, причем в самой причудливой и хаотичной манере, пока внешние стены не выросли местами до двухсот футов. Улицы, как туннели, прорезающие этот человеческий муравейник, тянутся в полной темноте, извиваются до самой вершины, и только небольшие проемы-бойницы пропускают внутрь немного воздуха и света.

Когда старый город был населен, вероятно, проходить по нему было чрезвычайно трудно, поскольку карабкаться по крутым, темным, кривым улочкам, напоминающим угольные шахты, приходилось еще и сквозь толпу женщин, переносивших на голове сосуды с

зерном, в окружении невидимых людей, голоса которых доносились сквозь стены домов, сплошной стеной стоявших с обеих сторон.

Когда-то в городе было девять ворот, охранявшихся круглосуточно, и когда опускалась темнота, всех неженатых мужчин высылали прочь; они проводили ночь в хижинах снаружи, поскольку вход в город был воспрещен им до утра.

Я услышал, что в Сиву впервые за много месяцев прибыл купеческий караван из итальянского Триполи. Это звучало романтично, и я ожидал живописного зрелища. Но когда мы подошли к небольшому зданию крытого рынка, окруженному пальмами и прикрытому ветвями, я увидел четырех бедуинов, сидящих на полу, перед ними были разложены завязанные в узелки носовые платки. Мне объяснили, что это и есть караван из Триполи. Они развязали платки и продемонстрировали простенькие серебряные безделушки. Они путешествовали много дней и ночей, пересекли пустыню, ехали от колодца к колодцу, разбивали лагерь и снова отправлялись в путь, чтобы доставить в оазис эти жалкие вещицы. Я задумался о том, какая энергия лежала в основе такой примитивной коммерции. Археологи часто гадают, как серебряное кольцо могло попасть в то или иное место. Полагаю, всегда существовали люди, похожие на этих купцов из Триполи, и они могли провезти кольцо через весь мир ради удовольствия выпить чашку чая и посплетничать, когда путешествие будет окончено.

Сам рынок представлял собой образец простоты жизни в оазисе. Всего там было не более десяти купцов, все сидели по-турецки, поставив мешок с товаром перед собой. В одном мешке могло находиться около четырех фунтов сахара-песка, в другом — два-три фунта чая, а в третьем — бобы или чечевица. Несомненно, для людей, привыкших к столь скромной торговле, узелки из

Триполи были все равно что витрины Картье на Бонд-стрит.

Мы прошли к расположенному неподалеку финиковому рынку, широкому открытому пространству, усыпанному сушившимися на солнце плодами: часть была насыщенного золотого цвета, часть — ярко-желтого, часть — темно-каштанового. Мамур пояснил, что здесь лежат финики разных сортов, и у каждого есть свое название. Некоторые жители Сивы так хорошо разбираются в финиковой культуре, что могут в точности сказать, из какого сада доставлены те или иные плоды.

Существует обычай, позволяющий любому человеку войти на площадь во время сбора урожая и съесть сколько угодно фиников. Но ни один плод нельзя положить в карман или унести с собой.

Финики для Сивы — то же самое, что оливки для Средиземноморья. Самые бедные живут только за счет фиников. Стволы пальм обеспечивают строителей материалом. Пальмовая древесина служит еще и топливом. Ограды делают из разрезанных листьев пальмы, а дома и хижины кроют целыми листьями. Из волокон пальмы женщины плетут циновки, а также корзины настолько плотные, что они не пропускают воду.

Ослы из Сивы славятся силой и размерами, говорят, что их прекрасное состояние зависит от питания финиками. В углу рынка я заметил осла, который с удовольствием поедает финики.

Мы снова прошли по улицам Сивы, и маленькие смуглые девочки лет десяти-двенадцати, похожие на древнеегипетские статуэтки, застывали, глядя на нас, а когда до них оставалось несколько ярдов, они внезапно срывались с места и убегали прочь. Это были самые красивые создания в Сиве. Лица у них были совсем взрослые, но тела — детские. Волосы девочек были

заплетены в многочисленные косички, что придавало им забавный архаичный вид, словно на них были парики из Древнего Египта. Челка ниспадала на лоб жесткой прямой линией. Волосы жители Сивы мажут ароматическим маслом, настоящим на фиговых листьях.

На шее у каждой девочки красовался серебряный обруч, у некоторых нанизаны серебряные диски размером с блюдце. Это украшение называлось «диск девственности», его носят в Сиве девочки и девушки до замужества. Накануне свадьбы невеста в сопровождении подружек принимает омовение в источнике. Она снимает с шеи диск и бросает его в воду; затем снимает одежду и окунается в источник. На таких церемониях допускается присутствовать одному маленькому мальчику; когда ритуал завершен, он ныряет в воду и достает серебряный диск, который невеста в будущем передаст своей дочери.

Полное облачение даже для маленьких девочек включает большой комплект варварских украшений. Огромные серьги, которые крепятся к волосам, длинные цепи с прикрепленными колокольчиками, массивные ожерелья, часто для них используют бусины, снятые с мумий.

Я повсюду видел детей, но ни разу не заметил на улице женщину старше 16 и моложе 35 лет. Нигде нет более строгих ограничений на передвижение замужних женщин, их можно увидеть — и то случайно — только в проеме окон, если они осторожно выглядывают наружу.

Если бы я лучше знал Сиву и без труда находил дорогу, вероятно, я никогда бы не додумался отдохнуть на берегу источника. Вообще в оазисе их около двух

сотен, пресных и соленых, серных, теплых и холодных; настоящий курорт Хэрроугейт в декорациях, соответствующих пейзажам Гогена.

Эти разнообразные воды веками просачиваются сквозь толщу пустыни, и больше всего мне нравится в качестве объяснения теория, что подземная река течет из Конго и поднимается по трещинам в скальной породе под песками. Почти все источники представляют собой на поверхности круглые водоемы, полные синей или зеленой воды; зеленой она кажется в лучах солнца, а синей — в тени, отбрасываемой пальмовыми листьями. Большинство источников окаймлено обтесанными камнями, у них установлены парапеты, на которых удобно сидеть и смотреть сквозь пятьдесят футов синезеленой воды на дно, состоящее из каменных наростов-сталагмитов.

Всматриваться в тихие воды — значит предаваться тщеславию, и занятие это мало что дает, если только вы не наслаждаетесь отражением собственного лица; но в Сиве источники привлекают внимание и удерживают целый час, потому что наполнены восходящими струйками жемчужин. Эти ртутные пузыри газа порой поднимаются в таком количестве, что вся поверхность водоема на мгновение закипает, словно тысячи невидимых рыб разом выдохнули накопившийся воздух. Затем без всякой явной причины движение прекращается, и вы вновь смотрите на тихую зеленоватую гладь. Легко понять, что эти источники возбуждали воображение древних людей, как завораживают они и современных жителей Сивы, ведь в их воздушности и переменчивости не чувствуется ничего механического: пузыри поднимаются так, словно их вызывает к жизни прихоть подземного гиганта, который то устает, то вновь начинает дышать, а может, иногда удаляется, чтобы отдохнуть, и то выпускает в

воду тонкие цепочки живого серебра, то производит один пузырь, большой, как апельсин.

Углубления, в которых скапливаются источники Сивы, напоминают горячие, наполненные солнцем разрывы в зеленых джунглях. А вокруг, словно мачты в порту, вздымаются лохматые стволы финиковых пальм. Ярко-зеленые кроны испещрены пятнами сочных спелых гранатов и прелестных желто-зеленых сладких лаймов. Когда смотришь в эти источники, видишь грозди фиников, отражающиеся в воде, будто в водоеме лежат скопления гладких, коричневых пчел.

Красные, зеленые, оранжевые стрекозы стрелами мелькают над водой, порой зависая и трепеща прозрачными крыльями; иногда вниз с деревьев слетает удод — здесь, как и повсюду в Египте, совсем ручной, он смотрит испытующим оком, склонив голову набок, а плюмаж из перьев на его голове поднимается, как знак вопроса.

Источники Сивы, конечно же, являются кровеносной системой оазиса, и маленькие каналы доставляют их воду к садам. У каждого водоема есть свой охранник, и каждый охранник ведет книгу, учитывая в ней количество воды, отпущенной на тот или иной участок возделываемой земли. Охранники управляют игрушечной системой водных путей, некоторые из последних проходят по системе полых пальмовых стволов. Когда наступает время орошать определенный сад, охранник подходит к каналу, который идет в нужную сторону, и выбивает глиняную пробку, удерживающую поток, тем самым открывая дорогу воде в правильном направлении. Именно так древние израильтяне орошали сады Египта, об этом сообщает Книга Второзаконие: «Где ты, посеяв семя твое, поливал ее при помощи ног твоих, как масличный сад»²⁷. Охранник, занимающийся поливом садов Сивы, тоже действует ногой, и у него нет часов. Он отмеряет время

по солнцу, прислушивается к муэдзину, чей звучный призыв далеко разносится в прозрачном воздухе; а если нет голоса с мечети и солнца, остаются звезды.

Самый знаменитый и прекрасный водоем Сивы — Источник Солнца. Геродот сообщает, что в полдень вода в нем холодная, но к полночи она теплеет, эту историю повторяют и современные жители оазиса. Существует легенда: некогда в источнике обитала черная слепая рыба, имевшая отношение к оракулу Амона, чей храм был неподалеку. Сидя возле этого источника, я внезапно увидел между деревьями приближающуюся ко мне почтенную фигуру в римской тоге — именно так, в белые робы, одеваются ливийцы. На голове фигуры была маленькая красная шапочка с синей шелковой бахромой, а в руке — черный зонтик. Это оказался шейх деревни Агурми, и он пришел показать мне руины храма Юпитера-Амона.

6

Сначала мы прошли к руинам, расположенным неподалеку от Источника Солнца, вероятно, это остатки небольшого храма, о котором упоминает Диодор. Сейчас от него остались лишь несколько камней, некогда образовавших ворота или пилон. На них вырезаны фигуры, совершающие подношения богу Амону. Судя по неровной поверхности земли, ясно, что здесь стояло большое здание. Изящно опершись на зонт, шейх рассказал, что довольно давно турецкий губернатор приказал взорвать храм, заложив в основание заряды пороха, чтобы использовать камень на строительстве полицейского участка.

Затем мы поднялись на невысокий холм, в сторону старой деревни Агурми, которая показалась мне более впечатляющей и интересной, чем Сива. Глинобитные

домики сплошным ковром покрывали скалистый склон, круто поднимавшийся над пальмовой рощей. С некоторого расстояния селение выглядело коричневатым грузным безмачтовым кораблем, дрейфующим по морю зелени; как и Сива, эта старая деревня оставлена жителями, так как ее признали опасной, новые дома стоят чуть в стороне.

Главная улица старого селения медленно извивается между глинобитными стенами, время от времени теряясь в лабиринте узких проходов, уводящих к темным, заброшенным жилищам, населенным теперь лишь шакалами и змеями.

Мы поднялись на оборонительные валы, с которых открывался чудесный вид на весь оазис. Лохматые головы пальм простирались на мили кругом, а дальше начиналась Ливийская пустыня, уходящая за горизонт, словно золотой океан.

Карабкаясь в темноте по грудам мусора и кускам обрушивающихся стен, я в свете электрического фонаря увидел великолепные камни египетского храма и остатки массивных ворот. Некоторые фрагменты размерами не уступали блокам, из которых сложены пирамиды Гизы.

Этот храм на вершине холма высоко вздымался над пальмовыми рощами; именно здесь находилось святилище знаменитого оракула, а где-то внизу, среди массы глинобитных строений и проходов находится место, где Александр Македонский предстал перед Юпитером-Амоном.

Жители Сивы верят, что существует подземный туннель, соединявший храм в Агурми с малым храмом возле Источника Солнца. Говорят, что под поселением Агурми захоронен правитель, которого местные люди называют «царем Менеклюшем». Они, впрочем, понятия не имеют, кто такой Менеклюш, просто рассказывают, что царь этот жил очень давно и во дворце у него были

четыре статуи. Когда на эти фигуры падало солнце, они разговаривали. Вероятно, это воспоминание о древней славе оракула.

Главное божество Сивы — подобное оракулу Амона-Ра в Фивах — представлялось в виде статуи с человеческим телом и головой барана. Она была сделана так, что голова и, очевидно, руки могли двигаться, отвечая на вопросы. Поскольку древние египтяне считали небо океаном, по которому солнце и луна плывут в ладьях, бог стоял или сидел в святилище, выстроенном в форме корабля, покрытого золотыми пластинами.

В оазисе Сива вызолоченная ладья бога с обеих сторон была украшена серебряными дисками, свисавшими с бортов, и когда отодвигали храмовую завесу, посетители видели бога, сияющего зеленым малахитом, который многие по ошибке принимали за изумруд. На носу и корме ладьи были укреплены кольца, через которые пропускали шесты, так что в праздничные дни жрецы могли выносить ладью с фигурой божества и совершать торжественную процессию вокруг храма.

С древнейших времен дошла легенда, что каждый фараон, вступавший на трон Египта, был сыном бога Солнца; известно, что во времена Восемнадцатой династии перед официальным вступлением на престол новому фараону полагалось получить подтверждение законности своей власти от оракула в Фивах. Возможно, у бога было право свергать царя и назначать ему преемника.

Почему Александр пришел в Сиву? Любой человек, желавший узаконить завоевание Египта, должен был сперва получить признание солнечного божества в качестве потомка Амона-Ра. Но то, что не это было в намерениях Александра, ясно из того факта, что, прибыв в Мемфис, он не сообщил сразу же о намерении поговорить с оракулом, хотя ему требовались

поддержка и почтение египетского населения. Молчание на такую важную тему в Египте и в Греции заставляет предположить, что посещение оракула было для Александра личным делом: он руководствовался исключительно романтическими мотивами, но трудно судить, какими именно.

Когда он прибыл в Сиву, восемьдесят бритоголовых жрецов в белых льняных одеяниях вышли навстречу, вынесли из храма золоченую ладью со статуей бога Солнца. Воздух сотрясали серебристые звуки систров, клубились облака дыма от возжигаемых благовоний вокруг фигуры божества.

Никто не знает, как было устроено святилище внутри. Александр — единственный, кому позволили приблизиться к богу, сразу, еще когда он, запыленный после путешествия по пустыне, только прибыл в оазис. Спутникам царя пришлось переодеться и ждать во внешнем дворе храма. Когда Александр вышел, все заметили, что он изменился. Он получил нечто в святилище Сивы, что оказало значительное влияние на его дальнейшую жизнь.

Мы не можем надеяться узнать, что случилось, какие слова были сказаны молодым завоевателем мира и что он услышал от «отца богов». Но то, что визит прошел успешно, нет сомнений, ведь жрецы Сивы, как и их собратья в Дельфах или Додоне, прекрасно умели читать желания, таившиеся в сердцах людей.

Шейх пригласил меня в свой дом на чашку чая. Мне уже объяснили, что зеленый чай составляет в Сиве совершенно непременную церемонию, так что я последовал за ним по руинам в сторону пальмовой рощи.

Его дом находился неподалеку, это было большое строение из вездесущего сырцового кирпича, в окнах верхнего этажа я мельком заметил любопытные женские глаза, украдкой выглядывающие на улицу. Мы поднялись по глинобитной лестнице на плоскую крышу, залитую слепящим солнцем. С крыши в дом вело несколько дверей, мы вошли в одну из них и оказались в комнате, где уже был накрыт стол. Там было печенье, сладкие лаймы, гранаты, мягкие финики особо ценного сорта, называемого здесь *шенгбел*, которые едят только свежими, только что сорванными с дерева, бананы и небольшие чашечки с орехами.

Вошла пара молодых мужчин, вероятно, сыновья хозяина, и после вежливого обмена приветствиями мне предложили финики и гранаты, а шейх погрузился в сложный ритуал приготовления чая.

Я с интересом наблюдал за его действиями. Особая честь — разливать чай, но для впервые пришедшего принять ее считается неприличным; следует категорически отказаться, воздев руки вверх в знак протеста и смущения, и сказать, что ты недостойн. Тот, кто готовит чай, называется «султан», и когда сиванцы собираются большой группой по особым случаям, они выбирают самого почтенного и уважаемого человека в качестве «султана» данного вечера.

Сначала шейх ополоснул маленькие стаканы кипятком из чайника, который стоял на жаровне с углями. Затем открыл шкафчик, в котором было несколько отделений. Одно из них было заполнено зеленым чаем, другое — черным, третье — сахаром, а четвертое — листьями мяты.

Шейх тщательно и придирчиво отмерил небольшое количество зеленого чая, добавил пару щепоток черного, плеснул кипятку в заварной чайник. Принюхавшись к аромату, он выждал секунду и слил образовавшийся отвар. Вторая попытка оказалась более

успешной. Он снова влил кипяток, подождал мгновение и налил себе глоток чая, раз или два критически отхлебнул. После первого глотка он, казалось, еще сомневался, и я подумал, что он сейчас снова выльет настой; однако второй глоток его убедил, и он протянул мне маленький стакан, наполненный обжигающей жидкостью.

Затем церемония повторилась. Я получил второй стакан, на сей раз чай был сладким, потому что в него добавили сахар. После цветистых благодарностей я выпил и эту порцию, и церемония приготовления чая повторилась в третий раз. Третья порция была приправлена не только сахаром, но и мятой.

Согласно этикету, полагается выпивать не менее трех стаканов чая. Ни в коем случае нельзя отказываться. Жители Сивы убеждены, что чай очень полезен, но если вам стало плохо после его чрезмерного употребления, надо закусить сладким лаймом.

Позолоченная сабля, подаренная шейху королем Фуадом, с особой гордостью была показана мне хозяином. Я положил ее на колени, и шейх преподнес мне первый лайм, а затем красный гранат — плод, который я, по-моему, не пробовал с детства. Есть его трудно, испытываешь скорее разочарование, чем удовольствие. Вскрыв кожуру, обнаруживаешь, что это коробочка с рубиновыми зернами, но внутри находятся мелкие и жесткие косточки, с которых при надавливании стекает водянистый сок, заполняющий рот.

Шейх сидел, обмахиваясь пальмовым листом и прогоняя таким образом мух; он настойчиво предлагал мне угощаться шоколадным печеньем, похожим на английское. Такое проявление торгового этикета в Сиве весьма тронуло меня.

Разговор мы вели самый что ни на есть банальный, словно два короля, случайно встретившиеся и

вынужденные соблюдать формальности. Я не расспрашивал его об оазисе, хотя меня многое интересовало, и после обмена любезностями покинул дом, дождавшись момента, дозволенного этикетом.

8

В середине дня я взглянул из окна дома для гостей и увидел группу мужчин, соорудивших нечто вроде виселицы. Мне объяснили, что в честь моего отъезда будут устроены танцы, и «виселица» предназначена для подвешивания ацетиленовой лампы.

Около девяти часов вечера, когда луна серебристым светом заливала пальмовые рощи, превращая пустыню в зеленый сумрак, шейхи и прочие почтенные мужи стали собираться на праздник. Я пошел в гостевой дом за стульями, которые выставили в ряд напротив «виселицы». Самый большой стул приберегли для Мамура, а три особо важных места по соседству с ним предназначались для доктора, офицера службы патрульных на верблюдах и меня. С обеих сторон от нас расселись шейхи и местные старейшины.

Я заранее послал в деревню за фунтом чая и, теперь узнав очень много о местных обычаях, не стал поручать приготовление напитка повару. Когда собрались все шейхи, я предложил выбрать «султана». Последовала весьма любопытная с точки зрения социального лицемерия сцена: сначала один шейх сделал вид, что недостойн такой чести, потом другой, третий; наконец пришлось делать выбор — кто же тут самый важный и почтенный, кто будет оскорблен, если его обойдут вниманием, — и «избранника» чуть ли не силой вытолкали к жаровне. Он потратил едва ли не большую часть моего фунта чая на заварку порций, которые пробовал и выливал на землю, и я начал задумываться о

том, хватит ли в итоге хотя бы на одну порцию для каждого из собравшихся.

Наконец он удовлетворился достигнутым вкусом и изготовил большой жестяной чайник горьковатой жидкости, которую, судя по всему, все считали лучшим чаем, когда-либо заваренным в Сиве. Сидя в лунном свете с маленькими стаканчиками в руках (я позаимствовал их в полицейском участке), мы ждали, когда появятся танцоры из соседней деревни.

Издалека, из-за песков, до нас донесся приглушенный рокот тамтамов. Кто-то включил ацетиленовую лампу, и вокруг нас вспыхнул крут белого света, мгновенно затмившего лунное сияние.

Когда танцоры приблизились, мы услышали мелодию флейты, сопровождавшей удары тамтамов; время от времени раздавались крики, ритмические повторения одной и той же фразы, завывания, жалобные стоны, а потом все это прекратилось так же внезапно, как началось. В круге света появилась компания варварского вида, в сопровождении *гаффира* с длинным кнутом и полицейского с ружьем за спиной — довольно странное сопровождение для группы танцоров!

Прежде чем начался сиванский танец, они выпили *лубчи*, и потом мальчики и взрослые мужчины (женщин не было) постепенно стали доводить себя до состояния возбуждения. Они хлопали в ладони, раскачивались, ходили вокруг барабанщика и двух флейтистов.

Музыканты сели на землю и завели монотонную, но довольно приятную мелодию. Жаль, что мне не хватит музыкального таланта, чтобы ее описать. По-моему, такого рода музыку называют «горячий джаз». Однако то, что я слышал в Сиве, было намного горячее всего, что мне доводилось услышать где бы то ни было, даже в Гарлеме. В мелодии были чувственность и дикость Ливийской пустыни, печальная красота этих мест, вечный голод — голод и величие бесконечной пустыни.

В какой-то момент танцоры стали напевать в тон мелодии, это были те же слова, которые доносились до нас издали, когда танцоры шли через пески. Песня была на местном языке. И доктор-египтянин не понимал его. Я спросил у одного из шейхов, что она означает.

— Это любовная песня, — ответил он. — Танцоры говорят, что красота возлюбленной так велика, что их глаза ночью не могут закрыться...

Сам танец состоял из самых варварских поз и жестов, какие только можно вообразить. Мужчины, окружавшие музыкантов, внезапно подпрыгивали с дикими криками, вращались, странным образом изгибаясь. Время от времени они делали вместе шаг вперед, и много раз вся компания, словно одержимая единым безумием, склонялась вперед и делала три прыжка подряд.

Причем все движения совершались в точном соответствии с ритмом, и ни один жест нельзя было назвать более странным, чем те, что стали популярными в танцах в нашем обществе в последние двадцать лет. Во время войны многие исполняли странный танец: три быстрых шага и приседание; так вот, это отдаленно напоминало движения танцоров Сивы.

В этом танце — хоть в Лондоне, хоть в Сиве — больше всего утомляет его монотонность. Видимо, начинал работать *лубчи*, и танцоры казались совершенно неустойчивыми. Мне говорили, что они могут продержаться всю ночь.

Я заговорил с молодым доктором. Он был египтянином, который много лет провел в пустыне, а в Сиву приехал из оазиса Бахария, где, по его словам, танцевали не мужчины, а женщины. Они исполняли древний танец. Встав спиной к зрителям, они двигали бедрами в такт ударам барабанов и мелодии флейт. Женщины Бахарии живут в строгой изоляции от посторонних и выходят только в ночи танцев.

— Помню, однажды мне пришлось пойти к шейху и сказать ему, что, если я не увижу его жену, она скорее всего умрет, — рассказывал доктор. — А он мне ответил: «Хорошо, можешь увидеть ее, но как только она поправится, я с ней разведусь». И так и сделал.

— А какое у вас впечатление о людях пустыни?

— Они... как бы сказать... примитивные. Если антропологи захотят изучать примитивных людей, зачем выкапывать черепа тысячелетней давности, когда можно приехать в оазис и исследовать живых носителей той же культуры? Их обычаи и верования восходят ко временам древнее самого Древнего Египта, корни уходят в неизвестное прошлое, и каждый доктор неизбежно сталкивается с проявлениями колдовства в той или иной форме.

Некоторое разнообразие вечеру придало появление поразительно робкой пожилой женщины. Ее волосы были выкрашены в яркий каштановый цвет, щеки нарумянены, а руки перегружены украшениями. Она выглядела как узел исключительно яркого тряпья, а на ногах у нее были изящные маленькие арабские шлепанцы из мягкой алой кожи.

— Кто это? — спросил я у доктора.

— Танцорка, — ответил тот. — Она давным-давно приехала сюда из Триполи, тогда она была очень красивой, и мужчины боролись, чтобы завоевать ее внимание.

Как только женщина появилась, сформировалось еще одно конкурирующее кольцо из танцоров. У них был свой барабанщик и свой флейтист, которые тоже расположились в центре кольца. После вводных церемоний, призванных продемонстрировать ее застенчивость, женщина вступила в круг, она двигалась медленно, волнообразно, а лицо ее было прикрыто черным покрывалом. Поскольку сперва она пришла с открытым лицом, я удивился, увидев чадру теперь.

— Ни одна женщина не имеет права танцевать без покрывала. Это традиция, — пояснил доктор.

Я надеялся, что красотка из Триполи привнесет немного очарования в довольно скучный процесс, но ее движения состояли из ритмического покачивания бедрами, не менее монотонного и невыразительного, чем прыжки окружающих ее мужчин. Она продолжала одно и то же движение на протяжении часа, и за это время многие мужчины включились в танец, поспешив присоединиться к кольцу, окружавшему женщину.

Я начинал чувствовать усталость, но сиванцы были свежи и бодры. Песчаные мухи кусали немилосердно, и я подумывал, что пора бы закончить вечер.

Полицейский с ружьем и человек с кнутом внезапно присоединились к танцу, но основная компания не собиралась останавливаться. Мне сказали, что все будут танцевать, пока не прекратится музыка. Но музыканты обычно говорят, что будут играть, пока есть желающие танцевать. Кажется, я уже слышал раньше нечто подобное, но так далеко от этих песков!

Удалось найти счастливый компромисс. Музыкантов уговорили вернуться в деревню, играя по дороге. Когда они двинулись в путь, танцоры пошли следом, словно пчелы, сгрудившиеся вокруг королевы.

Звуки тамтама и монотонное пение стихли вдали: но всю ночь ритм этот раздавался где-то в Сиве, и только перед самым рассветом танцоры рухнули в изнеможении и танец прекратился.

Я проснулся без четверти пять утра. Еще светила луна, и я услышал, как слуги внизу, во дворе, пакуют вещи. Выглянув в окно, я увидел безмолвную, притихшую Сиву, залитую зеленым светом, по песку

тянулись темные дорожки автомобильной колеи, неподвижно вырисовывались тени пальм, и старое поселение на холме, молчаливое и черное, напоминало кладбище.

Накануне вечером мы купили яйца, они пошли на завтрак; стол освещала керосиновая лампа. Еще сияла луна, когда около шести утра мы тронулись в путь, в небе можно было заметить лишь первые намеки на рассвет. В темноте раздалась мелодичная трель птицы, но как я ни вглядывался, я так и не смог заметить ее. Кто-то сказал, что это *хадж маула* — птица, которая водится только в оазисе Сива.

Патрульная машина неслась впереди по пескам, а мы следовали за ней через тихую сонную деревню. Притормозили у полицейского участка, где шофер патрульной машины оставил ружье при въезде в оазис. Повар-суданец и официант устроились в патрульной машине, белые головные уборы создавали ощущение, что у них болят зубы. Темные лица поворачивались туда-сюда, чтобы рассмотреть лепнину на стенах, а синие тени протянулись к старому поселению на холме, нависающем над долиной черной массой, зубчатые вершины которой были тронуты зеленым светом. Шофер вышел из полицейского участка с ружьем и патронташем в руках и спустился по лестнице. Он повесил патронташ через плечо, прислонил ружье к сиденью и взобрался на свое место. Караульный полицейский помахал рукой, желая нам счастливого пути, и мы помчались к белым лунным горам. Я оглянулся назад и бросил последний взгляд на Сиву, лежавшую в тени пальмовых рощ, на звезды, сиявшие над ней, и на небо, которое уже начинало светлеть на востоке, предвещая наступление нового дня. Некоторое время мы ехали по прямой, так что луна была все время слева, а справа все ярче пульсировали розовые сполохи рассвета. Вскоре вся восточная сторона неба побелела, и

когда мы достигли плато, над пустыней поднялось и само светило, согревая пустыню.

Весь день мы ехали на север по безжизненной местности. Солнце пересекало небо. Мы устали, изнывали от жажды и жара. Потом снова появились звезды. В первом часу темноты в свете фар мелькнул верблюд, и мы поняли, что приближаемся к концу плато и начинается долгий спуск к морю и к местечку Мерса Матру. Внезапно мы увидели вдали огни городка на морском берегу.

Утром, уже при свете следующего дня, я ехал уже на восток в машине Михаила, мы направлялись вдоль побережья в Александрию. Деревни, через которые мы проезжали, представляли собой безлесые скопления домов посреди бурой равнины, иногда мы замечали слева синюю линию Средиземного моря, отделенного от нас милей песка. Мы заправились в одном из селений, набрали бензин в жестяные канистры; там жили люди, расхаживавшие в длинных одеяниях, напоминавших римскую тогу — *джурд*. А тот мужчина, который поднимал кожу нашего радиатора, был задрапирован не хуже статуи Августа.

Когда стемнело, мы разглядели впереди огни Александрии, находившиеся за многие мили от нас, но ясно видимые на плоской равнине, а еще через некоторое время наконец оказались в лабиринте улиц большого города.

Глава седьмая

Фарос и коптские монастыри

Я осматриваю остатки Фароса, встречаю человека, который верит, что Александр Македонский все еще похоронен в Александрии, еду по пустынной дороге в Каир, вижу руины города святого Мины. В Вади Натруне я посещаю четыре коптских монастыря, где монахи-христиане живут с IV века.

1

В эту ночь Александрия была особенно хороша. Жемчужное ожерелье ее огней отражалось в тихих водах, воздух был теплым, а пальмы в садах замерли в безветрии и тишине.

Первое, что желает совершить человек, завершивший путешествие через пустыню, — принять ванну и вызвать парикмахера, чтобы побриться. Нет, наверное, нужды говорить, что явившийся ко мне мастер оказался греком. Александрия по-прежнему остается одним из крупнейших греческих городов мира, и если вы никогда не видели Афины, то можете ошибиться и решить, что попали в столицу Греции, и только через некоторое время обнаружится, что это не так. Вывески над лавками и магазинами написаны практически на том же алфавите, которым пользовался Платон. Повсюду продаются греческие газеты, можно попытаться прочесть их, сидя в греческих кафе, прихлебывая узо или рецину.

Греческий цирюльник был подвижным человеком с яркими глазами, питавшим искреннюю любовь к Англии.

Мне оставалось только краснеть, выслушивая восторженные описания добродетелей, которые он нам приписывал. Я не мог даже возражать — в конце концов, у человека с бритвой в руке всегда есть преимущество в разговоре. Одно время он работал в Лондоне, в парикмахерской неподалеку от Пиккадилли, и тот факт, что мне доводилось там бриться и стричься, помог нам установить взаимопонимание. Он говорил о «добром старом Лондоне». Он поинтересовался, не пользуюсь ли я одним специальным лосьоном для волос, который продавался в их заведении; я ответил утвердительно. Мы согласились, что десять шиллингов за бутылку — фантастическая цена, но я пояснил, что приобретал этот лосьон лишь в те дни, когда был беден; это правда. Внезапно он сделал преувеличенный жест — греки вообще склонны к мелодраматизму — и распахнул дверцу шкафчика, в котором стояло множество бутылок.

— Я получил рецепт! — горделиво воскликнул он. — Это та самая смесь! В точности как в Лондоне, сэр! И — для вас — три шиллинга!

Честно признаться, все греки, которых я встречал, имели между собой нечто общее, нечто такое, что хотя бы в малой степени связывало их с Улиссом: конечно, я купил у него бутылку лосьона, и, насколько могу судить, смесь и вправду соответствовала оригинальной рецептуре.

Тем же вечером, позднее, я сидел в гостиной отеля, а за соседним столиком расположился молодой англичанин. Я подумал, что он, подобно мне, чужой в этой стране, и мы как-то само собой вступили в беседу. Он рассказывал о себе, и я поражался тому, какими странными видами деятельности занимаются порой люди. Он работал в фирме, производившей шоколад всемирно известной марки, и его направили в Египет, чтобы узнать, какие сорта шоколада пользуются здесь особым спросом и почему. Полагаю, это своего рода

сочетание научного исследования и коммерции. Но в александрийской гостинице казалось совершенно невероятным, что этот молодой, образованный и богато одетый молодой человек посвящает свое время расспросам о предпочтениях восточных жителей относительно чистого шоколада или шоколада с орехами. Незадолго до нашего разговора он получил телеграмму, в которой ему поручали узнать, почему продукты фирмы-соперника так хорошо продаются в Багдаде.

— Вы действительно собираетесь проделать весь путь до Багдада, чтобы это узнать? — спросил я.

— О да, это не так уж далеко, — ответил он. — Обстоятельства вынуждают.

— А чем займетесь по возвращении?

— Направляюсь на Кипр.

В нем было что-то от дипломата, и в какой-то момент он показался мне не менее экзотичным, чем любой персонаж «Тысячи и одной ночи».

Одна из странностей Египта состоит в том, что Александрия, на протяжении средних веков лежавшая в руинах, примерно сто лет назад восстала из мертвых, причем восстановили ее не арабы, а европейцы. Город этот никогда не принадлежал Египту, всегда был кусочком Европы на африканской земле. В эпоху эллинизма он был населен по большей части греками, а также в значительной степени евреями; сегодня здесь живут представители левантийских народов.

Распространенное мнение, что «в Александрии нечего смотреть», не соответствует действительности. Какие воспоминания громоздятся по берегам Восточной гавани: предания об Александре, Птолемеях, Цезаре, Клеопатре, Антонии; о Семидесяти толковниках, переведивших Библию на греческий; о святом Марке, ступившем здесь на землю с борта галеры; о епископе

Александр, наблюдавшем за тем, как святой Афанасий ребенком играет в крещение на берегу моря!

Некоторые части Александрии прекрасны, но довольно трудно понять, почему другие ее районы так уродливы. Это могло бы ускользнуть от моего внимания, если бы мысли не заполняли образы великолепного города, столь полно и безвозвратно утраченного. С борта корабля Александрия выглядит замечательно, словно вы смотрите на мраморный город, каким его знала Клеопатра. Здания из бетонных блоков или сырцовых кирпичей, покрытых штукатуркой, стоят так плотно и компактно, что начинает казаться: великий Фарос вновь высится посреди моря, а Мусейон вздымает бледно-мраморные стены над городом; крытая галерея, огражденная колоннами вдоль обеих сторон улицы, все еще сияет белоснежным величием от Ворот Солнца до Ворот Луны.

О пребывании святого Марка в Александрии сохранились только легенды. В ранние времена существовало святилище мученика где-то неподалеку от Восточной гавани, но теперь даже местонахождение его неизвестно. Когда святые Павел и Варнава ожесточенно спорили о соответствии жизненного пути Марка миссионерскому образу жизни, их мнения резко разошлись. Павел забрал с собой Силу и уехал в Малую Азию; Варнава и Марк вместе отправились на Кипр, где Варнава принял мученический венец. Копты рассказывают, что после смерти друга Марк сел на корабль, который шел в Египет, где основал впоследствии церковь.

Затем он сопровождал святого Петра в Рим и от него получил те яркие, живые детали, доступные лишь очевидцу, что отличают написанное им Евангелие. Именно в Риме — в тот раз или позже — Марк снова встретился с Павлом, уже старцем, и они примирились, возможно, благодаря: деяниям Марка в Египте. Коптские

предания гласят, что Марк после этого вернулся в Александрию, где поставил первого епископа Александрийского — своего первого обращенного, Анниана-башмачника. Мученическая кончина евангелиста, как считается, случилась при Нероне, причиной стал его протест против публичных церемоний в честь бога Сераписа. Разгневанные обличениями Марка горожане, поклонявшиеся Серапису, схватили евангелиста, привязали ему к шее веревку и протащили его по всему городу, а на следующий день повторили то же самое, пока смерть не положила конец его страданиям.

Собор Св. Марка когда-то высился на месте, где мученика похоронили, но во время арабского завоевания он был сожжен и восстановлен лишь в 838 году. Мощи святого Марка все это время оставались нетронутыми в могиле. Один из халифов, кажется, угрожал разграбить храм, и, чтобы спасти реликвии, египтяне позволили двум венецианским купцам, чей корабль стоял в порту, увезти святыни. Эти два купца — Буоно Маламокко и Рустико де Торчелло — поместили реликвии и мощи святого в большую корзину, закрыли их травами и свиной, к которой мусульмане испытывали отвращение. С криками: «Свинина!» они без досмотра миновали таможенников и доставили драгоценный груз на борт судна. Подняв паруса, они вскоре отправились в Венецию, где для сохранения мощей был выстроен собор Св. Марка — гордость и слава Венеции.

2

Утром я решил прогуляться на остров Фарос, сегодня известный как Кейт-Бэй Форт. Он опирается на скалистый выступ, расположенный в северной части

Восточной гавани, и соединен с материком узким перешейком.

Мне это место показалось более интересным, чем я ожидал, потому что в основании крепости XV века можно различить остатки одного из главных чудес древнего мира — маяка Фарос в Александрии. Старый форт в наши дни пустует, там нет ни жителей, ни гарнизона, мне пришлось пробираться сквозь пыльные, похожие на пещеры комнаты, через окна-амбразуры которых открывались фрагменты окружающего пейзажа, спускаться по каменным лестницам под аккомпанемент волн, набегавших на северную стену крепости.

Крепость выстроена на природной скале, а часть огромных гранитных блоков, которые лежат в воде вокруг острова, вероятно, принадлежала еще древним строениям. Насколько я знаю, некоторые вырезаны из асуанского гранита, но разглядеть их можно только с корабля или лодки.

Когда арабы покорили Египет, маяк все еще действовал. Говорят, он был шестисот футов в высоту, то есть в два раза выше собора Св. Павла в Лондоне, и представлял собой каменное строение из нескольких ступеней-башен, каждая из которых была меньше расположенной ниже. Первая ступень была квадратной в плане, вторая, вероятно, восьмиугольной, а венчающий строение фонарь — круглым.

Каменные блоки крепили расплавленный свинец, который надежнее цемента противостоял ударам морской стихии. Считается, что в маяке Фарос было 300 комнат, а к нижней части здания вел наклонный пандус, по которому могли въезжать колесницы. Ослы, нагруженные топливом, постоянно поднимались к маяку, когда с них снимали поклажу, дрова доставляли на самую вершину с помощью подъемных машин.

Древние авторы рассказывают, что с кораблей могли заметить луч маяка за девятнадцать миль, но никому не удалось установить, умели ли древние греки использовать линзы. Писатели классической эпохи так сильно восхищались Фаросом, что не уделяли должного внимания описанию принципов конструкции и того, как работал световой механизм. Полагаю, они считали это общеизвестным фактом; наверное, не могли даже представить, что наступят времена, когда от великого строения не останется камня на камне.

Арабские историки с доводящей до умоисступления невнятностью говорят о «большом зеркале» на вершине маяка, которое можно было поворачивать так, чтобы ловить солнечные лучи и зажигать корабли на море. Еще до нас дошло предание, что, глядя сквозь зеркало, можно было увидеть корабли в самом Константинополе! Если собрать все вместе, складывается представление, что перед нами описание телескопа и увеличительных линз. «Зеркало» характеризуется как «прозрачный камень», то есть стекло.

Фарос погиб следующим образом. В IX веке шпион-христианин был направлен из Константинополя, чтобы разрушить механизм маяка, поскольку тот служил мусульманским мореплавателям. Посланник нашел такой способ выполнения поставленной задачи, который определенно свидетельствует о его национальной принадлежности: он точно был соотечественником Улисса.

Войдя в доверие халифа аль-Валида, он заявил, что под основанием механизма спрятан огромный клад. На Востоке нельзя изобрести более надежный способ уничтожить здание.

Почти полностью разобрав Фарос, арабы заподозрили обман. Они попытались сложить блоки заново, но не смогли поднять и снова установить большое зеркало. Драгоценная реликвия, которая могла

бы сегодня разрешить загадку работы Александрийского маяка, упала с высоты башни и разбилась вдребезги.

Оставаясь в течение многих столетий в полном небрежении, полуразрушенный Фарос был еще различим в 1375 году, и если бы землетрясение не обрушило его останки в море, может быть, простоял бы до нашего времени.

Арабы называли Фарос словом *манар* — «место, где горит огонь»; оно является родственным еврейскому понятию *менора* — светильник, так называют особый ритуальный семисвечник. Слово *манар* с Фароса перешло на высокие молитвенные башни при мечети — *манарет* или *минарет*. Я где-то читал, что с архитектурной точки зрения Фарос был предтечей всех минаретов, но доктор Кресвелл, крупный авторитет в подобных вопросах, рассказывал мне, что самым древним из известных минаретов является башня в Дамаске.

3

В Александрии я встретил человека, который верил, что тело Александра Македонского все еще лежит в пределах города и его в любой момент могут обнаружить. Эта поразительная теория не является столь фантастичной, как может показаться на первый взгляд; во всяком случае, показателен интерес к ней специалиста, знающего все, что только известно об археологии Александрии, а именно господина Брешиа, ранее хранителя Муниципального музея.

После того как тело Александра доставили из Вавилона, его положили в роскошной гробнице в Александрии, где впоследствии хоронили всех

представителей династии Птолемеев, включая и знаменитую Клеопатру.

Мавзолей Александра являлся своеобразным центром необычайного собрания венценосных покойников и, очевидно, был открыт для посетителей. Царя похоронили «на македонский манер»; то есть положили тело на каменную плиту, как на ложе посреди комнаты, из которой вел открытый проем в другое помещение, где стояли каменные скамьи и центральный алтарь (к последнему время от времени приходили родственники и совершали трапезу и ритуальные приношения; так поступают в наши дни мусульмане у могил современного Каира). Недавно в Чатби близ Александрии найдены под землей многочисленные эллинистические захоронения, которые в более скромной форме воспроизводят роскошную гробницу Александра Великого.

Мумия Александра была заключена в золотой гроб, в котором пребывала до правления Птолемея IX, который расплавил гроб, чтобы расплатиться с сирийскими наемниками. Тело перенесли в хрустальный гроб, в котором его видел Страбон, посетивший Александрию в 24 году н. э. Римские императоры проявляли почтение к могиле завоевателя. Август нанес благочестивый визит, а Каракалла оставил там свою мантию, пояс и украшения в качестве подношения, и даже в поздний античный период тело Александра, судя по всему, оставалось в хрустальном гробу.

Была ли гробница разграблена во время восстаний и войн III века или когда вся Александрия превратилась в руины вскоре после арабского завоевания — никто не знает, так как исторических записей не сохранилось. Маловероятно, чтобы гробницу царя, которого почитали не только греки с римлянами, но и арабы — ведь он является героем и в Коране, — могли тайно разграбить, и чтобы никто не оставил нам никаких известий об этом.

То, что гробница (Сема) затерялась среди руин царского дворца, ясно по замечанию в одной из гомилий святого Иоанна Златоуста. Он спрашивает: «Скажите мне, где Сема Александра?» Понятно, что он спрашивает о чем-то неизвестном и недостижимом. Так что к концу IV века местоположение гробницы Александра было забыто.

Археологи полагают, что сегодня на месте Семы Александра находится древняя мечеть, посвященная глубоко почитаемому святому, едва ли не пророку Даниилу. Те, кто верит в теорию, что тело Александра было утрачено, считают, что «Даниил» и есть Александр: «Все говорит о том, что гробница Александра находилась в районе нынешней мечети Неби Даниель, если не под самой мечетью», — утверждает Брешиа. Идея заключается в том, что арабы обнаружили пышную гробницу с неизвестным телом, которое назвали останками Даниила, и выстроили над этим местом мечеть.

Участок под мечетью никогда не исследовался; каждый раз, когда возникали подобные предложения, на пути ученых вставали непреодолимые возражения, основанные на религиозных взглядах. Мысль о том, что «Даниил» и есть Александр, не нова: она существует уже несколько веков. Когда выдающийся путешественник Джордж Сэндис, чьи останки покоятся в церкви Боксли под Мэдстоуном, посетил Александрию в 1610 году, он увидел «маленькую часовню с могилой, весьма почитаемой и посещаемой магометанами, куда они приносят подношения, полагая, что его (Александра) тело лежит в этом месте».

Семьдесят восемь лет назад эта история получила продолжение: некий драгоман по имени Шилицци, служивший при консульстве России, заявил, что спускался в погребальную камеру под мечетью. Он утверждал, что в 1850 году проник в подземелье под

мечетью и там нашел деревянную дверь с дырой. Заглянув в нее, он разглядел «человеческое тело с венцом на голове» и в стеклянном сундуке. Фигура не лежала ниц; насколько он мог понять в слабом свете, мертвец сидел на некоем подобии трона или на возвышении. Вокруг были рассыпаны книги и папирусы.

Эта история всегда считалась выдумкой драгомана, и ей не придавали большого значения. Даже если мы сочтем Шилицци лжецом, надо признать, что в его рассказе звучит голос столетий.

Когда я посетил мечеть Неби Даниель, возле которой ныне проходит трамвайная линия на Шарию, она оказалась закрыта по случаю какого-то праздника. Это совершенно обычное строение с минаретом и несколькими куполами, с симпатичным садиком позади, в котором растет несколько пальм.

4

Я решил поехать по новой пустынной дороге из Александрии в Каир, чтобы увидеть четыре коптских монастыря в Вади Натруне — долине, расположенной как раз на середине пути между двумя городами. Я выехал в шесть утра и вскоре мчался по прямой римской дороге, в наши времена заасфальтированной, которая посреди пустыни выглядит весьма неожиданно. Она похожа на черную ленту, протянувшуюся к небу, а по обеим сторонам раскинулась сухая, желтая пустота. Однако это опасная и обманчивая дорога. Она плоская лишь на небольших участках, на ней много глубоких впадин, полностью скрывающих от взгляда встречную машину, пока та не выпрыгивает прямо на вас. В какой-то момент перед нами внезапно, словно демон в пантомиме, возник грузовик, ехавший на скорости 50 миль в час; и если бы мы, следуя обычной египетской

привычке, ехали по неверной стороне дороги, нас бы уже ничто не спасло.

После десяти миль узкая дорога вдруг свернула к западу. Я увидел, что она ведет к разрушенному городу Мины — святого, не слишком известного на Западе. Мне стало интересно, что осталось от поселения, так что мы съехали с основного пути и оказались среди бесконечных песчаных дюн.

Я впервые заинтересовался святым Миной в маленьком магазинчике на Вест-Хилл в Уондсуорте. Это единственное заведение такого рода, известное мне в Лондоне, там можно купить фрагменты древнего мира по абсурдно низкой цене. Среди множества обломков керамики я нашел несколько плоских глиняных бутылок, на каждой был рисунок-отпечаток: человек в римском облачении, по обе стороны от которого стоят два животных, похожих на верблюдов. Купив их, я выяснил, что это бутылки для масла, которые паломники привозили из церкви Св. Мины в Мареотиде, а фигура на сосуде изображает самого Мину.

Мина родился в III веке в христианской семье, после молитвы его матери, обращенной к иконе Богородицы. Едва завершив молитву, она услышала голос, исходящий от иконы, который обещал исполнение ее желания, а потом раздалось «аминь». Когда родился ребенок, его назвали Аминь, или Мина — обычная огласовка на Востоке. Он вырос и пошел служить в армию и через несколько лет стал военным комендантом. Когда Диоклетиан начал гонения на церковь, в обязанность Мине вменили арест христиан на подведомственной ему территории. Он отказался это делать, ушел в пустыню и обратился за помощью к Господу; стоя на коленях, он услышал голос: «Те, кто страждет во имя Христа, будут носить такие венцы». Мина взглянул вверх и увидел группу мучеников в венцах, сияющих ярче золота.

Он вернулся в город и заявил, что является христианином. Его подвергли пыткам и мучениям, а когда он умер, тело сожгли во Фригии, в местечке Котия. Через некоторое время, когда солдаты-христиане уходили в Египет, они забрали с собой останки Мины. Отдельные источники рассказывают, что во время этого путешествия из моря появлялись странные существа с головами как у верблюдов, которые пытались лизать мощи святого, но вспыхивал огонь, прогонявший их обратно в пучину.

Мину похоронили под полом дома, в котором он был рожден, неподалеку от озера Мареотис. Когда христианам вновь пришлось уходить, они решили вновь забрать с собой мощи Мины, но верблюд, на которого их погрузили, отказался идти. Привели другого верблюда, но и тот не желал подчиняться; тогда солдаты, увидев в этом волю Бога, захоронили останки святого там, где стояли верблюды, а сами ушли.

Могила пребывала в полном забвении вплоть до того дня, когда один из пастухов проходил мимо со стадом овец. Там находился источник, и когда одна паршивая овца вошла в воду и стала кататься по земле, пастух увидел, что животное исцелилось. Новости о целебном источнике быстро разнеслись по округе и далее и наконец дошли до Константинополя, а в это время дочь императора заболела проказой. При дворе приняли решение направить ее в Александрию, в надежде на силу целебного источника, способного совершить то, что не удалось врачам. Слуги смешали ил с водой из источника и натерли тело девушки, а потом оставили принцессу на ночь возле водоема. Во сне ей явился Мина и поведал, что похоронен в этом месте. Принцесса вернулась к отцу исцеленной, и император воздвиг прекрасную церковь над источником в знак благодарности. В IV веке император Аркадий обновил этот храм.

К тому времени святилище Мины прославилось уже во всем христианском мире. С V по VII век это был египетский аналог современного Лурда. Паломники прибывали со всего света, чтобы поклониться могиле святого и получить воду источника, которую продавали в небольших глиняных сосудах с изображениями Мины и верблюдов.

Как и другой святой воин, святой Сергей из Ресафы, Мина пересек Средиземное море, ему посвящали церкви в Риме, Арле и Кельне. Римская церковь находилась на Виа Остия, неподалеку от моста через Алмон, при впадении этой реки в Тибр. Около 1350 года к ней присоединили больницу под названием Дом Леклерка, которая, несомненно, служила «религиозным центром александрийской колонии моряков и купцов, что вели дела в Риме». И церковь, и больница до наших дней не сохранились.

Мы проехали миль 10-12 по песчаной пустыне, было очевидно, что дорогой этой пользуются чрезвычайно редко. Смотреть было не на что, вокруг раскинулась бурая плоская равнина с приземистыми холмами, а над ней ослепительно сияло голубое небо. Пока мы ехали, я задумался о том, насколько буквальным было именование римских солдат первых трех веков нашей эры «воинами Христа». Многие святые египетского мученика были римскими солдатами, обратившимися в христианство, принявшими мученическую смерть во имя Спасителя. Рядовые и офицеры плечом к плечу стоят в ряду египетских святых в таком количестве, что может показаться: плащ апостола превратился в военное одеяние.

Внезапно Михаил указал вперед и сказал: «Абу Мина!» Всмотревшись в желтое марево, я заметил руины большого города, давным-давно заброшенного посреди пустыни. Вскоре я уже пробирался через развалины,

пытаясь найти древние проходы и улицы, рассматривал горы обломков, в которых сверкали снежно-белые осколки мрамора. Я нашел самую большую из трех церквей — великолепную базилику Аркадия. Какой прекрасной она была, когда сверкала разноцветным мрамором диковинных сортов! Пол ее был вымощен полированным камнем ярких оттенков, кровлю поддерживали 56 колонн с богатыми резными капителями, от которых сохранились лишь базы да несколько рухнувших вершин.

Руины представляются загадочными, пока не поймешь, что три крупные церкви, относящиеся к различным эпохам, были выстроены рядом, по оси «восток — запад», образуя единый огромный комплекс, однако все они оставались самостоятельными строениями, и у каждой было особое назначение. Первая церковь — красивый восьмиугольный баптистерий; даже в разрушенном виде он великолепен. В центре мраморного пола установлена удлиненная мраморная купель, предназначенная для одновременного крещения большого количества новообращенных. Она находится вровень с полом, и чтобы войти в воду, нужно спуститься по мраморным ступеням; потом принимавшие крещение проходили вдоль купели и поднимались по ступеням с противоположной стороны.

Вторая церковь также относится к раннему периоду. Это оригинальное сооружение, в центре которого, словно столп святого Симеона в Калаат Симан, высится мраморная балюстрада, а от нее ступени ведут вниз, в погребальную камеру — крипту Мины. Третья церковь выстроена, в виде гигантского креста, ее соорудили при императоре Аркадии; ограниченный колоннами неф ведет к высокому алтарю, установленному на пересечении с широким трансептом. Алтарь расположен под мраморным навесом, опирающимся на мраморные

колонны, а за ним — остатки кафедры внутри полукруглой мраморной апсиды.

Повсюду вокруг церкви лежат остатки приютов для паломников, лавок, бань, гончарных мастерских, в которых изготавливали маленькие сосуды с изображениями Мины. Здесь, в Египте, пятнадцать и даже более столетий назад толпы калек и родственников тяжело больных людей, не способных перенести тяготы путешествия, собирались помолиться в святилище и унести домой драгоценное масло и воду из святого источника в крошечных сосудах, отмеченных образом римского солдата и двух верблюдов.

Я задумался о том, как быстро смог превратиться в руины столь большой и процветающий город. Его поздняя история не вполне известна, но, несомненно, после начала мусульманского завоевания на него обрушивалась одна катастрофа за другой, и кульминацией стало разрушение целого города для того, чтобы обеспечить камнем строительство в Самарре под Багдадом при халифе Мутасиме около 836 года н. э. Полагаю, если тщательно присмотреться к зданиям в Самарре, возведенным в стране, где вообще нет подходящих для постройки камней, удастся найти немало следов некогда величественного центра поклонения святому воину из Египта.

Несмотря на века ислама, христианство в Египте оказалось очень «устойчивым», и после длинной череды потрясений и несчастий свечи все еще горят в храмах, а благовония курятся перед алтарями. Так было и в святилище Абу Мины.

После того как халиф приказал разрушить город, а тысячи тонн мрамора были вывезены в Ирак, после того как почти все мостовые и каменные полы увезли прочь, церковь была отстроена заново; в XI веке она процветала. Арабский автор эль-Бекри сообщает подробности. Он путешествовал по этой местности и

увидел «большую церковь, в которой стояли статуи и скульптуры отменной красоты. Лампады горели день и ночь беспрестанно. В одном конце здания — большой купол, в котором находится изображение человека, стоящего на спинах двух верблюдов, одна рука простерта, другая прижата к телу. Эта мраморная группа представляет, как говорят, Абу Мину».

Эль-Бекри также приводит некоторые любопытные сведения: якобы часть церкви служила мечетью! В одной части здания люди молились Христу, в другой — Мухаммаду, лев возлежал рядом с Агнцем, как это случилось и в монастыре на горе Синай, где по сей день мечеть расположена внутри христианских стен, бок о бок со старейшей в мире церковью.

Антуан де Коссон, который изучал египетский район Мареотида и чья книга «Мареотида» представляет единственный труд такого рода, поделился со мной своим убеждением: окончательный удар по святилищу Абу Мина нанесла Черная смерть. Он считает, что в место исцеления пришла чума, и даже святой Мина ничего не смог с этим поделать. Опустевший и заброшенный, город пришел в полный упадок. Землетрясения довершили дело. Год за годом ветер приносил песок, засыпающий камни, пока само имя города не было забыто. Но время от времени находят маленькие плоские сосуды с изображением Мины, стоящего между верблюдами. Лишь в 1905 году монсеньор Кауфманн из Франкфурта проводил розыски в пустыне и сумел опознать в загадочных развалинах, называемых арабами Тель Абума, город паломников, утраченный пятью столетиями ранее. Он получил разрешение на проведение раскопок, и его находки ныне лежат под синими небесами Египта.

Мы поехали дальше, в сторону Каира; единственными признаками жизни, которые мы увидели по дороге, были шатер, бензоколонка и недостроенное каменное здание. Из шатра появился грек, который подал нам свою карточку; я прочитал его имя: «Д. Ксенофон» — то есть Ксенофонт, на старинный манер. Во время обеда в шатре господин Ксенофон объяснил мне, что новая дорога на Александрию требует создания пунктов для отдыха и ночлега, и потому он решил построить в пустыне гостиницу. Это и было недостроенное здание, которое я видел. После обеда мы обошли вокруг будущей гостиницы, поднялись по опасным лестницам и оказались на крыше. Оттуда открывался великолепный вид на пустыню.

Господин Ксенофон, вероятно, даже не предполагал, что облегчает доступ к одной из наиболее интересных достопримечательностей Египта, последним четверем населенным монастырям Вади Натрун. Лишь немногие путешественники посещали их в прежние дни, и Роберт Керзон, наверное, — самый известный автор, описавший утомительную поездку на верблюдах, которая была прежде единственным способом попасть к монастырям. Требовалось взять с собой шатер для ночлега и неоднократно его разбивать, пока наконец путь не приводил к монастырям. Но сегодня возможно туда добраться от Александрии или Каира за два-три часа, осмотреть все неспешно и без усилий, а по дороге остановиться на отдых у господина Ксенофона.

Сразу после шатра с отелом пустынная равнина пошла под уклон к западу, этот спуск постепенно переходил в долину примерно двадцати миль длиной, расположенную на семьдесят шесть футов ниже уровня моря. Это и есть Вади Натрун — долина Натра. В самой глубокой точке долины находятся озера, летом почти полностью пересыхающие, но во время разлива Нила вновь наполняющиеся водой, которая поступает по

подземным каналам. В жаркий сезон вода активно испаряется, оставляя концентрированные отложения соды (натра); это вещество входит в состав карбоната и гидрокарбоната натрия, которые содержатся в озерной воде.

Натр (соду) собирали в долине в течение тысячелетий. Древние египтяне использовали натр при мумификации, при производстве стекла, приготовлении пищи и в медицинских целях. Современные египтяне используют соду при изготовлении стекла и мыла, отбеливании льна, а кое-кто имеет привычку добавлять соду в табак и жевать эту смесь.

Распрощавшись с господином Ксенофоном, мы двинулись вниз по песчаному склону, медленно спускаясь в жаркую, безветренную долину, а я вглядывался вперед с неподдельным напряжением, желая поскорее увидеть монастыри, существующие в Вади Натрун с IV века.

Египет — родина монастырей, собственно говоря, монашеское движение — дар Египта христианской церкви. Первые христианские монахи и монахини появились в IV веке, они уходили в пустыню, чтобы остаться наедине с Господом, вести уединенную жизнь, наполненную постом и молитвой. Необычным это движение сделал его общенациональный характер. За одно поколение пустыня покрылась монастырями и скитами, причем состав монахов был смешанным. Старые и молодые, богатые и бедные, — все искали духовной жизни. Целые города были населены монахами и монахинями, например Оксиринх. В верховьях и низовьях Нила храмы старых богов превращались в монастыри. На склонах пустынных и негостеприимных гор, на плоских равнинах выжженного песка вырастали все новые обители; в пещерах и древних гробницах

поселялись отшельники, с ужасом глядевшие на картины, нарисованные на стенах предками.

К концу столетия правительство всерьез обеспокоилось провалом попыток поднять налоги, а также тем, что значительная часть молодых мужчин страны предпочитала монашескую жизнь и отказывалась идти на военную службу. Администрация той эпохи сталкивалась с ситуациями, когда целые города и районы приносили обеты безбрачия, возникла угроза исчезновения нации, испытывавшей предельный страх перед физическим миром и необходимостью существования в нем.

Это был странный, темный период в египетской истории. Все знают о фараонах, хорошо известен арабский период. А между этими эпохами — совершенный провал на четыре-пять веков, в течение которых история египетского народа превращается в загадку. Именно в это время нация изменила привычки и основополагающие характеристики.

Древние египтяне, которых мы так хорошо знаем, были людьми, любившими посмеяться, предпочитавшими простые и удобные житейские вещи. Мы видим их изображения на стенах гробниц: они сидят в тени виноградников, слушают музыку, наблюдают за танцовщицами; они собираются вокруг пиршественных столов, выпивают — иногда сверх меры, поедают в огромных количествах изысканные яства. Затем опускается занавес истории. Некоторое время мы знаем только о греках и евреях, проживавших в Александрии. Потом занавес над Египтом вновь поднимается — но можно ли поверить, что перед нами потомки прежних египтян? Пожалуй, это самая потрясающая трансформация в истории! Мы видим народ в рубище посреди руин и пепелищ. Это полуобнаженные аскеты-отшельники воздевают иссохшие руки к Господу и обитают в самых уединенных местах. Тысячи мужчин и

женщин по собственной воле обращаются к нищете и самоограничению. Нация словно хочет изгнать все телесные желания, чтобы душа могла восстать в торжестве. Таков Египет отцов-пустынников.

Древние египтяне, как, впрочем, и современные, верили, что пустыня населена злыми духами, и это одна из причин, почему отшельники уходили туда жить: они добровольно шли в «страну сатаны», чтобы испытать силу своей веры в противостоянии злу, которое, как им представлялось, существовало повсюду. Ошибочно полагать, что эти люди уходили в пустыню, чтобы избежать искушений. Совсем наоборот, ведь для египтянина той эпохи пустыня таила больше искушений, чем город, причем соблазны были сверхъестественными, а значит, преодолеть их было намного труднее.

Отшельник, оберегавший душу в пустыне, ни на мгновение не мог ослабить бдительность, иначе им овладели бы демоны. Он был постоянно начеку, осматривая крепость своей души, все время ждал нападения врага, вылазок его шпионов — ведь сатана непрерывно посылает к людям лазутчиков. Они приходят тайно, порой в облики святых мужей, говорят с напускным благочестием; а потому любой отшельник должен внимательно присматриваться к облику пришедшего, вслушиваться в его, казалось бы, добрые слова, проникать в суть явлений, если не хочет поддаться соблазнам. Опасным соперником считалась «дочь сатаны», в существование которой твердо верили ранние отшельники. Это была женщина вполне приличная и скромная с виду, которая, как все адские бесы, чувствовала себя уверенно и свободно в пустыне, зачастую отец посылал ее, когда более прямолинейные меры против аскета не срабатывали.

Отшельники знали единственный способ удержать зло на расстоянии — непрестанную молитву. Враги во главе с сатаной были бессильны против чистой души

истинно святого человека. Так величайшие отшельники, постоянно окруженные сонмами демонов, оставались в безопасности, защищенные крепостью своей святости. Каждый отшельник возводил вокруг себя стены молитвы, и они росли все выше и крепились с годами. Днем и ночью он стоял на коленях, общаясь с Господом, непрестанно добавляя новые кирпичики к бастиону спасения.

Святой Антоний — один из таких вечных молитвенников — был одним из наиболее преследуемых демонами отшельников. И это вполне естественно, ведь чем более велик человек, тем слаще триумф сатаны, сумевшего его соблазнить; чем выше и неприступнее крепость его веры, тем глубже и полнее удовлетворение врага при падении цитадели Бога. Имя Христа и знак креста — два надежных средства защиты от атак бесов. Когда Антоний видел, как они крадутся по стенам его духовной крепости, выискивая возможную брешь в обороне, он зачастую поступал так: дул на бесов и совершал знак креста — и бесы растворялись в воздухе, хотя за мгновение до того казались существами из плоти.

Чтобы стать монахом, необходимо было не брать с собой в пустыню ничего, кроме любви к Господу, смирения и твердого намерения изгнать все телесные желания. Авва Даниил говорил: «Когда тело растет, душа слабеет; когда тело изнуряется, душа крепнет», а другой святой муж, Авва Пимен, утверждал: «Дух Божий никогда не входит в дом, где обитают наслаждения и удовольствия».

Сухари полугодичной давности, размягченные в воде, соль и травы, — вот обычный рацион монаха, а крайние аскеты вообще не ели в течение дня. Монах позволял себе небольшую трапезу вечером, но стремился смирять голод, провести без пищи двое суток, затем — трое и так далее, пока ему не удавалось без

особого труда поститься целую неделю кряду. Наиболее суровые отцы полагали, что даже сухари воспаляют страсти. Феодот говорил: «Воздержание от хлеба успокаивает плоть монаха». Другие отказывались употреблять в пищу приготовленные травы, а идеалом считали следующее правило: «Есть траву, облачаться в траву, спать на траве», и эта максима нередко применялась на практике.

Молчание также было обычным правилом монашеской жизни. Арсений рассказывает, что даже чирикание воробья может отвлечь монаха от установления мира в сердце и душе, а шум ветра в тростнике делает покой абсолютно невозможным. Разговорчивый по природе монах Агафон научился молчанию так: он в течение трех лет держал во рту камень. Сон тоже полагалось ограничивать. Арсений практиковался до тех пор, пока не привык ограничиваться одним часом сна в сутки. Авва Сысой имел обыкновение проводить ночи на самом краю обрыва, так что мгновение забытья привело бы к падению и гибели.

При этом сохранилось такое предание: великий аскет Макарий Египетский посещал заболевшего брата и спросил, чего тот желает; брат ответил: «Я бы хотел медовых пряников». Макарий вышел, не сказав ни слова, отправился за шестьдесят миль в Александрию и раздобыл желаемое. Любовь и милосердие были важны не менее смирения и воздержания. Как-то раз, когда святой епископ Аммон посещал общину, его попросили принять меры, ибо один из монахов поселил в своей келье женщину. Братия, разгневанная таким кощунством, просила Аммона изгнать недостойного из общины. Епископ вошел в келью, чтобы проверить лично (он прекрасно знал, что женщина прячется под огромным сосудом для воды), и сел на этот сосуд, пока остальные монахи обыскивали келью в поисках

сатанинской посланницы, а когда они ушли, епископ сказал грешному монаху: «Береги душу свою», — и спокойно покинул келью.

Наивное очарование пустынной жизни можно прекрасно проиллюстрировать историей, рассказанной Руфином в «Истории монашества в Египте».

Два древних отшельника мирно жили вместе в течение многих лет.

Наконец один в простоте сказал другому: «Давай поссоримся, как это делают прочие люди». И когда другой ответил, что не знает, как ссориться, первый заявил: «Смотри, я положу между нами камень; я скажу, что он мой, а ты ответишь, это не так, он твой, — и мы поссоримся». Он положил камень между ними и заявил: «Этот камень мой!», а другой ответил: «Нет, мой!» И первый сказал: «Говорю тебе, он не твой, а мой!» А второй произнес: «Если он тебе нужен, возьми его». И так они не смогли продолжить спор, потому что привыкли жить в мире.

Еще одну замечательную историю рассказывает Палладий, много лет проживший среди монахов: речь идет о тяжелой работе в монастыре. Одна женщина пришла к сестрам и выполняла так много обязанностей, что, по словам Палладия, служила «метлой всего монастыря». На голове она носила кусок неровно обрезанной рогожи вместо аккуратного платя, как у других сестер. Ей никогда не разрешали садиться рядом с остальными, а когда она ела, никто не смотрел на нее. Она никогда не прикасалась к целому куску хлеба, но удовлетворялась объедками от трапезы сестер, а пила воду, которую сливали после мытья посуды.

В то время святой Авва Питерий, «чудесник», как называет его предание, жил на горе Порфир, к нему явился ангел и сказал, что в женском монастыре в Табенне обитает женщина, намного превосходящая его в святости. Отшельник принял этот упрек (а святой сильнее всего страдает от подобных упреков), ангел велел ему пойти в монастырь и найти там сестру, которая носит на голове кусок грубо обрезанной рогожи. «Все ее сердце обращено к Господу, — заключил ангел. — В то время как ты, хотя и живешь здесь, умом скитаешься по многим странам».

Когда святой прибыл в женский монастырь, все сестры собрались, чтобы получить его благословение, не было среди них только «метлы всего монастыря». Оглядевшись вокруг и не заметив сестры, голова которой была бы прикрыта куском рогожи, Питерий спросил о ней. Ему ответили: «Господин, она не заслуживает внимания». Но Питерий ответил: «Приведите ее, чтобы я мог увидеть». Сестры едва ли не силой привели упирающуюся женщину, которую оторвали от тяжелой работы. Как только Питерий увидел ее, он низко поклонился и произнес: «Благослови меня, мать», а она пала к его ногам со словами: «Благослови меня, господин». Когда изумленные сестры попытались вмешаться, уверяя, что эта сестра вовсе не является почтенной и достойной его внимания, Питерий в гневе обернулся к ним и закричал: «Вы сами не заслуживаете внимания, а эта женщина — мать вам и мне, и я молю Господа, чтобы он даровал мне место рядом с ней в Судный День!» Тогда сестры склонились к ее ногам и просили у нее прощения за то, как вели себя прежде.

Это не конец истории. Мне представляется, что финал весьма характерен для описания пустынной жизни. Палладий рассказывает, что, лишившись возможности смиренно нести свое покаяние и

избавиться от внимания сестер, окружавшего ее с этого момента, смиренная монахиня исчезла из общины, никто не смог найти ее следов — «и никто не знает, где она скончалась».

Основателем монашеского движения был святой Антоний, искушения которого так широко прославлены. Хотя и до него существовали отдельные отшельники, он считается создателем монашеским правил, потому что был первым святым, вокруг которого сгруппировались монахи, желавшие подражать его образу жизни.

Антоний был сыном состоятельных египтян, он родился в Среднем Египте около 250 года н. э. Он был застенчивым хрупким ребенком и не ходил в школу, поскольку не мог переносить грубость других мальчиков. Он вырос, не выучив греческий язык, и так и не стал книжником. Когда ему исполнилось двадцать лет, отец умер, оставив Антонию немалую собственность и малолетнюю сестру, о которой требовалось заботиться. Однажды в церкви Антоний услышал глас Божий: «Если хочешь обрести совершенство, иди и продай все, что у тебя есть, раздай деньги бедным, и ты обретешь сокровище на небесах; следуй за Мной».

Антоний распродал свое имущество, оставил сестру на попечение благочестивой женщины, а потом нашел убежище среди развалин неподалеку, где прожил в одиночестве следующие двадцать лет. Его аскетизм, перенесенные искушения и триумфальная жизнь в молитве заслужили ему славу по всему Египту, так что через некоторое время святому стали сильно докучать посетители. Он ушел в более безлюдные места. Постепенно вокруг Антония стали собираться люди, которые желали походить на него, и перед ним вновь встал выбор: уйти от них или возглавить общину. Когда Антоний вышел из кельи и стал наставлять братию, это был исторический момент; именно тогда зародилось монашеское движение.

Но даже при этих условиях ему требовалось жить в одиночестве во имя спасения своей души. Присоединившись к каравану, Антоний пересек Аравийскую пустыню и высоко в горах нашел пещеру, где оставался до самой смерти. Монахи посещали его, чтобы получить наставления, он приходил к ним довольно часто, чтобы наблюдать за их образом жизни. По меньшей мере дважды он ездил в Александрию, где его появление было настоящей сенсацией. Первый раз это произошло во время гонений Максимиана, и святой оказался в тюрьме, а во второй раз он пришел, чтобы поддержать своего друга, святого Афанасия, в борьбе против еретиков-ариан.

Антоний умер в возрасте ста пяти лет, к этому времени все его имущество составляло две овечьи шкуры. Одну он оставил святому Афанасию, другую — Серапиону, епископу Тмуиса. Всю жизнь его преследовал ужас перед мумиями и мумификацией, поскольку среди египетских христиан сохранялся обычай мумификации мертвых, и мумии на некоторое время оставляли в доме, чтобы ушедшего из жизни смогли посетить друзья и родственники. Престарелый Антоний просил двух учеников, заботившихся о нем в последние годы, похоронить его в земле, в некоем тайном месте, после чего старец упокоился в Боге с благословением на устах; и никто не знает, где он лежит.

И все же вдохновитель монашеского движения святой Антоний не был его организатором. Он был мечтателем и визионером, настоящим идеалистом, но никак не практичным человеком. Его преемники были аскетами-одиночками, которые следовали лишь тем правилам, каковые были у них в головах, они не ставили перед собой иных задач, кроме воздержания, в котором подражали учителю. Гениальным организатором монашеской жизни стал Пахомий — египтянин,

родившийся в языческой семье около 285 года н. э. Предания гласят, что он обратился в христианство, наблюдая за стойкостью мучеников в эпоху гонений Диоклетиана. Он служил в армии при Константине, и нет сомнений, что привычка к порядку и дисциплине, которую он привнес в индивидуалистическое существование пустынных, была следствием военной подготовки. Покинув армию, он отправился для обучения к отшельнику из Фиваиды, а потом занялся созданием монастырей со строго определенным образом жизни. Монахи должны были трудиться, чтобы обеспечить себе пропитание, причем каждый делал то, чем занимался в миру. Жилища стояли по отдельности, и в них люди поселялись в соответствии с видом деятельности: «дом банкиров», «дом гончаров», «дом ткачей» и т. д. Все монастыри управлялись настоятелями, а все дома — старейшинами. Как настоящий солдат, Пахомий предписал монахам единообразную одежду, именно он изобрел сутану. Монахи носили рубище из грубой ткани, перевязанное веревкой, с капюшоном, откидывавшимся назад, а за трапезой прикрывавшим голову и бросавшим тень на лицо. Спали в кельях по трое, питались в общей трапезной. Каждый монастырь представлял собой хорошо организованное поселение по образцу военного лагеря. Его окружала стена, внутри стояла церковь, трапезная, библиотека, кухня, мастерские, прачечная, больничная палата, в каждом монастыре непременно разбивали сад.

Новички, желавшие вступить в один из монастырей, основанных Пахомием, должны были несколько дней провести в ожидании перед воротами, их обучали пению определенных псалмов и произнесению молитв, этим занимался брат-привратник. Затем следовал длительный проверочный период, лишь после завершения которого они могли стать монахами. Безбрачие, бедность, послушание, труд — все это

входило в правила монастырей Пахомия. Монахи занимались ручным трудом, продавали изготовленное на ближайших рынках, а полученные средства шли на содержание монастырей. Дисциплина в общинах была очень строгой, настоятель имел право сурово наказывать нарушителей.

Система Пахомия опустила монашеский идеал с небес на землю, она продолжала существовать бок о бок со старым образом жизни отшельников, причем эти системы ни в каком смысле не были соперницами. Места хватало тем и другим. Антоний слышал о практике Пахомия и высоко ее ценил, он даже выражал сожаление, что никогда не встречался с создателем такой системы. Хотя Пахомий был намного моложе Антония, он умер на десять лет раньше святого.

Образ жизни отшельников всегда был в Египте популярнее, чем организованные Пахомием монастыри, а житие святого Антония, написанное Афанасием Александрийским, сделало этот монашеский идеал известным и на Западе. Возможно, проживи Пахомий дольше, западному миру не пришлось бы ждать рождения святого Бенедикта.

Сегодня в Египте лишь семь действующих монастырей. Четыре из них находятся в долине Вади Натрун, в знаменитом районе Скетис; еще один — в Асьюте; два — в Аравийской пустыне, неподалеку от Красного моря, это Дейр Авва Була — монастырь Св. Павла, а также Дейр Авва Антоний — монастырь Св. Антония.

История этих монастырей восходит к IV веку, это старейшие христианские обители в мире. Вообразите, с каким интересом ехал я по песчаным склонам Вади Натрун с целью увидеть современных египетских монахов, узнать, как они живут, как выглядят и что сохранилось у них от прославленных предшественников.

Склоны медленно спускались к натриевым озерам, возле которых поднимались к небу красные кирпичные трубы химического завода, раскинувшегося посреди песков. Завод в пустыне представлял собой весьма необычное зрелище. Мне он показался доисторическим монстром, пришедшим напиться насыщенной содой воды; это создание словно понимало свою уязвимость на открытой местности, а потому высоко подняло красную шею и настороженно вглядывалось вдаль.

Рабочие завода жили в деревне по соседству, там же находился и местный пункт пограничной администрации. Заслышав звук нашей машины, дежурный, а также все население, не занятое на производстве, включая детей и собак, вышли приветствовать путников. Капитан пограничного поста вежливо поинтересовался, куда я следую, а затем предложил послать со мной шейха и сержанта. Шейх оказался человеком средних лет с роскошными усами. Его *кеффийю* скреплял массивный золотой обруч (прежде я видел нечто подобное лишь у одного из представителей королевской семьи Аравии), а на поясе красовалась кожаная кобура, из которой виднелась рукоятка револьвера. Сержант был суданцем шести футов ростом в форме цвета хаки и с длинным хлыстом в руках — такие используют для управления верблюдами.

Оба новых спутника забрались в патрульную машину и поехали вперед, показывая нам дорогу по пескам, вздымавшимся барханами по всей пустыне Скетис — пустыне, без перерыва простирающейся на запад вплоть до границы Триполи, а затем дальше, до Сахары; три с половиной миллиона квадратных миль пустоты.

Поднимаясь на очередной бархан, мы заметили впереди три белых пятнышка на расстоянии примерно в четыре мили от нас: одно чуть в стороне, а два других совсем близко друг к другу. Так появляются на горизонте моря корабли, посреди монотонного пространства, где не на чем остановить взгляд. Это были стены пустынных монастырей. Остановив патрульную машину, шейх указал на них и назвал мне каждый из монастырей. Тот, что справа, немного на отшибе, — Дейр эль-Барам; дальше, в шести милях налево, Дейр Авва Бишой и Дейр эс-Сириани, которые расположены совсем близко, их разделяет лишь миля песков. В какой мы поедем сперва? Я выбрал Дейр эль-Барам. Но где же монастырь Дейр Макарий, самый знаменитый из четырех? Шейх указал налево и пояснил, что монастырь находится в двенадцати милях от нас, за пределами обозрения.

К тому моменту, когда три монастыря оказались как на ладони, я начал понимать, что все они построены по одному и тому же плану. Каждый стоит на возвышенности, имеет прямоугольные стены и единственные ворота. Вокруг нет абсолютно ничего — только пустыня, раскинувшаяся во все стороны, насколько хватает глаз. К воротам не ведут дороги, даже колеи не заметно, нет следов человеческих ног или отпечатков лап животных. Особое ощущение уединенности и даже тревожности создает отсутствие каких бы то ни было построек за периметром стен. Словно на темном столе стоят три белые коробки, и больше нет ничего.

Сначала передо мной были только стены, сверкавшие на солнце посреди песчаной равнины, но по мере того как мы приближались к Дейр эль-Барам, приземистые белые купола, верхушки зданий и пальмы постепенно стали выступать за линией стены. Каждый монастырь строили как крепость, способную выдержать

осаду и штурм, и вся их история способствовала развитию предусмотрительности и осторожности. Когда мы оказались в непосредственной близости от стен, внутренние строения уже скрылись за ограждением.

Шейх потянул за веревку колокольчика, висевшего довольно высоко на стене. Из-за стены донеслось приглушенное бряцание. Но ничего не произошло. Монастырь оставался тихим, как могила. Керамический сосуд с водой стоял на плоском камне у ворот, и шейх сказал мне, что таков обычай — «с давних, очень давних времен», — монахи всегда оставляют снаружи воду для путников и бедуинов. У каждого монастыря, объяснил он, есть подобный сосуд. Так у ворот одной из последних обителей отцов-пустынников я увидел реликвию милосердия и заботы о ближних, которыми славились и отшельники, и братские общины «золотого века» монашества.

Меня поразили не только крепость стены, но и ширина арки, составлявшей причудливый контраст с самими воротами. Арка была выстроена для гигантов, а ворота — для карликов. Не было нужды спрашивать о причине строительства столь малого и узкого входа: он красноречиво говорил об опасности набегов из пустыни.

Наконец мы услышали голоса, а потом увидели наверху смуглое лицо старика, разглядывавшего нас со стены, выражение лица у него было весьма озадаченное. На голове была белая шапочка, тело укрыто запыленной черной рубахой. Мы хотим войти? Кто мы такие? Он задал множество вопросов, а потом сказал, что спустится и откроет дверь. Вскоре раздался скрип нескольких ключей, поворачивавшихся в замках один за другим, грохот отодвигаемых засовов, судя по всему многочисленных, и вот крохотные ворота отворились, и перед нами появился старый монах; у него в руках были три или четыре массивных ключа, один — с деревянными зубцами *дабба* примерно два фута длиной.

И хотя мне не терпелось увидеть монастырь изнутри, я потратил несколько мгновений на осмотр ворот. Никогда прежде я не видел столько цепей, болтов, замков, деревянных балок-засовов. Такое впечатление, что изобретатели этих запоров в течение последней тысячи лет непрестанно трудились над новыми моделями. И, словно всего этого было недостаточно, мне пояснили, что узкое пространство позади ворот можно заполнить камнями, которые запечатают вход в монастырь; вот так и выжил последний отблеск христианства в пустыне Скетис.

Старик провел нас к живописной группе зданий, сиявших ослепительной белизной в палящих лучах солнца. Некоторые строения были перекрыты системой плоских куполов, напоминавших шляпки грибов, а все вместе теснились без плана и очевидного архитектурного решения. В центре находилась площадь, дальше — сад с пальмами и апельсинами, высившимися над кустами и травянистыми растениями. Мы миновали ряды келий. Дверь одной из них была открыта. Внутри, скрестив ноги, на тонком матрасе сидел монах, с пером в руке он трудился над листом пергамента, переписывая литургическую книгу на арабском языке. Как и старик-привратник, он носил черную рубаху-галабию и белую шапочку.

Меня провели в дом для гостей — современное, французского типа строение с верандой на верхнем этаже и грязными деревянными ставнями, прикрывавшими все окна. Монахи, многие из которых были весьма престарелыми, черными тенями появлялись из келий, чтобы поглядеть на посетителей. Они очевидно вели бедную жизнь и явно, как и отцы-пустынники, с презрением отвергали мыло и воду, считая их потворством плоти.

На верхнем этаже дома для гостей оказалась просто обставленная комната, меня пригласили сесть. По всему

периметру стояли диваны. На стене красовалась фотография нынешнего коптского патриарха, а также еще одного старца с длинной бородой, который, вероятно, был его предшественником; оба портрета были в рамках. Занавески из темной ткани очень аккуратно подвешены на шесты, и мне невольно пришла в голову мысль: насколько безжизненно это помещение, никогда не знавшее женского попечения! Возможно, для мужчин вполне естественно жить в пещере, а не в комнате. А когда у них все же появляется комната, необходима женщина, чтобы выбрать цвет стен и поддерживать чистоту, чтобы наполнить пространство тем, что его одушевляет, — вещами, которые послушны женщинам: коврами, циновками, стульями, столами, драпировкой... Занавески комнаты, в которой я находился, были столь тщательно расправлены, что создавали впечатление искусственности; отчасти это напоминало дом монаха из Асьюта, и я задумался о том, обращались ли отцы-пустынники к молодым братьям, которые еще недавно находились в мире, обустроенном женщинами, за советом: например, как правильно развешивать занавески или расправлять на них складки.

Мои раздумья были прерваны появлением человека не более пяти футов ростом, на нем был круглый черный тюрбан, черное одеяние и пара шлепанцев. Он прошел вперед, и мы обменялись рукопожатием, и я сразу понял, что передо мной настоятель. Полагаю, не так уж часто в наши дни гости приезжают в Дейр эль-Барам, но настоятель приветствовал меня буднично, словно ожидал моего появления; вопросов он не задавал — это, кстати, одна из древнейших форм учтивости. Но я не сомневался, что он хотел бы узнать о цели моего визита, а потому постарался удовлетворить его любопытство; вскоре мы уже беседовали о великих отцах прошлого. Вошел один из братьев с традиционными маленькими чашечками обжигающе-горячего чая.

В течение следующих дней я посетил остальные монастыри и убедился, что мне исключительно повезло с первым настоятелем. Он был более образованным, чем большинство коптских духовных лиц. Он рассказал, что в его монастыре теперь 35 монахов, а слово «барам» — арабская форма слов «Па Ромеос», то есть келья или монастырь римлян. Когда я поинтересовался, о каких римлянах идет речь, он поведал мне весьма любопытную историю.

Примерно в 380 году н. э. двое молодых святых, прославившиеся своими чудесами, прибыли из Палестины, чтобы поселиться в пустыне Скетис. Монастыри тогда еще не были построены, но в долине жило немало отшельников, обитавших в пещерах и тростниковых хижинах, крытых циновками. Звали молодых людей Максим и Домаций.

Эти два отшельника были известны окружающим пустынникам как «молодые чужестранцы». Максим «достиг совершенства», а вот Домаций, хотя и был исключительно святым и набожным юношей, не вполне... здесь настоятель сделал неопределенный жест руками, словно показывая, что молодому человеку не хватило до полного совершенства совсем чуть-чуть.

Умерли они от чумы или от истощения, характерного для многих аскетов, неизвестно, но оба молодых человека скончались вскоре после переселения в Египет, и «все святые собрались, чтобы приветствовать их на небесах». Вскоре после этого герой Скетиса — Макарий Великий — пошел тем же путем, а именно — предложил монахам построить церковь в память «молодых чужестранцев», и церковь назвали Па Ромеос.

По моей просьбе настоятель провел меня по стенам монастыря. Они поднимаются над песками футов на 40–50, пустыня видна на многие мили, а внутри монастыря прекрасно различимы купола и своды зданий. Все монастыри Вади Натрун устроены одинаково:

укрепленные стены, единственные ворота, внутри часовни, кельи, трапезная, пекарня, мельница, различные хозяйственные постройки и непременно высокое, квадратное сооружение, называемое *каср* — крепость, стоящее отдельно от других строений и снабженное подъемной деревянной лестницей. Монахи могли забаррикадироваться внутри, даже если весь монастырь был захвачен неприятелем, а лестницу втянуть за собой внутрь.

Я поинтересовался, есть ли у них ружья или мечи времен, когда арабы часто совершали набеги, но настоятель очень удивился самой только мысли, что монахи могут брать в руки оружие. Насколько я понял, на протяжении пятнадцати веков монахи ограничивались тем, что со стен поливали врагов кипятком и забрасывали камнями. В последний раз монастырь подвергся атаке бедуинов в XVIII веке.

Глядя сегодня на эти монастыри, невольно представляешь себе, как Пахомий занимался их организацией. Однако это не совсем так. В IV веке Скетис был одним из наиболее знаменитых пристанищ отшельников. Тысячи людей строили здесь скиты, иногда объединяясь небольшой группой вокруг лидера: скиты строили из камней или тростника, они усеяли все пространство пустыни. Многие, согласно преданиям, селились в пещерах, однако на этой плоской местности довольно сложно найти приличную пещеру.

Строились и церкви, которые монахи посещали по воскресным дням, чтобы служить литургию; после совместной трапезы они возвращались в свои скиты, чтобы озаботиться личным спасением. В V веке, во время набегов кочевников пустыни, помимо церквей стали возводить башни — прообразы тех *касров*, которые я видел, — там монахи укрывались в случае опасности. Любопытно: загадочные круглые башни Ирландии имеют какую-то связь с египетскими? Ведь если коробовый

свод пришел в Ирландию из Египта, почему то же не могло произойти с башнями?

Следующий этап в развитии монастырей пустыни связан со строительством крепостных стен, окружавших церкви и башни, поскольку в IX веке набеги стали почти постоянными. В ту пору жизнь в долине стала настолько опасной, что монахам пришлось укрываться под защитой стен, и именно так, под влиянием обстоятельств, сформировались закрытые общины.

Я не сразу понял, что черты современных коптских монахов, которые для европейцев звучат как нечто отталкивающее и неприятное («грязные», «ленивые» и «бесполезные»), на самом деле составляют описание образа жизни, который вели отшельники на протяжении восемнадцати столетий. Идеал современного коптского монаха, как и его предшественника IV века, — по-прежнему личное спасение. Он интересуется исключительно сохранением собственной души. И это кажется многим сторонним наблюдателям прискорбным взглядом на жизнь.

Предельная запущенность, возмущающая многих западных христиан, находится в полном согласии с установками первых аскетов. Когда благочестивая матрона по имени Мелания увидела молодого дьякона, впоследствии ставшего епископом Аскалона, моющего руки и ноги, чтобы охладиться во время летней жары, она упрекнула его следующими словами: «Поверь, сын мой, мне уже шестьдесят лет, и с тех пор, как я приняла нынешнее облачение, ни капля воды не попала на мое тело, разве только кончики пальцев иногда ее касались, и я никогда не омывала ноги или лицо, или любую другую часть моего тела. И хотя я страдаю от многих болезней и мне докучают врачи, я никогда не позволяла поливать хотя бы часть моего тела водой; я не ложилась в кровать и никогда не путешествовала в паланкине с подушками».

С точки зрения отшельников чем грязнее тело, тем чище душа. Все мучения, переносимые аскетами и столпниками (например, чудовищные комары, терзавшие тело Макария так, что из-за отеков его лицо становилось неузнаваемым), сотни различных видов боли и унижения, которые отшельники причиняли себе сами, — все это было направлено на умерщвление плоти и возвышение души. Мы на Западе давно забыли древнюю связь между грязью и святостью, общепризнанную в эпоху отцов-пустынников, но мне показалось, что коптские монастыри все еще хранят эту традицию. Наша идея «чистота близка к божественности» для святого Антония прозвучала бы как голос сатаны! Пока мы не поймем этого, думаю, будет оставаться опасность судить о восточных монахах несправедливо и жестоко. Общаясь с ними, я старался не забывать, что у меня нет права судить их по стандартам современного мира.

Настоятель провел меня в холодную темную церковь, напоминавшую колоссальную гробницу, окруженную невероятным лабиринтом других строений. Она была посвящена Благословенной Деве и стояла на месте первоначальной церкви IV века. Некоторые части здания, вероятно, восходят именно к той, древней церкви, хотя основные детали датируются VIII веком и более поздними временами.

Свет проникал в церковь через маленькие окна, расположенные высоко под коробовым сводом. Все вокруг было покрыто неописуемым налетом времени. Церковь поседела от древности, как дерево, покрытое лишайниками, а старцы передвигались в ней, словно призраки. В нефе высилась груда зерна высотой около шести футов. Монастырь получал зерно и масло из Каира, все это производилось на землях монастыря в Танте, в дельте Нила.

Церковь была разделена деревянными экранами, что типично для всех коптских церквей, у стены возвышались три традиционных алтаря. В нише слева мне показали мощи святых Максима и Домация, зашитые в кожаные мешки, а также реликвии святого со странным именем «Моисей Разбойник».

Мы прошли в дверь и оказались в дальней части церкви, явно весьма почитаемом месте: свет проникал через отверстия в эркерах свода, а каменный стол более пятидесяти футов в длину и четыре в ширину занимал центр помещения. Каменная скамья шла вдоль всего стола, а в конце высилась кафедра. Это была трапезная. Штукатурка на стенах шелушилась и осыпалась, повсюду царилась грязь, на поверхности стола я заметил комки соли и какие-то странные засохшие куски непонятного цвета и происхождения, твердые, как кирпич; возможно, это был хлеб.

Когда я решил уточнить, действительно ли это хлеб, настоятель вместо ответа протянул мне горсть бурых камней и вложил в ладонь, посоветовав размочить сухари в воде, как делают монахи. Так ел хлеб Антоний шестнадцать столетий назад, так питался святой Афанасий, который, кстати, пояснял, что существует египетский обычай выпекать хлеб раз в году на все последующие месяцы. Монахи Египта продолжают питаться сухарями, сдабривая их солью и в точности повторяя практику первых отшельников; это, безусловно, поразительный пример консерватизма.

Затем мы прошли в *каср*, поднялись по перекидному мостику, вскарабкались по массивной каменной лестнице. Два этажа башни заняты большим количеством сводчатых комнат, в основном пустых, в некоторых царилась полная темнота, а некоторые отчаянно нуждались в ремонте. Самой интересной оказалась часовня Михаила Архангела, которая, как мне сказали, является хранилищем монастырских съестных

припасов. На крыше расположена маленькая келья, выстроенная лет двадцать назад для последнего отшельника, монаха по имени Серабум — это производное от древнего египетского имени Серап-амон. Как настоящий отшельник, он отвергал общинную монастырскую жизнь и жил в пещере в получасе ходьбы от обители. Он приходил в монастырь на пасхальную неделю и на Рождество, но его присутствие едва ли добавляло веселья, которое вообще-то является типичным для коптских монахов по большим праздникам. Он отказывался с кем-либо разговаривать или поселиться в одной из свободных келий. Вместо этого отшельник предпочитал жить на вершине башни. Во время одного из нечастых визитов Серабума небольшой механический насос сломался, и, к удивлению всей общины, выяснилось, что отшельник единственный знает, как его наладить! Некоторым из присутствующих это показалось настоящим чудом. Проявив столь неожиданные познания в механике XX века, отшельник закутался поплотнее в лохмотья, служившие ему одеждой, и с явным облегчением вернулся в век IV. Мне не удалось узнать, случалось ли братьям и впоследствии посылать за ним в пещеру и приглашать его в качестве механика, электрика или иного технического специалиста.

Вся компания провожала меня до ворот и долго махала руками, когда мы двинулись в сторону монастырей Бишой и Сириани.

Мы прибыли к монастырю Сириани и позвонили в колокольчик. Пока мы ждали ответа, у меня была масса времени, чтобы вспомнить: именно в этом монастыре сто лет назад Роберт Керзон убедил настоятеля продать

собрание коптских и сирийских рукописей, которые теперь принадлежат Британскому музею. В конце прошлого века А. Дж. Батлер подъехал к этим воротам с поясом, в который было зашито золото, в надежде, что Керзон что-либо пропустил, но его надежды оказались тщетными.

Нас впустили внутрь, и передо мной открылось то же белоснежное сияние, что и в монастыре Барам; такие же темные тени, такой же неухоженный сад, те же грязные фигуры в потрепанных одеяниях появились из келий, кто-то опирался на палку, и почти все ходили босиком. Меня проводили в дом для гостей, пришел настоятель — очень худой и высокий человек с явными признаками абиссинской крови. В отличие от настоятеля Барама он был совершенно несведущ в истории и говорил только по-арабски.

Я сидел на веранде, пока монах, которого я перед этим видел пересекающим двор с чайником в руках, готовил нам чай. С изысканной любезностью старый монах сделал несколько шагов вперед и, пошарив в складках грязного одеяния, извлек оттуда пачку сигарет. Думаю, святой Антоний мог бы осудить приверженность к табаку, но одобрил бы щедрость монаха, поскольку сигареты безусловно были в этом месте исключительной роскошью.

В настоящее время в монастыре живет 25 монахов, они явно ведут более скудную жизнь, чем братия Барама.

Настоятель провел меня по перекидному мостику в башню, и я вспомнил, что именно здесь, на первом этаже Керзон сделал свою потрясающую находку. Рукописи были сложены в нише глубиной два фута, там были и отдельные листы пергамена, и целые кодексы, все страшно запыленные, и монахи приносили свечи, чтобы можно было разглядеть сокровище. Сегодня в

этом ветхом здании нет совершенно ничего ценного или интересного.

С крыши открывался замечательный вид на пустыню и монастырь Бишой, расположенный меньше чем в миле отсюда. Мы смотрели вниз, на сгрудившиеся строения, поражавшие полным отсутствием архитектурной логики; здесь не был выдержан четкий прямоугольный план, как в Бараме, скорее вся группа зданий представляла собой вытянутый, узкий овал, а путаница и нагромождение домов была еще больше.

История Сириани отличается от истории других монастырей Вади Натрун. Территория, которую он сегодня занимает, изначально являлась местом, где стояли скиты монахов Авва Бишой. В 535 году мирное существование было нарушено: как выражались ранние комментаторы, «нечистой ересью», возникшей из «богохульства нечистого воображения проклятых и мерзких гаянитов». Это были последователи монаха по имени Гаян, который на какое-то время захватил Александрийскую патриархию, но потом был низвергнут и сослан. Его последователей изгнали из пустынных монастырей, и они организовали соперничающие обители по соседству с теми, которые вынуждены были покинуть. Монахи-гаяниты из Авва Бишой основали обитель там, откуда виден был их прежний монастырь. Все эти монастыри-двойники пережили трудные времена и превратились в руины, за исключением единственного, который в VIII веке купили от имени сирийских монахов, рассеянных по пустыне. Именно от названия народа много веков назад и произошло название монастыря.

В монастыре есть церковь, посвященная Благословенной Деве, и еще одна — в честь Девы Марии, а кроме того — несколько заброшенных церквей, теперь превратившихся в развалины. В первом храме — мрачном темном здании, где еще сохранились остатки

старинных фресок, — мне показали кожаный мешок с мощами святого Иоанна Каме (Иоанна Черного), эфиопского святого, умершего в 859 году. Он удалился в пустыню, и постепенно вокруг него собралось до трехсот монахов, живших в соответствии с установленными им правилами, а когда в XV веке их монастырь разрушили, мощи святого перенесли в Сирию.

В этом монастыре я увидел также великолепную, но запущенную трапезную с каменным столом, протянувшимся вдоль всего помещения. Прежде я никогда не видел ничего подобного этим столам. Очевидно, их поставили в те дни, когда монахи во множестве приходили в обители из пустынных скитов, хижин и пещер; я бы не удивился, если бы мне сказали, что эти столы — древнейшие реликвии пустынных монастырей. Маленькая дверь вела из трапезной в келью, которую монахи называли кельей святого Бишоя — согласно преданию, он жил на этом месте еще до постройки монастыря. Говорят, что святой Бишой подолгу воздерживался от сна, привязывая волосы к гвоздю, вбитому в стену, так что если он забывался сном и тело его обмякало, боль от натяжения волос заставляла очнуться.

В этой келье святого Бишоя в IV веке посетил Ефрем Сирин. Ефрем оставил посох снаружи, а когда он завершил разговор и вышел из кельи, то обнаружил, что посох процвел листьями. Когда мне рассказывали об этом чуде, один из монахов, стоявший с края, внезапно разволновался и стал настаивать на том, чтобы проводить меня в другой конец монастыря, где указал на колоссальное дерево — тамаринд. Он уверенно заявил, что это и есть посох святого Ефрема Сирина.

Дерево это видели в VI веке путешественники, и уже тогда оно считалось почитаемой реликвией. Я,

насколько смог, измерил его обхват, получилось семь футов у основания ствола.

Попрощавшись с монахами, мы отправились к следующему монастырю.

Белые стены монастыря Бишой вскоре предстали перед нами, и мы оказались в очередной твердыне христианства. Эта обитель показалась мне менее процветающей, чем две предыдущие, а странные фигуры монахов — еще более нелепыми и даже пугающими.

Любезно угостив нас чаем, настоятель провел меня по своим владениям. Мы вошли в темную церковь, потом в трапезную, где стояли два каменных стола в линию, общая их длина составляла свыше восьмидесяти футов; безусловно, это самый длинный стол в мире, причем настолько низкий, что монахам приходилось сидеть на полу или даже возлежать на римский манер.

Мне жаль, что никто до сих пор не исследовал своды этих зданий и не нашел объяснение их сходству со сводами ранних церквей Ирландии. В каждом из монастырей Вади Натрун я вновь и вновь вспоминал о кельтских церквях. Я спросил у настоятеля, слышал ли он о стране под названием Ирландия, но он сокрушенно покачал головой, явно огорченный тем, что вынужден разочаровать меня. Не имело смысла рассказывать ему, что в Национальной библиотеке в Париже хранится древняя путевая книга, которой пользовались ирландские паломники, приходившие в монастыри пустыни Скетис; возможно, кто-то из его предшественников, управлявших монастырем в IV-V веках, предоставлял убежище ирландцам. Меня увлекает мысль о том, что ирландские паломники совершали регулярные путешествия с другими набожными людьми в те дни, когда в этой долине жили знаменитые анахореты, когда возникали первые в мире

монастыри, и я уверен, что они приносили суровый дух пустыни Скетис и всей Фиваиды в горы Уиклоу.

Настоятель с энтузиазмом показывал мне наиболее ценное достояние своего монастыря: реликвии основателя Аввы Бишоя, а также его товарища, Павла из Тамваха. Он снял покров, которым накрыли деревянный ящик, и извлек оттуда традиционный длинный кожаный реликварий. Он объяснил, что Бишой и Павел жили вместе в пустыне, предаваясь созерцанию и молитвам, и Господь открыл им: даже в смерти они не расстанутся.

После смерти святых епископ Антинои стремился получить мощи Бишоя и увезти их в город, а потому велел положить мощи в лодку. Но та и с места не сдвинулась и стояла на Ниле, пока не выступил вперед престарелый отшельник, который сказал епископу, что мощи не удастся вывезти, если не взять на борт и останки Павла из Тамваха. Так и сделали, священный груз доставили в храм Антинои, и прошли века, прежде чем мощи двух святых снова привезли в пустыню Скетис, где они остаются поныне.

Я вспомнил: когда французский инженер Соннини проезжал через этот монастырь в 1778 году, он отметил в своих записках, что монахи Бишоя вышли ему навстречу и пригласили в обитель, чтобы увидеть святого, «свежего и розового, словно живой»; но Соннини, которого ограбили бедуины и у которого незадолго до этого случился конфликт с монахами Барама, был не в настроении, резко отказался от приглашения и проехал дальше. Я поинтересовался у настоятеля, о каком святом могла идти речь. Он удивился, что я слышал об этом, а потом в восторге похлопал по кожаному мешку с мощами Аввы Бишоя и заявил, что у этого святого не только свежий вид, но даже морщин нет. Он так заинтересовался, откуда я узнал о сохранности тела Аввы Бишоя, что мне пришлось рассказать о записках Соннини, поскольку я очень плохо

умею принимать таинственный вид и не желаю намекать на свое «всезнайство». Этого делать не следовало. Я почувствовал, что утратил уважение настоятеля.

Мы побродили по монастырю, посетили комнаты, разрушавшиеся от времени, и другие, находившиеся на грани полной катастрофы. Я попрощался с настоятелем и двинулся через пески в сторону натриевых озер. Было уже слишком поздно посещать Дейр Макарий, я планировал вернуться туда через день или два.

Мы мчались по отличной дороге в сторону Каира, и я думал, что мог бы смириться с нищетой и грязью, в которых живут монахи, если бы только их алтари, литургические сосуды и столы были чисты. Грязного монаха можно оправдать тем, что он пренебрегает телом во имя спасения души, но нет оправдания тому, что алтарь закапан свечным жиром, алтарные покровы пропылились, а церкви пребывают в небрежении. Впрочем, каковы бы ни были их прегрешения, эти монахи сумели сохранить христианство в пустыне на протяжении шестнадцати столетий, они век за веком умирали за веру, а при необходимости готовы повторить сей подвиг и сейчас.

Они невежественны. Они грязны. Они живут совсем не так, как мы. Но невозможно оспорить, что из их среды вышло столько мучеников! Это ли не повод отказаться от критики? Грязный, но искренний святой может быть более желанным небесам, чем тщательно умытый, но верующий формально христианин.

8

Святой Макарий, которому посвящен четвертый монастырь долины Вади Натрун, был основателем монашеских поселений Скетиса. Он родился около 300 года, а умер незадолго до того, как Палладий около 391

года прибыл в пустыню, чтобы посетить самых знаменитых отшельников и описать жизнь отцов-пустынников.

Как и многие другие монахи и отшельники, Макарий по происхождению был крестьянином; в частности, он служил погонщиком верблюдов и попал в Вади Натрун, когда приехал с караваном за грузом соли. Он женился по просьбе родителей, но, как многие ранние христиане, договорился с женой, что их союз будет исключительно номинальным. После ее смерти Макарий принял решение посвятить себя жизни с Богом, но в те времена лишь малочисленные аскеты, такие как Антоний, уходили в пустыню, а потому новоявленный отшельник построил себе хижину неподалеку от деревни. В этом селении нашлась девушка, обвинившая святого в соблазнении, и разгневанные жители вытащили Макария из хижины, повесили ему на шею горшки и сковороды, выбрали и избили. Святой смиренно вернулся в свою келью и взялся плести корзины, чтобы заработать деньги для обеспечения девушки, однако Божественное вмешательство заставило ее признаться в том, что она выдвинула против святого мужа ложные и злонамеренные обвинения. После такого неприятного вторжения в его созерцательную жизнь Макарий удалился в пустыню Скетис и стал первым отшельником в долине Вади Натрун.

Он сделался настолько знаменит, ему докучало столько посетителей, что зачастую приходилось тайком сбегать из кельи и искать убежище в пещере, находившейся в полумиле от его приюта. Вероятно, преследование стало таким утомительным, что святой прорыл туннель от кельи к пещере и, если не хотел, чтобы его заметили, уходил под землей от своих назойливых почитателей. «Переходя из кельи в пещеру, он обычно повторял двадцать четыре антифона, а возвращаясь, еще двадцать четыре».

Легко посочувствовать отшельнику, если представить себе, что среди его посетителей встречались весьма необычные персонажи. Однажды к Макарию пришел человек, который вел под уздцы оседланную кобылу, которую называл своей женой. Он объяснял, что другой человек влюблен в нее и, отчаявшись заслужить симпатию дамы, обратился к чародею с просьбой, чтобы женщина потеряла привлекательность в глазах мужа. Чародей, вероятно, воспользовался способом, известным Лукиану^[30], и так хорошо исполнил свою работу, что, вернувшись домой, муж изумился, увидев на кровати пораженную горем кобылу.

«Тогда он возвысил голос в горестном плаче, омылся слезами и тяжело вздыхал; и говорил с нею, но она не давала ответа, так как не могла вымолвить ни слова».

Несчастный супруг обратился к шейху деревни, его жену пытались накормить сухой травой и хлебом, но она печально отвергла оба подношения, и тогда все решили, что помочь в этом деле сможет только аскет. Мужчина оседлал кобылу и повел ее в пустыню. Макарий обрызгал кобылу святой водой, накормил хлебом, приготовленным для евхаристии, и отправил мужа и исцеленную жену домой, указав, что они впредь должны регулярно посещать церковь.

Повествование Палладия позволяет предположить, что отшельников осаждали больные и увечные, так что через некоторое время пустыня превратилась в диковинное подобие Харли-стрит^[31]. Чем громче была слава святого, тем больше к нему являлось посетителей; несомненно, чем труднее его было найти, тем крепче становилась решимость страждущих.

Палладий интересовался только чудесами отцов-пустынников, но если внимательно читать его рассказы, напрашивается вывод, что среди посетителей было

много таких, которые и сегодня заполняют приемные покои врачей.

Молва о святости Макария разнеслась столь широко, что пустыня Скетис, дотоле действительно пустынная, вскоре оказалась усыпанной скитами других отшельников, в пещерах поселились многочисленные анахореты; во всяком случае, такова была картина на момент смерти Макария в возрасте 90 лет. Слава его перевалила дельту Нила. Набожные и любопытные путешественники прибывали в Египет специально, чтобы посетить страну отшельников и увидеть своими глазами новый образ жизни, утвердившийся в этом краю. И все приезжавшие слышали про Макария, немало людей посещали возведенную в его честь церковь, постепенно превратившуюся в монастырь Дейр Макарий.

Монастырь Макария Великого расположен на южной оконечности натриевых озер. Сияние его белых стен ослепляло — ведь мы подъезжали к нему рано утром.

На звон колокольчика отозвался старый монах, который провел нас в дом для гостей по пыльной тропинке между белыми зданиями. Я сел на диван у окна, из которого открывался вид на скопление плоских, грибообразных куполов, на увядшую зелень самого злосчастного из всех виденных мной монастырских садов — позднее мне сказали, что в этом месте в земле скопилось слишком много соли, — и на группу монахов, стоявших на солнцепеке подобно черным воронам и пристально глядевшим на окна дома для гостей. Тишину нарушил внезапный рокот электромотора, качавшего воду. Этот звук поражал, словно биение современного мира ворвалось в тишину уединенного места. Я припомнил, что заметил электрические лампочки и в других монастырях, но ни разу не слышал, как работает движок, и не видел свет включенным. Возможно, из всех установленных генераторов работал только тот, что в монастыре Св. Макария.

Вошел настоятель, за ним несколько монахов. Настоятель говорил только по-арабски и внешне походил на крестьянина больше своих сотоварищей. Подали непрременный чай, и монах, щеки которого покрывала шелковистая борода, напоминающая шерсть саниеля, склонился ко мне и шепотом спросил, не отвезу ли я его в Каир? Я удивился: неужели он хочет сбежать? Я чувствовал себя как гость школы, нерадивый ученик которой вдруг предлагает сорвать урок. Но молодой монах смотрел мне в глаза честным и прямым взглядом. Я ответил, что мы должны обсудить поездку с настоятелем. О, с этим все в порядке, заверил он и пояснил, что исполняет роль священника и волен покидать монастырь, когда требуется, однако твердо намерен именно здесь окончить свои дни. Ему необходимо попасть в Каир, а потом на поезд до Загазига, поскольку тяжело заболел его отец. Я поинтересовался, что бы он делал, если бы я не появился в обители. Он ответил, что пришлось бы идти пешком через пустыню по дороге и ждать попутную машину.

Мы вышли на немилосердно палящее солнце, а потом погрузились в приятную прохладу и сумрак церкви. В монастыре есть церковь Сорока мучеников, которых братья называют «сорока шейхами». Эти сорок монахов отказались спастись во время набега на монастырь в 444 году и приняли насильственную смерть. Их сожгли под высокой платформой внутри церкви.

Я осмотрел реликварий с мощами святого Макария, но в церкви было так темно, что ясно разглядеть останки не представлялось возможным. Мне также указали место захоронения многих патриархов Александрийских.

Потом мы поднялись на платформу, тянущуюся вдоль стены монастыря. С противоположной стороны на некотором расстоянии виднелись крыши тесно стоявших

келий — плоские и пустые, как у большинства египетских домов в долине Нила. Я обратил внимание на движение на крыше: это был сухощавый монах, стоящий на коленях и время от времени простирающийся ниц. Мне объяснили, что он уже семь лет ни с кем не разговаривает. Удалившись в уединенный уголок монастыря, он живет один, как настоящий отшельник из пустыни, покидает келью лишь для посещения церкви и для того, чтобы взять несколько сухарей, больше ничего не ест. Ему тридцать лет.

Я спросил, многие ли монахи принимают *аским* — схиму, и мне ответили, что помимо того брата, которого я вижу, таковых еще трое. Все это ясно свидетельствует, что, несмотря на первое впечатление, духовное рвение по-прежнему живет в этих монастырях, рвение того же рода, какое стало причиной появления первых святых и отшельников, готовых с энтузиазмом переносить любые трудности, чтобы оправдать гордое имя «поборников Бога».

Мы поднялись по каменным ступеням *касра* и оказались в самом лучшем хранилище, которое мне довелось видеть. Оно было выше, просторнее и содержало большее количество сводчатых камер, чем те, что мне показывали в других монастырях. На верху башни была даже большая, но уже не действующая церковь с тремя алтарями, на стенах ее можно было различить следы фресок.

Монахи рассказали, что башню построили на средства, присланные «царем Зеноном из Афин». Отчаянно путаясь в подробностях, они поведали занимательную историю, в которой мне удалось разобраться далеко не сразу. У царя Зенона из Афин была дочь, пожелавшая стать «монахом». Ее звали Илария. Покинув Афины в мужской одежде, она прибыла в пустыню Скетис, получила келью и стала жить среди братии, потом приняла схиму и предалась предельно

суровому аскетизму. Она обрела известность под именем Иллариона Евнуха и действительно вступила монахом в обитель Св. Макария.

Но у царя Зенона была и другая дочь, она впала в безумие, и ее послали в монастырь Св. Макария в надежде, что кто-то из святых мужей пустыни сумеет изгнать из нее бесов. Илария сразу узнала сестру. Однажды ночью она пришла к ней в обличии монаха Иллариона, обняла и поцеловала, и безумие вмиг покинуло девицу. Принцесса не знала, что ее поцеловала родная сестра, и, вернувшись домой, описала свое исцеление отцу. Царь Зенон разгневался. Он написал настоятелю, требуя прислать в Афины молодого монаха, проявившего такую фамильярность по отношению к его дочери. Иларию отправили домой, где она смиренно принимала упреки отца, пока, вероятно, он не перешел границы разумного. Тогда она сняла рясу и назвала себя. Пораженный царь пытался убедить дочь остаться во дворце, но она решительно ответила, что мир можно обрести лишь в пустыне. Она вернулась в монастырь Св. Макария с «большим караваном даров», включая прекрасную пшеницу и масло. Илария, или Илларион, как называли ее монахи, скончалась в обители, и в память о ней царь распорядился выстроить *каср*. После смерти дочери он продолжал каждый год присылать монахам пшеницу и масло.

Такую историю поведали мне монахи из обители Св. Макария. Хотя письменные источники не сохранили упоминаний ни о каких дочерях, я обнаружил впоследствии, что «царь Зенон из Афин» — это император Зенон, и он действительно посылал в монастырь Св. Макария ежегодные дары пшеницей и маслом.

Прощаясь с настоятелем, я заметил статную фигуру с маленьким атташе-кейсом между глинобитных стен. Монах, который просил отвезти его в Каир, прежде

одетый в потрепанную *галабию* и носивший на ногах пару шлепанцев, облачился в блестящий марокенский костюм, спортивные туфли и черный тюрбан. Меня, признаться, шокировала мысль о том, что я вернусь в Каир со столь представительным духовным лицом.

Он сел рядом с Михаилом, и, если не считать простительного испуга при встрече с безумно несущимися навстречу (в лучших египетских традициях) машинами, ничто не напоминало о том, что этот человек — отшельник, на краткий срок возвращающийся в современный мир.

Глава восьмая

Луксор, Асуан, Нил

Я еду в Луксор и вижу мумию Тутанхамона. Я спускаюсь в гробницы царей и знати, посещаю храмы и наблюдаю закат в Луксоре. Я направляюсь в Асуан и посещаю руины пустынного монастыря, а потом путешествую по Нилу.

1

Поезд, состоявший из белых спальных вагонов, покидал Каир каждый вечер, направляясь на юг — к Луксору и Асуану.

Когда рано утром я взглянул в окно поезда, то увидел, что мы медленно двигаемся вдоль дамбы, достаточно высокой, чтобы выдержать разливы Нила. Солнце уже поднялось, небо сияло голубизной, жители деревень пробудились. По берегам трусцой передвигались ослы, на их спинах громоздились тщательно укутанные, округлые фигуры. В углу поля сахарного тростника я заметил лису, пробирающуюся после ночной охоты в нору. Женщины в развевающихся одеждах стояли у колодцев, сосуды для воды они держали на голове или плече; а в деревнях, в тени пальмовых рощ молодые и старики грелись у освещенных солнцем стен, перерезанных гигантскими черными тенями, типичными для раннего утра.

А когда теплый свет разлился по всему Египту, страна наполнилась хрипами, криками, пронзительными голосами: вздыхали и ворчали мужчины, переносившие тяжелые грузы, под навесами из пальмовых листьев

медленно поворачивались быки, привычные к движению туда-сюда вдоль полей, повторяющемуся неизменно с эпохи пирамид и уходящему в неизвестное будущее. И когда они совершают свой путь в надежде прибыть на место отдыха, скрипят и визжат колеса *сакия*, медленные, как мельницы Господа, а сбалансированная по весу пара сосудов то и дело добавляет воду, понемногу способствуя благополучию этой страны.

Возможно, когда-нибудь некий ученый откопает в многоречивых песках древней земли гравированный камень, на котором изображено первое в мире *колесо-сакия*, самый долго используемый и простой инструмент, изобретенный людьми. Еле сдерживая восторг, он прочитает иероглифы — имя изобретателя: Хай-атт Робин-сон. Кто может сомневаться, что *сакия* — это шутка, которую трудно принимать всерьез?

Люди с кожей цвета красного дерева, сияющей, как полированная мебель в стиле «чиппендейл», стояли в глинистых каналах, вытягивая тонкие, изогнутые мачты колодцев-*шадуф*; они погружали кожаные ведра в голубую воду и поднимали их вверх полными, переливая влагу в канал, расположенный на более высоком уровне. Через несколько часов работы, к тому моменту, когда солнце становилось невыносимо жарким, они сбрасывали одежду и превращались в живые бронзовые статуи.

Снова и снова, по мере того как поезд продвигался на юг, я видел Нил, тихий и безветренный в золотом свете утра, окаймленный изумрудным шитьем кукурузы и сахарного тростника, — широкую бледно-голубую ленту. На западном берегу к нему придвигалась дикими горами Ливийская пустыня, то цвета львиной шкуры, то апельсинового оттенка; а в долинах между горами, в ущельях и впадинах проступали лиловые пятна, местами переходящие в туманно-синий, тона цветущей лаванды.

Нил петлял по зеленой местности, порой теряясь на милую-другую среди пальмовых рощ, а затем являлся во всем блеске, чтобы вновь утонуть в зелени, и тогда его присутствие можно угадать лишь по верхушкам мачт и парусов *ГИЙЯСОВ*, напоминающих белые крылья над пальмами.

И вот уже вдоль поезда идет служащий, который стучит в двери купе и кричит: «Луксор!» Туристы толпятся возле окон, сначала с одной стороны, затем с другой, ведь они приближаются к кульминационной точке своего путешествия по Египту: Фивам, Долине царей, гробнице Тутанхамона и храмам Карнака.

Я вышел из поезда и выбрал аккуратный маленький экипаж-*арабия*, запряженный двумя серыми в яблоках пони. На упряжи висели колокольчики, позванивавшие, когда мы ехали по улицам разрастающегося города — улицам, что оставались затененными даже на самом солнцепеке; наконец, мы оказались в одном из самых изысканных мест мира — на берегах Нила в Луксоре.

Передо мной были два отеля: один прятался в благоухающем саду, другой стоял на самом берегу, словно корабль в доке. К Нилу был обращен целый ряд маленьких лавок: сувенирные магазинчики, антикварные заведения, полные подделок, английские книжные лавки, аптека, которую держит один шотландец, ранее работавший в Челси.

Я прошел в большой отель на берегу. С балкона моей комнаты я смотрел вниз на реку, которая в два раза шире, чем Темза у Вестминстера, но течет так ровно, что паром, пересекающий ее в сторону западного берега, словно скользит по гладкому зеркалу.

Розоватые Ливийские горы сияли на фоне неба на противоположном берегу, их долины и впадины были заполнены синими тенями, будто художник писал колокольчики в ботаническом саду Кью, а потом взял

кисть и той же краской сделал серию изящных, мелких мазков по рыжевато-коричневому фону горных склонов.

Был тот утренний час, когда основной звук Луксора — от брызг воды, падающей на плотные тугие листья. Я видел садовников, поливавших экзотические цветы, словно вырезанные из красного бархата, разбрызгивавших воду на синие бугенвиллии, на тысячи красных и желтых кустов роз. Если прекратить полив хотя бы на месяц, сад пересохнет и превратится в пустыню. Дождей здесь иногда не бывает по шестнадцать лет подряд, но объединенные усилия людей, черпающих нильскую воду и поливающих сады, превращают город в одно из самых зеленых мест в Египте. Ни одного дождя за шестнадцать лет! Можете себе представить солнце в Луксоре; как поднимается оно каждое утро в ясное небо, даруя долгие золотые часы, день за днем, год за годом, опускаясь вечерами в Долину мертвых, можете ли вы вообразить эту симфонию красных, оранжевых, лимонных и яблочно-зеленых тонов?

Уверенность в том, что завтра погода будет такой же, как сегодня, объясняет необычное для нас состояние счастья и благополучия, которое почти физически ощущаешь в этом месте.

2

Когда я был в Луксоре четырнадцать лет назад, то обычно садился в лодку на восточном берегу Нила, под парусом мы пересекали реку, я выходил на западном берегу, брал осла и ехал в течение часа вверх, к Долине царей и гробнице Тутанхамона. Сегодня все изменилось. Между берегами Нила образовался песчаный остров, и приходится выходить из лодки и пешком идти через

него, потом садиться в другую лодку и добираться до западного берега. И какие перемены ожидают там!

Вместо ослов и тележек туристов ждут около двадцати «фордов», моторы включены, шоферы на месте, и в любой момент можно тронуться в путь в Долину. Водитель кричит:

— Вы едете в Долину царей, сэр? Садитесь, сэр! А на обратном пути я подвезу вас до Рамессеума или в Дейр эль-Бахари, куда пожелаете! Садитесь, сэр! Это лучшая машина!

Мне жаль, что сегодня исчезли ослы, потому что медленная верховая прогулка до Долины царей (она же Долина мертвых), постепенное приближение к жаркой расщелине в горах, с каждым ярдом все более мрачной и пустынной, полагаю, — лучший способ ощутить время и пространство, чем быстрая поездка на автомобиле по неровной, ухабистой дороге.

Долина расширяется, дорога заканчивается, и желто-оранжевые горы становятся выше и круче с обеих сторон. Нижняя часть склонов усыпана мелкими обломками известняка, отходами трехтысячелетней давности, оставшимися от эпохи постройки гробниц фараонов. В солнечном свете эти куски известняка кажутся белыми, как снег.

На текущий момент найдена 61 гробница, но только 17 из них открыты для осмотра. Никто не может сказать, сколько еще предстоит обнаружить. Большинство гробниц были разграблены еще в древности, и единственная нетронутая, которую удалось найти, — это гробница Тутанхамона.

В долине не слышно ни звука, кроме непрерывного тарахтения маленького электромотора, с помощью которого подают свет в открытые гробницы. Гаффиры, содержание которых оплачивает правительство Египта, с ружьями и запасами картечи круглые сутки охраняют гробницы. Есть некая поэтическая справедливость в том,

что стражники являются потомками грабителей могил, еще не так давно посвящавших всю жизнь поискам мумий и готовых отрывать им конечности, так как существовало поверье, что внутри мертвых тел может быть спрятано золото.

Все входы в гробницы однотипны: пролет известняковых ступенек ведет внутрь горы, чуть вниз, черный проем прорезан в скале и защищен решеткой, словно дверь в хранилище банка. Одна из первых гробниц по правой стороне долины принадлежит молодому фараону Тутанхамону; это самая маленькая и простая по конструкции могила в Долине царей. Очевидно, что ее положение было забыто к тому времени, когда древние зодчие строили гробницу для Рамсеса VI, так как новое захоронение прорыли прямо над старым, что довольно рискованно. Отклонись туннель хотя бы на ярд или два, строители провалились бы прямо в комнату с золотыми предметами по соседству с погребальной камерой Тутанхамона. Ясно, что они понятия не имели о ее местонахождении.

Спустившись по шестнадцати пологим ступеням в гробницу, я вспомнил, как в прошлый раз, четырнадцать лет назад, присутствовал при вскрытии этого поразительного захоронения, почти до потолка заваленного сокровищами, ныне хранящимися в Каире.

Было так странно стоять между двумя статуями-стражами царя и знать: когда родился Александр Македонский, они находились на этом месте уже свыше тысячи лет, неизменно сжимая тонкие церемониальные жезлы; они провели на посту более двух тысяч лет к тому моменту, когда Вильгельм Завоеватель впервые ступил на землю Англии. В такие мгновения охватывает благоговейный трепет, потому что физически ощущаешь глубину времени, чей неумолимый бег не прекращается ни когда мы спим, ни когда бодрствуем; тем не менее время пощадило эту скрытую в горах могилу. То, что

золото и дерево не разрушились за века, не кажется мне столь уж невероятным, по сравнению с венками цветов, побуревших от времени и хрупких, как пепел, но все еще сохранивших былую форму; и мысли невольно обращаются к тем рукам, что сорвали цветы и сплели венки, а потом положили туда, где им предстояло провести тысячи лет.

Я вспомнил еще, как сидел в ожидании на наружной стене и слышал приглушенные толщей скалы удары молота и долота, пробивавшиеся в тишину царской усыпальницы. Удар за ударом стена, отделявшая первое помещение от погребальной камеры, разрушалась под пристальным наблюдением тех, кто руководил работами, и в темноте за ней проступали очертания высокого сверкающего сооружения, установленного над системой гробов, внутри которых обнаружили мумию самого фараона.

И вот я снова в гробнице Тутанхамона. В бледном электрическом свете я восхожу на деревянную платформу и смотрю вниз, в соседнюю камеру, где ранее стоял прекрасный саркофаг из красного гранита. В нем нашли золотой гроб в форме человеческой фигуры, который содержал очень плохо сохранившуюся мумию восемнадцатилетнего юноши; ведь именно в этом возрасте скончался Тутанхамон.

Золотое лицо спокойно смотрело на свод гробницы широко открытыми глазами. Царя изобразили в плотно сидящем на голове боевом шлеме из золота, с символами двух частей страны — грифом и коброй, поднимавшимися надо лбом. Золотые руки сложены на груди; в правой фараон держал цеп, в левой — крюк, эмблемы царской власти. Удлиненные фигуры, написанные на стенах, представляли его самого в сопровождении души-Ка, а также рядом с Осирисом — повелителем царства мертвых.

В этой тихой гробнице в голову приходит множество мыслей, но одна посетила меня сразу: я был рад, что мумию царя не увезли в Каир вместе с предметами, найденными в его могиле, а оставили там, где она пролежала три тысячи лет.

3

Я провел утро, изучая гробницы фараонов. Раскрашенные коридоры медленно спускались в глубь скалы, так что мумию царя могли провозить внутрь на некоем подобии саней. Череда проходов заканчивалась величественными залами, стены которых проступали в неярком свете; они, как ковром, покрыты фигурами и важными в религиозном отношении сценами, и краски сохранили яркость, свойственную им в первые дни после создания. Вниз ведут дополнительные шахты, в которых царит плотная тьма, а погребальная камера фараона может находиться порой в 500 футах от входа в гробницу.

Пол на несколько дюймов покрыт черной пылью и усыпан осколками камней. Среди них и куски белого известняка, и красные обломки гранита, и фрагменты алебаstra; они рассказывают о том, как в далекие времена грабители могил в порыве жадности громили все подряд в поисках золота. Электрический свет дает мягкое и не очень сильное освещение, дальние углы погружены в тень. Свет включают и выключают по необходимости, и когда он внезапно вспыхивает после паузы, посетитель видит, как разнообразные темные «объекты», словно черные коврики, прикрепленные к потолку, вдруг срываются с мест и бесшумно исчезают в душном неподвижном воздухе, теряясь в сумраке.

Крупные летучие мыши в гробнице Аменофиса II, так напугавшие меня четырнадцать лет назад, все еще

исполняют свой «танец смерти» над мертвым лицом царя. Тот, кто некогда был повелителем всей страны, лежит теперь в темном зале, глядя сквозь толстое стекло на мелькающих в полумраке летучих мышей.

Пока я осматривал царские могилы, свет, попадавший в камеру через проем коридора, вдруг померк, заслоненный двумя людьми: один из них оказался американцем, а другой — его проводником и переводчиком-драгоманом. Американец отер платком вспотевший лоб и снял пиджак, а потом обернулся ко мне и сказал:

— Как вы полагаете, каким образом они рисовали эти картины на стенах? Неужели у них было электричество?

Многие туристы недоумевают, как могли древние художники изобразить столь поразительные сцены, находясь глубоко под землей, не имея другого источника освещения, кроме коптящей масляной лампы. Мне не раз приходилось объяснять, что древние египтяне использовали особый сорт масла для ламп, не дающий чада и копоти, и существует теория, что солнечный свет направляли внутрь камер с помощью серии отражающих дисков, наподобие зеркал.

— А теперь, господа, если позволите, — вмешался проводник, — я покажу вам Око Гора, а вот там, над вами, можно увидеть священного павиана...

Я оставался внутри достаточно долго, чтобы понаблюдать за лицом посетителя. У него было озадаченное, но внимательное выражение, возможно, так Геродот разглядывал достопримечательности Египта. Оставив американца на попечение проводника, который старался объяснить все толково — во всяком случае, как мог, я вернулся на свет дня. Сегодня едва ли не каждый день, стоит остановиться в долине над гробницей фараона, можно смело предполагать, что внутри находятся удивленный, порой недоумевающий христианин и не слишком точно излагающий факты

мусульманин-проводник, а вокруг них простираются фрески, представляющие богословскую систему Древнего Египта.

Я решил проехать в Эль-Курну и осмотреть могилы знати. Вместо загадочного и уже традиционного посещения «подземного мира» здесь туриста ожидают забавные и трогательные картины реальной жизни. Тут можно увидеть людей, которые жили в Египте тридцать веков назад, облаченными в лучшие одежды, сидящими на пирах, слушающими музыку, наблюдающими за танцовщицами, отправляющимися на рыбалку, охоту, собирающими урожай, погруженными в нежные любовные беседы или в окружении семьи.

Сколь удивительна разница между фараоном и обычным человеком! Убеждение в божественной природе властителя нигде не проявляется с такой очевидностью, как в Долине царей. Фараону не позволялось взять с собой в иной мир никаких приятных напоминаний о прошлом, земном существовании. Его жена не могла сидеть с ним бок о бок, взяв за руки. Дети не играли у его трона. Приятные дни, проведенные в саду или на озере, не считались достойным сюжетом для изображения в царской гробнице, поскольку не помогали душе правителя обрести покой. Он находился среди богов, как равный с ними, его душа питалась не воспоминаниями о земле, а торжественным товариществом с божествами, которые проверяли его верительные грамоты, словно таможенники, а потом открывали ему доступ в прохладное царство Полей Осириса. Даже тоска по дому, столь знакомая обычной душе, не считалась допустимой для фараона. Бог возвращался домой, а потому не мог уносить с собой земные интересы и связи. Как отличалось это от ухода простых людей! Сколь ясно стены рядовых гробниц — своего рода альбомы снимков, повествующих о жизни

владельцев, — выражают веру в то, что одинокая душа-ка будет многожды возвращаться к тем дням, что она провела на земле и которые уже минули.

Думаю, самая привлекательная пара, которую можно встретить в египетских гробницах, — это Рамос и его прелестная маленькая жена Курна. Они вместе сидят на пиру. Она положила левую руку на плечо мужа, а правой сжала его ладонь в нежном и страстном жесте; такую очаровательную позу можно часто увидеть на изображениях супружеских пар Древнего Египта. Он держит символ своего общественного положения — деревянный жезл, и оба супруга спокойно смотрят вперед, на гостей.

Они кажутся прекрасной парой, образцом супружеских отношений, дошедшим до нас с 1300 года до н. э. Вплоть до времен раннего христианства мы много раз видим такие пары на стенах гробниц; они сидят с достоинством, и, если высшие властители Египта после смерти оказывались в предназначенных им сферах, несомненно, в загробном мире нашлось место и для таких людей, как Рамос и его жена.

Мне представляется странным, что туристы проводят долгие часы в жарких и душных гробницах царей в Фивах, вместо того чтобы насладиться сценами обычной, повседневной жизни в менее известных, но таких замечательных гробницах простых людей.

4

Когда я вышел из гробниц Курны, глаза мои не сразу привыкли к свету, но я заметил, что ко мне бегут какие-то люди. Тот, кто подбежал первым, сунул мне что-то в ладонь. Я посмотрел вниз и увидел, что держу руку мумии. Понятия не имею, кому она принадлежала, была ли она некогда прекрасной или уродливой: я хотел

только одного — как можно скорее избавиться от нее. Она была сухой, черной и когтистой, а еще большее впечатление аномальности ей придавало отсутствие одного пальца.

Человек, который принес эту руку, отказывался брать ее назад, убежденный, что чем дольше я продержу ее, тем больше шансов у него получить шиллинг (дескать, я отдам предпочтение его товару перед прочими, которые энергично подсовывали старые и молодые люди, обступившие меня плотным кольцом). Размышляя, что же делать, я обратил внимание на человека, который казался очень старым, коричневым, высушенным, страшным, как мумия; он медленно шел в мою сторону, опираясь на палку. Хотя глаза его были закрыты — вероятно, он был слеп, — он точно находил путь по усыпанной камнями земле, а когда приблизился, то без труда проложил дорогу в толпе торговцев, нанося яростные удары посохом по ногам людей. Несколько детей с завыванием отбежали в сторону, но я заметил, что никто из получивших удар не выразил возмущения или неудовольствия: так велико на Востоке почтение к старости.

Старик явно хотел сказать мне нечто важное. В нескольких ярдах от меня он остановился и медленно открыл глаза; они были совершенно белыми. Меня охватило желание оказаться как можно дальше от этого ужасного старца, но я ждал. Он медленно сунул руку за пазуху и извлек из-под рубашки кусок гроба. Было жутко видеть, как старик, похожий на мумию, пытается продать мне кусок гроба; я ощутил отвращение, доходящее до тошноты, от этой дикой и омерзительной торговли реликвиями из гробниц и готов был распространить это чувство и на почтенных археологов, и на всех тех, кто роется в мертвых останках Древнего Египта в поисках столь кошмарных объектов.

Я посмотрел на руку мумии, которая все еще была у меня, и решил купить ее за шиллинг и захоронить где-нибудь или избавиться иным образом, одновременно исключив ее из цепочки убогой торговли. Моя покупка, судя по всему, удивила толпу, в особенности того, кто продавал эту руку, и все торговцы мгновенно исчезли в песчаных холмах, громко перекрикиваясь по дороге, оставив рядом со мной только ужасного старика, который словно не понимал, что происходит, и по-прежнему протягивал кусок желтоватого деревянного гроба.

У меня не было газеты, чтобы завернуть руку мумии, и, когда я попытался засунуть ее в карман, она зацепилась за край одежды и никак не хотела попадать внутрь. Я уже сожалел, что купил ее. Похоронить руку там, где я находился, или забросить за скалу было бессмысленно, ее отыскали бы вновь через пару часов и снова начали бы предлагать туристам. Ничего не оставалось, кроме как расхаживать с рукой мумии в ладони, высматривая подходящее место для ее захоронения.

Я обещал выпить кофе с шейхом Курны, а поскольку не мог представить себе, как явлюсь в дом самого важного человека в деревне со зловещей реликвией в руках, я подумал, что самый лучший способ — не давать никаких объяснений, а вести себя так, словно я имею привычку носить при себе подобные вещи. Шейх провел меня в пустую комнату на первом этаже дома. В ней кишмя кишели живые существа. Разгуливала компания куриц, на мой взгляд, как-то слишком задумчиво и неспешно; сверчки выдавали громкие рулады в стенах; череда муравьев демонстрировала нечто вроде военной экспедиции в Афганистан, уверенно прокладывая путь по неровностям пола, которые по отношению к росту насекомых были настоящими горными массивами. В углу виднелись стволы пальм, которые служили балками, и

там стрижи устроили гнездо, напоминавшее обликом маленькую желтую губку. Птица поминутно влетала в комнату, мелькала у нас над головами, на секунду зависала у гнезда, а потом опять уносилась в солнечные просторы.

Босоногий мальчик внес поднос с турецким кофе, и, пока я угощался своей порцией, в углу что-то зашевелилось (что именно — не уверен). Присмотревшись получше, я увидел совершенно необыкновенную мышь, размерами вчетверо больше английских мышей, с палевым мехом такого нежного, благородного тона, который я встречал только в костюмах королевских кучеров. У нее были большие, почти идеально круглые уши, а общий облик порадовал бы всех поклонников Уолта Диснея. Я поразился тому, что существо величиной с крысу, родственное этому грызуну, может сохранять типично мышиное очарование. В ней не было ничего неприятного и специфически крысиного. Она жизнерадостно пробежалась по комнате, словно заводная машинка на колесиках, деловито поводя носом, оглянулась вокруг с весьма умным видом, а потом исчезла. Шейх заметил мой интерес к мыши, но промолчал, точно так же, как обошел молчанием руку мумии, лежавшую между нами на диване.

Мы просто сидели и потягивали кофе в прохладной, затененной комнате, и я спросил, встречал ли он Абд эр-Расула Ахмада. Хозяин пристально взглянул на меня, потому что из приятной банальности вежливого общения я вернул его в реальный мир, затронул смертельный эпизод из истории Курны. Он ответил, что хорошо помнит Абд эр-Расула, которому было уже около 90 лет, а также и мать старца, ту, что передвигалась, опираясь на две палки, и умерла в возрасте 110 лет. История Абд эр-Расула из Курны, на мой взгляд, одна из самых романтических в Египте.

Чуть больше шестидесяти лет назад туристам в Луксоре потихоньку продали целый ряд замечательных памятников древности. Многие из них имели отношение к царям и царицам Египта, мумии которых на тот момент не были найдены. Власти поняли, что кто-то сделал открытие выдающейся важности, и послали наблюдателей в район захоронений. Наибольшие подозрения вызвала одна арабская семья, проживавшая в старой гробнице Курны с XII века. Аресты не помогли вытянуть из них фамильную тайну, но, как это обычно бывает на Востоке, нашелся один человек, который во всем признался, и история вышла наружу.

Выяснилось, что однажды летом 1871 года Абд эр-Расул Ахмад шел по горам за Дейр эль-Бахари и наткнулся на шахту, уходившую под землю футов на сорок. Спустившись в нее, он увидел туннель, тянувшийся на сто двадцать футов в глубину гор. Он прополз вдоль всего коридора и оказался в просторной камере, вырубленной в скале. В свете факела он увидел такое, что у него дыхание перехватило: даже он, потомок многих поколений грабителей могил, не мог вообразить подобную сцену в самых оптимистических мечтах. Пещера была до самого свода заполнена гробами, мумиями, погребальной мебелью, украшенной золотом, которое тускло мерцало в бликах огня. В тот момент он не знал, что по чистой случайности нашел секретное укрытие царских останков, устроенное жрецами для тридцати мумий в 966 году до н. э. в надежде спасти их от грабителей могил, действовавших в Египте уже в древние времена.

Радость его была омрачена мыслью о том, что сдвинуть тяжелый саркофаг и открыть любой из ящиков в одиночку он не сумеет, а привлечение к работе помощников означало необходимость раскрыть свою тайну. Обдумав сложившуюся ситуацию, он решил посвятить в дело сына и двух братьев. Вчетвером они

стали по ночам посещать пещеру с сокровищами мертвых, обдирать мумии, выносить мелкие и легкие предметы, которыми постепенно наводнили рынок. Их состояние росло, требовалась чрезвычайная осмотрительность, чтобы окружающие не заподозрили, что соседи сидят на золотой жиле, найти которую всегда было заветным устремлением каждого профессионального грабителя могил. Но такие сокровища не могут оставаться незаметными. Как только покупатели предъявили их в Европе, ценность находок вызвала оживление и интерес специалистов, так что раскрытие секрета пещеры стало лишь вопросом времени.

Наступил горький день для Абд эр-Расула Ахмада, когда ему пришлось сделать официальное признание и показать дорогу к пещере Эмилю Бругшу, главе Службы древностей Египта.

Бругш так описывал свои приключения:

На самом деле я был вооружен до зубов, на плече у меня висело надежное ружье с полным зарядом, а мой помощник из Каира, Ахмед Эфенди Кемаль, был единственным человеком, которому я мог доверять. Любой из местных жителей охотно убил бы меня, останься мы наедине, потому что все они лучше меня знали, что я лишаю их доступа к колоссальному источнику доходов. Но я не выказывал страха и полностью сосредоточился на работе. Шахту расчистили, я спустился и начал исследование прохода.

Вскоре мы наткнулись на ящики с керамическими погребальными подношениями, металлическими и алебастровыми сосудами, тканями и украшениями, а за поворотом увидели скопление саркофагов с мумиями; их было так

много, что я не поверил своим глазам. Собравшись с чувствами, я провел самое тщательное обследование находки, которое только было возможно в свете факела, и сразу заметил, что саркофаги содержат мумии царей и цариц; это еще не все. Следуя за проводником, я прошел в камеру, где стояли вдоль стен или лежали на полу еще более многочисленные саркофаги с мумиями поразительного размера и веса. Их золотая отделка и полированная поверхность ясно отражали мое восторженное лицо, так что мне на мгновение показалось, что я смотрю прямо в глаза нашим предкам.

Среди мумий, найденных в этом укрытии, были останки самых знаменитых правителей Нового царства: Секенена-Ра, Аменхотепа I, царицы Нефертари, Тутмоса II и Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II (которого некогда идентифицировали с фараоном из книги Исход), Рамсеса III и многих других. Это были настоящие катакомбы древнеегипетских царей, и прежде никому не удавалось найти ничего подобного.

Из Каира выслали специальный корабль, триста арабов работали в течение шести дней, перенося на борт мумии царей и цариц. Когда корабль шел по Нилу, это было поистине необычайное зрелище. По обеим берегам реки, от Луксора до Куфта, собрались экзальтированные толпы, женщины рыдали и завывали, рвали на себе волосы, посыпали песком головы и лица, мужчины палили в воздух из ружей, салютуя мертвым фараонам.

От шейха я узнал, что Абд эр-Расул Ахмад, как и многие другие, на короткое время становившиеся обладателями несметных сокровищ, умер в абсолютной нищете, достигнув почти столетнего возраста. Остаток жизни он неприкаянно бродил, одержимый мечтой, на

мгновение воплотившейся в реальность, а потом ускользнувшей из пальцев. Он ни разу не согласился вернуться к шахте после того, как из нее увезли мумии, и только в девяносто лет, во время визита археолога Роберта де Рустафжеля, поддался на уговоры сфотографироваться у входа. Но когда старик приблизился к тому месту, его охватили столь сильные чувства, что он потерял сознание.

Шейх проводил меня, в соответствии с принятой у арабов вежливостью в отношении гостя, до границы территории, а потом оставил на жаре, способной расколоть камни. Возвращаясь к нанятому мной «форду», я увидел небольшую группу, спешившую ко мне с очередной порцией реликвий. Во главе ее бежал мальчик с рукой мумии. Я содрогнулся от ужаса и поспешил прочь. Вторая группа поджидала меня за скалами. Молодой человек бросился ко мне, вытаскивая из-за пазухи еще одну мумифицированную руку. Я угрожающе помахал ему когтями той конечности, которая находилась в моем распоряжении, но он все равно следовал за мной, непрерывно повторяя: «Абу йадд». Итак, мне присвоили имя. Я стал «Отцом руки». Распространились слухи, что в деревне появился человек, готовый платить хорошие деньги за руки мумий, и все обладатели подобных реликвий поспешили предложить мне свой товар. Их оказалось немало. Я удостоверился в этом, с негодованием озираясь и энергично шагая к машине.

Ступив на борт лодки, пересекающей Нил, я увидел в тени тростниковой хижины сидящего юношу; едва заметив меня, он тут же бросился к краю воды — естественно, у него была для меня еще одна рука. Он так и остался на песчаной кромке берега, разочарованный и удивленный, а потом засунул мумифицированную руку в складки широкого одеяния и медленно пошел прочь.

Ощущая тщетность усилий, которая непременно настигает всех реформаторов, я погрузил приобретенную руку мумии в воды Нила, полагая, что в толще ила она пребудет в вечном забвении.

5

Очень трудно передать кому-либо, не посещавшему Египет, невероятную красоту Нила в районе Луксора. Слова «голубой», «горячий», «спокойный» или «желтый», в каком бы контексте вы их ни использовали, не смогут выразить истинную атмосферу тех мест. Благодаря счастливому соединению света и климата Луксор приветствует каждый рассвет с тихой безмятежностью, и, несмотря на то, что одно утро похоже на другое, они никогда не кажутся монотонными.

Ранним утром я выходил на балкон и видел именно то, что ожидал увидеть. Внизу тянулся Нил, не тронутый даже легким ветерком, и я мог сказать, сколько сейчас времени по тому, как падал свет на Ливийские горы на том берегу. Восходящее солнце сперва касалось гребней самой высокой горы, расположенной за Долиной царей, подсвечивая пик теплым, розоватым оттенком, который постепенно начинал распространяться по другим горам — по мере того как солнце поднималось все выше. Эта линия света разливалась над горами, превращая низкие хребты и выступы из мертвенно-сернистых в сияющие и золотые. А затем целый каскад света обрушивался на деревья в саду, словно теплый дождь; я ощущал его горячее дыхание на лице и руках. Корабль под белым парусом медленно скользил, улавливая легкий бриз, едва способный наполнить огромное, высокое крыло паруса, но не опускающийся достаточно низко, чтобы вызвать рябь на воде; корабль продвигался по голубой

маслянистой поверхности, прорезая ее безупречную гладь и оставляя позади две тонкие, расходящиеся линии, неспешно направлявшиеся к противоположным берегам. Было так тихо, что я слышал пение арабского мальчика на Ниле, где-то в зарослях сахарного тростника у Курны. Я знал, что он поет очень громко, голова его запрокинута назад, а рот широко открыт; но мальчик находился слишком далеко, чтобы разобрать слова. В небе висели ястребы, в саду мелькали удода, время от времени садившиеся на ветки и раскрывавшие хохолки, и самым бесцеремонным образом призывали жен посмотреть на меня. Старый садовник медленно, с трудом ступал по дорожке, разворачивая шланг для полива, а потом направлял струю на пламенеющие цветы и выжженную солнцем землю.

Вечером, когда солнце садилось за Ливийскими горами, вновь возникала та зачарованная тишина, что царила здесь по утрам. А бывали вечера, когда все западное небо превращалось в оранжевое пламя, выбрасывающее в небо алые сполохи, и в этом невероятном сиянии можно было ощутить пульсацию раскаленного послеполуденного воздуха. Местные жители ничего не думают об этих закатах, вообще не уделяют им внимания, но гость, прибывающий в Луксор в такой миг, вполне может испытать ужас оттого, что начался Судный день.

Постепенно ярость красок ослабевает, гневный алый тон переходит в умеренный розовый. Сполохи света разлетаются по небу, словно стая божественных фламинго, и еще некоторое время зависают над горами; затем огонь потухает, оставляя тусклый металлический отблеск красного и золотого на яблочно-зеленом фоне. Следуют минут десять тишины, в которой можно расслышать шепот звезд, а потом наваливается темнота, резко и неожиданно, как замешкавшийся было

убийца, который мгновенно уничтожает все краски мира.

6

Конный экипаж остановился перед аллеей сфинксов с головами баранов, охраняющих пилоны входа в храм Карнака. Повсюду был песок. Он лежал грудями и холмиками, образовывал блуждающие дюны. Финиковые пальмы и деревни окружали это место. Но храм, самые могучие руины древнего мира, лежит во впадине. Он был построен многие века назад в местности, которая находилась на двадцать-сорок футов ниже уровня современного Египта.

Я вошел в храм через главные ворота и оказался посреди обширного двора, часть которого была завалена обрушившимися колоннами, разбитыми капителями, поврежденными сфинксами, расколотыми статуями богов, каменными конечностями неизвестных царей.

Темные храмы, перекрытые массивными каменными плитами, ведут из первого двора дальше. Они густо населены летучими мышами. Вступив в сумрак, я сразу услышал шелест крыльев; посмотрел вверх и увидел мышей, висевших под сводами.

Затененные храмы чередовались с открытыми залами. Гипостильный зал, в лесу фантастических колонн которого человек чувствует себя не больше карлика, сам по себе заслуживает места в списке чудес света; но здесь это лишь один из череды залов, входящих в гигантский храмовый комплекс, полностью покрытый резными изображениями людей, богов, военных столкновений, приношений дани и молений святыням.

Можно целый день бродить по Карнаку, пытаюсь понять его систему. Благочестивое архитектурное

соревнование разных фараонов длилось веками. Каждый правитель, начиная с прославленной XVIII династии и заканчивая Птолемеями, в течение пятнадцати столетий либо убирал что-то из храма, либо добавлял нечто новое; зачастую делали и то и другое параллельно. Все равно как если бы каждый король Англии, от Вильгельма Завоевателя до Георга VI, перестраивал заново часть здания и расширял Вестминстерское аббатство, пока лабиринт церковных построек не дотянулся бы до вокзала Чаринг-Кросс в одну сторону и до вокзала Виктория — в другую.

Назвать Карнак «храмом» — явный абсурд. Даже если назвать его «комплексом храмов», это вряд ли даст представление о бескрайней ширине и дикости руин, которые свидетельствуют о благочестии фараонов, служивших великому богу Фив — Амону-Ра.

После посещения Карнака, получив представление о мощи и размере этих развалин, а также обо всем, что стоит за ними — политических интересах, армии жрецов и знати, непрерывных службах, длившихся веками, — невольно задумаешься о том, каким же человеком был Эхнатон, такой странный, болезненный на вид, почти женственный, но восставший против древнего бога Фив, перенесший столицу в Эль-Амарну и возглавивший самую удивительную религиозную революцию древнего мира?

История его преобразований кажется не слишком значительной, когда проходишь по этой территории и видишь то, что отвергал Эхнатон.

Если Карнак прекрасен, то прежде всего красотой золотых пилонов на фоне неба, которое здесь почти всегда фиолетовое. Это красота нелепого, навязчивого удода, встряхивающего хохлатой головой на статуе бога, красота навозного жука скарабея, изображенного на стенах дома, где в далекие времена первосвященник Амона менял церемониальные одежды.

Когда я был юным и полным энтузиазма репортером, присутствующим при вскрытии гробницы Тутанхамона, шли оживленные дискуссии о свободе прессы и моральном праве конкретного издания контролировать публикацию новостей об этом открытии. Контроль был реальностью; ведь сами новости находились в глубине запечатанной гробницы, а снаружи стоял батальон пехоты с заряженными ружьями.

Другие газеты, полные праведного негодования по поводу посягательств на прославленную свободу прессы, были встревожены; они считали, что только их собственные корреспонденты смогут обеспечить правильную подачу информации для читателей. В итоге из Англии направили трех человек с заданием нарушить монополию любыми средствами, которые покажутся им эффективными и допустимыми. Этими злодеями — они же поборники свободы, называйте как хотите — были покойный Артур Вейгалл, Валентайн Уильямс и я. Между нами, мы представляли далеко не три газеты. Например, у меня были полномочия от 96 изданий со всей Англии.

Если вам интересно, как удалось сломать монополию, можете прочитать прекрасно описанную историю в увлекательной автобиографии Валентайна Уильямса «Мир действия». Он, собственно, взял на себя основную работу; Вейгалл был в любой момент готов поделиться своими познаниями в области археологии; а я сделал только две вещи, которыми могу гордиться: предложил, чтобы мы трое не соперничали, а объединили усилия в достижении общей цели (что и было сделано), а еще однажды, в интересах дела, провел ночь на страже в Долине мертвых.

Это было очень глупо. Слухи о золоте, найденном в гробнице, привлекли в Ливийские горы немыслимое

количество убийц, воров, бандитов и просто любопытствующих, которые оставались с наступлением темноты на западном берегу, рискуя быть убитыми и ограбленными. Одного туриста нашли мертвым в зарослях сахарного тростника возле Курны, другого выловили среди бела дня из Нила; эти события привели к появлению в Луксоре дополнительного подразделения полицейских на верблюдах под командованием жизнерадостного офицера, звали которого, кажется, Митчелл. Он категорически запретил кому бы то ни было пересекать реку после заката.

Я вбил себе в голову, что гробницу вскроют тайно посреди ночи, когда все благополучно окажутся на восточном берегу, и решил: кто-то должен остаться на страже и не упустить момент. Заявив своим коллегам, что если произойдут какие-либо важные события, я непременно поделюсь с ними информацией, я переправился на пароме около десяти часов вечера, взяв с собой осла и мальчика-погонщика. Ночь была темной и холодной. Помню ощущение опасности, сопровождавшее меня, когда я ехал в одиночестве верхом на недовольном животном, медленно удаляясь от возделанной земли в сторону Долины мертвых. Я с любопытством обнаружил, что холодный ночной воздух с реки остался далеко позади, когда мы проехали сквозь расщелину в горах: камни сохранили дневной жар и теперь его отдавали.

Поднимаясь в горы, вздымающиеся сразу за Дейр эль-Бахари, мы оказались на высоком хребте; над нами теперь были только звезды, направо лежало утонувшее в темных тенях ущелье. Мы спустились до гребня горы, склоны которой уходили в Долину, и оттуда я смог разглядеть сквозь ночной бинокль темный прямоугольник — вход в гробницу Рамсеса VI; ниже шли известняковые стены гробницы, за которой я наблюдал. Помню, как приказал погонщику осла лечь, чтобы его

белое одеяние не заметили издалека. И мы остались в полной тишине.

Внезапно осел, испуганный таким необычным поведением людей, поднял голову и издал громкий крик, от которого застыла кровь в жилах: полагаю, его услышали даже в Луксоре — вероятно, это и было целью животного. Я вскочил на ноги. Но как можно остановить кричащего осла? Каждый раз, когда он издавал очередной вопль, я воображал, как сгущается темнота, обретая облик убийцы, привлеченного к нам шумом; и, наконец, отчаявшись, я взял ремень и туго стянул его на морде осла.

Проходили часы, время текло необычайно медленно. Эта ночь показалась мне вдвое длиннее любой другой. И ничего не случилось. Один раз я заметил движение в долине внизу, но это были только стражники. Снова и снова мальчик, гораздо более подвижный и нервный, чем я, тянул меня за рукав и спрашивал, не слышал ли я что-то, и мы вместе поворачивались и вслушивались, вглядывались в темноту, — к счастью, напрасно.

После трех часов ночи время ускорило темп, чувство разочарования достигло апогея. Когда пробило четыре, я был уверен, что уже ничего не произойдет, но продолжал лежать на прежнем месте, не желая его покидать. К пяти утра жемчужно-серый свет возвестил о наступлении нового дня, и я воспринимал себя уже не романтическим дозорным в темных горах, а абсурдной фигурой с биноклем на шее. Развязав морду осла, который немедленно вознаградил себя за долгое молчание, мы медленно двинулись вниз по склону.

Хотя мой поступок не имел никакого смысла, я часто вспоминаю о нем с немалым удовольствием. Никогда не забуду тишину Долины мертвых, мрачные гробницы фараонов, предстающие в ночи едва различимым скоплением теней.

Я взял осла и повторил прежний путь, чтобы взглянуть на то место, где четырнадцать лет назад провел целую ночь. Уверен, с тех пор никто здесь не прятался, и, вероятно, в будущем тоже никто не станет делать этого. После печальной встречи с прошлым — с возрастом их становится все больше — я спустился по пологому склону в направлении Дейр эль-Бахари, где в глаза сразу бросается дикая и яростная красота этих мест, расположенных к востоку, в стороне Нила.

Я ехал на осле по песчаным холмам, над камнями воздух дрожал от жара. Я приближался к великому храму царицы Хатшепсут. Это единственный храм в Египте, который производит впечатление не массивностью блоков, не повторением однотипных элементов, а изяществом и балансом частей, ощущением легкости и счастья, которые словно обещают создание Парфенона.

Дейр эль-Бахари означает «северный монастырь», это название раннехристианского поселения, все материальные следы которого утрачены. Первые христиане заняли громадные залы храма, выстроили внутри перегородки, прикрыли языческие фрески и надписи слоем белой штукатурки, на которой изобразили святых, и устроили внутри церковь. Так что новое поколение поклонялось Христу там, где их отцы приносили жертвы Осирису, они преклоняли колени перед Девой Марией в залах, посвященных Исиде.

Некоторое время дорога идет в сторону Карнака, а потом сворачивает в пустыню и через некоторое время приводит к белой стене, высящейся среди пальмовой рощи. Несколько плоских белых куполов виднеются из-

за стены. Это церковь Дейр Авва Бакхум — единственный уцелевший христианский храм Луксора.

Было время, когда, по словам одного копта из Луксора, «церковные колокола звонили в Луксоре, а им отвечали другие — повсюду»; но свидетельства той эпохи теперь по большей части уничтожены. Египтологи ликвидировали остатки христианских церквей, чтобы раскрыть находящиеся под ними древние храмы, руины разбирали, чтобы расчистить залы и дворы, внутри которых эти церкви были выстроены. Остались следы образов святых на колоннах праздничного зала Тутмоса III в Карнаке, в нескольких гробницах Долины царей я заметил надписи на коптском и латыни, оставленные отшельниками, некогда в них жившими. Но от всей некогда величественной и густо населенной Фиваиды, чьи святые прославились в первые века христианства, почти не осталось следов. Мы можем только воображать, как в каждом храме стояло несколько церквей и как пустыня вокруг была усеяна скитами бесчисленных анахоретов.

Мусульманин-проводник рассказал мне о церкви Бакхума, и я попросил отвести меня туда. Он объяснил, что этого святого почитают не только христиане, но и мусульмане, в его честь устраивают ежегодный праздник, это последняя общественная христианская церемония во всем регионе. Однако характер ее явно изменился, в нем возобладали языческие черты. Как мне поведали, каждый год в апреле шесть или семь украшенных гирляндами быков в сопровождении огромной толпы приводят к могиле святого и там перерезают им горло. Последователи Христа и Мухаммада вместе садятся за трапезу.

Проводник ничего не мог рассказать мне о самом Авве Бакхуме, за исключением того факта, что это был римский солдат, обратившийся в христианство и прибывший в Фивы, где он и умер.

Мы вошли в пределы огороженного пространства, где стояла церковь, и я увидел, что в старые времена это был настоящий монастырь, но теперь большинство зданий превратили в убогие жилые дома. Ослы, козы, несметные стаи индеек бродили по двору среди груд корма для животных и обычного мусора. Высокие медные кастрюли стояли повсюду, вероятно, их использовали для приготовления жертвенных быков на праздник святого Бакхума. Церковь, в которую мы вошли, представляла собой странное сооружение, я ни разу не видел подобной коптской церкви: пять алтарей в ряд, центральный посвящен святому, а его могила, как мне объяснили, находилась прямо под этим алтарем. Тот алтарь, что слева от центра, был посвящен святому Георгию, Мари Гиргис коптов; феллахи, заполнявшие храм, не могли сказать мне, кому посвящены три других алтаря. Во всяком случае, они не смогли прийти к единому мнению на этот счет.

За всю свою жизнь я не видел столь неопрятного церковного строения. Мне было стыдно находиться рядом с мусульманином, поскольку открывшаяся картина показывала убожество, до которого христиане довели свой молитвенный дом. Очевидно, что многие годы никто даже не пытался подмести пол. Те алтари, которые не превратились в руины, выглядели чудовищно грязными; кто-то использовал алтари для хранения корзин для цыплят, а прямо на полу валялись тряпки и кости. Лучше бы этой церкви было исчезнуть с лица земли, погрузиться в полное забвение, заслужив статус руин, потому что сейчас она является оскорблением чести святого, которому посвящена.

Я не смог найти там ни священника, ни другого человека, ответственного за порядок в церкви, а когда местные жители увидели, что я шокирован, они закрылись, как устрицы в своих раковинах, многие просто поспешили уйти. Само по себе здание очень

красиво и необычно, и хотя христианская община Луксора слишком мала, чтобы присматривать за ним, следовало бы обратить внимание лиц, заинтересованных в сохранении коптской архитектуры, на его состояние.

Мой проводник пояснил, что здесь собираются и копты, и мусульмане, на могиле святого принято обмениваться клятвами и заключать важные соглашения; такие обязательства никогда не нарушают, потому что существует поверье: ужасные неудачи будут преследовать того, кто нарушит клятву, данную на могиле Аввы Бакхума.

Побродив по двору, усыпанному мусором и непонятными вещами, я вышел к строению без крыши, внутри которого несколько смуглых мальчишек сидели у глинобитной стены и твердили уроки. Молодой учитель стоял перед ними, отбивая ритм ударами посоха, а в другой руке удерживая открытую книгу. Я поинтересовался, что повторяют мальчики, и мне ответили, что христиане учат Библию, а мусульмане — Коран. После ужасающего вида церкви я был удивлен, обнаружив в этом месте признаки духовных усилий.

Молодой учитель обладал той интеллектуальной живостью, которая типична для коптов. Я подумал, что он заслуживает лучших условий преподавания, чем эта комната, вероятно, ему не помешала бы помощь властей. Меня тронул тот факт, что он использовал Библию, написанную от руки им самим; каждое слово он тщательно скопировал со старинной рукописи, а инициалы раскрасил.

Молодой учитель рассказал мне, что святой Бакхум управлял монастырем, в котором проживали до четырех тысяч монахов, а чтобы не заснуть во время долгих часов молитв, вбивал гвозди в свое сиденье. Это все, что он знал о святом.

На краю пустыни, неподалеку от Нила в районе Асуана, находится разрушенный монастырь Св. Симеона. Местные жители называют его Дейр Авва Хадра. Я сел на поезд до Асуана, удаленного от Луксора на 130 миль, поскольку очень хотел посетить этот монастырь. В итоге я оказался в раскаленной местности, где воздух дрожал и вибрировал от зноя даже зимой.

Утром я пересек Нил на парусной лодке и после полумили пешком по мягкому песку поднялся по склону к тому, что некогда было великолепным укрепленным коптским монастырем. Проводник, который показывал мне дорогу, тоже был коптом и кое-что знал об истории этого места. Он сказал, что монахи не живут здесь с XIII века. Святой Хадра, которому посвящена церковь, жил в IV веке. Он родился в христианской семье, женился в возрасте восемнадцати лет. На следующий день после свадьбы Хадра пошел в церковь вслед за погребальной процессией, и его так поразило это зрелище, что он решил покинуть мир и стать учеником отшельника. Восемь лет он осваивал правила аскетической жизни под руководством святого Баймана, а потом попросил разрешения уйти и основать собственный скит в пустыне. Во время пустынножительства он стал предметом многих легенд, которые широко распространились по округе, потому что он строго следовал по монашескому пути, избрав в качестве путеводной звезды святого Антония. Пришло время, когда умер епископ Асуана, горожане пришли к Хадре и едва ли не силой заставили его занять пост епископа.

Полагаю, его монастырь в Асуане был общиной, действовавшей по правилам Пахомия, поскольку среди руин мне удалось опознать келью на трех монахов с остатками каменных спальных мест, а это как раз

соответствует одному из установленных Пахомием обычаев. Церковь сильно повреждена, у нее обрушилась кровля, но внутри сохранилось несколько любопытных фрагментов росписей, на которых изображены угольно-черные фигуры с атрибутами священного сана. Копты всегда представляют на образах Христа с черной, как вороново крыло, бородой и темными пламенными глазами, трудно найти картину, не имеющую разительного контраста с привычными для Запада образами Спасителя. Чем раньше исполнена икона или фреска, тем более европейский облик у персонажей, но постепенно эллинистические традиции ослабевали, пока христианские святые и мученики на деревянных и оштукатуренных поверхностях не приобрели восточный облик вместо греческого.

10

Кто-то в Каире сказал мне, что «пока не проедешь по Нилу, можешь считать, что не видел Египта», и эта фраза запала в мое сознание. Я решил нанять моторную лодку и выделить два дня на медленный спуск по реке до Луксора.

Подчеркнуто вежливый представитель местной компании, всегда готовый пойти на обсуждение возможной скидки, показал мне свободную лодку: это было отличное судно с подходящим мотором и кабиной, в которой я мог устроиться на ночь. За «определенную сумму» я мог доехать на ней до Луксора. Когда мы сократили «определенную сумму» вдвое, потом забыли об этом результате, обсудили совсем другую цену и выпили по пять чашек кофе, я смог осмотреть судно. Оно было пришвартовано к деревянному причалу, а поскольку я ничего не понимаю в лодках, могу лишь заключить, что она была более или менее белой,

примерно тридцати футов в длину, на ней имелась кабина с застекленными окнами по правому борту, а на крыше кабины находилась маленькая верхняя палуба с рулевым колесом, подняться куда можно было по короткому трапу.

Мы договорились, что лодка заберет меня с причала возле отеля на следующий день в пять утра. Я проснулся в четыре и был очень удивлен тем, что учтивый управляющий швейцарского отеля тоже поднялся в столь безбожно ранний час, чтобы попрощаться со мной. Мы вместе прошли по темному саду, освещенному лишь одним электрическим фонарем, и в это время услышали со стороны Нила нечто наподобие приглушенных взрывов. Каждый из них напоминал предсмертный вздох некоего несчастного механизма.

— Думаю, это и есть ваша лодка, — заметил управляющий, подняв указательный палец.

Я испытал легкое беспокойство. Может быть, он так любезен со мной, потому что не рассчитывает никогда больше увидеть меня в живых? Мы миновали черные стволы пальм, я почувствовал дрожь, вообразив, как этот элегантно одетый, подтянутый человек в утреннем пиджаке говорит кому-то: «О да, я видел того беднягу. Такой приятный человек, и такое неудачное путешествие! Ах! Не желаете ли ужин в номер?»

Наконец мы увидели большие гладкие камни возле причала и белое пятно с фонарем, словно плывущим посреди сумерек — медленно и неуверенно отыскивая путь к берегу. Мотор издал странное покашливание, как ужасно больная лошадь, а потом я разглядел смуглые руки с шестом, которые направляли лодку в сторону от прибрежных камней. Снова раздалась серия пугающих звуков, судно продвинулось на несколько ярдов вперед, вновь замелькал шест, регулирующий курс, а потом я услышал, как борт глухо уткнулся в стойку причала.

— До свидания, — сказал управляющий. — И... удачи!

— До свидания, — ответил я от всей души. — Буду с нетерпением ждать следующей встречи.

Я ступил на узкую палубу и помахал рукой на прощание, надеясь, что экипаж двинется от причала мягко, без рывков; однако человек в белой рубашке, все еще сжимавший в руках шест, сообщил, что пока нет старшего механика. Я поинтересовался, где он, и услышал безмятежный ответ:

— Он спит.

Я велел пойти и разбудить его, причем немедленно. Человек в белой рубашке прошел на нос лодки, где я разглядел небольшое углубление, а в нем три темные фигуры, скорчившиеся так, словно они попали в ловушку. Между ними и моим собеседником разгорелся ожесточенный спор, в итоге один из спавших выбрался наружу, спрыгнул на берег и исчез в темноте.

— Вы не думаете, что лучше вернуться в отель и выпить чашечку кофе? — поинтересовался управляющий.

— Не беспокойтесь, сэр, возвращайтесь в постель. Вы и так были более чем любезны. Я уверен, мы с минуты на минуту отправимся.

Итак, мы обменялись рукопожатием, он скрылся в тени сада, а я нетерпеливо закурил в кабине, где стоял запах сильного инсектицида. Само по себе это означало, что у местных самые добрые намерения. Одна из трагедий Востока заключается, кстати, именно в том, что здесь у всех самые добрые намерения.

Минут через десять или около того заспанная фигура в феске и заляпанном жиром костюме появилась на борту и безмолвно исчезла в глубине судна. Снизу раздались удары молотка, некоторое время он ровно постукивал. На палубу выбрались еще три члена экипажа, переговариваясь и закуривая. Судя по всему, человек с молотком был старшим механиком, а потому я шагнул вперед и спросил, почему мы не выходим.

Капитан — им оказался человек с шестом — встал и с подчеркнутым уважением сообщил, что тот, кого посылали за старшим механиком, еще не вернулся, а без него выйти совершенно невозможно. Я заметил, что экипаж в пять человек для такой небольшой лодки кажется мне весьма необычным, но капитан заверил, что здесь всегда бывает именно так. Я уже начал задумываться о том, что стоило бы сойти на берег и поехать поездом, как вдруг появился недостающий член экипажа, который, вероятно, принес с собой удачу, так как мотор неожиданно зашелся в истерическом приступе кашля, и мы наконец тронулись в путь.

Лодка описала изящную дугу поперек Нила, огибая скалы на расстоянии не больше ярда (капитан отталкивался от них шестом, когда мы проходили рядом), вышла на центр фарватера, и мы довольно быстро двинулись на север, причем судно содрогалось при каждом обороте винта. Я сидел в кабине, наблюдая за восходом солнца, и размышлял о том, как жестоко и несправедливо обвинять этих отличных ребят только потому, что они ведут себя не так, как мы. У них собственный способ решать проблемы и вести дела.

Отвратительный запах жженого моторного масла постепенно распространился вокруг, а густые облака дыма прошли над головой и потянулись за кормой. Мотор явно барахлил, но человек в феске в очередной раз сильным ударом привел его в чувство; глядя на поднимающееся солнце и проплывающую мимо прекрасную землю, я ощутил, что все замечательно.

Мы шли по реке часа два, когда я решил подняться на верхнюю палубу. Я увидел сидящего там члена экипажа, который стряхивал пепел от сигареты на грудку канистр с бензином, составлявших весь наш запас топлива. Канистр было девятнадцать. Матрос очень жизнерадостно отнесся к предложению покурить в другом месте. Помимо этого человека и топлива на

крыше кабины находилось большое и очень домашнее на вид плетеное кресло, которое мне предложили занять. Я встречал такие кресла в Англии, в них любят спать кошки, но обнаружить его посреди нильских вод было весьма неожиданно. Усевшись, я понял, что малейший крен судна создает риск падения в реку вместе с креслом, так как поручни на верхней палубе очень низкие и не смогут удержать. И все же было исключительно приятно сидеть на солнце, глядя на зеленую полосу растительности, временами почти сходящую на нет, потому что кое-где пояс возделываемых земель становится настолько тонким, что пустыня видна за кромкой вершин пальмовых рощ. Женщины с сосудами на плечах, ослы, верблюды, мужчины, идущие по делам, — все силуэты четко вырисовывались на фоне ярко освещенных, высоких набережных, напоминая древнеегипетские фризмы.

Внезапно мотор заглох! Лодка резко свернула к порту и остановилась. Кресло заскользило по палубе, и я поспешил вскочить на ноги. Мотор вновь заработал и опять застопорился. На сей раз мы находились на фарватере, и судно медленно разворачивалось посреди реки. Это был поистине ужасный момент, я лихорадочно стал соображать, не заполняется ли водой кабина, ведь ее окна находились всего на шесть дюймов выше уровня реки. Нас повлекло течением, капитан стоял наготове с шестом, отчаянно пытаюсь спасти судно от ударов о камни, хотя я не совсем понимал, на что он рассчитывает, поскольку Нил — очень широкая река, а мы находились ровно на середине. Я обратился к нему и спросил, почему же мотор в таком отвратительном состоянии. Он ответил, что мотор очень хороший, но его почти год не использовали. Он сильно заржавел. Но механик очень умный человек, он вскоре все наладит.

Я спустился, чтобы взглянуть своими глазами, но старший механик обращался с бензином таким образом,

что я пришел в ужас и решил больше не смотреть. Сидя в сторонке, я наблюдал за тем, как мы медленно дрейфую по реке, и не мог избавиться от мысли, что мы в любой момент пойдем ко дну, или взорвемся, или что там еще может случиться с такой лодкой в минуту катастрофы?

Однако через некоторое время мотор благополучно заработал, лодка выровняла курс, но теперь шла заметно медленнее. Едва ли не каждый час происходила очередная поломка, повторялся тот же крен, разворот и унижительный, неуправляемый спуск по течению. Я достал карту и стал искать ближайшую железнодорожную станцию Идфу. При удачном стечении обстоятельств мы можем добраться до Идфу до темноты. Интересно, ночной поезд из Асуана придет туда раньше нас? Я твердо решил покинуть лодку в целях собственной безопасности.

К моему удивлению, храм Ком-Омбо внезапно возник передо мной на восточном берегу реки. Этот пейзаж вдохновил меня и придал отваги. Все не так уж плохо. Мы прошли двадцать пять миль за девять часов, то есть делали около трех миль в час. Лучше, чем я ожидал.

Я вышел на берег в Ком-Омбо и осмотрел великолепный храм птолемеевской эпохи, посвященный богу-крокодилу. Больше всего заинтересовала меня необычная атмосфера «Возрождения». Каменщики той эпохи по-прежнему уверенно справлялись с работой, но художники, украшавшие стены залов фигурами и иероглифами, уже не верили в себя или в то, чем занимались. Они явно пытались возродить нечто угасающее, безжизненное.

Древняя сила, а еще древняя убежденность, были утрачены, и вместо энергичных, властных и мощных фигур я увидел утонченные парижские профили, слабые и экзотичные, словно актеры представляли богов и царей Египта на маскараде. И все же в этой живописи

имелись свои очарование и изощренность, характерные для птолемеевского искусства, быстро деградировавшего к поверхностности и самовлюбленности. Глядя на эти фигуры, ощущаешь, как греческое искусство пыталось внести извилистые линии в жесткую регулярность и угловатость традиционных египетских контуров. Возможно, художники той эпохи, рожденные в эллинистическом мире, восхищались греческим искусством и пренебрегали собственным наследием, представлявшимся им реликтом веры, которая была уже утрачена. Интересно наблюдать, как искусство, в лучших своих образцах исполненное скрытой жизни и внутренней энергии, находит изящную и утонченную смерть.

Вернувшись на злосчастную лодку, я отправился дальше на север. Утомительно будет перечислять, сколько раз мы останавливались посреди фарватера и как возрождалась надежда с новым биением героического мотора. Когда солнце склонилось к закату, мы прибыли в Идфу — место, лучше всего сохранившее облик Древнего Египта. Дворы и залы, даже маленькая и темная камера, в которой стояла статуя Гора, почти не пострадали от времени; гранитный пьедестал для священной барки бога находился на своем месте, в центре святилища. Для христианского археолога это место интересно тем, что окружающий святилище коридор сильно напоминает галерею западной церкви.

Мне пришлось покинуть древнее великолепие и вернуться к реке, чтобы сообщить экипажу о моем решении прервать путешествие. Я ожидал взрыва возмущения, но, как ни странно, ничего подобного не случилось. Капитан только вздохнул, а умный старший механик закурил очередную сигарету. Что касается остальных членов экипажа, их просто нигде не было видно. Так что мы расстались лучшими друзьями, и я сел

на ночной поезд до Луксора. В моей сумке лежал путеводитель по Египту, и, когда от нечего делать я открыл его, глаза наткнулись на следующий пассаж: «Навигация по Нилу, старейший вид транспорта в Египте, является одновременно и самым приятным видом путешествия. Идти под парусом или на моторной лодке между плодородными берегами значит осознать...».

Нет, эти слова явно предназначались не мне.

11

Утром я сел на поезд в Луксоре и еще до полудня прибыл в большой торговый центр Сохаг — столицу провинции Джирга. Это чистый, приятный город с отличной набережной. На противоположном берегу виднелись глинобитные дома и минареты Ахмима — городка, в котором явно чувствуется европейское влияние, там из мусорных отвалов и погребов добывают реликвии греческого Панополиса, радующие сердца всех торговцев антиквариатом.

Я приехал в Сохаг, чтобы увидеть Белый и Красный монастыри, два самых любопытных христианских строения в Египте. Я встретился с епископом Сохага, импозантным бородатым мужчиной с золотым нагрудным крестом и в черном, формой напоминающем дыню тюрбане. Он заметно отличался от простых монахов, которых я видел в пустынных монастырях; передо мной, безусловно, был человек утонченный и культурный. Мы выпили кофе, и я подумал, что если бы все коптские священники обладали его широтой взглядов и образованием, церковь могла пережить духовное возрождение, запоздавшее на несколько столетий.

Он рассказал мне историю происхождения Белого и Красного монастырей, весьма любопытную, поскольку о раннем периоде этих строений известно очень мало. Коптская традиция сообщает, что они были основаны святой Еленой, матерью императора Константина, когда она была «на обратном пути» из Иерусалима после обнаружения Святого Креста. Копты говорят, что она прибыла в Египет в сопровождении военного эскорта и направилась напрямик в Эль-Маншах, расположенный на том же берегу Нила, что и Сохаг, в девяти милях к югу. Считается, что там она основала небольшой монастырь. Затем Елена проехала на север в Сохаг и встала лагерем в пустыне, примерно там, где теперь находится Белый монастырь, который основала тоже она; потом, оставив стражу в горах, она выбрала место для Красного монастыря в четырех милях к северо-западу.

Эта история кажется мне вполне правдоподобной. Некоторые специалисты верят, что святая Елена прибыла в Иерусалим в декабре 326 года, другие отдают предпочтение январю 327 года. Императрице было в это время около 80 лет. Она прибыла в сопровождении большого количества солдат, охранявших огромный груз серебра. Перво-наперво она разрушила храм Венеры, выстроенный Адрианом на месте Кальвария, и поблизости от него обнаружила реликвии Святого Креста. Затем она заложила церковь Гроба Господня в Иерусалиме и церковь Рождества Христова в Вифлееме; а примерно через год, когда постройка зданий существенно продвинулась, присоединилась к Константину в Никомедии.

Вполне возможно, что святая Елена посетила Египет, скорее всего, не на «обратном пути», как говорят копты, а во время годичного пребывания в Палестине. Любопытно упоминание Эль-Маншаха как цели ее поездки в Египет. Начиная со средних веков сочинители

легенды о пребывании святой Елены в Египте не выбрали бы это убогое поселение в качестве места царского визита. Но во времена Елены там находился процветающий птолемеевский город с греческим населением, Ермиу, который Страбон называл «крупнейшим городом Фиваиды, не меньше Мемфиса, с законами, установленными по эллинским обычаям». Следовательно, это ныне непримечательное поселение шестнадцать столетий назад отлично подходило для приема матери императора.

Я доехал на машине вдоль набережной до Белого монастыря, минут через двадцать мы миновали возделанные поля и оказались посреди песчаной холмистой пустыни. На самом ее краю стояло необычное здание. На первый взгляд оно могло показаться египетским храмом. Белые стены, сложенные из крупных блоков известняка, достигали примерно 80 футов в высоту, они были чуть заметно наклонены внутрь — так строили стены древних языческих храмов. Карниз изгибался, создавая образ извилистой волны, типичной для египетских храмов и известной в архитектуре под названием «выкружка».

Если смотреть снаружи, возникает впечатление, что стоишь перед древнеегипетской крепостью. Узкие прорезы бойниц — единственные отверстия в сплошной высокой стене, сначала кажется, что в ней вообще нет проходов, потому что они заложены.

Войдя в монастырь через узкие боковые ворота, я увидел то, что некогда было самой великолепной церковью Египта. На нее нападали грабители (когда Денон проходил тут с наполеоновской армией в декабре 1798 года, монастырь еще дымился после набега мамлюков), центральный неф теперь не имеет кровли и открыт в небо, разрушенные колонны валяются в беспорядке. Глинобитные домики выстроены прямо

внутри церковного пространства, а немногочисленные старые монахи ютятся в них и раз в неделю служат *курбан* в маленькой церкви, устроенной в апсиде большого здания.

Как-то не поворачивается язык назвать все это Белым монастырем: скорее это Белая церковь. Монастырь когда-то окружал ее, но теперь строения — кельи, хранилища, мельницы, кухни, — выстроенные из сырцового кирпича, давно исчезли. Белая церковь стоит в центре, за высокими стенами, а план поселения, вероятно, повторял изначально структуру египетского города: каменный храм или церковь в центре, а вокруг масса глинобитных жилищ.

Сэр Флиндерс Петри, в 1907 году проводивший раскопки на месте монастыря, пришел к заключению, что первоначальная церковь эпохи Константина находилась к югу от нынешнего здания, что подтверждает коптское предание о святой Елене. Существующая Белая церковь, следовательно, является более поздней постройкой, возведенной около 440 года, но в нее перенесли немало колонн и декоративных элементов первоначальной церкви.

То, что осталось от декора храма, поражает великолепием. Прекрасные классические колонны с богато украшенными капителями все еще украшают апсиду, а полукупола сохранили средневековые фрески. Это одно из самых невероятных зданий в мире. Образ большой белой египетской стены, окружающей столь изящное греко-римское строение, поражает своей фантастичностью. А, кроме того, это восхитительная иллюстрация к истории египетского христианства. Христианские отшельники обитали в древних погребальных камерах, а первые церкви Верхнего Египта были образованы путем перегораживания храмов, в которых ранее поклонялись Амону-Ра и другим богам. Я не понимал, как это может объяснить

появление Белой церкви, греческой жемчужины внутри египетской раковины. На мой взгляд, ответ можно найти в житии одного великого человека, имя которого связано с этим монастырем. Я говорю о Шенуди, одном из самых примечательных персонажей в истории раннего христианства. Он родился в окрестностях Ахмима около 334 года. Он был коптом без малейшей греческой примеси. Уже в раннем возрасте он проявил пристрастие к религиозной жизни, стал учеником своего дяди Аввы Бгула, который возглавлял изначальный Белый монастырь — общину, основанную святой Еленой. Копты рассказывают, что молодого Шенуди привели к дяде, святому старцу, еще мальчиком, и тот понял, что перед ним предстал святой, более великий, чем он сам, а потому преклонил колени перед ребенком и возложил его руки себе на голову с просьбой о благословении.

Дядя умер, когда Шенуди было около 50 лет, и он унаследовал пост настоятеля монастыря. Это был не изможденный видениями и аскезой анахорет, а человек, сочетавший глубочайшую набожность с колоссальной силой воли. Шенуди является важнейшим персонажем коптской литературы. Он превратил диалект коптского — саидический — в литературный язык, многие из его сочинений дошли до наших дней, и в них чувствуется свойственная святому страсть и энергия. Он вел войну против идолопоклонников своего времени, осуждал почитание духовных реликвий вообще. Он поставил перед собой задачу реформирования монастырей, ввел новые, более строгие стандарты поведения и дисциплины. Он писал о самых актуальных церковных вопросах своего времени, посещал собор в Эфесе в 431 году, где яростно выступал в поддержку Нестория. Он был и на соборе в Халкедоне и видел, как египетская церковь ищет свой путь в ереси и изоляции от остального христианского мира.

Говорят, что он управлял двадцатью двумя тысячами монахов и восемнадцатью тысячами монахинь. Даже если это преувеличение, совершенно ясно, что он был духовным лидером огромного религиозного сообщества. Примерно в 440 году у него появилась необходимость расширить и обновить монастырь дяди; вероятно, естественным шагом для человека, который был египтянином по рождению, воспитанию и взглядам на мир, стало возведение вокруг новой, но по-прежнему греческой по стилю церкви мощной стены по образцу стен его родных, древнеегипетских храмов. Это объясняет, почему мы видим греческий храм внутри египетского ограждения.

Но все же он был святым и лидером монастыря, и именно поэтому его так почитают копты. Хотя его правила суровы и сам он был склонен к авторитарному стилю управления, у него было множество последователей. Он утверждал, что иногда бил виновных монахов, а однажды, когда гражданские власти заявили о своем праве войти на территорию монастыря, горячий настоятель просто выкинул их представителей вон, едва не придушив старшего из чиновников. Но, прежде чем осуждать Шенуди как жестокого и свирепого человека, надо вспомнить, что большинство его монахов были простыми крестьянами-феллахами, а многие из них вели себя просто как непослушные дети. Несомненно, Шенуди, как и другие горячие люди, склонные к крайностям, мог преувеличивать степень своей свирепости, а в моменты покаяния видел собственные поступки в самом мрачном свете. Его простодушные монахи происходили из тех слоев общества, которые привыкли подчиняться палке, так повелось еще со времен постройки пирамид, и, возможно, это был единственный понятный им довод.

Приступы гнева, в которых Шенуди сам открыто признавался, уравнивались набожностью и

нежностью. Он верил, что Спаситель являлся ему в видениях и не оставлял попечением его самого и монастырь.

Шенуди писал: «На земле этого монастыря нет ни пяди, куда бы не ступал Спаситель, направляя меня Своей рукой. Те, кто не может посетить Иерусалим, могут принести Ему подношения в этой церкви. Этот монастырь *есть* Иерусалим».

Я проехал в Красный монастырь, расположенный менее чем в четырех милях от Белого. В отличие от своего «товарища», он не стоит одиноко посреди пустыни, а отчасти скрыт домами и пальмовыми рощами. Строение называется Красным монастырем, потому что возведено из красных обожженных кирпичей.

Как и Белая церковь, это сооружение сохранилось частично, здесь тоже уцелела восточная часть храма. Несомненно, это самый обильно украшенный христианский памятник Египта. Эллинистическое по стилю, чрезмерно декорированное здание обладает величием и достоинством даже в наши дни. Оно определенно принадлежит классической архитектурной традиции, что делает его несколько необычным в качестве центра коптского христианства. Есть мнение, что при строительстве использовали колонны из соседнего языческого храма, находившегося в греческом городе, но это мнение не вполне убедительно, если учесть, что собиравшиеся тут монахи не только не говорили по-гречески, но были активными врагами греческой церкви. Трудно поверить, что египтяне могли выстроить для себя церковь греческого типа в тот самый момент, когда появление монофизитства раскололо христианский мир и отделило их от остального сообщества. Если мы примем на веру коптское предание об основании Красного монастыря святой Еленой, тогда станет ясно, что к идеологическому разрыву это здание

уже два века являлось священным: следовательно, вполне естественно, что монахи не пожелали перестраивать его и сохранили оригинальные черты.

В тот же вечер я сел на поезд в Сохаге и к утру прибыл в Каир.

Глава девятая

Земли Исхода и гора Синай

Я путешествую через дикие земли Исхода и на несколько дней останавливаюсь в греческом монастыре на Синае. Я вижу церковь Преображения, реликвии святой Екатерины Александрийской и поднимаюсь на гору Синай.

1

Греческие монахи, обитающие в уединенной крепости-монастыре на горе Синай, не впускают путешественника, пока он не предъявит им рекомендательное письмо от архиепископа Синайского, который живет в Каире. Когда я прибыл в дом архиепископа, меня провели наверх, и греческий монах сообщил мне, что его преосвященство Кирилл III примет меня лично. Положение архиепископа весьма примечательно. Как пишет Эдриан Фортескью, «над ним нет никаких властей, кроме Христа и семи вселенских соборов», а как глава маленькой автокефальной православной церкви он является абсолютным духовным владыкой Синая.

В комнату вошел архиепископ — с густой бородой, характерной для греческих иерархов, в облике его чувствовались благородство и мягкость. Он сказал, что собирается в долгую поездку и, если будет угодно Богу, мы вновь встретимся уже на Синае. До недавнего времени он путешествовал с караваном верблюдов, и такие длинные и медленные переезды занимали у него семь-восемь дней. Однако теперь он нанимает «форд»

на Суэце и за день успевает доехать от Каира до монастыря.

Он дал мне необходимое рекомендательное письмо, и мы пожелали друг другу Божьей милости.

Большинство путешественников, посещающих Синайский полуостров, жаждут увидеть места, о которых говорится в книге Исход; но меня гораздо больше интересовала христианская история полуострова, поскольку о ней известно гораздо меньше. Как и пустыни Египта, Синай принял первых отшельников и анахоретов во время великого монашеского движения III-IV веков. Но в отличие от египетских отшельников, в Синайских горах обитали почти исключительно греки. Думаю, это естественно, ведь Синай тогда был частью грекоязычного мира. Когда сэр Леонард Вулли и покойный Т. Э. Лоуренс совершали поездку по Синаю перед войной, они обнаружили, что эта ныне почти полностью бесплодная земля хранит руины многочисленных византийских городов, церквей и монастырей, а торговые маршруты пересекали ее от Красного моря на север, через Беэр-Шеву до Газы. Так что греки, искавшие уединения на Синае пятнадцать веков назад, недалеко уходили от своего привычного мира, оставив пустыни вдоль нильской долины коренным египтянам. Греческий отшельник был бы чужестранцем в Вади Натрун, но на Синае он был дома, несмотря на то что и греки, и египтяне тогда принадлежали к одной церкви; подобное разделение по национальному принципу поставило Александрийскую церковь в особое положение задолго до монофизитского раскола.

Первые отшельники поселились в романтических горах Сербал, которые многие считают горами Закона, а также в уединенном ущелье в двадцати пяти милях оттуда, где существует куст, признанный Неопалимой

Купиной, в которой Господь явился Моисею. Поселение Сербал процветало в красивой небольшой долине, называемой Фаран — сегодня Вади Фейран, — для которой почти сразу был назначен епископ. Епископ Фарана стал главой монашеского движения на Синае, под его присмотром находилось несколько квадратных миль горного бездорожья, прорезанного пещерами и усеянного кельями паствы. Когда правительство ослабело, а пограничные набеги арабов участились, монахи Синая стали все чаще погибать от рук мародеров. Легенда гласит, что святая Елена выслушала мольбы отшельников и построила церковь и защитную башню возле Неопалимой Купины, но в дальнейшем главному монастырю Фарана пришлось полагаться лишь на собственные силы. В VI веке жизнь аскетов на Синае стала настолько опасной, что император Юстиниан окружил маленькую церковь Св. Елены и башню массивной крепостной стеной. В скором времени беззащитное поселение Фарана было уничтожено постоянными набегами арабов, и епископ нашел убежище в стенах монастыря Неопалимой Купины. Его преемники жили там же, а потому со временем прежний титул забылся, и после 630 года эти священнослужители стали называть себя епископами Синайскими. Возможно, с перенесением престола многие добрые традиции перешли с гор Сербал на гору Синай, но об этом трудно судить с определенностью.

Монастырь Юстиниана выстоял на Синае, несмотря на все угрозы и трудности, на протяжении четырнадцати столетий, оставаясь единственной твердыней христианства в обширных горах полуострова. Этот монастырь видел первые армии мусульман, двигавшиеся на запад, в Египет, а со временем стал и свидетелем падения Византийской империи, которая его защищала. Он был уже древним и почитаемым во всей Европе, когда крестоносцы вырезали свои имена на его

стенах. Наполеон произвел ремонт этих стен, а во время другой военной кампании лорд Алленби встретил здесь добрый прием.

Несмотря на перемену исторических декораций и все спады и подъемы, монастырь на горе Синай стоит прочно, ведь его корни уходят теперь не в византийский Константинополь, а в Александрийскую церковь, чьи греческие сыны первыми ушли в пустыни Синая, чтобы вести жизнь, которую Прокопий Кесарийский называл «пристальным изучением смерти».

2

Утром я доехал на машине до Суэца, чтобы договориться обо всех деталях моего путешествия на Синай. Я получил письмо от грека, владельца гаража по имени Михаил Валлинис, судя по всему, того самого человека, который мне и требовался. Он пять раз ездил в монастырь на горе Синай, показал мне рекомендации, фотографии, на которых он в рубашке с короткими рукавами энергично выталкивал с дороги огромные камни, преграждавшие путь жутковато выглядевшему лимузину. Также он продемонстрировал фотографии, на которых стоял с киркой и лопатой, а ниже красовалась подпись на французском: «На пути к Синаю». Очевидно, он знал дорогу.

Суэц — маленький и чрезвычайно жаркий город на северной оконечности Суэцкого залива, примечательный лишь тем, что через него проходят огромные лайнеры, проплывающие над песками. Их винты высовываются наружу, когда они медленно продвигаются вперед, стараясь не задевать стены канала. Иногда с них доносятся звуки оркестров, а жизнерадостные пассажиры в белых одеждах машут руками верблюдам,

стоящим на берегах канала, что придает Суэцу характерную атмосферу ирреальности.

Господин Валлинис мне понравился. Энергия была из него ключом. Он отлично знал страну, а его жажда приключений не знала границ. Он был открытым, решительным и подвижным.

Он сказал, что мы должны взять вторую машину на случай поломки, это правило путешествия по египетской пустыне, и еще необходимо запастись пищей и водой на шесть дней, то есть на все время, которое я отвел на поездку. Надо взять с собой повара, его найдет господин Валлинис.

Я согласился поручить ему все организационные хлопоты. Обычно я так не поступаю, но в данном случае положился на человека, который производил впечатление надежности и компетентности. Однако во второй половине дня, пока я убивал время в Суэце, внезапно мне пришла в голову мысль, что я в спешке забыл сказать господину Валлинису, какая пища мне категорически не нравится.

— Пища? — воскликнул он. — Вы хотите знать, какую пищу я возьму с собой? Заходите и взгляните сами.

Мы прошли за гаражи, где стояла большая американская машина, снабженная колесами для пустыни и большими рессорами, а также лежали две лопаты, кирка и другие аксессуары для поездки по пескам.

Господин Валлинис открыл черную крышку багажника, со стороны показавшуюся мне несколько аномальным вариантом. Оказалось, внутри установлен сундук, забитый кусками льда. Первым, что я увидел, была индейка, ошипанная и аккуратно связанная. Затем я разглядел несколько кур, голубей, большой кусок телятины, баранью ногу и несколько крупных бараньих отбивных.

Он энергично стал рыться в холодильнике.

— Что вы ищете? — поинтересовался я.

— О, горе, горе! — воскликнул он. — Они забыли цесарок и перепелов! Вот видите, что случается, когда сам все не проверишь!

Я заверил его, что не стоит беспокоиться о цесарках и перепелах, потому что у нас и так полно еды. Я постеснялся сказать, что до того, готовясь к поездке на Синай, наивно купил пару жестянок говяжьей тушенки и еще несколько упаковок консервированной фасоли, полагая, что это будет отличное дополнение к нашему меню.

Но господин Валлинис так легко не сдавался. Он вынул из запасной машины огромный кейс, нырнул в него, извлек наружу артишоки, капусту, картофель, фасоль, банки консервированного горошка и свежую морковь.

— Это подходит? — спросил он.

Он честно и взволнованно смотрел на меня и, по ошибке приняв мой ошарашенный вид за разочарование, нахмурился. Затем его лицо озарилось, и он издал вдохновенный вопль:

— Ага! *Может быть, вы любите икру?*

Я сбежал в отель, расположенный возле станции, с таким чувством, что все же не был готов к неожиданностям. Я отправлялся на гору Синай, предполагая самые разнообразные трудности и лишения, а господин Валлинис беспокоился о том, годится ли к столу икра!

3

На следующий день в пять утра мой Улисс прибыл к отелю, чтобы отвезти меня на Синай. Одна за другой, в сером предрассветном сумраке появились две машины, и вскоре мы уже были в пути. В первом автомобиле за

рулем сидел сам господин Валлинис, там же находился я, мой багаж и огромный, барский холодильник с деликатесами. Во второй машине были сложены одеяла, стояла огромная емкость с водой, коробки со снедью, за рулем был молодой грек-шофер, а рядом восседал пухлый, жизнерадостный человек в бриджах для верховой езды — наш повар Юсуф.

Солнце поднялось, когда мы приблизились к парому через Суэцкий канал. Хотя с египетского берега до Синая можно добросить камень, на той стороне сразу открывается совершенно иной пейзаж. Это не ошибка и не причуда воображения: за чертой канала начинается Синайская пустыня.

У парома стоял служащий, который сообщил, что сегодня мы первыми пересекаем канал. Мы уткнулись в синайский берег, где подразделение полицейских на верблюдах стояло лагерем, прикрывая подступы к каналу со стороны безлюдной на первый взгляд пустыни. Верблюды были привязаны к колышкам, вбитым в песок, прекрасные, светлые животные — беговые верблюды заметно отличаются от массивных гужевых собратьев; так скаковая лошадь отличается от ломовой. Два-три суданца в аккуратно подогнанной форме цвета хаки вышли из палатки и проследили за нашим перемещением, вероятно, из чистого любопытства, свойственного каждому, кто странствует по пустыне.

Наша дорога лежала на юг. Впрочем, слово «дорога» может ввести в заблуждение, я еще на пути в Сиву уяснил, что никаких дорог в пустыне нет. Есть только колея в песке, сухие впадины, пробитые колесами легковых автомобилей и тяжелых грузовиков. Когда губернатор Синая объявляет, что все дороги закрыты, это означает, что дожди смыли следы колес, покрыв их галькой, принесенной потоками воды с гор. Ремонтные бригады направляются в пустыню, чтобы расчистить

путь от камней и проложить новые колеи. Тогда дороги вновь объявляются открытыми.

Пока наши машины подсакивали на неровной песчаной местности, я начал ощущать, что в очередной раз на время попрощался с цивилизацией. Посреди песка мы увидели дорожный указатель. Одна стрелка указывала на север, другая — на восток. На северной красовалась надпись «Иерусалим», на восточной — «Монастырь Св. Екатерины». Вскоре мы добрались до колодца Моисея, там высились несколько плотных скоплений пальм, а между ними находился круглый бассейн с солоноватой водой.

Рядом расположилась группа бедуинов с верблюдами. Я спросил, откуда они; выяснилось, что они уже шесть дней идут от Вади Фейран с грузом древесного угля для Суэца. Это единственный вид бизнеса, доступный синайским бедуинам, что достаточно странно в стране без лесов. Они производят древесный уголь, сжигая случайные обломки древесины, которые только удается найти и которые пригодны для данного процесса. Набрав пару мешков угля, они в течение недели или двух путешествуют в Суэц, чтобы получить несколько шиллингов. В Суэце древесный уголь используют в жаровнях для кальяна.

Предание гласит, что Моисей и народ Израиля шли этой дорогой через Синай, но мы никогда не узнаем наверняка маршрут Исхода. Невозможно сказать, в каком месте израильтяне пересекли Красное море или что случилось с ними после этого. Однако нет причин сомневаться в точности предания, которое привязывает Исход к определенной части Синая, и, конечно, ни одна местность не соответствует в большей мере картинке из книги для воскресной школы, иллюстрирующей это библейское событие.

Час за часом колея бежит вперед по равнине, которую нельзя назвать совершенно ровной, потому что

заметен мягкий подъем местности по направлению движения. Вдали, на юге, видна синяя полоса гор, по мере приближения становящаяся желтоватой.

Мы проехали два часа или около того, когда заметили четыре скоростных пустынных грузовика, приближавшихся к нам. Кто бы это мог быть? Оказалось, машины военные. Они остановились. Мы тоже. Все путники останавливаются в пустыне, и все задают одни и те же вопросы. Куда едете? Как дорога?

Высокий мужчина в твидовом костюме выпрыгнул из кабины первого грузовика и подошел к нам. Это был губернатор Синая. Он проверял состояние дорог. Не в лучшем состоянии, признал он, но проехать можно. Он переночевал в губернаторской резиденции в Абу-Зениме и распорядился оставить ее открытой для меня. Мы пожали руки и расстались. Пыль от колес поднялась в воздух и перемешалась, медленно опускаясь на поверхность пустыни.

Вскоре после полудня мы миновали горный хребет и двинулись петляющей дорогой вдоль старого пересохшего русла. Никогда в жизни я не видел в горах таких красок. Одни скалы казались красно-розовыми, другие — бледно-голубыми, третьи — темно-синими. Цветные пики вздымались навстречу солнцу. Через час мы внезапно увидели Суэцкий залив: широкую полосу темно-голубого цвета, протянувшуюся по золотому песку. И тут перед нами появилось одинокое бунгало в двадцати ярдах от воды. Это была резиденция губернатора. В доме имелись гостиная и три спальни, обставленные походными кроватями и легкими стульями.

Юсуф приготовил потрясающий обед. На голый стол он поставил кастрюлю супа, сардины, жареных голубей, холодную ветчину, индейку и говядину, банку английских маринованных огурчиков, картофельный

салат, сыр бри, французский хлеб, масло и бутылку пива. И все это в Синайской пустыне!

Я провел вторую половину дня, прогуливаясь по песку, собирая необычные, удивительно красивые ракушки, которыми так славится залив. Некоторые моллюски были просто огромными, покрытыми внутри розоватым перламутром, другие напоминали изящные розовые цветы, а если присмотреться повнимательнее, можно было отыскать прекрасно отполированные маленькие коричневые ракушки, которые хочется отвезти домой; но все знают печальную участь раковин, столь тщательно и с энтузиазмом собранных на берегу, а потом безжалостно выброшенных.

Примерно в полумиле от дома губернатора находился поселок и причал марганцевой шахты, единственного признака современной жизни на Синае. Марганец добывают далеко от берега, в цветных горах, а потом доставляют к причалу в вагончиках по специально протянутой в пустыне железнодорожной ветке.

После захода солнца воды залива приобретают холодный лимонный оттенок, а горы становятся черными и кажутся более высокими. Три рыбака-араба готовили лодку к ночной работе. Сами они и их снасти, вплоть до последней веревки, до обтрепанных краев одежды, четко вырисовывались черными силуэтами на фоне желтой воды. Один из рыбаков снял одежду и приготовился оттолкнуть лодку от берега. Он наклонился, медленно начал продвигать суденышко к воде, уперся одной ногой в борт, а потом прыгнул внутрь и распрямился. Мне почудилось, будто я вижу нечто древнее, как мир; странно, что этот бедный араб, отправляясь на ночную рыбалку, принимает позу, достойную резца Фидия.

Одна за другой на небе появились звезды, и Юсуф принес керосиновую лапу.

Прислужник резиденции, *суфражи*, принес чашку чая. Было четыре часа. Он сказал, что завтрак будет готов через десять минут, а «караван» уже готовится к отправлению. Я оделся и вышел в гостиную, где Юсуф накрывал на стол: такой завтрак мог бы позволить себе Джон Миттон^[32] наутро после охоты. Было еще темно, на небе сияли звезды.

Юсуф, очевидно, имел дело с английскими военными и чиновниками, поскольку он где-то раздобыл старый экземпляр «Панча», который заботливо положил возле моей тарелки. Я с чувством долга прочитал журнал при свете керосиновой лампы, и если бы надо мной не довлело ощущение, что это издание представляет английскую, а по сути и мировую литературу в целом, здесь, в Абу-Зениме, я мог бы насладиться приятным свиданием с родиной в преддверии встречи с монастырем на горе Синай.

Когда мы выехали, было еще холодно, господин Валлинис лучился традиционным греческим энтузиазмом и решимостью, которые позволили его народу создать сеть бакалейных магазинов от Александрии до Судана. Пожалуй, никто, кроме ирландцев, не отличается подобным контрастом: склонностью к абстракциям и фантазиям на родной почве — и предельной практичностью за ее пределами. Интересно сравнить торнадо греческой энергии, увлекшей меня на Синайский полуостров, с темпераментом моего прежнего спутника — шофера Михаила, чья деятельность, несмотря на характерную для сирийцев обстоятельность, отличалась заметным фатализмом. Если бы господин Валлинис внезапно наткнулся на рогатую гадюку, он явно не стал бы ждать, пока я передам ему треножник от фотоаппарата: он бы

сам прыгнул на нее или выхватил бы из-за пояса неожиданно оказавшийся там револьвер, чтобы немедленно убрать препятствие с пути. Таков уж был этот человек.

Теперь, когда мы ехали в сторону гор, солнце светило из-за хребтов, и мир постепенно оживал. Сияла голубая вода. Скалы сверкали так, что слепили глаза, а мы то и делало петляли, то разворачиваясь лицом к восходящему солнцу, то оказываясь спиной к нему. Через некоторое время мы оставили позади равнину и помчались прямо вдоль береговой линии залива, а перед нами простиралось огромное пустое пространство: примерно двенадцать миль пустоши с редкими сухими кустами и верблюжьей колючкой. Это место иногда называют Пустыней греха — то есть местом, где израильтяне, вспоминая сытную жизнь в Египте, возроптали на Господа и стали обвинять Моисея в том, что он завел их в пустыню.

Трудно представить себе, как народ Израиля шел через эту страну, где вода находится глубоко под скалами, где большие стаи перепелов падают от истощения и их можно подбирать руками, где вещество, называемое манной, вырабатывается насекомыми, живущими на стеблях тамариска.

Кроме приятных воспоминаний о хлебе, луке, дынях, израильтяне вынесли из Египта мумию Иосифа. То, что Иосифа мумифицировали в соответствии с египетским обычаем, мы знаем из книги Бытие: «И умер Иосиф ста десяти лет. И набальзамировали его, и положили в ковчег в Египте»²⁸. А то, что уходящие из Египта израильтяне взяли мумию с собой, доказывает текст книги Исход: «И взял Моисей с собою кости Иосифа»²⁹.

Существует устойчивое мнение, что эта мумия была захоронена в пещере Макпела в Хевроне, рядом с могилой Иакова; сведения о том, что тело Иакова тоже набальзамировали на египетский манер, содержатся в

книге Бытие (50:2). Пещера эта сегодня находится под мечетью Хеврона, и туда никого не пускают.

Мы пересекли равнину и повернули на восток, чтобы въехать в горное ущелье, тянувшееся между двумя вершинами. Это и было начало Вади Фейран, тридцать миль горной долины, разрезающей хребет Сербал. Красно-розовые и лиловые скальные стены резко уходят в небо, заканчиваясь голыми зазубренными пиками, сверкающими на фоне голубого неба; бок о бок с ними высились горы бледно-янтарного и сернисто-красного цвета со сливовыми прожилками порфира и черными лентами диорита. Та красота, которую мы обычно ассоциируем с окраской травы, вереска, цветов, здесь происходила от фантастического богатства геологических образований. Ни на мгновение глаз не уставал от этого пейзажа. Каждые несколько ярдов картина менялась, открывая новые грани красоты. Словно Природа не удовольствовалась естественными красками скал, свет заполнял все впадины и расщелины, проникая глубоко синими тенями, столь нежного, изысканного оттенка, что я невольно вспомнил бледную голубизну гор Коннемара, а в самых укромных местах он переходил в насыщенную синеву, которую я сравнил бы с темными горами Скай. Как отличалась Синайская пустыня от жутковатой монотонности пустыни Ливийской — ровной и однообразно усыпанной камнями, способной утомить кого угодно!

Мы ехали часа четыре или около того среди этих фантастических скал, все время двигаясь вверх, отыскивая дорогу между огромных валунов, по песчаному грунту. Маленькие птички порхали над нами, совершая невероятные падения и подъемы в воздухе, это были единственные живые существа, которых мы видели за много миль *вади*; только потом стали попадаться верблюды, поедающие колючки, и мы поняли, что где-то за поворотом ущелья, может быть за

большими валунами, стоит шатер бедуинов, словно черная летучая мышь, раскинувшая крылья по земле.

В высшей точке долины мы увидели единственный оазис во всем Южном Синае — оазис Фейран, «Жемчужина Синая»; в какой-нибудь другой части света он сошел бы за приятное, тенистое местечко, где растут деревья, трава, где есть свежая вода. Но посреди пустыни этот оазис кажется раем; какое наслаждение после четырех-пяти часов путешествия по суровым горам увидеть зелень, прогуляться среди пальм, услышать звон колокольчиков на шеях коз и легкое журчание воды.

В оазисе живет группа бедуинов и один греческий монах, отец Исая, который исполняет обязанности сторожа и садовника в доме, принадлежащем монастырю на горе Синай. Господин Валлинис рассказал, что этот старец выращивает овощи для монастыря. Я подумал, что было бы учтиво провести с ним часть дня, и мы подъехали к глинобитной стене, окружавшей его жилище, постучали в дверь, к которой был прибит маленький деревянный крест.

Сквозь трещину в двери мы увидели седобородого монаха, полупатриарха-полубандита; он осторожно ковылял вдоль дорожки сада, на нем были грязная ряса и брюки цвета хаки, в руке он сжимал ружье. Длинные седые волосы монаха были стянуты в узел на затылке, а на голове красовалась черная шапочка, традиционная для православных священников.

— Кто там? — спросил он, не открывая ворот.

— Воры и грабители, — немедленно отозвался господин Валлинис, никогда не упускавший возможности подшутить над другим греком.

Последовала долгая тишина. Взглянув наверх, мы увидели серьезное лицо старого монаха над стеной. Он опустил ружье.

— Не надо шутить с такими вещами, — заметил он. — Это безнравственно. У вас есть табак? Я уже много месяцев курю сушеные водоросли. Заходите...

Мы вошли в тенистый сад. Аллея из вьющихся растений вела от ворот к простому домику, в котором жил монах. Он объяснил, что его работа состоит в том, чтобы поддерживать порядок среди бедуинов и следить, чтобы они не посягали на монастырские земли.

— Здесь не слишком одиноко? — спросил я.

— Почему здесь должно быть более одиноко, чем в любом ином месте?

Его ответ показался мне восхитительным.

— Из какой части Греции вы родом?

Но я так и не узнал этого, потому что старик вдруг вскрикнул, схватил ружье, бросился к зарослям сахарного тростника и мгновение спустя скрылся из виду. Потом мы услышали грохот выстрела. Монах вернулся в дурном настроении. Он упустил ястреба, который совершал регулярные налеты на голубятню.

— Могу я взглянуть на ваше ружье? — попросил я.

Он протянул мне старинное кремневое ружье, заряжающееся с дула, со стволом, скрепленным полосами меди. Это было английское ружье с гравировкой: «Тауэр. 1859 год». Какая странная судьба для английского ружья, изготовленного около 80 лет назад! Очевидно, оно принадлежало кому-то из солдат, полагаю, слово «Тауэр» подразумевает лондонский замок Тауэр, в котором в свое время ставили клейма на стрелковом оружии.

Старик поинтересовался, нет ли у нас патронов, причем говорил ласково, почти вкрадчиво, как малыш, который выпрашивает конфеты. У нас с собой было ружье и гильзы — больше, чем необходимо, так что мы щедро поделились с ним; но я не совсем понимал, зачем они ему, ведь такие гильзы не подходят для ружья, заряжающегося с дула. Монах крикнул от удовольствия,

а потом взял одну гильзу и вытряхнул из нее порох в небольшую фляжку. Он пояснил, что сам делает пули, выплавляя свинец; но вот пороха ему не хватает. Он вынужден полагаться на щедрость проезжих охотников, а потом потрошить подаренные гильзы. Он показал мне кое-какие свои изделия, надо сказать, шрапнель была первосортной. Он использовал в качестве пыжей сухие листья, а порох засыпал через старый бараний рог, и, несмотря на все перипетии, которые должно было пройти кремневое ружье, оно все еще стреляло.

Я спросил старика, каковы пределы охраняемой им собственности. Он ответил, что территория занимает несколько квадратных миль гор и прилегающих участков долины, вплоть до руин, которые оказались древней церковью. Почти на каждой горе можно было разглядеть кучи камней, по виду напоминавшие пирамиды, я взглянул на них в бинокль и понял, что это руины скитов. Старый монах охранял не что иное, как поселение отшельников — Фаран.

Я очень хотел осмотреть оазис и провести остаток дня, изучая горы. Они напоминали медовые соты, так как были изрезаны пещерами, в которых селились первые отшельники; там сохранились их могилы. От оазиса до вершины горы Сербал руины церквей и жилищ анахоретов все еще ждут своего исследователя; они пребывают в том же виде, в каком оставили их арабы, разрушавшие их в течение первых шести веков христианской веры.

Руины церкви в саду монаха, очевидно, являются останками кафедрального собора Фарана. Увитая плющом аллея опиралась на разбитые византийские колонны, некогда входившие в структуру храма, выстроенного раньше, чем юстиниановские стены монастыря на Синае. Очевидно, именно среди этих руин Палмер, совершавший поездку в составе артиллерийской экспедиции на Синай в 1869 году,

обнаружил любопытную каменную фигурку сидящего человека с воздетыми руками, возможно, представлявшую Моисея во время битвы при Рефидиме.

Неудивительно, что монахи и отшельники Фарана непрерывно эмигрировали в монастырь на Синае, являвшийся более надежным укрытием, поскольку защитить Фаран абсолютно невозможно. Это идеальное место для ведения партизанской войны. Арабы могли просто сидеть в засаде за скалой и стрелять из луков по церквям и скитам. Я вспомнил рассказ о массовом убийстве, случившемся в 380 году, его записал странствующий египетский монах Аммоний. Совершив паломничество в Иерусалим, он решил подняться на священную гору Синай. Он прибыл сюда во время одного из очередных набегов — и подумал, что монахи «сродни ангелам, потому что они были бледны и как бы бесплотны, благодаря воздержанию от вина, масла, хлеба и других продуктов, которые ведут к роскоши, они питаются только финиками, которых едва хватает, чтобы сохранить им жизнь».

Через несколько дней после приезда Аммония сарацины внезапно атаковали отшельников в скитах и перерезали многих; Аммоний сообщает: «Так что мы с настоятелем Дулой и другими нашли убежище в башне, пока варвары резали всех отшельников, оставшихся в Трамбе, Хоребе и Кедаре, а также в иных местах». Интересно отметить, что монахи Синая имели в своем распоряжении защитные башни, как и их собратья в Вади Натрун в те же времена.

Пока Аммоний и другие отшельники укрывались в башне, сарацин спугнули, и беглецы выбрались из башни, чтобы оценить нанесенный ущерб. Они нашли 38 трупов отшельников в скитах. Прибыл вестник, сообщивший, что соседнее поселение также разграблено, но не сарацинами, а нубийским племенем блеммиев, которые, вероятно, являются предками

бишаринов из Асуана с их ярко выраженными африканскими чертами. Они действовали намного более жестоко, чем сарадины, напавшие на Фаран. Блеммии атаковали защитную башню, скакали вокруг нее с дикими криками, пока отшельники молились внутри. Павел из Петры, основатель того поселения, был святым человеком и обладал исключительной отвагой.

Он кричал: «О поборники Бога, не сожалеете об этом! Дайте своим душам ослабеть, не делайте ничего недостойного вашей рясы, облекитесь силой, радостью и мужеством, которые питаются из чистого сердца, и пусть Бог примет вас в свое Царство!»

Через некоторое время блеммии навалили стволы деревьев вокруг башни и ворвались в дверь, из чего следует, что, как и круглые башни Ирландии, защитные укрепления Синая имели высоко прорезанные двери, в которые нельзя было войти с земли. Блеммии попали в башню и стали требовать настоятеля. Павел из Петры выступил им навстречу. Разбойники потребовали у него сокровищ, на что он ответил: «Поистине, дети, я имею лишь то старое тряпье, что на мне». Они побили его камнями, а потом надвое раскололи его голову мечом. После этого человек, который рассказывал о случившемся Аммонию, заявил с прямоотой, которая утрачена нами за минувшие века:

А затем я, несчастный грешник, увидев убийство, и кровь, и внутренности на земле, стал искать, куда бы спрятаться. В левом углу церкви лежал куча пальмовых листьев. Не замеченный варварами, я залез внутрь, сказав себе: если они найдут меня, то могут убить, но если я не спрячусь, они наверняка это сделают.

Из своего укрытия он наблюдал за тем, как в церкви были убиты все отшельники, видел, как варвары

обыскивают помещения в поисках сокровищ; естественно, им не пришло в голову рыться в пальмовых листьях. Ничего не найдя, они в ярости умчались прочь.

Подобные набеги заполнили календари коптской и греческой православной церкви именами святых мучеников задолго до рождения Мухаммада. За ними не было никакого религиозного рвения: просто вспышки дикости и ярости.

Мы распрощались с отцом Исайей, который передал с нами важное сообщение отцу-эконому монастыря насчет фасоли, и продолжили путешествие через оазис. Несколько минут мы ехали в зеленой тени пальм, выдерживающих свирепое пламя солнца, и сквозь филигрань их листья видели пылающие красные скалы вокруг. Когда мы покинули эту сень, жар пустыни набросился на нас, как тигр.

— О, сегодня я буду пользоваться популярностью, — заявил господин Валлинис. — Монахи будут говорить мне: «Михаил, ты добрый человек и добрый грек, ведь ты не забываешь своих друзей». У меня есть кое-что для них...

Он опирался на руль, предвкушая грядущую популярность. Подняв одну руку, он соединил большой и указательный пальцы и слегка помахал кистью — жест, известный от Хиоса до Афин и от Афин до Салоник.

— Там, во льду, стоит большая корзина с крабами из Суэца, — объяснил он. — Я купил их вчера утром, еще до открытия рынка. Монахи любят морских крабов. Их не найдешь в пустыне.

Затем он встревожено глянул на меня.

— А может, сейчас время поста? — Он задал вопрос скорее себе, чем мне, а потом с природным оптимизмом отбросил эту неудобную мысль. — Не важно, там посмотрим...

Солнце клонилось к западу. Горы, которые раньше оставались в тени, теперь были залиты золотым светом. Другие, ранее освещенные солнцем, погрузились в синеватую тень. Потом синева перешла в черноту. Медленно, очень медленно свет поднимался выше по склонам, его преследовали тени; наконец только самые верхушки гор остались высвеченными закатными отблесками, а долина погрузилась в сумрак. А затем пришел миг, когда солнце окончательно скрылось за высоким пиком и на небе проступили звезды. Внезапно похолодало; ведь долина, которая ведет к Синаю, находится на высоте в несколько тысяч футов над уровнем моря.

5

Монастырь появился совершенно неожиданно, на высоком плече горы.

Он стоял в долине, окруженной огромными темными горами, подошвы которых лежали в тени, а вершины были озарены звездами. Мощные хребты и пики создают ощущение, что монастырь совсем крошечный, словно детская игрушка на полу комнаты. Стволы кипарисов вздымаются к небу, как черные указующие персты, а в саду можно разглядеть темную зелень, окруженную могучей стеной.

Господин Валлинис включил фары и прорезал тишину долины громким сигналом клаксона, чтобы предупредить монахов о нашем прибытии. Отразившись от обеих стен ущелья, сигнал превратился в жуткий, дисгармоничный шум, и в ответ на него одна, другая, третья фигуры появились на бастionaх, показывая на нас и явно переговариваясь.

На них были черные рясы и черные высокие головные уборы «трубой», как шляпы, только без полей.

Можно было уже разглядеть черные бороды, когда монахи поворачивались друг к другу, а потом они исчезли — поспешили вниз, к воротам.

Темнота наваливалась на мир очень быстро, над монастырем горели звезды, мерцая и подмигивая голубоватым огнем. Теперь, когда мы оказались возле монастыря, стало ясно, что это огромное строение. На стенах появились новые монахи.

— С Божьей помощью мы вступаем в Святую Гору, — произнес господин Валлинис по-гречески, обращаясь к людям на бастионах. — Мы привезли вам корзинку морских крабов из Суэца!

Мы вытягивали шеи, чтобы рассмотреть черные фигуры, кивающие и переговаривающиеся между собой, словно встревоженные некроманты.

— Да это же кириос Валлинис! — вдруг воскликнул кто-то из монахов.

А другой добавил:

— Что, говорите, привезли из Суэца?

— Морских крабов! — прокричал господин Валлинис.

Ответом ему был совсем не монашеский взрыв восторга.

Как же холодно стало к этому времени! Воздух был просто ледяным. И как долго открывали ворота! Каждый вечер их запирают на засов, словно крепость все еще могут атаковать сарацины. Я взглянул наверх, на громадные стены, и увидел нечто вроде пентхауса, установленного прямо на стене, это немного напоминало надстройку на английских амбарах. Окажись мы здесь столетием раньше, нас бы подняли в монастырь через эту конструкцию с помощью своего рода боцманской люльки. Лишь в сравнительно недавние времена монахи обрели такую уверенность, что прорубили в глухой стене монастыря ворота.

Наконец мы услышали грохот замков и засовов; ворота открылись; и несколько мгновений спустя мы

пожимали руки значительному количеству бледных молодых людей, потому что приветствовать нас выбежали именно молодые монахи. Их длинные волосы были скручены в узлы и спрятаны под головные уборы, а бледные щеки окаймляли еще не слишком густые и окладистые бороды, черные как вороново крыло. Наши машины мы оставили под стеной монастыря, выставив в качестве охранника бедуина, служившего при обители. Господин Валлинис вскинул на плечо ружье, и мы прошли во двор, залитый звездным светом. Он был заполнен белеными зданиями.

Мы прошли по узкой аллее, вправо и влево от которой тянулись щелевидные проходы. Одна сторона была залита светом звезд, другая находилась в глубокой тени. Над нами высились в ночном безмолвии белые башни и крыши, все на разном уровне. За воротами стояла старинная пушка с деревянным лафетом; белый кот возник из темноты и пересек нам путь. Тишину нарушал лишь звук наших шагов. Я почувствовал аромат благовоний и понял, что мы проходим мимо церкви — церкви, построенной при Юстиниане; затем мы поднялись по каменным ступеням и оказались на открытом пространстве. Повернув налево, мы прошли вверх по деревянной лестнице к наружной галерее, которая напомнила мне трактир «Нью Инн» в Глостере. Сопровождавший нас монах постучал в дверь, и я вступил в маленькую комнату, освещенную желтым светом лампы; архиепископ Синайский сидел за письменным столом.

Кроме него, в комнате находились четверо старейшин монастыря, крупных чернобородых мужчин со смуглыми суровыми лицами — такие можно встретить у крестьян, что живут в окрестностях Дельф. Когда мы вошли, они встали. Архиепископ приветствовал меня и поинтересовался, как дорога и сколько времени заняло у нас путешествие. Когда я сказал, что мы провели

некоторое время в Абу-Зениме, он погладил окладистую бороду рукой, на которой был перстень, свидетельствующий о его сане, и понимающе кивнул, заметив, что сам доехал до монастыря от Суэца за один день. Я выразил восхищение мастерством его шофера, и все закивали головами и одобрительно заулыбались. Вошел послушник со стаканами *араки*, которую монахи делают из фиников, а также с блюдами джема. После недолгой вежливой беседы мне показали мою комнату, расположенную в трех дверях от деревянной галереи. Прежде чем войти в нее, я обернулся, чтобы бросить взгляд на сгрудившиеся внизу здания, превратившиеся в чередование светлых и темных пятен. Вокруг монастыря, насколько хватало глаз, высилось кольцо таинственных гор, подпирающих звездное небо.

Комната оказалась простой, но плотно заставленной. Старинная железная кровать с балдахинном, завешанная кружевным пологом и противомоскитной сеткой, занимала большую часть пространства; кроме того, там стояли два стула, столик с мраморной столешницей и умывальник с двумя жестяными кувшинами холодной воды. Единственная картина на стене — икона Мадонны в деревянной рамке, а перед образом виднелась веточка базилика на крошечной полке. Внешняя стена комнаты принадлежала крепости Юстиниана, из маленького окошка, пробитого в мощной кладке, виден был первый двор, у ворот, выше — кипарисы, а дальше — горы. Потолок моей комнаты был выкрашен в зеленый цвет, вероятно, где-то году в 1860-м монахом, который решил проявить знакомство с современной цветочной декорацией; на потолке красовался довольно симпатичный венок.

Возле кровати находился экземпляр монастырских правил на греческом, арабском, французском и английском языках. Из этого текста я узнал, что монахи обязаны действовать на прочной финансовой основе.

Каждый посетитель, желающий остановиться на ночь в монастыре, должен заплатить за еду и размещение по одному египетскому фунту в день, или без еды по половине фунта в день.

За ночлег вне монастыря (в шатре, который посетитель привез с собой) он должен заплатить 25 пиастров в качестве платы за вход в монастырь.

Любое лицо, посещающее гору Десяти заповедей и гору Святой Екатерины, должны отправляться туда в сопровождении монаха, плата составляет 25 пиастров за верблюда до горы Десяти заповедей, 30 пиастров за верблюда до горы Святой Екатерины и сверх того 50 пиастров сопровождающему монаху.

Похоже, времена сильно изменились с тех пор, как ученые впервые попали в библиотеку этого монастыря и целыми охапками увозили отсюда древние рукописи. Сегодня монастырь требует плату в два золотых франка за фотокопию одной страницы рукописи, а тот, кто желает работать в библиотеке, должен для начала заплатить пять фунтов за разрешение.

Я прошел по галерее и узнал, что господин Валлинис поселился в менее украшенной комнате в конце прохода, а Юсуф устроился в кухне для гостей, невероятном сооружении, пристроенном к стене Юстиниана. Как все хорошие повара, он горько жаловался на отвратительную, непривычную плиту. Казалось, у него просто сердце разрывается от того, что я попросил сварить пару яиц. Вскоре после ужина я устроился под своим пышным балдахином и попытался уснуть. Некоторое время я читал при свете двух свечей, но несколько раз вставал и, приоткрыв дверь, выглядывал наружу, чтобы убедиться: все это не сон, я

действительно нахожусь в монастыре на горе Синай, безмолвном, белом, озаренном звездным сиянием.

Меня разбудил глухой, насыщенный звук. Было еще темно. Когда я взглянул на часы, они показывали три. Звук — так-так-так-так, одна длинная нота, три коротких, — словно гигантский дятел вдруг посреди ночи взялся за работу. Я на цыпочках подошел к двери и выглянул наружу. В тени, внизу, можно было различить фигуру монаха, ударяющего в семантрон — длинную деревянную доску; такие используются в греческой церкви с древнейших времен для того, чтобы созывать монахов на молитву; их подвешивают на цепях и ударяют деревянным молотком. В зависимости от того, в какую часть доски приходится удар, возникает разный звук.

Настойчивое стаккато, не похожее ни на гонг, ни на барабан, состоявшее из непривычных уху звуков, далеко разносилось в ночном воздухе, казалось, достигало окрестных гор, создавая поразительно торжественную атмосферу, — в нем ощущалось нечто древнее, словно это был неизменный голос самого монастыря, созывающий братию на молитву, как в эпоху императора Юстиниана.

Я отправился спать, но вскоре снова проснулся, на сей раз из-за жизнерадостного колокольного звона, разносившегося над монастырем. День начался рано. Некоторое время я лежал, прислушиваясь к необычному ритму греческого колокольного звона:

Линн-тоу, линн-тоу, линн-линн-тоу,
Линн-линн-тоу, линн-тоу,
Линн-линн-тоу, линн-тоу.

Я открыл дверь и увидел молодого монаха на колокольне, почти на уровне моей галереи; в каждой

руке у него было по веревке. Два колокола раскачивались, издавая триумфальный призыв, разносившийся над монастырем, над безжизненной равниной Эль-Раха и вверх по склонам великих гор, еще погруженных в тень, несмотря на то что солнце уже вошло. Под колокольный звон монахи покидали кельи и шли к церкви. Я видел, как они поднимаются и спускаются по лестницам, огибают длинные открытые коридоры и галереи и успевают к точно установленному времени войти в юстиниановскую церковь, фундамент которой лежит ниже современной мостовой.

6

В дневном свете монастырь выглядел еще больше похожим на крепость. Наверное, его можно сравнить с миниатюрным средневековым городом — извилистые улицы, тесные скопления домов разной высоты и стиля, невероятно запутанная планировка (сказывались века перестроек внутри ограниченного пространства).

Вокруг всей внешней стены монастыря идет смотровая галерея, достигающая в среднем груди человека, у амбразур по-прежнему стоят несколько древних пушек того же типа, что я видел в садах отставных военных; их можно направить на горы. Полагаю, эти приземистые, грозные на вид орудия палят по праздничным дням, когда к звону колоколов и глухим ударам семантрона добавляют салют в стиле XVIII века.

Пока я завтракал в одной из комнат на галерее, пять или шесть котов разных мастей, среди которых не было двух похожих, подобралась поближе и выжидающе прохаживались возле двери. Они кидались на любые кусочки съестного, которые им бросали, но мгновенно исчезли, как настоящие ведьмы, когда я попытался заманить их внутрь комнаты. Если вы вообразите кошку,

которая могла бы вписаться в столь плебейское сообщество, как стая или стадо, то я бы сказал, что коты Синая живут стаями, поскольку эти животные в монастыре повсюду: эти коты не знают угрозы со стороны собак, но не ведают радости есть рыбу, понятия не имеют о наслаждении, которое способны принести мисочка молока или уютное тепло камина. Котята — единственные юные существа, оживляющие это место своей красотой, а кошки-матери — единственные представительницы женского пола, когда-либо обитавшие в этом монастыре. Кошки Синая, как и их собратья в Лондоне, отдают явное предпочтение бесконечному и многоуровневому пространству крыш. Ловкий кот способен пройти по кровлям из конца в конец монастыря, а для тех, кто любит карабкаться по черепице, здесь просто сплошное изобилие. Но у котов Синая есть своя работа: они избавляют монахов от крыс и змей.

Бледный молодой монах в толстых очках прибыл с заданием от настоятеля показать мне монастырь. Его звали брат Гавриил. Когда мы спускались с галереи, мы увидели двенадцать старых монахов, сидевших за раскладным столом на солнышке, которое пригревало монастырь. Они занимались повседневным делом: перебирали зерно, очищая его от камешков и прочих примесей. Они заулыбались, заметив нас, а кое-кто даже встал и подошел поближе, чтобы сердечно пожать мне руку. Одни говорили: «Кале мера», другие: «Бонжур», а один поздоровался со мной по-английски.

Работа их была очень простой. Каждый монах высыпал перед собой горку зерна, а потом погружался в весьма долгий и трудоемкий процесс перебора, пересыпая чистое зерно в одну кучу, а мусор отбрасывая в сторону.

Мы прошли через теплый золотой уголок и оказались в прохладной тени, куда еще не успели добраться

солнечные лучи. Полагаю, прожив некоторое время в обители, каждый монах привыкает к этому чередованию пятен света и тени, тепла и прохлады, поскольку монастырь расположен высоко в горах и солнце уделяет ему лишь частичное внимание, а после двух часов дня вообще скрывается за гигантскими пиками горы Синай.

Я попросил сопровождавшего брата провести меня вокруг внешней стены, насколько это возможно; иногда нам приходилось склонять головы, вступая в низкие туннели, а иногда мы выходили на смотровую галерею, с которой открывался великолепный вид на отдаленные скалы. Когда в этой стене впервые сделали амбразуры, они предназначались не для пушек и мушкетов, а для лучников. Мы зашли в темную камеру, где была установлена такая огромная лебедка, что запустить ее смогли бы совместными усилиями лишь несколько монахов.

Эта машина использовалась для того, чтобы поднимать посетителей на стену в люльке. Она была установлена в 1600 году и действовала вплоть до начала британской оккупации Египта. Она и сейчас в рабочем состоянии, заверил меня брат Гавриил, ее запускают, если нужно доставить в монастырь нечто тяжелое или слишком большое, что не проходит в узкие ворота. Пока мы разглядывали лебедку, два послушника принесли мешок того, что могло бы показаться бурыми камнями, но, поскольку я уже бывал в коптских монастырях, то понял, что это твердый хлеб, который следует размачивать, чтобы он стал съедобным. Послушники открыли дверь «пентхауса» и взялись за ворот, на который был намотан канат. Взглянув вниз, я увидел группу бедуинов, стоявших под стеной и с нетерпением смотревших вверх.

— Они пришли за хлебом, — пояснил брат Гавриил. — Мы каждое утро подаем им хлеб.

Я пришел в восторг от того, что смог увидеть на практике старинный обычай, сохранившийся на Синае. Стоявшие внизу арабы постоянно проживают неподалеку от монастыря, они известны под именем джебелейя. Это племя ничем не занимается, только ждет у монастыря, пока им дадут какое-нибудь поручение вне стен обители. Говорят, эти люди по крови не арабы, а потомки римских рабов с Черного моря и сотни египтян, которых вместе с женами и детьми переселил в эти края император Юстиниан для защиты монахов и помощи при постройке стен. На протяжении веков монахи кормили этих людей, чему я стал свидетелем, выдавая пропитание ежедневно, в девять утра.

Сначала на конце веревки подняли связки хвороста, а потом спустили мешок с хлебом, который сразу же подхватили; оборванные, нищие люди ожидали его с таким нетерпением, что сразу начали делить припасы, причем между некоторыми вспыхивали споры.

Довольно странно, что монахи поддерживают систему обмена с арабами с помощью традиционной веревки и ворота, поскольку сегодня никакой опасности нападения уже нет. Хотя джебелейя теперь являются мусульманами, их предки некогда были христианами, и, вероятно, какие-то следы почтения к христианству среди них сохранились, так как они верят в магические силы монахов, якобы способных вызывать дождь или удерживать его. Это убеждение сегодня такое же стойкое, как и во времена Буркхардта, посетившего монастырь в 1816 году и услышавшего от арабов подобные легенды. Судя по всему, бедуины считают, что дождь на Синае можно вызвать или остановить, открывая или закрывая книгу, которую Господь дал Моисею на вершине горы Синай, и что эта книга якобы находится в распоряжении монахов. Буркхардт рассказывает, как однажды бедуин, у которого потоком

воды смыло в пропасть верблюда и овцу, приехал к стенам монастыря и стал палить из ружья, а когда его спросили, почему он это делает, он гневно воскликнул: «Вы открыли книгу так широко, что мы все утонули!»

Монастырские правила позволяют одновременно входить в обитель лишь трем представителям племени джебелейя, и ни один бедуин не имеет права ночевать внутри монастырских стен. Живут они по большей части в саду или за пределами обители. Я подробно рассмотрел этих людей, пытаюсь увидеть черты необычного происхождения, но тщетно; на мой взгляд, они ничем не отличались внешне от остальных бедуинов, хотя один из них, который доставлял почту в Тор, показался мне самым красивым мужчиной среди всех, кого я встречал в пустыне. Если кто и потерян для кино, так этот человек, который провел всю жизнь у подошвы гор, совершая дважды в месяц путешествия между Синаем и Тором.

Монастырь управляется Синайским собором, в который входят синайский архиепископ и четыре архимандрита, а также все монахи обители. Обычно их 30–40, кто-то из них надеется провести здесь всю жизнь, до последних дней; другие остаются в обители пять лет, а потом их переводят в иные монастыри. В обители есть мельница для помола зерна, колесная мастерская, внешне напоминающая темницы лондонского Тауэра, и сводчатая пекарня без окон, в которой распорядится дюжий монах в белом фартуке, он замешивает тесто и ставит хлебы в огромную печь. Еще есть очаровательный маленький сад, огражденный гранитными стенами, я с удивлением обнаружил там несколько розовых кустов.

— Мы выращиваем цветы к Рождеству, — объяснил брат Гавриил; я огляделся и заметил также львиный зев, нарциссы и ирисы.

Я попросил брата Гавриила показать мне его келью. Мы поднялись по лестнице к деревянным зданиям, больше напоминавшим богадельни, пристроенные к монастырской стене. Он толкнул дверь и провел меня в чистую маленькую комнату, где на стенах висело несколько священных образов, на полке стояли немногочисленные греческие книги; еще там были кровать и стул. Брат Гавриил заверил меня, что очень доволен своей кельей.

Рядом с церковью я увидел беленую мечеть с квадратным в плане минаретом, который поднимался рядом с колокольной. Монах объяснил мне: несколько веков назад сюда явился турецкий генерал, который хотел разрушить монастырь, и тогда настоятель и депутация монахов вышли ему навстречу и так поразили его красноречием, что он пообещал спасти монастырь, если это будет возможно. К несчастью, среди его солдат настроения были не самые мирные, они жаждали крови христиан, и хотя сам генерал не хотел причинять вреда монахам, сдержать своих людей ему было очень трудно. И тогда он посоветовал монахам: «Быстро возвращайтесь и постройте мечеть рядом со своей церковью, внутри стен, и когда мы войдем, скажите, что в былые времена Пророк лично посетил монастырь и земля освящена его стопами». Монахи все до единого бросились возводить мечеть по соседству с церковью. В результате, когда армия подошла к стенам обители, солдаты увидели минарет бок о бок с колокольной церкви.

Мы спустились по лестнице и оказались перед церковью Преображения, которую обычно датируют эпохой Юстиниана, что означает: она была построена

тысячу четыреста лет назад. Она замечательна не только тем, что является одной из главных паломнических церквей христианства, но и тем, что это единственная византийская церковь в пустыне, никогда не превращавшаяся в руины.

Я уже упоминал легенду, что первая церковь была выстроена как святилище Неопалимой Купины, которая в ранние времена христианства считалась самым священным местом долины. Святая Елена также верила, что необходимо выстроить возле церкви защитную башню, где монахи смогут найти убежище в случае нападения сарацин. Дата этой постройки неизвестна, но, если легенда говорит правду, она должна приходиться на 327 год, когда Елена была в Иерусалиме и искала реликвии Святого Креста. Если именно в это время она совершила поездку в Египет, как считают копты, и основала Белый и Красный монастыри возле Сохага, тогда, вероятно, нет ничего невозможного и в том, что она построила церковь и защитную башню на Синае. Даже если личный визит на Синай был слишком утомительным для восьмидесятилетней женщины, Елена могла предоставить необходимые средства. В самом деле, трудно поверить, что переживавшие тяжелые времена отшельники Синая, зная, что щедрая христианская императрица находится всего в нескольких днях пути, не сочли необходимым отправиться к ней, поведать о своих бедствиях и молить о покровительстве.

Изначальная церковь Неопалимой Купины простояла два века, потом, в 530 году, Юстиниан выстроил крепость. В этот период или вскоре после того церковь Неопалимой Купины расширили, она приобрела современные формы, тогда же ее стали называть церковью Преображения, в ней появилась великолепная византийская мозаика в куполе над высоким алтарем. Апсиду старой церкви Неопалимой Купины сохранили,

она все еще находится внутри, в восточной части нынешней церкви Преображения; по ней видно, что первоначальная церковь была намного меньше и ниже.

Вплоть до Средних веков паломники продолжали посещать церковь Преображения, чтобы молиться перед Неопалимой Купиной, но перенос в монастырь мощей святой Екатерины Александрийской положил начало новой главе в истории синайской церкви. Она не только получила новое, третье по счету имя, но и весь монастырь стал известен как обитель Св. Екатерины; это название сохраняется по сию пору, хотя официально церковь не посвящена святой, а только является хранилищем ее мощей.

Связь истории святой Екатерины и синайской церкви стала столь примечательной, что с этих далеких гор ее слава распространилась по всей Европе, и в особенности в Бельгии. Екатерина была девой из Александрии, которая умерла за веру во времена правления Максимиана. Среди уготованных ей пыток было привязывание к четырем колесам, усеянным шипами, которые, как гласит легенда, вращались, не разрывая ее плоти. Тогда мучители отвели деву к палачу, который отрубил ей голову. Через пять столетий после ее мученичества одному из синайских монахов открылось, что тело святой Екатерины ангелы перенесли на вершину Джебел Катерин — ближайшую к горе Синай. Братья поднялись туда и обнаружили мощи святой, которые сначала не стали переносить в свою церковь. Кости святой источали миро, которое монахи время от времени собирали в стеклянный фиал, причем была установлена очередь на исполнение этой почетной роли. Однажды, примерно в 1026 году, монах по имени Симеон отправился на вершину горы Синай, чтобы собрать миро, и заметил, что от мощей отделились три пальца, которые он и взял с собой в монастырь. В то время существовал обычай посылать священное миро из

монастыря на Синае ко дворам Европы в обмен на пожертвования со стороны королей и принцев. Среди тех, кто на протяжении многих поколений являлся жертвователями монастыря, можно назвать герцогов Нормандии. Каждый год монахи отправлялись с Синае в Руан и всегда привозили назад дары из золота и серебра.

Таким образом, в 1026 году или около того жребий совершить путешествие выпал монаху Симеону, и он взял с собой три отделившихся пальца святой Екатерины и, после многих приключений на суше и на море, преподнес свой дар герцогу Роберу Норманнскому, отцу Вильгельма Завоевателя. Когда Симеон прибыл в Руан вскоре после вступления Робера на престол, будущему покорителю Англии было, вероятно, около года.

Реликвии святой Екатерины поместили в аббатстве Троицы возле Руана, и когда аббат Изамбер лично освидетельствовал святыню, распространилось мнение, что мощи исцеляют от болей. Их слава росла, пока аббатство возле Руана, как и церковь Преображения на Синае, не утратило в сознании верующих свое прежнее наименование и не стало считаться аббатством Св. Екатерины. Весьма любопытно, как культ святой быстро распространился по всей Европе. Крестоносцы, возвращавшиеся из походов, приносили рассказы о ней с Востока; появилось латинское житие; новый поток паломников направился на Синай, где монахи приняли решение перенести мощи святой с вершины горы в церковь, где они по сей день хранятся в особом ковчеге.

Норманы принесли славу святой в Лондон, где королева Матильда основала больницу и церковь Св. Екатерины в Тауэре в 1148 году. Церковь давно разрушилась, но ее построили заново в Риджентс-парке. В Англии шестьдесят две старинных церкви были посвящены этой святой; но не только благодаря официальным посвящениям престолов святая Екатерина

утвердилась в Англии, оставив имя в названии холмов и мысов. Есть посвященные ей холмы и горы возле Винчестера, Крайстчерча и Гилдфорда; есть мыс Святой Екатерины (Сент-Кэтринз пойнт) на острове Уайт, долина Сент-Кэтринз Даун на том же острове; есть гавань Святой Екатерины на острове Джерси, старинная деревня ее имени в Сомерсете, в нескольких милях к северу от Бата. И каждая женщина в мире, которая носит имя Екатерина, имеет отношение к отдаленному монастырю на горе Синай, носящему имя святой Екатерины Александрийской, каковое разошлось по всему христианскому миру.

Пятнадцать ступеней ведут вниз, к церкви Преображения. Проходя через нартекс, на какое-то мгновение ничего не видишь, потому что глаза слепнут от сияния золотых и хрустальных канделябров, свисающих по всей длине здания. Церковь перегружена всевозможными знаками благочестия, поднесенными за долгие века. Хотя великие караваны, которые столь долго находили дорогу к этому уединенному месту, исчезли словно мираж, знаки веры и любви, принесенные ими сюда, остаются в виде позолоченных и драгоценных даров, сверкающих окладами икон, которые видны повсюду в сумрачном освещении.

Мое первое впечатление после того запустения, которое окружало монастырь, можно определить как изумление от самого факта, что существует такое здание, что оно простояло четырнадцать веков посреди Синайской пустыни. За стенами монастыря ни на мгновение невозможно забыть, где ты находишься, но когда стоишь в этой церкви, можно представить, что оказался в любом из великолепных греческих соборов Европы. Вероятно, это самое потрясающее из подношений греческой православной церкви Богу; это дар, уже четырнадцать веков обращенный к небесам людьми, которые подвергали опасности свою жизнь,

которые преодолевали трудности и суровые лишения. Возможно, небу не нужно столько позолоты, но это способ, которым люди способны выразить свою любовь, и души тех, кто принес церкви свои подношения, наверняка нашли путь к трону Господа.

Двенадцать колонн, которые отделяют центральный неф от двух боковых, явно византийского происхождения, они из гранита, покрытого штукатуркой, и окрашены в тускло-зеленый цвет. Когда обновляли убранство храма, вероятно, природный камень показался кому-то слишком простым. Трудно даже вообразить, почему некоторые авторы характеризуют капители этих колонн как «лотосы», потому что ни одного лотоса я среди капителей церкви не увидел. Это самые обычные византийские колонны, причем все капители разные. Брат Гавриил объяснил мне, что каждая из двенадцати колонн содержит внутри реликвию мученика, по одной на каждый месяц года.

Иконостас представляет собой сплошную стену образов, вписанную в совершенную окружность апсиды и закрывающую алтарь. В полукуполе над ней находится знаменитая юстиниановская мозаика — сцена Преображения. Пожалуй, из древних мозаик эта наименее известна. Она относится к тому же периоду и тому же стилю, что и мозаики церкви Св. Софии в Константинополе, а также мозаики Равенны и Салоник, то есть к старейшим византийским мозаикам. На плоском участке стены выше полукупольного изгиба апсиды можно увидеть фигуру Моисея, стоящего перед Неопалимой Купиной, а также принимающего скрижали Завета, но это более поздняя работа, не обладающая изысканностью и совершенством мозаики купола.

Прекрасная группа сцены Преображения окаймлена серией из 32 круглых медальонов с серебряным фоном, на котором выступают оплечные изображения святых и пророков. Вдоль внутренней окружности у основания

купола видна греческая надпись: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, исполнен сей труд во спасение тех, кто внес свой вклад в него пожертвованиями, при Лонгине, святейшем и приоре, и Феодоре, священнике». Сюжет мозаики следующий: пять фигур стоят вокруг центральной фигуры Иисуса в мандорле миндалевидной формы, состоящей из нескольких оттенков голубого цвета. Господь облачен в кремовую мантию византийского типа, ниспадающую красивыми складками до ног, украшенную золотой полосой-клавом через плечо, знаком Христа. Нимб у Него серебряный с сияющим крестом. Христос держит свиток с текстом в руке, а от Его тела исходит пять лучей бледно-серебряного тона, протянувшихся к каждой из пяти дополнительных фигур, стоящих или упавших на колени и жестах изображающих страх и изумление. Вне границ мандорлы лежит ничком святой Петр, закрывающий лицо от сияния Славы Господней; по обеим сторонам от него стоят на коленях Иоанн и Иаков, а выше них расположены Илия и Моисей. Мозаика представляет изумительную композицию в синих, зеленых, коричневых тонах на золотом фоне. Волосы и борода Спасителя насыщенного коричневого цвета, этот образ Христа хорошо знаком на Западе.

Свет в апсиде довольно слабый, поэтому детали мозаики рассмотреть не так-то просто, а после десяти часов утра солнце уже уходит из двух маленьких окон над головой, которые являются здесь единственными источниками освещения.

Направо, если стоять лицом к алтарю, находится мраморная рака, поддерживаемая четырьмя изящными византийскими мраморными колоннами. Над ними установлен купольный свод с девятью свисающими лампадами, а внутри находится маленький украшенный саркофаг из мрамора, в котором хранятся мощи святой Екатерины. Один из старших монахов вошел в церковь

со связкой ключей и предложил показать мне реликвии. Сначала зажгли свечи на алтаре, и все присутствующие монахи почтительно сняли головные уборы, когда архимандрит открыл саркофаг. Внутреннее пространство было заполнено различными объектами, но мне показали только два из них, это были золотые ларцы. Когда открыли первый, монахи перекрестились, и я увидел внутри руку скелета, пальцы которой были унизаны кольцами. Изумруды, рубины, бриллианты сияли на костях. Запястье было укутано в хлопчатую ткань, скрепленную сверкающим золотым браслетом.

Во втором ларце оказался череп, у которого я смог разглядеть лишь гладкое, темное темя. Разнообразные драгоценные дары лежали вокруг него, я обратил внимание на викторианский золотой соверен. Были и другие реликвии Екатерины, в самом саркофаге, но мне сказали, что их никогда никому не показывают. Когда монахи убрали на место ларцы, которые мне демонстрировали, свечи погасили.

Затем меня попросили снять обувь, прежде чем войти в часовню Неопалимой Купины, которая расположена позади церкви. На меня произвела сильное впечатление эта крошечная темная апсида, нет сомнения, что она — единственное, что осталось от древней церкви, стоявшей на этом месте еще до возведения церкви Преображения. Она расположена немного ниже уровнем, чем более поздний храм, кладка стен практически везде прикрыта глазурованной плиткой. В центре находится ниша без окон, перекрытая полукупольным сводом, а в ней — маленький алтарь, опирающийся на четыре тонких мраморных колонны. Три лампы свисали над алтарем, а внизу была маленькая серебряная табличка, обозначающая место появления Неопалимой Купины.

Монахи рассказали, что в определенный день, раз в году, луч света проникает внутрь темной и тесной

церкви. Окружающие горы так высоки, что за исключением этого дня часовня Неопалимой Купины погружена в почти полный мрак.

8

Вероятно, самая большая бестактность, которую может допустить англичанин на Синае, — заявить, что он внес деньги на покупку Синайского кодекса, который теперь находится в Британском музее. Я благодарен за то, что никто не заговорил со мной на эту тему, но я понимаю, что для монахов это болезненный вопрос. Они говорят, что Тишендорф увез кодекс в 1859 году, чтобы скопировать, а потом русский царь нечестным образом им завладел. Вероятно, они считают, что мы не имели права приобретать кодекс, поскольку рассматривают рукопись как украденную собственность ^[33].

Кто бы ни был прав, известность и финансовая ценность Синайского кодекса заставили монахов тщательнее охранять свою библиотеку. Книгами больше не пренебрегают. Они находятся в каменной комнате, напоминающей банковское хранилище, а самые ценные тома помещены за решетку, которая запирается на замок. Книги лежат на полках, большинство из них имеет бумажные ярлыки на корешке, на которых написаны заглавия по-гречески и по-арабски. Мне показали знаменитый Золотой кодекс с иллюминированными страницами и другие древние драгоценные рукописи, бережно хранимые под замком.

Неподалеку от библиотеки расположена старинная трапезная. Это большое каменное, сводчатое помещение с маленьким алтарем в восточной части, над которым есть отдельный полукруглый свод. Стены покрыты современными фресками, медальонами с образами святых. Самое замечательное украшение —

фреска над алтарем, исполненная одним из синайских монахов. С богатством деталей, достойным Брейгеля, она изображает сцену Страшного суда; каковы бы ни были недостатки, ее невозможно упрекнуть в отсутствии действия или реализма. В верхней части представлен Господь на престоле в небесах; по сторонам от Него сидят апостолы и святые, которые ожидают приговора душам смертных. Справа изображен ад, готовый принять злых и грешных, кое-кто уже прибыл туда и пребывает в отчаянии, в окружении змей, ужасных чудовищ и разнообразных бесов. Внизу, на земле, открываются могилы, выпускающая мертвецов. Архангел Михаил в полном римском боевом облачении поражает копьем дракона; группа черных как смоль демонов сопровождает Антихриста; но самая замечательная часть фрески — святое воинство, открывающее врата Гроба Господня, из которых выходит Спаситель с крестом в руках. Все это написано с необычайной искренностью и изяществом, и мне очень жаль, что не удалось узнать имя художника.

На стенах трапезной также изображены различные гербы, вырезанные крестоносцами и паломниками Средневековья. К несчастью, многие другие, написанные красками на каменных стенах, были с течением времени удалены.

Брат Гавриил сказал мне, что существует обычай, согласно которому настоятель сидит спиной к восточной стене, а монахи занимают боковые стороны стола. Трапеза обычно состоит из черной фасоли, оливкового масла, хлеба; пока все едят, один из монахов читает отрывки из житий святых, его чтение подчиняется звонкам колокольчика, который стоит рядом с настоятелем, — звон указывает, когда остановиться, а когда продолжить чтение.

Монахи раньше обмывали ноги паломников в трапезной, но теперь поток русских паломников на

Синай иссяк и эта церемония стала исключительно редкой. Когда Покок посещал монастырь в 1739 году, он отметил существование этой традиции: паломникам обмывали ноги вскоре после прибытия в монастырь. Ноги самого Покока обмыл лично настоятель. «Один из монахов после окончания церемонии держит чашу с водой и кувшин в руках, а затем опрыскивает паломников розовой водой; если речь идет о мирянах, церемонию совершает один из послушников, а все сообщество сидит в зале и распевает гимны».

Я полагаю, красота монастырского сада сильно преувеличена гостями обители; впрочем, нет сомнений, что он очень трогателен. Это «древесная» часть монастырской территории, в которой произрастают породы, вывезенные из Европы, и кусты, теснящиеся в тени стены, спасающей их в этом чуждом краю.

Открыв калитку, вступаешь в сад, где кипарисы, немногочисленные оливы и миндаль чередуются с фруктовыми деревьями, и все они таятся в тени желтых скал. Для меня это просто любопытная достопримечательность, но для монахов — кусочек родины на чужбине. Не имеет значения, прибыли иноки из Салоник, с Крита или Кипра, они видят в этом саду напоминание о доме, и, возможно, именно способность смотреть на сад без эмоций является проверкой: обрел ли человек полный мир с Господом или еще привязан к земному.

Не могу сказать, что местные монахи являются отличными садовниками; кажется, они оставляют всю физическую работу бедуинам. Среди лучших плодов можно отметить невероятно твердые груши, которые способны лежать целыми и невредимыми до следующего урожая. Хотя и твердые, они все же обладают необычным вкусом и ароматом, какого нет у груш, которые я пробовал в Европе.

Как-то утром я гулял по саду и встретил брата Гавриила и еще одного молодого монаха. Мы вместе прошли мимо белого здания, стоявшего среди деревьев, я уже знал, что это костница монастыря, и тут один из моих спутников предложил зайти туда. Он открыл замок на двери, и мы вошли в сводчатое помещение, до самого потолка заполненное человеческими костями. Слева от входа лежала груда черепов, а с противоположной стороны — тысячи рук; в других концах комнаты так же аккуратно были рассортированы и сложены кисти рук и ступни ног.

Я был так захвачен этим ужасным зрелищем, что не замечал, что делают мои спутники, пока запах благовоний не заставил меня обернуться. Оба монаха стояли рядом, один держал зажженную свечу, а другой покачивал кадильницей перед кошмарной фигурой — скелетом, облаченным в пыльную рясу. Он был привязан к обыкновенному кухонному стулу, с которого чуть склонялся в призрачной пародии жизни, на его костлявых пальцах висели крестик и четки.

Оказалось, это скелет монаха Стефана, умершего в 580 году. Он был отшельником, обитавшим на склоне горы Синай, и, как говорят, поймал детеныша пантеры и обучил его защищать келью от гиен. Когда аскет умер, его тело перенесли в монастырь на горе и поставили охранять костницу; в течение тринадцати веков Стефан восседает при двери, по-прежнему одетый, как монах, оберегая покой синайских мертвецов.

Обычай эксгумировать останки мертвецов всегда существовал в монашеском сообществе, через некоторое время после смерти кости извлекали и складывали в определенной части крипты, а черепа — в другой. Только епископы и архиепископы оставались в своих гробах, которые стояли вдоль стен костницы, один на другом, снабженные «этикетками» с именами и титулами покойников. Очевидно, на каменистой равнине

Эль-Раха этот жутковатый обычай был необходимостью. Если каждый монах, представленный в костнице черепом, занимал бы свое место в вырезанной в скальной породе гробнице, гора со временем превратилась бы в сплошные погребальные соты.

Среди достопримечательностей можно отметить железный пояс, снятый с тела одного из отшельников. Еще я увидел власяницу и — самое странное — два скелета, скованных вместе железными кандалами. Романтичная и весьма неточная история гласит, что эти скелеты, вероятно, были двумя кающимися грешниками, которые так и скончались во время паломничества, не сняв оков. Немало таких кающихся, должно быть, приходило на Синай, и мы знаем по меньшей мере о двух братьях Фромон из Ренна, которые совершили в IX веке убийство и были приговорены к совершению искупительного паломничества в Рим, Иерусалим и на Синай. Их принял папа Бенедикт III, благословивший братьев. Несколько лет они провели в Иерусалиме, затем ушли в Фиваиду, жили среди египетских монахов и наконец добрались, не снимая оков, до финальной точки своего путешествия, на Синай. Они возвращались в Ренн через Рим, где, после перенесенных тягот, один из братьев скончался, но другой продолжал нести тело, пока его собственная кара не подошла к завершению. Обычно такие оковы делали из оружия, которым было совершено убийство.

Монахи желали показать мне еще некоторые достопримечательности костницы, но я с радостью нашел предлог, чтобы покинуть это мрачное место и вновь оказаться в теплом саду.

Мы с братом Гавриилом в сопровождении оборванного худого бедуина ранним утром отправились на вершину горы Синай.

Огромная стена почти вертикального склона позади монастыря была укрыта холодной тенью. Пик горы Синай оставался вдали, его закрывали другие вершины. Он находится в 8000 футах над уровнем моря — почти в два раза выше, чем Бен-Невис, — но эти цифры дают преувеличенное представление о реальной высоте восхождения, которое, хотя и утомительно, все же не опасное и не слишком трудное. Сам монастырь расположен на высоте около 4000 футов над уровнем моря, следовательно, надо подняться лишь на 3500 футов; задача теоретически облегчается тем, что в горе еще во времена великих паломничеств вырезали 3000 ступеней.

Мы шли три четверти часа, и я стал понимать, что идти по ступенькам тяжелее, чем совершать обычный подъем в гору, особенно потому, что некоторые ступеньки так же круты, как во многих старых домах, и редко две подряд бывают одинаковой высоты. Именно отсутствие единообразия между ступеньками лестницы делает восхождение таким утомительным; на самом деле я бы назвал лестницу на Синай скорее наказанием, чем помощью.

Мы медленно взбирались, переходя из холодной тени, царившей на нижней части склона, в освещенное и прогретое пространство; затем, когда контуры высокого пика заслонили солнце, снова шли в благословенной тени. Снова и снова мы останавливались и оглядывались, чтобы оценить восхитительный пейзаж, который с каждым шагом становился все более величественным.

Мы сделали остановку для отдыха у небольшого горного источника, где, согласно арабскому преданию, Моисей некогда пас стада Иофора. Хотя брат Гавриил

был очень худ, а лицо его было совершенно восковым, он оказался крепким и выносливым, как горный козел, и, вероятно, мог бы пройти до самой вершины и обратно без остановки и не почувствовать усталости. Он представлял собой выдающийся пример пользы умеренного питания. Я попросил описать мне обычный дневной рацион, час за часом.

— Возьмем, например, вчерашний день, — начал он. — Я встал в половине четвертого, был в церкви до половины седьмого. Затем выпил чашку кофе в семь утра, но ничего не ел, потому что был постный день. С восьми до часа мы с вами осматривали монастырь. В час мы расстались, и я поел: черная фасоль, хлеб, масло. Затем полчаса сна. В два часа я зашел за вами, и мы гуляли по горам до пяти. После этого я съел тарелку овощного супа и пошел спать. Я снова был в церкви в половине четвертого утра.

Это типичный образ жизни на Синае. Еда здесь самая скудная, и в обязанности монахов входят долгие церковные службы.

Пока мы разговаривали, оборванный араб извлек из складок поношенной одежды предмет, который когда-то был вересковой трубкой; теперь она была в нескольких местах скреплена медными скобками. Чашу этой драгоценной трубки он набил смесью мелко порубленной травы, которую синайские бедуины используют вместо табака.

Затем он достал кремь, взял его в левую руку, обернув в клочок мягкой ткани. Затем извлек кусок железа, ударил кремнем по железу, причем тряпье служило для запала, оно при попадании искры стало дымиться. Наконец он раскурил трубку, причем сделал это так же быстро и легко, как европеец с помощью современной зажигалки.

— Не хотите сигарету? — предложил я.

У него расширились глаза от изумления. Он быстро вытряхнул траву, взял пару сигарет и набил трубку табаком.

Мы тронулись в путь, словно персонажи баньяновского «Пути паломника», пока не добрались до ущелья, где ступени поднимаются к трещине в скале. Там стоит маленькая часовня Девы Марии, которая всегда заперта, за исключением одного дня в году.

— Есть легенда, что в древние времена караваны с едой не пришли в срок из Египта, — рассказал брат Гавриил, — а монахи страдали не только от нехватки пищи, но и от нашествия чумных блох. Было решено оставить монастырь и найти другое убежище. С печалью в сердце монахи совершили последнее паломничество на священную гору. Когда они достигли этого места, то увидели Святую Деву с Младенцем на руках. Она сказала им: «Возвращайтесь, и все ваши беды закончатся». Удивленные монахи спустились и обнаружили у стен обители верблюдов с грузом еды, а все блохи чудесным образом исчезли!

Лестница шла по лощине, потом пересекла реку. В этих вратах часто сидел отшельник Стефан, чей скелет охраняет костницу. Его задачей было испытывать паломников, чтобы убедиться: они достойны взойти на гору. Если Стефан их пропускал, они шли к следующим вратам, где ждал брат, выслушивавший исповеди и дававший отпущение грехов.

Затем лестница привела нас на примечательную маленькую платформу, единственный плоский участок на всем пути к вершине горы Синай; там, словно часовой, стоял одинокий кипарис. Говорят, этому дереву уже пятьсот лет, а гравюра в книге Лабора, изданной в 1838 году, показывает, что век назад оно выглядело точно так же, как сегодня.

На платформе есть два здания: старинная каменная часовня Илии и маленький домик, словно из сказок

братьев Гримм, возле заброшенного сада. Эти строения, то, что осталось от сада, и одинокий кипарис, как и все в пустыне, хранят атмосферу особой таинственности. Будто, приди мы минутой ранее, мы застали бы кого-то — или что-то, но теперь дерево, здания и сад притворились спящими и поджидают, пока мы уйдем.

Именно там, перед часовней Илии, с нами произошла небольшая неприятность. Брат Гавриил порылся в рясе в поисках ключа и обнаружил, что оставил его в монастыре. Он сказал, что часовня выстроена над пещерой, в которой, по преданию, скрывался пророк Илия, бежавший от гнева Иезавели, — событие это описано в Третьей книге Царств, в главе 19. Когда он жил в пещере, Господь явился ему и велел вернуться и выбрать Елисея в качестве преемника-пророка; из этой пещеры Илия пошел назад, к народу, и указал на Елисея «и бросил на него милоть ^[34] свою»³⁰.

Часовню открывают один-два раза в году, несколько монахов поднимаются сюда и в уединении служат литургию, проводят ночь в «сказочном домике» возле заброшенного сада и на следующий день возвращаются в обитель.

После платформы подъем становится более легким, хотя и крутым, вероятно, благодаря прохладному воздуху, напоминающему вино со льдом. Над крышей мира дуют ветра, от которых болят колени и горит лицо. Я шел вперед, и после каждой сотни шагов оглядывался на великолепный горный пейзаж, который час назад был таким огромным, а теперь лежал внизу; и за темными пиками открывались дальние горы. И все эти скалистые хребты и вершины выглядели такими же безжизненными, как лунный ландшафт.

Как и многие другие великие вершины, гора Синай остается скрытой, невидимой, пока до нее не остаются последние несколько ярдов пути. Взглянув наверх, я наконец увидел вершину, в которую упирались

вырезанные в скале ступени, а дальше — маленькую каменную часовню на фоне неба. Крест на ее двери четко вырисовывался на фоне безграничной синевы, я прошел последние ярды и посмотрел вниз, на далекую землю.

В своей жизни я не раз поднимался на высокие горы, но никогда прежде передо мной не открывался такой пейзаж, как с горы Синай. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, я видел гроздящиеся горные хребты, расположенные далеко внизу, словно воды замерзшего моря. Только к юго-западу тянулось сплошное темное плечо Джебел Катерин. Шторм на море, внезапно превратившийся в камень, — вот, наверное, единственный образ, который может более или менее точно передать это потрясающее зрелище. Заостренные гребни гор; длинные хребты, словно волны, которые вот-вот разобьются; тяжелые массы скал, которые, кажется, готовы обрушиться вниз; огромные, широко раскинувшиеся, глубокие долины, словно впадины, которые предвещают новые подъемы водных масс; жаждающие, дикие, пустынные. В этот безоблачный день в чистом воздухе я видел далеко и отчетливо. К востоку были четко различимы золотые пески Синая вдоль залива Акаба, окаймленные синей водой, простиравшейся дальше, на восток, вплоть до Ибн-Сауда. К северу я мог различить пугающий барьер гор, прорезавших сердце Синая, а к северо-западу они сбегали к Суэцкому заливу, будто придавленные некими гигантами. В долине внизу — Вади Себайех — я видел тропы верблюдов, словно серые нити. А когда я смотрел на синюю массу Джебел Катерин, чей двойной пик был чуть выше горы Синай, то видел птицу, летящую среди скал несколькими сотнями футов ниже; она неторопливо исчезла между двумя горами, а затем следом пролетела еще одна птица, и обе они медленно уплыли вдаль. Это

были единственные признаки жизни (я почти не сомневался, что видел золотых орлов).

Поднятая над миром, на высочайшей точке горной вершины стоит маленькая часовня горы Синай; в нескольких ярдах от нее, отделенная низкой каменной стеной и полосой колючей проволоки, находится небольшая мечеть, которую арабы посещают раз в году, чтобы зарезать жертвенную овцу и поднести ее Моисею. И часовня, и мечеть выстроены из крупных гранитных блоков. Часовня довольно современная, она заменила старую, которая, возможно, стояла там еще до постройки монастыря в долине. Почва вокруг нее усыпана обломками прекрасно обработанных камней, кусками мрамора со следами византийской резьбы, — все это остатки первой часовни. Многие камни с фрагментами скульптур того раннего здания встроены в стены современной часовни.

Меня попросили оставить запись на листе книги посетителей, которую хранят в небольшом вестибюле часовни. Я заметил, что предыдущий гость был здесь около двух месяцев назад, и практически все, кто расписывался в книге, похвалялись временем, за которое им удалось подняться на вершину. Считалось, видимо, что отличный темп — два часа на восхождение.

Часовня украшена циклом библейских сцен, но роспись еще не окончена. Мы увидели банки с красками и кисти в углу церкви. С правой стороны от алтаря оставлен на обозрение фрагмент дикой скалы, как и в Куполе Скалы в Иерусалиме; согласно традиции, именно здесь Моисею были даны скрижали Завета. Первая часовня на Синае была построена на этой вершине много веков назад, и мощи святой Екатерины принесли сюда с соседней горы и хранили тут много лет.

Монах зажег свечу на алтаре, и она осталась гореть, когда мы прошли в часовню. С другой стороны от часовни находилась пещера на открытом воздухе,

достаточно большая, чтобы вместить человеческое тело; говорят, это место, где Моисей закрыл лицо, не способный вынести сияние Славы Господа.

Не знаю, жили когда-нибудь монахи на вершине горы Синай или нет, или они только поднимались сюда с паломниками и отпирали часовню, как сделали в моем присутствии. Существует традиция, согласно которой любой, кто будет спать на горе, проснется от подземного рокота. Одно из самых ранних упоминаний о святых местах Синай найдено в путевом дневнике женщины, которая совершала паломничество примерно за столетие до постройки монастыря. Это была благочестивая испанская монахиня по имени Этерия, считается, что она побывала здесь около 460 года, чтобы своими глазами увидеть места, о которых читала в Библии. Ее описание восхождения на гору Синай, как и весь дневник, проливает свет на условия существования восточного христианства в эпоху, когда паломничества были крайне редкими. Она рассказывает, что Синайские горы таковы, что «невозможно идти по ним медленно и долго, как извивается змея, здесь поднимаешься по прямой, словно перед тобой стена, и ты должна спускаться с каждой из этих гор, пока не доберешься до основания средней горы, каковая и есть Синай. И там, с помощью Христа, нашего Господа, благодаря молитвам монахов, которые сопровождали нас, я совершила восхождение, с великим трудом, ибо пришлось подниматься пешком, так как там не проедешь в седле; тем не менее труд не был в тягость из-за желаний, которые я увидела осуществленными с помощью Господа».

Монахиня Этерия поднялась на вершину Синай за четыре часа.

Теперь в этом месте находится маленькая церковь, потому что названное место, которое

расположено на вершине горы, не очень велико. Но церковь обладает несомненным изяществом. Когда, с помощью Господа, мы поднялись на эту вершину и подошли к дверям церкви, мы увидели пресвитера, который встречал нас, он пришел из монастыря, имеющего отношение к церкви, он был крепким стариком — монахом, как говорят здесь, аскетической жизни, более чем достойный того, чтобы находиться тут... Но никто не живет на вершине горы, потому что там нечего охранять, кроме самой церкви и пещеры, где был Моисей. Прочитав прямо на этом месте всю книгу Моисея, сделав подношения в соответствии с правилами и причастившись, мы вышли из церкви, и пресвитер раздал нам благодарственные дары — яблоки, что растут на самой горе.

Глядя с высоты пика на горы Синая четырнадцать столетий назад, Этерия записала:

И я хочу, чтобы вы, почтенные сестры, знали, что горы, на которые мы поднимались без труда, — всего лишь холмы по сравнению с центральной горой, на которой мы стояли. И все же они огромны, и я подумала бы, что не видела ничего выше, если бы центральная гора не превосходила их все.

Прошел целый век между временем паломничества Этерии и рождением Мухаммада, так что мечеть, естественно, возвели позднее. Я прошел к этому зданию, представляющему собой однокамерное строение из камней, обмазанных кровью жертвенных овец, которых приводят сюда бедуины. Сидя на стене, разделяющей христианскую и мусульманскую части вершины, я съел

сэндвичи, которые захватил с собой; было тихо и спокойно, я заметил мышь, которая выбралась из-под мечети и пробежала немного, а потом села, прижав к животу передние лапки, и огляделась. Я боялся пошевеливаться, но она была совсем ручная, насколько это возможно для дикой мыши. Она была не столько велика, как Микки-Маус из Курны, но вдвое крупнее любой английской мыши, и впечатление упитанности усиливалось благодаря густому пушистому меху — ни дать ни взять эскимос мышинового мира.

Я бросил мыши кусочек хлеба, и зверек потащил подачку к себе под мечеть, потом появился снова; бросая кусочки все ближе и ближе к себе, я подманил мышь буквально к ноге; уверен, что если бы я приходил сюда часто, через неделю она ела бы у меня с руки. Мое удовольствие от наблюдений за мышью увеличилось, когда она вернулась со всей своей семьей — и взрослые, и детеныши были такими же пушистыми и упитанными. В это время две «христианские» мыши приблизились со стороны часовни, так что вскоре вокруг меня собралось шесть-семь зверьков, которые деловито сновали туда-сюда. Но откуда они приходили? Были это обычные домашние мыши, добравшиеся до вершины горы, на высоту 8000 футов над уровнем моря? Или они — результат некоего мышинового «исхода» из когтей монастырских котов? Или это особый вид синайских мышей? Помнится, я слышал, как домашние мыши оказались на песчаном острове неподалеку от Дублина и вскоре изменили цвет, а один кладовщик из лондонских доков рассказывал мне, что на холодных складах мыши обрастают исключительно густой шерстью. Так что, вполне возможно, эти мыши стали такими пушистыми, чтобы выжить зимой на вершине Синая.

И греческий монах, и бедуин уверяли меня, что, насколько они помнят, мыши жили в горах всегда. Если последний посетитель оставил им хлебные крошки, то,

учитывая двухмесячный перерыв, как могли эти существа выжить на голой скале?

Когда солнце стало клониться в сторону Аравийской пустыни, мы погасили свечу и закрыли часовню. Развернувшись спиной к священной вершине, мы двинулись вниз, оставив ее небесам и крошечным грызунам, которые обитают в закоулках и расщелинах священной горы.

10

Мы спускались быстро, местами просто бежали, останавливаясь время от времени не потому, что уставали, а чтобы насладиться красотой заката. Брат Гавриил рассказывал мне о святых и отшельниках, чьи имена связаны с пещерами Синая, и я с интересом обнаружил среди них многих персонажей, широко известных в истории раннего христианства.

Святые Косма и Дамиан жили в пещере в долине Вади эль-Леджах. Они были врачами-египтянами и прославились как «мученики-бессеребренники», поскольку были профессионалами, которые не брали плату за услуги, но просили пациентов обратиться от язычества к христианству. Должно быть, они были среди ранних синайских отшельников, поскольку считается, что они приняли смерть в III веке, во время гонений Диоклетиана.

Еще один святой, чье имя дано одному из гротов в горах, — Онофрий. Он был египетским отшельником, который, как и святой Антоний, искал уединения более полного, чем могла дать Фиваида, а потому в конце III века удалился в дикие горы Синая. Его житие написал монах, знавший отшельника лично, это был египтянин по имени Пафнутий, ученик святого Антония; рукопись находится в Британском музее. В начале IV века

Пафнутий посетил самых знаменитых святых и анахоретов пустыни, чтобы составить рассказ об их подвигах. Однажды, поднимаясь на гору Синай, он увидел человека, тело которого, сплошь заросшее волосами, прикрывал лишь пояс из листвы. Увидев его, Пафнутий спрятался, потому что принял странного типа за сумасшедшего. Но это был отшельник Онофрий. Проводив Пафнутия в свою пещеру, отшельник поведал, что семьдесят лет назад жил в монастыре в Египте, но, желая подражать Иоанну Крестителю, решил избрать самые удаленные и дикие места. Он пришел на Синай, где его ряса постепенно превратилась в лохмотья, так что через некоторое время наготу уже ничто не прикрывало. Пока он описывал свою жизнь, лицо его становилось все бледнее, и гостю стало очевидно, что отшельник умирает. Перед смертью он благословил Пафнутия, который оторвал кусок своей одежды, чтобы завернуть тело аскета, а потом оставил его в расщелине, в скалах.

Еще одно имя, упомянутое братом Гавриилом, — святой Нил. Монахи утверждают, что его скелет находится в костнице, хотя я уверен, что где-то читал: его мощи были перенесены в церковь Свв. Апостолов в Константинополе еще в отдаленные времена. Нил был одним из величайших отшельников, оставивших письменные тексты; его сочинения служили для просвещения христиан в самые темные времена. Человек богатый и уважаемый, в Константинополе он жил при императоре Феодосии II, но горел желанием служить Богу в самом удаленном месте мира. Оставив жену, он забрал младшего сына Феодула и совершил вместе с ним долгое путешествие; вероятно, это произошло в 390 году. Он сам рассказывал, что пустыня была полна жестоких сарацин, которые поклонялись Утренней звезде и приносили в жертву мальчиков на алтарях из грубого камня. Если они не могли принести в

жертву мальчиков, то заставляли белого верблюда, не имевшего ни одного изъяна, встать на колени, после чего шейх перерезал горло животного ударом меча. Потом сарацины поедали жертвенное животное, причем полагалось съесть жертву до того, как первые лучи солнца появятся над горизонтом.

Нил с сыном жили как отшельники рядом с другими анахоретами. Но однажды группа сарацин напала на церковь и забрала все запасы продовольствия, которые монахи хранили в кельях на зиму. Потом они приказали отшельникам снять одежду и выстроиться по возрасту. Самые старшие аскеты были убиты, а юноши, среди которых был и Феодул, сын Нила, уведены в рабство.

«О, почему же наступил конец чудесам Синая? — восклицал Нил. — Почему не прогремел гром, почему молнии не поразили их за злые деяния?!»

После того как тела мертвецов сожгли, оставшиеся отшельники собрались и приняли решение подать жалобу местному правителю, который, видимо, отвечал перед римским правительством за безопасность горных проходов, как сегодня местные шейхи несут ответственность перед пограничной администрацией. Правитель ответил отшельникам, что накажет разбойников и отомстит за нападение, и Нил, жаждавший вернуть сына, спросил, можно ли ему пойти с ним. Правитель согласился, и Нил отправился с войсками, которые в течение двенадцати дней переходили Синайскую пустыню. Затем он встретил человека, который сказал, что видел тех сарацин и что юношу не убили. Нил был очень рад услышать, что Феодул жив. Однако мальчика продали в рабство в греческий город Элуза, который сэры Леонард Вулли и Т. Э. Лоуренс идентифицировали с руинами Халасы, милях в пятнадцати от Беэр-Шевы.

Нил отправился в этот город, чтобы найти сына. Он обнаружил, что епископ Элузы сделал его придворным в

церкви. Феодул рассказал отцу, как он и другие пленники все ночи спали на голой земле, связанные ремнями, а рядом стоял алтарь, на котором лежал меч, и чаша с водой, фиал и благовония. Как-то сарацины перепились и долго проспали, так что утром и в течение следующих дней пленников гнали вперед и вперед, поскольку похитители спешили получить деньги за молодых людей. Епископ Элузы настолько поразился благочестию отца и сына, что посвятил их в священнический сан.

Нил и Феодул вернулись на Синай, чтобы продолжить отшельническую жизнь. Они отличались особой суровостью быта, но Нил не впадал в крайности и находил время критиковать издержки и пороки аскетического бытия. Его сочинения, в особенности письма с советами и указаниями друзьям-христианам, входят в число самых личных и полезных текстов, которые дошли до нас из той далекой эпохи.

Обсуждая великих анахоретов прошлого, мы спустились с горы Синай и вышли по верблюжьей тропе в долину Вади Шуайб, откуда увидели монастырь, лежавший в тени гор.

— Взгляните, кто это? — спросил я.

Вдали, в ущелье на дальнем склоне, я заметил черную фигуру, спускающуюся с гор. Человек был очень далеко, так что пришлось присмотреться изо всех сил. Брат Гавриил, менее дальнзоркий, не мог его разглядеть, но бедуин мгновенно опознал человека и назвал его по имени.

— А, это старый монах, который проводит все время в горах, устанавливая кресты на возвышенностях, — сказал брат Гавриил. — Вы видели кресты. Он ставит их в память славных мучеников и отшельников, которые жили и умерли здесь.

Это была моя последняя ночь на Синае. Я в одиночестве сидел после ужина в маленькой комнате по соседству со спальней, и монах принес книгу посетителей, чтобы я оставил там запись. Я перевернул страницы, в свете лампы прочитал громкие имена. Странно, что многие скверные отели в часто посещаемых концах света заводят книги посетителей с роскошными пергаменными страницами, а вот монахи Синая, у которых бывает бесчисленное множество гостей (их много словно песку в пустыне, особенно если учесть паломников всех эпох и стран), обходятся обычной тетрадкой.

Книга посетителей — современная черта на Синае, эта начиналась с 1860 года. Буркхардт рассказывал, что когда в 1816 году посетил монастырь, он увидел на стенах клочки бумаги, на которых посетители записывали свои имена, так что современная тетрадь, очевидно, стала «давней и настоящей потребностью».

Первая запись принадлежит Йохану Томасу Олафу Неергорду из Копенгагена, который останавливался в монастыре 19–21 марта 1860 года. Первые англичане, оставившие свои имена в книге посетителей, — Ч. М. Николс, Ч. Дж. Мур и Уильям Говард Доути, который сделал вклад в размере 60 франков.

Есть и французская запись, датируемая мартом 1868 года, когда монастырь посетила большая группа представителей Компании Суэцкого канала; можно разобрать подпись некоей Мари Вуазен. На той же странице, но с датой 30 сентября 1935 года, значится: «Сын Мари Вуазен, жены Жана Микара, был счастлив посетить это святое место через шестьдесят восемь лет

после паломничества своей матери и деда. Гастон Микар».

Под датой 5 апреля 1871 года я прочел:

«Желаю выразить глубокую благодарность доброте и любезности, проявленным монахами во время четырехдневного визита в обитель. Каннингем Грэм, Шотландия».

Под 1875 годом, но без указания точной даты, в книге оставлена запись: «Чарльз М. Доути».

Замечательное послание датируется 7 октября 1888 года:

Я, нижеподписавшийся, штаб-офицер Генерального штаба Египетской армии, ответственной за восточную часть этой страны. Прибыл в монастырь после проверки Эль-Тора, в сопровождении Исмаила Аги Ахмеда Балуба, баши Эль-Акаба, Вади Муса и Эль-Хадиля, и нашел его в полном порядке. Иногда арабские шейхи приносят ложные клятвы сознательно, ради собственной выгоды, и это весьма небезопасно. Надеюсь, если какая-либо дама услышит такие ложные клятвы, она немедленно сообщит правительству, чтобы мы могли разобраться со лжецом. Оставляем этот монастырь после трехдневного пребывания, премного благодарны монахам за уважение, доброту и внимание, которое мы получили. Они обеспечили нас продовольствием, фуражом и всем необходимым. Весьма сожалею, что нет времени посетить Джебел Муса и Джебел Катерин, но надеюсь, смогу посетить их в следующем году. В этом монастыре я увидел все и нашел его в полном порядке. Направляюсь в Суэц. Штабс-капитан Ибрагим Эфенди Зони, ГШ ЕА. Балуба, баши Акаба.

Под датой 1 марта 1894 года стоит подпись Пьера Лоти.

10 мая 1903 года датирована следующая запись:

Мы первые францисканцы, которые прибыли сюда, в это святое место, после многих столетий, и мы очарованы всем, что видели. Мы счастливы воздать честь всем священным местам и святым реликвиям и не знаем, как выразить благодарность добрым братьям этого монастыря за их радушие и милосердие. Никогда не перестанем вспоминать восхитительные дни, которые мы провели здесь, пишем эти слова в благодарность за всю доброту, которую тут встретили. Благослови, Господь, этот святой дом и всех, кто его населяет. Ф. Годфри, У. Моубрей, фра Фиделис да Бостон.

16 ноября 1922 года покойный лорд Алленби посетил гору Синай и написал следующее:

Покидая монастырь Святой Екатерины, где я имел честь находиться в качестве гостя его блаженства ^[35], архиепископа горы Синай, должен выразить чувство глубокой признательности за гостеприимство и щедрость, которые нашли здесь и я, и мой штаб. Я бесконечно тронут мыслью, что архиепископ провел заупокойную службу по моей возлюбленной матери; я имел возможность присутствовать на этой церемонии. Мы увозим с собой благоговейные и счастливые впечатления о нашем пребывании в этом центре священных воспоминаний. Фельдмаршал Алленби. 16-18 ноября 1922 года.

Я скопировал лишь несколько записей, которые особенно заинтересовали меня, но трудно найти такой народ, чей язык не был бы представлен в этой книге.

12

Колокола зазвонили как обычно, в половине четвертого утра. Было еще темно, сияли звезды. Я спустился по четырем лестницам и пересек выбеленные дворы, в которых царили тишина и холод, и, прежде чем войти в церковь, расслышал в неподвижном утреннем воздухе приглушенный рокот голосов, доносившихся из здания. Я остановился и прислушался:

Агиос-агиос-агиос-агиос-агиос-агиос-агиос...

Затем более высокий голос ворвался в общий гул:

Кирие елейсон...

И третий, фаготом:

Кирие елейсон...

Последний слог был растянут и растаял на предельной ноте.

Через боковую дверь я вступил в облако тумана курящихся благовоний. Сначала я не мог ничего рассмотреть, кроме пятен света от горящих свечей и двух золотых искр и одной красной, висящих в сумраке; но потом глаза мои привыкли, я стал различать очертания, более темные тени в мире теней, и узнал огромный канделябр, свисающий с потолка в

центральном нефе. Мое движение напоминало блуждание в огромной пещере, заполненной сталактитами.

Я на цыпочках прошел к хорам и встал там, не замеченный монахами. В восточной части церкви виднелось слабое сияние, в свете которого можно было распознать контуры кафедры. Бородатые лица возникали из темноты, на мгновение озарялись светом, а потом снова плавно исчезали во мраке. Легкое шуршание одежд было единственным предвестием появления нового лица, порой — легкий шорох ног по полу, и вот еще один проходит в световом пятне, а затем внезапно — новое лицо, бледное, бородатое, как и все другие, мгновение сияло, как призрак Банко.

Медленно, почти нечувствительно, рассвет начал рассеивать серый покров в церкви, но казалось невозможным, что свет сможет прорваться в эту сплошную тьму. А затем я увидел монахов, стоявших в хорах напротив, с другой стороны центрального нефа; я увидел, как выступают из сумрака колонны, как вырисовываются очертания высокого иконостаса с бастионом святых. Алтарные врата отворились. Оттуда вышел священник в красном облачении, в руках у него была большая книга; монах в черном одеянии встал рядом с ним и поднял свечу, так чтобы стал различим текст. Голос чтеца далеко разносился в прохладной церкви. Свет нарастал. Я видел уже довольно отчетливо длиннородые лица святых, окруженные золотыми окладами икон. Священник и его помощник прошли назад, в алтарные врата; раздался громкий звук, когда металлические кольца заскользили по медному карнизу, и проем заполнился тяжелой красной парчой. Служба, начавшаяся в половине четвертого, завершилась с наступлением рассвета.

На ступенях снаружи несколько монахов стояли в сером свете в ожидании восхода. Архиепископ

Синайский пригласил меня к себе, чтобы я смог присутствовать на церемонии встречи первого дня нового месяца. На Синае по-прежнему принят юлианский календарь, который на данный момент на тринадцать дней отстает от григорианского. Мы вместе поднялись на деревянную галерею перед его кабинетом, за нами шел священник, которого я видел в церкви, он все еще был в красном облачении. Он нес медную чашу со святой водой, пучок базилика и довольно большой серебряный крест. Когда мы вошли в комнату архиепископа, священник передал базилик и крест своему пастырю. Архиепископ соединил их, погрузил в святую воду, на мгновение приложил ко лбу, произнес, судя по всему, безмолвную молитву, а затем окропил всю комнату святой водой, используя для этого пучок базилика. Церемония завершилась, священник унес чашу, базилик и крест, он обошел монастырь, окропляя все кельи и прочие помещения монастыря святой водой.

И по мере того как он нес братии весть о мире и милосердии, над горами вставало солнце, омывая обитель золотым светом.

Час спустя я попрощался с его блаженством и с монахами, которые были так добры и заботливы. Брат Гавриил проводил меня до ворот, и когда я спросил, что прислать ему из Англии, он серьезно задумался, а потом сказал: изображения Лондона и несколько марок с королем Георгом VI.

Взревели моторы машин, подбежали представители племени джебелейя с детьми, так что мы отправились в обратный путь в окружении любопытных лиц. Оглянувшись, я увидел крепость на горном проходе, а над ее зубцами — несколько темных фигур, которые, словно маги на башнях, смотрели нам вслед.

Мы прибыли в Суэц до наступления темноты, и на следующее утро, в пять часов, я снова отправился в путь с Валлинисом и Юсуфом на тех же двух машинах, — на этот раз вдоль западного побережья залива к монастырю, гораздо менее известному, чем синайский. Это коптский монастырь Св. Антония — Дейр Авва Антоний, который претендует на то, что он старше обители на горе Синай.

Я знаю только два кратких описания этого монастыря, потому что великие путешественники XIX века, вероятно, привлеченные другими, более близкими достопримечательностями, никогда не трудились пересечь пустыню, среди которой он стоит. В отличие от Синая, монастырь Св. Антония не знает истории паломничества, у него нет никаких связей с Европой. Его притязания на славу основываются на памяти святого Антония и на исключительной древности самой обители; ведь она была основана последователями отшельника в тех местах, где знаменитый святой боролся с искушениями.

Дорога вдоль западного побережья залива довольно плохая, ехать там трудно, по сравнению с ней путь на Синай кажется легким и безопасным. На западной дороге постоянно сталкиваешься с препятствиями в виде глубоких стариц — следов пересохших потоков, усыпанных крупными валунами, принесенными с гор. Каждый дождь изменяет картину рельефа, перераспределяя гигантские камни и добавляя новые. Тот, кто думает, что можно найти легкий путь, обогнув препятствие, страдает неоправданным оптимизмом, он неизбежно попадает в еще большие затруднения и вынужден возвращаться по собственным следам. Меньшее зло — убирать валуны с дороги, что нам

приходилось делать неоднократно. Никогда прежде я не видел местность, представлявшую большую угрозу для задней оси автомобиля.

По мере нашего продвижения я обратил внимание на примечательную особенность западного берега Суэцкого залива, возможно, сформированную ветром или приливом (или какими-то временными факторами или постоянным влиянием неизвестных мне природных сил). Складывается впечатление, что все бамбуковые корзинки, тара для перевозки кур и апельсинов, обломки древесины, вообще все, что выбрасывают за борт в заливе, дрейфует к западному берегу, который заполнен сплошным слоем мусора. Дорога в Абиссинию отмечена бутылками из-под кьянти; говорят, их в грандиозных количествах оставляют проходящие в Красное море итальянские корабли. Что за горе для бедуинов восточного берега, не имеющих доступа к таким сокровищам!

Когда горы отступили, открылись широкие полосы мягкого, предательского песка, в особенности труднопроходимые между Абу-Дерга и Рас-Зафарана, в которых почти невозможно не застрять. Обе наши машины встали в песках примерно в миле от Рас-Зафарана, и мы ничего не могли поделать, чтобы избежать погружения в песок по самые задние оси. Даже уловка с подкладыванием под колеса рулонов брезента с вложенными внутрь обломками дерева не помогла сцепить шины с грунтом, и мы вынуждены были обратиться к благородной силе — пограничной администрации, представленной маленьким белоснежным постом в Рас-Зафарана. Между прочим, этот пост присматривает за водами Суэцкого залива вплоть до Абу-Зенимы.

Шесть крепких полицейских под командованием сержанта-суданца быстро прибыли на приспособленной к пескам машине. Надо сказать, что офицеры-суданцы

ничего не делают наполовину. Сержант выстроил своих людей, дал указания, потом отсалютовал нам и спросил разрешения начинать. Через полчаса они вытащили наши автомобили из песка, действуя исключительно вручную, а когда я самым тактичным образом попытался выразить сержанту материальную благодарность, он сразу принял официальный вид и рапортовал, что находится на службе правительства и просто выполняет свой долг. Я хорошо понимаю, почему люди, служащие в Египте и Судане, обожают суданцев. Это прирожденные солдаты, преданные командирам и предельно исполнительные.

Мы миновали Рас-Зафарана и через несколько часов тяжелого подъема по пустыне увидели впереди горный хребет, у подножия которого расположен монастырь. Невыразимо дикое и удаленное, это укрепление вздымает ввысь белые стены, которые видны за много миль, а когда мы приблизились, я увидел, какие крутые и обрывистые горы резко вздымаются позади монастыря.

Мы подъехали к огромной белой стене и позвонили в колокольчик, веревка которого свисала рядом с воротами.

Коптский патриарх Каира был достаточно любезен и дал мне рекомендательное письмо к *куммусу*, то есть настоятелю монастыря. Монахи открыли ворота и сказали, что мы можем въехать внутрь. Мы оказались в ограниченном стенами пространстве, и скопление зданий показалось мне похожим на египетскую деревню, разве что отсутствовали женщины и дети. Почва круто уходила вверх влево, на территории росло много кустов и пальм. Прямо перед нами начиналась прямая улица с квадратными глинобитными домами, некоторые до шести этажей высотой, а из стен торчали торцы пальмовых стволов, использованных в качестве стропил; и над каждой дверью красовался знак креста.

Эта улица выходила на центральную площадь, где высились две современные колокольни. За площадью начиналась другая, узкая улица с глинобитными домами, а вдали виднелось белое здание с подъемным мостом, которое я опознал как обычный *каср* — убежище, какое есть в каждом коптском монастыре. Позади я заметил скопление плоских крыш и низкие белые купола, которые однозначно говорили, что там находится церковь.

Монастырь Св. Антония больше любого из тех, что я видел в Вади Натрун, и хотя внутри стен много свободного места, здания тесно жались друг к другу. В отличие от каменных и чисто выбеленных строений в монастырях Натрун, здесь большинство домов представляли собой примитивные постройки из бурого сырцового кирпича.

Молодой послушник провел меня по лестнице, а потом через мощеный двор, где остывали несколько емкостей с пчелиным воском; мы приблизились к зданию, размером походившему на жилище цветущего лавочника в небольшом провинциальном французском городке. Я вступил в темный прохладный зал, в котором стояли диваны. Очевидно, это был дом для гостей, очень чистый, тщательно подметенный.

Я присел на диван, но ждал недолго: вскоре в зал вошли два человека. Один был исключительно красив, с европейскими чертами лица, высоким лбом, прямым носом и темной бородой; на нем был черный тюрбан и красно-коричневое свободное одеяние. Его компаньон был невысок, очень смуглый, с черной бородой и одет в черное; он оказался настолько живым и подвижным, насколько первый был медлителен и задумчив. Выяснилось, что первый — *куммус*, он говорил исключительно по-арабски, а второй — священник, который приезжал в монастырь время от времени, а

вообще-то служил секретарем митрополита Абиссинии и только что прибыл из Аддис-Абебы. Он говорил по-французски.

Оба монаха весьма заинтересовались, услышав, что я приехал с Синая. В ясные дни, сообщил *куммус*, если подняться на горы позади монастыря, за полосой Суэцкого залива можно увидеть Синайские горы, а к югу — Красное море.

Обернувшись к подвижному священнику, я задал ему пару вопросов об Абиссинии. Вскоре мы погрузились в беседу об истории Абиссинской церкви, которая с IV века находится в зависимости от коптской; это произошло после того, как Афанасий, впоследствии патриарх Александрийский, рукоположил святого Фрументия в качестве первого епископа Эфиопии. В обычае коптских патриархов Александрии назначать главу церкви Эфиопской, но итальянское завоевание Абиссинии создало для этого немалые трудности.

Вошел послушник с кофе, мы исполнили традиционные формальности, и *куммус* сам показал предоставленную мне комнату. В ней была высокая жесткая кровать, стул, стол, умывальник; через зарешеченное окно открывался восхитительный вид на округлый вал остывающего воска, припасенного для изготовления свечей. Открылась дверь, и послушник внес тазик и кувшин с водой. Я подставил руки, и он пролил тонкую струйку. Я воспользовался мылом, и он снова полил мне на руки, так как это входит в древний ритуал гостеприимства, установившийся на Востоке. Европейская привычка мыть руки не под струей, а в чаше воды считается невыразимо грязной. Послушник был одет в пыльную черную рясу, на босых ногах шлепанцы, в таком виде он бы спокойно прошел по любой египетской деревне в долине Нила, не привлекая внимания, но глаза у него были необычайно серьезными, а лицо очень сосредоточенным и вдумчивым. И все же я

весьма удивился, когда он вдруг заговорил со мной по-английски.

— Я получил удостоверение первого класса по английскому в коптской школе, — сообщил он. — Ах, английский мне очень, очень нравится. Это язык мужества. Я попросил *куммуса*, чтобы он позволил мне прислуживать вам, потому что вы из Англии.

— Как давно вы здесь? — спросил я.

— Уже год.

— Вы счастливы?

— О да, я счастлив.

— Вы всегда хотели стать монахом?

— Нет, не всегда. Я хотел поступить на государственную службу, но...

И тут, на самом интересном месте, он явно смутился; я обернулся и увидел, что в дверях стоит жизнерадостный священник из Абиссинии. Я понял, что надо свернуть разговор.

Священник воздел указательный палец вверх, лицо его было до комичного важным:

— Мы зарезали для вас курицу. — Он вдруг захихикал. — У нас обычай приглашать гостя в первый вечер разделить трапезу... — Поток мыслей увлек его куда-то прочь. — Но мы с вами есть не можем, потому что сейчас пост! — Он снова посерьезнел. — Ваши слуги внизу, они не понимают. Они хотят сами приготовить вам ужин. Но наш обычай велит, чтобы вы ели с нами.

Я поспешил вниз, туда, где были припаркованы машины, прекрасно зная, что увижу. Юсуф, по-прежнему убежденный, что я пересекаю пустыню на манер путешественника Гаргантюа и стремлюсь прежде всего к эпикурейскому изобилию, стоял на коленях в свете фар, выбирая в холодильнике голубей, яйца, банку с икрой, пучок моркови, луковицы, коробку сыра камамбер. Группа потрясенных монахов с небольшого расстояния наблюдала за этим наглядным

свидетельством потворства алчности и чревоугодия. Когда я сказал Юсуфу, что ужин отменяется, он взглянул на меня с такой печалью, как может смотреть только несправедливо обиженная собака.

— Сэр, вы ничего не ели! — воскликнул он, воздевая руки, в одной было яйцо, в другой — пучок моркови. — Вам не нравится моя еда!

— Мне она очень нравится, Юсуф, — возразил я. — Завтра ты сам все приготовишь, как захочешь.

— Как скажете, — произнес он с мрачной обреченностью.

Было слишком темно, чтобы осматривать монастырь. Я вернулся в дом для гостей и ждал ужина. Запах вареной курицы постепенно распространялся, я слышал голоса поваров, которые хлопотали в монастырской кухне неподалеку. Судя по всему, они теснились на весьма ограниченном пространстве. Прошел час. Я испытывал ужасный голод. Я прошелся на цыпочках до комнаты напротив и осторожно заглянул внутрь. За спальней действительно была кухня, в которой человек семь-восемь металась в свете керосиновой лампы и двух темных церковных свечей из неотбеленного воска (мне почудился в этом некий знак погребальной церемонии). Господин Валлинис в рубашке с длинными рукавами сидел на каменной скамье, жизнерадостно перебрасываясь репликами с монахами; Юсуф пристроился в углу, скептически наблюдая за пятью темными фигурами, хлопотавшими вокруг котла, время от времени отбегавшими в сторону в поисках необходимых ингредиентов. Выглядело все это довольно странно. Я удалился потихоньку, чтобы меня не заметили: наверняка мое появление заставит монахов погрузиться в крайнюю и совершенно ненужную суету.

Наконец послушник зашел и сказал, что ужин готов. Он провел меня в пустую беленую комнату, освещенную одной темной восковой свечой в подсвечнике. На

маленьком столе я увидел горячее, исходящее паром куриное рагу и рис. Священник из Абиссинии вошел следом и сел со мной, я сказал, что не стану есть, пока он ко мне не присоединится. Он со смехом покачал головой, его глаза сверкали, как две подсвеченные ягоды терновника.

— Я ведь уже сказал вам насчет поста, — произнес он, — но я видел, что ваш человек привез с собой апельсины. Я бы съел один, по особому случаю.

В итоге, пока я наслаждался отличным рагу, отец Антоний, так его звали, медленно очищал апельсин и неспешно ел, время от времени раздражаясь смехом по тому или иному поводу.

Примерно в двенадцати милях выше, в горах к юго-востоку, на несколько миль ближе к берегу Суэцкого залива есть еще один монастырь — Дейр Авва Булос, монастырь Св. Павла, — он соперничает с монастырем Св. Антония за право считаться старейшей христианской обителью в мире. Отец Антоний рассказал мне, что сам он отдает предпочтение монастырю своего святого тезки, поскольку тот связан с памятью основателя монашеского движения в Египте. Именно святому Антонию принадлежала некогда привилегия назначать главу коптской церкви — из монахов простых и набожных. Чем проще и набожнее тот был, тем меньше ему хотелось стать патриархом, и потому возник обычай доставлять новоизбранного главу церкви в Александрию в цепях (он как бы оплакивал свою участь).

Святой Антоний покинул долину Нила в поисках уединения в горах примерно в 312 году. Он нашел пещеру в утесах круто вздымавшейся вверх горы; ее и сегодня можно осмотреть. Когда он поселился на этой горе, выяснилось, что он не единственный ее обитатель. Святой Павел (авва Булос) уже жил в пещере в двенадцати милях от него, там, где теперь находится монастырь его имени. Два отшельника встречались, но

Павел, в отличие от Антония, никогда не устанавливал правил поведения для своих сотоварищей; он жил в полной изоляции. Когда в 340 году он умер глубоким стариком, то завещал свое одеяние из пальмовых листьев Антонию. Через шестнадцать лет после смерти Павла Антоний, достигнув 105 лет, умер; рядом с ним были два верных ученика, Макарий и Амата. Именно Амата предоставил святому Афанасию сведения для жития святого Антония, написанного примерно в 356–357 годах и обращенного к «чужеземным братьям» в Италии и Галлии.

Судя по всему, святой Антоний был не только основателем монашеского движения, но и своего рода психоаналитиком, поскольку считал необходимым вести дневник, с которым делился самыми сокровенными мыслями, — принцип, знакомый современным последователям этого искусства: тайные мысли и желания лучше извлечь на свет дневной. Он не был книжником, но активно участвовал в церковных дискуссиях своей эпохи, писал тем, кто искал его совета (среди его адресатов были император Константин и сыновья последнего). Антоний вовсе не был мрачным, патологическим отшельником; он любезно и жизнерадостно приветствовал тех, кто к нему приходил. Однако его трудно было вызвать на разговор, если речь не шла о страждущей человеческой душе. Богачи тщетно пытались выманить его из скита, но он всегда отвечал: «Как рыба умирает, если ее вытащить из воды, так и монах, которого извлекли из скита».

Пищей ему служили сухари и вода, порой он воздерживался от еды по четыре дня кряду. Он никогда не ел до заката, даже в те дни, когда не постился, и еще никогда не мылся. Святой не был тем высоким статным мужчиной, каким его часто изображают художники; напротив, он был мал ростом, но в нем имелось нечто такое, что заставляло людей оглядываться в толпе.

Когда он прибыл в Александрию по просьбе святого Афанасия, чтобы выступить против ариан, за ним по улицам следовали толпы с криками «Божий человек!»

Временами он впадал в божественный экстаз, продолжавшийся, бывало, целый час. В такие моменты ученики обычно ждали, когда святой вернется к ним, а сам он верил, что для достижения совершенства молитва должна быть экстатической. Перед смертью Антоний, как я уже упоминал ранее, велел ученикам похоронить его тайно, и могилу так до сих пор и не нашли.

Монахи считают, что основание их обители датируется годом смерти Антония (356). Есть даже предание, что церковь Св. Антония, главный храм монастыря, изначально была часовней, возведенной самим святым у подножия горы.

Я пожелал отцу Антонию доброй ночи и прогулялся по террасе, прежде чем лечь. Над пустыней висела почти полная луна. Монастырь напоминал огромный корабль посреди безграничного моря, его белые стены сияли посреди пустоты земли и небес. Несколько мгновений я стоял, вслушиваясь в тишину столь глубокую, что мой разум стал изобретать звуки взамен отсутствующих в реальности.

Послушник приготовил мне постель и поставил традиционную темную церковную свечу футов трех высотой. Она горела, обильно истекая воском. Мне показалось, что не успел я задуть ее, как глаза мои открылись навстречу свету нового дня.

В монастыре есть две главные церкви, каждая из которых перекрыта двенадцатью плоскими белыми куполами. Все купола одного размера, расположены в

четыре ряда, по три купола в ряду. Одна церковь посвящена святому Антонию, другая — Марку, который, насколько я понял, когда-то был иноком этой обители.

Церковь Св. Антония расположена позади основной группы зданий, возле *касра*, на самой высокой точке монастырской территории. Она большая, квадратная по форме, побелена известью, у западной стены стоит колокольня. Ее стройную башню венчает приземистый купол, а у самой вершины есть открытая арка, в проеме которой виден подвешенный колокол.

Когда мы с отцом Антонием приблизились к церковной двери, я увидел снаружи стоящие в ряд шлепанцы, как в мечети, а потому тоже снял туфли. Я понимал, что от меня ждут этого перед входом в церковь. Мы прошли через нартекс и оказались в одной из самых странных и примитивных церквей, которые я когда-либо видел, даже в коптском Египте. Меня не удивило, что это старейшая церковь в стране.

Это маленькое здание, приблизительно сорок футов в длину и примерно в половину меньше в ширину; любой, кто незнаком с древними коптскими церквями, может сперва вообразить, что попал в почтенный фермерский дом, который скверно побелили и заполнили самыми разнообразными предметами: деревянными экранами, иконами, коврами и циновками. В церкви нет искусственного освещения, лишь свечи. Под потолком, над хорами, подвешено несколько страусовых яиц.

Пространство церкви представляет собой просторную комнату причудливых очертаний и со сводчатым потолком. Отделены лишь небольшие хоры — для этого установлена стенка футов четырех высотой с открытым проемом в центре.

Хоры расположены под одним из куполов, и две колонны, отделяющие хоры от основного пространства, выглядят грубыми и примитивными — вероятно, для них использовали сырцовые кирпичи, много веков

покрывавшиеся известью, слой за слоем, или каменные блоки, утонувшие в штукатурке. И основное пространство, и хоры вплоть до ступеней алтарного возвышения — *хайкала* (солеи) — застелены коврами и грубыми половиками из верблюжьей шерсти на слое тростниковых циновок (так же мусульмане настилают ковры в своих мечетях).

Вдоль хоров тянутся два деревянных бруса, а на них подвешены пять грубо нарисованных и сильно обветшавших икон. Центральная представляет Богоматерь с Младенцем Христом; по обеим сторонам от нее висят образы крылатых ангелов; а дальше два изображения конных святых — один из них, естественно, Мари Гиргис, то есть святой Георгий. Святилище расположено под другим куполом и почти полностью погружено в темноту. Его отделяли от хоров врата, составленные из многочисленных деревянных жердей, словно ножки стульев эпохи короля Якова.

Когда-то церковь была расписана фресками. В одном из куполов я заметил почерневшие следы живописи, на южной стене сохранился цикл поцарапанных и почти неразличимых образов святых, стоящих прямо вдоль длинной аркады. Самой любопытной особенностью церкви оказались древние нарисованные кресты, видимые в тех местах, где отвалилась штукатурка. Вероятно, они очень старинные и прекрасно исполнены. Каждый крест примерно двенадцати дюймов в высоту, греческого типа, а вокруг — схематично изображенный венок-картуш. Над перекладиной креста греческие буквы ΙC ΧC, а ниже перекладины — ΝΙΚΑ, то есть широко известная греческая монограмма, означающая «Иисус Христос Победитель». Каждый крест написан густым красным цветом по кремовому фону, а все венки — зеленые. Краска крестов твердая и блестящая, причем некоторые кресты утоплены в слои чередующейся штукатурки и побелки до четверти дюйма глубиной.

Мне ужасно хотелось снять со стены маленький кусочек штукатурки, чтобы лучше разглядеть нижние буквы, но не успел я поддеть его ногтем, появился монах и очень вежливо сообщил, что в прошлый раз, когда кто-то собрался сделать это, его поразило молнией. Вероятно, эти кресты призваны были символизировать особое почитание этой церкви, но прошло много веков со времени исчезновения в этой пустыне греческого влияния и самого греческого языка^[36].

Арочный проход в южной части церкви вел в часовню без окон, которую монахи называют часовней Откровения. Ее купол украшен фресками с символами четырех евангелистов: лев Марка, телец Луки, орел Иоанна и человек (или ангел) Матфея. Эти существа из Апокалипсиса представлены несущими корону. Отец Антоний, судя по его словам, не связывал их с евангелистами.

— Телец просит у Бога о милости для всех животных, — объяснял он. — Орел просит о милости для всех птиц, лев — для всех диких зверей, а человек — для человечества. Так все твари просят о милости Господа.

Возле церкви есть соединенный с нею темный проход в другой храм, посвященный Благословенной Деве. В ее нефе лежала огромная куча оливок; достаточно необычное зрелище, потому что в Египте оливки являются исключительно реликтом эллинистической агрикультуры.

Мы поднялись по лестнице и пересекли подъемный мост в сторону *касра*, а затем вошли в часовню Св. Михаила. Отец Антоний извлек из складок рясы ключ, поднял указательный палец с уже знакомым мне смешком, а потом шепнул, что собирается показать мне библиотеку. Он словно намекал, что я могу оказаться новым Керзоном и что не следует уносить с собой бесценные сокровища. Он некоторое время сражался с

тугим замком, а потом открыл дверь в комнату, где томились в деревянных шкафах сотни томов. Насколько печальное зрелище являет собой библиотека, которая принадлежит людям, редко читающим книги и не испытывающим к ним никакого интереса!

Тома теснились в ячейках хранилища, будто их засунула туда равнодушная рука поденщицы, а те книги, которым не нашлось места на полках, были как попало запиханы поверх или свалены грудями на полу. Они выглядели непривлекательно, как библиотека какого-нибудь законоведа, и воздух в комнате был затхлым, — это бывает, если хранить бумагу и пергамен, месяцами не проветривая. Я пожалел в тот миг, что не обладаю нужными знаниями, чтобы изучить эту коллекцию рукописей.

Отец Антоний провел меня по всему монастырю. Мы заглянули в сводчатую пекарню, где два послушника замешивали тесто и разжигали огромную печь. Я видел зерновую мельницу, которую приводила в движение монастырская лошадь, покорное существо (мой жизнерадостный проводник ласково поцеловал ее в морду). Интересная деталь монастыря — огромная крытая цистерна, заполненная чистой водой, которая поступает из источников у подножия гор. Непрестанное пополнение запасов пресной воды объясняет изобильный рост финиковых пальм, олив и винограда; возможно, это вообще единственный виноградник в Египте, переживший арабский запрет на разведение винограда в XI веке.

Немногочисленные монахи-трапписты на горе Меллерей в Ирландии умудряются поддерживать свой сад в цветущем состоянии круглый год, однако такого не скажешь о коптском подходе. Здесь, как и в Вади Натрун, бросается в глаза полное отсутствие организации, словно отшельники просто собрались в одном месте, словно это не единое сообщество,

движимое общей целью. Мне нравится думать, что причина не в слабости духа и не в лени, а в индивидуализме, унаследованном от египетского монашеского движения. Доведись мне или любому другому выходцу с Запада жить в подобной атмосфере, мы бы сошли с ума, но для местных монахов она совершенно естественна, так как они направляют всю энергию на утомительно длинные богослужения и живут столь строго, что не имеют сил и желания заниматься ручным трудом.

Монахи получают продовольствие из города Буш на Ниле. Караваны верблюдов доставляют им пищу раз в два или три месяца, и путешествие занимает четыре-пять дней.

Монахи стремятся подражать жизни древних аскетов и отшельников IV века, но не понимают — или не желают понимать, — что можно достичь жизни лучшей, нежели в древние времена. Все, кто вступают в монастырь, дают клятву отказаться от любой собственности, никогда не жениться и забыть о родственных связях. Он клянутся не есть мяса и не пить вина, проводить жизнь в посте и молитве, носить только монашеское облачение, никогда его не меняя. Также они соблюдают все установленные службы, ежедневно молятся — на коленях и простираясь ниц, а вставая, совершают крестное знамение.

Я спросил отца Антония, сколько монахов в обители приняли схиму; его удивило, что я вообще об этом слышал. Многие, ответил он коротко и повторил то, что мне уже говорили в монастыре Дейр Авва Макарий: схимники не употребляют в пищу жир и совершают очень сложные и суровые ритуалы моления.

К восточной стене монастыря прижимаются двенадцать куполов церкви Св. Марка, а внутри нее хранятся мощи этого святого. Церковь представляет

собой большое белое здание и содержит гробницу святого.

15

Я совершенно не мог уснуть и в половине третьего решил подняться. Лунный свет потоком лился сквозь зарешеченное окно. Я потихоньку оделся и вышел наружу; монастырь был погружен во мрак и тишину. Ночь выдалась чудесная. Я мог разглядеть каждый дом, каждую пальму, так четко они вырисовывались в лунном сиянии. Я прошел по улице к церкви Св. Антония и был поражен, увидев длинный ряд шлепанцев. Монахи были внутри в столь неурочный час! Как легко ошибиться и высказать несправедливое суждение о коптских монахах, когда видишь, как лениво они бродят днем! Я крадучись вошел в церковь и увидел сцену, которую не забуду никогда.

Помещение освещали блики огня на хорах, в оливковом масле плавали фитильки. Храм был заполнен темными, тихо бормочущими фигурами. Некоторые прислонились к стене, закрыв глаза, губы их шевелились, неустанно повторяя молитвы; другие стояли в центре, опираясь на Т-образные посохи, которые принесли с собой на бесконечно долгую службу; кое-кто стоял на коленях, иные простерлись ниц. Большинство прикрывали плечи темным покровом, вероятно, из-за ночного холода. Они не замечали меня. Они были полностью погружены в молитву, и я вновь обратил внимание, что это индивидуальная молитва: они не читали молитву вместе, как делают монахи на Западе; это было собрание отшельников, каждый из которых произносил собственную молитву и лично обращался к Господу.

Невероятно бледные, совершенно отрешенные от мира, погруженные в поиски индивидуального пути на небеса, отрицающие светскую жизнь во имя награды в иной жизни... Глядя на этих людей, я понимал, что вижу то самое благочестие, о котором писали Палладий и Пахомий много веков назад. Не имеет значения, что мы думаем об этом идеале, столь сильно отличающемся от энергичных миссионерских установок Запада; мы не можем отнять у этих людей их духовных достижений. Путешествуя через пустыню в лунном свете, глядя на стены прибежища у подошвы гор, кто может вообразить, что в половине третьего ночи здесь происходит нечто подобное? Случайно наткнувшись на ночное собрание в пустынной церкви, кто найдет в своем сердце насмешку над братьями-христианами?

Темная фигура поднялась на хорах и стала молиться вслух. Из тени отозвались другие голоса. Молитва становилась громче, и я вдруг осознал, что слышу язык Древнего Египта. Они молились на коптском, на языке святого Антония, языке Птолемея, языке фараонов.

16

Я получил от *куммуса* разрешение подняться в пещеру святого Антония в сопровождении молодого послушника, который говорил по-английски.

Мы покинули монастырь и двинулись вдоль основания горы, пробираясь между валунами, а потом вверх, по тропе, которая петляла к пещере, находившейся в тысяче футов выше по крутому склону. Вскоре тропа почти исчезла, осталась лишь едва заметная дорожка, пригодная для горных козлов, и нам пришлось карабкаться по мере сил. В какой-то миг мы оглянулись на пустыню, раскинувшуюся к востоку от Суэцкого залива.

— Вы сказали мне прежде, что собирались поступить на государственную службу, — начал я, — но потом что-то случилось, и вы вступили в монастырь.

— О да! — воскликнул он. — Вы помните! Мой отец богатый человек. Он обожает Англию. Он хотел послать меня в Лондон, чтобы закончить образование, а затем я должен был вернуться и войти в его бизнес. Мой отец хороший человек, понимаете, и он очень меня любит. Но когда я думаю о жизни, которую он предлагает мне, то понимаю, что не могу ее принять.

Он сделал паузу, его переполняли эмоции, он все еще не был настоящим монахом, еще не умер для мира.

— Я сказал ему, что должен уехать в этот монастырь! Мое единственное желание — молиться. Я не думаю ни о чем — *ни о чем!* — кроме пути в рай. Вы понимаете? Я использовал правильное слово?

Поразительно! Он использовал греческое слово *парадизос*, которое ранние отцы церкви употребляли в отношении мест обитания анахоретов; он даже не задумался, что выбрал слово, которое произнес бы святой Антоний, если бы вышел к нам навстречу из пещеры.

— А теперь, — продолжал юноша, — я молюсь, я работаю, ем, сплю и снова молюсь. Это жизнь без греха. Я люблю это место. Я здесь состарюсь и все равно буду любить его...

Мы продолжили восхождение.

— А что сказал ваш отец? — поинтересовался я.

Он коротко и печально взглянул на меня, а потом произнес фразу, словно взятую из учебника:

— Он горько плачет.

Мы карабкались по отвесному склону, отыскивая путь среди гигантских валунов, протискиваясь между скал. Глядя вверх, мы видели над головами маленькую треугольную расщелину в поверхности горы, отверстие,

которого едва хватало для одного человека, — это и была пещера Антония.

Наконец мы поднялись на небольшой козырек перед входом в пещеру, вокруг была голая скала. В ясные дни Антоний сидел здесь, обращая взор к долине, и перед ним открывалась ржаво-красная каменистая равнина, ограниченная вдали полоской синей воды. Вокруг было достаточно места для бесов, которые цеплялись за выступы скал и прятались за камнями, балансируя на самом краю пропасти. Сама пещера представляла собой естественную трещину в горе, она была такой низкой, что войти можно было, лишь пригнувшись, и такой узкой, что только отшельник или очень худой человек смог бы протиснуться внутрь, не задевая стены. Сначала ничего не видно, потому что трещина уходит на тридцать футов в глубь скалы. Это настоящий горный туннель, черный, как чернила. Стоит преодолеть этот скальный коридор — и в свете спички ты видишь округлое пространство, достаточно просторное, чтобы вместить человек двадцать.

В углу устроен маленький алтарь, на нем стоят свечи, также в пещере есть расписанный деревянный ящик, хранилище потира, который достают для курбана. Молодой послушник зажег свечи и с молитвой опустился на колени перед алтарем. Через несколько минут он встал.

— Это был святой человек, — сказал он. — И теперь он в раю. Я прошу, чтобы мне удалось приблизиться к нему через молитву, потому что именно через молитву душа входит в рай.

Он вздохнул и вернулся к мирскому. Указав на грубо обработанный валун в углу пещеры, молодой человек сказал, что этот камень служил святому Антонию подушкой. Он объяснил, что раз в году все монахи обитатели поднимаются на гору с зажженными свечами и

кадилами, чтобы отслужить курбан в том месте, где жил и умер святой.

Я спросил, читал ли он когда-нибудь об искушениях святого Антония. Он ответил утвердительно, и я подумал: наверное, лет через двадцать можно будет поговорить с ним на эту тему. Как и мы на Западе, он знал историю о встрече Антония с Павлом: как однажды святой размышлял, что ни один человек на земле не служит Богу так долго, как он сам, и вдруг посреди уединения раздался голос: «Есть тот, кто более свят, чем ты; ведь отшельник Павел служит Богу в одиночестве и покаянии уже девяносто лет». Антоний взял свой посох и отправился искать Павла. Он нашел того в горной пещере, и двое святых обнялись. Они стали друзьями, и когда святой Павел почувствовал приближение смерти, они были вместе. Желая оградить Антония от зрелища смерти, Павел отослал его с каким-то поручением, и когда Антоний вернулся к другу, он увидел, как душа Павла восходит к небесам, белоснежная и легкая, в окружении сонма святых и ангелов, которые несут ее в рай. Тогда Антоний обернул тело друга в плащ и похоронил. Затем он вернулся в свою пещеру и жил там, пока ему самому не пришло время присоединиться к избранным Господом.

Мы спустились с горы и вернулись в монастырь.

— Вы уверены, что никогда не пожалеете, что вступили сюда? — спросил я у послушника.

Не успел я произнести эти слова, как почувствовал, что в них таится искушение сатаны. Такое мог бы сказать бес.

Молодой человек взглянул на меня с бескомпромиссной решимостью маленького ребенка:

— Никогда, — твердо заявил он. — Я даже сейчас больше всего хочу удалиться в свою келью и предаться молитве.

Я подумал, что Синай мог бы быть самым прекрасным пояснением к страницам греческих рукописей, какое только можно постичь, но это странное место в пустыне погружено в непроглядный туман, окружено пеленой легенд, оно скрыто от взгляда императоров, паломников и королей, и только бледные бородатые люди многие годы преклоняют здесь колена перед Господом, удалившись в горы на краю мира.

17

Мы уезжали рано утром. Мрачный, но вежливый *куммус*, оживленный отец Антоний и молодой послушник вышли к воротам, чтобы посмотреть, как наши машины отправляются через пустыню. Они помахали на прощание, а потом дорожная пыль скрыла монастырь из виду.

Мы пересекли Аравийскую пустыню в направлении Нила, выехали к Эль-Васта, преодолев восемьдесят миль. И вот уже перед нами высокие дамбы и летучая черная пыль Египта, узкая полоса возделанной земли, перенаселенная ослами, водяными буйволами и верблюдами. А потом показались огни Каира. За исключением того, что пустынная дорога оказалась не хуже и не лучше, чем могла бы быть, я помню лишь одно из этого путешествия. Мы находились посреди пустыни, час за часом преодолевали расстояние и не видели ничего нового или примечательного, если не считать горячей полосы неба впереди, как вдруг на горизонте появились около тридцати верблюдов. Наши пути пересеклись.

Это был караван бедуинов. Мы подумали, что, может быть, караван идет в сторону монастыря из города Буш, и даже решили, что было бы забавно послать весточку или небольшой подарок отцу Антонию; это заставило бы

его рассмеяться. И двинулись навстречу верблюдам и их погонщикам.

— Вы идете в монастырь? — спросил господин Валлинис по-арабски.

Начальник каравана, высокий худой человек с темными ногами в кожаных сандалиях примерно того же кроя, что были найдены в гробнице Тутанхамона, подошел и взглянул на нас, а затем устремил взор куда-то вдаль.

— Нет, — ответил он, обращаясь к пустыне. — Мы ничего не приносим христианам. Мы только для бедуинов.

Потом прикрикнул на верблюдов и взмахнул палкой.

В тот вечер я распрощался с господином Валлинисом и Юсуфом, двумя отличными компаньонами в путешествии, с тем, кто играл роль Улисса, и с настоящим художником кухни, мечтавшим, чтобы пустыня расцветала, словно отель «Ритц». А утром сказал «прощай» Египту и поднялся на борт корабля, который шел в Европу.

Глава десятая

Римские святыни

Я заканчиваю путешествие в Риме, где посещаю места, связанные с апостолами, и спускаюсь в катакомбы. Я присутствую на торжественной церемонии над гробницей святого Петра и завершаю путь у руин Остии.

1

На Пьяцца ди Сан-Пьетро в Риме находится маленькое кафе, которому удается выживать на заполненной машинами автомагистрали, а его территория условно отмечена деревцами в зеленых горшках.

Я много раз пил там кофе и ликер «Сан-Пеллегрينو», чуть приправленные дорожной пылью, поднятой проходящими мимо автобусами и такси, ногами монахов и монахинь, монсеньоров и пилигримов, а также обыкновенных туристов, вроде меня. Я очень люблю это скромное кафе, и когда оно исчезнет в результате реализации очередного проекта по благоустройству города, — как происходит со всеми дорогами сердцу приметам города, если живешь достаточно долго, — Рим для меня потеряет один из сентиментальных маяков, которые позволяют нам говорить, что мы любим то или иное место. Никто не может по-настоящему любить город: что мы любим на самом деле, так это встречи с самими собой в избранных нами заветных уголках.

Первое, что я делаю, вновь оказавшись в Риме, — гуляю вдоль Тибра; я обязательно пересекаю мост Сант-

Анджело, чтобы заглянуть в небольшое кафе на Пьяцца Рустикуччи. С чувством глубокого удовлетворения я вижу, что там ничего не изменилось: так же пыльно и так же близко от проезжей части; маленькие столики теснятся на ограниченном пространстве, а официант отгоняет салфеткой невидимых мух. Когда сидишь там, прямо перед тобой открывается вид на самую величественную площадь в мире. В центре высится обелиск из асуанского гранита, бывший свидетелем смерти святого Петра, по обеим сторонам от него — фонтаны, выдувающие в воздух белые водные фигуры, которые напоминают плюмажи на шлемах стражников, а позади возвышается собор Св. Петра, тронутый светом раннего утра.

На площади царило оживление, так как была Страстная неделя. Автобусы и автомобили терялись в толпе паломников. Последние частью прибыли самостоятельно, частью шли группами, под руководством сельского священника. Вот появился очередной «добрый человек», крепко сжимающий в руке зонт; он осторожно ступил на землю с высокой ступеньки автобуса, на нем были удобные спортивные ботинки; почувствовав себя уверенно на твердой почве, он деловито собрал свою оживленно болтающую паству, огляделся в поисках отбившихся паломников, и все они бодро двинулись через величественную площадь и вскоре превратились в пятно на дальней лестнице. Я видел монахинь в накрахмаленных чепцах; эти женщины демонстрировали поразительные организационные способности в управлении скоплениями маленьких и чрезвычайно шустрых девочек. Еще там были поляки с квадратными тевтонскими лицами (поскольку в пасхальную субботу должны были канонизировать одного польского мученика) и другие люди, национальность которых я затруднялся определить. Все они шли через площадь, а

черная тень от обелиска лежала на земле широкой полосой, словно это были гигантские солнечные часы; поднявшись по длинной лестнице, все эти люди исчезали внутри базилики.

Я сидел и наблюдал за ними, размышляя о том, что передо мной проходит самая бесконечная процессия в истории человечества: они были частью шествия, которое началось в пустынях и горах Востока, возле старинных рек древнего мира, в городах, давно обратившихся в прах. Это великая процессия христианских паломников, которая вот уже девятнадцать веков шествует по свету. Город Ресафа, ныне погружившийся в тишину и смерть под сирийскими звездами, когда-то отзывался на их молитвы; древнее святилище Мины в песках Мареотиды некогда давало драгоценную воду для маленьких овальных фляжек; отмеченные Богом горы Синая были им знакомы, а в ужасающей, бесконечной египетской пустыне они преклоняли колени бок о бок со святыми.

Я словно смотрел на бегущие воды реки — той реки, что, подобно Нилу, пересыхает в верховьях и меняет русло, но по-прежнему находит дорогу к морю. Я думал, что если бы кому-нибудь удалось пробудить от долгого сна одного из первых христиан Антиохии, Иерусалима или Александрии, процессия, следовавшая по ступеням собора Св. Петра, показалась бы ему совершенно понятной и узнаваемой частью жизни современного Рима.

2

Все христианские паломничества неизменно заканчивались в Риме, потому что только в Риме паломники могли оказаться в зданиях, в стенах которых звучало эхо голосов святых Петра и Павла.

Единственный из всех древних патриархатов единой Вселенской Церкви, Рим сохранил прямую связь с эпохой апостолов. Даже христиане V века, еще до начала исламского завоевания, когда все святые места оставались целыми и невредимыми, с почтением взирали на Рим. Высокоученый Феодорит, епископ Киррский, живший в Сирии, писал около 450 года папе римскому святому Льву:

Ваш город хранит тела Петра и Павла, наших общих отцов, наших учителей веры, чьи могилы освещают сердца всех верных. Эти два благословенных мужа, вдохновленные Господом, восстали на Востоке, и по всем краям распространили свои лучи, как светила небесные: но именно на Западе они нашли свое прибежище, именно с Запада они просвещают весь мир. Именно они передали Вам престол несравненной славы: они — самое ценное, чем Вы обладаете.

И одним из чудес света, пожалуй, не оцененным по достоинству теми, кто не путешествовал по полям сражений восточного христианства, являются святилища Рима, служившие конечной целью ранних паломников и по сей день весьма посещаемые.

В начале моего странствия, когда я был на пути к Калаат Симан, мысли мои обращались не к средневековым паломникам, а к их отдаленным предшественникам, грекам и римлянам, которые отправлялись в дальние края, чтобы пройти по стопам Иисуса и посетить места, связанные с апостолами, когда Римская империя еще не пала.

Паломничество началось еще при жизни тех, кто лично знал Христа и апостолов. Святые Паула и Евстохия, которые жили в Вифлееме в IV веке,

утверждали, что христиане, жаждавшие своими глазами увидеть место распятия и вознесения, приезжали в Святую Землю уже в период ранней церкви. Среди первых известных паломников был и великий Ориген, родившийся в Александрии около 185 года. Он посетил Иерусалим примерно в 238 году, чтобы «найти следы Иисуса и Его учеников и пророков». Это произошло почти за столетие до того, как святая Елена обнаружила место Гроба Господня, на котором стоял храм, построенный императором Адрианом, вероятно, чтобы стереть священные ассоциации. Адриан же перестроил Иерусалим, превратив его в подобие римского города.

Ориген не мог видеть Голгофу или могилу Христа, потому что они оставались скрытыми от взгляда вплоть до 335 года, но ему показали здание, на которое был направлен благочестивый восторг первых паломников. Это был Ценакул — Горница Тайной Вечери. Согласно евангельским рассказам, этот дом находился за стенами города, почему и уцелел, когда Тит стер Иерусалим с лица земли. По словам святого Епифания, Горница — комната на верхнем этаже, где собрались апостолы после Воскресения, где произошло Схождение Святого Духа, — со 135 года, когда Адриан превратил Иерусалим в римский город, стала маленькой церковью. И деда христиан, молившихся в этой церкви в эпоху Адриана, могли лично присутствовать при распятии. В стране, где камень является обычным строительным материалом, нельзя исключать, что Ценакул, в который приходил Ориген и другие ранние паломники, действительно был домом Марии, матери Марка, а не поздней постройкой, возведенной на том же участке. В последующие века там построили более впечатляющую церковь, она уцелела до времен, когда Иерусалим был захвачен мусульманами. Последние превратили ее в мечеть, в таком состоянии она и находится по сей день.

Другим ранним святилищем христианства была пещера Рождества в Вифлееме. Ориген видел ее за сотню лет до постройки базилики Константина, которая стоит там и поныне. Описывая эту пещеру, Ориген утверждает: «Все в этой стране знают ее, и язычники не устают говорить тем, кто заботится слушать, что в названной пещере родился некий Иисус, которого христиане обожают и которому поклоняются».

Пик паломничеств приходится на период после путешествия святой Елены в Иерусалим в 335 году и открытия мест распятия и Рождества, на которых выстроили церкви. Паломники устремились в Святую Землю со всех концов света, и святилища стали множиться — кстати сказать, радовало это отнюдь не всех. Отцы церкви придерживались двух разных мнений по поводу паломничеств. Некоторые защищали идею, как вклад в укрепление набожности; другие осуждали ее, ссылаясь на грехи городов, через которые приходится проходить паломникам. В 393 году святой Иероним пытался отговорить очередного паломника: «Доступ к небесному двору так же легок из Британии, как из Иерусалима, поскольку Царство Божие находится внутри нас».

Паломничества в Рим начались столь же рано, как и паломничества в Святую Землю. Христиане всего мира знали, что римская церковь хранит память о Петре и Павле, которую сама ценит выше любых других сокровищ. В Риме существовали тайные места, хранившие воспоминания об апостолах с той эпохи, когда христианство подвергалось гонениям, а в катакомбах за городской чертой христиане I века оставили потрясающие следы своей ранней истории. До постройки собора Св. Петра паломники приходили в Рим, чтобы молиться перед могилой апостола, которую нашли рядом с дорогой на холм Ватикан, а также перед могилой Павла у дороги на Остию. Великие церкви,

которые теперь стоят в этих местах, словно стали ответом на молитвы; ведь христиане преклоняли здесь колени еще в те времена, когда не были возведены своды, а вместо них простиралась пустошь под открытым небом.

Было опасно попадаться властям у могилы Петра. В житии святого Себастьяна упоминается, что святую Зою застали стоящей на коленях перед местом захоронения, арестовали и замучили. Тем не менее даже в этот отдаленный период, когда христиане тайком собирались в катакомбах, паломники все же приходили в Рим, чтобы молиться вместе с верными и черпать силы в коллективной памяти. Святой Патерний побывал в Риме в 252 году, Марсий прибыл из Персии с женой и сыновьями в 269 году, Мавр приехал из Африки в 284 году.

В то время в Риме не было соборов Петра и Павла, собора Иоанна в Латеране, не было Ватикана. Так что же видели паломники? Могилы двух апостолов; безусловно, катакомбы святого Калликста, в которых христиане молились и служили литургию; несомненно, здания, которые позднее стали церквями Свв. Пуденцианы, Климента и Приска. Все эти места можно посетить и сегодня. Они пронесли наследие первых веков через все испытания, выпавшие на долю ранней церкви. Нигде больше в мире не найти такой преемственности с далеким прошлым. Именно эта преемственность заставляла всех христиан с восхищением и трепетом взирать на церковные древности Рима.

3

Я вошел в собор Св. Петра, в котором гробница апостола расположена под роскошным балдахином работы Бернини в западном конце базилики.

Каждый раз, входя в этот храм, я поражаюсь его размерам и тому, что Гёте называл способностью искусства, как и природы, отменять все стандарты измерений и пропорций. Даже Карнак не сравнится с собором Св. Петра в дерзости архитектурного замысла; но я бы охотно пожертвовал этим блистательным видом, чтобы взглянуть на старую базилику с ее утраченными мозаиками и нефами, разделенными рядами колонн.

Коленопреклоненные паломники окружали мраморную балюстраду. Все они всматривались вниз, туда, где за мраморными ступенями и статуей молящегося Пия VI, за бронзовыми дверями в погребальную крипту лежали тела Петра и ранних пап. Мощи, хранящиеся внутри, никогда не тревожат. В IV веке над ними возвели большую церковь. В XVI веке ее разрушили, чтобы построить еще большую; но кости святых покоятся нетронутыми в скальном гроте, а над ними возвышается настоящая мраморная гора.

Когда паломник совершал благочестивые молитвы в этом святилище, вероятно, он вспоминал тех верных, кто давным-давно переносил тела мучеников и хоронил их, оставляя мощи последующим поколениям как священную собственность церкви.

Считается, что Ватикан получил свое имя от латинского слова *ватес* — пророк или предсказатель, поскольку на холме Ватикан некогда находился этрусский оракул, предсказывавший будущее. В I веке император Калигула построил там ипподром и привез из Египта обелиск, который ныне стоит посреди Пьяцца ди Сан-Пьетро, отмечая центр того, что называлось *спина* — узкой центральной платформы, вокруг которой скакали лошади и мчались колесницы. Когда императором стал Нерон, он выбрал этот ипподром как сцену для чудовищных пыток святых: христиан

обмазывали смолой и поджигали посреди арены. Именно здесь, вероятно, в 67 году, был распят святой Петр.

В ночь смерти Петра те, кто любил его, предстали перед гражданскими властями и обратились к ним с той же просьбой, какую Иосиф Аримафейский некогда адресовал Пилату: выдать тело. Мы знаем наверняка, что среди этих людей были святые Лин, Анаклет и Климент — три непосредственных преемника Петра, три пастыря младенческой христианской церкви. В те времена на такие просьбы никогда не отвечали отказом. Римский закон гласил, что тела приговоренных к смерти после казни должны выдаваться родственникам.

Той темной ночью в Риме случилось в некоторой степени повторение сцены, имевшей место в Иерусалиме в ночь после распятия. Как и Учителя, Петра сняли с креста и завернули в тонкое льняное полотно; его тело в скальной гробнице обложили душистыми травами и благовониями. Эта могила, сегодня находящаяся под высоким алтарем собора Св. Петра, в 67 году находилась на открытом кладбище у обочины Виа Корнелия. Слева от этой дороги высилась северная стена цирка Нерона; справа, в ее тени, притаилось кладбище; раскопки более позднего времени выявили множество языческих и христианских захоронений. Возможно, один из членов христианской общины предложил свой участок, как Иосиф Аримафейский отдал собственный для Иисуса. Так похоронили святого Петра.

Первое святилище было построено над могилой апостола святым Анаклетом, которого поставил в священники сам Петр; впоследствии он стал третьим по счету епископом Рима. Это святилище представляло собой обычный мемориал (*cella memoria*), несомненно, ясно видимый всем, кто проходил по Виа Корнелия. Возможно, строители чуть приподняли стены обычной гробницы и соорудили над ней комнату. Вокруг могилы

апостола в течение первых двух веков хоронили пап, начиная со святого Лина, наследовавшего Петру, и вплоть до святого Виктора, занимавшего престол примерно в 189–199 годах.

Когда император Константин обратился в христианство и преследования закончились, правитель удовлетворил просьбу папы Сильвестра выстроить церковь на древнем папском кладбище возле Виа Корнелия. Согласно обычаям того времени, оригинальную могилу не тронули, и первый собор Св. Петра возвели так, чтобы гробница оказалась прямо под алтарем. Константин использовал северную стену римского цирка Нерона как основание для южной стены базилики, поэтому южная сторона старого собора заняла значительную часть северного участка цирка, на котором римская толпа наблюдала за тем, как сжигали и распинали мучеников двумя с половиной столетиями ранее.

Ранние паломники входили в совсем другую церковь, чем та, что стоит над гробницей сегодня. Поднявшись на коленях по тридцати пяти ступеням, они попадали в первый двор, или атриум, — большой, отделанный мрамором, без кровли, окруженный крытой галереей. В центре двора мраморные колонны поддерживали бронзовый навес, а под ним находилась огромная позолоченная сосновая шишка, из которой текла вода; это был фонтан для омовения, которое требовалось совершать, прежде чем войти в храм.

Миновав залитый солнцем двор, паломники попадали в обширное пространство церкви, разделенное рядами колонн; семьсот светильников горели там днем и ночью перед 52 алтарями и часовнями. Стены и арки сияли золотыми мозаиками, а пол был выложен белым мрамором, заимствованным из цирка Нерона. В западной части собора витые колонны поддерживали навес; под ним находилась могила Петра. Церковь заканчивалась

западной апсидой и широкой полукруглой кафедрой с установленным по центру креслом для папы, а на арке над кафедрой находилась знаменитая мозаика, ныне утраченная: коленопреклоненный император Константин подносит модель церкви Спасителю.

Доведись нам посетить старую базилику вместе с саксонскими паломниками, мы бы кланялись сооружению над гробницей Петра и первых пап ровно так же, как это делают паломники современные, но вдобавок могли бы увидеть и саму могилу апостола. У паломников существовал обычай наматывать платок или привязывать другой небольшой предмет на конец длинной палки, чтобы прикоснуться к надгробию, находившемуся в глубине и огражденному балюстрадой; так происходил физический контакт с саркофагом святого. Дьякон из Тура по имени Агиульф посетил это место около 600 года и оставил детальное описание, процитированное Григорием Турским в сочинении «*De Gloria Martyrum*» («О славе святых»):

Святой Петр похоронен в церкви, с древних времен называемой Ватикан. Его гробница, расположенная под алтарем, посещается крайне редко. Однако если кто-то желает молиться, ворота, которыми отгорожено это место, открываются, и можно войти и встать над нею, затем открывают маленькое окошко, засовывают в него голову и обращаются с просьбами, согласно необходимости. И результат не заставляет себя ждать, если прошение справедливо.

Дьякон упоминал и обычай опускания кусков ткани к надгробию, о том же рассказывали и некоторые епископы — например, к папе Гормизду обращались с просьбой положить кусок ткани непосредственно на

гробницу апостола Петра. Григорий Великий также ссылается на этот обычай в письме, явившемся ответом на дерзкую по наивности просьбу императрицы Константины прислать ей голову святого Павла.

Меня печалит, что я не в силах исполнить сие и принести вам радость, — писал Григорий, — ибо тела апостолов Петра и Павла излучают столь многие чудеса и повергают в толикий страх, что даже молиться им невозможно без великого трепета. Более того, да простит меня всемилостивейшая госпожа, не заведено у римлян, когда зрят они мощи святых, допускать прикосновение к какой-либо части их тел; можно лишь возложить ткань на раку и поместить ее возле святейших тел...

Обычай сохранился до наших дней. За бронзовыми дверями погребальной камеры есть ниша, где в золотой шкатулке хранится *паллий*, который папа посылает новопоставленным архиепископам. Полное название паллия — *pallium de corpore sancti Petri* («плат с тела святого Петра») — отсылает к изначальному обычаю. Паллий представляет собой полосу белой шерстяной ткани, которую архиепископы по особым случаям возлагают на шею поверх ризы; кроме того, их всегда хоронят в таком облачении. Считается, что дар паллия символизирует обычай передачи мантии умершего наставника ученикам; в Египте было принято, чтобы новый патриарх снимал паллий с тела предшественника и возлагал его на себя, этим жестом доказывая непрерывную преемственность руководства египетской церковью.

По приведенным свидетельствам видно, что в отдаленные времена можно было увидеть могилу апостола в старом соборе Св. Петра. Существует широко

распространенное мнение, что могилу обнесли стеной в период варварских нашествий с целью защитить ее от готов, вандалов и сарацин, и с тех пор ее никто не видел, за исключением короткого промежутка перестройки базилики в 1594 году.

Церковь Константина заметно обветшала задолго до XVI века. Деревянную кровлю проели крысы, южная стена, выстроенная на основе цирка Нерона, стала оседать. Именно поэтому было принято решение возвести новый храм. В 1594 году, когда архитектор Джакомо делла Порта работал над гробницей Петра, участок земли вокруг могилы открыли и стал виден ее свод — впервые за восемьсот лет. Папа Климент VIII призвал трех кардиналов — Беллармине, Антониано и Сфондрато — и вместе с ними отправился в базилику. Архитектор держал факел над отверстием, а папа и три кардинала смотрели вниз; они увидели золотой крест высотой в человеческий рост, который Константин и Елена установили на могиле апостола в 326 году. Говорят, в свете факела они смогли даже прочитать надпись: «*Constantinus Augustus et Helena Augusta hanc domum regalem simile fulgori coruscans aula circumdat*» — «Константин Август и Елена Августа окружили это царское жилище двором, сверкающим великолепием». Один из свидетелей утверждает, что папа приказал тщательно заделать отверстие в его присутствии; другой сообщает, что папа размышлял о возможности допускать к крипте верующих, как было в древние времена, но отказался от этой идеи из-за опасений, что любые модификации гробницы святого Петра могут привести к серьезным бедствиям.

Эти же опасения тридцать два года спустя приобрели характер суеверия, широко распространившегося за пределы Ватикана по всему Риму. Установка балдахина работы Бернини потребовала прочного основания для четырех несущих колонн, и в

июне 1626 года, когда Бернини начал раскопки в районе крипты, он практически сразу же наткнулся на человеческие останки. Взрыв суеверий был вызван тем, что вслед за этим произошло несколько смертей среди тех, кто участвовал в работах, причем люди умирали один за другим, а потом заболел папа Урбан VIII, и тогда римляне потребовали немедленного прекращения реконструкции. От папы ждали решения — принять которое было не так-то просто, — отказаться от постройки навеса или продолжить работы; Урбан, «сознавая, что намерения у него самые благие и что все совершаемые действия не имеют иной цели, кроме желанья воздать честь и славу Господу», осмелился продолжить раскопки. Выяснилось, что под алтарем собора, вокруг могилы апостола, находятся несколько слоев захоронений, в которых нашли не только скелеты мучеников, но и останки, датируемые более ранними временами, с явными следами огня. К счастью, Р. Убальди, каноник собора Св. Петра, составил детальный отчет о строительных работах; он хранился в архивах Ватикана и оставался неизвестным широкой публике вплоть до 1891 года, когда его обнаружил профессор Армеллини. Убальди сообщает:

Были обнаружены две усыпальницы, и каждая из них содержит по два тела. Формы и контуры вполне различимы, а головы обращены к алтарю. Тела облачены в длинные одежды до пят, темные, почти черные от времени, и обмотаны пеленами, как младенцы; пелены покрывали и головы. Эти тела лежали бок о бок. Сами усыпальницы, стоило к ним прикоснуться, рассыпались в прах, и за исключением нескольких фрагментов одежды ничто не уцелело после прикосновения. Невозможно составить ясное или хотя бы приблизительное

представление об именах похороненных или об их внешности, но традиция говорит определенно, что рядом с телом святого Петра хоронили первых патриархов и отцов нашей Церкви, чья кровь стала семенем, из которого произросла святая и великая республика...

По мере продолжения работ обнаруживали все новые останки, которые осторожно перекладывали в гробы из кипариса, едва заканчивался очередной этап раскопок, а потом ставили как можно ближе к тем местам, которые они занимали на протяжении минувших веков.

Убальди продолжает:

Стали копать там, где должно стоять второе основание, напротив первого, прямо перед исповедальней. Не более чем в трех или четырех футах в глубину нашли массивный гроб из мраморных плит, но поскольку он не сильно мешал закладке опоры, сочли необходимым лишь срезать его заднюю стенку. Когда стенку отрезали, все поразились, увидев внутри пепел и значительное количество костей, слипшихся вместе и обгоревших. Всем пришло на ум воспоминание о знаменитом пожаре времен Нерона, за три года до мученичества святого Петра, когда христиан ложно обвинили в поджоге и признали виновными в преступлении, а затем доставили в цирк при Садах Нерона, расположенный как раз на Ватиканском холме, и там подвергли мучениям.

Во время закладки четвертого основания, с евангельской стороны алтаря, нашли могилу с двумя телами.

Лица были вполне различимы, а просторные одеяния достигали ступней. На одном теле было рубище с открытыми плечами, а на другом можно было различить великолепную материю стихаря, проработанного на два пальца шириной от края узором из маленьких завитков. Нижние одежды также просторные, монашеского типа, темного, почти черного цвета. Все покрывал толстый слой пыли, за исключением волос, длинных, свободно свисающих, каштанового оттенка; они выглядели так, словно их недавно подстригли. Несколько костей нашли также в небольшом ящике в стороне. Многие высказывали предположение, что это тела первых пап, греков по национальности.

Когда составили план раскопок, стало ясно, что тела святых были уложены как спицы в колесе, указывая на центральное место, где располагался саркофаг святого Петра. «Эти тела окружали апостола Петра, будто живые на синоде или соборе», — писал Убальди.

К многочисленным чудесам Рима следует отнести и это: город, не раз подвергавшийся разграблению, все еще хранит, по выражению святого Иеронима, «венеч из мучеников».

4

Я спустился в крипту — одно из самых священных мест Рима. Если ее уединенность и тишина вызывает ощущение мира и покоя, то собор наверху, с потрясающими перспективными ракурсами, сонмом барочных ангелов, фигурами пап величиной более обычного человеческого роста, никак не назовешь тихим или уединенным. К нему подходит определение

«пышный» или «торжествующий», или даже «воинствующий». Каждая статуя подается вперед в энергичном движении, окутанная водоворотом каменных складок и драпировок, каждый бюст пышет здоровьем и верой.

Но если отстраниться от этого роскошного оживления, можно ощутить колоссальную сакральность этого места, а спустившись по небольшой винтовой лестнице под пол собора, оказываешься в тихом уголке, рядом со старыми стенами, под низким сводчатым потолком, где электрические лампочки лишь отчасти разгоняют тьму. Тут и там стоят большие каменные саркофаги, и на них можно прочесть имена покойных понтификов: Николай I (умер в 867 году), Каликст III (умер в 1458 году). В углу три гробницы прижимаются к стене, штукатурка на них потрескалась и шелушится, несмотря на прожилки «под мрамор». Мы читаем: здесь обрели покой Фрэнсис Джеймс Стюарт — «король Иаков IV» Английский, Чарльз Эдуард Стюарт — «король Карл III» и Генри, кардинал Йорка — «король Генрих IX». Последние Стюарты лежат в самых простых гробах, в крипте по соседству с могилой святого Петра. Прекрасный мемориал работы Кановы в церкви наверху установлен не теми, кто готов был обнажить мечи во славу своих правителей, но Георгом IV; это делает честь Георгу IV — и красноречиво рассказывает о трагедии последних отпрысков блестящей, но несчастной королевской династии.

Прогуливаясь под сумрачными и торжественными сводами, до которых можно дотянуться тростью, я подошел к саркофагу красного гранита, в котором лежит тело единственного англичанина, когда-либо занимавшего престол святого Петра. Это Николас Брейкспир, правивший с 1154 по 1159 год под именем папы Адриана IV. Он родился в бедной семье в Лэнгли под Сент-Олбанс, отец его бросил. Николас вынужден

был побираться, скитался по Англии и Франции, потом учился в Париже, поступил слугой в дом каноника церкви Св. Руфуса возле Валанса. Постепенно набожность и ученость позволили ему вступить в монашеский орден; некоторое время спустя он сделался аббатом. Он ввел строжайшую дисциплину, некоторые монахи даже жаловались папе Евгению III, который, вероятно, одобрял суровость и добродетель аббата; во всяком случае, вскоре тот стал кардиналом Альбано и был направлен в Скандинавию, где добился успеха в укреплении отношений между Святым Престолом и северными королевствами, за что и получил прозвание «апостола Севера».

Правление папы Адриана было омрачено чередой мятежей и бесконечной борьбой с амбициями Фридриха Барбароссы. Когда Барбаросса прибыл в Рим, чтобы принять императорский венец, папа выехал ему навстречу в Непи; но Барбаросса не соизволил, как полагалось, взять под уздцы папского мула и помочь владыке церкви спешиться, а потому Адриан не даровал ему поцелуй мира. Схватка между гордыней Барбароссы и твердостью Адриана длилась несколько дней и закончилась, лишь когда Барбаросса согласился провести папского мула под уздцы на глазах германской армии. Тогда папа приветствовал его поцелуем мира, и они проследовали в Рим. Шесть лет дальнейших тревог и конфликтов привели к тому, что Адриан умер как раз накануне обнародования указа об отлучении Барбароссы от церкви. Трудно вообразить более блестящую карьеру для бедного английского мальчика, побиравшегося на дороге близ Сент-Олбанс и окончившего дни на престоле святого Петра!

Я обратил внимание на то, что немногочисленные посетители крипты совершенно не смотрят на пол, а это, между прочим, один из интереснейших памятников Рима — собственно, покрытие древней базилики Константина.

Старинные камни вытерлись и растрескались, но именно на этом уровне, если не на этих самых камнях преклоняли колени древние короли, в том числе Карл Великий, а также все средневековые паломники.

5

Рим по-прежнему остается небольшим городом, следуя по улицам которого быстро попадаешь в сельскую местность. Стоит выйти за стены, пройти милю или две, и ты уже шагаешь по типичной сельской дороге, вдоль которой стоят дома цвета охры, а старинные фермы виднеются тут и там среди деревьев. Торжественными, печальными группами высятся кипарисы, на истомленной зноем земле распускаются цветы. Когда солнце выходит из-за гряды облаков, стремительные тени скользят по мирному ландшафту, ограниченному контурами синих холмов.

Как-то днем я ехал в аббатство Тре Фонтане, выстроенное там, где, согласно преданию, принял мученическую кончину апостол Павел. Никогда не возникало сомнений, что Павла обезглавили «у вехи третьей мили» по дороге на Остию. Другие варианты не признали соответствующими традиции. В правление Нерона это место называлось Аквэ Сальвиэ — Сальвианские источники. В позднейшие времена сложилась живописная легенда о том, как отрубленная голова апостола ударилась об землю, подпрыгнула три раза, и в каждой точке ее соприкосновения с почвой забил ключ.

Миновав великолепную базилику Св. Павла-Вне-Стен, где захоронили обезглавленное тело апостола, я последовал по Виа Лаурентина, которая бежит вдоль излучины Тибра. Узкая полоса сворачивает от основной дороги налево и заканчивается перед высокой аркой, с

которой ниспадают пурпурные каскады бугенвиллии. Растущие повсюду эвкалипты доказывают, что местечко в давние времена являлось малярийным болотом. Те, кто посещал аббатство в начале XIX века, оставили жуткие рассказы о царившей здесь болезни, о том, что летом посреди трясины не живет никто, кроме немногочисленных бледных монахов — вялых, вечно хворых. Малярийные комары обитали тут в таком изобилии, что на время место стало совершенно необитаемым, и потому папа Пий IX в 1865 году передал его «штурмовому отряду» по внедрению современных методов сельского хозяйства — монахам-траппистам.

Эти непреклонные, трудолюбивые и молчаливые люди поселились в аббатстве и, воспользовавшись помощью заключенных, превратили трясины едва ли не в тропический рай. Они осушили болота, посадили правильные породы деревьев; в результате, проходя через арку, попадаешь в настоящий ботанический сад. Несмотря на несправедливость мысли, я не мог не сравнить этот образец монашеской энергии с вялостью и безразличием египетских иноков, которые наверняка предпочли бы тихо и безропотно умирать один за другим. Им не пришло бы в голову осушать болота и превращать их в обитаемый участок земли. Бог поместил здесь комаров, возразили бы они, так почему нам надо что-то менять? С другой стороны, они не покинули бы монастырь, даже если пребывание в нем грозило им лихорадкой и смертью.

Я прошел под эвкалиптами, надеясь отыскать кого-нибудь, кто покажет мне церкви, но место казалось совершенно безлюдным. В саду тесной группой стояли три церкви, одна из них — круглое барочное здание — справа, на чуть более высоком уровне, чем другие. Повсюду было написано: «*Silentio*» — «тишина, молчание», но призыв пропадал втуне: единственным звуком было воркование вяхирей в клетках,

расставленных среди высоких деревьев. Свернув за угол, я наткнулся на монаха-трапписта, с яростным усердием копавшего землю. Я просто физически почувствовал, что каждая лопата земли делает его душу более чистой и совершенной. Он вонзал инструмент в почву с такой силой, словно поражал сатану в самое сердце, а потом отбрасывал землю в сторону так, будто вместе с ней избавлялся от греха. Пот тек по его лицу, но он не прекращал трудиться.

Я хотел обратиться к нему, но заметил в нескольких ярдах от монаха очередную надпись «*Silentio*». Невольно мне вспомнилась злосчастная попытка Роберта Луиса Стивенсона поговорить с траппистом^[37], и я подумал, что не стоит нарываться на грубость. В надежде, что он обратит на меня внимание, я помедлил, наблюдая за его работой и размышляя о причинах столь необыкновенного рвения. Он обернулся и увидел меня, однако с явным неудовольствием на лице продолжил яростно копать землю. Монах был еще молод, лицо его произвело бы сильное впечатление на Эль-Греко.

Отчаявшись завязать беседу, я прошел в одну из церквей, которая поразила меня своим обликом — готическое здание в Риме является очевидной редкостью. Я оказался в длинном, пустынном белом нефе, который скорее ожидаешь увидеть во Франции. Пока я пытался понять, кому посвящена эта церковь, появился пожилой траппист; вероятно, в его обязанности входило встречать посетителей, и он с готовностью сообщил, что это церковь Святых Винсента и Анастасия, а потом поведал историю Винсента.

— Он служил дьяконом в Сарагосе, в Испании, — начал монах. — Его подвергли пыткам и убили во время гонений Диоклетиана, в 304 году. Христиане собрали его останки и захоронили в соборе в Валенсии. В VIII веке, когда валенсианским христианам пришлось бежать от мавров, они забрали с собой мощи святого и по морю

добрались до мыса, который теперь называется мысом Святого Винсента. Там его и похоронили. В XII веке мощи святого забрали с мыса и перенесли в собор в Лиссабоне.

— А кто такой Анастасий?

— Это перс, принявший монашеский постриг в Иерусалиме. Однажды он отправился в путешествие на родину и там был убит персами в 628 году.

Когда мы вышли из церкви, молодой монах по-прежнему копал землю.

— Почему он копает с таким рвением? — не удержался я от вопроса.

— О, с ним всегда так, — мягко ответил мой собеседник. — Просто он такой человек.

— Кажется, он роет могилу для самого времени.

— Может, и так. А вот это церковь Санта-Мария Скале Цели — «Лестница Небес». Думаете, странное название для церкви? Да, вероятно, странное. Но когда я объясню вам причину, полагаю, вы скажете, что оно прекрасно. Как-то раз, когда святой Бернар служил здесь мессу, у него было видение: на церковное здание опиралась основанием лестница, уходившая в небеса. Он присмотрелся и увидел души, восходящие по ступеням вслед за белыми ангелами, и понял, что это души тех, кто освободился из чистилища его молитвами. Вот почему мы называем церковь так. А теперь вы должны взглянуть на церковь Сан-Паоло алле Тре Фонтане...

Мы поднялись на небольшой холм и вошли в церковь, построенную над Сальвианскими источниками. Ее нельзя было назвать красивой, скорее необычной. Три алтаря стояли в ряд, и под каждым находился источник. Слышно было, как журчит под мрамором вода. Вниз, к одному из источников, вели ступени, и прямо из-под земли бил ключ. Монах сказал, что церковь эту построил

в XVI веке архитектор Джакомо делла Порта на месте древнего храма.

Трапписты сделали ряд открытий, когда приводили Тре Фонтане в порядок, но, вероятно, самой замечательной была находка монет времен Нерона среди значительного числа окаменевших шишек. Когда их нашли, вдруг вспомнили, что в апокрифических греческих Деяниях утверждалось, что Павла казнили под пинией.

Потом монах ушел, чтобы уделить время группе невозмутимых польских крестьян, а я вернулся в сад, где сильный запах эвкалипта привел меня к маленькому строению неподалеку от ворот. Там я обнаружил лавку, полную шоколада, который делали монахи, а также флаконов и бутылок с надписью «Эвкалиптовый ликер» — внутри была желтая жидкость, приготовленная траппистами из плодов эвкалипта. Я купил одну бутылку, но, честно говоря, удовольствие от напитка было немного подпорчено воспоминаниями о простуде, постельном режиме и интенсивном лечении. Однако ликер стоит купить хотя бы ради замечательной маленькой этикетки, которая аккуратно приклеена на каждую бутылку: ее явно от души нарисовал в синих и красных тонах один из отцов-траппистов, чье сердце навсегда принадлежало иллюминированным рукописям монастырской библиотеки.

Еще один характерный продукт аббатства Тре Фонтане — особые четки из плодов эвкалипта, нанизанные на шнурок, каждое звено — размером с лесной орех и твердое, как камень.

Я провел целый день, спускаясь в катакомбы.

Судя по всему, их посещают все, кто прибыл в город на Пасху, так как катакомбы буквально набиты битком, а церкви наполнены людьми, которые группами ожидали очереди войти.

В некоторых церквях священник или монах интересуется, какая национальность преобладает среди собравшихся. Поскольку на этот вопрос ответить трудно — как правило, образуется хаотическая смесь из англичан, французов, немцев, итальянцев и поляков, — ориентируются на первого, кто откликнулся, и тогда священник вежливо предлагает вести экскурсию на том или ином языке, после чего очередная группа спускается под землю.

Я никогда раньше не занимался систематическим осмотром катакомб и, если заглядывал в них, всегда поражался их числу и размером. Помимо того, что во всех катакомбах темно и все они более или менее похожи на шахты и горные выработки, трудно найти две схожих. Некоторые аккуратно вытесаны, имеют широкие проходы, другие узки, с плохо обработанными стенами; некоторые имеют своды и украшения стен, даже претензию на архитектуру, другие представляют собой грубые примитивные туннели в вулканической породе. Уйдут недели или даже месяцы на подробное исследование римских катакомб, тем более что лишь немногие из них открыты для публики.

Когда-то предпринималась попытка измерить длину этих подземных разработок, и насчитали что-то около 587 миль! Один итальянский археолог подсчитал, что с I по VI век здесь обрели покой по меньшей мере шесть миллионов тел. Пять катакомб существовали в апостольские времена, остальные датируются периодом со II по IV век. После примирения государства и церкви при Константине прорыли еще только пять или шесть маленьких катакомб, так как потребность в них исчезла,

ведь христиане отныне могли хоронить мертвых на кладбищах.

Ранее считалось — впрочем, и сейчас иногда высказывают это мнение, — что катакомбы были древними выработками, в которых добывали песок, а христиане просто нашли их в эпоху гонений на церковь, когда им требовалось прятать тела умерших. Но отец Марчи убедительно доказал, что язычники и одного удара киркой не сделали, чтобы прорыть все эти мили подземных проходов: это целиком и полностью произведения первых христиан, которые нанимали специальных копателей — *фоссоров*, то есть могильщиков — для их сооружения. Очевидно, низшее духовенство постепенно взяло на себя управление катакомбами и ввело «погребальный тариф» для тех, кто желал быть похороненным там. Во времена мира, как ни печально признавать, некоторые христиане утратили смирение и благочестие, превратившись в жадных накопителей: они стали продавать места для погребений по соседству с мучениками прошлых веков, извлекая максимально возможную прибыль. Григорий Великий положил конец этой практике в 597 году (за престижное место рядом с мучеником брали уже по пять золотых скуди).

Вход в большинство катакомб расположен возле церкви, иногда даже внутри. Обычно это маленькая дверца, за которой начинается лестница, уходящая в темноту. Странное ощущение испытываешь, спускаясь по каменным ступеням, в окружении незнакомых людей, чтобы попасть в длинный туннель, сырой и промозглый, с застоявшимся воздухом, где угольная чернота рассеивается светом нескольких свечей. Мы шли плотной группой, стараясь держаться ближе друг к другу; порой приходилось пригибаться, возникало опасение отстать и потеряться в лабиринте жутковатых проходов, разветвлявшихся налево и направо. Снова и

снова у кого-нибудь впереди свеча гасла, и приходилось зажигать ее от другой, но даже короткая пауза, когда освещение становилось хуже, вызывала невольную дрожь.

Один раз, в катакомбах Святой Агнессы, я оказался последним в цепочке. Казалось, что темнота буквально наваливается мне на спину, я физически чувствовал ее вес и видел перед собой длинную вереницу огней; свечи уплывали вдаль, отблески падали на квадратные и полукруглые своды гробниц, по которым мы двигались. Прямо передо мной шла пухленькая белокурая полька, щеки которой напоминали два спелых яблока. Несмотря на то, что мы не могли общаться на одном языке, она время от времени оборачивалась ко мне и, глядя взволнованными, круглыми от страха голубыми глазами, что-то говорила — судя по тону, увиденное ее шокировало. Когда мы свернули в новый коридор, свеча польки высветила могилу, в которой, к ее ужасу, мы заметили изрядное количество останков, покрытых слоем пыли. Полька остановилась, и вдруг ее свеча погасла! В панике она ткнула огарком в огонек моей свечи и погасила и ее; темнота опустилась на нас, словно колпак на глаза. Пока я возился с коробком спичек, поневоле пришлось осознать весь ужас нашего положения; когда вспыхнула спичка, я обнаружил, что щеки девушки уже приобрели зеленоватый оттенок. Пока мы догоняли удаляющуюся цепочку огней, я ощущал себя персонажем историй Эдгара Аллана По, причем угодил на самые кошмарные страницы.

Мне вспомнился святой Иероним, который в молодости бродил по этим катакомбам с тем же чувством страха и изумления, которое я замечал на лицах людей пятнадцать веков спустя. Он в течение недели изучал грамматику у Доната и риторику у Викторина, а в воскресенье спускался в катакомбы и

бродил в темноте, натываясь на могилы мучеников, читая старинные надписи на липких от влаги стенах.

Вот что он чувствовал:

Когда мальчиком я жил в Риме, обучаясь свободным искусствам, по воскресеньям с ровесниками я обычно бродил по гробницам апостолов и мучеников; и я часто ходил в крипты, прорытые в глубине земли, где вдоль стен по обеим сторонам от входа лежат тела умерших; там темно, словно исполнились слова пророка: «Живыми спускаются в ад». Снова и снова свет, проникающий сверху, видоизменяет тьму, но кажется, что это скорее дырки, просверленные для света, чем настоящие окна, и по мере того как, шаг за шагом, продвигаешься далее, все гуще становится ночная чернота, и вспоминаешь слова поэта: «Сама тишина наполняет души ужасом»^[38].

Св. Иероним бродил по катакомбам примерно в 360 году, а его рассказ мог быть написан и сегодня.

Катакомбы святого Калликста находятся посреди прекрасного сада траппистов. Здесь все обставлено по-деловому. Три монаха суетятся за прилавком, продавая невероятное количество открыток, медалей, четок и копий старинных ламп, найденных в катакомбах. Когда посетители выходят из лавки, их энергично распределяют на группы, согласно языковому принципу. В моей группе оказалось около двадцати английских школьниц во главе с монахиней, три американца и один японец. Наш гид — высокий худой англичанин, не монах — держал длинную палку, обмотанную на конце вощенной бумагой. По мере того как бумага сгорала, он отгибал очередной ее фрагмент. В дверях перед

лестницей он каждому выдал по свече, и мы последовали за ним в холодную тьму.

Это самый замечательный образец катакомб, которые я только видел. У меня сложилось впечатление, что именно сюда и приходил Иероним, поскольку только здесь я обнаружил дырки для воздуха, через которые в основную шахту проникал бледный зеленоватый свет. Мы ощупью продвигались к крипте, в которой некогда нашли приют многие папы, занимавшие престол святого Петра между 168 и 296 годами. На стенах виднелись открытые ниши, теперь опустевшие, так как мощи первосвященников перенесли в другие храмы Рима после примирения церкви и государства. Узкий темный коридор вел в другую крипту, где мы увидели статую молодой женщины из белого мрамора — она лежала на боку, будто уснула. Это святая Цецилия, принявшая мученическую смерть в 177 году, ее останки некоторое время находились именно здесь, а потом были перенесены в прекрасную церковь Санта-Чечилия-ин-Трастевере.

Во время путешествия по катакомбам мы смогли перенестись в древность. Маленькая группа мужчин и женщин молилась на коленях перед гробницей, напоминая ранних христиан. Горели свечи. Молодой священник аккуратно свернул облачение и спрятал в сумку. Он только что отслужил мессу на могиле мученика. Гид сказал нам, что за утро в катакомбах святого Калликста уже прошло свыше пятидесяти поминальных служб.

Как и во всех других катакомбах, я обратил внимание на отсутствие креста, главного христианского символа. Первые христиане крайне редко его использовали: они предпочитали греческую монограмму имени Христа. Им нравилось рисовать картины: Господь как Добрый Пастырь, не такой, каким Он предстает в поздней живописи, а совсем молодой, безбородый,

иногда в руках у Него лира или пастушеский посох. Я заметил, что одно из самых распространенных изображений в катакомбах — фигура, обычно женская, стоящая в молитвенной позе, с воздетыми вверх руками, такие я видел и во многих коптских церквях. Она представляет душу, покидающую тело.

Я составил перечень новозаветных сцен, изображенных на стенах погребальных камер, поскольку мне показалось любопытным понять, какие именно события евангельской истории вдохновляли первых христиан. Несколько раз я видел сцену крещения, один раз — Благовещение, также — вероятно, собрание учеников после Вознесения Господа. Воскрешение Лазаря встречалось не раз, и еще я нашел совершенно очевидное изображение сцены разговора Иисуса с доброй самаритянкой у колодца в Сихаре.

Часто на стенах катакомб можно увидеть голубя, а также павлина и пеликана. Символизм голубя хорошо известен, но причины, заставившие христиан принять павлина в качестве важной фигуры, менее знакомы широкой публике. Эту птицу, посвященную Юноне, в языческие времена выпускали у погребального костра императрицы, как символ обожествления, и христиане заимствовали ее в качестве знака бессмертия души. Пеликан символизирует Искупителя, который отдал кровь за спасение человечества, поскольку в древние времена существовало поверье: если змея укусит молодого пеликана, птица-родитель разрывает себе грудь и оживляет детеныша собственной кровью. Символ сохранил популярность в более позднем христианском искусстве; так, у святой Гертруды было видение Христа-пеликана, который кормил людей из своей груди.

Вернувшись к дневному свету, я прошел по Аппиевой дороге до катакомб святого Себастьяна. Нас повел вниз подвижный, полный энтузиазма францисканец

небольшого роста, который суетился вокруг на ступенях и в узких проходах, указывая на различные объекты и восклицая: «*Magnifique, hein?*»^[39], а затем мчался вперед вдоль по длинным, холодным коридорам. Эти катакомбы освещало электричество, что делало знакомство с ними более легким, но не лишало сильных впечатлений.

Это единственные катакомбы в Риме, которые посещали средневековые паломники. Другие были потеряны и забыты вплоть до сравнительно недавнего времени. Катакомбы же Себастьяна оставались предметом паломничества благодаря связанной с ними легенде, верить в которую есть все разумные основания. Якобы сюда в ранние времена из соображений безопасности перенесли тела святых Петра и Павла, и здесь они хранились вплоть до постройки церквей, посвященных апостолам.

Новый интерес возник к катакомбам сравнительно недавно, благодаря открытию многочисленных захоронений апостольской эпохи. Маленький францисканец рассказал нам, как однажды — кажется, в 1919 году — некий брат Дамиан копал могилу и внезапно провалился на дно ямы; монаха спасло только то, что на глубине накопилась вода. Когда здание расчистили, выяснилось, что в нем находится погребение римлянина I века по имени Клодий Гермес.

— *Magnifique, hein?* — воскликнул францисканец и повлек нас к удивительному фрагменту апостольского Рима, находящемуся в тридцати футах под землей.

— Кто был этот Клодий Гермес? — спросил нас францисканец. Никто не ответил. Он выдержал драматическую паузу, а потом нараспев прочитал строки из Послания апостола Павла к римлянам: «Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев...»³¹ Ерм — это и есть Гермес! Вот могила Гермеса!

Мы заглянули в безмолвную каверну с могильными нишами, сознавая, что смотрим внутрь здания, которое было знакомо апостолам Петру и Павлу; здания, существовавшего во времена Нерона. Несколько шагов по коридору — и наш проводник указал на скелет в длинном саркофаге. Торец гроба отвалился, так что были видны ступни.

— Взгляните на эти кости! — воскликнул францисканец. — Эти ноги могли направляться навстречу Петру; эти колени могли склоняться перед Павлом! Здесь, перед вами, лежит христианин, живший в апостольском Риме...

Он развернулся и повел нас назад, к церкви.

7

Футов в тридцати или около того в глубину под некоторыми старейшими церквями Рима находятся здания I века, в которых апостолы могли проповедовать, крестить, совершать священные таинства. Среди них надо назвать церкви Свв. Пуденцианы, Климента, Ириска на Авентине и церковь Св. Прасседы.

Церковь Св. Пуденцианы стоит на Виа Урбана, почти на самой вершине пологого холма, двадцать четыре ступни ведут вниз, в мощный двор. Во внешнем облике нет ничего, указывающего на почтенный возраст строения, так как время от времени оно подвергалось реставрации. Даже войдя в церковь, не замечаешь ничего особенного; квадратное пространство с колоннами, утратившее первоначальную структуру, боковые нефы превращены в часовни-приделы. А потом вдруг видишь мозаику купола над алтарем и уже ни на что больше не обращаешь внимания. Это одна из старейших мозаик в Риме, возможно, созданная ранее 400 года.

Господь представлен сидящим на престоле, с книгой в руке, на страницах которой написано «*Dominus conservator ecclesiae Pudencianae*» — «Господь-хранитель церкви Пуденцианы». На заднем плане, как часть фона, высится вал с террасами, а на нем водружен огромный, украшенный драгоценными камнями крест. Справа и слева от Спасителя находятся двенадцать апостолов, Петр по левую руку — в римские времена наиболее почетное место, а Павел по правую. Все апостолы в римских одеяниях, а за Петром и Павлом изображены женские фигуры, которые держат венки.

Дальний план мозаики весьма примечателен. Он представляет группу зданий в римском стиле, крытых красной черепицей и весьма характерных для IV века. Возможно, из-за того что я незадолго до этого ознакомился с базиликой Константина над Гробом Господним в Иерусалиме, мне пришло в голову, что эта сцена является изображением церкви Константина и Голгофы; и чем больше я всматривался в мозаику, тем больше крепла моя уверенность в правильности предположения. Вал, на котором высится крест, располагается точно за спиной Христа, вершина имеет поразительное сходство с Голгофой, какой она была во времена Константина. Самое подробное, современное той эпохе описание Голгофы оставила сестра Этерия, о путешествии которой на Синай я уже упоминал. Она посетила Иерусалим примерно в 460 году и утверждала, что императорские зодчие превратили Голгофу в отдельно стоящую скалу посреди прекрасного двора, с галереей по периметру. Скалу украсили мозаикой, а на вершине поставили высокий крест, покрытый золотом и драгоценными камнями. Помолившись у могилы Христа, паломники, как было принято, в сопровождении епископа шли к этому кресту и, у подножия Голгофы, многократно пели «Кирие елейсон», а престол епископа обносили вокруг скалы.

Моя радость от мысли, что я угадал намерения художника, возросла несколько месяцев спустя, когда я обнаружил, что два авторитетных специалиста, чье мнение в данной области стоит намного дороже моего, предполагают ту же интерпретацию: это русский исследователь Д. Айналов и Джордж Джефрис в книге о гробе Господнем. Если объяснение правильно, насколько интереснее становится сама мозаика, которую исполнил, вероятно, очевидец (или мастер, слушавший советы очевидца), — человек, который посещал первую церковь, построенную над Гробом Господним по распоряжению Константина Великого в 336 году.

Ризничий церкви Св. Пуденцианы показал мне часть нефа, которая была раскрыта, чтобы продемонстрировать красные кирпичи римского здания. Остатки дома I века лежат прямо под церковью, на глубине около двадцати-тридцати футов, и предание гласит, что это был дом Корнелия Пуденса, одного из первых членов апостольской церкви. Считается, что здесь жил, проповедовал, крестил и совершал священные таинства святой Петр. Глядя на эти руины, я попытался представить себе, как дневной свет свободно проникал в атриум, а за закрытыми дверями собиралась группа верующих, и Петр просил приготовить стол для таинства Последней Вечери.

Несмотря на все бедствия, обрушившиеся на раннюю христианскую церковь, дом Пуденса окружал ореол необычайной святости. Стол, на котором Петр совершал евхаристию, хранился здесь три с половиной столетия. Когда собор Св. Иоанна в Латеране в начале IV века стал кафедральным собором Рима, этот стол перенесли из церкви Св. Пуденцианы в новый храм; там его поставили в алтаре. Ассоциации, связанные с этим столом, были настолько важны для христиан IV века, что они решили оставить одну доску от стола на изначальном месте;

сегодня ее можно увидеть встроенной в алтарь церкви Св. Пуденцианы. Монсеньор Уайзмен, служивший титулярным кардиналом данной церкви, пожелал проверить это предание; в частности, он велел выяснить, действительно ли доска из алтаря церкви Св. Пуденцианы и стол из алтаря собора Св. Иоанна сделаны из одного и того же дерева. Древесину подвергли научному анализу; отчет показал, что дерево идентично.

Стоя в доме Пуденса, я вспоминал слова Павла из Второго послания к Тимофею, возможно, написанные в Риме, незадолго до смерти апостола. Он передает Тимофею привет от «Пуда, и Лина, и Клавдии»³². Упомянутый Лин — это святой Лин, первый преемник Павла и глава церкви. Пуд (или Пуденс), вероятно, был хозяином дома или его сыном. Однако мнение, что Клавдия была женой Пуденса, остается лишь гипотезой.

Многие заманчивые теории связывают этих двоих с Британией, причем строятся они на римской надписи, найденной в Чичестере, в которой якобы содержится имя Пуденса. К несчастью, в критическом месте по надписи прошла трещина, так что остались лишь четыре последние буквы имени (*ente*), что в равной мере может означать «*Clemente*» или «*Pudente*». Так что все эти теории — чирто умозрительные построения.

И все же, когда спускаешься в комнаты под церковь Св. Пуденцианы, когда твоя нога касается камней, в I веке служивших мостовой Рима, когда вокруг поднимаются стены, дававшие, вероятно, убежище апостолам и их первым последователям, совсем по-иному звучат слова апостола Павла:

«Постарайся прийти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия. Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь».

Пожалуй, больше всего в Риме меня очаровала церковь Св. Климента. С 1623 года она принадлежит ирландским доминиканцам, и это единственная церковь в Риме, которая благополучно пережила архитектурное торжество Ренессанса.

Прелестное здание сохранило неизменными все черты ранней базилики. Открытый небу атриум, фонтан в центре и галерея по периметру двора, основной вход с востока, из дверей которого видишь алтарь у западной стены. Внутреннее пространство строго разделено колоннами, интерьер отделан мрамором, в куполе апсиды мозаика, хоры, которые называют еще *schola cantorum* — школа пения, расположенные за невысокими мраморными стенками и снабженные воротцами в восточной стороне. Позади алтаря изгибается линия апсиды, а в центре установлен полукруглый мраморный престол для епископа. Как и в соборе Св. Петра, лица тех, кто служит литургию, обращены к востоку — и к конгрегации, а между ними находится алтарь.

Согласно традиции, церковь Св. Климента построили на месте дома самого Климента, ученика Петра и третьего преемника апостола на папском престоле. В 385 году святой Иероним упоминал эту церковь как весьма почитаемое здание. Вплоть до 1857 года считалось, что существующая ныне церковь — та самая, о которой говорил Иероним. Однако приор отец Малули долгие годы подозревал, что под ней есть остатки более ранней постройки; он начал раскопки и почти сразу выяснил, что его предположение правильно.

В течение пятнадцати лет отец Малули трудился, чтобы пролить свет на раннюю историю этой церкви, и в конце концов сделал большое открытие, которого, увы, не увидел «проявленным», так как он умер в 1880 году.

Внизу был найден дом Климента, над которым выстроили первую церковь.

Туда ведет лестница из баптистерия. Я вошел вместе с обычной компанией туристов и паломников, которых вел молодой доминиканец, исключительно похожий на Т. Э. Лоуренса. Он говорил по-итальянски, поскольку большинство собравшихся были итальянцами, но, когда мы общались один на один, он переходил на английский и отвечал мне с очаровательным ирландским акцентом.

— Откуда вы родом? — поинтересовался я.

— Графство Корк, — ответил он и улыбнулся; видимо, воспоминание о родине вызвало у него удовольствие.

Он поведал мне любопытные детали относительно работы отца Малули. Когда появились первые признаки дома I века, руины стала заполнять вода. Ни надежного способа, ни денег для осушения участка не нашлось до конца жизни отца Малули, и лишь в 1912 году этим занялись всерьез при поддержке кардинала О'Коннелла, архиепископа Бостона, который стал титулярным кардиналом церкви Св. Климента. Было решено прорыть и выложить кирпичом туннель к церкви со стороны Колизея, расположенного в семистах ярдах. Работы закончились в 1914 году, и теперь вода из-под церкви Св. Климента бежит к Колизею и попадает в старинную римскую дренажную систему, которая до сих пор действует и направляет влагу в Тибр.

— Извините, — вдруг сказал доминиканец и, обернувшись к толпе, поведал по-итальянски кое-что о том месте, где мы стояли.

— Могу я говорить по-английски? — спросил он; из группы донеслось несколько утвердительных ответов. Тогда, с тем же мягким ирландским выговором, он продолжил: — Вы стоите на том месте, где жил святой Климент, и где, возможно, он написал свое «Послание к Коринфянам». Все читали это послание? Сюда

приходили первые христиане, благословенные святые и мученики древних времен. Я хочу показать вам удивительную вещь...

Он с искренним воодушевлением показывал разные детали обстановки и сам немало походя на святого в тусклом свете подземелья, заботливо предупреждая, что мы не должны ничего пропустить, ибо находимся в одном из самых интересных памятников Рима.

9

Я получил приглашение в собор Св. Петра на празднование пасхального воскресенья — в этот день должна была состояться одна из самых редких и сложных церемоний в мире, которую проводит лично папа: причисление троих людей к лику святых. Речь шла об Андреа Бобола, Джованни Леонарди и Сальваторе да Орта — поляке, итальянце и испанце.

Формальная процедура и необходимые исследования были проведены заранее, а потом папа издал буллу о канонизации — несомненно, самый долго «вызревающий» документ на свете. Редчайший случай, когда святым становится человек, которого еще встречали и помнят ныне живущие, хотя процедура канонизации может начаться уже вскоре после смерти «потенциального» святого. Однако советы по канонизации иногда заседали веками, проверяя степень правотности, образ жизни, качество и достоверность чудес того, кто мог оказаться святым; не так уж редки случаи, когда после квалифицированного изучения несколькими папами и последовательно сменявшимися составами советов кандидату отказывали в праве присоединиться к сообществу избранных.

Сначала необходимо провести беатификацию, то есть причисление к лику блаженных. Это тоже

бесконечно долгая и сложная процедура. По ее окончании кандидат становится «почитаемым» или блаженным, и его рассматривают как местночтимого святого в стране или внутри религиозного ордена, в зависимости от его «принадлежности» при жизни. Следующий шаг зависит от самого святого. Он должен произвести как минимум два бесспорных чуда после беатификации, этим Бог указывает на то, что Его слуга принадлежит к числу святых. Задача особого совета, известного как Конгрегация ритуала, заключается в проверке этих чудес, причем с максимальным скепсисом. К совету обращается защитник, весьма напоминающий адвоката в суде, ему противостоит поборник веры, которого еще называют «адвокатом дьявола» и задача которого — создать совету все мыслимые трудности. Если на первом заседании совета, которое проходит при закрытых дверях, кандидатуру одобряют, то собирают открытое заседание с участием кардиналов, которые на тот момент находятся в Риме. К ним обращается папа. Его вносят на особых носилках (*sedia gestatoria*), он облачен в *фалду* — одеяние из белого шелка, ниспадающее до пят; два помощника несут длинные полы; это одеяние используется только по особым случаям. Кроме того, на папе должны быть паллий (омофор), стихарь, пояс, красная епитрахиль и риза, а также золотая митра. Торжественно испрашивается Божественное благословение, затем издается декрет об установлении общественных молебнов. Третье заседание посещают все кардиналы, патриархи, архиепископы и епископы Рима, а также все епископы диоцезов, находящихся в пределах ста миль от Рима. Папа возглавляет заседание, и, если письменное голосование высказывается в пользу канонизации, его святейшество дает согласие и объявляет дату проведения церемонии в базилике Ватикана.

Ранним утром я прошел сквозь огромную толпу к собору Св. Петра. Все двери храма осаждали мужчины, на белоснежных рубашках которых ярко сияло утреннее солнце, а также женщины в черном и с волосами, прикрытыми платками. Швейцарские гвардейцы в подбитых дублетах со стальными нагрудниками и красными плюмажами на касках стояли у дверей на страже, а папские управляющие в жестких белых воротниках и черных коротких штанах в стиле XVI-XVII веков проверяли билеты. Между этими «елизаветинцами» и несчастными, взявшими не те билеты или забывшими приглачительные, то и дело вспыхивали жаркие дебаты. Возвращаться и искать правильные билеты было бессмысленно. Все равно позже не удастся протиснуться сквозь толпу, даже если двери собора, которые всегда закрывают перед началом церемонии, проводимой папой, оставались бы открытыми.

Одна решительно настроенная, на грани истерики женщина картинно бросилась на скрещенные пики двух швейцарских гвардейцев, пытаясь прорваться в церковь. Сцена была весьма драматическая, но я не мог оценивать ее бесстрастно, так как искренне сочувствовал женщине, тщательно одетой и, вероятно, забывшей взять приглачительный билет исключительно из-за нервного перевозбуждения. Но ничего не поделаешь; на моих глазах эту женщину, трагическую фигуру в черном, отводили в сторону два сотрудника-«елизаветинца», явно раздраженных. Вся компания поразительно напоминала персонажей «Двенадцатой ночи».

Войдя в собор, я увидел гигантскую толпу, обзреть которую целиком не представлялось возможным: люди заполняли все пространство нефов и трансепта. Они гудели, словно пчелы в улье. Звук отражался от просторных сводов непрерывным, ритмическим

жужжанием. Алые и золотые стяги свисали с потолка длинными узкими лентами, скрывая колонны и придавая облику собора нарочитую пышность. Должно быть, горели сотни и даже тысячи электрических свечей, по всему собору и под куполом.

Следуя за служащим в островерхой бархатной шапочке, я оказался в одном из наиболее привилегированных мест в соборе — в маленьком пространстве апсиды, рядом с папским престолом, эту часть храма обычно резервируют для членов королевской семьи, дипломатов, родственников папы и представителей Мальтийского ордена. Удобство моего местоположения было удивительным, ведь удостоиться чести видеть проводимую папой церемонию со столь близкого расстояния — не только возможность проверить свою наблюдательность, но и тест на ученость.

В нескольких ярдах от меня, в центре апсиды, стоял белый престол под балдахин; к нему вели семь ступеней, покрытых красным ковром. Позади престола вздымалась волна барочных украшений в западной части собора. Вот кафедра Петра работы Бернини. Четыре огромных фигуры в спутанных, причудливо закрученных складках драпировок — святые Амвросий, Августин, Афанасий и Иоанн Златоуст, которые представляют Западную и Восточную церкви; они стоят по углам золотого престола, поддерживаемого двумя упитанными купидонами, с папской тиарой и ключами святого Петра в руках. Разительный контраст этому пышному престолу составляло простое белое кресло папы.

Пять часов пролетели незаметно. История не раз ступала на синие ковры этой апсиды. Порой она принимала облик офицера швейцарской гвардии в форме, придуманной Микеланджело, или члена Благородной гвардии^[40] в алой тунике, белых бриджах

из оленьей кожи и черных сапогах, или представителя кавалерийского корпуса, ранее составлявшего эскорт папского экипажа и охранявшего его святейшество в путешествиях. И хотя папские конюшни ныне пусты, эти люди все еще носят шпоры. На мгновение появился человек в непонятной форме — синей с оранжевым, с медным шлемом в руках. Управляющий пояснил мне, что это один из папских пожарных, подразделение которых создано при Пии VII.

На противоположных сиденьях, зарезервированных для кардиналов, я заметил небольшую, весьма трогательную комедию. Два молодых сельских священника, сидевших чуть ли не рука об руку, каким-то образом попали в эту особенную часть собора. На них были широкополые черные шляпы и сутаны из черной шерсти альпака или чего-то подобного. Они поверить не могли тому, что сидят прямо перед Святым Престолом, а потому блаженно улыбались, безмятежно и невинно наслаждаясь. Почти на каждой церемонии, которую я посещал, происходило нечто подобное. Всегда находится кто-то непосредственный, смело занимающий места сильных мира сего; но, к несчастью, долго они там не задерживались.

Молодым людям и на мгновение не пришло в голову, что они совершают нечто дерзкое. Их бесхитростные лица сияли от удовольствия, и ни один из управляющих не обращал на них внимания, деловито пробегая мимо, сопровождая важных гостей на приготовленные места. Но вот наступила пора прибыть величественным фигурам в красных одеяниях, отделанных горностаем. Появился первый кардинал. Выражение лиц молодых священников, увидевших принца церкви, в точности воспроизводило маски из пантомимы, когда персонаж вдруг догадывается, что перед ним великан-людоед: удовольствие сменилось удивлением, которое перешло в ужас. Его преосвященство чуть наклонился вперед и

что-то сказал — я уверен, вполне доброжелательно, потому что они ответили ему беспомощными улыбками и, схватив свои шляпы, поспешили прочь. Я искал их глазами в толпе, но так больше и не увидел. Хочется верить, что однажды кто-то из них с полным правом займет это место, а может, и престол святого Петра; потому что в этом нет ничего невозможного.

Внезапно в церкви воцарилась тишина. В следующее мгновение все помещение озарилось светом. Вздых изумления прокатился по толпе. Огромный купол превратился в колоссальный золотой шар, у основания которого можно было разобрать надпись «*Tu es Petrus, et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam...*» («Ты есть Петр и на камне сем Я устрою Свою церковь...»). Со стороны центрального нефа донеслось шарканье ног. Монахи в коричневых, белых и черных рясах, характерных для разных орденов, шли с зажженными свечами, другие несли крест. По левой и правой сторонам трансепта следовали священники. Цветные знамена с ликами новых святых плыли над головами.

Теперь у подножия папского престола собрался весь двор, не хватало только сюзерена. Коллегия кардиналов расположилась справа и слева, а от апсиды до алтаря, лицами друг к другу, в два ряда сидели архиепископы, епископы, генералы и прокураторы религиозных орденов, настоятели, имеющие право на ношение митры, — все в белых одеяниях, в митрах, обтянутых белым льном или дамастом. С высоты над входом в собор доносилась величественная музыка папского марша, которую играли прекрасные серебряные трубы, и на звук этот вся толпа в храме отозвалась радостным приветствием: папа входил в собор Св. Петра. Сквозь фанфары различались стук каблуков, позвякивание шпор и бряцание доспехов. Я пока ничего не видел, поскольку перспектива нефа была перекрыта высоким алтарем и большим количеством иереев вокруг него, но

я мог уверенно сказать, где именно находился папа, по восторженным возгласам, чуть опережавшим его продвижение. Рокот становился все ближе, а потом утих, когда процессия достигла высокого алтаря; и тогда я увидел, как папский двор входит в апсиду. Люди в одеждах из красного дамаста несли папу, во всем белом, который сидел на *sedes gestatoria*, поминутно поднимая руку в благословляющем жесте и осеняя всех знаком креста. Носильщики-*седари* шествовали удивительно гладким, скользким шагом, так что величественный паланкин словно плыл по водной глади. Над папой высился белый балдахин на шестах, которые несли другие служители, *палафрениери*, а позади шли опахальщики с длинными веерами из павлиньих перьев. Были там и швейцарские гвардейцы, алебардчики, меченосцы, управляющие, привратники и жезлоносцы, — все шагали медленно, размеренно, а во главе этой живописной группы в исторических костюмах плыл преемник святого Петра, облаченный в белое: длинная белая *фалда* под белой ризой, митра из золотой парчи на голове.

Носильщики медленно прошли к престолу и опустили опорные шесты. Папа сделал шаг с паланкина к своему креслу и развернулся лицом к пространству собора, в котором сияли тысячи огней, образуя арки, скопления и длинные, сверкающие линии. Настоящие свечи горели только на алтаре. За спинкой престола неподвижно стояли два офицера Благородной гвардии, воздев мечи в салюте.

К престолу приблизился кардинал в сопровождении церемониймейстера и адвоката консистории. Адвокат преклонил колени и обратился к папе на латыни:

— Святейший отец, самый почтенный кардинал, присутствующий здесь, искренне умоляет ваше святейшество вписать Андреа Бобола, Джованни Леонарди и Сальваторе да Орта в перечень святых

Господа нашего Иисуса Христа и объявить всем верующим, что они должны почитаться как святые всеми христианами.

Секретарь, стоявший на ступенях престола, ответил, что его святейшеству необходимо больше узнать о добродетелях блаженных, но, прежде чем принимать решение, он заклинает всех присутствующих помочь ему умолить Небеса принять новых святых. Затем кардинал и адвокат возвратились на свои места.

Папа опустил на колени на специальную скамью, а два кантора начали литанию святых, к которой присоединились все иерархи.

Кардинал и адвокат вновь приблизились к престолу и повторно обратились с той же просьбой, и снова папа призвал клир молиться. Помощник принял у папы митру, а его святейшество надел на голову маленькую белую шапочку, встал на колени и запел «Мизерере». Потом, не вставая с колен, он начал молитву «Вени Креатор Спиритус», затем встал и закончил гимн стоя. В третий раз кардинал и адвокат обратились к нему с просьбой, и на сей раз папа ответил, что согласен исполнить их просьбу.

Надев митру, он воссел на престол и прочитал торжественную декларацию, назначив праздничные дни новых святых. Затем зазвучал «Те Деум», церемония канонизации подошла к концу. За ней последовала литургия.

Папа дал знак к началу мессы, которую должен был проводить один из кардиналов. Я был слишком далеко от алтаря, чтобы рассмотреть все детали сложного ритуала, но много раз видел, как служивший кардинал, облаченный в белое, ходил перед алтарем, оборачиваясь лицом на восток, следуя исторической традиции, установленной в IV веке Латеранским канонем, ему помогали дьякон и иподиакон, стоявшие на алтарных ступенях. Время от времени кардинал или один из его

помощников подходили к престолу, чтобы получить благословение папы. После того как дьякон прочитал отрывок Евангелия, книгу торжественной процессией передали папе для поцелуя. И в это мгновение я с изумлением услышал, как воркуют голуби. Сначала я подумал, что в тишине, которая воцарилась в церкви, слышу птиц на площади; но звук был слишком громким. На самом деле голуби присутствуют внутри собора, и тайна их воркования вскоре раскрылась в ходе самой прекрасной церемонии, которую я видел. Это была церемония церковных пожертвований.

Все пространство апсиды внезапно заполнили монахи, люди в черных придворных одеяниях и прочие, и у всех в руках были маленькие клетки в готическом или барочном стиле из посеребренного дерева, а внутри сидели певчие птицы и голуби-вахири, которые ворковали и щебетали. Следом шли люди с серебряными и золотыми бочонками, наполненными водой и виной, с золотыми подносами хлеба. Все они медленно приближались к папе, в церкви стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь воркованием птиц.

Перед престолом каждый опускался на колени и оставлял свое подношение, а папа его благословлял. Но птицы не знали, что находятся в присутствии верховного понтифика, и жизнерадостно щебетали, склоняя головки набок и пристально глядя на озеро света, в центре которого находился папа, медленно и многократно осенявший дары знаком креста. Церемонию провели трижды, для каждого нового святого отдельно. Она представляет собой реликт тех времен, когда первые христиане подносили дары в виде пищи, вина и свечей во время службы и оставляли их у алтаря или передавали священникам, а те оказывали помощь бедным. С тех пор при объявлении нового святого подобные дары приносят папе; я уверен, что когда святым был провозглашен Франциск Ассизский, все

птицы пели, как майским утром, у самого престола святого Петра.

Служба продолжалась, и в момент освящения святых даров церемониймейстер снял маленькую белую шапочку с головы папы, а четверо управляющих отнесли ее на алтарь, высоко поднимая факелы. Тишина в церкви стала невероятно напряженной, вокруг алтаря она просто физически сгущалась, особенно когда кардинал поднял гостию. Колокола не звонили, потому что в присутствии папы это не принято. Раздалось бряцание доспехов, потому что швейцарские гвардейцы преклонили колена, а Благородная гвардия и другие охранники опустили мечи в салюте; с галереи в дальнем конце церкви раздался звук серебряных труб, заигравших медленный, торжественный гимн.

Под пение «Пакс Домини» еще один кардинал приблизился к алтарю и встал на колени рядом с тем, кто проводил службу; они обменялись поцелуем мира. Потом кардинал прошел к папскому престолу и передал поцелуй мира папе, который передал его двум другим кардиналам, стоявшим рядом, а они — дальше, по линии кардиналов, архиепископов, епископов; наблюдая за старинной церемонией в соборе Св. Петра и в присутствии преемника самого святого Петра, я вспомнил маленького босоногого прислужника в халдейской церкви в Багдаде, который бежал по церкви ранним утром, прикасаясь к рукам собратьев по конгрегации.

Завершив мессу, кардинал вернулся на место. Люди в красных одеждах подошли к престолу папы с паланкином, и наместник Петра снова поплыл по церкви, старческой рукой благословляя собравшихся. После я вышел на залитую солнцем площадь и услышал звон колоколов.

Я всегда хотел увидеть Остию, но шанс никак не предоставлялся, пока я уже не собрался уезжать из Рима. И вот, в середине дня, я отправился в старинный римский порт, расположенный в четырнадцать милях к юго-западу, и попал в настоящие Помпеи.

Сегодня Тибр заметно изменил русло, так что Остия больше не является тем, что можно называть словом *ostium*, то есть устьем реки. Обширные болота и песчаные гряды протянулись от руин города до далекого моря, но, если побродить по этим топям, можно с большой вероятностью определить очертания древней гавани, в которой некогда стоял на якоре римский флот.

Главная улица проходит через руины, она вымощена массивными каменными блоками, а в стороны отходят боковые улицы, которые ведут к частным домам, общественным баням, казармам, в течение многих столетий таившимся под слоем песка. Остия для нас совершенно понятна, поскольку жители ее не интересовались ничем, кроме наживы и торговли, и свидетельства тому видны повсеместно. Здесь находились основные зернохранилища Рима, здесь держали зерно, которым можно было заткнуть глотку начинающемуся бунту (или, напротив, дать ему развиваться). Египетские корабли с грузом зерна, принадлежавшие государству, обязательно отправлялись из Александрии в порт Остия, где зерно перегружали в большие амбары и где оно оставалось до востребования. Остатки этих зернохранилищ еще видны среди руин, как и казармы, где квартировали пожарные — важнейшее подразделение муниципалитета Остии.

Перед театром находится широкая площадь — форум, окруженный по периметру «штаб-квартирами»

корабельных компаний. Это Кокспер-стрит^[41] древнего мира и, как настоящая Кокспер-стрит, она не отказывает себе в украшениях и определенном шике. Почти во всех дворах выложены мозаики с изображением Нептуна, дельфинов, трезубцев и кораблей, в каждой конторе есть мозаичный пол с изображением судов, нагруженных зерном, и прочими сюжетами, с текстами и знаками, рекламирующими ту часть света, с которой торговала данная компания. Вероятно, это древнейшие образцы коммерческой рекламы.

Трудно представить себе, что Остия когда-то была самым оживленным деловым центром и важнейшим портом мира. Теперь это печальные руины, оставленные и морем, и людьми, а ненасытный Рим, поглощавший все новинки и передававший их в сердце империи, давным-давно исчез. Апостолы и святые ступали по этим камням в первые века христианской эры, и хотя по житиям мы знаем, что Павел прибыл в Рим по суше, из Путеоли под Неаполем, весьма вероятно, что Петр высадился именно в Остии. В любом случае, точно известно, что многие святые и мученики использовали этот порт во время миссионерских путешествий.

Сидя в театре и глядя на унылые болота, я вспоминал, что в Остии был трактир и гостиница, где умерла святая Моника, мать святого Августина. Описание ее смерти — один из самых нежных и прекрасных фрагментов «Исповеди» Августина. Мать и сын ожидали в Остии корабля в Африку. Как-то раз они сидели рука об руку перед окном дома, в котором остановились, и смотрели вниз, на маленький сад, разговаривали о вечном и пребывали в умиротворенном состоянии духа. Моника с любовью сказала сыну, что, наконец увидев его христианином, уже не находит новой радости в этом мире. Пять дней спустя она заболела лихорадкой, и стало ясно, что она умирает. Августин знал, как часто она выражала желание быть

похороненной рядом с телом мужа, и ему причиняла боль мысль о том, что она умрет в Остии, так далеко от дома. Разделяя его чувства, Моника велела, чтобы ее похоронили где угодно, потому что, как она объяснила сыну, «ничто не далеко от Господа».

Читая рассказ Августина о его горе, вновь возвращаясь к печальному опыту расставания с близкими, но, полагаю, никогда человеческая боль, вызванная потерей «сладчайшей и прекраснейшей привычки жить рядом» — так он выразил это ощущение, — не была яснее и правдивее облечена в слова. Августин рассказывал, как стоял с сухими глазами у могилы матери и не мог плакать; как старался изгнать горе и отправился в бани; но «после посещения бани остался тем же человеком, которым был прежде; горечь моей печали нельзя смыть водой с сердца».

Затем он погрузился в молитвы, но все время думал о матери и молил Бога быть добрым и милостивым к Монике в грядущей жизни.

Сидя в тихом уголке возле разрушенной стены и глядя на старинные дороги, я думал о том, как пятнадцать веков назад город этот кипел деловой активностью и кишел удовольствиями, как входили и выходили из гавани корабли с грузами со всего света на потребу алчному Риму; как по вечерам горели огни, и люди шли ужинать, понятия не имея, что умерла святая Моника, а ее сын страдает бессмертной печалью, которая сохранит имя Остии для будущих поколений. И ныне я смотрю на руины, открытые небу, руины бань с их горячими и холодными залами и прекрасными полами, а может — и на руины того дома, где Августин пытался победить горе.

Я прошел к гавани, где росла густая трава по колени высотой, и там задумался о другом великом человеке, связанном с Остией — о пламенном святом Иерониме. За два года до смерти Моника Иероним, удрученный

скандалом и подозрениями, которые обрушились на него в Риме, сел в Остии на корабль, следующий в Антиохию. Где-то неподалеку — возможно, вон на том болоте, особенно обильно поросшем сорняками, — он поднялся на борт, о чем сообщил в послании к деве Анселле:

Я пишу в спешке, дорогая дама Анселла, пока корабль поднимает паруса. Пишу я в слезах и рыданиях, и все же благодарю Бога за то, что счел меня достойным ненависти этого мира. Передавай привет Пауле и Евстохии, моим сестрам во Христе, и не важно, принимает ли меня этот мир или отвергает, передавай привет Альбине, твоей матери, Марселле, твоей сестре, Марселлине, Фелисите: скажи им, что мы еще встретимся перед престолом Господа, где все тайны нашего сердца будут открыты. Помни обо мне, о, славный образец чистоты, и своими молитвами утишь морские волны.

Корабль поднял паруса и навсегда унес Иеронима прочь от Рима. В подземном гроте церкви Рождества в Вифлееме один из францисканцев проводит вас в темную пещеру, наполовину выдолбленную в скале, наполовину сложенную из камней. Он непременно расскажет: «Вот помещение, где жил святой Иероним до конца своих дней. И здесь он написал Вульгату, а также множество посланий и трактатов».

Потом он проведет вас сквозь темноту в узкий проход, соединяющий первое помещение с другой пещерой. «Здесь похоронены Иероним, Паула и Евстохия — святой муж и две святые женщины, оставившие богатую жизнь в Риме, чтобы поселиться там, где родился наш благословенный Спаситель...»

Начало путешествия святого Иеронима — здесь, в Остии, а окончание — в Вифлееме.

Низины обширны, и море остается невидимым. Однако в прежние дни волны бились о берег там, где тянутся ныне многие мили песка. На этих берегах, вероятно, за целое столетие до Августина и Иеронима, Остия стала местом действия «маленького золотого шедевра» — «Октавия» Минуция Феликса, первого произведения апологетов христианства.

Три друга отдыхали на море, в Остии. Минуций Феликс пишет:

Это прекрасное место, где я надеюсь принять морские ванны и получить приятное и полезное лечение от некоторых гуморов, причиняющих мне страдания. Благодаря этому отдыху законоведение отступает перед отличными местными винами.

Друзьями Минуция были христианин Октавий и Цецилий, еще не обратившийся в новую веру.

Как-то утром друзья отправились на прогулку; по дороге Цецилий увидел статую Сераписа и поцеловал ей руку, что заставило Октавия заметить — он желает, чтобы его дорогой друг перестал жить в такой темноте, особенно в столь прекрасный день.

Когда Октавий говорил это, мы находились на полпути между Остией и морем, и уже подходили к пляжу, где мягкие волны омывали полосу песка, разглаживая ее и расширяя, словно выстраивали дорожку для прогулок. Море вечно в беспокойстве, даже если улегся ветер, и хотя белые пенистые гребни не достигали берега, мы наслаждались созерцанием извивающихся и крутящихся у наших ног водоворотов, образовывавшихся, когда мы ступали на кромку воды.

Они продолжали совместную прогулку, и Октавий рассказывал о морском путешествии, которое он недавно совершил, а потом остановились, чтобы посмотреть на детей, играющих в «уток и селезней».

Минуций продолжает:

Играют так: ракушку, отполированную бесконечным движением волн, крепко удерживают плоской стороной между пальцами. Затем игрок наклоняется и кидает ее как можно дальше вдоль водной глади. Снаряд едва касается поверхности или разрезает верхушки волн, подпрыгивая в воздухе. Тот мальчик, чья ракушка улетела дальше всего и чаще подпрыгивала на воде, считается победителем.

Только не обращенный в христианство Цецилий не находил удовольствия в этом зрелище, держался отчужденно и вообще пребывал в дурном настроении, а потом наконец признался: он глубоко сожалеет, что его друг Октавий произнес такие слова о его духовной жизни. Самым дружеским образом все трое усаживаются на скале, выдающейся в море, и приступают к обсуждению христианства и язычества.

Разговор они ведут долгий и ученый. Цецилий защищает богов Рима; Октавий отстаивает веру в Христа. Он признает, что до обращения был более чем скептиком, и как юрист, вероятно, причинял мучения христианам, открыто исповедовавшим свою веру, в надежде добиться от них отречения. Он излагает основные положения христианского вероучения. И к концу разговора обращает Цецилия.

После мы вернулись, веселые и счастливые: Цецилий — потому что уверовал, Октавий —

потому что добился победы, а я — благодаря обращению одного и победе другого.

Я был счастлив окончить мои странствия в Остии, в окружении подобных воспоминаний. Мне приятно думать, что я видел Евфрат, устремляющийся на юг, по Месопотамии, и Нил, несущий на своих берегах Египет, и что наконец приблизился к завершению путешествия в том месте, куда Тибр некогда приносил корабли с моря. Я задумчиво шел прочь, через древний город, сожалея о том, что было и прошло, и надеясь, что никто не осудит человека, который, вернувшись из странствий, произнес слова, возникшие в его памяти и впервые сказанные давным-давно — именно здесь, в городе Остия: «Ничто не далеко от Господа».

Указатель библейских цитат

По стопам Господа

- 1 Суд 20:1.
- 2 2 Цар 1:20.
- 3 Ин 19:19-20.
- 4 Мф 23:27.
- 5 Мф 28:19-20.
- 6 Мф 24:2.
- 7 Мф 19:14.
- 8 Лк 21:24.
- 9 Мих 1:8.
- 10 Ис 59:10-11.
- 11 Мф 26:36.
- 12 Лк 2:46.
- 13 1 Пар 32:2-4.
- 14 Лк 22:34.
- 15 Мф 23:27.
- 16 Лк 22:62.
- 17 Лк 1:8-9.
- 18 Лк 1:23.
- 19 2 Цар 21:16.
- 20 3 Цар 5:1, 8-10.
- 21 3 Цар 5:6.
- 22 Ин 2:18-21.
- 23 3 Цар 10:26.
- 24 4 Цар 11:14.
- 25 Лк 10:30.
- 26 Лк 10:38-42.
- 27 Ин 11:20 и далее.
- 28 Ин 12:2-3 и далее.
- 29 Лк 10:25 и далее.
- 30 Быт 19:24.

- 31 Лк 2:40.
- 32 Лк 13:1.
- 33 Лк 23:12.
- 34 Мф 2:11.
- 35 Лк 15:8.
- 36 Лк 11:5-7.
- 37 Еккл 2:4-6.
- 38 Песн 4:12-15.
- 39 Чис 13:24.
- 40 Быт 27:41.
- 41 Исх. 20:4.
- 42 ВТ 11:10.
- 43 Еккл 7:6.
- 44 2 Кор 6:14-15.
- 45 Деян 9:4-5.
- 46 Мк 14:13-14; Лк 21:10-11.
- 47 Ин 4:7-9 и далее.
- 48 Ин 10:3-6, 14.
- 49 Исх 29:25.
- 50 Лев 3:9.
- 51 Пс 113:4.
- 52 Пс 28:5-6.
- 53 Исх 12:6.
- 54 Лев 3:10-11, 15-16.
- 55 Лев 7:31-32.
- 56 Исх 12:8.
- 57 Песн 2:1.
- 58 Мк 14:70.
- 59 Мф 2:16.
- 60 Лк 23:8.
- 61 Мф 3:22-23.
- 62 Мк 13:34.
- 63 Лк 13:32.

- 64 Мк 7:21-23.
- 65 Мф 16:26.
- 66 Мф 8:24-26.
- 67 Ин 21:5-6, 11.
- 68 Мф 17:27.
- 69 Ин 21:7-10.
- 70 2 Кор 16:22.
- 71 Мк 5:41.
- 72 Мк 14:36.
- 73 Лк 2:49.
- 74 Мк 7:26.
- 75 Мф 14:13 и далее.
- 76 Мк 6:34 и далее.
- 77 Ин 6:9 и далее.
- 78 Мф 4:18-19.
- 79 Лк 7:5.
- 80 Мк 2:14.
- 81 Ин 21:17.
- 82 Иер 8:7.
- 83 Мф 4:18,19.
- 84 Ин 21:7.
- 85 Мф 16:13.
- 86 Мк 8:12.
- 87 Мк 8:27-29; Мф 16:13-16 и далее.
- 88 Мк 9:2.
- 89 Мк. 9, 5-8.
- 90 Ис 55:1.
- 91 Мф 15:21-28.
- 92 Мф 11:21.
- 93 Зах 11:1-2.
- 94 Деян 9:1 и далее.
- 95 Мк 7:31.
- 96 Мк 5:20.

- 97 Втор 3.
- 98 Мк 6:25.
- 99 Мк 6:21.
- 100 Мк 6:22 и далее.
- 101 Чис 20:18-21.
- 102 Иер 49:16-18.
- 103 Суд 2:11.
- 104 Иер 3:6.
- 105 4 Цар 23.
- 106 Иер 2:34.
- 107 Ис 1:29.
- 108 Мф 26:26.
- 109 Мф 26:29.
- 110 Ин 13:8.
- 111 Ин 20:13.
- 112 1 Пар 15:29.
- 113 Мф 24:28.
- 114 Лк 1:8-10.
- 115 Ис 1:11.
- 116 Лк 11:42.
- 117 Лк 19:47-48.
- 118 Мк 11:13.
- 119 Мк 14:13.
- 120 Мк 14:17.
- 121 Ин 13:23.
- 122 Мф 26:26-28 и далее.
- 123 Ин 8:12.
- 124 Мф 26:36 и далее.
- 125 Мк 14:37-38.
- 126 Мк 14:41.
- 127 Мф 26:49.
- 128 Лк 22:48.
- 129 Ин 18:4-5.

130 Мк 14:51-52.

131 Мф. 27:19.

132 Мк 15:23.

133 Лк 23:31.

134 ИИ 19:22.

135 ИИ 20:15-17.

По библейским местам

- 1 Деян 13:1.
- 2 Ис 37:12.
- 3 Ин 4:11.
- 4 3 Цар 18:28.
- 5 Ис 13:19.
- 6 Ис 13:20-22.
- 7 Иер 51:58 и далее.
- 8 Иер 50:23.
- 9 Быт 11:3.
- 10 Пс 136:1-2.
- 11 Авв 1:7-9.
- 12 Иер 27:17.
- 13 Иер 29:5-7.
- 14 Иер 40:4.
- 15 Иез 34:12,15.
- 16 Пс 136:9.
- 17 Иер 51:8.
- 18 Мф 2:2.
- 19 Быт 12:1-2.
- 20 Быт 8:14.
- 21 Исх 3:6.
- 22 Мф 2:13-15 и далее.
- 23 Мк 16:1; Лк 23:56.
- 24 1 Тим 6:7.
- 25 4 Цар 6:25.
- 26 Мф 19:14.
- 27 Втор 11:10.
- 28 Быт 50:26.
- 29 Исх 13:19.
- 30 3 Цар 19:19.

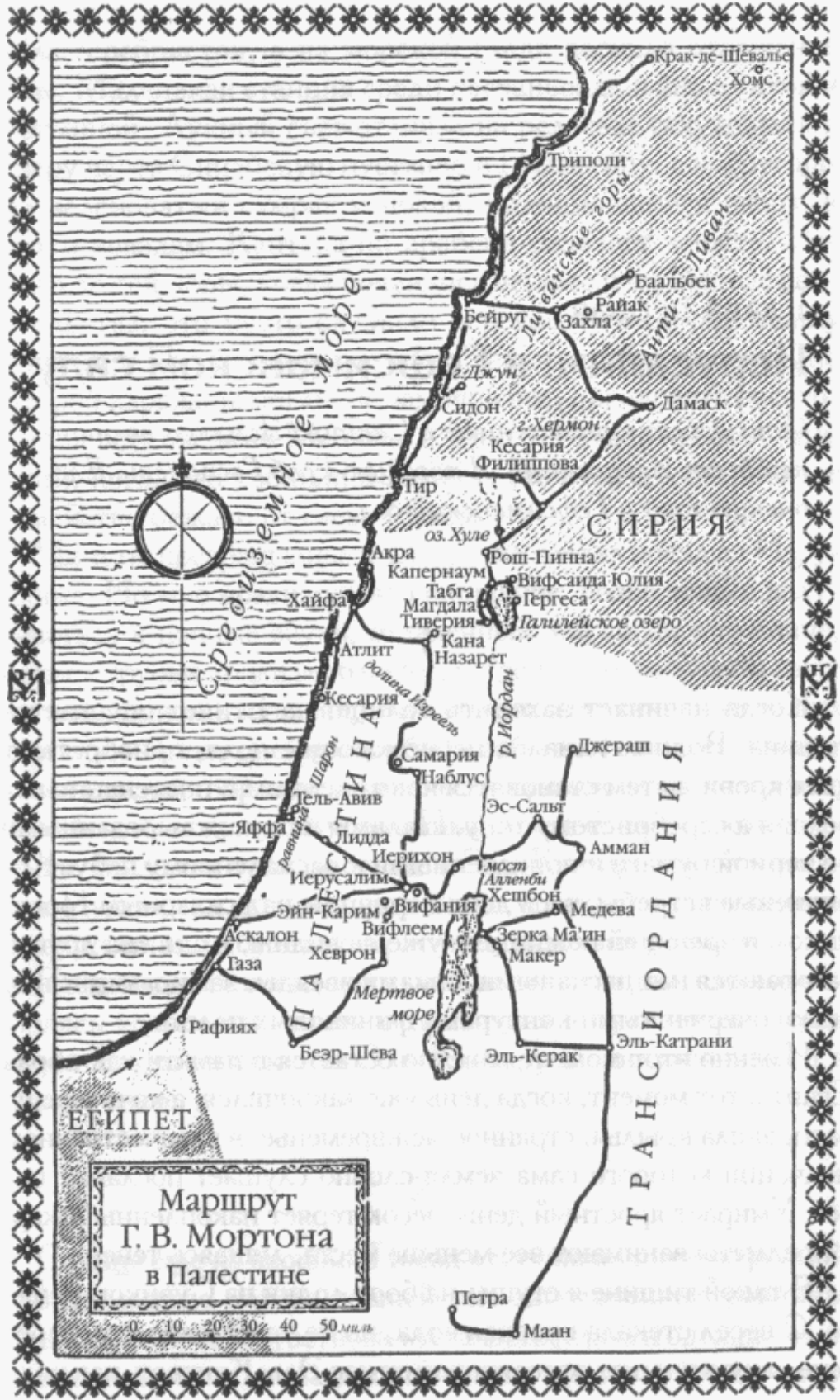
31 Рим 16: 14

32 2 Тим 4:21.

Карты

По стопам Господа

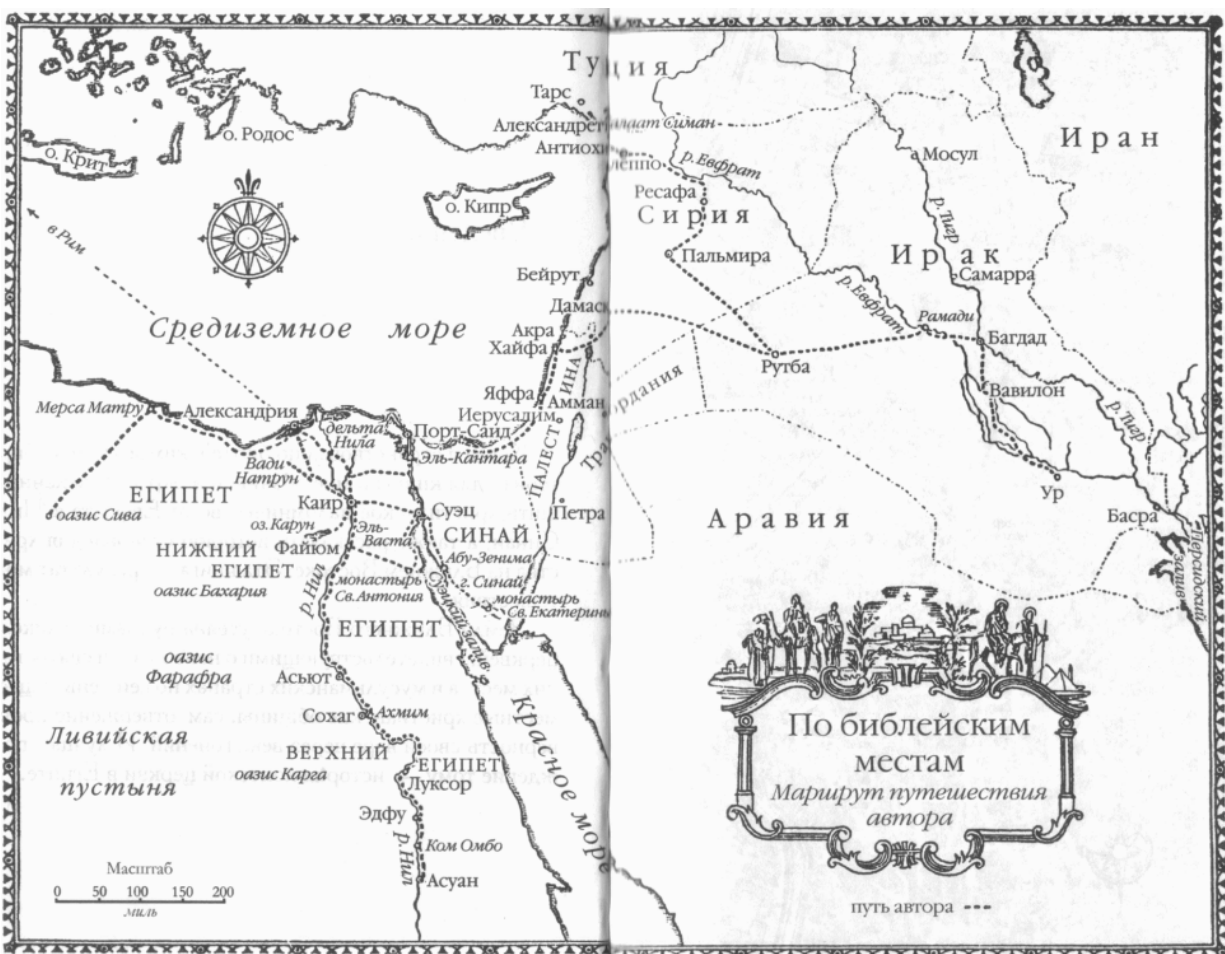

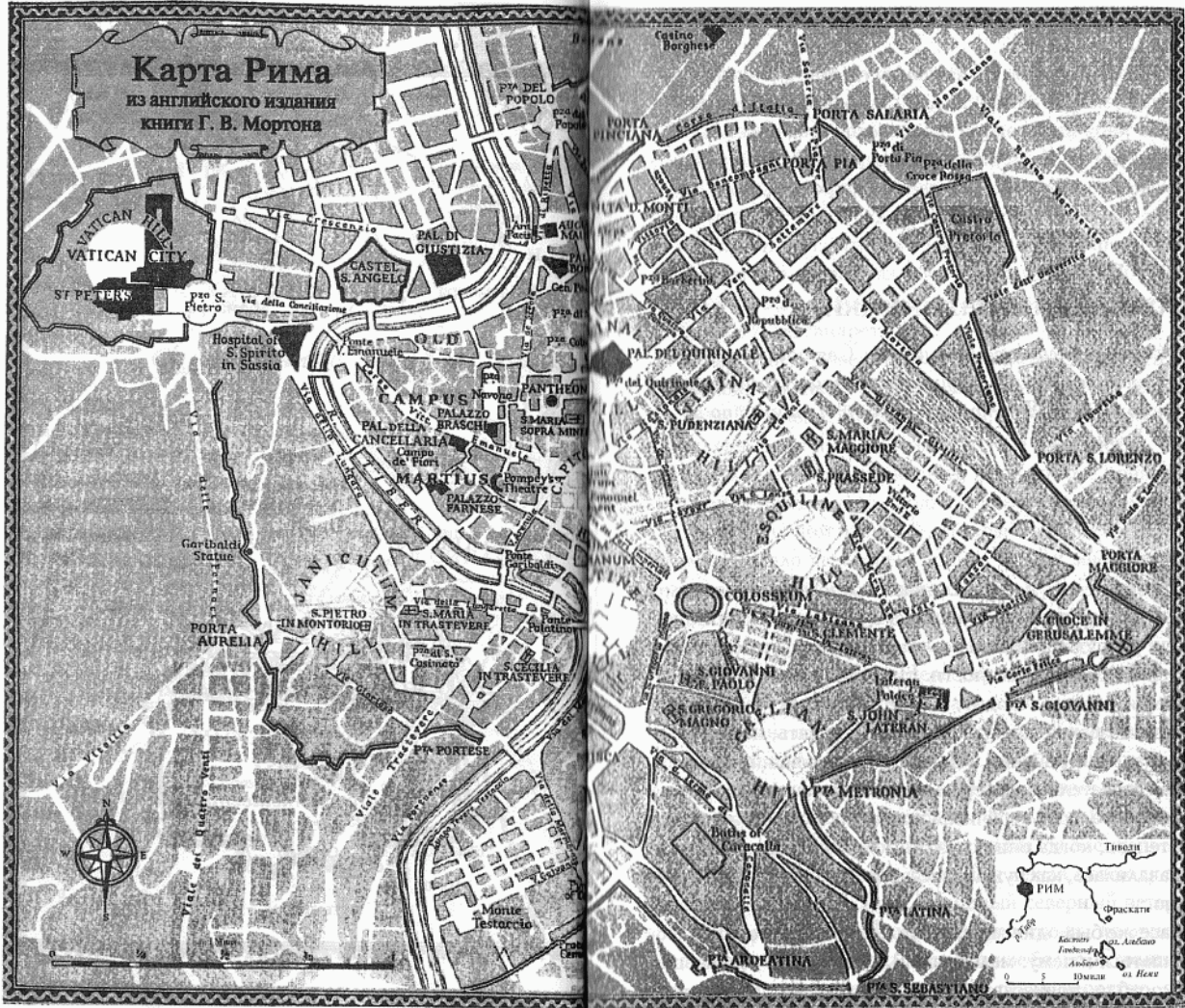

1 — монастырь Нотр-Дам; 2 — церковь Св. Сальвадора; 3 — Греческая патриархия; 4 — Каза Нуова; 5 — церковь Св. Винсента де Поля; 6 — Башня Давида; 7 — Цитадель; 8 — церковь Св. Иакова; 9 — Армянская патриархия; 10 — собор Св. Георгия; 11 — мельница Монтефиори; 12 — аббатство Дормицион, церковь Успения Богородицы; 13 — могила царя Давида; 14 — горница Тайной Вечери; 15 — церковь Св. Петра-ин-Галиканту; 16 — источник Богоматери; 17 — Бенедиктинский монастырь; 18 — могила Захарии; 19 — могила Авессалома; 20 — могилы Пророков; 21 — церковь «Патер Ностер»; 22 — Школа бенедиктинцев; 23 — церковь Марии Магдалины; 24 — церковь Вознесения;

25 — Гефсиманская церковь; 26 — Гробница Девы Марии; 21 — Купол Скалы; 28 — мечеть аль-Акса; 29 — конюшни Соломона; 30 — Стена плача; 31 — сиротский приют; 32 — храм Гроба Господня; 33 — Австрийский приют; 34 — церковь Флагеллантов; 35 — синагоги; 36 — каменоломни Соломона; 31 — приют Св. Павла; 38 — гордоновский Кальварий; 39 — церковь Св. Анны.

По библейским местам

notes

Примечания

Ситуация, описанная автором, сохранялась до 1967 г. Во время Шестидневной войны 1967 г. Израиль занял Синайский п-ов и сектор Газа у Египта, Иудею и Самарию (Западный берег р. Иордан) и Восточный Иерусалим — у Иордании и Голанские высоты — у Сирии. Во время Войны Судного дня (1973) границы на Синайском п-ове и на Голанских высотах изменились еще раз в пользу Израиля. В декабре 1981 г. Израиль объявил об аннексии Голанских высот. В соответствии с условиями мирного договора 1979 г. вывел свои войска с Синайского п-ова. Кроме того, была восстановлена государственная граница между Израилем и Египтом. В дальнейшем в 1994 г. была официально закреплена граница Израиля и Иордании, проходящая по р. Иордан. В декларации, которую подписали в 1993 г. Израиль и Организация освобождения Палестины (ООП), и на последующих переговорах большое внимание уделялось будущему правового статуса сектора Газа и города Ариха (Иерихон) в долине р. Иордан. В сентябре 1994 г. стороны достигли договоренности о расширении палестинского самоуправления в других городах Иудеи и Самарии и об отводе израильских войск. Вопросы о будущем и о статусе этих территорий остаются горячими и по сей день. — *Примеч. ред.*

Русским паломникам это место известно под названием Горняя, что представляет собой прямой перевод топонима. — *Примеч. перев.*

В 1930-х годах Абиссиния — государство, включавшее территорию современной Эфиопии, так что здесь и далее речь идет об эфиопской христианской церкви. — *Примеч. перев.*

Русским паломникам место Тайной Вечери известно как Сионская горница. — *Примеч. перев.*

Агуддат Исраэль — политическое движение, направленное на соби́рание евреев по всему миру и возрождение еврейской государственности. — *Примеч. перев.*

6

Дословно «крик петуха» или «рассвет», соответствующее время суток. — *Примеч. перев.*

Мидраши — раввинистические комментарии к Писанию, созданы в период между Исходом и 1200 г. н. э.; Мишна — первая часть Талмуда, в которой представлены традиционные устные интерпретации правил богослужения, составлена раввинами ок. 200 г. н. э. — *Примеч. перев.*

Имеется в виду гора Пилатус, под сенью которой расположен швейцарский город Люцерн. — *Примеч. ред.*

Энни Лоури — героиня одноименной песни на слова шотландского поэта Уильяма Дугласа (1672-1748) и его возлюбленная; позднее эта песня стала народной, а сама Энни Лоури «превратилась» в олицетворение девушки, ждущей солдата с войны. — *Примеч. ред.*

10

Заметим, что в настоящее время проведены восстановительные работы и полностью воссоздан римский амфитеатр, обращенный к морю. Можно также осмотреть древние городские стены, башни, ворота и ров. Проводятся изыскания на месте ипподрома. — *Примеч. ред.*

Другое название породы афганская борзая. —
Примеч. ред.

Имеется в виду Уильям Питт Старший, граф Четэм (1708-1778), премьер-министр Великобритании в 1766-1768 гг. — *Примеч. ред.*

Гедалла Ф. (1889-1944) — английский юрист и биограф, еврей по происхождению, автор биографии герцога Веллингтона и нескольких книг о Наполеоне, в том числе «Наполеон и Палестина» (1925). Буркхардт Иоганн Людвиг (1784-1818) — швейцарский историк и путешественник, первый европеец, побывавший в Петре. — *Примеч. ред.*

В августе 1914 года в битве при Монсе (Бельгия) многие британские солдаты Экспедиционного корпуса увидели «человека с мечом» (или даже целый взвод на конях и в доспехах), спустившегося из облаков. Появление «Монского ангела» настолько напугало наступавших немцев, что они прекратили наступление и бросились бежать. — *Примеч. ред.*

Машикули — навесные бойницы, предназначенные для стрельбы по противнику на близком расстоянии, практически у самых стен и даже на самих стенах, при попытке штурма. — *Примеч. перев.*

По преданию, король Уэссекса Альфред Великий однажды переоделся нищим и «пошел а народ»; он нанялся в прислуги к некоей бедной женщине и попытался приготовить еду, но пироги сгорели, и король в награду получил изрядную порцию тумачков. В Шотландии бытует легенда о короле Роберте Брюсе, который после шести поражений от англичан укрылся в одинокой хижине — и увидел паука, шесть раз подряд безуспешно пытавшегося перекинуть нить со стропила на стропило, но на седьмой раз преуспевшего. Брюс воспринял это как знак, вновь собрал войска — и в седьмой битве разгромил англичан. — *Примеч. ред*

Доути Чарльз Монтегю (1843–1926) — английский ученый и путешественник, считается одним из классиков английской ориенталистики. — *Примеч. ред.*

Ричард (Дик) Турпин (1705-1739) — знаменитый английский разбойник. — *Примеч. ред.*

Господи помилуй (*греч.*).

Поликрат — тиран острова Самос, союзник персов, вероломно захваченный в плен и казненный сатрапом Лидии. — *Примеч. ред.*

«Пираты Пензанса» — комедийное музыкальное шоу, пародирующее приключенческие истории о морских разбойниках; существовали театральные версии и кинофильм. — *Примеч. перев.*

Раковина считалась знаком пилигрима и обязательно крепилась к головному убору. — *Примеч. перев.*

Десять тысяч — греческие наемники, участники знаменитого пешего похода 401 года до н. э., вернувшиеся на родину из Персии. — *Примеч. ред.*

Поллион Требеллий (IV в.) — римский историк, жил в правление императора Диоклетиана, один из авторов т. н. «Жизнеописаний августов». — *Примеч. ред.*

Бельгравия — один из наиболее аристократичных и дорогих районов Лондона. — *Примеч. перев.*

26

Агаг — царь амаликитян, побежденный и взятый в плен Саулом, царем Израильским, и умерщвленный затем пророком Самуилом (1 Цар:15).

Коббет Уильям (1763–1835) — английский публицист и политический деятель, родившийся в Фарнхэме, автор многих книг и памфлетов, в том числе труда «История протестантской реформации в Англии». — *Примеч. ред.*

Книга из Келлса — ирландское рукописное евангелие (ок. 700 г.) с оригинальным кельтским орнаментом. — *Примеч. перев.*

Сенусситы — последователи исламского законоведа Сенусси Мохаммеда ибн Али, которого считали святым за благочестивую жизнь и глубокие познания в исламе и который призывал к искоренению неверных и образованию могущественного мусульманского государства. Колонии сенусситов были весьма обширны и влиятельны не только в Северной Африке, но и в Британской Индии. — *Примеч. перев.*

Имеется в виду эпизод о превращении человека в осла из истории Лукиана «Лукий, или Осел», широко известный по произведению другого классического автора — Апулея («Метаморфозы, или Золотой осел»). — *Примеч. ред.*

Харли-стрит — улица в Лондоне, на которой традиционно живут практикующие частные врачи, заслужившие высокую репутацию и потому пользующиеся спросом больных. — *Примеч. перев.*

Джон Миттон (1796-1834) — шропширский
земледелец, прославившийся сумасбродным
транжирством. — *Примеч. ред.*

Синайский кодекс — древнейшая полная славянская рукопись Библии. На самом деле история вывоза рукописи в Европу несколько сложнее. Тишендорф вывез несколько тетрадей, которые сейчас находятся в Лейпциге. Причем первые листы он нашел в корзине с листьями для растопки. Основная часть рукописи была добровольно передана русскому царю в качестве благодарности за неоднократные крупные пожертвования. Эта рукопись находилась в Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге вплоть до 1930-х гг., когда советское правительство продало ее в числе других культурных ценностей. Именно эта рукопись находится в Британском музее. Несколько листов находятся по-прежнему в Петербурге, они попали в библиотеку с другим собранием листов, привезенных с Синая П. Д. Успенским. — *Примеч. перев.*

Милоть — вид плаща или мантии, в данном случае означает передачу духовного наследия и власти. — *Примеч. перев*

Ваше блаженство — титул патриарха, в данном случае применяется к архиепископу Синайскому как главе автономной церковной общины. — *Примеч. перев.*

Роспись стен церкви крестами, судя по греческим надписям, относится к эпохе иконоборчества (VIII в.), когда последовательно заменялись образы Христа, Богородицы и святых на символические знаки и тексты; кресты были особенно типичными элементами декорации. — *Примеч. перев.*

Имеется в виду эпизод «Путешествия с осликом по Севеннам» Р. А. Стивенсона: встреча автора с монахом-траппистом, который оказался отличным собеседником, но при виде монастыря вскричал «Я должен молчать!» и более не откликнулся на обращения и не отвечал на вопросы. — *Примеч. ред.*

Вероятно, имеется в виду Аврелий Клемент Пруденций (348 — после 405) — придворный поэт императора Гонория, отказавшийся от мирского и посвятивший себя религиозной поэзии. Один из позднейших исследователей назвал Пруденция «Вергилием и Горацием христианства». — *Примеч. ред.*

39

Великолепно, правда? (фр.)

Благородная гвардия (полностью Корпус Благородной гвардии великого Понтифика) — одно из подразделений армии Ватикана, в котором служили отпрыски римских аристократических семей; в 1970 г. официально расформирована. — *Примеч. ред.*

На лондонской улице Кокспер-стрит находятся офисы крупных транспортных компаний, занимающихся морскими перевозками. — *Примеч. ред.*